С. М. ЛУКЬЯНОВЪ.

О Вл. С. Соловьевѣ въ его молодые годы.

МАТЕРІАЛЫ КЪ БІОГРАФІИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1916 г.

1в

С. М. ЛУКЬЯНОВЪ.

О Вл. С. Соловьевѣ въ его молодые годы.

МАТЕРІАЛЫ КЪ БІОГРАФІИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1916 г.

Прав. 1959
Кр.

I VOL

Извлечено изъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1915 и 1916 гг.

444
37

ОТЪ АВТОРА.

Двѣнадцать главъ, составляющія содержаніе этой книги, были отпечатаны первоначально въ мартовской, майской, іюльской, сентябрской и ноябрской книжкахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1915 г. и въ январской, мартовской, майской, іюльской и сентябрской книжкахъ того-же журнала за 1916 г.

Въ настоящемъ изданіи текстъ является лишь съ весьма незначительными измѣненіями противъ своего первоначальнаго вида. Дополненія и исправленія болѣе существенныя, поскольку они окажутся необходимыми, будутъ представлены по завершеніи всего труда. Тогда-же будутъ даны и обычные справочные указатели.

Ободряемый сочувствіемъ и содѣйствіемъ многихъ, я усердно продолжаю свою скромную работу и не теряю надежды, что черезъ не слишкомъ продолжительное время мнѣ удастся выпустить въ свѣтъ и послѣдующія книги этихъ матеріаловъ.

Очень хотѣлось бы, во всякомъ случаѣ, чтобы намѣченный планъ осуществился въ полной мѣрѣ,—не взирая на разныя помѣхи, зависящія отъ современныхъ обстоятельствъ...

С. Л.

Петроградъ,
27-го октября 1916 г.

Вступительныя замѣчанія.

Время для написанія полной и всесторонне разработанной біографіи Вл. С. Соловьева, по нашему мнѣнію, еще не наступило. Многія изъ лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ соприкосновеніе, доселѣ благополучно здравствуютъ; многія изъ завязавшихся при его участіи отношеній представляются и въ наши дни не вполнѣ разрѣшившимися; многіе изъ фактовъ нашей тогдашней общественности подлежатъ пока лишь весьма блѣдной и несовершенной обрисовкѣ. Но если написаніе такой біографіи и было бы нынѣ дѣломъ преждевременнымъ, то нельзя того-же сказать относительно собиранія біографическихъ матеріаловъ и хотя-бы предварительнаго сопоставленія ихъ въ нѣкоторой связной системѣ. Чѣмъ раньше принимаются за подобную работу, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ больше живыхъ свидѣтельствъ можетъ быть привлечено къ служенію главной цѣли каждой біографіи — возможно точному фактическому обоснованію подлинной картины даннаго жизненнаго поприща. Вотъ почему мы и полагаемъ, что предпринятый нами трудъ, при всѣхъ вольныхъ и невольныхъ пробѣлахъ его, будетъ все-таки признанъ трудомъ, имѣющимъ достаточное для себя оправданіе. [1])

Для начала мы остановимся на томъ періодѣ жизни Вл. С. Соловьева, который можно было бы назвать его молодыми годами: мы разумѣемъ здѣсь 1853—1881 гг.

Раннее младенчество Вл. С. Соловьева совпало съ тѣми годами, которые, по извѣстному выраженію, записаны „кровавыми буквами

[1]) Считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь-же, въ самомъ началѣ, мою усерднѣйшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, доставившимъ мнѣ изустно или письменно тѣ или другія біографическія свѣдѣнія или иныя полезныя справки. Болѣе существенныя части подобныхъ письменныхъ сообщеній приводятся въ кавычкахъ и съ прямымъ указаніемъ источника.—*С. Л.*

на скрижаляхъ русской исторіи". [2]) Примѣрно года за три до появленія на свѣтъ будущаго философа, митрополитъ Филаретъ писалъ одному близкому лицу: „Въ наше время мы много хвалимся, и не довольно каемся. А время совѣтуетъ меньше хвалиться, и больше молиться." [3]) Этотъ завѣтъ, не достигшій, конечно, до слуха новорожденнаго, оказался тѣмъ не менѣе внятнымъ и для него, какъ это обнаружилось впослѣдствіи. Съ болѣе благопріятной исторической порой совпали позднѣйшіе младенческіе годы Вл. С. Соловьева, когда назрѣвала „эпоха великихъ реформъ", сопровождавшаяся такимъ рѣзкимъ подъемомъ положительныхъ общественныхъ чаяній. Отроческое семилѣтіе Вл. С. Соловьева предварило тремя недѣлями кончину Я. И. Ростовцова, простившагося съ императоромъ Александромъ II-ымъ знаменитыми словами: „Государь, не бойтесь." [4]) Великое 19-ое февраля 1861 г. Вл. С. Соловьевъ встрѣтилъ уже 8-лѣтнимъ мальчикомъ, болѣе или менѣе сознательнымъ свидѣтелемъ тогдашнихъ ликованій. Но не долго продержалось радужное общественное настроеніе, которому суждено было столкнуться со многими противоборствующими теченіями. Отроческіе годы Вл. С. Соловьева, соотвѣтствующіе времени прохожденія имъ гимназическаго курса, закончились тогда, когда намѣчалась уже программа „активной русской революціонной дѣятельности, нашедшей себѣ широкое примѣненіе въ террористическихъ актахъ партіи «Народной воли»." [5]) Какъ разъ осенью 1869 г., когда Вл. С. Соловьевъ, на семнадцатомъ году жизни, зачислялся въ студенты Московскаго университета, Нечаевъ привезъ съ собою въ Москву планъ революціонной организаціи, по которому онъ и сталъ формировать свои извѣстныя „пятерки". [6]) Немного позднѣе Н. К. Михайловскій внушалъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*:—„Человѣкъ можетъ сказать: да, природа ко мнѣ безжалостна, она не знаетъ различія, въ смыслѣ права, между мною и воробьемъ; но я и самъ буду къ ней безжалостенъ и своимъ кровавымъ трудомъ покорю ее, заставлю ее служить мнѣ, вычеркну зло

---

[2]) Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды М. П. Погодина*; кн. XIII, С.-Петербургъ, 1899 г.; стр. 1.

[3]) *Ibidem*, стр. 9.

[4]) Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды М. П. Погодина*; кн. XVII, С.-Петербургъ, 1903 г.; стр. 163.

[5]) Б. Б. Глинскій, *Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 гг.)*; чч. 1 и 2, С.-Петербургъ, 1913 г.; ч. 1, стр. 414.

[6]) *L. c.* (прим. 5).

и создамъ добро. Я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли, и я ихъ достигну.“ [7]) Насколько разошлись различныя общественныя группы въ оцѣнкѣ этихъ цѣлей, и насколько уже дѣйствительно, а не метафорически „кровавымъ“ былъ „трудъ“ нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ, выяснилось вскорѣ-же. Подвигалась, однако, впередъ и работа внѣпартійныхъ зиждительныхъ силъ, ведущая къ осуществленію безусловнаго добра—въ извѣстной мѣрѣ при дѣятельномъ участіи и содѣйствіи самого Вл. С. Соловьева. Его первыя выступленія на общественномъ поприщѣ пріурочиваются ко второй половинѣ 70-ыхъ годовъ и сразу-же привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Этотъ начальный періодъ дѣятельности нашего философа завершается въ 1881 г., въ первые мѣсяцы новаго царствованія...

---

[7]) Н. К. Михайловскій, *Теорія Дарвина и общественная наука;* статья II: *Теорія Дарвина и телеологія; Отечественныя Записки*, 1870 г., мартъ, стр. 1—48 (отдѣлъ: *Современное обозрѣніе*); см. стр. 20. — *Сочиненія* Н. К. Михайловскаго; изд. ред. журн. *Русское Богатство;* т. I, С.-Петербургъ, 1896 г.; стр. 149 — 331; см. стр. 215. — Ср. Иванова-Разумника, *Исторія русской общественной мысли*; изд. 2, тт. I и II, С.-Петербургъ, 1908 г.; т. II, гл. III, стр. 135—205.

I.—Семья. Родня.

Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, котораго ради краткости мы будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи называть зачастую просто Соловьевымъ, родился въ Москвѣ, въ самомъ началѣ 1853 г., а именно 16-го января, въ пятницу.

Сергѣю Михайловичу Соловьеву, отцу новорожденнаго Владиміра, было въ пору рожденія его второго сына около 32½ лѣтъ. Онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, въ разгарѣ своей ученой и преподавательской дѣятельности. Утвержденный 6-го іюля 1850 г. ординарнымъ профессоромъ, 30-лѣтній историкъ предпринялъ „трудъ написать полную отечественную исторію съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго". „Въ августѣ 1851 г. вышелъ первый томъ этой *Исторіи* и потомъ въ продолженіе 27 лѣтъ каждый слѣдующій томъ съ неизмѣнной точностью являлся черезъ годъ послѣ предшествующаго." [8]) Что̀ это была вообще за умственная величина, можно судить, между прочимъ, по тому, что въ три года со времени возвращенія изъ-за границы, гдѣ онъ пробылъ два года, С. М. Соловьевъ, въ возрастѣ 24—27 лѣтъ, продѣлалъ два экзамена—магистерскій и докторскій—и написалъ двѣ диссертаціи, потребовавшія, по тогдашнимъ правиламъ, четыре диспута; кромѣ того, онъ тогда-же читалъ лекціи и напечаталъ нѣсколько сравнительно мелкихъ статей. Справедливо замѣчаетъ В. О. Ключевскій: „русскіе ученые рѣдко поднимались по лѣстницѣ ученыхъ степеней такъ быстро и съ такимъ успѣхомъ." [9]) Къ числу немногихъ, могущихъ соперничать въ этомъ отношеніи съ С. М. Соловьевымъ, принадлежитъ, впрочемъ, и его сынъ Владиміръ, удостоенный степени магистра философіи въ возрастѣ 21 года, а степени доктора—въ возрастѣ 27 лѣтъ.

---

[8]) В. О. Ключевскій, *Очерки и рѣчи;* Москва, 1913 г.; статья: *Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ*; стр. 15.

[9]) *Ibidem*, стр. 4.

Жена С. М. Соловьева, Поликсена (Поликсенія) Владиміровна, пережила своего мужа, скончавшагося около 59½ лѣтъ отъ роду, почти на 30 лѣтъ и была, значитъ, въ 1853 г. еще совсѣмъ молодою женщиной. Можно сказать, что, съ физіологической точки зрѣнія, условія для потомства были вполнѣ благопріятныя—какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Владиміръ былъ четвертымъ ребенкомъ въ семействѣ, всѣхъ же дѣтей было двѣнадцать.

Дѣдъ Владиміра Соловьева по мужской линіи былъ протоіерей Михаилъ Васильевичъ, состоявшій законоучителемъ въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ. О немъ сохранилась память, какъ о пламенно-вѣрующемъ служителѣ алтаря. [10]) Никакого фанатизма онъ, однако, не обнаруживалъ. Это былъ человѣкъ хорошо образованный, удивительно добрый и снисходительный. Онъ никогда никого не осуждалъ, а когда слышалъ, что другіе осуждаютъ, то лишь скорбно приговаривалъ: „грѣхи, грѣхи!“ Дѣти С. М. Соловьева чрезвычайно любили дѣдушку и очень его уважали, считая его почти святымъ. Самъ С. М. Соловьевъ, уже будучи мужемъ и отцомъ, не отстранялся отъ родительской семьи ни внутреннимъ, ни внѣшнимъ образомъ (такъ, напр., по воскреснымъ днямъ онъ обыкновенно обѣдалъ у старика-отца [11])). Скончался М. В. Соловьевъ 30-го октября 1861 г.,

---

[10]) В. Л. Величко, *Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и творенія*; изд. 2, С.-Петербургъ, 1903 г.; стр. 21. — Въ сборникѣ, изданномъ по случаю столѣтняго юбилея Московскаго коммерческаго училища, въ главѣ: *Церковь*, содержатся нижеслѣдующія свѣдѣнія о М. В. Соловьевѣ: „Штатное мѣсто настоятеля храма возникло вмѣстѣ съ построеніемъ его.—Преосв. Августинъ немедленно избралъ къ училищной церкви священника Іоанна Стефанова Орлова, и 17-го января 1816 г. онъ уже приступилъ къ обученію воспитанниковъ закону Божію.—О. Орловъ пробылъ настоятелемъ училищнаго храма очень недолго, и въ слѣдующемъ-же 1817 г. перешелъ къ другому мѣсту.—Его смѣнилъ отецъ знаменитаго историка Россіи, сначала священникъ, а потомъ протоіерей, Михаилъ Васильевичъ Соловьевъ, «назиданіемъ и собственной примѣрною жизнію очевидно содѣйствовавшій училищному начальству къ утвержденію юношества въ христіанской нравственности», удостоившійся «многократныхъ лестныхъ отзывовъ» митрополита Филарета и не разъ польщенный всемилостивѣйшимъ августѣйшимъ вниманіемъ. Прослужилъ онъ настоятелемъ и законоучителемъ 43 года, и передъ началомъ 1860—61 учебнаго года, «чувствуя недостатокъ силъ для законоучительства», просилъ о переводѣ его на священническое мѣсто къ Покровской церкви, что въ Левшинѣ, на каковомъ и скончался...“ *Московское коммерческое училище. Сто лѣтъ жизни. 1804—1904;* стр. 226. Изъ того-же изданія усматривается, что „по Плану 1804 г.“ М. В. Соловьевъ именовался сначала „катехизаторомъ“. *L. c.*, приложеніе о „служившихъ Московскому коммерческому училищу“, стр. 6; см., далѣе, стр. 9.

[11]) С. М. Соловьевъ, *Мои записки для дѣтей моихъ, а если можно, и для*

когда его внуку Владиміру было около 8½ лѣтъ. Одно изъ наиболѣе значительныхъ своихъ произведеній: *Оправданіе добра* (*нравственная философія*) Вл. С. Соловьевъ посвятилъ, какъ извѣстно, своему „отцу-историку“ и „дѣду-священнику“ — „съ чувствомъ живой признательности и вѣчной связи“. [12]) Э. Л. Радловъ замѣчаетъ, что Соловьевъ любилъ указывать на происхожденіе его семьи изъ духовнаго сословія. [13]) Впрочемъ, по словамъ В. Л. Величко, „восходящіе по мужской линіи въ пятомъ или шестомъ поколѣніи были крестьяне, дѣти народа.“ [14]) Самъ С. М. Соловьевъ называетъ себя „чистымъ славяниномъ“, не углубляясь въ свою генеалогію. [15]) Въ формулярномъ спискѣ о его службѣ значится глухо, что онъ происходитъ „изъ дворянъ“. [16]) Въ одномъ изъ своихъ юношескихъ писемъ (на имя Е. В. Романовой, впослѣдствіи Селевиной) упоминаетъ о своемъ дворянствѣ и Владиміръ Соловьевъ, хотя въ формѣ полушутливой. [17])

Бабка Владиміра Соловьева по мужской линіи, Елена Ивановна, пережила своего мужа, протоіерея М. В. Соловьева, на нѣсколько лѣтъ. Отецъ ея, по фамиліи Шатровъ, былъ чиновникъ; умеръ онъ еще при императорѣ Павлѣ I-омъ, простудившись при встрѣчѣ государя на морозѣ въ одномъ мундирѣ. Это была очень остроумная женщина, обладавшая большимъ житейскимъ умомъ, способная вліять и на мужа. Особенной религіозностью она не отличалась, но, конечно, была хорошей православной, какъ и подобаетъ женѣ протоіерея. Послѣдніе годы своей жизни, будучи вдовою, она провела въ семьѣ своего сына С. М. Соловьева. Дѣти сего послѣдняго относи-

---

другихъ; Вѣстникъ Европы, 1907 г., мартъ, стр. 68, апрѣль, стр. 437, май, стр. 5, іюнь, стр. 441; см. іюнь, стр. 465.

[12]) *Собраніе сочиненій* Владиміра Сергѣевича Соловьева; изд. 1, С.-Петербургъ, т. VII. — При послѣдующихъ ссылкахъ на это изданіе мы обозначаемъ его сокращенно такъ: *Соч.* Римская цифра указываетъ томъ, арабская—страницу.

[13]) Э. Л. Радловъ, *Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе*; С.-Петербургъ, 1913 г.; стр. 8.

[14]) В. Л. Величко (прим. 10), *l. c.*

[15]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), апрѣль, стр. 463.

[16]) Подлинный формулярный списокъ о службѣ С. М. Соловьева былъ намъ доставленъ В. Т. Шевяковымъ.

[17]) *Письма* Владиміра Сергѣевича Соловьева, подъ редакціей Э. Л. Радлова; т. III, С.-Петербургъ, 1911 г.; стр. 105. — При послѣдующихъ ссылкахъ на этотъ томъ *Писемъ* мы обозначаемъ его сокращенно такъ: *П.*, III. Арабская цифра указываетъ страницу.—Ср. С. М. Лукьянова, *Юношескій романъ Вл. С. Соловьева въ двойномъ освѣщеніи*; *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1914 г., сентябрь, стр. 71; см. стр. 101.

лись къ ней очень сердечно, и она, въ свою очередь, платила имъ взаимностью; значительнаго вліянія на нихъ она, впрочемъ, не имѣла. Скончалась Е. И. Соловьева въ 1867 г., когда ея внукъ Владиміръ учился уже въ гимназіи.

С. М. Соловьевъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей; [18]) но у нихъ были еще двѣ дочери [19]) — Елизавета и Агнія. Первая скончалась въ ранней молодости, а у второй произошли какія-то недоразумѣнія съ братомъ. Вслѣдствіе этого ни та, ни другая тетка никакой роли въ жизни дѣтей С. М. Соловьева не играли.

„Во время моего отрочества," разсказываетъ С. М. Соловьевъ въ своихъ запискахъ, „въ нѣкоторыхъ священническихъ семействахъ начало возникать недовольство своимъ положеніемъ, стремленіе выйти изъ него, пообчиститься, поотряхнуться. Къ числу такихъ семействъ принадлежало и наше. Въ немъ начало прогресса представлялось преимущественно матерью [т. е. вышеупомянутой Еленой Ивановной]. [20]) Родня отца моего, священники, дьяконы, дьячки оставались въ селахъ; родные моей матери были, большею частію, свѣтскіе,—отсюда и бо́льшая часть знакомства состояла изъ свѣтскихъ-же людей; было и нѣсколько духовныхъ, которыхъ мать очень не любила, и которые своими привычками и поведеніемъ рознились отъ свѣтскихъ знакомыхъ не къ своей выгодѣ. Эта противоположность, которую, разумѣется, мать старалась выставлять при каждомъ удобномъ случаѣ, произвела на меня сильное впечатлѣніе, внушила мнѣ отвращеніе отъ духовнаго званія, желаніе какъ можно скорѣе выйти изъ него, поступить въ свѣтское училище. Сестеръ моихъ [онѣ обѣ были старше брата [21])] отдали въ пансіонъ, что́ было тогда очень рѣдкимъ явленіемъ между духовными,—страннѣе было бы меня отдать въ семинарію, особенно когда въ устахъ моей матери семинарія была синонимомъ всякой гадости. Отецъ колебался, медлилъ; но скоро медлить стало нельзя..... [22]) и, наконецъ, рѣшился выписать меня изъ духовнаго званія и опредѣлить въ гимназію." [23])

---

[18]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), май, стр. 24.

[19]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 69.

[20]) Въ прямыя скобки, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, заключаются наши поясните́льныя слова въ чужихъ текстахъ.

[21]) См. прим. 19-ое.

[22]) Многоточіемъ изъ пяти точекъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, отмѣчаются пропуски въ цитируемыхъ нами текстахъ.

[23]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 82, 83.

По матери Владиміръ Соловьевъ происходилъ „изъ старинной и своеобразно-даровитой малорусской семьи; одну вѣтвь этой семьи постигла загадочно-трагическая судьба (въ Полтавской и Харьковской губ.), а къ другой принадлежалъ извѣстный украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода.“ [24]) Дѣдъ Владиміра Соловьева по женской линіи былъ Владиміръ Павловичъ Романовъ, родившійся 12-го іюля 1796 г. и скончавшійся 11-го октября 1864 г., въ возрастѣ около 68 лѣтъ. Будучи по образованію морякомъ, онъ много плавалъ, а въ началѣ 20-ыхъ годовъ участвовалъ даже въ кругосвѣтномъ плаваніи на компанейскомъ кораблѣ *Кутузовъ*, подъ командою капитанъ-лейтенанта Дохтурова. Въ январѣ 1826 г. онъ былъ уволенъ отъ службы чиномъ капитанъ-лейтенанта, но уже въ сентябрѣ того-же года вновь принятъ на службу прежнимъ чиномъ и опредѣленъ въ черноморскій флотъ. Повидимому, эта кратковременная отставка находилась въ связи съ дѣломъ декабристовъ. О самомъ заговорѣ В. П. Романовъ, впрочемъ, ничего не зналъ и былъ только друженъ съ нѣкоторыми изъ заговорщиковъ. Пришлось отсиживаться въ Петропавловской крѣпости, что̀ дурно отразилось на здоровьѣ заключеннаго. Въ 1828 г. В. П. Романовъ плавалъ съ флотомъ у Анапы и Варны, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и былъ раненъ пулею въ голову. Въ 1829 г. онъ овладѣлъ укрѣпленіемъ Чинганесъ-кале. Въ началѣ 1834 г. В. П. Романовъ былъ уволенъ, за раною, въ безсрочный отпускъ, въ которомъ и находился около 8 лѣтъ. Въ мартѣ 1842 г. онъ былъ назначенъ въ 30-ый флотскій экипажъ, а въ іюлѣ того-же года уволенъ отъ службы чиномъ капитана 2-го ранга. На этотъ разъ онъ пробылъ въ отставкѣ довольно долго, около 12 лѣтъ. Лишь 14-го апрѣля 1854 г. онъ былъ принятъ снова на службу, и притомъ въ морское ополченіе. Вскорѣ-же онъ опять отличился въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и дважды удостоился получить высочайшее благоволеніе. Въ 1855 г. В. П. Романовъ былъ переведенъ, по прошенію, въ Севастополь. Здѣсь, при отступленіи нашихъ войскъ съ

---

[24]) В. Л. Величко (прим. 10), *l. c.*—Фамилія: „Романовы“ встрѣчается не разъ въ трудѣ Л. В. Илляшевича: *Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго дворянства;* Харьковъ, 1885 г.—Подробности, приводимыя ниже, относительно служебной дѣятельности В. П. Романова заимствованы изъ оффиціальныхъ источниковъ. См. *Общій Морской Списокъ*; ч. VIII (царствованіе Александра I-го), С.-Петербургъ, 1894 г.; стр. 140—142; ч. XI (царствованіе Николая I-го), С.-Петербургъ, 1900 г.; стр. 385, 386.

южной стороны на сѣверную, когда мостъ черезъ бухту былъ уже разведенъ и непріятель сталъ занимать Севастополь, В. П. Романовъ перевезъ на баркасѣ болѣе ста человѣкъ отсталыхъ на сѣверную сторону, подъ выстрѣлами непріятеля, причемъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ ногу. Награжденный по этому случаю императорскою короною къ ордену св. Станислава 2-ой степени, онъ былъ затѣмъ, въ августѣ 1856 г., произведенъ, за отличіе, въ капитаны 1-го ранга. Въ началѣ 1860 г. онъ былъ зачисленъ по резервному флоту. Примѣрно черезъ полтора года послѣ того, 30-го августа 1861 г., В. П. Романовъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы, съ увольненіемъ отъ службы. Ему случалось совершать подвиги мужества и въ мирное время. Въ 1818 и 1819 гг. онъ плавалъ на фрегатѣ *Проворный* изъ Кронштадта въ Кадиксъ и обратно. Тутъ, за спасеніе отъ потопленія на кадикскомъ рейдѣ шести испанцевъ и на копенгагенскомъ рейдѣ пяти датчанъ, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-ой степени. Помимо собственно военной службы, занимался В. П. Романовъ и научно-литературными трудами. Такъ, еще въ 1827 г. онъ описалъ заливы Сухумскій и Редутъ-кале, а въ 1857 г., по порученію Русскаго общества пароходства и торговли, произвелъ опись р. Днѣстра и составилъ карту. Въ 1861 г. ему была выражена благодарность отъ высшаго начальства за сообщеніе матеріаловъ для исторіи флота. Замѣтимъ также, что онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ морского ученаго комитета. По выходѣ въ отставку, В. П. Романовъ посвятилъ себя интересамъ коммерческаго флота и мѣстнымъ общественнымъ дѣламъ на югѣ Россіи.

Бабка Владиміра Соловьева по женской линіи—Екатерина Ѳедоровна, рожденная Бржеская. Она происходила „изъ хорошей польской фамиліи“. [25]) В. Л. Величко, дающій это указаніе, пишетъ: „Бжеская“, а не „Бржеская“; но, повидимому, это есть лишь дань требованіямъ фонетики. Бржескіе — малорусскіе или западно-русскіе помѣщики; у нихъ были владѣнія въ Харьковской губерніи и въ Херсонской, да, кажется, и еще гдѣ-то. Екатерина Ѳедоровна была православная; вообще, каково бы ни было происхожденіе рода Бржескихъ въ болѣе отдаленномъ прошломъ,—семья Е. Ѳ. Бржеской не считала себя семьей чисто-польской. [26]) У А. А. Фета, съ которымъ впо-

[25]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 22.

[26]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о Бржескихъ содержатся въ *Архивѣ Юго-Западной Россіи*, издаваемомъ Временною Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденной при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губерна-

слѣдствіи Вл. С. Соловьевъ былъ такъ близокъ, имѣется нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ Бржесскимъ, въ особенности А. Л. Бржесской; [27]) съ самой Е. Ѳ. Романовой онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, навѣщалъ ее и въ Москвѣ, и въ ея имѣніи Ѳедоровкѣ. Въ семействѣ Соловьевыхъ сохранялось преданіе, что когда дѣдушку заарестовали гдѣ-то въ провинціи по прикосновенности къ дѣлу декабристовъ, бабушка вмѣстѣ съ сестрой мужа помчалась въ Петербургъ, чтобы хлопотать за арестованнаго. По отзывамъ лично помнящихъ ее, это была особа энергичная, предпріимчивая, не безъ фамильнаго „гонора“, но и любящая. Послѣ смерти мужа она оставалась нѣкоторое время въ Москвѣ, а потомъ переселилась въ Петербургъ. У нея проживала довольно долго внучка Екатерина, „кузина Катя“ дѣтей С. М. Соловьева, предметъ юношеской любви Вл. С. Соловьева. [28]) Скончалась Е. Ѳ. Романова въ началѣ 70-ыхъ годовъ (около 1873 г.), пережившн мужа на нѣсколько лѣтъ.

У П. В. Соловьевой были братья Владиміръ, Вадимъ и Павелъ, сыновья В. П. и Е. Ѳ. Романовыхъ. Изъ нихъ всего ближе къ семьѣ Соловьевыхъ стоялъ Владиміръ. Для дѣтей это былъ любимый дядя, милый человѣкъ. Вадимъ поссорился съ Всеволодомъ Соловьевымъ, старшимъ сыномъ С. М. Соловьева. Мать, Поликсена Владиміровна, приняла сторону сына противъ брата, и Вадимъ исчезъ съ дружескаго семейнаго горизонта. Дядя Павелъ особаго значенія для молодого поколѣнія Соловьевыхъ не имѣлъ.

Дочь любимаго дяди — Екатерина Владиміровна Романова, впослѣдствіи (по мужу М. И. Селевину) Селевина. Это, какъ уже было упомянуто, героиня юношескаго романа Вл. С. Соловьева, въ молодости удивительная красавица, похожая на свою тетку Поликсену Владиміровну, мать философа. Она здравствуетъ доселѣ. — Другая

торѣ. См., между прочимъ, ч. I, т. 4; ч. III, т. 2; ч. V, т. 1; ч. VI, т. 1, приложеніе.—Соображенія В. Л. Величко (см. прим. 25) о томъ, что польскимъ происхожденіемъ родной бабки Вл. С. Соловьева *„органически* объясняются извѣстныя симпатіи нашего философа къ полякамъ и католичеству“, по меньшей мѣрѣ, сомнительны.—Приходилось встрѣчаться съ подобными-же домыслами и по поводу „симпатій“ Вл. С. Соловьева къ евреямъ. Но ужъ тутъ, по свидѣтельству ближайшихъ его родичей, какихъ-либо основаній для „органическаго“ объясненія и вовсе не оказывается.

[27]) А. А. Фетъ, *Полное собраніе стихотвореній*; изд. т-ва А. Ф. Марксъ, С.-Петербургъ, 1912 г.; т. I, стр. 115, 132, 133, 425, 444; т. II, стр. 133, 178.—Фамилія: „Бржескіе“ пишется здѣсь черезъ два „с“ („Бржесскіе“).

[28]) С. М. Лукьяновъ (прим. 17).

дочь любимаго дяди — Поликсена Владиміровна Романова — умерла въ молодые годы отъ чахотки, будучи невѣстой. Въ письмахъ Вл. С. Соловьева она встрѣчается подъ именемъ „второй Поликсены Владиміровны“ [29])—въ отличіе отъ матери его, тоже Поликсены (Поликсеніи) Владиміровны. — Были и еще три кузины — дочери П. В. Романова.

Къ роднѣ Вл. С. Соловьева принадлежалъ, далѣе, Анатолій Николаевичъ Давыдовъ, его троюродный дядя, проживавшій обыкновенно за-границей. Ссылка на него имѣется точно также въ перепискѣ Соловьева. [30]) Въ жизни семьи Соловьевыхъ онъ выдающагося значенія не имѣлъ. Впрочемъ, къ нему, какъ и къ нѣкоторымъ другимъ родичамъ Вл. С. Соловьева, мы еще возвратимся впослѣдствіи.

С. М. Соловьевъ разсказываетъ: „До гимназіи и во время гимназическаго курса я ѣздилъ съ отцомъ и матерью три раза въ Ярославль для свиданія съ дядею своей матери, который былъ тамъ архіереемъ (Авраамъ архіепископъ, знаменитый своею страстью къ строснію церквей).“ [31]) Дѣти С. М. Соловьева знали про этого родственника лишь по наслышкѣ, хотя самъ Сергѣй Михайловичъ и былъ лично близокъ къ нему.

Изъ отдаленныхъ сородичей философа всего больше выдвигается, конечно, Г. С. Сковорода, имя котораго было уже названо выше. На нѣкоторую духовную связь между Г. С. Сковородой и Вл. С. Соловьевымъ обратилъ недавно вниманіе В. Ф. Эрнъ. [32]) Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ сужденій этого изслѣдователя: „Сковорода— это та природная національная стихія, свойствами которой обусло-

---

[29]) *Письма* Владиміра Сергѣевича Соловьева, подъ редакціей Э. Л. Радлова; т. II, С.-Петербургъ, 1909 г.; стр. 11.—При послѣдующихъ ссылкахъ на этотъ томъ *Писемъ* мы обозначаемъ его сокращенно такъ: *П.*, II. Арабская цифра указываетъ страницу.

[30]) *П.*, II, 9.

[31]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), апрѣль, стр. 457.—Архіепископъ ярославскій Авраамъ (Шумилинъ) уволенъ на покой въ концѣ 1834 г. и скончался 18-го апрѣля 1844 г. См. Юрія Толстого, *Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ іерархіи всероссійской со времени учрежденія Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода (1721—1871 гг.)*; С.-Петербургъ, 1872 г.; стр. 30.

[32]) В. Ф. Эрнъ, *Григорій Саввичъ Сковорода. Жизнь и ученіе*; Москва, 1912 г.— Изъ новѣйшихъ трудовъ, посвященныхъ Г. С. Сковородѣ, отмѣтимъ здѣсь-же Д. И. Багалѣя, *Изданія сочиненій Г. С. Сковороды и стоящія въ связи съ ними изслѣдованія о немъ*; *Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ*, Петроградъ, 1914 г.; т. XIX, кн. 3, стр. 1—58.

влено произрастаніе божественныхъ сѣмянъ Логоса, оплодотворяющаго нашу народную душу..... Основная черта глубокаго духовнаго сродства между Сковородой и послѣдующей русской мыслью есть *странничество*..... Сковорода первый снимается съ насиженныхъ мѣстъ ново-европейской исторіи, первый устремляется въ будущее, первый исходитъ изъ Египта матеріальной механической цивилизаціи и отдается поискамъ Новаго, Вѣчнаго, Непреходящаго..... Сковорода первый въ новой философіи заговариваетъ о «цѣломъ человѣкѣ», о томъ цѣлостномъ духѣ, въ которомъ отдѣльныя эмпирическія стороны душевной жизни (чувства, воля, разумъ) ставятся въ гармоническую связь съ ноуменальнымъ единствомъ и съ метафизическими свойствами человѣческой личности..... Съ принципомъ *цѣлостности*, выставленнымъ Сковородой, связана въ русской мысли глубокая черта пренебрежительнаго отношенія къ кабинетному, отвлеченному знанію и постоянный протестъ противъ идола научности. Въ этомъ одинаково сходятся славянофильство, Соловьевъ и Толстой.“ [33]) Поучительно, далѣе, что „Сковорода въ высшихъ моментахъ своего философскаго созерцанія заговаривалъ о женственной сущности міра, о таинственномъ отношеніи его къ Дѣвѣ, превосходящей разумъ премудрыхъ. Это прозрѣніе есть глубочайшая основа новой чисто-русской *метафизики*..... Соловьева можно назвать *философомъ вѣчной женственности*, до такой степени мистическое содержаніе *Трехъ свиданій* лежитъ въ основѣ *всего* философскаго [его] дѣла и есть скрытый фундаментъ не только его эротики, эстетики и поэзіи, но и *гносеологіи*, *метафизики* и катастрофическихъ *Трехъ разговоровъ*.—О кровной связи всего многочастнаго цѣлаго русской мысли со Сковородой свидѣтельствуетъ и тотъ замѣчательный фактъ, что не только высшіе моменты мысли Сковороды имѣютъ свое продолженіе въ дальнѣйшей исторіи, но и низшіе. Его гностицизмъ возрождается у Соловьева; его близорукость въ пониманіи сущности зла расцвѣтаетъ теократическимъ искушеніемъ, которое съ такою властью чаровало мысль Соловьева до конца 90-ыхъ годовъ. Безсознательное отталкиваніе Сковороды отъ Церкви, стоящее въ противорѣчіи съ высшимъ разумомъ его-же собственнаго міровоззрѣнія, повторяется въ невысказанной трагедіи жизни Толстого. Этотъ великій геній внутренно надламывается отъ того-же самаго, что удерживало Сковороду отъ высшаго высвѣтленія и не давало ему окончательно вспыхнуть и за-

[33]) *L. c.* (прим. 32), стр. 332, 334, 335, 338, 339, 340.

горѣться вселенскимъ свѣтомъ.“ [34])—Не нуждаются-ли всѣ эти сужденія въ тѣхъ или другихъ ограничительныхъ оговоркахъ и поправкахъ, распространяться въ настоящей главѣ было бы, конечно, некстати.

Какъ произошло сближеніе семьи протоіерея М. В. Соловьева съ семьей моряка В. П. Романова, выяснить пока не удалось. Извѣстно только, что Соловьевы и Романовы познакомились у общихъ знакомыхъ, и что это были двѣ очень дружныя семьи. Романовы жили по большей части на югѣ, вслѣдствіе того, что служебная дѣятельность В. П. Романова была связана преимущественно съ Чернымъ моремъ, Одессой и Херсонской губерніей, но они наѣзжали отъ времени до времени въ Москву и Петербургъ—главнымъ образомъ, ради дѣтей, учившихся въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Про свою женитьбу и послѣдующую брачную жизнь С. М. Соловьевъ говоритъ въ своихъ запискахъ очень мало. Однако, какъ ни скудны его указанія, ихъ все-таки стоитъ привести здѣсь, такъ-какъ въ словахъ автора записокъ отражается не только его личное настроеніе, но и характеръ времени. Излагая обстоятельства, относящіяся къ 1847—1848 учебному году, С. М. Соловьевъ разсказываетъ: „Въ октябрѣ я былъ обрадованъ утвержденіемъ меня экстраординарнымъ профессоромъ, но эта радость была непродолжительна. 24-го ноября [1847 г.], въ Екатерининъ день, я провелъ вечеръ въ домѣ будущей моей жены, мать которой [Екатерина Ѳедоровна] была именинница: это было въ понедѣльникъ,—на другой день, во вторникъ, послѣ лекцій подошелъ ко мнѣ молодой графъ Строгановъ, студентъ (Григорій), и сказалъ мнѣ, что отецъ его [попечитель Московскаго учебнаго округа гр. С. Г. Строгановъ] проситъ меня зайти къ нему. Старикъ-графъ встрѣтилъ меня словами: «Вы укоренились въ университетѣ, больше не нуждаетесь въ моей помощи; я вышелъ въ отставку.» Ударъ былъ такъ неожиданъ, что отнялъ у меня способность почувствовать всю его силу.“ Затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, „Строгановъ [вновь] обратился ко мнѣ и сказалъ: «Оффиціальныя отношенія теперь между нами кончились, должны начаться болѣе тѣсныя отношенія.» Сердце у меня начинало разрываться...“ [35]) Послѣ гр. С. Г. Строганова попечителемъ учебнаго округа былъ назначенъ Д. П. Голохвастовъ. „Назначеніе Голохва-

[34]) *L. c.* (прим. 32), стр. 341, 342.—О *Трехъ свиданіяхъ* рѣчь будетъ дальше.—*Три разговора* см. въ *Соч.*, VIII, 453.

[35]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), май, стр. 37, 38.

стова“, говоритъ С. М. Соловьевъ, „меня успокоивало, ибо я зналъ, что Голохвастовъ имѣетъ ко мнѣ слабость за мои сочиненія; къ тому-же Строгановъ сохранилъ надъ нимъ сильное вліяніе. Съ другой стороны, въ концѣ 1847 и началѣ 1848 г. я имѣлъ сильное развлеченіе: 11-го февраля 1848 г. я женился. Но и медовый мѣсяцъ былъ потревоженъ: не помню, котораго числа послѣ обѣда, тесть мой, въ домѣ котораго я жилъ послѣ свадьбы, принесъ журналъ съ извѣстіями о февральской революціи; прочитавши извѣстія, я сказалъ: «Намъ, русскимъ ученымъ, достанется за эту революцію!»—Сердце мое сжалось чернымъ предчувствіемъ.—Пророчество мое слишкомъ оправдалось.“ [36]) И дѣйствительно, вскорѣ-же на С. М. Соловьева посыпались разныя служебныя бѣды. Такъ, у него, по происканъ новаго университетскаго ректора Д. М. Перевощикова, взято было назадъ данное ему позволеніе читать публичныя лекціи. „Это было мнѣ крайне тяжело въ томъ отношеніи, что я крайне тогда нуждался, женившись и обзаводясь хозяйствомъ въ тяжелый голодный годъ, когда все было очень дорого.“ [37]) Тотъ-же Д. М. Перевощиковъ „уговорилъ Уварова [въ январѣ 1848 г.] взять назадъ утвержденіе мое ординарнымъ профессоромъ, придирался къ моимъ лекціямъ;“ вообще онъ всячески старался выжить неугоднаго сотоварища изъ университета. [38]) Литературная дѣятельность ученаго историка была тоже очень затруднена, вслѣдствіе непомѣрной требовательности тогдашней цензуры. Между-тѣмъ,—повѣствуетъ С. М. Соловьевъ дальше,—„каждый годъ у меня пошли дѣти: профессорскаго жалованья было мало.“ [39]) Писать постороннія статьи приходилось даже „изъ-за куска хлѣба.“ [40]) Нѣсколько улучшилась судьба „опальныхъ профессоровъ“ при попечителѣ В. И. Назимовѣ. Молодому семьянину тутъ помогъ еще счастливый случай: В. И. Назимовъ хорошо сошелся съ И. А. Шпейеромъ, инспекторомъ студентовъ изъ моряковъ, который къ С. М. Соловьеву былъ особенно расположенъ по знакомству съ его тестемъ, тоже морякомъ, В. П. Романовымъ. [41]) Тѣмъ не менѣе, „бывало, съ трепетомъ ждешь нумера журнала, гдѣ помѣщена моя статья: сколько то выпущено цензурою? И всегда найдешь выпуски

---

[36]) *L. c.* (прим. 35), стр. 39.
[37]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), іюнь, стр. 442.
[38]) *L. c.* (прим. 37).
[39]) *L. c.* (прим. 37), стр. 450.
[40]) *L. c.* (прим. 37), стр. 451.
[41]) *L. c.* (прим. 37), стр. 452.

и недоумѣваешь, что̀ могло бы заставить выпустить то или другое мѣсто.... Но какъ догадаться о побужденіяхъ невѣжды..... А у несчастнаго автора разстраивается здоровье отъ этого, ибо, кромѣ разбойничьяго похищенія умственной собственности, искаженія литературнаго произведенія, отнималось и матеріальное имущество, отнимался кусокъ хлѣба у семейства.“ [42]) Очевидно, „сильное развлеченіе“, какъ называетъ С. М. Соловьевъ свою женитьбу, оплачивалось,—по крайней мѣрѣ, въ первые годы брачной жизни,—дорогою цѣною.

Помимо только-что приведенныхъ выписокъ, о душевномъ настроеніи и общественно-политическихъ взглядахъ С. М. Соловьева въ эпоху Крымской войны, наканунѣ которой увидѣлъ свѣтъ нашъ будущій философъ, позволяютъ судить и нижеслѣдующія очень рѣзкія строки: „Надвигалась“, пишетъ С. М. Соловьевъ въ своихъ запискахъ, „страшная туча..... туча восточной войны. Приходилось расплатиться за тридцатилѣтнюю ложь, тридцатилѣтнее давленіе всего живого, духовнаго, подавленіе народныхъ силъ, превращеніе русскихъ людей въ палки, за полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастью, такъ мало приготовила наша исторія,—именно самостоятельности и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ, самый геніальный и благонамѣренный, остается безполезнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ: «тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной, военной силы; но, по крайней мѣрѣ, мы сильны, Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся.» И это утѣшеніе было отнято въ доказательство, что духъ есть иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство, что сила и матерія—не одно и то-же.“ [43])

Присматриваясь къ духовному облику С. М. Соловьева, не трудно придти къ тому заключенію, что это былъ крѣпкій русскій человѣкъ, съ большимъ трезвымъ умомъ, съ запасомъ недюжинной энергіи, исполненный чувства долга, богатый сознаніемъ личнаго достоинства, гордый и властный, умѣющій сдерживать свои порывы, но внушительный въ гнѣвѣ, памятливый въ отношеніи добра и зла, но не мстительный и лично не злопамятный, точный и исполнительный, требо-

---

[42]) *L. c.* (прим. 37), стр. 454.

[43]) *L. c.* (прим. 37), стр. 463.

вательный и строгій, но все-же добрый и любящій, искренно религіозный по-православному, безъ всякой слащавости и елейности, глубоко преданный благу родного народа и родной земли, безъ предвзятой враждебности къ иноплеменникамъ и чужеземцамъ. [44])

Крупныя научныя заслуги С. М. Соловьева у всѣхъ передъ глазами и никѣмъ въ настоящее время не оспариваются. Съ точки зрѣнія идейной преемственности, въ виду историософическихъ построеній самого Вл. С. Соловьева, достойно вниманія указаніе В. О. Ключевскаго на то, что С. М. Соловьевъ освѣщалъ излагаемые имъ историческіе факты съ двухъ сторонъ—прагматической и моралистической. „Настойчиво говорилъ и повторялъ онъ, гдѣ нужно, о связи явленій, о послѣдовательности историческаго развитія, объ общихъ его законахъ, о томъ, что называлъ онъ необычнымъ словомъ—*историчностью*.“ [45]) Но въ то-же время „онъ видѣлъ въ явленіяхъ людской жизни руку исторической Немезиды или, приближаясь къ языку древне-русскаго лѣтописца, *знаменіе правды Божіей*..... Эта моралистика у [С. М.] Соловьева была та-же прагматика, только обращенная къ сознанію своею нравственною стороной, та-же научная связь причинъ и слѣдствій, только приложенная къ явленіямъ добра и зла, преступленія и возмездія.“ [46]) Напомнимъ и еще два указанія В. О. Ключевскаго, относящіяся до нашего историка: во-первыхъ, „живѣе многихъ и многихъ патріотовъ чувствовалъ онъ великія силы родного народа, крѣпче многихъ вѣрилъ въ его будущее; но онъ не творилъ изъ него кумира“; [47]) и во-вторыхъ, „Соловьевъ [С. М.] никогда не заблуждался на-счетъ количества читателей своей книги [т. е. *Исторіи*]; онъ даже преувеличивалъ равнодушіе къ ней публики..... Но онъ принадлежалъ къ числу людей, готовыхъ проповѣдывать въ пустынѣ.“ [48]) И на эти замѣчанія дѣятельность Вл. С. Соловьева откликается родственнымъ эхо...

Рядомъ съ выпуклой и яркой фигурой С. М. Соловьева образъ его жены рисуется въ очертаніяхъ болѣе мягкихъ и блѣдныхъ. Тѣмъ

[44]) Любопытныя замѣчанія высказываетъ С. М. Соловьевъ, между прочимъ, относительно Бельгіи (которая теперь у всѣхъ на устахъ): „Бельгія служила для меня утѣшительнымъ доказательствомъ, что свобода совмѣстима съ религіозностью и крѣпче отъ этого соединенія, что народъ, дѣльный по-преимуществу, религіозенъ.“ С. М. Соловьевъ (прим. 11), апрѣль, стр. 463.

[45]) В. О. Ключевскій (прим. 8), стр. 33.

[46]) *L. c.* (прим. 45).

[47]) В. О. Ключевскій (прим. 8); статья: *Памяти С. М. Соловьева*, стр. 40.

[48]) *L. c.* (прим. 47), стр. 42, 43.

не менѣе, и П. В. Соловьева имѣетъ всѣ права на наше сочувствіе и почтеніе. Это была, по-истинѣ, „вѣрная супруга и добродѣтельная мать“. Воспитывалась она въ Екатерининскомъ институтѣ въ Москвѣ и вынесла оттуда всѣ добрыя качества и добрые навыки хорошей институтки старыхъ временъ: чистоту души, вѣру въ добро, отрицательное отношеніе къ темнымъ сторонамъ жизни, внутреннюю неспособность допускать въ людяхъ прежде всего дурное. Рано выйдя замужъ за молодого профессора изъ поповичей, она быстро усвоила себѣ роль оберегательницы его умственныхъ силъ, пренебрегая всякими свѣтскими интересами. Она искренно любила своего мужа, уважала его трудъ, старалась поддерживать тотъ размѣренный, разсчитанный чуть не по часамъ образъ жизни, который только и давалъ ему возможность сработать такъ много. Съ теченіемъ времени выяснилось, что у С. М. Соловьева несовсѣмъ здоровое сердце, вслѣдствіе чего онъ оказывался иногда слишкомъ воспріимчивымъ. Для жены это послужило основаніемъ всемѣрно ограждать мужа отъ излишнихъ поводовъ къ раздраженію, разныхъ мелкихъ житейскихъ дрязгъ и хлопотъ. Зато и С. М. Соловьевъ твердо помнилъ, что долгъ платежомъ красенъ: жена не слышала отъ него рѣзкихъ окриковъ, онъ никогда на нее не сердился; авторитетъ матери поддерживался въ глазахъ дѣтей на подобающей высотѣ. Попеченія о мужѣ не мѣшали П. В. Соловьевой заботиться и о своемъ потомствѣ. А что тутъ передъ нею задача была не малая, можно видѣть изъ того, что она продѣлала тринадцать беременностей, изъ которыхъ только одна не дошла до болѣе или менѣе благополучнаго завершенія родами. Легко себѣ представить, что̀ это значитъ—произвести на свѣтъ и вынянчить двѣнадцать человѣкъ дѣтей, при не всегда обезпеченномъ матеріальномъ положеніи, среди неизбѣжныхъ тревогъ и хлопотъ по хозяйству и по уходу за малолѣтними, въ положеніи жены виднаго научнаго и общественнаго дѣятеля. Не удивительно, если въ П. В. Соловьевой выработалась постепенно нѣсколько преувеличенная заботливость о близкихъ ея сердцу людяхъ, если она постоянно прислушивалась къ своимъ материнскимъ „предчувствіямъ“, если къ ея религіозному чувству примѣшивалась доля суевѣрія, хотя, конечно, и не нелѣпаго. С. М. Соловьевъ иногда подшучивалъ надъ этими чертами своей жены, обзывая все это „херсонствомъ“. [49]) На болѣе простомъ языкѣ тутъ можно было бы говорить о „фантазерствѣ“, столь свойственномъ многимъ матерямъ, ушедшимъ цѣликомъ въ интересы семьи. Всѣхъ дѣтей своихъ П. В.

[49]) Намекъ на южнорусскія родственныя связи П. В. Соловьевой.

Библиотека ОПИ

Соловьева любила одинаково, но она нѣсколько выдѣляла Всеволода, какъ первенца, и Поликсену, какъ послѣдняго ребенка, а также Михаила. [50]) На самое себя у П. В. Соловьевой времени оставалось, конечно, немного, и она не могла отдаваться свободному служенію своимъ личнымъ вкусамъ. Положимъ, музыкой, напр., она интересовалась мало (хотя и любила послушать пѣніе народныхъ пѣсенъ), но художественная литература, несомнѣнно, затрагивала ея душу. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что она охотно читала дѣтямъ вслухъ Пушкина и Гоголя—всего чаще при какихъ-нибудь заболѣваніяхъ, удерживавшихъ дѣтей въ постели. Вообще, читали въ семьѣ много, преимущественно вещи классическія, а про дѣтей надо прибавить:—и рано. Стихи всѣ любили—и отецъ, и мать, и дѣти.

С. М. Соловьевъ былъ не только плодовитымъ ученымъ, но и не менѣе плодовитымъ семьяниномъ, смотрѣвшимъ на дѣтей, по старинѣ, какъ на Божіе благословеніе. А. Л. Катанскій, разсказывая про 50-лѣтній юбилей Московской духовной академіи, который справляли 1-го октября 1864 г., сообщаетъ, между прочимъ, нижеслѣдующее: „Изъ привѣтствій очень живо помнится рѣчь ректора Московскаго университета С. И. Баршева, бывшаго воспитанника Московской академіи..... Нѣсколько словъ произнесъ также отъ себя и знаменитый нашъ историкъ С. М. Соловьевъ, бывшій въ составѣ депутаціи отъ Московскаго университета, поражавшій своимъ цвѣтущимъ здоровьемъ, не смотря на усиленные труды и выпускъ ежегодно по одному тому исторіи. По поводу этихъ выпусковъ тогда острили, что у С. М. каждый годъ, вмѣстѣ съ очереднымъ томомъ исторіи, появляется на свѣтъ и новый, также очередной членъ семейства.“ [51]) Какъ мы увидимъ дальше, эта шутка, притомъ въ чрезвычайно грубой формѣ, дошла однажды и до Вл. С. Соловьева, который отозвался на нее очень болѣзненно. Пока воспользуемся цитатой изъ записокъ А. Л. Катанскаго еще лишь для того, чтобы сказать, что Владиміръ Соловьевъ росъ далеко не одинокимъ ребенкомъ—помимо другихъ родственниковъ и родственницъ и постороннихъ сверстниковъ и сверстницъ, его окружали въ дѣтствѣ братья и сестры, съ которыми онъ и провелъ совмѣстно подъ родительскимъ кровомъ многіе годы.

---

[50]) Отъ вскармливанія дѣтей собственною грудью П. В. Соловьева должна была отказаться по настойчивому требованію тогдашней московской знаменитости, врача-профессора В. И. Коха (1817—1884 гг.).

[51]) А. Л. Катанскій, *Воспоминанія стараго профессора*; *Христіанское Чтеніе*, 1914 г., сентябрь; стр. 1077, 1078.

Здѣсь будетъ умѣстно перечислить, по формулярному списку С. М. Соловьева, его многочисленное ближайшее потомство въ порядкѣ соотвѣтствующихъ рожденій. Первымъ родился сынъ Всеволодъ—1-го января 1849 г.; затѣмъ послѣдовали двѣ дочери: Вѣра и Надежда—18-го января 1850 г. и 5-го іюня 1851 г.; второй сынъ Владиміръ родился, какъ было сказано, 16-го января 1853 г.; далѣе, отчасти уже съ болѣе значительными промежутками времени, появились на свѣтъ: Любовь—20-го сентября 1857 г., Михаилъ—16-го апрѣля 1862 г., Марія—9-го октября 1863 г. и Поликсена—20-го марта 1867 г. Перечень этотъ не имѣетъ, однако, исчерпывающаго значенія; кромѣ перечисленныхъ въ формулярѣ сыновей и дочерей, были еще двѣ дочери: Любовь и Ольга и два сына—оба Сергѣи. Дѣвочки эти родились въ антрактѣ между Владиміромъ и второй Любовью, въ 1854 и 1855 гг., и умерли въ младенчествѣ. Сергѣй-старшій родился въ 1858 г., между Любовью второй и Михаиломъ; онъ умеръ лѣтъ 7—8. Это былъ умный и способный ребенокъ, любимецъ всей семьи, обѣщавшій многое въ будущемъ. На бѣду пріѣхала двоюродная сестра Поликсена, больная скарлатиною въ легкой формѣ. Она приласкала мальчика и нежданно-негаданно заразила его. Сергѣй-младшій родился въ 1865 или 1866 г., между Маріей и Поликсеной; умеръ онъ младенцемъ.

Дѣти С. М. и П. В. Соловьевыхъ были двухъ типовъ: въ отца-блондина и въ мать-брюнетку, очень красивую. Владиміръ уродился въ мать, и отецъ подтрунивалъ надъ нимъ, называя его „печенѣгомъ“. Всего дружнѣе былъ Владиміръ съ сестрой Надеждою и съ братомъ Михаиломъ; первая была старше его года на полтора, а второй былъ моложе его на 9 лѣтъ и 3 мѣсяца. Михаилъ, самый младшій изъ трехъ братьевъ, относился къ Владиміру не только съ большой любовью, но и съ почтеніемъ: въ порывѣ восторга онъ способенъ былъ поцѣловать у него руку. Неизмѣнная дружба соединяла Владиміра и съ самой младшей его сестрой—Поликсеною.

Впослѣдствіи судьба разбросала всѣхъ членовъ этой большой семьи по разнымъ мѣстамъ, и для иныхъ она оказалась не слишкомъ благосклонной; но родственныя связи все-таки не разрывались. Почти каждое письмо Вл. С. Соловьева къ родителямъ—а послѣднее изъ этихъ писемъ, письмо къ матери, относится къ 1898 г. [52])—заканчивается поцѣлуями по адресу братьевъ и сестеръ. Не обошлось,

[52]) *П.*, II, 67.

впрочемъ, дѣло и безъ кое-какихъ размолвокъ, относящихся къ позднѣйшему времени... Въ общемъ, можно повторить слова Э. Л. Радлова: „Вся семья была щедро одарена природою.“ [53]) Нужно только прибавить, что, какъ это нерѣдко наблюдается, выдающаяся талантливость однихъ какъ-бы искупалась нѣкоторыми недочетами у другихъ.

Старшій братъ Всеволодъ курсъ средняго образованія проходилъ въ той-же гимназіи, въ которую позднѣе опредѣлили и Владиміра. Держался онъ въ гимназіи немножко надменно, не безъ мысли о заслугахъ и выдающемся общественномъ положеніи своего отца. Успѣхи въ учебныхъ занятіяхъ были средніе, но директоръ гимназіи окружалъ его особливыми попеченіями. Потомъ онъ слушалъ лекціи, по юридическому факультету, въ Московскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень кандидата правъ около того времени, когда Владиміръ Соловьевъ заканчивалъ первый учебный годъ своего студенчества. Въ октябрѣ 1870 г. Вс. С. Соловьевъ былъ опредѣленъ на службу во II-ое отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Въ 1881 г. онъ былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера; въ 1882 г., за преобразованіемъ II-го отдѣленія въ кодификаціонный отдѣлъ при Государственномъ совѣтѣ, его назначили помощникомъ старшаго чиновника этого отдѣла. Въ 1884 г. Вс. С. Соловьевъ былъ отчисленъ, согласно прошенію, по болѣзни, отъ занимаемой имъ должности, съ причисленіемъ къ отдѣлу и съ оставленіемъ въ придворномъ званіи, а въ самомъ началѣ 1894 г., по случаю сліянія кодификаціоннаго отдѣла при Государственномъ совѣтѣ съ Государственной канцеляріей, его оставили за штатомъ. Вскорѣ-же вслѣдъ за симъ, 12-го февраля 1894 г., Вс. С. Соловьевъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V-го класса при министрѣ народнаго просвѣщенія. Въ августѣ 1896 г. на него были возложены обязанности предсѣдателя постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, а съ 1-го января 1901 г. онъ состоялъ уже и полномочнымъ предсѣдателемъ этой коммиссіи. Въ теченіе года съ небольшимъ, съ 15-го сентября 1897 г. по 8-ое декабря 1898 г., онъ служилъ также цензоромъ драматическихъ сочиненій при главномъ управленіи по дѣламъ печати. Служебныя занятія не поглощали всѣхъ силъ Вс. С. Соловьева: онъ много потрудился и на литературномъ поприщѣ. Уже въ 60-ыхъ годахъ стали появляться въ печати его стихотворенія, по

---

[53]) Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 8.

большей части безъ подписи; затѣмъ онъ принялся за критическіе очерки, печатавшіеся въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и *Русскомъ Мірѣ*; во второй половинѣ 70-ыхъ годовъ онъ нашелъ свое настоящее призваніе въ сочиненіи историческихъ повѣстей и романовъ, снискавшихъ ему широкую извѣстность, по-преимуществу, среди читателей *Нивы*. Вмѣстѣ съ П. П. Гнѣдичемъ Вс. С. Соловьевъ основалъ въ 1888 г. иллюстрированный журналъ *Сѣверъ*, года черезъ два перешедшій, впрочемъ, въ другія руки. Въ 1887 г. было издано собраніе его сочиненій въ семи томахъ. Скончался Вс. С. Соловьевъ 20-го октября 1903 г., черезъ три года съ небольшимъ послѣ брата Владиміра. [54])

Семейная жизнь Вс. С. Соловьева сложилась довольно своеобразно. Онъ былъ женатъ дважды: на Ольгѣ Осиповнѣ Ламкертъ и ея сестрѣ Еленѣ (Адели) Осиповнѣ. Ламкерты—голландскаго происхожденія, реформатскаго вѣроисповѣданія. Въ замужествѣ обѣ сестры состояли, впрочемъ, уже въ православіи; при заключеніи второго брака потребовались, разумѣется, особыя хлопоты. Ольга Осиповна была вторично замужемъ за сыномъ извѣстнаго профессора С. П. Шевырева. Обѣ сестры отличались красотою, особенно вторая. Дѣти были и отъ перваго брака, и отъ второго: по формулярному списку Вс. С. Соловьева,—три сына и одна дочь.

Старшая сестра Вѣра была въ супружествѣ съ Н. А. Поповымъ, извѣстнымъ русскимъ историкомъ, славяновѣдомъ и публицистомъ, начавшимъ свою ученую дѣятельность въ 1857 г. въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ исправлялъ должность адъюнкта по каѳедрѣ русской исторіи, и перешедшимъ затѣмъ, въ 1869 г., въ Московскій университетъ, съ которымъ онъ былъ связанъ своимъ студенчествомъ. Магистерскую диссертацію Н. А. Поповъ защитилъ въ 1861 г., а докторскую — въ 1869 г. Въ деканы историко-филологическаго факультета Московскаго университета онъ былъ избираемъ трижды. Замужъ В. С. Соловьева вышла довольно рано, и это нѣсколько отдалило ее внѣшнимъ образомъ отъ прочихъ членовъ семьи. У Поповыхъ было пять человѣкъ дѣтей—два сына и три дочери, и В. С. Попова, подобно П. В. Соловьевой, оказалась очень заботливой и преданной своему дѣлу матерью. Потрудилась она и на поприщѣ благотворительности. Внѣшностью своею (яркая блондинка) она чрезвы-

[54]) Формулярный списокъ о службѣ Вс. С. Соловьева былъ намъ доставленъ Н. В. Вестманомъ.—Ср., далѣе, *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона; т. XXX, С.-Петербургъ, 1900 г.; стр. 796; т. XXXII, С.-Петербургъ, 1901 г.; стр. 313.

чайно напоминаетъ отца. Съ братомъ Владиміромъ отношенія у нея были хорошія. Вмѣстѣ съ матерью и сестрой Надеждой она приняла его послѣдній вздохъ; ей-же пришлось присутствовать и при кончинѣ двухъ другихъ ея братьевъ—Всеволода и Михаила. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе нервности и нерѣдкихъ болѣзней, личная жизнь ея сложилась не вполнѣ благополучно. Послѣ смерти мужа, послѣдовавшей въ 1891 г., она проживаетъ вдовою въ Москвѣ.

Вторая сестра Надежда, обладавшая смолоду очень красивою наружностью, осталась въ дѣвицахъ. Она искренно гордилась своимъ братомъ Владиміромъ; сначала „обожала“ отца, а потомъ „обожала“ брата. У нея былъ громадный запасъ материнскихъ чувствъ, для котораго она и нашла примѣненіе въ дѣлахъ благотворительности. По своей исконной привязанности къ Москвѣ, она не послѣдовала за своею матерью въ Петербургъ, куда та переселилась около 1896 г., черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти С. М. Соловьева. Скончалась Н. С. Соловьева года два тому назадъ.

Сестра Любовь была замужемъ за Д. В. Степановымъ, вольнопрактикующимъ врачемъ въ Москвѣ, спеціалистомъ по ушнымъ и горловымъ болѣзнямъ. Д. В. Степановъ умеръ въ молодыхъ годахъ. Дѣтей у этой четы не было. Л. С. Степанова и теперь проживаетъ въ Москвѣ, борясь съ тяжелымъ недугомъ. Неблагопріятныя послѣдствія нервной организаціи сказались на ней съ наибольшею силой.

Братъ Михаилъ, по окончаніи курса въ 1-ой Московской гимназіи, поступилъ въ Московскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ. Кандидатское сочиненіе онъ писалъ для проф. А. М. Иванцова-Платонова на тему о подлинности 4-го евангелія. Затѣмъ онъ преподавалъ исторію во Владимірской женской гимназіи, а позднѣе—географію въ 6-ой Московской гимназіи; здѣсь-же, въ теченіе одного года, онъ преподавалъ исторію. Въ отставку М. С. Соловьевъ вышелъ въ серединѣ 90-ыхъ годовъ. Рано женившись, еще въ бытность студентомъ, онъ долженъ былъ заботиться о средствахъ къ существованію для своей семьи и не могъ работать совершенно свободно, такъ, какъ бы хотѣлось; между-тѣмъ, по отзывамъ людей, хорошо его знавшихъ, это былъ человѣкъ въ своемъ родѣ замѣчательный. Всего болѣе влекли его къ себѣ вопросы философскіе, религіозные, эстетическіе. Онъ участвовалъ въ работѣ брата Владиміра надъ Платономъ, перевелъ *Ученіе XII апостоловъ*, [55]) составилъ

[55]) Введеніе къ русскому изданію Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων написано Вл. С. Соловьевымъ. См. *Соч.*, IV, 196.

обширный указатель къ *Исторіи* отца, руководилъ изданіемъ собранія сочиненій Вл. С. Соловьева. Наиболѣе близокъ съ братомъ Владиміромъ былъ онъ въ 80-ыхъ годахъ, раздѣляя его церковныя идеи. Затѣмъ, въ началѣ 90-ыхъ годовъ, оба брата нѣсколько разочаровались въ этихъ идеяхъ и отдалились другъ отъ друга. М. С. Соловьевъ продолжалъ, впрочемъ, заниматься критикою евангелія; кромѣ того, онъ подпалъ подъ вліяніе Ламеннэ, котораго много изучалъ и о которомъ готовилъ изслѣдованіе. Не смотря на нѣкоторое расхожденіе съ братомъ, онъ такъ любилъ его, что какъ-то весь ослабѣлъ послѣ его смерти; первый мѣсяцъ онъ почти не спалъ и внушалъ серьезныя опасенія. Наружностью М. С. Соловьевъ былъ похожъ на своего дѣда, протоіерея М. В. Соловьева: бѣлокурый и голубоглазый, онъ казался очень моложавымъ; въ дѣтствѣ онъ хворалъ рахитизмомъ, и это отразилось неблагопріятно на его ростѣ. Со стороны духовной, М. С. Соловьевъ, можетъ-быть, болѣе двухъ другихъ сыновей походилъ на отца своего Сергѣя Михайловича: умъ его былъ критическій и историческій. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ усердно изучалъ еврейскій языкъ, мечтая написать большое сочиненіе о Христѣ; но только-что онъ достигъ цѣли въ этомъ изученіи, какъ его поразила смерть. Скончался онъ 16-го января 1903 г., не доживши трехъ мѣсяцевъ до 41 года; погибъ онъ, при явленіяхъ слабости сердца, отъ воспаленія легкихъ, развившагося на почвѣ инфлуэнцы. День смерти М. С. Соловьева совпалъ со днемъ рожденія Владиміра, съ которымъ, какъ мы видимъ, его связывала не только родственная дружба, но и идейная близость.

М. С. Соловьевъ былъ женатъ на Ольгѣ Михайловнѣ Коваленской. Ея прадѣдъ — Михаилъ Ивановичъ Коваленскій, „другъ и духовный сынъ Сковороды“. [56]) О. М. Коваленская была очень дружна

---

[56]) В. Ф. Эрнъ (прим. 32), стр. 35. — Относительно самой фамиліи: „Коваленскій“ С. М. Соловьевъ-младшій сообщаетъ намъ нижеслѣдующее: „Я много разбирался въ трехъ варіантахъ этой фамиліи: *Коваленскій* (употребительно теперь), *Ковалинскій* и *Ковальнскій*. *Ковалинскій* сохранилось въ простомъ народѣ. Сковорода писалъ *Ковальнскій*, сынъ Михаила Ивановича Илья Михайловичъ писалъ *Ковалинскій*. Несомнѣнно, что *Коваленскій* полонизированная форма, а *Ковальнскій* и *Ковалинскій* — два варіанта формы малороссійской. На основаніи хранящейся у меня рукописи: *Родъ и гербъ Коваленскихъ* я думаю, что родъ этотъ чисто *польскій*, и слѣдовательно, правильно писать *Коваленскій*. Такъ писалъ и Михаилъ Ивановичъ. Сковорода, какъ малороссъ, передѣлалъ въ *Ковальнскій*, а изъ этой формы вышелъ варіантъ: *Ковалинскій*, сохранившійся на книгахъ Ильи Михайловича. Начиная съ его сына Михаила Ильича, единственная живая форма — *Коваленскій*. Сношенія Со-

съ своимъ отцомъ Михаиломъ Ильичемъ и унаслѣдовала всѣ типическія черты Коваленскихъ; лицомъ она была похожа и на прадѣда. Михаилъ Ильичъ Коваленскій былъ воспитанъ англичаниномъ-миссіонеромъ и передалъ своей дочери англоманію и полное отвращеніе отъ всего германскаго. Будучи по образованію инженеромъ, онъ служилъ въ Тифлисѣ, Ставрополѣ и Воронежѣ. Онъ былъ знатокомъ арабскаго и другихъ восточныхъ языковъ и даже составилъ грамматику одного кавказскаго діалекта. Набожность его и преданность церкви удивляли духовенство. Будучи поклонникомъ М. Н. Каткова и стоя въ сторонѣ отъ движенія 60-ыхъ годовъ, онъ явился виднымъ дѣятелемъ при проведеніи крестьянской реформы. Въ качествѣ мирового посредника въ Звенигородскомъ уѣздѣ, гдѣ у него было имѣніе Дѣдово, онъ отстаивалъ интересы крестьянъ и въ то-же время производилъ неизгладимое нравственное впечатлѣніе на всѣхъ дворянъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Его перу принадлежитъ трудъ, напечатанный въ 1863 г. въ Москвѣ подъ заглавіемъ: *Новыя начала политической экономіи.* О. М. Коваленская посвятила себя живописи. Еще до замужества она ѣздила учиться во Флоренцію и очень увлекалась старой итальянской религіозной живописью. Впослѣдствіи она расписала храмъ въ Тамбовѣ фресками въ стилѣ Мазаччіо. Ея картины ежегодно выставлялись на московскихъ выставкахъ и охотно раскупались. Англійскіе языкъ и литература были ей такъ-же знакомы, какъ и русскіе. Она перечитала множество англійскихъ книгъ и усердно переводила. Ея переводы съ англійскаго печатались въ *Новомъ Журналѣ иностранной литературы, искусства и науки*, издававшемся Ѳ. И. Булгаковымъ. Она чуть-ли не первая въ Россіи открыла и стала переводить Джона Рёскина, Оскара Уайльда и юмориста Бёрнанда. Занималась она и самостоятельной литературной дѣятельностью. Такъ, ею были написаны появившіеся въ печати разсказы: *Лицо, La beata, Мое знакомство съ Веддеромъ.* До встрѣчи съ М. С. Соловьевымъ, О. М. Коваленская относилась съ религіознымъ восторгомъ къ Вл. С. Соловьеву, который на лекціяхъ о богочеловѣчествѣ производилъ на нее впечатлѣніе мессіи. Въ позднѣйшее время она горячо заинтересовалась проповѣдью Д. С. Мережковскаго, но потомъ охладѣла ко всему новому религіозному движенію и проявляла глубокую вѣру въ церковь. Скончалась она вскорѣ-же послѣ смерти своего мужа

ловьевыхъ съ Коваленскими начались очень давно. У меня есть историческая французская книга съ надписью отъ Сергѣя Михайловича-историка Ильѣ Михайловичу Коваленскому, свидѣтельствующая о бывшихъ между ними хорошихъ отношеніяхъ."

М. С. Соловьева... На свою брачную жизнь М. С. Соловьевъ пожаловаться не могъ: О. М. Коваленская была его единственной любовью, бракъ съ нею былъ его единственнымъ романомъ. Въ расположеніи и привязанности къ Вл. С. Соловьеву супруги не отставали другъ отъ друга, и это еще болѣе скрѣпляло ихъ родственныя и дружескія узы.

Единственный сынъ М. С. и О. М. Соловьевыхъ, племянникъ Вл. С. Соловьева и тезка своего приснопамятнаго дѣда-историка, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ-младшій унаслѣдовалъ, повидимому, счастливыя дарованія своихъ ближайшихъ восходящихъ и уже выдвинулся на литературномъ поприщѣ. Въ дѣтствѣ въ немъ находили сходство по внѣшности съ дядей Владиміромъ, а теперь, въ годы болѣе зрѣлые, начинаетъ выступать сходство съ дядей Всеволодомъ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ въ 1911 г., онъ былъ оставленъ при университетѣ по каѳедрѣ греческой филологіи. Нельзя не пожелать, чтобы стихотворные опыты С. М. Соловьева-младшаго, изданные имъ уже въ нѣсколькихъ книжкахъ, и его учебные успѣхи, приведшіе его къ оставленію при университетѣ, послужили залогомъ возможно крупныхъ заслугъ въ будущемъ.—О „Соловьевскомъ“ духѣ писаній С. М. Соловьева-младшаго можно судить по нижеслѣдующему отрывку изъ его предисловія къ его-же стихотворному сборнику: *Цвѣтникъ царевны*:—„Новую книгу я издаю съ твердой увѣренностью въ томъ, что наука и искусство разными путями ведутъ насъ къ однѣмъ цѣлямъ, изъ которыхъ высшая и подчиняющая себѣ другія есть цѣль религіознаго знанія и творчества, и что современная наука въ своихъ дальнѣйшихъ выводахъ неизбѣжно придетъ къ новому утвержденію той самой метафизики апостола Павла, которую она отвергла въ незрѣлую эпоху своего развитія.“ [57])

Сестра Марія вышла замужъ за П. В. Безобразова, снискавшаго себѣ научную извѣстность въ качествѣ византиниста. П. В. Безобразовъ—сынъ заслуженнаго академика В. П. Безобразова и братъ М. В. Безобразовой, одной изъ немногихъ русскихъ женщинъ, занимающихся спеціально философіей. Родился онъ въ 1859 г. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1883 г., П. В. Безобразовъ былъ командированъ Православнымъ Палестинскимъ обществомъ въ Турцію, Грецію и Италію для ознакомленія съ греческими рукописями, хранящимися въ этихъ странахъ. Степени магистра всеобщей

[57]) Сергѣй Соловьевъ, *Цвѣтникъ царевны;* Москва, 1913 г.; стр. XII.

исторіи онъ удостоенъ здѣшнимъ университетомъ въ 1890 г. Въ январѣ 1888 г. П. В. Безобразовъ былъ зачисленъ приватъ-доцентомъ Московскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи; неудачное выступленіе съ публичной лекціей въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ прервало въ половинѣ 90-ыхъ годовъ его преподавательскую дѣятельность. Позднѣе онъ состоялъ приватъ-доцентомъ и при С.-Петербургскомъ университетѣ. Кромѣ того, онъ служилъ сравнительно недолго при канцеляріи Государственной думы, а также занимался преподавательскою дѣятельностью въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ настоящее время онъ сосредоточилъ свое вниманіе на журналистикѣ. У супруговъ Безобразовыхъ три дочери. М. С. Безобразова прихварывала, но, не смотря на разныя житейскія помѣхи, служила, подобно другимъ членамъ своей даровитой семьи, дѣлу просвѣщенія. Въ 1914 г. изданы въ ея переводѣ *Византійскіе портреты* Ш. Диля, подъ редакціей и съ предисловіемъ П. В. Безобразова. Ея-же перу принадлежатъ очень живыя *Воспоминанія о братѣ Владимірѣ Соловьевѣ*, опубликованныя еще въ 1908 г. [58])

Самой младшей сестрѣ Поликсенѣ, какъ и сестрѣ Надеждѣ, не пришлось перемѣнять свою родовую фамилію, и всѣ свои силы она отдала литературной работѣ. Она писала и для взрослыхъ, и для дѣтей, и прозой, и стихами; занималась она и живописью, получивши подготовку къ этому въ Московскомъ училищѣ живописи. Поэтическое дарованіе П. С. Соловьевой внѣ всякаго спора, и слѣдуетъ порадоваться тому, что оно пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе широкое признаніе. Всего ярче, какъ и у Вл. С. Соловьева, оно выражается въ произведеніяхъ лирическихъ, хотя и нѣкоторыя эпическія произведенія родной ему поэтессы свидѣтельствуютъ о талантливости—простой, задушевной и оригинальной; для примѣра назовемъ разсказъ: *Племянница.* [59]) Какъ это будетъ выяснено ниже, одинъ изъ мелкихъ разсказовъ

---

[58]) *Минувшіе годы*, 1908 г., № 5 (май), стр. 128—166.—Нѣкоторыя замѣчанія по поводу воспоминаній М. С. Безобразовой высказываетъ Д. С. Мережковскій, признающій ихъ, хотя и съ оговорками, цѣнными и любопытными, „въ виду нищенской скудости свѣдѣній о жизни и личности покойнаго писателя“. Д. С. Мережковскій, *Въ тихомъ омутѣ*; С.-Петербургъ, 1908 г.; статья: *Нѣмой пророкъ*, стр. 259.—Прибавимъ кстати, что у иностранныхъ авторовъ, писавшихъ о Вл. С. Соловьевѣ, сколько-нибудь важныхъ біографическихъ данныхъ мы обыкновенно не находимъ. По большей части, дѣло ограничивается у нихъ краткимъ пересказомъ тѣхъ или другихъ русскихъ очерковъ. Для примѣра можно указать на J.-B. Séverac'a, *Vladimir Soloviev*, въ серіи: *Les grands philosophes français et étrangers* (Paris).

[59]) П. Соловьева (Allegro), *Тайная правда и другіе разсказы*; изд. т-ва М. О.

П. С. Соловьевой, подъ заглавіемъ: *Петровна*, не лишенъ значенія и для біографіи Вл. С. Соловьева. [60]) Избранный П. С. Соловьевой псевдонимъ: Allegro находитъ себѣ оправданіе, можетъ-быть, не столько въ обстоятельствахъ личной жизни автора, сколько въ неизмѣнной бодрости его духа. Недаромъ въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ признаній П. С. Соловьева заявляла, что хотя душа ея плачетъ, но духъ ея спокоенъ. [61]) Да и смѣется Allegro въ свои хорошія минуты почти совсѣмъ такъ, какъ смѣялся нѣкогда ея братъ, не безъ основанія увѣрявшій насъ, что

Изъ смѣха звонкаго и изъ глухихъ рыданій
Созвучіе вселенной создано... [62])

Опредѣлилась судьба братьевъ и сестеръ Вл. С. Соловьева, само собою разумѣется, лишь съ теченіемъ времени, въ дѣтствѣ же никто изъ членовъ семьи не смущался никакими печальными предвидѣніями. Жила семья крѣпкою патріархальною жизнью, подъ любящимъ, но нѣсколько суровымъ руководительствомъ своего строгаго главы. А каковъ былъ авторитетъ этого главы среди домочадцевъ, показываетъ хотя-бы такой маленькій эпизодъ. Въ 1877 г., лѣтомъ, Н. И. Карѣеву случилось быть у Соловьевыхъ въ Нескучномъ, ради свиданія съ своимъ школьнымъ товарищемъ Владиміромъ. Сѣли обѣдать. С. М. Соловьевъ былъ не въ духѣ; всѣ говорили шопотомъ, какъ-бы опасаясь вызвать грозу. Только Владиміръ пренебрегалъ этою общею подавленностью, да и то не совсѣмъ удачно. Но вотъ Сергѣй Михайловичъ покушалъ, настроеніе его прояснилось, и всѣмъ стало сразу легче. Правда, эпизодъ этотъ относится къ порѣ очень поздней; но вѣдь—каковъ въ колыбельку, таковъ и въ могилку. Упомянемъ здѣсь-же, что отцу и матери старшія дѣти, т. е. Всеволодъ, Вѣра, Надежда и Владиміръ, говорили: „вы“, а не „ты“. Эту привычку Вл. С. Соловьевъ сохранилъ до конца своихъ дней, какъ свидѣтель-

---

Вольфъ; стр. 39.—Изъ стихотворныхъ произведеній П. С. Соловьевой отмѣтимъ особо драматическую фантазію: *Слѣпой*, проникнутую искреннимъ женскимъ лиризмомъ и очень красивую по стиху. См. *Вѣстникъ Европы*, 1900 г., сентябрь; стр. 655—676.

[60]) П. Соловьева (Allegro), сборникъ разсказовъ, указанный въ прим. 59-омъ; стр. 75.

[61]) П. Соловьева (Allegro), *Вечеръ. Стихи*; книгоиздат. „Тропинка“, 1914 г.; стр. 5 *(Посвященіе)*.

[62]) *Стихотворенія* Владиміра Соловьева; изд. 4; стр. 19 *(Посвященіе къ неизданной комедіи)*.—При послѣдующихъ ссылкахъ на это изданіе мы обозначаемъ его сокращенно такъ: *Стих.* Арабская цифра указываетъ страницу.

ствуетъ вся его переписка съ родителями. При этомъ отца онъ называлъ на французскій ладъ: „папà“, а мать—по русскому обычаю—„мàма“. [63]) Дѣти младшаго поколѣнія обращались къ родителямъ на „ты“.

С. М. и П. В. Соловьевы, въ первое время по вступленіи въ бракъ, жили въ квартирѣ В. П. и Е. Ѳ. Романовыхъ, на Пречистенскомъ бульварѣ; [64]) на мѣстѣ соотвѣтствующаго дома теперь новое сооруженіе. Лѣто 1848 г. они провели всѣ вмѣстѣ въ Сокольникахъ. Осенью того-же года новобрачные наняли маленькій домикъ на Смоленскомъ бульварѣ; здѣсь и родился ихъ первенецъ—Всеволодъ. Затѣмъ они переѣхали на Остоженку, въ Лопухинскій переулокъ, и поселились неподалеку отъ Воскресенской церкви. По этому адресу указывается мѣсто рожденія Вѣры, Надежды и Владиміра. Потомъ Соловьевы жили у Крымскаго моста, въ Калошинскомъ переулкѣ; домъ, въ которомъ они имѣли здѣсь пребываніе, не перестроенъ, кажется, до сихъ поръ. Затѣмъ они водворились въ домѣ П. В. Романова, брата П. В. Соловьевой, на Старой Конюшенной улицѣ, возлѣ церкви Іоанна Предтечи. Домъ этотъ П. В. Романовъ получилъ, повидимому, въ приданое за женой (Варварой Слѣпцовой). 16-го ноября 1855 г., за смертью Т. Н. Грановскаго, С. М. Соловьевъ утвержденъ былъ деканомъ историко-филологическаго факультета на недослуженное Т. Н. Грановскимъ время. Затѣмъ онъ былъ дважды утверждаемъ въ должности декана на четыре года—19-го іюня 1859 г. и 17-го іюня 1863 г.; послѣ второго изъ этихъ четырехлѣтій его утвердили деканомъ на три года, съ 17-го іюня 1867 г. Съ конца 1863 г. онъ-же исправлялъ по-временамъ должность ректора университета и попечителя учебнаго округа. Вслѣдствіе этого, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, С. М. Соловьевъ занималъ съ своимъ семействомъ квартиру въ старомъ университетѣ, надъ заломъ засѣданій совѣта, въ четвертомъ этажѣ. 19-го мая 1868 г., „съ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы соизволенія,“ какъ сказано въ формулярномъ спискѣ, С. М. Соловьевъ „опредѣленъ инспекторомъ классовъ Николаевскаго сиротскаго института

---

[63]) Будучи взрослымъ человѣкомъ, Вл. С. Соловьевъ называлъ иногда свою мать въ ласково-шутливомъ тонѣ: „бѣдный Màмантъ“; М. С. Безобразова (прим. 58).—Примѣнялось иногда и сходное выраженіе: „великомученикъ Màмантъ“—когда П. В. Соловьева начинала уже чрезмѣрно безпокоиться о семейныхъ дѣлахъ, о комъ-либо изъ дѣтей (какъ извѣстно, въ святцахъ имѣется указаніе на муч. Màманта).

[64]) См. выше, прим. 36-ое.

при Московскомъ воспитательномъ домѣ, съ оставленіемъ его въ должности ординарнаго профессора Московскаго университета на два года, т. е. до выслуги имъ полной пенсіи по университету.“ Въ связи съ этимъ находится то обстоятельство, что примѣрно черезъ годъ, 28-го іюня 1869 г., С. М. Соловьевъ уволился, согласно прошенію, отъ должности декана. Полученіе дополнительной должности инспектора классовъ повело къ переселенію Соловьевыхъ на казенную квартиру въ воспитательномъ домѣ. Но и здѣсь они долго не усидѣли. 1-го апрѣля 1870 г. С. М. Соловьевъ былъ назначенъ директоромъ Московской оружейной палаты, съ оставленіемъ на службѣ при университетѣ, а 20-го апрѣля того-же года, по случаю этого новаго назначенія, онъ былъ уволенъ отъ должности инспектора классовъ Николаевскаго сиротскаго института. Пришлось, значитъ, снова переселяться. На этотъ разъ Соловьевы водворились въ казенномъ домѣ по Левшинскому переулку, *alias* въ домѣ дворцовой конторы въ Денежномъ переулкѣ (домъ на углу обоихъ переулковъ). Этотъ именно адресъ Владиміръ Соловьевъ усиленно внушалъ своей кузинѣ Е. В. Романовой въ декабрѣ 1872 г.: „Живу въ Денежномъ переулкѣ, Денежномъ, Денежномъ, Денежномъ.“ [65]) Такая настойчивость требовалась съ его стороны потому, что разсѣянная кузина упорно предпочитала Денежному переулку переулокъ Газетный. 3-го февраля 1871 г. С. М. Соловьевъ былъ утвержденъ ректоромъ Московскаго университета. Въ этой-же должности онъ былъ утвержденъ затѣмъ вновь и въ 1875 г., срокомъ по 28-ое ноября 1879 г.; но уже 16-го мая 1877 г. онъ былъ, согласно прошенію, уволенъ отъ службы при университетѣ. 12-го апрѣля 1872 г. состоялось утвержденіе С. М. Соловьева ординарнымъ академикомъ Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, съ оставленіемъ въ прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Всѣ эти послѣднія служебныя перемѣны на

---

[65]) *П.*, III, 71.—Ср. С. М. Лукьянова (прим. 17).—Въ заголовкѣ письма на имя М. М. Стасюлевича отъ 4-го августа 1866 г. С. М. Соловьевъ дѣлаетъ помѣтку: „Покровка“. См. *М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ*, подъ ред. М. К. Лемке; т. I, С.-Петербургъ, 1911 г., стр. 449. Надо думать, что это либо описка, либо опечатка. На Покровкѣ въ Москвѣ Соловьевы не жили; по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдуетъ читать: „Покровское“ (дачная мѣстность подъ Москвою). Въ другомъ письмѣ на имя того-же лица отъ 7-го августа 1867 г. С. М. Соловьевъ указываетъ такой адресъ: „Въ Старой Конюшенной, на углу Гагаринскаго переулка, домъ Афросимовой.“ *Ibidem*, стр. 451. Намъ сообщаютъ, что домъ Афросимовой помѣщается на углу Большого Власьевскаго и Гагаринскаго переулковъ. Происхожденіе этого адреса не ясно.

мѣстожительствѣ Соловьевыхъ не отразились. Въ домѣ дворцовой конторы С. М. Соловьевъ и скончался—4-го октября 1879 г. Квартира была большая, удобная; внизу, какъ-бы „въ подвалѣ“, были отведены сыну Владиміру особо двѣ или полторы небольшія комнаты, соединенныя внутреннею лѣстницей съ помѣщеніемъ остального семейства наверху. Послѣ смерти С. М. Соловьева, вдова и бывшія при ней дѣти (Надежда, Любовь, Михаилъ, Марія и Поликсена) перебрались на частную квартиру, и прежде всего на Арбатъ, въ домъ Даньель по Никольскому переулку, а потомъ на Пречистенку, въ домъ Лихутина. Этотъ послѣдній адресъ часто встрѣчается въ письмахъ Вл. С. Соловьева. Позднѣе П. В. Соловьева вмѣстѣ съ дочерью Поликсеной водворилась на жительство въ Петербургѣ; здѣсь онѣ нанимали квартиру сначала на Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту, потомъ на Офицерской улицѣ и, наконецъ, на площади Маріинскаго театра. Когда Вл. С. Соловьеву случалось, уже по достиженіи самостоятельнаго положенія, бывать въ Москвѣ, онъ останавливался у матери; впослѣдствіи, когда ея здѣсь не было, онъ проживалъ иногда у сестры Надежды. Въ Петербургѣ гостепріимствомъ матери ему пользоваться не приходилось. Скончалась П. В. Соловьева 8-го іюня 1909 г., на дачѣ въ Лугѣ, подъ Петербургомъ.

Въ матеріальномъ отношеніи Соловьевы были обставлены, въ общемъ, удовлетворительно, хотя, конечно, умноженіе числа членовъ семьи и заставляло С. М. Соловьева пріискивать дополнительныя занятія. Только въ первые годы семейной жизни доводилось иногда испытывать лишенія, впослѣдствіи же условія складывались все лучше и лучше; притомъ С. М. Соловьевъ, озабоченный судьбою своего многочисленнаго потомства, не любилъ швырять деньги зря. [66]) Родового или благопріобрѣтеннаго „имѣнія“ у него не было, за женой же числилось родовое имѣніе въ Херсонской губерніи, въ тысячу десятинъ. Съ какого именно времени стала П. В. Соловьева обладательницей этого недвижимаго имущества, изъ офиціальнаго „дѣла“ не

[66]) М. С. Безобразова разсказываетъ про забавныя пререканія ея брата Владиміра съ ихъ матерью по поводу неосторожныхъ тратъ его (по большей части на разныя воспособленія неимущимъ). П. В. Соловьева ставила сыну въ примѣръ отца, котораго онъ „любилъ особо глубокой и нѣжной любовью“ и память котораго онъ „свято чтилъ“. Указаніе на отца производило на сына непріятное впечатлѣніе, но онъ скоро оправлялся и затѣмъ ссылался въ свое оправданіе на то, что у него нѣтъ не только пяти дочерей, но и одной дочери, и едва-ли онѣ когда будутъ, а потому онъ-де можетъ распоряжаться деньгами иначе. М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 143.

видно; по частнымъ свѣдѣніямъ, земля поступила въ ея распоряженіе въ 1868 г. Какъ бы то ни было, лѣтнія каникулы Соловьевы проводили обыкновенно въ окрестностяхъ Москвы на дачѣ, а не въ своихъ отдаленныхъ владѣніяхъ. Степное херсонское имѣніе, цѣнившееся главнымъ образомъ потому, что тамъ протекала рѣка, сдавалось въ аренду овцеводамъ; жить въ этомъ имѣніи было негдѣ, земля была не застроена. Послѣ смерти мужа, вдова передала имѣніе сыновьямъ. Владиміръ отказался отъ своей доли въ пользу Всеволода; послѣдній оплатилъ долю Михаила деньгами и сталъ, такимъ образомъ, единственнымъ владѣльцемъ. Теперь земля эта принадлежитъ его вдовѣ и дѣтямъ. Въ письмахъ Вл. С. Соловьева встрѣчаются указанія на Ѳедоровку: [67]) какъ уже сказано, это было имѣніе Екатерины Ѳедоровны Бржеской, впослѣдствіи Романовой, его бабки по женской линіи; тамъ и прошло ея дѣтство. Сравнительно хорошая матеріальная обезпеченность Соловьевыхъ-родителей не располагала, конечно, ихъ дѣтей ни къ бережливости, ни тѣмъ болѣе къ скопидомству; про Вл. С. Соловьева можно даже сказать прямо, что онъ не зналъ цѣны деньгамъ, въ чемъ выражалась, конечно, и его прирожденная нестяжательность.

Заканчивая эту главу, посвященную главнымъ образомъ сородичамъ Вл. С. Соловьева, сошлемся въ заключеніе на стихотворное произведеніе С. М. Соловьева-младшаго: *Мои предки*, помѣщенное въ его третьей книгѣ стиховъ, въ отдѣлѣ: *Благословеніе прошлаго*. [68]) Піеса эта состоитъ изъ пяти небольшихъ частей. Въ первой части идетъ рѣчь о М. В. Соловьевѣ, во второй—о С. М. Соловьевѣ-старшемъ, въ послѣднихъ трехъ частяхъ—о Коваленскихъ, т. е. о предкахъ по женской линіи; здѣсь, въ первой изъ этихъ послѣднихъ трехъ частей, есть вводный намекъ и на Вл. С. Соловьева.

Къ своему прадѣду М. В. Соловьеву авторъ взываетъ какъ къ „служителю Господню“, „служителю Бога“, „кроткому старцу, полному духомъ свѣта“, „облеченному въ правду“, „возлюбленному Христомъ“;—

И лучезарная сіяла тайна
Въ его очахъ, какъ небо, голубыхъ...

Дѣдъ С. М. Соловьевъ трудился „какъ богатырь“, разрабатывая

---

[67]) *П.*, Ш, 76.

[68]) Сергѣй Соловьевъ (прим. 57), стр. 121—127. См. также піесу: *Предкамъ Коваленскимъ*; *l. c.*, стр. 27.

науку, борясь „съ надменной знатью прежнихъ лѣтъ“, „въ лицо царямъ смотря безъ страха“.—

И трудъ огромный, небывалый
Стяжалъ заслуженный вѣнецъ,
И злоба зависти усталой
Предъ нимъ умолкла наконецъ.
. . . . . .
Твой трудъ возросъ, какъ пирамида:
Онъ учитъ вѣрѣ и добру,
Жестокой правдѣ Ѳукидида,
Любви къ Россіи и Петру.

Въ тѣни твоей безсмертной славы
Какъ сладко внукомъ быть твоимъ,
Старикъ суровый, величавый,
Со взоромъ ясно-голубымъ...

„Вельможный прадѣдъ“ со стороны матери рисуется передъ поэтомъ въ „роскошномъ замкѣ Черной Слободы“. Здѣсь онъ жилъ „среди искусствъ“, бокъ-о-бокъ съ богатымъ „книгохранилищемъ“, подъ журчаніе фонтана, вдыхая благоуханіе не увядающихъ розъ, съ интересомъ „къ безбожнику Фернея“.—

Но средь соблазновъ пышнаго дворца
Ты не уснулъ, не сталъ душою хладенъ;
Тебя влекло къ познанію Творца,
До тайнъ природы былъ твой разумъ жаденъ.

И вотъ, „велѣніемъ непостижимой тайны“, во дворецъ „вельможнаго прадѣда“ направляется

Блуждающій мудрецъ Сковорода,
Святой чудакъ, веселый сынъ Украйны.

Онъ полонъ былъ какихъ-то чудныхъ силъ,
Воистину горѣлъ въ немъ пламень Божій,
И для него послѣдней кельей былъ
Чертогъ великолѣпнаго вельможи.
. . . . . .
Съ дѣтьми играя, умеръ онъ. А тамъ
Во слѣдъ за нимъ возсталъ пророкъ вселенскій...
Ты ангела пріялъ, какъ Авраамъ
Въ своемъ дому, мой предокъ Коваленскій.

Наслѣдникъ этого друга и ученика Сковороды, дѣдъ поэта, „возросъ хозяиномъ рязанскаго Версаля“. Не довольствуясь „мраморными амурами и розами“, онъ искалъ утѣхъ въ „деревенскомъ сералѣ“. Жизнь неслась какъ праздникъ;—

Но строгій судъ духовнаго отца
Его смутилъ. Руководимъ Владыкой,
Онъ въ бракъ вступилъ съ вдовою кузнеца,
Рязанской бабой, темною и дикой,
Покрывши грѣхъ смиреніемъ вѣнца.

Судьба этой женщины, какъ многихъ ей подобныхъ, оказалась, однако, печальной. „Барскій домъ“ не могъ замѣнить ей „бабьей доли и свободы“:—

Словно узникъ заточенный
Ты скучала безъ конца
По избушкѣ закопченой
Удалого кузнеца.

Отзвуки этихъ старыхъ печалей поэтъ чуетъ и въ своей душѣ, и онъ молитъ „родную“, чтобы она „разбудила степные звуки“ и поскорѣе „заворожила“ его

Пѣснью грусти и разлуки
Надъ безбрежнымъ моремъ ржи...

Этимъ заканчивается піеса, а намъ пора вернуться къ 16-му января 1853 г., когда появился на свѣтъ тотъ, кого любящій поэтъ-племянникъ называетъ „пророкомъ вселенскимъ“.[69])

---

[69]) Помимо источниковъ, на которые указано въ предшествующихъ примѣчаніяхъ, мы пользовались при составленіи главы первой частными сообщеніями В. С. Поповой, М. С. Безобразовой, П. С. Соловьевой, Е. В. Селевиной, С. М. Соловьева-младшаго, В. И. Герье, А. Н. Шварца, Н. И. Карѣева и Э. Л. Радлова. Свѣдѣнія о М. С. Соловьевѣ и его женѣ приведены здѣсь почти дословно по письму С. М. Соловьева-младшаго.

II.—Дошкольное дѣтство.

Хотя физіологическія условія для потомства, о которыхъ упоминалось выше, и были, говоря вообще, вполнѣ благопріятными, все-таки случаю угодно было создать какія-то особыя помѣхи для безпрепятственнаго теченія четвертой беременности у П. В. Соловьевой, вслѣдствіе чего беременность эта и завершилась родами преждевременными. Владиміру Соловьеву угрожала большая опасность уже при самомъ появленіи его на свѣтъ, куда онъ вступилъ въ совершенно безпомощномъ состояніи, даже безъ ногтей. Въ одномъ изъ писемъ своихъ на имя С. М. Лукьянова, за годъ съ небольшимъ до своей смерти, Соловьевъ писалъ: „Ввѣренную мнѣ вашу гостью доставилъ я по назначенію въ совершенной цѣлости и неприкосновенности, но, кажется, недовольную гробовымъ моимъ молчаніемъ. Что дѣлать! Это свойство прирожденное въ буквальномъ смыслѣ, такъ-какъ я семимѣсячный недоносокъ и при рожденіи не былъ въ силахъ кричать, а только беззвучно разѣвалъ ротъ, подобно новорожденнымъ воробьямъ.“ [70]) Очевидно, лишь крайне заботливымъ и бережнымъ уходомъ за новорожденнымъ, котораго держали буквально въ пуху, можно объяснить себѣ то, что такой слабосильный „недоносокъ“ остался въ-живыхъ.

Въ судьбѣ сына повторилась въ этомъ случаѣ судьба отца. Дѣло въ томъ, что и С. М. Соловьевъ родился также несовсѣмъ благополучно. Вотъ что̀ мы читаемъ въ самомъ началѣ его записокъ: „5-го мая 1820 г., въ одиннадцать часовъ по-полудни, наканунѣ Вознесенія, у священника Московскаго коммерческаго училища родился сынъ Сергѣй—слабый, хворый недоносокъ, который цѣлую не-

[70]) *Письма* Владиміра Сергѣевича Соловьева, подъ редакціей Э. Л. Радлова; т. I, С.-Петербургъ, 1908 г.; стр. 150.—При послѣдующихъ ссылкахъ на этотъ томъ *Писемъ* мы обозначаемъ его сокращенно такъ: *П.*, I. Арабская цифра указываетъ страницу.

дѣлю не открывалъ глазъ и не кричалъ.“ [71]) И что-же? этотъ „слабый, хворый недоносокъ“ возросъ въ „богатыря“, подобныхъ которому было у насъ немного. Да и сынъ его, родившійся тоже немощнымъ и хилымъ, не только достигъ зрѣлаго возраста, но и сумѣлъ оказаться въ свое время сильнымъ и вліятельнымъ, хотя-бы и безъ титула „богатыря“. Вотъ на случаяхъ подобнаго рода, въ связи, конечно, со многими другими явленіями, не менѣе рѣзко бросающимися въ глаза, и могъ С. М. Соловьевъ основывать свою твердую увѣренность въ томъ, что „сила и матерія—не одно и то-же“... [72])

Крестили новорожденнаго младенца Владиміра,—соотвѣтственно тогдашнему мѣстожительству родителей,—въ Воскресенской, на Остоженкѣ, церкви 8-го марта, въ воскресенье, т. е. черезъ семь слишкомъ недѣль послѣ рожденія. Такой сравнительно значительный промежутокъ времени между рожденіемъ и крещеніемъ былъ допущенъ лишь по необходимости, въ зависимости отъ желанія дать окрѣпнуть младенцу. Приведемъ здѣсь-же копію съ метрическаго свидѣтельства Соловьева, извлеченную изъ оффиціальнаго „дѣла“: „По указу Его Императорскаго Величества, изъ Московской Духовной Консисторіи, вслѣдствіе прошенія Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Сергѣя Соловьева, о дачѣ ему метрическаго свидѣтельства о рожденіи и крещеніи сына его Владиміра, дано сіе въ томъ, что въ метрической книгѣ Московской Воскресенской, на Остоженкѣ, церкви тысяча восемьсотъ пятьдесятъ третьяго года въ статьѣ о родившихся подъ № 1 написано: Генваря шестнадцатаго дня родился Владиміръ, крещенъ Марта 8 числа, родители его: Московскаго Императорскаго Университета Профессоръ, Коллежскій Совѣтникъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ и законная его жена Поликсенія Владиміровна, оба православнаго исповѣданія; воспріемниками были: Флота Капитанъ 2-го ранга Владиміръ Павловъ Романовъ и Маріинской, въ Коммерческомъ училищѣ, церкви Протоіерея Михаила Соловьева жена Елена Иванова. Крестилъ Священникъ Николай Добровъ съ причтомъ. Сентября 30 дня 1863 года. Консисторіи Членъ Покровскій. Секретарь Богородскій. Столоначальникъ Соколовъ.“ [73])

---

[71]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 68.

[72]) Ср. выше, прим. 43-е.

[73]) Подлинное метрическое свидѣтельство включено въ дѣло 1874 г., за № 300, Совѣта И. Московскаго университета о перемѣщеніи профессора Варшавскаго университета Троицкаго въ Московскій университетъ на каѳедру философіи и объ утвержденіи магистра Соловьева доцентомъ на ту-же каѳедру. Копія—въ дѣлѣ 1869 г.,

Документъ этотъ понадобился С. М. Соловьеву въ 1863 г., когда подготовлялись къ опредѣленію Владиміра въ учебное заведеніе. Изъ метрическаго свидѣтельства явствуетъ прежде всего, что новорожденный былъ записанъ подъ № 1. Для любителей отыскивать различныя предзнаменованія это можетъ показаться не менѣе интереснымъ, какъ и то, что 16-ое января посвящается церковью поклоненію веригамъ апостола Петра. Это послѣднее обстоятельство особенно подчеркиваетъ В. Л. Величко. [74]) На менѣе возвышенный ладъ настраиваетъ, однако, другое совпаденіе: Владиміръ Соловьевъ „дослужился“ какъ разъ до того лишь не слишкомъ высокаго чина, въ которомъ состоялъ его отецъ въ 1853 г. Крестнымъ отцомъ былъ дѣдъ со стороны матери, а крестной матерью—бабка со стороны отца. Имя: Владиміръ избрано было въ честь дѣда-воспріемника. Впрочемъ, при желаніи можно и тутъ прозрѣвать нѣкоторый нарочитый смыслъ. Относительно бабки-воспріемницы слѣдуетъ прибавить, что впослѣдствіи, когда она овдовѣла и жила въ семействѣ своего сына Сергѣя Михайловича, внукъ и крестникъ ея Владиміръ пользовался особыми ея попеченіями; онъ помѣщался съ нею даже въ одной комнатѣ.

Главное наблюденіе за дѣтьми лежало, конечно, на обязанности матери. Но у нея была преданная помощница въ лицѣ Анны Кузьминишны Колеровой, имя которой нерѣдко встрѣчается въ письмахъ Вл. С. Соловьева къ родителямъ. Онъ то „поздравляетъ“ ее—со днемъ ангела или рожденія, то „чувствительно благодаритъ“ за письмо, то обѣщаетъ писать ей „своевременно“, то сочиняетъ „соборное посланіе“ на имя своихъ пяти сестеръ съ пріобщеніемъ ея имени, то „крѣпко обнимаетъ“ ее, то освѣдомляется, получила-ли она его „краткое, но сильное поздравленіе“. [75]) А. К. Колерова—изъ духовнаго сословія, дочь священника, сирота. Училась она въ Одессѣ, и затѣмъ, совсѣмъ молоденькой дѣвушкою, поступила къ Соловьевымъ, въ семьѣ которыхъ и прожила болѣе сорока лѣтъ. Это была особа не безъ образованія и очень религіозная; настроеніе ея совпадало съ духомъ семьи. Дѣтей, ввѣренныхъ ея заботамъ,

---

за № 262, Совѣта И. Московскаго университета о принятіи въ число студентовъ Владиміра Соловьева. Оба дѣла были доставлены намъ В. Т. Шевяковымъ. — Имя священника, крестившаго его, Соловьевъ зналъ и держалъ въ памяти. См. *Соч.*, VIII, 179.

[74]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 9.

[75]) *П.*, II, 20, 22, 23, 26, 37, 60.

она любила, какъ своихъ собственныхъ. На ней сказалось хорошее воспитательное вліяніе дѣвицъ Воробьевыхъ, содержавшихъ раньше въ Одессѣ, а затѣмъ въ Москвѣ учебное заведеніе и заслуженно снискавшихъ себѣ всеобщее уваженіе. Тамъ, между прочимъ, обучались до гимназіи Всеволодъ и Вѣра Соловьевы. А. К. Колерова состояла сначала воспитательницей при старшихъ дѣвочкахъ—Вѣрѣ и Надеждѣ, а потомъ на ея руки стали переходить и прочія дѣти. Въ семьѣ ее очень любили и цѣнили. Когда П. В. Соловьева переѣхала на жительство въ Петербургъ, А. К. Колерова осталась жить въ Москвѣ съ своей воспитанницей Н. С. Соловьевой, не вышедшей, какъ уже было сказано, замужъ. Здѣсь она и скончалась лѣтъ 8—9 тому назадъ. Помимо ухода за дѣтьми, А. К. Колерова помогала П. В. Соловьевой и по части домоводства. По пятницамъ или въ другіе назначенные дни у Соловьевыхъ собирались друзья и знакомые. Всего чаще бывали Б. Н. Чичеринъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, М. Н. Капустинъ, Е. Ѳ. Коршъ, С. В. Ешевскій, И. К. Бабстъ, Н. А. Поповъ, В. И. Герье, В. О. Ключевскій, Ѳ. Е. Коршъ, М. Н. Лопатинъ, С. А. Петровскій, М. П. Чериновъ,—профессора и не-профессора. Мужчины сидѣли обыкновенно въ гостиной съ хозяиномъ, а дамы въ залѣ съ хозяйкой, гдѣ разливала чай А. К. Колерова. Ни музыка (инструментальная), ни пѣніе, ни танцы, ни карты на этихъ собраніяхъ въ обычаѣ не были; занимались по-преимуществу разговорами объ университетскихъ и разныхъ житейскихъ дѣлахъ. Особенно развлекалъ присутствующихъ Ѳ. М. Дмитріевъ, впослѣдствіи сенаторъ, большой шутникъ и острякъ. Гости засиживались недолго, но посѣщали Соловьевыхъ исправно. Около 11 часовъ вечера хозяйка дома, ревнуя объ отдыхѣ для мужа, заявляла, что пора и на покой. При бесѣдѣ взрослыхъ разрѣшалось присутствовать и старшимъ дѣтямъ.

У В. Л. Величко мы находимъ про А. К. Колерову такія строки: „Кромѣ родителей, воспитаніемъ его [т. е. Владиміра Соловьева] въ періодъ отъ 6- до 10-лѣтняго возраста занималась Анна Кузьминишна Колерова, которую онъ въ шутку называлъ Анной-пророчицей, потому-что ей случалось видѣть вѣщіе сны, предсказанія коихъ сбывались не разъ и производили на маленькаго питомца сильное впечатлѣніе.“ [76]) Про это-же прозвище упоминаетъ и М. С. Безобразова, прибавляя кстати, что ея братъ Владиміръ вообще любилъ давать разныя шуточныя наименованія. Такъ, напр., ее самое—правда, уже въ

[76]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 11.

болѣе позднее время, по возвращеніи своемъ изъ Египта въ 1876 г.— онъ называлъ то „сфинксомъ“, то „фараоновымъ отродьемъ“, то „Маріей египетской“, то просто: „египетское“. Она-же указываетъ, что онъ вѣрилъ въ сны, примѣты, карты, предсказывалъ по линіямъ рукъ судьбу и т. д. [77]) Конечно, все это надо принимать *cum grano salis*.

Къ числу ближайшихъ домочадцевъ, кромѣ А. К. Колеровой, принадлежали и бонны, состоявшія при младшихъ дѣвочкахъ, и разная низшая прислуга. В. П. Романовъ передалъ дочери для домашнихъ услугъ „цѣлый родъ“ крѣпостныхъ людей. За Надеждой и Владиміромъ ухаживала, въ качествѣ няни, нѣкая Анна, изъ крѣпостныхъ П. В. Соловьевой. Потомъ была еще другая няня Елена Петровна, оставшаяся особенно въ памяти П. С. Соловьевой и обрисованная ею въ разсказѣ: *Петровна*. [78]) Эта няня была приставлена къ Сережѣ-старшему; послѣ его ранней смерти она простилась съ семьей и устроилась въ богадѣльнѣ, но до конца дней своихъ навѣщала изрѣдка своихъ бывшихъ питомцевъ. Считаемъ полезнымъ сдѣлать здѣсь-же извлеченія изъ только-что названнаго разсказа, такъ-какъ въ немъ отчетливо выступаютъ нѣкоторыя изъ воздѣйствій, касавшихся младшихъ дѣтей С. М. и П. В. Соловьевыхъ. Подъ сходными вліяніями росъ и маленькій Владиміръ.

Изображая себя подъ именемъ мальчика Алеши, П. С. Соловьева разсказываетъ, сколько радости доставляли дѣтямъ посѣщенія Петровны, какъ они любили слушать ея повѣствованія, какъ она играла съ ними, какъ они горевали по случаю ея смерти...

Какъ только появлялась Петровна, Алеша охватывалъ руками склоненную къ нему шею, цѣловалъ ввалившіяся лиловатыя старческія губы и щеки безъ рѣзкихъ морщинъ, принималъ „гостинчикъ“ въ видѣ краснаго леденцоваго пѣтуха въ сѣрой оберточной бумагѣ и тащилъ старушку къ старому кожаному креслу у окна, возлѣ котораго усаживался и самъ. А затѣмъ начинались безконечные разговоры. Петровна „интересовалась всѣмъ, что интересовало Алешу, и не притворялась, что интересуется, какъ это иногда дѣлали старшіе, а по-настоящему интересовалась, потому-что всѣхъ и все въ жизни любила, и все въ жизни ей казалось достойнымъ вниманія.—И еще потому, что уже завершила она кругъ въ жизни, и снова приблизи-

---

[77]) М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 135.

[78]) См. выше, прим. 60-ое.

лась къ ея источнику, и обратилась и стала, какъ дитя"... Обѣдать и чай пить Петровна отправлялась къ прислугѣ въ дѣвичью, вечеромъ же, когда старшія дѣти оканчивали приготовленіе уроковъ, ее снова вытребовывали въ дѣтскую.

„Въ большой комнатѣ бывало полутемно. На столѣ горѣла въ мѣдномъ подсвѣчникѣ одна стеариновая свѣчка. Няня, Пелагея Матвѣевна,[79]) что-нибудь чинила, надѣвъ большія очки въ черной оправѣ"... Дѣти принимались теребить Петровну, добиваясь, чтобы она разсказала „сказку", „сказочку".

„— Сказочку вамъ? И разсказала бы, да не знаю, куда она запропастилась,—отвѣчала обыкновенно Петровна и по-дѣтски лукаво улыбалась.

— Тутъ, кажется, была, анъ—гляжу, и нѣтъ ея. Дайте, вотъ, въ карманѣ поищу, не туда-ли запряталась.

Она начинала шарить въ карманѣ, вытаскивала оттуда круглую табакерку изъ бересты и постукивала по ней узловатыми широкими пальцами, напоминавшими корни стараго дерева.

— Тутъ, кажется, сидитъ,—подмигивала Петровна Алешѣ и, осторожно приподнявъ крышечку табакерки за торчавшую ременную ручку, быстро запускала подъ нее большой и указательный пальцы.

— Вотъ она, вотъ она гдѣ,—попалась!—смѣясь, говорила она.—Ну, теперь можно разсказывать."

И начинались сказки, одна лучше другой, одна увлекательнѣе другой. А затѣмъ игры,—чудныя, незабываемыя...

„Слушая сказку, дѣти вѣрили всѣмъ ея чудесамъ, не могли не вѣрить, потому-что передъ ними чудеса совершались въявь: старенькая, некрасивая Петровна на ихъ глазахъ измѣнялась, превращалась въ прекрасную молодую Елену-царевну.....—И Елена-прекрасная, и царь-Бархатъ, и голуби," ворковавшіе на золоченой кровати Елены-прекрасной, „и Иванъ-царевичъ, и царь-Дѣвица, и Жаръ-птица—всѣ они становились живыми, опредѣленными, почти осязательными, и огненное чудо переливалось въ жизнь, становилось жизнью.—Догорала свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ на столѣ, няня Пелагея Матвѣевна кончала чинить и складывала Алешины штанишки, а Петровна все еще разсказывала. Теперь это были уже не сказки, а случаи изъ жизни брата дѣтей, Сережи, умершаго въ дѣтствѣ и удивлявшаго всѣхъ своимъ умомъ..... Сережу дѣти не помнили, и весь онъ, такой

[79]) Имя вымышленное.

особенный, со своими находчивыми отвѣтами и острыми словечками, превращался для нихъ въ разсказахъ Петровны во что-то фантастическое, сливался со сказкой, и нельзя было различить, гдѣ кончалась сказка и начиналась обыкновенная жизнь.—Разсказывала Петровна и о господахъ Лихаревыхъ, у которыхъ была крѣпостной, такъ разсказывала, что ко всѣмъ членамъ никогда невиданной семьи дѣти относились, какъ къ старымъ милымъ друзьямъ.....—Иногда разсказы прерывались и смѣнялись играми..... Особенно много шума и хохота бывало, когда играли въ «маки-маки, маковочки, золотыя головочки», и дѣти начинали трясти и тормошить Петровну. Она сидѣла кучкой на полу и изображала поспѣвшій макъ. Смѣялась она сама не меньше дѣтей, смѣялась такъ, что ходуномъ ходилъ ея кругленькій толстый животикъ, выбивались изъ-подъ оборочки чепчика волнистыя прядки сѣдыхъ волосъ, а лицо розовѣло, какъ подпекасмое солнцемъ яблоко.“

Появленіе въ дѣтской взрослыхъ разрушало всю иллюзію—и сказки, и игры утрачивали свою прелесть, царство грезъ смѣнялось простой будничной жизнью.

„Старшая сестра была насмѣшница и увѣряла, что одна изъ сказокъ Петровны начиналась словами:

«У одного купца было три дочери, всѣ три Марьи-царевны.»

Большіе смѣялись, и старшія дѣти вторили ихъ смѣху, но Алеша недовольно надувалъ, и безъ того толстыя, губы. Онъ зналъ, что у Петровны такой сказки не было, что у ея купцовъ рождались купеческія дочери, а у царей—царевны. Въ этомъ отношеніи ея сказки были похожи на обыкновенную жизнь, но Алеша зналъ также, что хотя его отецъ былъ профессоръ, ученый и не царскаго рода, но что онъ самъ, маленькій, некрасивый, большеглазый мальчикъ, Алеша Меньшовъ, былъ не въ обыкновенной, будничной, а въ настоящей, яркой жизни не кто иной, какъ царевичъ изъ Петровниной сказки..... По-настоящему онъ былъ большой, прекрасный, сильный и мудрый, и, просыпаясь каждое утро, съ удивленнымъ отвращеніемъ разглядывалъ стѣны дѣтской со знакомыми очертаніями пятенъ на обояхъ, уныло свѣсившіеся со стула и заштопанные на пяткахъ чулки, свои худыя дѣтскія ноги, свои необыкновенно тонкія у кисти руки [80]) съ некрасивыми ногтями, съ нервными, длинными, не сильными паль-

[80]) Нижніе концы предплечій были очень тонкими и у Вл. С. Соловьева. Это рѣзко выступаетъ, между прочимъ, на превосходномъ портретѣ его, принадлежащемъ кисти Н. А. Ярошенко. См. *Соч.*, VIII, приложеніе.

цами. Все это казалось ему безобразнымъ и не настоящимъ. Настоящее же было прекрасно, но боялось слѣпого дневного свѣта..... Тоску пробужденья, непереносную тоску возвращенія къ будничной жизни, въ которой надо было опять начинать все то, что было вчера и что грозило быть завтра и еще, и еще,—эту невыносимую тоску Алеша зналъ съ самаго ранняго дѣтства. И оттого онъ такъ горячо любилъ Петровну, что она была для него живымъ и смѣлымъ противорѣчіемъ будничной жизни. Она жила такъ долго на свѣтѣ,—сколько маленькихъ Алешиныхъ жизней могло помѣститься въ одной ея длинной жизни!—но эта длинная, тяжелая и скучная жизнь не побѣдила ея, она ей не поддалась."

Насталъ, однако, конецъ и для Петровны, и она умерла. При этомъ выяснилось, что у нея есть дочь и внукъ отъ дочери, хотя сама Петровна замужемъ и не была. Кто былъ отецъ ея ребенка? „Можетъ-быть, баринъ, когда она была крѣпостной, можетъ-быть, парень, котораго потомъ отдали въ солдаты. И какъ мучилъ ее, должно быть, ея «грѣхъ»."

Вѣсть о смерти Петровны тяжело поразила Алешу. Онъ долго ходилъ грустный и унылый, пока не выплакалъ своего горя обильными слезами, утыкаясь лицомъ въ плечо матери.

„— Ей хорошо теперь,—слышалъ онъ надъ самымъ ухомъ тихій голосъ матери,—она была добрая, она такъ всѣхъ любила, ей хорошо теперь.

Эти слова Алеша понялъ и принялъ. Ей хорошо теперь, значитъ—она жива, живетъ гдѣ-то, вмѣстѣ съ Алешинымъ братомъ, Сережей, и старшей барышней Лихаревой. И сказки ея живы. Алеша вспоминалъ ихъ всѣ, до послѣдняго слова, и опять жилъ ихъ настоящею, ихъ яркою, особенною жизнью." Умерла ненастоящая Петровна. „Настоящая Петровна была жива, но жила иною жизнью, настоящею жизнью своихъ сказокъ.—Алеша зналъ, что это она была Елена-прекрасная, и что это на золоченые столбики ея точеной кровати съ четырехъ угловъ садились мудрые бѣлые голуби и ворковали, вспоминая всю ея жизнь, все это долгое чудо любви, не жутко, быстро и отрывисто, а нѣжно, радостно и успокоительно:

— Полетимъ-полетимъ, понесемъ-понесемъ Елену прекрасную въ обители блаженныя, къ Свѣту Тихому, не умирающему."

Таково содержаніе этого милаго разсказа. С. М. Соловьевъ говорилъ про себя, что онъ самъ никогда не былъ ребенкомъ. [81]) Тѣмъ

[81]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 98.

цѣннѣе, что своимъ собственнымъ дѣтямъ онъ далъ возможность быть въ дѣтствѣ дѣтьми, предоставивъ имъ просторъ для общенія съ такими людьми, какъ, напр., эта Петровна... Впрочемъ, правдоподобно и то, что С. М. Соловьевъ былъ нѣсколько несправедливъ по отношенію къ своему дѣтству. Вѣдь и около него, какъ онъ самъ удостовѣряетъ, стояли въ дѣтствѣ не только любящіе отецъ и мать, но и добрая бабушка, и няня, обладавшая прекраснымъ, чистымъ характеромъ. Про эту няню онъ сообщаетъ, что она имѣла вліяніе какъ на умственное, такъ и на нравственно-религіозное его развитіе. Она много скиталась въ своей жизни, была и въ Соловецкомъ монастырѣ, и въ Кіевѣ; не мало натерпѣлась она также всякихъ житейскихъ невзгодъ. И вотъ, „бывало, начнетъ она разсказывать о какомъ-нибудь страшномъ приключеніи съ нею на дорогѣ, о бурѣ на морѣ, о встрѣчѣ съ подозрительными людьми, я въ сильномъ волненіи спрашиваю ее: «И ты это не испугалась, Марьюшка?» и получаю постоянно въ отвѣтъ: «А Богъ то, батюшка?» Если я и родился съ религіознымъ чувствомъ, если въ трудныхъ обстоятельствахъ моей жизни меня поддерживаетъ постоянно надежда на высшую силу, то думаю, что не имѣю права отвергать и вліянія нянькиныхъ словъ: «А Богъ то!»“ [82])

Изъ мужской прислуги всего больше дружилъ маленькій Владиміръ Соловьевъ съ кучеромъ Николаемъ, котораго онъ прямо-таки обожалъ. [83]) Наладивши денежныя дѣла, Соловьевы обзавелись собственными экипажами, лошадей же они нанимали на сторонѣ. Николай и былъ ихъ возницей.

О раннихъ дѣтскихъ годахъ будущаго философа свѣдѣній у насъ сравнительно мало. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ книжки В. Л. Величко, написанной, къ сожалѣнію, въ какомъ-то искусственно приподнятомъ тонѣ, но все-таки весьма полезной. „Мало-мальски внимательный наблюдатель, глядя на выразительное личико ребенка, окаймленное густыми темно-каштановыми волосами и озаренное загадочно-глубокими, лучистыми глазами,—сразу видѣлъ, что это растетъ нравственная сила и недюжинный умъ, а также своеобразный, правдивый характеръ. Ребенокъ уже велъ себя не какъ всѣ; съ одной стороны, онъ былъ гораздо сдержаннѣе и вдумчивѣе, чѣмъ обыкновенныя дѣти, съ другой—чувствовалъ уже сильнѣе и глубже. Въ

---

[82]) *Ibidem*, стр. 68—70.

[83]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 10.

раннемъ дѣтствѣ онъ зналъ множество русскихъ пѣсенъ, а также стихотвореній лучшихъ нашихъ поэтовъ. Особенно любилъ онъ все, что вѣяло народнымъ духомъ. Разсказываютъ, что онъ могъ цѣлыми часами просиживать передъ стуломъ, изображающимъ запряженную лошадь, и убѣжденно напѣвать: «Ну, тащися, сивка». Онъ былъ буквально влюбленъ въ кучера, здороваго дѣтину съ большой бородой, отъ котораго дышало русской простонародной силой. Бывало, вырвется мальчуганъ во дворъ—и шмыгъ въ сарай, къ своему другу: бросается къ нему на грудь, обнимаетъ, цѣлуетъ. Къ нищимъ у него была какая-то мистическая любовь, не покинувшая его до самаго конца дней. Съ тѣхъ поръ, какъ завелись у ребенка карманныя деньги,—онѣ всегда предназначались нищимъ. — Въ товарищахъ-сверстникахъ ребенокъ не нуждался и не искалъ ихъ, потому-что рано ихъ переросъ духовно; но ко всему окружающему онъ относился съ такою необыкновенною чуткостью и впечатлительностью, что даже неодушевленнымъ предметамъ давалъ имена собственныя. Любимый свой ранецъ съ книгами онъ называлъ, напр., Гришей, а карандашъ, который носилъ обыкновенно на длинномъ шнуркѣ, черезъ плечо, какъ мечъ, или на шеѣ,—онъ называлъ Андрюшей. Эта дѣтская черта вошла затѣмъ въ основу одной изъ коренныхъ его философскихъ идей, и потому заслуживаетъ особеннаго вниманія.— Трудно опредѣлить, когда именно онъ сталъ пріобрѣтать, или, вѣрнѣе, жадно впитывать начатки гуманитарныхъ наукъ: во всякомъ случаѣ, это началось очень рано. Въ періодъ отъ 6 до 7 лѣтъ онъ любилъ воображать себя испанцемъ: перекидывалъ полы дѣтскаго пальто на плечи, какъ настоящій гидальго, и разсказывалъ своей сестрѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ, подходившей къ нему и по годамъ, и по душевному складу, разныя импровизированныя новеллы въ духѣ средне-вѣковой Кастиліи.“ [84]) Можетъ-быть, все это и такъ: и отъ кучера „дышало русской простонародной силой“, и любовь къ нищимъ была „мистическая“, и въ сверстникахъ нужды не ощущалось по случаю духовнаго „перероста“, и „ранецъ“ съ „карандашомъ“ имѣли прообразовательное философское значеніе, и сестра „Надя“ была даже въ 7—8 лѣтъ „Надеждой Сергѣевной“, и дѣтскія росказни достойно именуются „новеллами въ духѣ средне-вѣковой Кастиліи“; только не слишкомъ-ли уже много здѣсь литературныхъ ухищреній въ примѣненіи къ мальчугану, едва достигающему отроческаго семи-

[84]) *Ibidem*, стр. 9—11.

лѣтія? Впрочемъ, и то сказать: по словамъ того-же автора, Владиміръ Соловьевъ въ возрастѣ 8 лѣтъ „уже былъ серьезнымъ [!] знатокомъ исторіи и географіи, двухъ любимыхъ своихъ предметовъ“... [85]) По поводу этого указанія стоитъ развѣ лишь напомнить о томъ, что и С. М. Соловьевъ уже въ раннемъ дѣтствѣ обнаруживалъ большое влеченіе къ чтенію историческихъ и географическихъ книгъ; такъ, напр., *Исторію* Карамзина онъ прочелъ до третьяго класса гимназіи не менѣе двѣнадцати разъ—разумѣется, безъ примѣчаній. [86])

Не задерживаясь сверхъ необходимости на различныхъ трудно поддающихся провѣркѣ преданіяхъ, въ родѣ тѣхъ, которыя мы находимъ у В. Л. Величко, мы должны тѣмъ не менѣе признать, что, судя по всему, развитіе Владиміра Соловьева въ дѣтствѣ шло, дѣйствительно, въ ускоренномъ темпѣ. Тутъ приходится отмѣтить, во-первыхъ, раннее обнаруженіе въ немъ религіозной настроенности и, во-вторыхъ, раннее-же пробужденіе любовнаго влеченія къ лицамъ другого пола. Такое сочетаніе едва-ли покажется кому-нибудь страннымъ, ибо соотвѣтствующіе факты многократно наблюдались и психологами, и педагогами, и врачами. [87])

Въ семьѣ Соловьевыхъ жилъ хорошій старо-московскій православный духъ, чуждый ханжества и лицемѣрной напряженности, но столь-же чуждый и поверхностнаго религіознаго вольнодумства. Самъ С. М. Соловьевъ, высоко цѣнившій православіе и никогда не впадавшій въ преувеличенную оцѣнку ни католицизма, ни протестантизма, былъ блюстителемъ этого духа. Онъ показывалъ примѣръ уважительнаго отношенія къ церковному богослуженію и хаживалъ въ церковь вмѣстѣ съ дѣтьми; если же онъ бывалъ въ церкви одинъ или съ женою, то дѣти направлялись туда съ А. К. Колеровой. Религіозныя чувства дѣтей составляли для родителей предметъ особыхъ заботъ; не было навязчивыхъ приставаній съ религіозными внуше-

---

[85]) *Ibidem*, стр. 12.

[86]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 72.

[87]) Поучительныя данныя относительно неожиданныхъ, на первый взглядъ, осложненій высокихъ религіозныхъ чувствованій плотскими любовными влеченіями содержатся и въ аскетической литературѣ. Такъ, еще недавно въ сочиненіи схимонаха Иларіона, вызвавшемъ немало толковъ по связи съ дѣломъ „имябожниковъ“, указывалось на то, что „ощущеніе плотскаго движенія“ есть „одно изъ самыхъ неправильныхъ дѣйствій въ занятіи Іисусовою молитвою“. Схимонахъ Иларіонъ, *На горахъ Кавказа*; Баталпашинскъ, 1910 г.; стр. 79.

ніями, но отнюдь не было и тепло-хладнаго безразличія. Обнаруженія „невѣрія“ въ дѣтяхъ способны были доводить С. М. Соловьева до слезъ. [88]) Обрядовая сторона въ домашнемъ обиходѣ точно также не была въ пренебреженіи. Иконами были украшены всѣ комнаты, а у матери, по старому обычаю, была цѣлая кіота съ образами; по праздникамъ приходили священники „съ крестомъ“; посты соблюдались— правда, не слишкомъ строго, чтобы не повредить здоровью дѣтей, но все-таки соблюдались. [89]) Не забудемъ, далѣе, что, по кровнымъ родственнымъ связямъ, Соловьевы стояли близко къ духовенству, хотя въ числѣ ихъ друзей и знакомыхъ духовныя лица особо и не выдвигаются. Вносила свою долю вліянія, по-преимуществу на малолѣтнихъ дѣтей, и упомянутая выше „Анна-пророчица“. Всего этого было, конечно, совершенно достаточно, чтобы въ воспріимчивой душѣ неиспорченнаго ребенка, какимъ мы представляемъ себѣ милаго „Володеньку“, сложилось искреннее религіозное настроеніе. А тутъ присоединились еще нѣкоторыя особливыя условія, сообщившія этому настроенію подвижническую окраску. Какъ разсказываетъ В. Л. Величко, „ребенку было всего семь лѣтъ, когда онъ жадно и обильно испилъ впервые воды живой изъ священной чаши, данной ему отцомъ: семи лѣтъ отъ роду, маленькій Владиміръ Соловьевъ прочелъ житія святыхъ,—и не только прочелъ, но принялся и самъ ихъ «переживать», по мѣрѣ своего все растущаго пониманія. Онъ сталъ испытывать и закалять свою волю во славу Божію. Зимой нарочно снималъ съ себя одѣяло и мерзъ, а когда мать приходила накрывать его, думая, что одѣяло сползло во время сна,—ребенокъ просилъ не мѣшать ему поступать такъ, какъ онъ считалъ нужнымъ.“ [90]) Біографическая цѣнность этого сообщенія безспорна, независимо отъ словесной оболочки, въ которую оно здѣсь заключено. Можетъ-быть, 7-лѣтній Соловьевъ и не перечиталъ всѣ житія святыхъ (приведенныя выше слова мы принимаемъ въ предѣлахъ практически мыслимаго); но, во всякомъ случаѣ, онъ рано почуялъ обаяніе религіознаго подвижничества, и это не прошло для него безслѣдно.

Влюбчивость Вл. С. Соловьева особенно подчеркивается кн. Е. Н.

---

[88]) *Соч.*, VI, 645; статья: *Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.*

[89]) Вл. С. Соловьевъ оставался до конца жизни вѣренъ обыкновенію креститься передъ принятіемъ пищи. По словамъ А. Ѳ. Кони, обѣдавшаго нерѣдко вмѣстѣ съ нимъ у Стасюлевичей, онъ соблюдалъ это правило даже тамъ, гдѣ далеко не всѣ готовы были слѣдовать его примѣру.

[90]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 11.

Трубецкимъ.[91]) Онъ даже утверждаетъ, что „съ юныхъ лѣтъ и почти до конца своихъ дней Соловьевъ провелъ бо̀льшую часть жизни въ состояніи эротическаго подъема“, и что „въ ученіи о смыслѣ любви высказался до дна не только Соловьевъ-мыслитель, но и Соловьевъ-человѣкъ.“ По мнѣнію кн. Е. Н. Трубецкого, „тутъ съ дѣтской и вмѣстѣ геніальной наивностью обнажаются передъ читателемъ наиболѣе сокровенныя пружины всей его дѣятельности.“[92]) Пока мы не будемъ вдаваться въ подробное обсужденіе этихъ любопытныхъ соображеній, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ осторожно признаетъ относящуюся сюда задачу критики „отвѣтственной и деликатной“. Достаточно согласиться, что „оттого-ли, потому-ли“,[93]) но, дѣйствительно, на долю „философа вѣчной женственности“, какъ называетъ Вл. С. Соловьева В. Ф. Эрнъ, выпали очень ранніе опыты влюбчивости. Вотъ что̀ разсказываетъ В. Л. Величко: „На девятомъ году онъ [т. е. Владиміръ Соловьевъ] позналъ первую любовь, младенческую, но чрезвычайно пылкую. Плѣнила его миловидная сверстница, Юлинька С., и невинное ухаживаніе выражалось въ томъ, что онъ на Тверскомъ бульварѣ изъ цѣлой толпы дѣтей выбиралъ только ее одну, чтобы играть и бѣгать съ ней. Рано постигла его судьба многихъ замѣчательныхъ людей,—быть непонятымъ женщиной: Юлинька скоро предпочла ему другого. Замѣтивъ это, онъ страшно вознегодовалъ, тутъ-же подрался съ своимъ счастливымъ соперникомъ, а на другой день вносилъ въ свой дѣтскій дневникъ слѣдующія строки: «Не спалъ всю ночь, поздно всталъ и съ трудомъ натягивалъ носки»...“[94]) Романъ завершился, такимъ образомъ, очень плачевно, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не потому, что „замѣчательный человѣкъ“ былъ не понятъ „женщиною“. А кстати: уцѣлѣлъ-ли этотъ дѣтскій дневникъ Соловьева? Было бы, по-истинѣ, жаль, еслибы этотъ цѣнный автобіографическій документъ, буде онъ уцѣлѣлъ, остался на вѣки вѣчные подъ спудомъ. Насколько содержательны могутъ быть иногда дѣтскія записи, можно судить хотя-бы по дневнику гр. А. К. Толстого.[95])

---

[91]) Кн. Евгеній Трубецкой, *Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева*; Москва, 1913 г., тт. I и II; т. I, стр. 30.

[92]) *Ibidem*, т. I, стр. 611.

[93]) Выраженіе изъ стихотворенія Вл. С. Соловьева: *Потому-лъ, что сердцу надо... II.*, III, 135. Въ указанное выше собраніе стихотвореній піеса эта не включена.

[94]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 12.

[95]) *Полное собраніе сочиненій* гр. А. К. Толстого; изд. т-ва Марксъ; С.-Петербургъ, 1908 г.; т. IV, стр. 3.

Религіозная настроенность, возносящая землю до неба, и любовное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, чувство, низводящее небо на землю, какъ уже было замѣчено выше, сочетаются и скрещиваются въ душѣ человѣческой сплошь и рядомъ. Такъ было и съ Соловьевымъ уже въ его дѣтскіе годы. Много лѣтъ спустя послѣ эпизода съ Юлинькой С., года за два до смерти, этотъ или аналогичный ему эпизодъ [96]) припомнился Соловьеву въ связи съ нѣкоторыми другими фактами его жизни, и онъ закрѣпилъ свои воспоминанія въ небольшой поэмѣ: *Три свиданія*, написанной 26-го — 29-го сентября 1898 г. въ Пустынькѣ, гдѣ онъ проживалъ тогда. [97]) Поэма эта снабжена такимъ примѣчаніемъ: „Осенній вечеръ и глухой лѣсъ внушили мнѣ воспроизвести въ шутливыхъ стихахъ самое значительное изъ того, что до сихъ поръ случилось со мною въ жизни. Два дня воспоминанія и созвучія неудержимо поднимались въ моемъ сознаніи, и на третій день была готова эта маленькая автобіографія, которая понравилась нѣкоторымъ поэтамъ и нѣкоторымъ дамамъ.“ [98]) „Шутливые стихи“ и нѣсколько шутливый тонъ самого примѣчанія, со ссылкой на „нѣкоторыхъ поэтовъ“ и „нѣкоторыхъ дамъ“, являются здѣсь, какъ намъ думается, лишь скромной и цѣломудренной маской, за которою скрывается нешуточная увѣренность въ томъ, что описываемые въ поэмѣ факты были, въ самомъ дѣлѣ, „самымъ значительнымъ“ изъ всего пережитаго авторомъ въ жизни, и этого обстоятельства отнюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду. Впослѣдствіи на этой поэмѣ мы должны будемъ остановиться подольше, теперь же ограничимся лишь воспроизведеніемъ тѣхъ строфъ, содержаніе которыхъ относится, какъ поясняетъ самъ поэтъ, къ 1862 г., когда герою поэмы было девять лѣтъ отъ роду. Дышащее неподдѣльнымъ вдохновеніемъ вступленіе, какъ и все прочее, приходится пока оставить въ сторонѣ. Названныя строфы ясно показываютъ, какъ именно скрестились въ дѣтской душѣ Владиміра Соловьева его небесные и земные порывы, и на чьей сторонѣ осталась на этотъ разъ побѣда. Здѣсь изображается — на фонѣ земной любви — первое появленіе „живому взгляду“ поэта той, которую онъ не безъ дерзновенія именуетъ своею „вѣчною подругой“, появленіе — „въ предвѣстіе“, въ отличіе отъ

---

[96]) Мы говоримъ: „аналогичный“, такъ-какъ случай съ Юлинькой С. пріурочивается В. Л. Величко къ девятому году жизни Соловьева, случай же, о которомъ идетъ рѣчь ниже, относится къ десятому году.

[97]) *Стих.*, 164. — О Пустынькѣ будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

[98]) *Ibidem*, стр. 173.

двухъ другихъ позднѣйшихъ появленій — „въ помощь“ и „въ награду“.—

И въ первый разъ,—о, какъ давно то было!—
Тому минуло тридцать-шесть годовъ,
Какъ дѣтская душа нежданно ощутила
Тоску любви съ тревогой смутныхъ сновъ.

Мнѣ девять лѣтъ, *она*... ей—девять тоже.
„Былъ майскій день въ Москвѣ“, какъ молвилъ Фетъ.
Признался *я*. Молчаніе. О, Боже!
Соперникъ есть. А! онъ мнѣ дастъ отвѣтъ.

Дуэль, дуэль!—Обѣдня въ Вознесенье.
Душа кипитъ въ потокѣ страстныхъ мукъ.
Житейское... отложимъ... попеченье—
Тянулся, замиралъ и замеръ звукъ.

Алтарь открытъ... Но гдѣ-жъ священникъ, дьяконъ?
И гдѣ толпа молящихся людей?
Страстей потокъ,—безслѣдно вдругъ изсякъ онъ.
Лазурь кругомъ, лазурь въ душѣ моей.

Пронизана лазурью золотистой,
Въ рукѣ держа цвѣтокъ нездѣшнихъ странъ,
Стояла ты съ улыбкою лучистой,
Кивнула мнѣ и скрылася въ туманъ.

И дѣтская любовь чужой мнѣ стала,
Душа моя—къ житейскому слѣпа...
А нѣмка-бонна грустно повторяла:
„Володенька—ахъ! слишкомъ онъ глупа!“ [99])

Къ набранному курсивомъ слову: „она“ въ первомъ стихѣ второй изъ этихъ строфъ Соловьевъ дѣлаетъ пояснительное примѣчаніе: „*Она* этой строфы была простою маленькою барышней и не имѣетъ ничего общаго съ тою *ты*, къ которой обращено вступленіе.“ [100]) Конечно, въ примѣчаніи этомъ могутъ нуждаться лишь самые непроницательные читатели...

Имѣя въ виду, что эпизоду, воспроизведенному въ процитированныхъ строфахъ поэмы, Соловьевъ придаетъ выдающееся автобіографическое значеніе, считаемъ полезнымъ сказать здѣсь-же нѣсколько

[99]) Подъ стать предупрежденію, что стихи „шутливые“, авторъ преподноситъ читателямъ забавную риему: „дьяконъ“—„изсякъ онъ“. Подобныя и еще болѣе своеобразныя риемы—частое явленіе и въ дѣйствительно шуточныхъ стихотвореніяхъ Соловьева.

[100]) *Стих.*, 165.

общихъ словъ по поводу даннаго случая визіонерства. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется касаться подобныхъ явленій еще не разъ; останавливались на вопросѣ о визіонерствѣ и другія лица, писавшія о Соловьевѣ; для иныхъ тутъ оказывался даже серьезный поводъ къ различнымъ отрицательнымъ сужденіямъ. Очевидно, пройти мимо этой стороны въ жизни Соловьева молча, безъ хотя-бы краткой общей замѣтки, было бы непозволительно.

Прежде всего, слѣдуетъ, конечно, признать, что, съ точки зрѣнія обще-принятой школьной доктрины, эпизодъ во время обѣдни на Вознесенье есть случай галлюцинаціи, особаго вида обмана чувствъ, мнимаго воспріятія, или воспріятія безъ объекта. „Еще со временъ Эскироля, принято строго различать два главные вида обмановъ чувствъ—иллюзіи и галлюцинаціи.“ [101]) „Желая сдѣлать болѣе наглядной разницу между иллюзіями и галлюцинаціями, Лясегъ прибѣгаетъ къ сравненію ихъ съ злословіемъ и клеветой:—«иллюзіи относятся къ галлюцинаціямъ, какъ злословіе къ клеветѣ: иллюзія опирается на факты, но она ихъ искажаетъ; галлюцинація изобрѣтаетъ все; она, какъ клевета, не говоритъ ни одного слова правды.»“ [102]) Въ новѣйшее время разница между иллюзіями и галлюцинаціями подчеркивается, однако, уже не столь рѣзко; мало того,—начинаютъ убѣждаться даже въ томъ, что „между дѣйствительнымъ воспріятіемъ и галлюцинаціей нѣтъ рѣзкаго перерыва“, ибо „у обоихъ процессъ одинъ и тотъ-же.“ „Въ обыкновенной рѣчи, галлюцинацію принято различать отъ иллюзіи тѣмъ, что въ этой послѣдней есть какой-нибудь реальный предметъ, но принимаемый не за то, что онъ представляетъ на самомъ дѣлѣ, тогда-какъ въ галлюцинаціи *нѣтъ вовсе никакого объективнаго стимула* (возбужденія).“ Болѣе точный научный анализъ свидѣтельствуетъ, что „такое опредѣленіе галлюцинаціи ошибочно, и что галлюцинаціи часто суть лишь *крайнія степени* процесса воспріятія, когда вторичныя мозговыя реакціи превышаютъ всякую нормальную пропорцію относительно того внѣшняго стимула, который вызвалъ ихъ дѣятельность.“ „Необходимо“ поэтому „остерегаться нижеслѣдующаго заблужденія: часто говорятъ о галлюцинаціяхъ, какъ объ образахъ, относимыхъ вовнѣ по ошибкѣ. Но тамъ, гдѣ имѣется полная галлюцинація, дѣло заходитъ гораздо дальше умственнаго образа. *Разсматриваемая субъективно, галлюцинація есть ощущеніе столь-же*

---

[101]) Н. М. Поповъ, *Лекціи по общей психопатологіи*; Казань, 1897 г.; стр. 94
[102]) *Ibidem*, стр. 95.

ясное и полное, какъ еслибы оно было ощущеніемъ, получаемымъ отъ настоящаго реальнаго предмета. Но предмета, воспринимаемаго въ галлюцинаціи, тутъ нѣтъ,—вотъ и все.“ [103]) Отсюда дѣлается понятнымъ какъ то, что иллюзіи и галлюцинаціи могутъ быть не только въ болѣзненномъ состояніи, но и въ здоровомъ, такъ и то, что, обзывая извѣстное психическое переживаніе иллюзіей или галлюцинаціей, мы ничего еще не предрѣшаемъ ни относительно права даннаго лица связывать съ этимъ переживаніемъ тотъ смыслъ, который оно связываетъ съ своими воспріятіями, какъ таковыми, вообще, ни относительно общей жизненной цѣнности соотвѣтствующихъ фактовъ. Въ сущности, мы всѣ, всегда и всюду, живемъ въ мірѣ иллюзій и галлюцинацій, ибо то, что предполагается въ основѣ нашихъ воспріятій, какъ внѣшній стимулъ, есть реальность, примышляемая нами такъ или иначе, а не прямо открытая или непосредственно данная намъ. Лишь вслѣдствіе того, что иллюзіи и галлюцинаціи, подводимыя подъ понятіе дѣйствительныхъ воспріятій, единообразны у громаднаго большинства людей, непрерывны и преемственны, связаны въ устойчивую и опредѣленную систему, способны порождать отношенія и послѣдствія, оказывающіяся жизненно плодотворными и во всѣхъ смыслахъ цѣнными для людей, пріучаемся мы отличать эти иллюзіи и галлюцинаціи отъ тѣхъ, которымъ усваивается условное наименованіе воспріятій искаженныхъ и воспріятій мнимыхъ. [104]) Конечно, дѣло здѣсь не въ одной только личной привычкѣ, и подъ словомъ: „мы“ разумѣются не отдѣльныя, разрозненныя особи. Должно также прибавить, что съ окончательною незыблемостью наличность дѣйствительнаго бытія утверждается, во всякомъ случаѣ, не тѣмъ или другимъ примышленіемъ, а вѣрою.

Теорій для объясненія происхожденія обмановъ чувствъ предложено великое множество, и уже одно обиліе ихъ заставляетъ относиться къ нимъ съ большою осторожностью. „Спорадическіе случаи

---

[103]) Вильямъ Джемсъ, *Научныя основы психологіи*; перев. подъ ред. Л. Е. Оболенскаго; С.-Петербургъ, 1902 г.; стр. 261.

[104]) „..... мы живемъ среди иллюзій и явленій, вполнѣ однородныхъ съ иллюзіями; ибо..... всякое правильное воспріятіе представляетъ собой явленіе, которое съ психологической (а не гносеологической) точки зрѣнія вполнѣ однородно съ иллюзіями, т. е. состоитъ изъ такихъ-же элементовъ, какъ иллюзія.“ А. И. Введенскій, *Психологія безъ всякой метафизики*; С.-Петербургъ, 1914 г.; стр. 87. Названный авторъ, впрочемъ, полагаетъ, что галлюцинаціи должны быть строго отличаемы отъ иллюзій.

галлюцинацій, посѣщающихъ людей однажды въ теченіе всей ихъ жизни (что̀, повидимому, представляетъ наиболѣе обыкновенный типъ), не легко объяснимы въ своихъ деталяхъ какой бы то ни было теоріей. Часто они чрезвычайно полны. И тотъ фактъ, что многія изъ нихъ описываются, какъ *вериликальныя*, т. е. какъ совпадающія съ дѣйствительными происшествіями, какими-нибудь катастрофами, чьей-либо смертью и т. п., у тѣхъ лицъ, которыя ихъ видятъ, есть лишь добавочное усложненіе явленій", [105])—дѣлающее ихъ, само собою разумѣется, еще болѣе загадочными. Доселѣ мы не располагаемъ, однимъ словомъ, такой теоріей, которая вполнѣ удовлетворяла бы психологовъ и психіатровъ.

Одною изъ наиболѣе авторитетныхъ теорій является, впрочемъ, теорія Мейнерта, который полагаетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ произведеніями такъ-называемыхъ подкорковыхъ центровъ, какъ органовъ ощущеній. Дѣятельность этихъ центровъ находится въ обратномъ отношеніи съ дѣятельностью корковыхъ центровъ, заложенныхъ въ корѣ большихъ мозговыхъ полушарій и играющихъ важнѣйшую роль въ нашей сознательной психической жизни. Теорія Мейнерта подтверждается ученіемъ Гейденгайна, который различаетъ два вида психической дѣятельности: высшую и низшую; первая локализируется имъ преимущественно въ корѣ лобныхъ долей, а вторая—въ подкорковыхъ узлахъ. При бездѣятельности первой области усиленно работаетъ вторая,—напр., во время сна; съ нею-же онъ связываетъ грезы, галлюцинаціи, внушенія гипнотизма. [106])

Теорія Мейнерта направляетъ нашу мысль въ сторону соображеній, довольно невыгодныхъ для подкорковыхъ центровъ. Въ случаяхъ патологическихъ, т. е. при такихъ обманахъ чувствъ, которые наблюдаются при завѣдомо болѣзненныхъ состояніяхъ, у душевно-больныхъ, подкорковые центры и не заслуживаютъ, пожалуй, лучшей репутаціи. Тутъ „подсознательная область" проявляетъ себя, дѣйствительно, въ формахъ уродливыхъ и вредныхъ. Не имѣется-ли, однако-же, данныхъ, намекающихъ на болѣе высокое значеніе „подсознательной области"?

И по этой части современная наука выводитъ насъ на болѣе широкій просторъ. Вотъ что̀ говоритъ, напр., Вильямъ Джемсъ про

---

[105]) Вильямъ Джемсъ (прим. 103), стр. 264.

[106]) П. И. Ковалевскій, *Психіатрія. Томъ первый: общая психопатологія*; Харьковъ, 1886 г.; стр. 109, 110.

„подсознательную область“, называемую имъ просто „областью *B*“ въ отличіе отъ „области *A*“, гдѣ царитъ полное, ясное сознаніе. „Область *B*, очевидно, является болѣе обширною частью каждаго изъ насъ, потому-что она представляетъ собою прибѣжище всего скрытаго отъ насъ, хранилище всего незамѣченнаго нами. Она содержитъ въ себѣ, напр., такія вещи, какъ всѣ наши мгновенныя воспоминанія, являющіяся къ намъ помимо нашей воли, и таитъ въ себѣ зачатки всѣхъ нашихъ неясно мотивированныхъ настроеній, побужденій, симпатій, антипатій, предразсудковъ. Всѣ наши интуиціи, предположенія, фантазіи, суевѣрія, убѣжденія, вѣра и вообще всѣ наши ирраціональныя дѣйствія приходятъ изъ этой области. Изъ нея выходятъ наши сны, и возможно, что они возвращаются туда-же. Въ ней возникаютъ всѣ наши мистическія переживанія, всѣ наши автоматизмы, чувственные и двигательные; она служитъ источникомъ всей нашей жизни въ гипнотическихъ и «гипноидическихъ» состояніяхъ, если только у насъ бываютъ такія состоянія; въ ней кроются всѣ наши обманы чувствъ, всѣ навязчивыя идеи, всѣ причины истерическихъ припадковъ, если мы подвержены истеріи, изъ нея исходятъ всѣ сверхъ-нормальныя познанія, если они бываютъ у насъ или если мы наклонны къ телепатіи. Эта-же область представляетъ собою главный источникъ всего, чѣмъ питается наша религія. У людей, глубоко погруженныхъ въ религіозную жизнь,..... дверь въ эту область раскрыта, повидимому, необычайно широко; во всякомъ случаѣ, переживанія, входя черезъ эту дверь, имѣютъ громадное вліяніе на образованіе религій.“ [107])

На первый взглядъ можетъ показаться, что сосѣдство, въ которое помѣщается здѣсь „главный источникъ всего, чѣмъ питается наша религія“, должно замутить чистоту этого источника совершенно непоправимымъ образомъ. Да, въ отдѣльныхъ случаяхъ такъ оно и бываетъ; но, въ общемъ, источникъ этотъ неизмѣнно утолялъ спасительную жажду человѣчества прикасаться мірамъ инымъ, имѣть общеніе съ тою высшею реальностью, которая именуется Богомъ. Притомъ вѣдь въ той-же подсознательной области „находятся корни многихъ геніальныхъ твореній и произведеній человѣческаго духа“, [108]) и мы не смущаемся сосѣдствомъ этихъ корней съ такими элементами, которые либо вовсе не имѣютъ значенія, либо имѣютъ значеніе от-

[107]) Вильямъ Джемсъ, *Многообразіе религіознаго опыта*; перев. подъ ред. С. В. Лурье; Москва, 1910 г.; стр. 472, 473.

[108]) *Ibidem*, стр. 502.

рицательное. У того-же Вильяма Джемса мы читаемъ: „*сознательное «я» человѣка является непосредственнымъ продолженіемъ болѣе широкаго по объему «я», которое въ критическіе моменты порождаетъ спасительный опытъ* и даетъ положительное содержаніе религіозному переживанію, а это послѣднее, думается мнѣ, *совершенно и объективно истинно во всемъ своемъ дѣйствительномъ объемѣ.*“ [109]) И „чѣмъ бы ни было въ *потустороннемъ* то «нѣчто», общеніе съ которымъ мы переживаемъ въ религіозномъ опытѣ,—*по эту сторону* оно является подсознательнымъ продолженіемъ нашей сознательной жизни.“ [110])

Какое именно значеніе должно быть приписано въ біографіи Вл. С. Соловьева его визіонерству?—къ этому вопросу мы возвратимся еще впослѣдствіи, когда у насъ накопится побольше фактическихъ дан-

---

[109]) *Ibidem*, стр. 505.

[110]) *Ibidem*, стр. 502.—Обвиненія религіи въ произведеніи душевныхъ разстройствъ, бывшія нѣкогда въ большомъ ходу, теперь точно также теряютъ подъ собою почву. „Сама по себѣ она [т. е. религія] такъ-же мало заслуживаетъ подобнаго обвиненія, какъ здоровая цивилизація или правильное воспитаніе“, говоритъ Г. Шюле. Правда, „и это высшее движеніе человѣческой души можетъ обратиться во вредъ человѣку, когда въ своихъ проявленіяхъ оно превосходитъ мѣру гармоническаго развитія души, налагаетъ лишенія и напряженія, которыя не подъ силу индивидуальной природѣ человѣка.“ Но что-же это значитъ? Ясно вѣдь, что дѣло сводится тутъ къ сочетанію различныхъ изнуряющихъ моментовъ, дѣйствующихъ особенно пагубно при наличности тѣхъ или другихъ индивидуальныхъ предрасположеній. Въ случаяхъ подобнаго рода „религія сама по себѣ не при чемъ, а все зависитъ отъ болѣзненныхъ, инымъ путемъ пріобрѣтенныхъ предрасположеній, только принимающихъ на себя религіозную маску.“ Извѣстно, какія жестокія опустошенія производитъ иногда въ человѣческой душѣ и половое любовное чувство, и сознаніе личной чести, и преданность общественно-политическимъ интересамъ. Въ любомъ сочиненіи по психіатріи можно найти образчики тяжелаго бреда на всѣ эти темы; но еще никто не рѣшался, на основаніи такихъ случаевъ, отрицать всѣ тѣ высокіе и благородные идеалы, которые компрометируются несчастными параноиками. Едва-ли стоило бы и жить, еслибы изъ-за обитателей заведеній для душевно-больныхъ нужно было отказаться отъ этихъ идеаловъ.—Не желая еще больше увеличивать размѣры этого примѣчанія, мы ограничимся въ заключеніе простой ссылкою на Эд. Ле-Руа, который полагаетъ, что обсужденіе нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ приводитъ къ необходимости установить понятіе „des hallucinations vraies“—въ отличіе отъ того, что онъ-же называетъ „pure chimère illusoire, pure hallucination morbide“. Конечно, весьма легко обозвать такое построеніе модернистской выдумкой; но слѣдуетъ все-таки помнить, что свою силу католическій модернизмъ почерпаетъ главнымъ образомъ въ стремленіи считаться съ наукой... Г. Шюле, *Душевныя болѣзни;* перев. Д. Г. Фридберга; Харьковъ, 1880 г.; стр. 187.—Edouard Le Roy, *Dogme et critique*; Paris, 1907; p. 224.

ныхъ. Пока мы въ-правѣ утверждать лишь одно: нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній связывать описанный выше случай „галлюцинаціи“ у 9-лѣтняго ребенка съ какимъ-либо опредѣленнымъ болѣзненнымъ его состояніемъ, съ чѣмъ-либо въ прямомъ смыслѣ слова патологическимъ. Ни самъ Соловьевъ, ни близкіе къ нему люди не сообщаютъ про другіе аналогичные случаи въ его дѣтскіе годы; П. С. Соловьева даже прямо заявляла намъ, что ни о какихъ „видѣніяхъ“ ея брата Владиміра, относящихся къ его дѣтству и отрочеству, въ семьѣ не было и рѣчи. Очевидно, данный случай представляется стоящимъ особнякомъ и совершенно исключительнымъ, почему онъ такъ и запечатлѣлся въ памяти мальчика, пережившаго его. Правда, Владиміръ Соловьевъ росъ ребенкомъ слабенькимъ и часто прихварывалъ, но онъ не былъ все-таки какимъ-то преждевременнымъ инвалидомъ съ расшатанной нервной системой, игралъ и рѣзвился по примѣру другихъ дѣтей, какъ бы ни поражали иногда его сдержанность и вдумчивость. Только разъ случилось ему захворать въ дѣтствѣ какой-то тяжелой формой; но, во-первыхъ, это была не нервная форма, а во-вторыхъ, разумѣемое заболѣваніе относится ко времени болѣе позднему, чѣмъ 1862 г. Тяжело хворалъ Владиміръ Соловьевъ въ первый годъ по поступленіи въ гимназію, когда ему было около 12 лѣтъ. За жизнь ребенка тогда совсѣмъ-было уже отчаялись. Пригласили Г. А. Захарьина, и онъ призналъ положеніе его безнадежнымъ. На выручку явился врачъ И. М. Соколовъ, близкій другъ семьи. Онъ рѣшилъ попытать счастья и сталъ давать больному шампанское. Ребенокъ вскорѣ-же почувствовалъ себя лучше и поправился.

Какъ бы, впрочемъ, ни смотрѣть на эпизодъ 1862 г., воспроизведенный въ поэмѣ: *Три свиданія*, не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что не одни порывы къ религіозному подвижничеству и не одни любовныя увлеченія сверстницами занимали воображеніе Соловьева во дни его дѣтства. Въ его душу западали и такія впечатлѣнія, о которыхъ большинство дѣтей его возраста даже не помышляло. Поучительнымъ свидѣтельствомъ въ этомъ смыслѣ могутъ служить его собственныя воспоминанія, относящіяся къ лѣту 1864 г., когда ему шелъ двѣнадцатый годъ. [111]) Это было незадолго до его поступленія въ гимназію. Въ это время заканчивалось разсмотрѣніемъ судебное дѣло Н. Г. Чернышевскаго, который въ концѣ на-

[111]) *П.*, I, 271—282; статья: *Изъ литературныхъ воспоминаній. Н. Г. Чернышевскій.*

званнаго года уже прибылъ въ Кадаю, въ Забайкальѣ. [112]) Въ очеркѣ, посвященномъ Н. Г. Чернышевскому, Вл. С. Соловьевъ разсказываетъ: „Ясно выступаетъ въ моихъ отроческихъ воспоминаніяхъ одинъ лѣтній вечеръ. Мы жили недалеко отъ Москвы на дачѣ въ селѣ Покровскомъ-Глѣбовѣ. Отецъ, работавшій лѣтомъ не меньше, чѣмъ зимою, удѣлялъ только воскресенья своимъ друзьямъ и знакомымъ, пріѣзжавшимъ на цѣлый день изъ Москвы и изъ ея окрестностей. Но вечеръ, о которомъ я вспоминаю, былъ не воскресный; невзначай послѣ обѣда пріѣхали Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ и Николай Христофоровичъ Кетчеръ. Я, по своимъ годамъ, еще не былъ въ состояніи какъ слѣдуетъ цѣнить Корша съ его высокимъ образованіемъ и тонкимъ остроуміемъ, котораго впечатлѣніе (на взрослыхъ) усиливалось его обычнымъ заиканіемъ. Но я отъ ранняго дѣтства любилъ Кетчера съ его наружностью полу-дикаго плантатора, съ остриженными (тогда) подъ гребенку волосами, его необъятную соломенную шляпу, широчайшіе и слишкомъ короткіе парусинные панталоны, которые онъ, кажется, носилъ и зимою, свирѣпо-добродушное выраженіе лица, громкій бодрящій голосъ и безцеремонныя шутки со всѣми, сопровождаемыя громкимъ хохотомъ.

Dulce ridentem Lalagen amabam,
Dulce loquentem.

Гости что-то разсказали отцу и собрались съ нимъ въ его обычную вечернюю прогулку. Я попросился идти вмѣстѣ съ ними, и отецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился. Но мои надежды на веселое собесѣдованіе Кетчера не сбылись. Онъ былъ мраченъ и совсѣмъ не хохоталъ. Оказалось, что они съ Коршемъ пріѣхали передать отцу только-что полученное изъ Петербурга извѣстіе о состоявшемся приговорѣ особаго сенатскаго суда, по которому извѣстный писатель Чернышевскій, обвиненный въ политическомъ преступленіи, былъ осужденъ на каторжныя работы въ Сибири. Оба гостя имѣли удрученный видъ, а отецъ, взволнованный, съ покраснѣвшимъ лицомъ, говорилъ какимъ-то напряженнымъ, негодующимъ шопотомъ, время отъ времени переходившимъ въ крикъ.“ [113]) Дальше Соловьевъ воспроизводитъ съ достаточной отчетливостью нѣкоторыя сужденія

---

[112]) О дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго см. Б. Б. Глинскаго (прим. 5), ч. 1, гл. IX, стр. 195—228, и Иванова-Разумника (прим. 7), т. II, гл. I, стр. 1—97. Ср. также Г. В. Плеханова, *Н. Г. Чернышевскій*; С.-Петербургъ, 1910 г.

[113]) *П.*, I, 271, 272 (прим. 111).

своего отца и невзначай прибывшихъ изъ Москвы гостей его, сужденія совершенно отрицательныя въ отношеніи судей и сочувственныя въ отношеніи осужденнаго.[114]) Бросается въ глаза, какъ хорошо запомнилъ Соловьевъ основные мотивы этой бесѣды, взволновавшей, очевидно, и его, ребенка. „Впослѣдствіи", говоритъ онъ, „въ разныхъ возрастахъ, мнѣ случалось разговаривать о Чернышевскомъ съ моимъ отцомъ, который всегда подтверждалъ свою увѣренность въ томъ, что никакого политическаго преступленія Чернышевскій не совершалъ, а былъ сосланъ за то, что его писательская (подцензурная) дѣятельность найдена была опасною для существующаго порядка." [115]) Свой очеркъ Соловьевъ заканчиваетъ такъ: „Въ теоретическихъ взглядахъ Чернышевскаго (до катастрофы) я вижу *важныя заблужденія*; насколько онъ ихъ сохранилъ или покинулъ впослѣдствіи, я не знаю. Но нравственное качество его души было испытано великимъ испытаніемъ и оказалось полновѣснымъ. Надъ развалинами безпощадно разбитаго существованія встаетъ тихій, грустный и благородный образъ мудраго и справедливаго человѣка." [116])

---

[114]) Раздраженіе С. М. Соловьева объясняется—конечно, лишь отчасти—и тѣмъ, что даже ему самому доводилось испытывать затрудненія въ своей подцензурной научно-литературной дѣятельности. Указанія въ этомъ смыслѣ содержатся, между прочимъ, не только въ его запискахъ (ср. выше, прим. 42). А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ подъ 12-ымъ февраля 1849 г. записываетъ: „Въ *Современникѣ* печатается чрезвычайно любопытная статья (*Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ*) профессора московскаго (С. М.) Соловьева. Никто еще изъ нашихъ историковъ не обнаруживалъ такого основательнаго и глубокаго анализа, какъ этотъ ученый. Отъ него многаго слѣдовало ожидать для нашей исторіи, которой до сихъ поръ не доставало именно такого рода критическихъ изслѣдованій. Но вотъ что случилось. Безгласный комитетъ, или, лучше сказать, Бутурлинъ нашелъ, что эти статьи Соловьева хотя благонамѣренны и безвредны, однако ему не слѣдовало говорить въ нихъ о Болотниковѣ!!—особенно въ журналѣ. Цензору велѣно сдѣлать замѣчаніе." А. В. Никитенко, *Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и дневникъ (1804—1877 гг.)*.; С.-Петербургъ, 1905 г., тт. I и II; т. I, стр. 388.

[115]) *П.*, I, 274, 275 (прим. 111).

[116]) *П.*, I, 282. Курсивъ нашъ.—Разсказывая объ обстоятельствахъ, при которыхъ Вл. С. Соловьевъ выразилъ готовность написать свою статью о Н. Г. Чернышевскомъ, В. А. Пыпина-Ляцкая замѣчаетъ, что извѣстную роль въ этомъ случаѣ сыграло желаніе Соловьева доставить удовольствіе А. Н. Пыпину, которому было дорого каждое сочувственное слово о Н. Г. Чернышевскомъ. В. Пыпина-Ляцкая, *В. С. Соловьевъ. Страничка изъ воспоминаній; Голосъ минувшаго*, 1914 г., декабрь; стр. 122—129; см. стр. 127, 128.

Цитируемый очеркъ помѣченъ 14-ымъ декабря 1898 г., т. е. онъ принадлежитъ, по времени написанія, да и по существу своего содержанія, къ позднѣйшему періоду литературной дѣятельности Соловьева. Но мы не можемъ не сослаться на него уже здѣсь, ибо вполнѣ ясно, что бесѣда взрослыхъ о печально сложившейся судьбѣ Н. Г. Чернышевскаго коснулась какихъ-то глубокихъ струнъ и въ душѣ 11-лѣтняго ребенка.—Любопытна дата: 14-ое декабря. Для тѣхъ, кто пожелалъ бы усмотрѣть въ этомъ нѣкоторую политическую аллюзію, особенно въ связи съ пререкаемымъ „образомъ мудраго и справедливаго человѣка“, не лишнимъ будетъ прибавить мимоходомъ, что незадолго до статьи о Н. Г. Чернышевскомъ была написана Вл. С. Соловьевымъ другая статья: *Памяти Императора Николая I-го*, показывающая, что Соловьевъ готовъ былъ цѣнить по достоинству и идеализировать не только „шуйцу“, но и „десницу“... [117])

Весьма вѣроятно, что чуткому и быстро развивающемуся ребенку удавалось присутствовать и при другихъ разговорахъ старшихъ членовъ семьи и вообще взрослыхъ людей на важныя и отвѣтственныя темы. С. М. Соловьевъ находился въ общеніи со многими выдающимися людьми не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Въ ноябрѣ 1859 г. онъ былъ назначенъ преподавателемъ на полтора года къ наслѣднику Николаю Александровичу; 7-го декабря 1861 г. онъ былъ командированъ въ Петербургъ для принятія участія въ совѣщаніяхъ относительно университетовъ; съ августа мѣсяца 1862 г. по 1-ое января 1863 г. онъ былъ приглашенъ для учебныхъ занятій съ наслѣдникомъ; [118]) позднѣе, послѣ кончины цесаревича Николая Александровича, С. М. Соловьеву было поручено преподаваніе исторіи, въ продолженіе первой половины 1866 г., и новому наслѣднику, будущему императору Александру III-му. Замѣтимъ попутно, что военнымъ научнымъ кругамъ С. М. Соловьевъ тоже не былъ чуждъ, ибо онъ преподавалъ и въ 3-емъ Военно-Александровскомъ училищѣ. Не сторонился С. М. Соловьевъ и отъ петербургской журналистики. Въ *Вѣстникѣ Европы* М. М. Стасюлевича, съ которымъ впослѣдствіи довольно близко сошелся его сынъ Владиміръ, онъ принималъ участіе

---

[117]) *Соч.*, VI, 663—666.—„Лучшая сторона характера и образа мыслей императора Николая I-го, хорошо знакомая въ кругахъ, близкихъ къ Престолу,“ говоритъ Вл. С. Соловьевъ, „скрывалась и доселѣ скрывается для большинства за подавляющимъ обликомъ Державнаго Великана.“ *L. c.*, стр. 663.

[118]) О пребываніи С. М. Соловьева въ Петербургѣ въ 1861 и 1862 гг. упоминаетъ, между прочимъ, и А. В. Никитенко (прим. 114), т. I, стр. 19, 61, 107.

съ 1866 г., перваго года его существованія. [119]) Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что, при обширности связей и отношеній отца, въ семьѣ Соловьевыхъ постоянно затрагивались различные общіе вопросы, и имѣющіе уши, чтобы слышать,—слушали и слышали... [120])

Осенью 1864 г. кругъ воздѣйствій на подававшаго большія надежды „Володеньку“ значительно расширился: его опредѣлили въ гимназію, и для него началась школьная жизнь—по счастью, въ условіяхъ скорѣе благопріятныхъ, чѣмъ неблагопріятныхъ. [121])

---

[119]) См. переписку С. М. Соловьева съ М. М. Стасюлевичемъ. *М. М. Стасюлевичъ и его современники* и т. д. (прим. 65), стр. 449—463.

[120]) Въ концѣ 1858 г., наканунѣ шестилѣтія Владиміра Соловьева, разыгралась очень некрасивая литературная исторія изъ-за „жидовъ“. Въ виду этого тогда-же появились протесты противъ голословныхъ обвиненій евреевъ, и одинъ изъ этихъ протестовъ, наряду съ Аксаковымъ, Буслаевымъ, Катковымъ, П. Леонтьевымъ, С. Рачинскимъ и многими другими, подписалъ также С. М. Соловьевъ. См. А. В. Никитенко (прим. 114), т. I, стр. 536 — 537. Эпизодъ этотъ, не лишенный значенія для характеристики С. М. Соловьева, напрашивается самъ собою на сопоставленіе съ извѣстнымъ „протестомъ“, составленнымъ Вл. С. Соловьевымъ въ маѣ 1890 г. См. *П.*, II, 160. Ср. также Вл. Г. Короленко, *Полное собраніе сочиненій*; изд. т-ва А. Ф. Марксъ, Петроградъ, 1914 г.; т. IX, стр. 257—260; статья: *„Декларація“ В. С. Соловьева.* Въ 1867 г., когда Владиміръ Соловьевъ былъ уже въ 5-омъ классѣ гимназіи, Московскій университетъ смущенъ былъ „скандальнымъ происшествіемъ“ изъ-за проф. В. Н. Лешкова, чуть не вызвавшимъ отставки С. М. Соловьева. См. А. В. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 325.—Весьма вѣроятно, что отголоски подобныхъ случаевъ доходили такъ или иначе и до дѣтей С. М. Соловьева, въ особенности старшихъ.

[121]) Помимо источниковъ, указанныхъ въ предшествующихъ примѣчаніяхъ, нами использованы при составленіи главы второй также частныя сообщенія В. С. Поповой, П. С. Соловьевой, В. И. Герье и Н. И. Карѣева.

III.—Въ гимназіи.

Къ поступленію въ гимназію Владиміра Соловьева подготовляли дома. Имѣлась въ виду, разумѣется, 1-ая гимназія, гдѣ учился нѣкогда самъ С. М. Соловьевъ, [122]) и гдѣ учился также старшій сынъ его Всеволодъ. По соображеніямъ отчасти медицинскимъ, отчасти педагогическимъ, признано было наиболѣе цѣлесообразнымъ обойти младшіе два класса и направить мальчика прямо въ третій классъ.

О дошкольныхъ учебныхъ занятіяхъ Соловьева точныхъ свѣдѣній не сохранилось. Повидимому, многое было схвачено имъ урывками, при помощи чтенія, а также черезъ повседневное общеніе съ взрослыми. Можетъ-быть, недочетами въ постановкѣ первоначальнаго обученія и объясняется то обстоятельство, что Соловьеву было трудно справляться въ гимназіи съ физико-математическими науками. Возможно, однако, что тутъ сказалось также вліяніе своеобразной наслѣдственности. Дѣло въ томъ, что самъ С. М. Соловьевъ одолѣвалъ математику съ великимъ трудомъ. 8 лѣтъ отъ роду онъ былъ записанъ въ духовное училище съ правомъ учиться дома и являться въ училище только къ экзаменамъ. Нѣкоторымъ предметамъ обучалъ его отецъ, протоіерей М. В. Соловьевъ, для другихъ же предметовъ онъ посѣщалъ классы коммерческаго училища. [123]) Ученье шло неважно и безпорядочно, а между-тѣмъ ребенокъ цѣлые дни проводилъ за книгами. Когда С. М. Соловьева рѣшили, наконецъ, перевести въ гимназію, его едва приняли тамъ въ третій классъ,—притомъ именно по причинѣ плохого знанія математики. [124]) Но и въ гимназіи, въ

---

[122]) Указаніе на это имѣется въ формулярномъ спискѣ о службѣ С. М. Соловьева (прим. 16).

[123]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 71.

[124]) *Ibidem*, стр. 83.

особенности на первыхъ порахъ, математика продолжала хромать. „Вслѣдствіе сильнаго отвращенія отъ этой науки," разсказываетъ С. М. Соловьевъ, „полной неспособности къ ней, невозможности понять, къ чему служитъ эта передвижка цифръ и буквъ, какая благодать отъ того, что $x^2+px+q=0$, что x, наконецъ, можетъ быть равенъ 23 или 33, что при такихъ-то и такихъ-то случаяхъ треугольники равны,—вслѣдствіе этого я не могъ дѣлать успѣховъ и въ гимназіи, хотя здѣсь принужденъ былъ силою заниматься и математикою, ломать безъ пользы голову по нѣскольку часовъ надъ задачами, что̀, разумѣется, еще болѣе усиливало во мнѣ отвращеніе къ предмету." [125]) Какъ на грѣхъ, и учитель подвернулся не очень-то разумный. Онъ не стѣснялся, напр., обращаться къ ученику, прочитавшему двѣнадцать разъ *Исторію* Карамзина, „ревностному спутнику героевъ древней, средней и новой исторіи", съ такими привѣтами: „Дуракъ ты, дуракъ ты, Соловьевъ!—уравненіе второй степени рѣшить не можешь! Жаль мнѣ твоего отца, отецъ твой хорошій человѣкъ, а ты дуракъ!" [126]) Лишь черезъ годъ, перейдя на руки къ другому учителю, оказался С. М. Соловьевъ въ состояніи поправить свою репутацію плохого математика и сдѣлаться первымъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ; тѣмъ не менѣе, въ теченіе всего гимназическаго курса математическіе классы представлялись ему „несносными". [127]) Сходная судьба выпала, очевидно, и на долю его сына Владиміра, съ тою, впрочемъ, разницею, что его уже не срамили такъ обидно, какъ срамили его отца.

Было обращено вниманіе дома и на практическое ознакомленіе съ новыми языками, хотя въ семействѣ царила, конечно, русская рѣчь. Про „нѣмку-бонну" вспоминаетъ самъ Вл. С. Соловьевъ въ поэмѣ: *Три свиданія;* [128]) особенной склонности къ практическому пользованію нѣмецкимъ языкомъ у него, однако, никогда не было. Бо̀льшимъ его сочувствіемъ пользовались языки французскій и англійскій. Впослѣдствіи Соловьевъ обнаруживалъ порядочную привычку даже къ живой французской рѣчи; менѣе свободно владѣлъ онъ разговорнымъ англійскимъ языкомъ. [129]) Сохранилось и нѣсколько пи-

---

[125]) *Ibidem*, стр. 90.

[126]) *L. c.* (прим. 125).

[127]) *Ibidem*, стр. 93.

[128]) См. выше, прим. 97-ое.

[129]) Въ письмѣ на имя матери изъ Лондона отъ 1-го—13-го іюля 1875 г. Со-

семъ его, писанныхъ по-французски и по-англійски. [130]) Но въ болѣе или менѣе интимной перепискѣ онъ къ иностраннымъ языкамъ не прибѣгалъ, или прибѣгалъ къ нимъ крайне рѣдко. Такъ, напр., въ перепискѣ съ матерью онъ только одинъ разъ пустилъ почему-то въ ходъ французскую фразу: „Adieu, chère maman. Portez-vous bien.“ [131]) Для текстовъ, подготовляемыхъ къ печатанію на французскомъ языкѣ, приходилось обращаться къ посторонней помощи; [132]) на англійскомъ языкѣ Вл. С. Соловьевъ, сколько извѣстно, ничего не печаталъ. [133]) С. П. Хитрово разсказывала намъ, что графиня С. А. Толстая, рожденная Бахметева, относившаяся къ Соловьеву вообще очень доброжелательно, часто выражала сожалѣніе, что всякій разъ, какъ онъ поживетъ въ Москвѣ, вдали отъ петербургскихъ знакомыхъ, онъ какъ-бы разучивается говорить по-французски. Надо, однако, принять въ разсчетъ, что у вдовы гр. А. К. Толстого мѣрка была въ этомъ случаѣ очень строгая: она сама владѣла иностранными языками прекрасно, да и покойный мужъ ея говорилъ и писалъ по-французски и по-нѣмецки, какъ французъ и нѣмецъ, и Соловьеву

ловьевъ сообщаетъ, что для лучшаго усвоенія англійской рѣчи онъ упражняется въ разговорѣ съ уличными мальчишками и чистильщиками сапогъ. *П.*, II, 4.

[130]) Ср. *П.*, I, 182, 183; *П.*, III, 11, 146.—Соловьевъ писалъ изрѣдка и по-нѣмецки. См. *П.*, I, 171.—Въ позднѣйшіе годы онъ нѣсколько ознакомился съ хорватскимъ языкомъ. *П.*, I, 167. Были имъ приложены старанія и къ изученію древне-еврейскаго языка, что̀ представляло особое значеніе для его богословскихъ трудовъ. *П.*, II, 135, 136, 140, 144. — Н. И. Карѣевъ писалъ намъ: „Должно быть, уже въ четвертомъ классѣ [гимназіи] онъ [т. е. Соловьевъ] купилъ себѣ самоучитель испанскаго языка и убѣдилъ меня сдѣлать то-же, чтобы учиться параллельно. Я это сдѣлалъ; но дальше первыхъ уроковъ не пошелъ, да и Соловьевъ, кажется, охладѣлъ. Мотивъ заключался въ той всемірной роли, какую играла испанская нація въ началѣ новой исторіи. Помнится хорошо, что Соловьевъ ссылался при этомъ на какія-то въ этомъ смыслѣ слова своего отца: очевидно, въ ссылкѣ на роль Испаніи былъ отголосокъ какого-нибудь разговора Сергѣя Михайловича.“

[131]) *П.*, II, 46.

[132]) *П.*, II, 27.—Ср. также *П.*, III, 151.—Въ концѣ 1886 г. Соловьевъ писалъ М. М. Стасюлевичу: „Я вообще готовъ ко всему худшему и съ помощью добрыхъ людей, сильныхъ во французскомъ языкѣ, собираюсь превратиться до поры до времени во французскаго писателя. Нужда всему научитъ.“ *М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ*, подъ ред. М. К. Лемке; т. V, С.-Петербургъ, 1913 г.; стр. 336.

[133]) Въ письмѣ на имя отца изъ Лондона отъ 8-го—20-го сентября 1875 г. Соловьевъ указываетъ, что онъ подготовляетъ кое-что для отпечатанія на англійскомъ языкѣ, и что имъ уже подысканъ „подходящій переводчикъ“. Предположеніе это, повидимому, не осуществилось. *П.*, II, 11.

было, разумѣется, трудно угоняться за ними. [134]) Княг. Л. И. Сайнъ-Витгенштейнъ, описывая свои встрѣчи съ Соловьевымъ въ Парижѣ, проявляетъ, во всякомъ случаѣ, уже бо́льшую снисходительность. Въ ея салонѣ Соловьевъ выступалъ дважды съ докладами по вопросамъ церковнымъ и, повидимому, справлялся съ французской рѣчью вполнѣ успѣшно. Про первую „conférence“ княг. Л. И. Сайнъ-Витгенштейнъ разсказываетъ такъ: „Le Père Pierling prit la parole, afin d'exposer la matière qu'allait traiter M. Solovieff.—Celui-ci entama la question; et, *dans le français le plus pur*, tint son auditoire sous le charme de sa parole.“ Очень удачна была и та рѣчь („discours“), которую произнесъ Соловьевъ на второмъ собраніи (повтореніе первой „conférence“). [135]) Эпизоды эти относятся, впрочемъ, къ позднѣйшимъ годамъ его жизни.

17-го августа 1864 г. „Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ“ обратился на имя „Его Высокоблагородія Г. Исправляющаго должность Директора училищъ Московской губерніи“ съ прошеніемъ нижеслѣдующаго содержанія: „Желая помѣстить сына моего Владиміра Соловьева въ число приходящихъ учениковъ Московской губернской гимназіи, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокоблагородіе о помѣщеніи его въ число означенныхъ; документы же о немъ будутъ доставлены.“ Подпись: „Ординарный Профессоръ С. Соловьевъ.“ Того-же 17-го числа на прошеніи сдѣлана помѣтка: „Включить въ экзаменаціонный списокъ.“ Экзамены долго ждать себя не заставили и прошли, надо полагать, вполнѣ благополучно, ибо уже 18-го августа состоялось постановленіе педагогическаго совѣта Московской 1-ой гимназіи о принятіи Владиміра Соловьева въ третій классъ. [136]) Мальчика зачислили во второе от-

---

[134]) Извѣстно, что первые разсказы гр. А. К. Толстого были написаны на французскомъ языкѣ, съ соблюденіемъ даже особой манеры писателей XVIII-го вѣка. А. А. Кондратьевъ, *Графъ А. К. Толстой; матеріалы для исторіи жизни и творчества;* С.-Петербургъ, 1912 г.; стр. 19.

[135]) Princesse de Sayn-Wittgenstein, *Souvenirs (1825—1907);* Paris; pp. 180—182. — Княг. Л. И. Сайнъ-Витгенштейнъ, сестра кн. В. И. Барятинскаго, была въ дружескихъ отношеніяхъ съ гр. А. К. Толстымъ. См. сочиненія гр. А. К. Толстого (прим. 95), т. IV, стр. 247 — 266. Родилась она въ 1816 г. Передаютъ, что она проживаетъ доселѣ въ Ouchy—Lausanne, Villa Monabri, и, не смотря на очень преклонный возрастъ, владѣетъ всѣми своими способностями.—Курсивъ въ цитатѣ нашъ.

[136]) Свѣдѣнія эти доставлены намъ начальствомъ 5-ой гимназіи, при посредствѣ А. Н. Шварца.

дѣленіе этого класса, т. е. въ параллельный третій классъ. Было ему въ эту пору 11 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ.

Московская 1-ая гимназія, искони именовавшаяся „губернской", пользовалась хорошей репутаціей и была переполнена. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ было всего только четыре гимназіи, съ общимъ числомъ учащихся до 1800 человѣкъ. Свыше трети этого числа приходилось на долю 1-ой гимназіи, имѣвшей двѣнадцать параллельныхъ отдѣленій. [137]) Помѣщалась эта гимназія „у Пречистенскихъ воротъ" (нынѣ эта мѣстность называется Волхонкой), въ лучшей и населеннѣйшей части города. Параллельные классы ютились частію во второмъ этажѣ главнаго зданія, частію во флигелѣ, гдѣ впослѣдствіи была устроена казенная квартира для попечителя Московскаго учебнаго округа. На обязанности директора 1-ой гимназіи, помимо управленія самой гимназіей и огромнымъ пансіономъ при ней, лежало еще завѣдываніе всѣми низшими училищами Московской губерніи,—кромѣ, однако, столичныхъ; рядомъ съ этой дирекціей училищъ существовала поэтому въ Московской губерніи еще другая дирекція, ввѣренная директору 3-ей гимназіи; частныя учебныя заведенія находились подъ надзоромъ особыхъ инспекторовъ. [138]) Чрезмѣрное обиліе учащихся въ 1-ой гимназіи и переобремененіе директора этой гимназіи служебными обязанностями побудили министерство народнаго просвѣщенія выдѣлить часть параллельныхъ классовъ 1-ой гимназіи въ самостоятельное учебное заведеніе и учредить особую должность директора училищъ Московской губерніи, съ замѣною двухъ дирекцій одною. Въ этомъ смыслѣ и послѣдовало 8-го декабря 1864 г. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго совѣта, согласно коему, между прочимъ, надлежало: „изъ 12 параллельныхъ отдѣленій при всѣхъ классахъ Московской 1-ой гимназіи образовать отдѣльную семиклассную 5-ую гимназію для приходящихъ учениковъ, на основаніи общаго устава гимназій, съ тѣмъ чтобы 5-ая гимназія, впредь до окончательнаго ея устройства, имѣла помѣщеніе въ зданіи 1-ой гимназіи и получала отъ нея мебель, учебныя пособія и прочія принадлежности, а также состояла подъ управленіемъ одного съ нею директора." Что касается параллельныхъ отдѣленій, не вошедшихъ въ составъ 5-ой гимназіи, то ихъ рѣшено было оставить при 1-ой гим-

---

[137]) *Сборникъ постановленій по Министерству народнаго просвѣщенія;* т. III, изд. 2, С.-Петербургъ, 1876 г.; стр. 1504, 1505.

[138]) *L. c.* (прим. 137).

назіи, на прежнемъ положеніи. [139]) Параллельные классы, образовавшіе 5-ую гимназію, помѣщались во второмъ этажѣ главнаго зданія; тамъ они и оставались все время, пока 5-ая гимназія находилась подъ управленіемъ директора 1-ой гимназіи М. А. Малиновскаго. Открытіе 5-ой гимназіи было пріурочено къ 1-му августа 1865 г., къ началу новаго учебнаго года. Примѣрно черезъ 5 лѣтъ, а именно 1-го іюля 1870 г., для 5-ой гимназіи былъ назначенъ особый директоръ—Н. О. Эминъ; тогда-же былъ заключенъ контрактъ съ Хомяковыми, владѣльцами дома на Поварской, куда и перевели 5-ую гимназію. [140]) Всѣми этими данными объясняется какъ то, почему прошеніе С. М. Соловьева было подано въ дирекцію училищъ Московской губерніи, такъ и то, почему Владиміръ Соловьевъ, принятый въ 1-ую—она-же губернская—гимназію, вскорѣ сталъ числиться уже въ составѣ 5-ой гимназіи, а гимназическій курсъ свой закончилъ въ 1869 г. еще при М. А. Малиновскомъ, директорѣ 1-ой и 5-ой гимназій. [141])

Учебныя занятія въ гимназіи шли у Соловьева, въ общемъ, хорошо, только физико-математическія науки давались ему плохо. При преобладаніи „пятерокъ“ по другимъ предметамъ и языкамъ, баллы по математикѣ и физикѣ съ космографіей были у него почти за все время пребыванія въ гимназіи неважные; вѣроятно, этимъ обстоятельствомъ обусловливалась и сравнительная незначительность наградъ, которыя ему присуждались при переходѣ изъ класса въ классъ. Въ седьмомъ классѣ, которымъ тогда заканчивался гимназическій курсъ, баллы по физико-математическимъ наукамъ дѣлаютъ, однако, скачекъ кверху, такъ-что въ аттестатѣ, выданномъ при выпускѣ, успѣхи по всѣмъ предметамъ преподаванія отмѣчаются равно „отличными“. [142]) По этому случаю А. Н. Шварцъ, учившійся точно также въ 1-ой гимназіи, писалъ намъ: „Каюсь, зная своего бывшаго директора Малиновскаго (позднѣе помощникъ попечителя Казанскаго

[139]) *Ibidem*, стр. 1503.

[140]) См. выше, прим. 136-ое.

[141]) Въ одной изъ своихъ краткихъ автобіографическихъ замѣтокъ Соловьевъ о 5-ой гимназіи, какъ таковой, вовсе не упоминаетъ, а въ другой—упоминаетъ о ней вскользь, безъ указанія на 1-ую гимназію. *П.*, II, 185, 337. Въ *Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета за истекшую третью четверть вѣка его существованія (1869—1894)* дѣлается ссылка на обѣ гимназіи. *L. c.*, т. II (М.—Я.), С.-Петербургъ, 1898 г.; стр. 207.

[142]) См. выше, прим. 136-ое.

учебнаго округа),..... я сильно подозрѣваю, что это внезапное повышеніе балловъ не столько обусловливалось знаніями Владиміра Сергѣевича, сколько усердіемъ очень ухаживавшаго за вліятельными родителями Михаила Аѳанасьевича [Малиновскаго]."

Оффиціальныхъ данныхъ объ успѣхахъ Соловьева въ третьемъ классѣ не сохранилось. Извѣстно лишь, что постановленіемъ педагогическаго совѣта въ одномъ изъ іюньскихъ засѣданій 1865 г. (число не отмѣчено) онъ былъ переведенъ въ четвертый классъ, съ наградою второй степени.

Свѣдѣнія за четвертый классъ болѣе полныя. По закону Божію ему были выставлены за первую, вторую и четвертую четверти („пересадки") „пятерки"; за третью четверть баллъ не проставленъ; годичный баллъ, экзаменаціонный и средній—тоже „пятерки". По русскому языку: за первую и вторую четверти—„5" и „5"; за третью четверть балла нѣтъ; за четвертую четверть—„4"; годичный баллъ, экзаменаціонный и средній—„5", „5" и „5". По нѣмецкому языку, по четвертямъ учебнаго года: „5", „5", „4" и „4"; годичный баллъ, экзаменаціонный и средній—три „пятерки". По французскому языку, четвертные баллы: „5", „5", „4" и „5"; заключительные баллы, т. е. годичный, экзаменаціонный и средній, — три „пятерки". По латинскому языку, въ теченіе года, т. е. по четвертямъ,—„5", „5", „4" и „4"; заключительные баллы: „5", „5" и „4"; какъ получилась эта послѣдняя „четверка", — не ясно. По математикѣ: за первую четверть—„3", за вторую—„4"; за третью и четвертую четверти баллы не проставлены; заключительные баллы: „4", „4" и „4". По географіи: за первую, вторую и четвертую четверти—„пятерки"; за третью четверть балла нѣтъ; заключительные баллы — „пятерки". По исторіи: то-же, что̀ и по географіи. 8-го іюня 1866 г. Соловьевъ былъ переведенъ въ пятый классъ, съ награжденіемъ книгою, безъ похвальнаго листа.

Баллы за пятый классъ представляются въ такомъ видѣ. По закону Божію: и четвертные баллы, и заключительные — „пятерки". По русскому языку: круглая „пятерка"; за каждую четверть проставлено даже по двѣ „пятерки" — одинъ баллъ за устные отвѣты, а другой—за „сочиненія". По нѣмецкому языку: четвертные баллы—„5", „4", „5" и „5"; заключительные — „5", „5" и „5". По французскому языку: четвертные баллы—„5", „5", „4" и „4"; заключительные—„5", „5" и „5". По латинскому языку: въ теченіе года—четыре „четверки"; заключительные баллы—„4", „5" и „5". По ма-

тематикѣ: четвертные баллы — „3“, „3“, „4“ и „3“; заключительные—„3“, „4“ и „4“. По исторіи: круглая „пятерка“. По физикѣ и космографіи: четвертные баллы—„5“, „5“, „4“ и „3“; заключительные — „4“, „4“ и „4“. По греческому языку: круглая „пятерка“ 10-го іюня 1867 г. состоялось опредѣленіе о переводѣ Соловьева въ шестой классъ, съ наградою второй степени.

Въ шестомъ классѣ—круглыя „пятерки“ и въ четвертныхъ, и въ заключительныхъ баллахъ по закону Божію, нѣмецкому языку, исторіи и греческому языку. По русскому языку: по четвертямъ первой, третьей и четвертой двойныя „пятерки“, а за вторую четверть—„5“ и „4“; заключительные баллы—три „пятерки“. По латинскому языку: четвертные баллы—„4“, „4“, „5“ и „4“; заключительные—„4“, „5“ и „5“. По математикѣ: четвертные баллы — „4“, „4“, „3“ и „3“; заключительные — „4“, „4“ и „4“. По физикѣ и космографіи: по четвертямъ — „4“, „5“, „4“ и „3“; изъ заключительныхъ балловъ имѣется только годичный — „4“. 12-го іюня 1868 г. — переводъ въ седьмой классъ, съ награжденіемъ похвальнымъ листомъ.

Относительно седьмого класса мы имѣемъ передъ собою лишь заключительные баллы, т. е. годичный, экзаменаціонный и средній. По закону Божію, по языкамъ русскому, нѣмецкому, латинскому и греческому, по географіи и исторіи—круглыя „пятерки“; по математикѣ: „4“, „5“ и „5“; по физикѣ и космографіи—то-же.

При окончаніи гимназическаго курса весною 1869 г., Соловьевъ былъ награжденъ золотою медалью, съ занесеніемъ его имени на золотую доску въ гимназическомъ залѣ. Всего онъ просуществовалъ съ титуломъ гимназиста около 4 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, и ко времени выхода изъ гимназіи ему было около 16 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Вотъ точная копія съ полученнаго имъ „аттестата“, написаннаго на бланкѣ „Директора 1-й и 5-й Московскихъ гимназій“ за № 718 и помѣченнаго 21-ымъ іюня 1869 г.:—

„Предъявитель сего, ученикъ Московской 5-й гимназіи *Соловьевъ* Владиміръ, какъ изъ документовъ его видно, сынъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, родился 16-го Января 1853 года, православнаго исповѣданія, поступивъ въ 1-ю гимназію въ 1864 г., окончилъ въ текущемъ году, въ 5-й гимназіи полный курсъ гимназическаго ученія съ успѣхами:

Въ Законѣ Божіемъ—отличными,
Русской Словесности—отличными,
Математикѣ—отличными,

Исторіи—отличными,
Географіи—отличными,
Физикѣ и Космографіи—отличными,
Въ язык. Латинскомъ—отличными,
Греческомъ—отличными,
Нѣмецкомъ—отличными.

Въ продолженіи ученія въ Гимназіи велъ себя отлично.

Вслѣдствіе сего, по постановленію Педагогическаго Совѣта 5-й гимназіи, на основаніи 65 § Устава гимназій 1864 года, онъ, Соловьевъ, удостоенъ сего аттестата съ предоставленіемъ права на поступленіе безъ экзамена въ Университетъ и другія высшія учебныя заведенія съ присвоеніемъ тѣхъ служебныхъ преимуществъ, кои означены въ §§ 121, 122 и 123 того же устава, какъ награждаемый за отличные успѣхи и поведеніе золотою медалью съ оставленіемъ его имени на золотой доскѣ въ гимназическомъ залѣ.

Директоръ М. Малиновскій.
Инспекторъ Миллеръ.
Законоучитель Священникъ Илія Касицынъ.
Преподаватель Линбергъ.
———— Томсонъ.
Преподаватель Д. Назаровъ.
В. Басовъ.
В. Добромысловъ.
Е. Бѣлявскій.
К. Жинзифовъ.
Ѳ. Будде.
Секретарь Совѣта П. Поляковъ.“ [143])

Изъ представленныхъ матеріаловъ усматривается, что съ преподаваніемъ географіи тогда заканчивали въ четвертомъ классѣ, что физика съ космографіей и греческій языкъ изучались лишь въ трехъ послѣднихъ классахъ, и что уроки французскаго языка прекратились для Соловьева въ пятомъ классѣ. Ознакомившись съ этими данными, А. Н. Шварцъ отмѣчаетъ, въ качествѣ „интересной подробности“, „то, что Соловьевъ уже имѣлъ случай учиться по-гречески (преподаватель Ксенофонтъ, онъ-же Райко Жинзифовъ, болгаринъ, кончив-

[143]) Подлинный аттестатъ содержится въ дѣлѣ за № 262, на которое указано выше, въ прим. 73-емъ. Въ справкѣ, доставленной черезъ А. Н. Шварца (прим. 136), подъ аттестатомъ нѣтъ подписи В. П. Басова, зато есть подпись О. О. Шталя; самый порядокъ подписей нѣсколько иной.

шій курсъ Московскаго университета). Это—новость. Когда я [А. Н. Шварцъ] кончалъ въ 64 г., преподаванія греческаго языка въ 1-ой гимназіи не было; ему можно было *privatim* учиться у знаменитаго въ свое время нашего учителя латинскаго языка Я. В. Смирнова, но онъ сильно хворалъ (около этого времени уже умеръ), и я, напр., долженъ былъ брать частные уроки у Ѳ. Е. Корша, студента четвертаго курса. Ксен. Ив. Жинзифовъ не Богъ знаетъ сколько зналъ, но то, что зналъ, умѣлъ передавать ученикамъ и, во всякомъ случаѣ, элементарную этимологію вбивалъ въ нихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Основы, надо думать, Соловьевъ у него усвоилъ хорошо." [144])

Про Московскую 5-ую гимназію довольно подробныя свѣдѣнія содержатся въ воспоминаніяхъ Е. В. Бѣлявскаго, состоявшаго учителемъ сначала въ 1-ой гимназіи, а затѣмъ и въ 5-ой; въ этой послѣдней онъ преподавалъ русскій языкъ въ четырехъ старшихъ классахъ. [145]) Введеніе гимназической реформы при гр. Д. А. Толстомъ происходило на его глазахъ, и, сообразно съ этимъ, онъ различаетъ въ своей гимназической дѣятельности два періода: до 1871 г. и послѣ 1871 г. Все сочувствіе автора воспоминаній на сторонѣ перваго періода, къ которому относятся и гимназическіе годы Соловьева. Можетъ-быть, въ отзывахъ Е. В. Бѣлявскаго встрѣчаются нѣкоторыя преувеличенія и крайности; но общій характеръ его сужденій таковъ, что невольно проникаешься довѣріемъ къ словамъ этого педагога, съ увлеченіемъ проработавшаго всю свою жизнь на школьномъ поприщѣ. Свѣдѣнія, почерпаемыя нами у Е. В. Бѣлявскаго, мы имѣемъ возможность пополнить и расширить при помощи сообщеній Н. И. Карѣева, учившагося въ 5-ой гимназіи одновременно съ Вл. С. Соловьевымъ, а также изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ.

„Чрезвычайной симпатичностью", по словамъ Е. В. Бѣлявскаго, „отличался учитель греческаго языка К. И. Жинзифовъ, болгаринъ,

---

[144]) Оффиціальныя данныя о 1-ой Московской гимназіи можно почерпнуть въ юбилейномъ изданіи: І. Гобза, *Столѣтіе Московской 1-ой гимназіи. 1804—1904 гг. Краткій историческій очеркъ.* Москва, 1903 г. Тутъ-же имѣются свѣдѣнія о прохожденіи службы М. А. Малиновскимъ и нѣкоторыми другими должностными лицами. Особенно интересныя для насъ данныя см. на стр. 1, 3, 106—108, 110, 121, 141, 142, 155—162, 325.—Ѳ. Е. Коршъ—впослѣдствіи знаменитый ученый, академикъ; скончался 16-го февраля 1915 г., на 72-омъ году жизни. Объ его близости къ С. М. Соловьеву было уже упомянуто.

[145]) Е. В. Бѣлявскій, *Педагогическія воспоминанія. 1861—1902 гг.*; Москва, 1905 г.

уже взрослымъ приплевшійся въ Московскій университетъ. Онъ былъ извѣстный на своей родинѣ поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Райко»; въ Москвѣ онъ былъ сотрудникомъ *Московскихъ Вѣдомостей* и писалъ о южныхъ славянахъ. Ученики его страшно любили, но онъ имѣлъ слабость къ хмельному, которая и свела его рано въ могилу; я не помню такого стеченія народа на похоронахъ, какъ при его погребеніи. Этотъ національный болгарскій поэтъ страшно любилъ и Россію, видя въ ней спасеніе своей родины, что̀ и осуществилось впослѣдствіи.“ [146]) Къ этимъ словамъ Е. В. Бѣлявскаго мы можемъ, по разсказу Н. И. Карѣева, прибавить, что нѣсколько чрезмѣрное вниманіе К. И. Жинзифова „къ хмельному“ проявилось и при завершеніи того учебнаго года, который былъ послѣднимъ для Соловьева, какъ гимназиста. Послѣ утомительнаго дня, проведеннаго выпускными учениками въ гимназіи съ утра до вечера изъ-за послѣдняго экзамена и выжиданія конца педагогическихъ совѣщаній, К. И. Жинзифовъ пригласилъ къ себѣ молодежь на̀-домъ и, вмѣсто того, чтобы покормить юнцовъ и дать имъ отдохнуть, принялся угощать ихъ шампанскимъ. Дѣлалось это, конечно, отъ чистаго сердца, а вышло все-таки нехорошо: многіе изъ гостей такъ и заночевали у гостепріимнаго хозяина. Соловьевъ уѣхалъ рано и, благодаря этому, „спасся“...

Учитель латинскаго языка В. П. Басовъ былъ, по замѣчанію Е. В. Бѣлявскаго, „знатокъ своего дѣла“. [147]) Между прочимъ, онъ преподавалъ латинскую грамматику для будущихъ педагоговъ-классиковъ въ Московскомъ университетѣ, на что̀ имѣются указанія и въ годичныхъ университетскихъ отчетахъ. [148]) Сдѣланный В. П. Басовымъ переводъ латинской грамматики Мадвига пользовался въ свое время широкимъ успѣхомъ. Послѣ Н. О. Эмина, котораго въ Москвѣ называли „армянскимъ божкомъ“, [149]) В. П. Басовъ былъ назначенъ его преемникомъ въ качествѣ директора 5-ой гимназіи. Такимъ образомъ, одного почтеннаго ученаго, профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, смѣнилъ, въ роли директора, другой ученый. Это служебное повышеніе В. П. Басова относится, впрочемъ,

---

[146]) *Ibidem*, стр. 52.

[147]) *L. c.* (прим. 146).

[148]) См. *Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12-го января 1869 года*; Москва, 1869 г.; стр. 11.

[149]) Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 51.

уже къ 1876 г.[150]) Къ ученикамъ своимъ В. П. Басовъ предъявлялъ требованія довольно серьезныя, донималъ ихъ „единицами“ и вообще держалъ классъ строго; тѣмъ не менѣе, отношенія съ учениками были у него хорошія. По словамъ Н. И. Карѣева, В. П. Басовъ былъ слегка тронутъ параличемъ, но на общемъ состояніи его тѣлесныхъ и душевныхъ силъ это не отражалось. Суровый въ классѣ, В. П. Басовъ былъ инымъ дома, гдѣ господствовала его супруга, подъ властью которой находилось также нѣсколько пансіонеровъ. До четвертаго класса включительно латинскій языкъ преподавалъ В. М. Добромысловъ. Это былъ типическій семинаристъ, произносившій латинское „e“ какъ русское „е“, человѣкъ добродушный и вообще невредный. Отъ него ученики переходили въ старшихъ классахъ уже къ В. П. Басову и, конечно, только выигрывали отъ этого.

Ѳ. Э. Будде преподавалъ исторію. Е. В. Бѣлявскій аттестуетъ его кратко какъ „добродушнаго нѣмца“.[151]) Н. И. Карѣевъ припоминаетъ, что большимъ авторитетомъ среди учениковъ Ѳ. Э. Будде, дѣйствительно, не пользовался. Излагалъ онъ свой предметъ краснорѣчиво, но скучновато. Ученики слегка подшучивали надъ нимъ и сочиняли забавныя пародіи на его уроки. Такъ, напр., они влагали въ его уста тирады въ родѣ нижеслѣдующей: „Съ одной стороны, не однократно, а многократно, не одинъ разъ, а нѣсколько разъ, непрестанно, неизмѣнно и часто, ударами топора поражали дверь, и не столько съ этой стороны, сколько съ другой, бѣдный и, можно сказать, несчастный принцъ [Іоаннъ Антоновичъ], поражаемый кинжаломъ, падалъ на полъ, обливаясь кровью.“ Увѣряли также, будто-бы про какого-то историческаго дѣятеля Ѳ. Э. Будде выражался такъ: „Онъ былъ не столько казненъ, сколько спасся бѣгствомъ.“ Въ младшихъ классахъ Будде позволялъ называть себя Ѳедоромъ Ивановичемъ, но въ старшихъ требовалъ, чтобы его называли уже по-настоящему — Ѳедоромъ Эмануиловичемъ. Учебникомъ всеобщей исторіи служила переводная книжка Вебера, набитая фактами и именами,

---

[150]) *Ibidem*, стр. 64—70. — Около этого времени произошли въ 5-ой гимназіи характерныя для тогдашнихъ нравовъ замѣшательства изъ-за преподавателей западнославянскаго происхожденія. См., между прочимъ, замѣтку за подписью Х. въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* подъ заглавіемъ: *Крушеніе V-ой Московской гимназіи*; *l. c.*, 1876 г., № 222. На замѣтку эту обратилъ наше вниманіе В. И. Саитовъ. Любопытно, что статья эта начинается такими словами: „Ни одна гимназія въ Москвѣ не пользовалась такою хорошею репутаціей, какъ 5-ая Московская...“

[151]) Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 52.

мало вразумительная для учащихся и трудно усвояемая. Когда появились учебники всеобщей исторіи Д. И. Иловайскаго, гимназисты вздохнули посвободнѣе. Русскую исторію преподавали по учебникамъ того-же Д. И. Иловайскаго. Иногда Ѳ. Э. Будде читалъ въ классѣ отрывки изъ болѣе крупныхъ историческихъ сочиненій. Древніе языки онъ зналъ очень хорошо, и его даже приглашали преподавать ихъ, но онъ остался вѣренъ исторіи. При всѣхъ недочетахъ, это былъ все-таки человѣкъ съ научными стремленіями. Онъ сумѣлъ внушить ихъ и своему сыну, учившемуся въ той-же 5-ой гимназіи и занявшему впослѣдствіи каѳедру русской словесности въ Казанскомъ университетѣ. Къ урокамъ исторіи Соловьевъ относился съ интересомъ; нельзя, однако-же, сказать, чтобы Ѳ. Э. Будде оказывалъ на него особое вліяніе.

Географію преподавалъ Ѳ. Ѳ. Миллеръ; онъ-же былъ и инспекторомъ гимназіи. Прекрасно владѣя своимъ предметомъ, Ѳ. Ѳ. Миллеръ издалъ нѣсколько географическихъ картъ; во время уроковъ онъ блисталъ умѣньемъ чертить карты на доскѣ. „Этотъ добродушный толстякъ, любитель пошутить и повеселиться," разсказываетъ Е. В. Бѣлявскій, „попалъ, въ качествѣ инспектора, въ такія ежовыя рукавицы директора, что скоро очутился въ Преображенской больницѣ. Замѣчательно, что, черезъ годъ—два вышедши изъ больницы, какъ страдающій тихимъ помѣшательствомъ, онъ опять преподавалъ географію, и преподавалъ прекрасно, до самой смерти." [152]) Печальная исторія эта приключилась, впрочемъ, уже послѣ 1869 г. Ученики знали про доброту Ѳ. Ѳ. Миллера, а потому и не смущались его вспыльчивостью, которая проявлялась иногда очень рѣзко, въ особенности до его болѣзни. Соловьевъ и его сверстники были учениками Ѳ. Ѳ. Миллера въ четвертомъ классѣ; съ нимъ-же они повторяли курсъ географіи въ седьмомъ классѣ. Въ третьемъ классѣ, по словамъ Н. И. Карѣева, географію преподавалъ В. А. Модестовъ—человѣкъ уже старый, вскорѣ затѣмъ и умершій. Позднѣе преподаваніе географіи перешло къ А. Л. Линбергу. Про этого преподавателя Е. В. Бѣлявскій упоминаетъ въ той части своихъ воспоминаній, которая посвящена Тверской гимназіи, гдѣ Е. В. Бѣлявскій былъ короткое время, въ 1865 г., учителемъ, а затѣмъ около трехъ лѣтъ, съ 1883 г. по 1886 г., инспекторомъ. Онъ называетъ А. Л. Линберга „извѣстнымъ составителемъ географическихъ атласовъ и учеб-

---

[152]) *Ibidem*, стр. 52, 53.

ника географіи". [153]) Исполняя свои учительскія обязанности съ большою любовью, А. Л. Линбергъ „одну изъ громадныхъ залъ [Тверской] гимназіи всю увѣшалъ громадными рельефными картами, которыя онъ въ томъ-же залѣ и работалъ." [154]) Приведенныя здѣсь въ кавычкахъ слова относятся къ 1865 г. Впослѣдствіи А. Л. Линбергъ былъ переведенъ на службу въ Москву, но учиться у него Соловьеву уже не пришлось. Изучали географію, во времена Соловьева, по учебникамъ Бѣлохи.

Очень интересенъ для насъ отзывъ Е. В. Бѣлявскаго про Д. Ѳ. Назарова, преподававшаго въ старшихъ четырехъ классахъ математику и физику съ космографіей. Въ виду сравнительной малоуспѣшности Соловьева по части физико-математическихъ наукъ, естественно задаешься вопросомъ: не была-ли виновата въ этой малоуспѣшности—хотя-бы до нѣкоторой степени—личность самихъ преподавателей, плохая постановка самого преподаванія? Повидимому, отвѣчать на этотъ вопросъ слѣдуетъ отрицательно. Вотъ что̀ мы читаемъ у Е. В. Бѣлявскаго: „Центромъ, около котораго собирались всѣ учителя 5-ой гимназіи этого перваго ея времени [т. е. до реформы гр. Д. А. Толстого], была квартира учителя математики Д. Ѳ. Назарова. Сюда собирались учителя и повеселиться на досугѣ, и въ карты поиграть. Д. Ѳ. отличался тонкимъ, оригинальнымъ, интереснымъ умомъ и неистощимою изобрѣтательностью во всякихъ предпріятіяхъ. Какъ учителя математики, его, можно сказать, знала вся Москва, ибо уроки онъ давалъ съ 8 часовъ утра до 12 часовъ ночи, приблизительно уроковъ 60 въ недѣлю; но это не мѣшало ему участвовать во всякихъ пирушкахъ, часто быть въ театрѣ, наконецъ, и книжки писать; его учебникъ ариѳметики и особенно задачники пользовались извѣстностью, а задачники до сихъ поръ въ употребленіи [писано въ началѣ 1903 г.]." [155]) Едва-ли при такой общей характеристикѣ преподавателя слабые успѣхи тѣхъ или другихъ учениковъ его можно приписывать его винѣ. Ниже мы еще будемъ имѣть случай убѣдиться, что лично по отношенію къ Владиміру Соловьеву Д. Ѳ. Назаровъ обнаруживалъ даже особую заботливость. Какъ преподаватель физики, Д. Ѳ. Назаровъ былъ, по воспоминаніямъ Н. И. Карѣева, нѣсколько менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ какъ преподаватель математики; но и тутъ извѣстные отдѣлы были у него обра-

[153]) *Ibidem*, стр. 26.

[154]) *L. c.* (прим. 153).

[155]) Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 53, 54.

ботаны вполнѣ хорошо (напр., отдѣлъ оптики, который онъ диктовалъ ученикамъ). Для демонстраціи физическихъ приборовъ и опытовъ Д. Ѳ. Назаровъ водилъ учениковъ въ имѣвшійся при гимназіи физическій кабинетъ—обыкновенно одинъ разъ въ годъ, причемъ показывалось сразу очень многое. Въ качествѣ учебниковъ были въ ходу книги Ленца и Гано. Въ младшихъ трехъ классахъ математику, т. е. ариѳметику и начало алгебры, преподавалъ П. Н. Поляковъ. Это былъ учитель уѣзднаго училища, не располагавшій очень обширными математическими познаніями. Впрочемъ, ариѳметику онъ преподавалъ хорошо. Значитъ, и со стороны этого преподавателя помѣхи къ усвоенію предмета для учениковъ не было.

Что касается самого Е. В. Бѣлявскаго, то объ его прекрасныхъ педагогическихъ способностяхъ свидѣтельствуютъ какъ вся его многолѣтняя служебная дѣятельность, такъ и книжка *Педагогическихъ воспоминаній*, а равно и другіе писательскіе труды его въ области педагогической литературы. Это была „гуманная и глубоко преданная своему дѣлу личность“, какъ справедливо указывается въ предисловіи отъ издателя воспоминаній, редакціи *Вѣстника воспитанія*. Здѣсь-же говорится: „Будучи человѣкомъ глубоко религіознымъ и сторонникомъ проведенія въ жизнь русскихъ началъ, покойный относился съ рѣзкимъ отрицаніемъ къ тѣмъ, кто, прикрываясь этими началами, стремился къ обскурантизму и къ порабощенію живыхъ силъ общества и усиливалъ религіозную и національную рознь въ нашемъ отечествѣ. Въ области воспитанія Е. В. Бѣлявскій, раздѣляя основныя начала раціональной педагогики, былъ въ то-же время строгимъ блюстителемъ порядка и законности.“ [156]) Понятно, что отзывы такого лица про другихъ педагоговъ заслуживаютъ, по меньшей мѣрѣ, самаго серьезнаго вниманія. Характеристику Е. В. Бѣлявскаго, даваемую *Вѣстникомъ воспитанія*, Н. И. Карѣевъ можетъ только подтвердить. Въ общемъ, дѣло шло у этого преподавателя вполнѣ хорошо. На его рукахъ, какъ уже сказано, было преподаваніе русскаго языка съ четвертаго класса до седьмого включительно. Онъ особенно налегалъ на „сочиненія“, которыя задавались очень часто. Темы для сочиненій были либо автобіографическаго характера (воспоминанія о лѣтѣ, воспоминанія о прошлой жизни), либо отвлеченныя (разсужденія на ту или другую пословицу, на то или другое изреченіе), либо по теоріи языка (напр., объ отношеніи русскаго языка къ церковно-

[156]) *Ibidem*, стр. 3, 4.

славянскому по Остромирову евангелію и т. п.), либо по исторіи литературы (о литературныхъ произведеніяхъ, изучавшихся въ классѣ); темами отвлеченными Е. В. Бѣлявскій особенно дорожилъ. На выпускномъ экзаменѣ ученики писали о *Борисѣ Годуновѣ* Пушкина (характеристика Бориса или что-то въ этомъ родѣ). Въ третьемъ классѣ русскій языкъ преподавался М. И. Орловымъ. Это былъ человѣкъ уже не молодой, съ тою-же слабостью, что̀ и К. И. Жинзифовъ; но безъ его достоинствъ. Онъ часто пропускалъ уроки, и пользы отъ него ученикамъ было мало. Какъ кажется, онъ тогда-же и умеръ, а его мѣсто занялъ Б. Залѣсскій; учителемъ Соловьева этотъ послѣдній не былъ. Точно также не довелось ему воспользоваться и уроками А. И. Кирпичникова, который впослѣдствіи пріобрѣлъ немалую ученую извѣстность въ качествѣ профессора Харьковскаго, Одесскаго и Московскаго университетовъ (скончался 30-го апрѣля 1903 г.).

Про законоучителя И. Ѳ. Касицына и преподавателей К. М. Томсона и О. О. Шталя Е. В. Бѣлявскій ничего особеннаго не разсказываетъ; онъ умалчиваетъ, впрочемъ, и про В. М. Добромыслова и П. Н. Полякова. По всѣмъ вѣроятіямъ, всѣ эти лица не выдавались въ его глазахъ изъ средняго уровня ни въ хорошую, ни въ дурную сторону.

Насколько удалось выяснить, И. Ѳ. Касицынъ, по окончаніи курса въ Віѳанской семинаріи и по выдержаніи соотвѣтствующихъ испытаній занявшій въ выпускномъ спискѣ второе мѣсто, поступилъ въ 1852 г. въ Московскую духовную академію. Здѣсь онъ пробылъ четыре года, а затѣмъ священствовалъ въ Москвѣ. Къ одному выпуску съ нимъ принадлежали, между прочимъ, извѣстный ученый богословъ Хрисанѳъ Ретивцевъ, епископъ Нижегородскій, авторъ большого сочиненія: *Религіи древняго міра*, Н. А. Сергіевскій, попечитель Виленскаго учебнаго округа, И. А. Ненарокомовъ, директоръ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, и др. [157]) Одинъ изъ студентовъ Московской духовной академіи начала 70-ыхъ годовъ писалъ своимъ родителямъ 15-го октября 1871 г.: „Моя проповѣдь понравилась и начальству, и студентамъ, не смотря на то, что я главнымъ образомъ толковалъ объ отношеніяхъ студентовъ къ на-

[157]) *У Троицы въ Академіи. 1814—1914 гг.* Юбилейный сборникъ историческихъ матеріаловъ; Москва, 1914 г.; стр. 113, 126, 127.—Сочиненіе: *Религіи древняго міра* Соловьевъ рекомендовалъ черезъ Н. Н. Страхова вниманію гр. Л. Н. Толстого. *Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ, 1870—1894; Толстовскій музей*, т. II, С.-Петербургъ, 1914 г.; стр. 136.

чальству и, такимъ образомъ, долженъ былъ бы, кажется, понравиться кому-либо одному, а другого разозлить. Но, слава Богу, этого не случилось. Передайте мою благодарность Ильѣ Ѳеодоровичу [Касицыну] за тему, которую онъ внушилъ мнѣ и которая пошла въ ходъ.“ [158]) Повидимому, о. И. Ѳ. Касицынъ пользовался нѣкоторымъ ученымъ авторитетомъ и не лишенъ былъ способности привлекать къ себѣ молодежь. Въ 5-ой гимназіи о. И. Ѳ. Касицына любили, какъ человѣка добраго и благодушнаго; сильнаго вліянія на учащихся онъ, однако, не оказывалъ. Церковь при 1-ой гимназіи состояла въ завѣдываніи о. И. М. Богословскаго-Платонова, бывшаго священникомъ церкви Успенія на Могильцахъ. Онъ отличался даромъ проповѣдничества и умѣньемъ обставить богослуженіе очень благолѣпно; вслѣдствіе этого церковь Успенія на Могильцахъ слыла „модною“ церковью. Въ 1850 г., по порученію духовнаго начальства, о. И. М. Богословскій-Платоновъ составилъ программу логики и психологіи для университетовъ; программа эта была одобрена и принята къ руководству. Одно время онъ преподавалъ логику и среднюю и новую исторію философіи въ Московской духовной академіи. Послѣ него остались сочиненія богословскаго и философскаго содержанія и нѣсколько проповѣдей. [159]) Посѣщеніе гимназической церкви было обязательно лишь для пансіонеровъ; приходящіе ученики предоставлялись въ этомъ отношеніи на попеченіе родителей, вмѣстѣ съ которыми они и говѣли. Какъ-то разъ въ теченіе гимназическаго курса ученикамъ было задано написать „сочиненіе“ на тему изъ области закона Божія. За этимъ единственнымъ исключеніемъ, преподаваніе велось обычнымъ порядкомъ, по издавна установленнымъ образцамъ.

К. М. Томсонъ былъ учителемъ нѣмецкаго языка до третьяго класса включительно; начиная съ четвертаго класса языкъ этотъ преподавался О. О. Шталемъ. По словамъ Н. И. Карѣева, О. О. Шталь имѣлъ репутацію хорошо образованнаго человѣка и поклонника литературы; въ его завѣдываніи находилась фундаментальная библіотека, гдѣ онъ много и занимался. Вообще преподаваніе нѣмецкаго языка было поставлено лучше, чѣмъ преподаваніе языка французскаго. О. О. Шталь давалъ учащимся понятіе о нѣмецкой литературѣ, заставлялъ изготовлять письменныя работы (переводы). Учителемъ французскаго языка былъ Э. Керкофъ. Держалъ онъ классъ

---

[158]) *У Троицы* и т. д. (прим. 157), стр. 152, 153.

[159]) *Ibidem*, стр. 219, 220.

строго, и ученики его „уважали“, но толку отъ занятій французскимъ языкомъ было мало. Безъ конца переводили одинъ и тотъ-же отрывокъ, причемъ на долю каждаго ученика постоянно выпадала одна и та-же фраза. Послѣ Э. Керкофа явился, въ роли преподавателя французскаго языка, нѣкій Эллена, но Соловьевъ у него уже не учился. [160]) При введеніи въ 5-ой гимназіи греческаго языка одинъ изъ новыхъ языковъ долженъ былъ отпасть; изучать два новыхъ языка было и фактически неудобно, такъ-какъ уроки приходились на одни и тѣ-же часы. Соловьевъ отдалъ предпочтеніе нѣмецкому языку, въ виду того, что съ этимъ языкомъ онъ былъ меньше знакомъ, чѣмъ съ французскимъ, да и занятія съ О. О. Шталемъ обѣщали лучшіе результаты. [161])

---

[160]) Судьба этого бѣдняги сложилась очень грустно: подобно Ѳ. Ѳ. Миллеру, и онъ побывалъ въ Преображенской больницѣ. Интересную, съ точки зрѣнія гимназическихъ нравовъ, исторію разсказываетъ про него Е. В. Бѣлявскій: „Онъ [т. е. Эллена] участвовалъ въ войнѣ подъ Севастополемъ и былъ раненъ въ голову; пуля осталась, кажется, въ головѣ. Одинъ разъ, пришедши въ гимназію, онъ заговорилъ директору что-то несообразное; директоръ и говоритъ ему: «вы себѣ мушку приставьте къ затылку.» На другой день Эллена приходитъ въ гимназію съ медалью въ петлицѣ за севастопольскую кампанію и говоритъ, обращаясь къ директору, показывая на медаль: «вотъ моя мушка!» Затѣмъ пришелъ въ классъ и, когда ученикъ сталъ читать молитву, сказалъ: «подождите», снялъ медаль и прочелъ написанное на оборотѣ ея: «на Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во-вѣки», затѣмъ велѣлъ читать молитву. Во время урока побѣжала по классу мышь; ученики, видя, что учитель-то не въ своей тарелкѣ, сняли съ себя сапоги и начали бросать въ мышь; тогда и Эллена снялъ съ себя сапоги и съ крикомъ, безъ сапогъ, началъ гнаться за мышью.—Я объ этомъ ничего не зналъ, но въ тотъ-же день получаю письмо отъ Эллена, въ которомъ, вмѣсто его имени и фамиліи, стоитъ въ подписи: «Кафтанъ Бенедиктова». Что такое? На другой день узнаю отъ учениковъ, что онъ переводилъ въ классѣ съ русскаго на французскій статью Бенедиктова, подъ заглавіемъ: *Пропавшій кафтанъ*. Переводилъ, переводилъ и вдругъ хватается за голову: «господа, кафтанъ нашелся!» Ученики: «гдѣ, гдѣ?»—«Кафтанъ этотъ—я.» Эллена тоже, по выходѣ изъ больницы, былъ гдѣ-то учителемъ.“ Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 53.

[161]) Впрочемъ, въ пятомъ классѣ Соловьевъ совмѣщалъ изученіе двухъ древнихъ языковъ съ изученіемъ и нѣмецкаго, и французскаго языковъ. — Здѣсь необходимо пояснить, что, при переходѣ къ новому „Головнинскому“ типу, 1-ой гимназіи пришлось пережить разныя отступленія отъ дѣйствовавшаго раньше порядка. І. Гобза сообщаетъ нижеслѣдующее: „Въ видахъ поднятія самодѣятельности педагогическаго персонала, согласно предписанію попечителя, состоялся [вскорѣ послѣ назначенія М. А. Малиновскаго директоромъ] рядъ педагогическихъ бесѣдъ, на которыхъ..... формулировались..... мѣропріятія методическаго и дидактическаго характера. Такъ, при обсужденіи программы преподаванія естественной исторіи признано наиболѣе раціональнымъ начинать преподаваніе естествовѣдѣнія съ І-го класса, наглядно зна-

Скажемъ еще нѣсколько словъ о преподаваніи естествознанія, которое коснулось сверстниковъ Соловьева лишь слегка, такъ-какъ, по случаю поворота къ классицизму, имъ не пришлось уже исчерпать этотъ предметъ до конца. Начинали съ высшихъ животныхъ формъ и заканчивали растительнымъ царствомъ. Преобладало зубреніе, со множествомъ утомительныхъ подробностей изъ области систематики, съ мудреной номенклатурой и т. п. По мнѣнію Н. И. Карѣева, это было прямо-таки „ужасное естествознаніе“, нисколько не располагавшее къ дальнѣйшему изученію естественныхъ наукъ и скорѣе отталкивавшее отъ живой природы, чѣмъ привлекавшее къ ней. Изъ учителей памятенъ В. В. Григорьевъ, написавшій нѣсколько учебниковъ по естественной исторіи; книжки эти выдержали немало изданій и получили широкое распространеніе.

При опредѣленіяхъ о переводѣ изъ класса въ классъ или при указаніяхъ на переходные экзамены мы встрѣчаемся въ канцелярской справкѣ еще съ нѣкоторыми преподавательскими фамиліями; но, повидимому, разумѣемыя здѣсь лица въ гимназической жизни Соловьева и его ближайшихъ товарищей никакой роли не играли, являясь лишь въ качествѣ ассистентовъ на экзаменахъ и т. п.

Особое мѣсто въ личномъ составѣ интересующаго насъ учебнаго заведенія должно быть отведено М. А. Малиновскому—директору 1-ой гимназіи, а затѣмъ одновременно и 5-ой гимназіи.

Е. В. Бѣлявскій не называетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ по имени — вѣроятно, по соображеніямъ этическаго свойства; тѣмъ не менѣе, онъ даетъ довольно полную характеристику и этого лица.

комя учащихся съ предметами и явленіями физическаго міра способомъ сократическимъ, а систематическое изученіе начинать только съ IV-го класса.—Предваряя готовящуюся реформу съ возстановленіемъ классическаго образованія,..... совѣтъ принялъ предложеніе директора Малиновскаго о введеніи уже съ начала 1864/5 учебнаго года [NB!] преподаванія латинскаго языка въ III-емъ классѣ при двухъ недѣльныхъ урокахъ, взятыхъ по одному отъ французскаго языка и отъ рисованія.“ Затѣмъ обученіе греческому языку сдѣлано было обязательнымъ для учениковъ V-го класса съ 1866/7 учебнаго года; преподаваніе географіи отмѣнено въ V-омъ классѣ, но въ VII-омъ классѣ оставленъ одинъ урокъ для повторенія; въ видѣ опыта, по введеніи новаго („Головнинскаго“) устава, обязательное изученіе обоихъ новыхъ языковъ было оставлено въ III-емъ, IV-омъ, V-омъ, VI-омъ и VII-омъ классахъ на одинъ годъ; въ двухъ низшихъ классахъ преподаваніе французскаго и нѣмецкаго языковъ было пріурочено къ однимъ и тѣмъ-же часамъ, въ виду того, что обязательнымъ дѣлался лишь одинъ изъ новыхъ языковъ. До полнаго примѣненія новаго устава 1-ая гимназія добралась лишь къ тому времени, когда Соловьевъ заканчивалъ гимназическій курсъ. І. Гобза (прим. 144), стр. 141, 142, 157, 159.

Общій тонъ его сужденій не противорѣчитъ тому впечатлѣнію, которое производитъ процитированная выше краткая замѣтка А. Н. Шварца, нѣсколько смягченная нами. „Личность директора“, говоритъ Е. В. Бѣлявскій, „была очень сложная, съ большими достоинствами и крупными недостатками. Это былъ въ высшей степени дѣятельный человѣкъ, умѣвшій управлять двумя гимназіями и въ то-же время быть ближайшимъ человѣкомъ къ попечителю [Д. С.] Левшину, у котораго онъ былъ нѣчто въ родѣ чиновника особыхъ порученій и окружнаго инспектора. Многочисленныхъ своихъ учениковъ онъ зналъ, какъ только можно было, и безпрестанно вступалъ и въ личныя сношенія, и въ переписку съ родителями и воспитателями. При этомъ онъ не только зналъ учениковъ, но и понималъ ихъ требованія, умѣя отозваться на ихъ нужды и умѣя порадоваться ихъ успѣхамъ, ихъ совершенствованіямъ. Къ недостаткамъ его принадлежитъ то, что онъ былъ большой деспотъ, не допускавшій никакихъ возраженій. Учителя боялись его страшно, кромѣ, разумѣется, молодыхъ и неопытныхъ, еще не связавшихъ всѣхъ своихъ интересовъ съ гимназіей. Когда учителя проходили гимназическими коридорами, они старались не встрѣтиться съ нимъ. Онъ старался держать учителей въ черномъ тѣлѣ..... Во время акта онъ не сажалъ учителей за столъ, за которымъ самъ сидѣлъ съ высшимъ начальствомъ, а сажалъ ихъ сзади, далеко отъ стола. Во время педагогическихъ совѣтовъ онъ говорилъ одинъ, изрѣдка спрашивая: «согласны?» и, не дожидаясь отвѣта, уже писалъ опредѣленіе совѣта..... Кромѣ того, директоръ требовалъ точнаго соблюденія всякихъ формальностей и вообще всякихъ порядковъ, безъ чего, конечно, и нельзя, но онъ впадалъ иногда въ крайность.“ [162]) Трудно рѣшить, чего больше въ этой характеристикѣ — свѣтлыхъ или темныхъ чертъ; во всякомъ случаѣ, и при такомъ отзывѣ о директорѣ можно бы про 5-ую гимназію сказать то-же самое, что позволительно утверждать на основаніи знакомства съ ея собственно преподавательскимъ персоналомъ: очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ такимъ подборомъ педагогическихъ силъ, которому многія изъ тогдашнихъ учебныхъ заведеній могли только позавидовать.

По словамъ Н. И. Карѣева, М. А. Малиновскій любилъ окружать себя нѣкоторой торжественностью, стремясь уподобиться попечителю или ревизору. Преподавательской дѣятельностью онъ не занимался и

---

[162]) Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 47—49.

былъ погруженъ исключительно въ административныя заботы. Въ гимназіи онъ появлялся съ орденомъ на шеѣ и въ бѣломъ галстухѣ, съ цилиндромъ въ рукѣ. Ученики побаивались его и не любили, чтобы онъ заходилъ въ классы. Если учителя не было, то, заслышавши про шествіе директора, кто-нибудь изъ учениковъ становился у классной черной доски и дѣлалъ видъ, будто рѣшаетъ математическую задачу. Ученики знали, что директоръ, историкъ и филологъ по образованію, не въ ладахъ съ математикой и всячески избѣгаетъ излишнихъ встрѣчъ съ нею. Хитрая уловка обыкновенно достигала цѣли, къ выгодѣ для всѣхъ заинтересованныхъ лицъ. Какого-либо нравственнаго вліянія на учащихся М. А. Малиновскій не имѣлъ. Вообще, это былъ не столько педагогъ, сколько начальникъ, хотя, во многихъ отношеніяхъ, и не плохой.

Чтобы уже не возвращаться къ личности М. А. Малиновскаго, приведемъ въ этой-же главѣ письмо, съ которымъ онъ обратился къ С. М. Соловьеву послѣ магистерскаго диспута Вл. С. Соловьева. Подробности, относящіяся къ этому диспуту, будутъ воспроизведены нами впослѣдствіи. Вотъ это письмо, съ сокращеніями и вставочными замѣчаніями В. Л. Величко:—„«Милостивый Государь Сергій Михайловичъ!—Вчера на мою долю досталось провести $3^1/_2$ часа подъ вліяніемъ такого сильнаго и пріятнаго обаянія, какого я давнымъ-давно не испытывалъ и какимъ я обязанъ видѣнному и слышанному мною въ тотъ день безпримѣрно-блистательному торжеству мысли и слова безпримѣрно-юнаго магистранта, покорившаго своимъ талантомъ всецѣло вниманіе многосотенной разнокалиберной массы слушателей и овладѣвшаго вполнѣ самымъ глубокимъ сочувствіемъ всѣхъ, безъ изъятія, многочисленныхъ солидныхъ представителей истинной интеллигенціи здѣшней столицы [т. е. Петербурга], посѣтившихъ диспутъ. Диспутъ этотъ, изъ множества слышанныхъ мною за цѣлые десятки лѣтъ въ Харьковѣ, Москвѣ и Петербургѣ, былъ по-истинѣ самый замѣчательный, и по серьезности, и по одушевленію, и по мощи отпора на множество высказанныхъ возраженій; впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этихъ часовъ ученой бесѣды, такъ глубоко-сильно, что и черезъ сутки оно нисколько не утратило своей живости и свѣжести. Это-же самое испытали на себѣ говорившіе мнѣ нынче о томъ многіе изъ видѣнныхъ мною сегодня, въ университетѣ и въ домахъ, вчерашнихъ сочувственныхъ свидѣтелей научнаго торжества. Юный ученый чародѣй, такъ чудно овладѣвшій не только искреннимъ, но и почтительнымъ сочувствіемъ всѣхъ насъ вчера, былъ, конечно, какъ Вы

поняли изъ первыхъ строчекъ, Владиміръ Сергѣевичъ, бывшій нѣкогда Володя Соловьевъ, въ 5-ой Московской гимназіи, мною когда-то устрояемой, золотой медальеръ...»—Переходя, далѣе, къ своимъ служебнымъ и личнымъ дѣламъ, авторъ письма, сожалѣя о покинутой Москвѣ, говоритъ, что самымъ дорогимъ изъ дорогихъ воспоминаній является для него памятованіе «о свѣтлыхъ личностяхъ, вышедшихъ изъ гимназіи, подобныхъ гг. Боголѣпову, Соловьеву, Писемскому и др.»—Авторъ письма поздравляетъ счастливаго отца и его семью «... съ такимъ сокровищемъ, какъ вашъ Владиміръ Сергѣевичъ, и съ его знаменательнымъ тріумфомъ,—вѣрнымъ прецедентомъ долгой и славноплодотворной ученой дѣятельности, наслѣдуемой и преемствуемой имъ счастливо отъ знаменитаго въ наукѣ и отечествѣ отца...»—Должно быть, не даромъ далось юному магистранту это яркое торжество. Старый педагогъ замѣтилъ, какъ исхудалъ его питомецъ,—и спѣшитъ выразить пожеланіе, чтобы сразу поставленному высокому успѣху «... скорѣе и полнѣе стало соотвѣтствовать его здоровье, видимо изнуренное громадною массою работы, понесенной еще не окрѣпшимъ и не сформировавшимся нѣжнымъ организмомъ, нуждающимся видимо въ укрѣпленіи и освѣженіи на югѣ будущимъ лѣтомъ. Пошли ему Господь, чтобы онъ также побѣдоносно справился съ недугами и восторжествовалъ надъ наклонностью къ хворанію, какъ онъ уничтожилъ и побѣдилъ хитросплетенія разъяренныхъ доморощенныхъ позитивистовъ, матеріалистовъ, нигилистовъ и т. п. въ лицѣ возражавшихъ ему: бездарнаго и настолько-же наглаго доктора математики Р., даровитыхъ, но сбившихся съ прямого пути и до зубовнаго скрежета разъяренныхъ Вольфзона и Лесевича и ихъ компаніи. Этихъ господъ онъ совсѣмъ побилъ, побѣдивши въ ту-же пору отдавшихъ ему полную дань справедливости, солидныхъ возражателей, въ лицѣ гг. Владиславлева, Каринскаго и отчасти Срезневскаго...».[163]) Нельзя не замѣтить, что и въ этомъ письмѣ образъ М. А. Малиновскаго какъ-то двоится: съ одной стороны, онъ искренно радуется научному торжеству, привѣтствуетъ побѣду талантливости надъ безталанностью, съ умиленіемъ провидитъ плодотворную дѣятельность даровитой молодежи въ будущемъ, а съ другой — явно желаетъ угодить и понравиться С. М. Соловьеву, подчеркиваетъ свои директорскіе труды, старается прицѣпить свое имя къ успѣхамъ бывшихъ учениковъ не столько 5-ой, сколько *его* гимназіи. Впрочемъ, не слѣдуетъ быть слишкомъ придирчивымъ...

[163]) В. А. Величко (прим. 10), стр. 23—25.

На основаніи всего вышеизложеннаго, мы приходимъ къ тому общему заключенію, что школьный персоналъ, подъ воздѣйствіемъ котораго находился Владиміръ Соловьевъ въ свои гимназическіе годы, долженъ быть признанъ, по меньшей мѣрѣ, весьма добропорядочнымъ. Въ этомъ-же смыслѣ свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя замѣчанія Е. В. Бѣлявскаго о постановкѣ дѣла преподаванія и воспитанія въ 5-ой гимназіи вообще. Такъ, напр., онъ указываетъ, что въ этой гимназіи „съ начала ея существованія развилось въ ученикахъ нѣкоторое стремленіе къ философствованію, т. е. къ рѣшенію общихъ вопросовъ жизни и нравственности. И замѣчательно, что почти всѣ выдававшіяся впослѣдствіи личности изъ числа учениковъ этой гимназіи тогдашней ея эпохи были съ сильнымъ философскимъ направленіемъ." Въ подтвержденіе этого Е. В. Бѣлявскій ссылается на Вл. С. Соловьева, „умъ котораго считается едва-ли не самымъ сильнымъ философскимъ умомъ въ Россіи", Н. И. Карѣева, С. С. Корсакова, кн. Д. Н. Цертелева, Л. М. Лопатина („если не ошибаюсь, ... также былъ нѣкоторое время въ Московской 5-ой гимназіи, но курсъ кончилъ не въ этой гимназіи").[164]) Далѣе, по словамъ Е. В. Бѣлявскаго, ученики 5-ой гимназіи обнаруживали сильную любовь къ литературѣ. „Нѣкоторые ученики, еще будучи въ гимназіи, уже печатали свои произведенія." Между прочимъ, Вс. С. Соловьевъ, старшій братъ Владиміра, помѣщалъ свои стихотворенія въ журналахъ еще гимназистомъ. „Литературный интересъ поддерживался особенно тѣмъ, что многіе ученики этой гимназіи принадлежали по своему, такъ сказать, рожденію къ литературной средѣ и къ наиболѣе образованнымъ фамиліямъ." Помимо сыновей С. М. Соловьева, Е. В. Бѣлявскій называетъ здѣсь сыновей Д. Ѳ. Самарина, протоіерея Г. (П.) Смирнова-Платонова, бывшаго редактора *Православнаго Обозрѣнія*, романиста А. Ѳ. Писемскаго, профессоровъ С. И. Баршева, К. Я. Млодзѣевскаго и др. [165]) Правда, раннее авторство сопровождалось иногда дурными послѣдствіями; но вѣдь нѣтъ правила безъ исключенія, да и любовь къ литературѣ еще не предполагаетъ непремѣнно преждевременнаго авторства въ печати. Не безъ вліянія на выработку литературнаго вкуса въ ученикахъ и на пріобрѣтеніе ими умѣнья владѣть перомъ былъ и тотъ нѣсколько рискованный пріемъ, который примѣнялся одно время Е. В. Бѣлявскимъ: онъ читалъ самолично только сочиненія учениковъ старшаго класса, а сочиненія уче-

[164]) Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 82.—См. ниже, прим. 214-ое.
[165]) *Ibidem*, стр. 82, 83.

никовъ прочихъ классовъ передавалъ на разсмотрѣніе лучшимъ ученикамъ старшаго класса; конечно, въ заключеніе онъ провѣрялъ работу своихъ помощниковъ, какъ бы тщательно она ни была произведена. Любопытно, что въ числѣ такихъ помощниковъ Е. В. Бѣлявскаго оказался и Владиміръ Соловьевъ, „извѣстный [впослѣдствіи] философъ и публицистъ“; упоминаются также В. Д. Исаенковъ и Н. И. Карѣевъ.[166])

Взаимныя отношенія учителей и учениковъ отличались по большей части доброжелательностью. Этому немало способствовали собранія учениковъ на квартирахъ у преподавателей. „Я не находилъ для себя лучше и пріятнѣе общества, какъ мои ученики; поэтому дверь имъ всегда была открыта“, говоритъ Е. В. Бѣлявскій. При этомъ онъ, впрочемъ, сейчасъ-же оговаривается, что такъ было лишь „до Толстовской реформы гимназій“. „Ко мнѣ шли ученики и посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ, и за разрѣшеніемъ какого-нибудь волнующаго ихъ вопроса; шли и тѣ, которые хотѣли показать свое искусство въ пѣніи или игрѣ на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ (игрой на фортепіано отличался ученикъ Кротковъ.....), а иногда здѣсь что-нибудь читали и даже здѣсь-же я заставлялъ иногда писать ученическія сочиненія. Въ вечерахъ принимали иногда участіе и другіе учителя, напр., В. П. Басовъ, у котораго былъ хорошій басъ. Наиболѣе постоянными посѣтителями меня изъ учениковъ были В. Исаенковъ и Н. И. Карѣевъ. Оканчивались вечера чаемъ и маленькой закуской, оканчивались часто довольно поздно.“ [167])

Зачисленіе Владиміра Соловьева въ ученики 5-ой гимназіи послѣдовало, какъ мы знаемъ, въ августѣ 1864 г. Въ это время гимназіи наши, подвергавшіяся и раньше различнымъ преобразованіямъ, были наканунѣ новой реформы...

По уставу 8-го декабря 1828 г., гимназіи учреждаются въ каждомъ губернскомъ городѣ. Въ столицахъ и другихъ многолюдныхъ городахъ, гдѣ можетъ быть нѣсколько гимназій, одна только именуется губернскою, и директору этой гимназіи подчиняются всѣ прочія въ губерніи училища. Гимназіи могутъ быть открываемы, впрочемъ, и не въ губернскихъ городахъ. „Главнѣйшая цѣль учрежденія гимназій

[166]) *Ibidem*, стр. 44, 45.—Рискованность пріема, придуманнаго Е. В. Бѣлявскимъ, состояла, между прочимъ, въ томъ, что иногда сочиненіе попадало для предварительнаго просмотра въ руки къ ученику, связанному съ авторомъ сочиненія родствомъ или дружбою. Такой случай былъ однажды съ Н. И. Карѣевымъ.

[167]) *Ibidem*, стр. 54, 55.

есть доставленіе средствъ приличнаго воспитанія дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ." Курсъ ученія 7-лѣтній, раздѣленный на семь классовъ. Въ губернскихъ гимназіяхъ преподаются: законъ Божій, священная и церковная исторія; россійская грамматика, словесность и логика; языки латинскій, нѣмецкій и французскій; математика до коническихъ сѣченій включительно; географія и статистика; исторія; физика; чистописаніе, черченіе и рисованіе. Въ гимназіяхъ, состоящихъ при университетахъ, обучаютъ и греческому языку. По мѣрѣ нужды и возможности, преподаваніе этого языка будетъ вводимо и въ прочія губернскія гимназіи. Латинскій языкъ преподается во всѣхъ классахъ, при 26 урокахъ въ недѣлю, а греческій — съ четвертаго класса, при 20 урокахъ. [168])

Къ дѣлу созданія этого типа гимназій приложилъ въ извѣстной мѣрѣ свою руку тотъ самый гр. С. С. Уваровъ, который позднѣе, въ мартѣ 1833 г., былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а въ апрѣлѣ 1834 г. утвержденъ въ должности министра. [169]) Свою знаменитую программу дальнѣйшаго развитія школьнаго дѣла, построенную на принципахъ православія, самодержавія и народности, новый министръ изложилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 19-го ноября 1833 г. [170]) Занимая свой постъ сравнительно очень долго, а именно до 20-го октября 1849 г., гр. С. С. Уваровъ успѣлъ провести принципы своей программы въ цѣломъ рядѣ преобразованій; но ему-же пришлось быть свидѣтелемъ и крушенія нѣкоторыхъ изъ его начинаній. Особенно тягостнымъ было для него совершившееся еще въ бытность его министромъ народнаго просвѣщенія преобразованіе гимназій, выразившееся въ узаконеніи 21-го марта 1849 г. и подорвавшее господство классицизма. [171]) По этому узаконенію, желающіе продолжать ученіе въ университетахъ обязаны пріобрѣсти въ гимназіяхъ основательное знаніе латинскаго языка, къ какому бы факультету ни приготовлялись, а для перваго отдѣленія философскаго факультета, сверхъ латинскаго, должно основа-

[168]) *Сборникъ постановленій по Министерству народнаго просвѣщенія;* т. II, отдѣленіе I; изд. 2, С.-Петербургъ, 1875 г.; стр. 200—257; стр. 226; штаты и приложенія, стр. 2—11.

[169]) С. В. Рождественскій, *Историческій обзоръ дѣятельности Министерства народнаго просвѣщенія (1802—1902)*; С.-Петербургъ, 1902 г.; стр. 199, 222.

[170]) *Ibidem*, стр. 223.

[171]) *Сборникъ постановленій по Министерству народнаго просвѣщенія*; т. II, отдѣленіе II; изд. 2, С.-Петербургъ, 1876 г.; стр. 1051—1063; штаты и приложенія, стр. 62, 63.—С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 278.

тельно обучиться и греческому языку; воспитанники же, намѣревающіеся вступить прямо въ военную или гражданскую службу, вмѣсто древнихъ языковъ, занимаются: желающіе опредѣлиться въ службу военную—математикою, а въ службу гражданскую—русскимъ законовѣдѣніемъ. Кромѣ лицъ, имѣющихъ по своему происхожденію право на поступленіе въ государственную службу, въ гимназіи принимаются лица всѣхъ свободныхъ состояній, но лишь по увольненіи ихъ изъ прежняго состоянія. Особымъ постановленіемъ введены новое раздѣленіе и послѣдовательность курсовъ. До четвертаго класса всѣ воспитанники вмѣстѣ учатся закону Божію, русскому языку, математикѣ, географіи, новымъ иностраннымъ языкамъ, черченію, рисованію. Затѣмъ, съ четвертаго класса, сверхъ общихъ предметовъ: закона Божія, физики, математической географіи, нѣмецкаго и французскаго языковъ, математики, русскаго и славянскаго языковъ, вводятся спеціальные дополнительные курсы: для выходящихъ изъ гимназій прямо въ службу—русскаго языка, математики и законовѣдѣнія, а для поступающихъ въ университеты—древнихъ языковъ. Распоряженіе министра о введеніи новыхъ учебныхъ плановъ состоялось 6-го мая 1849 г. [172]) Такимъ образомъ, латинскій языкъ изгонялся изъ трехъ младшихъ классовъ, и вмѣсто 26 уроковъ въ недѣлю на него назначалось 16; греческій языкъ сокращался съ 20 уроковъ до 8; притомъ оба древніе языка получали факультативное значеніе.

При преемникахъ гр. С. С. Уварова—кн. П. А. Ширинскомъ-Шихматовѣ, А. С. Норовѣ, Е. П. Ковалевскомъ и гр. Е. В. Путятинѣ, продержавшихъ бразды правленія во главѣ министерства народнаго просвѣщенія съ января 1850 г. по декабрь 1861 г.,—переустройство гимназій, разумѣется, продолжалось. Циркуляромъ 14-го мая 1852 г. въ гимназіяхъ были введены опять новые учебные планы. [173]) Всѣ гимназіи, числомъ около семидесяти пяти, были раздѣлены при этомъ на три разряда: 1) гимназіи съ естественной исторіей и законовѣдѣніемъ, 2) гимназіи съ однимъ законовѣдѣніемъ и 3) гимназіи съ греческимъ языкомъ; въ этотъ послѣдній разрядъ были включены лишь девять гимназій. Въ программу латинскаго языка четырехъ старшихъ классовъ гимназій введены были отрывки изъ твореній св. отцовъ и церковныхъ писателей; такой-же характеръ былъ приданъ и изученію греческаго языка въ трехъ старшихъ

---

[172]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 278.
[173]) *Ibidem*, стр. 290.

классахъ. Тѣмъ не менѣе, мысль о возстановленіи классицизма и вообще широкаго гуманитарнаго образованія не замирала, какъ-бы въ оправданіе словъ Т. Н. Грановскаго, сказанныхъ имъ еще въ 1847 г.: „Смѣемъ думать, что побѣда останется не на сторонѣ такъ называемыхъ реалистовъ.“ [174]) Въ эту сторону замѣтно тянулъ А. С. Норовъ; но на отчетѣ его за 1857 г., гдѣ была выражена мысль о преимуществахъ классицизма, императоръ Александръ II-ой написалъ: „Не раздѣляю сего убѣжденія.“ [175]) Въ дальнѣйшемъ выяснилось, однако-же, что взгляды, кажущіеся непріемлемыми, могутъ сдѣлаться преобладающими...

За гр. Е. В. Путятинымъ управленіе вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія перешло къ А. В. Головнину, сохранявшему свое положеніе во главѣ министерства съ 25-го декабря 1861 г. по 14-ое апрѣля 1866 г. И гимназіи опять подверглись преобразованію. „Новый уставъ“ гимназій и прогимназій, получившій силу закона 19-го ноября 1864 г., „утвердилъ принципъ дуализма въ системѣ средняго образованія, предоставляя времени и опыту окончательное разрѣшеніе спора между классицизмомъ и реализмомъ.“ Министерство народнаго просвѣщенія полагало, что „время лучше всего покажетъ, какія гимназіи на дѣлѣ окажутся у насъ, по нашимъ средствамъ, болѣе возможными и полезными, какія должны получить преобладаніе или и совершенный перевѣсъ; теперь же главное дѣло—поставить гимназіи на прочномъ фундаментѣ основательнаго и серьезнаго ученія.“ [176]) Сообразно съ этимъ, были установлены два вида гимназій: классическія и реальныя. Преподаваніе латинскаго языка вводилось немедленно во всѣхъ классическихъ гимназіяхъ—съ перваго класса, всего 34 урока въ недѣлю, а греческаго — постепенно, по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка,—съ третьяго класса, всего 24 урока въ недѣлю. „Итакъ, наряду съ двумя основными типами

[174]) *Ibidem*, стр. 355.

[175]) *Ibidem*, стр. 369. — Удивительнымъ образомъ А. С. Норову пришлось въ 1866 г. сѣтовать передъ императоромъ Александромъ II-ымъ на оберъ-камергера кн. Долгорукова, который, приписывая укорененіе „нигилизма“ дѣятельности бывшаго министра, указывалъ, между прочимъ, на то, что у А. С. Норова „были такіе профессора, какъ Бѣлинскій [sic!] и Грановскій.“ Странное обвиненіе одного сановника другимъ и столь-же странная освѣдомленность... *Старина и Новизна*, кн. XVII, Москва, 1914 г.; стр. 383—385; статья: *Докладъ Императору Александру II Великаго Князя Константина Николаевича и всеподданнѣйшее прошеніе А. С. Норова;* сообщ. Н. С. Мальцовымъ.

[176]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 437.

гимназій долженъ былъ временно существовать третій—гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ.“ [177]) Въ гимназіяхъ съ двумя древними языками преподавался обязательно лишь одинъ новый языкъ—французскій или нѣмецкій. Уравнивая между собою разные типы гимназій, уставъ 19-го ноября 1864 г. только въ одномъ изъ послѣднихъ параграфовъ создавалъ „существенное между ними различіе: свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса классическихъ гимназій открываютъ ихъ питомцамъ двери университета; свидѣтельства же объ окончаніи полнаго курса реальныхъ гимназій лишь принимаются въ соображеніе при поступленіи въ высшія спеціальныя училища на основаніи ихъ уставовъ.“ [178])

При проведеніи новаго устава въ жизнь, Государственный совѣтъ полагалъ достаточнымъ имѣть на три гимназіи классическихъ одну гимназію реальную. [179]) Такая пропорція строилась въ отношеніи общаго числа гимназій, а не въ примѣненіи къ отдѣльнымъ мѣстностямъ. При этомъ всѣ московскія гимназіи, кромѣ 3-ей, были преобразованы въ гимназіи классическія съ двумя древними языками. Этимъ и объясняется та „новость“, на которую обращалъ вниманіе А. Н. Шварцъ при ознакомленіи съ аттестатомъ Вл. С. Соловьева. [180])

„Головнинская“ гимназія, въ которой такимъ образомъ очутился Соловьевъ, поступившій въ гимназію „Поровскую“, просуществовала, въ свою очередь, недолго. Теперь къ реформѣ гимназій сталъ готовиться преемникъ А. В. Головнина гр. Д. А. Толстой, назначенный министромъ народнаго просвѣщенія 14-го апрѣля 1866 г., съ оставленіемъ въ должности оберъ-прокурора Св. Сѵнода. [181]) Уже осенью того-же года министерство приступило къ собиранію матеріаловъ для реформы средней школы, продолжая въ то-же самое время работу по введенію въ дѣйствіе устава 1864 г. [182]) Легко себѣ представить, какія затрудненія должны были обрушиться при этомъ на учащихъ и учащихся въ гимназіяхъ, какъ реальныхъ, такъ и классическихъ и полуклассическихъ. Новый строй средней школы—классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ—народился лишь въ 1871 и 1872 гг., народился въ

---

[177]) *L. c.* (прим. 176).

[178]) *Ibidem*, стр. 438.—*Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1420—1469; см. стр. 1444.

[179]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 442.

[180]) См. выше, въ этой-же главѣ (ссылка на письмо А. Н. Шварца).

[181]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 482.

[182]) *Ibidem*, стр. 514.

тяжелыхъ мукахъ, отразившихся на послѣдующей судьбѣ нашего просвѣщенія весьма невыгоднымъ образомъ. [183]) Дождаться этого повторнаго переустройства средней школы въ стѣнахъ 5-ой гимназіи Соловьеву, однако, уже не пришлось, ибо съ гимназіей онъ благополучно распростился еще весною 1869 г.

Какъ извѣстно, главными двигателями Толстовской реформы были, кромѣ самого гр. Д. А. Толстого, М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, москвичи, близкіе къ Московскому университету люди. Напряженная и въ высшей степени поучительная борьба, которая велась этими лицами въ пользу классицизма и которая, къ сожалѣнію, не столько помогла дорогому для нихъ дѣлу, сколько повредила ему, своимъ началомъ относится какъ разъ къ тому времени, когда Соловьевъ состоялъ въ числѣ учениковъ 5-ой гимназіи. Журнальныя и газетныя статьи за классицизмъ и противъ него порождали толки въ обществѣ и, въ свою очередь, питались ими. Споры проникали и въ самыя учебныя заведенія, особенно въ среду гимназистовъ, какъ это хорошо еще памятно всѣмъ, кто самолично переживалъ эту эпоху подъ кровомъ средней школы. Принимались мѣры, направленныя къ обузданію печати; но такія мѣры могли только ожесточить противниковъ классицизма, въ особенности если принять въ соображеніе, что гр. Д. А. Толстой не скупился на рѣзкія краски для изображенія гибельныхъ послѣдствій отъ реформъ 1849 г. и ближайшихъ послѣдующихъ лѣтъ. По его взгляду, эти реформы—„если не единственная, то одна изъ важныхъ причинъ такъ сильно охватившаго наше учащееся юношество матеріализма, нигилизма и самаго пагубнаго самомнѣнія, ибо вопросъ между древними языками, какъ основою всего дальнѣйшаго научнаго образованія, и всякимъ другимъ способомъ обученія есть вопросъ не только между серьезнымъ и поверхностнымъ ученіемъ, но и вопросъ между нравственнымъ и матеріалистическимъ направленіемъ обученія и воспитанія, а слѣдовательно и всего общества.“ [184]) Такая постановка вопроса о средней школѣ представлялась очень многимъ въ нашемъ обществѣ тѣмъ болѣе сомнительной, что въ концѣ 40-ыхъ годовъ какъ разъ классическому образованію приписывали способность создавать «обманы воображенія», отрезвить отъ которыхъ могло-де только реальное образованіе. [185]) И невольно

---

[183]) *Ibidem*, стр. 525—527.
[184]) *Ibidem*, стр. 520, 523.
[185]) *Ibidem*, стр. 276.

думалось даже самымъ спокойнымъ и зрѣлымъ людямъ: ужъ не слишкомъ-ли много во всемъ этомъ политиканства? ужъ не слишкомъ-ли мало заботятся здѣсь объ интересахъ школы, какъ таковой? А остряки, въ которыхъ у насъ никогда недостатка не было, сочиняли проекты въ родѣ Щедринскаго проекта: „О переформированіи де-сіянсъ академіи", причемъ „президентамъ де-сіянсъ академій", какъ „центральной" въ С.-Петербургѣ, такъ и „малыхъ", учреждаемыхъ во всѣхъ уѣздахъ, предоставлялись права: „1) Нѣкоторыя науки временно прекращать, а ежели не замѣтятъ раскаянія, то отмѣнять навсегда. 2) Въ остальныхъ наукахъ вредное направленіе перемѣнять на полезное. 3) Призывать сочинителей наукъ и требовать, чтобы давали отвѣты по сущей совѣсти. 4)....." [186]) И всѣ такія думы, и всѣ такія и имъ подобныя глумленія не оставались точно также достояніемъ однихъ взрослыхъ людей: перекидываясь въ школы, они и здѣсь приносили соотвѣтствующіе плоды.

Мы сочли полезнымъ напомнить всѣ эти факты, свидѣтельствующіе о прискорбной, съ различныхъ точекъ зрѣнія, неустойчивости нашихъ гимназій, чтобы нѣсколько пополнить ту картину, которую даетъ Е. В. Бѣлявскій, и чтобы сдѣлать болѣе понятнымъ, почему, даже при хорошихъ семейныхъ условіяхъ и при весьма добропорядочномъ преподавательскомъ персоналѣ, стоящемъ выше средняго уровня, многіе школьники тѣхъ временъ проникались чрезвычайно отрицательнымъ отношеніемъ къ обучающей и воспитывающей ихъ школѣ. Понятно, впрочемъ, что въ тогдашней нашей общественности было немало и другихъ условій, нарушавшихъ правильный ходъ развитія учащейся молодежи, не говоря уже про обычные въ юношескомъ возрастѣ кризисы, составляющіе какъ-бы норму. Пережилъ подобный кризисъ и Владиміръ Соловьевъ. Подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ въ слѣдующей главѣ, а пока только замѣтимъ, что въ возрастѣ отъ 13—14 до 18 лѣтъ, т. е. за время обученія въ гимназіи съ четвертаго класса и въ университетѣ до второго курса, онъ уплатилъ довольно щедрую дань отрицательному направленію какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи. Тѣмъ цѣннѣе, что ни въ гимназическіе годы, ни впослѣдствіи онъ не обна-

[186]) *Полное собраніе сочиненій* М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина); изд. А. Ф. Маркса, С.-Петербургъ, 1906 г.; т. VII, стр. 274; сатирическіе очерки: *Дневникъ провинціала въ Петербургѣ.*—Колкія насмѣшки М. Е. Салтыкова на-счетъ „де-сіянсъ академій" появились въ *Отечественныхъ Запискахъ* въ 1872 г., какъ разъ послѣ „Толстовской" реформы гимназій.

руживалъ враждебности къ классической школѣ по существу. Наоборотъ, онъ прочно усвоилъ себѣ тотъ взглядъ, что классицизмъ есть одно изъ главнѣйшихъ условій культурнаго преуспѣянія. Лѣтъ черезъ десять по выходѣ изъ гимназіи Вл. С. Соловьевъ писалъ: „Въ 1849 г., какъ извѣстно, древніе языки были изгнаны изъ нашихъ гимназій и философія изъ нашихъ университетовъ. Результаты этого двойного изгнанія не замедлили обнаружиться и въ жизни, и въ наукѣ. Трудно отвергать, что пониженіе образовательнаго уровня гимназій и университетовъ послужило весьма благопріятствующимъ условіемъ для развитія того поверхностнаго радикализма, который овладѣлъ значительною частью нашего общества съ начала 60-ыхъ годовъ. Нельзя также не замѣтить вліянія реформы 1849 г. въ области научной, и здѣсь, уже по существу дѣла, это явленіе не могло быть благотворнымъ. Существенный характеръ науки, то, что дѣлаетъ ее истиннымъ знаніемъ, а не простымъ наборомъ фактовъ, есть, безъ сомнѣнія, *обобщеніе* въ различныхъ его видахъ. Но для научнаго обобщенія прежде всего необходимы два условія: во-первыхъ, извѣстное формальное развитіе мышленія, ручающееся за правильность въ самомъ процессѣ обобщенія, а это формальное развитіе лучше всего достигается изученіемъ математики и той конкретной логики, которую представляютъ языки, по-преимуществу классическіе; во-вторыхъ, для плодотворныхъ и широкихъ обобщеній въ наукѣ необходимы извѣстныя начала и идеи, которыя должны давать обобщенію опредѣленное направленіе и цѣль, а эти начала и идеи, не находящіяся ни въ одной частной наукѣ, могутъ быть установлены только всеобщею наукою—философіей. Поэтому не удивительно, что съ изгнаніемъ классицизма и философіи изъ нашей общеобразовательной школы русская наука стала обогащаться массою случайныхъ произведеній безъ цѣли и плана въ общемъ, безъ логической связи въ частностяхъ; и это качественное пониженіе научной производительности было бы, разумѣется, еще значительнѣе, еслибы ряды русскихъ ученыхъ не пополнялись питомцами духовныхъ семинарій и академій, продолжавшихъ сохранять въ себѣ классическій и, въ особенности, философскій элементъ.—Въ концѣ 60-ыхъ годовъ необходимость классицизма, какъ общеобразовательной системы, была сознана правительствомъ, и древніе языки возстановлены въ гимназіяхъ. Но, помимо другихъ условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, гимназическая реформа 1871 г. не могла принести всѣхъ желательныхъ результатовъ уже потому, что университеты (дающіе гимназіямъ ихъ учителей и воспитателей) по-прежнему лишены были

своего основнаго образовательнаго элемента—философскаго.“ [187]) И въ позднѣйшее время, не смотря на близость къ кружку М. М. Стасюлевича и сотрудничество въ *Вѣстникѣ Европы*, Соловьевъ оставался вѣренъ тѣмъ воззрѣніямъ на классицизмъ, которыя сложились въ немъ въ годы юности. При этомъ мы можемъ сослаться на наши личныя собесѣдованія съ Соловьевымъ, относящіяся къ послѣднимъ годамъ его жизни. Понятно, впрочемъ, что онъ нисколько не скрывалъ отъ себя всѣхъ тѣхъ досадныхъ и вредныхъ недоразумѣній, въ которыя впадали плохіе исполнители—„лихіе супостаты“... [188])

Въ средѣ домашней Владиміръ Соловьевъ могъ почерпнуть, конечно, лишь уважительное отношеніе къ серьезно поставленной школѣ, хотя, по мѣрѣ приближенія къ юношескому возрасту, онъ и знакомился, вѣроятно, со взглядами своего отца на тѣхъ лицъ, которымъ суждено было явиться главными двигателями гимназической реформы 1871 г. Взгляды эти были во многихъ отношеніяхъ неблагопріятными для этихъ дѣятелей, въ особенности для П. М. Леонтьева, котораго С. М. Соловьевъ называлъ „художникомъ клеветы“. [189]) И опять приходится сказать: тѣмъ достойнѣе вниманія, что и при наличности подобнаго настроенія въ семьѣ Вл. С. Соловьевъ сумѣлъ отдѣлить личные элементы отъ общественныхъ и не поддался частнымъ пристрастіямъ и антипатіямъ.

Ознакомившись съ оффиціальными данными о прохожденіи Соловьевымъ гимназическаго курса и съ общими условіями жизни

---

[187]) *П.*, III, 259, 260. Цитата заимствуется изъ заключенія Вл. С. Соловьева для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по дѣлу объ уставѣ философскаго общества, которое предполагалось къ открытію въ 1879 г. — Заключеніе Соловьева было заслушано въ засѣданіи 27-го мая 1880 г. Въ оригиналѣ соотвѣтствующаго журнала, доставленномъ намъ для просмотра Н. В. Вестманомъ, слово: „обобщеніе“ подчеркнуто; имѣется, кромѣ того, нѣсколько заключительныхъ строкъ, не включенныхъ въ печатный текстъ.

[188]) Не будетъ излишнимъ указать мимоходомъ, что кн. С. Н. Трубецкой, одинъ изъ ближайшихъ друзей и единомышленниковъ Соловьева, столь выдвинувшійся въ роли ректора Московскаго университета, называлъ себя „убѣжденнымъ классикомъ“ и вѣрилъ „въ то, что классицизмъ возродится“ у насъ — въ формахъ болѣе совершенныхъ, по сравненію съ тѣми формами, въ какихъ онъ преподносился раньше. Обучаясь въ калужской гимназіи, тотъ-же кн. С. Н. Трубецкой писалъ: „Въ нашей гимназіи всякій возненавидитъ древніе языки. Наша гимназія — сонное царство: древніе языки — это невыносимая пытка...“ *Собраніе сочиненій* кн. Сергѣя Николаевича Трубецкого; т. I, Москва, 1907 г.; стр. 65, статья: *Урокъ классицизма*; стр. IV, біографическій очеркъ Л. М. Лопатина: *Кн. С. Н. Трубецкой*.

[189]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), іюнь, стр. 443—448.

5-ой гимназіи за тѣ годы, которые онъ провелъ въ ея стѣнахъ, обратимся къ сопоставленію матеріаловъ, обрисовывающихъ его личный душевный складъ и ходъ его внутренняго духовнаго развитія за эти-же годы. [190])

---

[190]) При составленіи главы третьей, сверхъ источниковъ, отмѣченныхъ въ предшествующихъ примѣчаніяхъ, нами приняты въ соображеніе частныя сообщенія А. Н. Шварца, П. С. Соловьевой и С. П. Хитрово, въ особенности же—Н. И. Карѣева.

IV.—Отрочество и ранняя юность.

Учебныя гимназическія занятія—въ связи съ домашнимъ чтеніемъ, общеніемъ съ товарищами, различными вліяніями внѣшней среды и естественнымъ переходомъ отъ отрочества къ юности—отразились на Соловьевѣ довольно ощутительнымъ образомъ, каковы бы ни были по объему тѣ познанія, которыми надѣляли тогдашнія гимназіи своихъ питомцевъ.

По словамъ В. Л. Величко, гимназистъ Соловьевъ „не только блестяще учится, но читаетъ жадно, серьезно, не довольствуясь полузнаніемъ, а добираясь до самой сущности встрѣчающихся вопросовъ. Память, способности и развитіе были у него громадныя. Однажды, будучи еще въ одномъ изъ младшихъ классовъ, онъ упросилъ отца взять его на какую-то весьма серьезную публичную лекцію и, по возвращеніи оттуда, пересказалъ ее дома почти цѣликомъ.“ [191]) У Э. Л. Радлова мы читаемъ такія строки: „Ранніе годы философа протекали подъ заботливымъ наблюденіемъ родителей въ прекрасной духовной атмосферѣ. Соловьевъ могъ сказать, подобно Альфреду де-Виньи: «Mon père et ma mère vivaient dans le sublime comme dans leur atmosphère naturelle.» Въ 1864 г. онъ поступилъ въ 5-ую Московскую гимназію. Эта гимназія считалась одною изъ лучшихъ въ Москвѣ, какъ по составу преподавателей, такъ и по воспитательному своему вліянію, поэтому и подборъ учениковъ въ ней былъ особенно хорошимъ. Мы знаемъ, что въ числѣ товарищей Соловьева было много такихъ, которые пріобрѣли себѣ впослѣдствіи на разныхъ поприщахъ дѣятельности почетное имя: назовемъ здѣсь историка Н. И. Карѣева, экономиста А. А. Исаева, зоолога А. А. Коротнева и философа-поэта князя Д. Н. Цертелева,—послѣдній, впрочемъ, былъ однимъ классомъ моложе, что̀, однако, не помѣшало его дружбѣ съ Соловьевымъ, длившейся до конца его жизни, не смотря

[191]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 14.

на различіе политическихъ убѣжденій. Особенно выдающимся ученикомъ въ классѣ, въ которомъ находился нашъ философъ, былъ младшій сынъ А. Ѳ. Писемскаго; онъ имѣлъ большое вліяніе на товарищей даже и въ университетѣ, но, къ сожалѣнію, умеръ весьма рано, вскорѣ по окончаніи университета. Въ гимназіи Соловьевъ шелъ весьма хорошо; уже здѣсь проявилась его склонность къ естественнымъ и историческимъ наукамъ и нѣкоторое отвращеніе къ математикѣ.“ [192])

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что кое-чѣмъ по части расширенія своихъ познаній Соловьевъ былъ, дѣйствительно, обязанъ гимназіи, располагавшей хорошимъ преподавательскимъ составомъ; но едва-ли собственно школьныя пріобрѣтенія его были очень обширными. На сравнительно малую успѣшность его въ области физико-математическихъ наукъ уже указывалось; изученіе естественной исторіи, какъ бы ни относился Соловьевъ къ естествовѣдѣнію, не пошло дальше третьяго класса. Здѣсь умѣстно будетъ сослаться на забавную подробность, воспроизводимую нами со словъ Н. И. Карѣева. Въ четвертомъ классѣ проходили геометрію, и Соловьевъ никакъ не могъ усвоить нѣкоторыхъ „доказательствъ“; такъ, напр., его почему-то особенно смущала теорема о равенствѣ вертикальныхъ угловъ. Чтобы помочь товарищу, Н. И. Карѣевъ переложилъ „доказательство“ этой теоремы въ стихи, на подобіе тѣхъ виршей, которыми издавна пользуются латинскія и другія грамматики („много есть именъ на *is* masculini generis...“). Соловьевъ заучилъ эти стихи наизусть, а затѣмъ, при отвѣтѣ урока учителю, перелагалъ стихи обратно въ прозу. Впрочемъ, учитель математики Д. Ѳ. Назаровъ обращался съ Соловьевымъ крайне бережно: онъ всячески остерегался помѣшать ему при отвѣтахъ,—дрожалъ надъ нимъ, какъ надъ переполненнымъ жидкостью сосудомъ, который того и гляди расплескаешь. Впослѣдствіи Соловьевъ сталъ справляться съ физико-математическими науками нѣсколько лучше; тѣмъ не менѣе, и въ позднѣйшіе годы ему не удалось стать въ этой области твердо на ноги. Недаромъ, видно, М. А. Малиновскій записалъ однажды въ классномъ журналѣ по адресу Соловьева: „надо обратить вниманіе на алгебру“. Описка это или нѣтъ,—не безразлично для директора гимназіи, но для Соловьева безразлично: его душевному складу „*алгебра*“ была такъ-же мало сродна, какъ и „алгебра“. Отмѣтимъ кстати курьезный сонъ, приснившійся Соловьеву, какъ онъ самъ разсказываетъ, около 1875 г.:

[192]) Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 9.

„..... я видѣлъ себя ѣдущимъ на пароходѣ изъ Петербурга въ Бразилію. Только-что скрылся изъ виду Кронштадтъ, какъ я услыхалъ отъ капитана, что черезъ три часа мы войдемъ въ устье рѣки Амазонки. На мой вопросъ о причинахъ столь необычнаго скораго хода, капитанъ, взглянувши на меня иронически, сказалъ: «гдѣ вы учились физикѣ? Вы даже не знаете основного гидродинамическаго закона, что на морѣ время идетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ на сушѣ, *потому-что теченіе морскихъ волнъ, присоединяясь къ теченію времени, производитъ его ускореніе.*» Я сейчасъ-же вспомнилъ этотъ законъ, и ничто въ жизни не повергало меня въ такой глубокій конфузъ, какъ это непонятное забвеніе столь элементарной истины.“ [193]) Само собою разумѣется, что, ссылаясь на этотъ сонъ, Соловьевъ оцѣниваетъ его какъ „вопіющую безсмыслицу“, „логически безупречную нелѣпицу“; но поучительно все-таки, что приснилась ему, въ логически безупречномъ обличіи, и такъ отчетливо запомнилась именно физическая нелѣпость, а не какая-либо другая. Едва-ли много пользы, въ научномъ смыслѣ, извлекъ Соловьевъ и изъ уроковъ географіи, которою онъ занимался въ гимназіи лишь въ третьемъ и четвертомъ классахъ и которую „повторялъ“ въ седьмомъ классѣ. Ниже мы увидимъ, въ какомъ шутливомъ тонѣ говоритъ онъ о своемъ интересѣ къ географіи, да и къ естествознанію, въ отроческіе годы. Повидимому, большее значеніе могли имѣть для него уроки исторіи, отчасти въ виду большей продолжительности занятій этимъ предметомъ, отчасти въ виду того особаго уваженія, съ которымъ онъ долженъ былъ относиться къ этому предмету, какъ сынъ знаменитаго историка. Первый печатный трудъ Соловьева, относящійся къ 1873 г., начинается словами: „Важнѣйшая задача исторической науки...“, и хотя основная тема этого труда религіозная, но берется она въ освѣщеніи историческомъ. [194]) Вообще, „историчность“,—если вос-

---

[193]) *Соч.*, VIII, 192; статья: *Достовѣрность разума* (изъ *Теоретической философіи*).—Ср. кн. Д. Н. Цертелева, *Изъ воспоминаній о Владимірѣ Сергѣевичѣ Соловьевѣ*; *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1910 г., № 211. По словамъ кн. Д. Н. Цертелева, упоминаемый здѣсь сонъ привидѣлся Соловьеву въ 1890 г. Должно быть, это ошибка. Любопытно, однако, что про свой сонъ Соловьевъ счелъ нужнымъ разсказать своему другу.

[194]) *Соч.*, I, стр. 1—25; статья: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*.—Наиболѣе раннимъ сочиненіемъ Соловьева была его статья: *Жизненный смыслъ христіанства* (*философскій комментарій на ученіе о Логосѣ ап. Іоанна Богослова*); но сочиненіе это, помѣченное 16-ымъ января 1872 г., было напечатано лишь въ 1883 г., въ первой книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія*, стр. 30—45. Только-

пользоваться терминомъ С. М. Соловьева, [195])—составляла одну изъ существенныхъ особенностей умственнаго склада его сына Владиміра, въ отличіе, напр., хотя-бы отъ гр. Л. Н. Толстого. Надо думать, что преподаваніе „добродушнаго нѣмца“ не ослабило въ Соловьевѣ пріобрѣтеннаго еще дома влеченія къ историческимъ знаніямъ, и за это можно, конечно, сказать Ѳ. Э. Будде большое спасибо. Судя по всему, очень полезными были для Соловьева уроки русскаго языка. Помимо природнаго и поддержаннаго домашними воздѣйствіями интереса къ русской рѣчи, къ русскому художественному слову, не малую роль сыграла въ этомъ случаѣ и личность преподавателя, который, какъ было уже упомянуто, особенно отличалъ своего талантливаго ученика. Изъ Соловьева выработался съ теченіемъ времени превосходный стилистъ, а такъ-какъ за предѣлами гимназіи онъ школьнымъ порядкомъ русскаго языка не изучалъ, то, очевидно, хорошія теоретическія основы по этой части были заложены въ немъ Е. В. Бѣлявскимъ. Нѣкоторое вліяніе Е. В. Бѣлявскаго, противника ранняго авторства въ печати, сказывается, можетъ-быть, и въ томъ, что Соловьевъ, обладавшій несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, не торопился выступать публично съ своими стихотворными произведеніями, благодаря чему его муза и предстала передъ читателями сразу въ достойномъ его видѣ, безъ незрѣлаго лепета. Преподаваніе новыхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ у насъ почти всегда хромало, а потому и въ данномъ случаѣ мы не въ-правѣ связывать ни съ французскимъ, ни съ нѣмецкимъ языкомъ большого образовательнаго значенія, тѣмъ болѣе, что преподаваніе перваго изъ этихъ языковъ прекратилось для Соловьева уже въ пятомъ классѣ; только развѣ изъ занятій съ О. О. Шталемъ могъ получиться нѣсколько большій толкъ. Чѣмъ именно обусловливалось то, что Соловьевъ остался вѣренъ нѣмецкому языку въ гимназіи, было уже отмѣчено выше. Очевидно, здѣсь нельзя усматривать какого-то спеціальнаго благорасположенія къ нѣмецкому языку въ семействѣ С. М. Соловьева, подчинявшемся и на этотъ разъ авторитету своего главы. Въ своихъ запискахъ С. М. Соловьевъ прямо заявляетъ, что, свободно предаваясь влеченію

что названная работа вошла въ составъ *Духовныхъ основъ жизни. Соч.*, III, 270. См. В. Ф. Эрна, *Библіографія* [къ сочиненіямъ Вл. С. Соловьева и о немъ]; *Сборникъ первый* [книгоиздательства „Путь“]—*о Владиміръ Соловьевѣ*; Москва, 1911 г., стр. 209. Ср. также Сергѣя Соловьева, *Идея церкви въ поэзіи Владиміра Соловьева*; *Богословскій Вѣстникъ*, 1915 г., январь, стр. 59, февраль, стр. 261;—стр. 287.

[195]) См. выше, прим. 45-ое.

славянской натуры, онъ не любитъ нѣмцевъ и сочувствуетъ романскимъ кельтическимъ народамъ; затѣмъ онъ продолжаетъ:—„Я плохо говорю на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, которыхъ знаю четыре: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій, кромѣ польскаго и латинскаго; я разумѣю подъ знаніемъ свободное чтеніе авторовъ; свободно читать греческихъ авторовъ я не выучился въ университетѣ, и послѣ, не имѣя упражненія, позабылъ и то, что зналъ. Почешски я не очень свободно читаю; но французскій, англійскій и итальянскій языки для меня родные по своему складу, но совершенно чуждъ нѣмецкій, особенно новый; читать французскую, англійскую и итальянскую книгу для меня такъ-же легко и пріятно, какъ читать русскую; читать нѣмецкую книгу—трудъ тяжелый.“ [196]) Въ знаніи древнихъ языковъ Владиміръ Соловьевъ пошелъ, безъ сомнѣнія, дальше своего отца, если принять во вниманіе его труды по переводу Платона и сотрудничество А. А. Фету при переводѣ латинскихъ авторовъ; [197]) но, какъ кажется, за это слѣдуетъ ему благодарить не столько гимназію, сколько самого себя. Правда, судя по преподавателямъ, Соловьевъ могъ уже и въ гимназіи достигнуть хорошихъ результатовъ въ изученіи латинскаго и греческаго языковъ; ясно, однако-же, что при пятилѣтнемъ курсѣ латинскаго языка и трехлѣтнемъ греческаго самый объемъ познаній долженъ былъ умѣщаться въ рамкахъ довольно тѣсныхъ. При такихъ условіяхъ нельзя не признать особой заслуги со стороны Соловьева въ томъ, что впослѣдствіи онъ позаботился такъ или иначе о расширеніи своихъ познаній въ древнихъ языкахъ; нельзя не помянуть, впрочемъ, добрымъ словомъ и 5-ую гимназію за то, что она, по крайней мѣрѣ, не оттолкнула его отъ античности, ключами къ которой являются эти злосчастные мертвые языки, столь гонимые у насъ то за содѣйствіе „обманамъ воображенія“, то за противодѣйствіе этимъ „обманамъ“. [198])

---

[196]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), апрѣль, 463, 464.

[197]) О помощи со стороны Вл. С. Соловьева упоминаетъ самъ А. А. Фетъ, хотя и очень кратко. А. Фетъ, *Мои воспоминанія*; *1848—1889*; Москва, 1890 г., ч. II, стр. 392.

[198]) Приведемъ здѣсь снова слова кн. С. Н. Трубецкаго изъ его остроумной статьи: *Въ высшей степени сомнѣваюсь...*: „Мы надѣемся,..... что въ новой школѣ будутъ исправлены недостатки теперешняго школьнаго режима..... Но развѣ всѣ *дѣйствительные* и *безспорные* недостатки стараго школьнаго режима не могли быть исправлены и въ гуманитарной, классической школѣ? *По моему крайнему разумѣнію, съ этого слѣдовало начать*. Неужели только извергъ можетъ преподавать древніе языки и только подлецъ—быть классикомъ? Почему звѣрство, неистовство, гоне-

Что касается, наконецъ, закона Божія, то, повидимому, гимназическіе уроки этого „предмета“ не утоляли духовной жажды Соловьева. Въ немъ совершалась нѣкоторая внутренняя переработка религіозныхъ взглядовъ—безъ противодѣйствія законоучителя, но и безъ содѣйствія съ его стороны. Да и трудно было даже просвѣщенному и толковому законоучителю внести въ 5-ой гимназіи простоту и подобающую искренность въ такое душевное дѣло, какъ дѣло преподаванія закона Божія, въ ту пору, когда надъ всѣмъ московскимъ духовенствомъ царилъ внѣшній авторитетъ, требовавшій слѣпого подчиненія себѣ безъ разсужденій. Фатальнымъ образомъ даже самъ по себѣ ни въ чемъ неповинный *Пространный христіанскій катихизисъ* обращался при этомъ въ орудіе борьбы и утѣсненія. Изумительныя природныя дарованія митрополита Филарета, его глубокая богословская ученость и многія заслуги его передъ русскою церковью останутся за нимъ на-всегда; но живы до сихъ поръ преданія и объ отрицательныхъ сторонахъ какъ его личнаго характера, такъ и его административной дѣятельности. Въ запискахъ С. М. Соловьева мы читаемъ про митрополита Филарета, между прочимъ, такія строки: „Рожденный быть министромъ, онъ попалъ въ архіереи..... у этого человѣка была горячая голова и холодное сердце, что̀ такъ рѣзко выразилось въ его проповѣдяхъ: искусство необыкновенное, языкъ несравненный, но холодно, нѣтъ ничего, что бы обращалось къ сердцу, говорило ему..... Объ отношеніяхъ Филарета къ подчиненнымъ всего лучше свидѣтельствуетъ поговорка, что онъ ѣлъ одного писаря въ день и попомъ закусывалъ..... Въ ужасномъ состояніи, подъ гнетомъ Филарета, находились духовная академія московская и семинарія.“ Митрополитъ превращалъ-де преподавателей въ муміи. „Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго [А. В.], одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи.“ [199]) Степень основательности этого отзыва можно здѣсь и не освѣщать другими данными, такъ-какъ для насъ пока важно лишь то, что въ семьѣ своей Владиміръ

ніе на живое слово и «честную литературу» должны быть непремѣнно связаны съ классицизмомъ? Точно классицизмъ есть какой-то злой духъ, который сдѣлалъ нашу среднюю школу бѣсноватой! Я думаю, однако, что и послѣ изгнанія его, съ новыми науками и графическими искусствами, въ эту школу могутъ войти семь злѣйшихъ бѣсовъ, *если не будетъ въ корнѣ измѣнена наша школьная политика.* А еслибы она была измѣнена своевременно, то, можетъ-быть, не оказалось бы нужды въ теперешней ломкѣ.“ Кн. С. Н. Трубецкой (прим. 188), стр. 57—65; см. стр. 62.

[199]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 76—78.

Соловьевъ не находилъ, очевидно, особаго благорасположенія къ тогдашней оффиціальной церковности. Скончался митрополитъ Филаретъ 19-го ноября 1867 г. Въ это время Соловьевъ былъ уже въ предпослѣднемъ классѣ гимназіи, обуреваемый смутою незрѣлой религіозной мысли.

О занятіяхъ домашнимъ чтеніемъ краткая замѣтка В. Л. Величко гласитъ съ особымъ удареніемъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что Соловьевъ охотно предавался чтенію въ гимназическіе годы, такъ-какъ онъ вообще любилъ читать, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ близко знавшія его лица. Притомъ къ его услугамъ была библіотека его отца, стоявшая, конечно, неизмѣримо выше гимназической ученической библіотеки, снабженной по-преимуществу „дѣтской“ литературою. Соловьевъ не былъ, однако, ни библіофиломъ, ни библіоманомъ даже въ зрѣлые годы; тѣмъ труднѣе предполагать слишкомъ исключительное увлеченіе книгами въ мальчикѣ, порядочно обремененномъ обязательными школьными занятіями, не пренебрегающемъ этими занятіями и не забывающемъ, какъ объ этомъ еще будетъ рѣчь дальше, также и про дѣтскія игры. Напомнимъ, что въ гимназію Владиміръ Соловьевъ попалъ на двѣнадцатомъ году жизни, а вышелъ изъ гимназіи раньше достиженія $16^1/_2$ лѣтъ отъ роду. Если онъ и, въ самомъ дѣлѣ, читалъ „жадно, серьезно“, какъ указываетъ В. Л. Величко, то все-же за какихъ-нибудь неполныхъ пять лѣтъ, при отмѣченныхъ выше условіяхъ, онъ едва-ли былъ въ состояніи выйти очень далеко за предѣлы текущей журналистики, главнѣйшихъ произведеній русской беллетристики и критическихъ писаній „властителей думъ“ тогдашней молодежи, въ особенности Д. И. Писарева; конечно, привлекали къ себѣ его вниманіе и разные запретные плоды иностранной литературы, въ родѣ сочиненій Ренана. [200]) Повидимому, лишь въ послѣднее время пребыванія въ гим-

[200]) По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, доступъ къ сочиненіямъ Э. Ренана былъ, конечно, очень затруднителенъ, въ особенности для лицъ, не знающихъ французскаго языка или не пользующихся особыми преимуществами по части пользованія книгами иностраннаго происхожденія. Развѣ лишь о наиболѣе нашумѣвшемъ произведеніи этого писателя обширные круги русскихъ читателей могли въ то время составить себѣ довольно отчетливое понятіе, а именно по русскому переводу сочиненія аббата Гэтэ: *Опроверженіе на выдуманную жизнь Іисуса сочиненія Эрнеста Ренана, съ тройственной точки зрѣнія библейской экзегетики, исторической критики и философіи*, появившемуся въ Петербургѣ въ 1864, 1865 и 1866 гг. (четыре части). Позднѣе въ сходныхъ условіяхъ оказался у насъ гр. Л. Н. Толстой, съ воззрѣніями котораго знакомились по разнымъ опроверженіямъ, обильно снабженнымъ

назіи удалось Соловьеву начать знакомство съ собственно философской литературой. По словамъ Н. И. Карѣева, одинъ изъ первыхъ философовъ, остановившихъ на себѣ философскую любознательность Соловьева, былъ Викторъ Кузенъ. Сомнительно, впрочемъ, чтобы авторъ *Du vrai, du beau et du bien* произвелъ на него слишкомъ глубокое впечатлѣніе, хотя и нельзя рѣшительно утверждать, что этотъ первый философскій посѣвъ не принесъ никакихъ плодовъ. Духъ эклектизма, можетъ-быть, былъ предтечею духа синтеза. Какъ бы то ни было, по заявленію самого Соловьева, его „первою любовью въ области философіи“ былъ Спиноза, „и эту любовь онъ сохранилъ на всю жизнь, считая себя обязаннымъ Спинозѣ «не только въ философскомъ, но и въ религіозномъ отношеніи».“ [201]) Начало знакомства съ Спинозой относится къ седьмому классу гимназіи, когда Соловьеву было около 16 лѣтъ. [202])

Сказанное о книжныхъ занятіяхъ Соловьева не лишено значенія и съ болѣе общей точки зрѣнія. Слѣдуетъ признать, что вообще, при всей любви къ чтенію, онъ не подчинялъ себя книжной эрудиціи въ такой мѣрѣ, какъ это свойственно многимъ спеціалистамъ. Его всегда гораздо больше занимали его собственныя мысли, чѣмъ мысли другихъ людей или мысли объ этихъ чужихъ мысляхъ. Довольно рѣзкой противоположностью Соловьева въ этомъ смыслѣ является въ нашей философской литературѣ, проникшей въ болѣе широкіе читательскіе круги, Н. Н. Страховъ. И не безъ причины жаловался Н. Н. Страховъ на самого себя гр. Л. Н. Толстому: „я все тотъ-же колеблющійся, отрицательный, неспособный къ твердой вѣрѣ и сильному увлеченію какою-нибудь мыслью..... Съ недоумѣніемъ перебираю я всякіе взгляды людей, древніе и новые, съ упорнымъ вниманіемъ ищу, на чемъ бы можно остановиться,—и ничего не нахожу.“ [203]) Такъ писалъ Н. Н. Страховъ 9-го апрѣля 1878 г., лѣтъ за 18 до своей смерти. А Вл. С. Соловьевъ откровенно заявлялъ о. Мартынову: „Плохая организація книжнаго дѣла въ Россіи и разныя неудобства моей личной жизни

цитатами изъ опровергаемаго автора. — Отмѣчаемъ мимоходомъ трудъ аббата Гэтэ отчасти и въ виду того, что въ дальнѣйшемъ мы еще встрѣтимся съ этимъ именемъ по перепискѣ Соловьева. См. *П.*, II, 27.

[201]) Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 10.—*Соч.*, VIII, 26; статья: *Понятіе о Богѣ (въ защиту философіи Спинозы)*.

[202]) Л. М. Лопатинъ, *Философскія характеристики и рѣчи*; Москва, 1911 г., стр. 124; статья: *Философское міросозерцаніе В. С. Соловьева.*

[203]) *Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ* и т. д. (прим. 157), стр. 162; см. также стр. 57.—Укажемъ здѣсь-же на шуточное стихотвореніе Вл. С. Соловьева: *Скептикъ. П*, II, 357; см. также *П.*, III, 300, 301.

мѣшаютъ мнѣ, какъ должно, слѣдить за всею литературою занимающихъ меня предметовъ. Отъ этого мнѣ навѣрное приходится открывать разныя Америки, давно уже открытыя и густо населенныя. Это, конечно, жаль, но я готовъ въ этомъ утѣшиться, лишь бы только открываемое было дѣйствительно твердою землею, а не плавучею льдиной, которая, хотя-бы и мною первымъ замѣченная, расплывется завтра безъ остатка отъ солнечныхъ лучей.“ [204]) Такъ писалъ Соловьевъ 7-го—19-го августа 1887 г., лѣтъ за 13 до своей смерти. И хотя оба, т. е. и Н. Н. Страховъ, и Вл. С. Соловьевъ, преувеличивали свои недочеты, но все-таки оба говорили правду.

Изъ гимназическихъ товарищей Соловьева перечислимъ лишь тѣхъ, которые одновременно съ нимъ закончили гимназическій курсъ. У Н. И. Карѣева сохраняется доселѣ фотографическій снимокъ, изображающій всѣхъ товарищей по выпуску 1869 г. Здѣсь воспроизведены: Кононовъ; Н. А. Писемскій; Бибиковъ; Багрецовъ; братья Сиротинины, Василій и Петръ; А. А. Коротневъ; А. А. Исаевъ; Н. Ярцевъ; О. О. Шталь; Н. И. Карѣевъ; Вл. С. Соловьевъ. Одни сняты въ стоячемъ положеніи, другіе—въ сидячемъ; Соловьевъ—сидитъ, послѣднимъ съ праваго края; видъ у него очень изящный. Изъ числа названныхъ двѣнадцати абитуріентовъ пятеро награждены золотыми медалями: Кононовъ, Н. А. Писемскій, А. А. Исаевъ, Н. И. Карѣевъ и Вл. С. Соловьевъ. Первымъ окончилъ курсъ Вл. С. Соловьевъ. [205])

Кононовъ былъ замкнутый, молчаливый, слабогрудый юноша, даже въ седьмомъ классѣ находившій въ себѣ еще охоту читать разсказы Майнъ-Рида. По окончаніи курса въ гимназіи, онъ поступилъ въ университетъ, но не пережилъ своего студенчества и скончался отъ чахотки. Н. А. Писемскій—младшій сынъ извѣстнаго романиста А. Ѳ. Писемскаго. Это былъ очень способный юноша, на котораго возлагали большія надежды какъ его сверстники, такъ и старшіе. Соловьевъ былъ съ нимъ очень друженъ. В. В. Зелинскій, въ біографіи А. Ѳ. Писемскаго, замѣчаетъ: „.....и безъ того уже расположенный къ хандрѣ и мнительности, Писемскій [А. Ѳ.] съ каждымъ днемъ становился мрачнѣе. «Я окончательно дѣлаюсь мученикомъ моей хандры»,—писалъ онъ Анненкову въ августѣ 1875 г. ..... Особенно же увеличилась хандра Писемскаго послѣ того, какъ надъ нимъ не-

[204]) *П.*, III, 29.—Титулъ „непремѣннаго Колумба всѣхъ открытыхъ Америкъ“ Соловьевъ усваиваетъ и гр. Л. Н. Толстому. *П.*, I, 33.

[205]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 17.

ожиданно разразилась страшная катастрофа. Любимый сынъ его, Николай, замѣчательный по уму и благородству характера, молодой человѣкъ, только-что блистательно кончившій университетскій курсъ и уѣхавшій въ Петербургъ, гдѣ у него было уже мѣсто и открывались большія надежды на будущее, внезапно покончилъ жизнь самоубійствомъ, причины котораго остались невыясненными.“ [206]) Какъ намъ разсказывалъ А. Ѳ. Кони, послѣ покойнаго былъ найденъ лишь мелочно-аккуратный списокъ его долговъ, въ общемъ сравнительно незначительныхъ, безъ какого-либо обращенія къ близкимъ людямъ. Старшій сынъ А. Ѳ. Писемскаго Павелъ былъ школьнымъ товарищемъ Всеволода Соловьева. По словамъ А. Ѳ. Кони, П. А. Писемскій подавалъ въ юности точно также большія надежды. Н. И. Крыловъ, извѣстный профессоръ Московскаго университета, очень цѣнилъ его способности и подготовлялъ его къ занятію каѳедры римскаго права (скончался Н. И. Крыловъ 26-го декабря 1879 г., вскорѣ послѣ С. М. Соловьева). П. А. Писемскій былъ отправленъ за-границу, но вернулся оттуда потолстѣвшимъ и отупѣвшимъ. Потомъ онъ закончилъ свои дни душевно-больнымъ. У В. В. Зелинскаго мы читаемъ: „Покинувъ службу, Писемскій [А. Ѳ.] ежегодно лѣтомъ отправлялся за-границу для свиданія съ другимъ оставшимся сыномъ, который приготовлялся въ Гёттингенѣ, по порученію Московскаго университета, къ занятію мѣста адъюнкта по каѳедрѣ права, равно и для поправленія здоровья. Два лѣта сряду (1874—1875) встрѣчалъ Писемскаго въ Баденѣ Анненковъ, и съ перваго-же раза поразилъ его видъ разрушенія, произведеннаго въ Писемскомъ горемъ и временемъ..... 21-го января 1881 г. онъ [т. е. А. Ѳ. Писемскій] умеръ, незадолго передъ смертью сраженный новымъ несчастьемъ: безнадежною болѣзнью второго сына—Павла, читавшаго въ Московскомъ университетѣ гражданское судопроизводство.“ [207]) Печальныя страницы изъ психіатрическихъ лѣтописей, свидѣтельствующія лишній разъ о роли наслѣдственности... Впрочемъ, жена А. Ѳ. Писемскаго, рожденная Е. П. Свиньина, двоюродная сестра А. Н. Майкова, [208]) была, по общимъ отзывамъ, „святая женщина“, и въ трагической судьбѣ своихъ сыновей не повинна. Про Бибикова, изъ аристократической семьи, и Багрецова,

---

[206]) В. В. Зелинскій, *А. Ѳ. Писемскій (критико-біографическій очеркъ)*; *Полное собраніе сочиненій* А. Ѳ. Писемскаго; изд. т-ва А. Ф. Марксъ, С.-Петербургъ, 1910 г.; т. I, стр. 65, 66.

[207]) *Ibidem*, стр. 66, 69.

[208]) *Ibidem*, стр. 25.

сына духовнаго композитора и регента чудовскихъ пѣвчихъ Ѳ. А. Багрецова, мы ничего особеннаго сказать не можемъ. Братья Сиротинины, Василій и Петръ,—племянники Ѳ. И. Буслаева по его первому браку съ А. А. Сиротининой. Василій—юристъ, Петръ—математикъ; первый, кромѣ того, хорошій музыкантъ. Оба здравствуютъ доселѣ и служатъ въ Москвѣ, въ коммерческомъ судѣ. Н. Ярцевъ снискалъ себѣ впослѣдствіи извѣстность на математическомъ поприщѣ; Е. В. Бѣлявскій отмѣчаетъ, что онъ читалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. [209]) О. О. Шталь—сынъ учителя нѣмецкаго языка; въ свое время онъ избралъ карьеру пастора. Вл. С. Соловьевъ постоянно поддразнивалъ его и подшучивалъ надъ его восторженностью. Всего болѣе выдвинулись на научно-общественномъ поприщѣ изъ гимназическихъ сверстниковъ Соловьева Н. И. Карѣевъ, А. А. Коротневъ и А. А. Исаевъ,—первый въ области всеобщей исторіи, второй въ области зоологіи и третій въ области политической экономіи. [210]) Всѣ они много потрудились въ качествѣ преподавателей высшей школы и научно-литературныхъ дѣятелей. Ученая работа ихъ успѣшно продолжается до сихъ поръ. Изъ трехъ только-что названныхъ лицъ всего ближе стоялъ къ Соловьеву какъ въ разсматриваемое нами время, такъ и позднѣе Н. И. Карѣевъ, авторъ *Основныхъ вопросовъ*

[209]) Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 57.

[210]) Біографическія свѣдѣнія относительно Н. И. Карѣева сопоставлены въ *Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ*, издаваемомъ акціонернымъ обществомъ: „Издательское дѣло бывшее Брокгаузъ-Ефрона“; см. т. XXI, Петроградъ; стр. 157, 158. Объ обширной научно-литературной дѣятельности Н. И. Карѣева можно судить хотябы по тому перечню работъ его, который занимаетъ нѣсколько страницъ въ юбилейномъ сборникѣ, изданномъ въ прошломъ году: *1873—1913. Николаю Ивановичу Карѣеву ученики и товарищи по научной работѣ;* С.-Петербургъ, 1914 г.; стр. XI—XXIII.—Въ 1891 г. Соловьевъ писалъ: „Главныя тенденціи этого изданія [т. е. *Историческаго Обозрѣнія*], какъ и всѣхъ трудовъ Н. И Карѣева, заслуживаютъ полнаго сочувствія. Онъ хочетъ, чтобы историческая наука поднялась до такого пониманія жизни человѣчества, какое способствуетъ *соціально-нравственному* прогрессу самой этой жизни. Мы увѣрены, что именно только въ этомъ направленіи возможно дальнѣйшее развитіе исторической науки.“ *Соч.*, VI, стр. 338, 339; статья: *Руководящія мысли „Историческаго Обозрѣнія“*.—Объ А. А. Коротневѣ ср. С. А. Венгерова, *Источники Словаря русскихъ писателей*; т. III, Петроградъ, 1914 г.; стр. 193, 194. Съ Высочайшаго соизволенія, 13-го сентября 1914 г. русской зоологической станціи въ Вилла-Франкѣ присвоено имя ея основателя проф. А. А. Коротнева. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1915 г., февраль, стр. 77 (оффиціальный отдѣлъ).—О научно-литературной и общественной дѣятельности А. А. Исаева см. въ *Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ*, т. XIX, С.-Петербургъ; стр. 674.

философіи исторіи, *Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдовъ* и т. д.

Н. И. Карѣевъ поступилъ въ гимназію, подобно Соловьеву, тоже прямо въ третій классъ, но не въ началѣ учебнаго года, а въ серединѣ его, въ январѣ 1865 г. Соловьевъ, какъ ребенокъ некрѣпкій, пропускалъ много уроковъ; притомъ, будучи въ третьемъ классѣ, онъ перенесъ какую-то тяжелую болѣзнь. Н. И. Карѣевъ, вслѣдствіе всего этого, познакомился съ нимъ ближе лишь во время экзаменовъ, при переходѣ изъ третьяго класса въ четвертый. Тутъ только и узналъ онъ, кто отецъ Владиміра Соловьева. Дружески сошелся Н. И. Карѣевъ съ Соловьевымъ уже въ четвертомъ классѣ. Но и въ теченіе второго учебнаго года въ гимназіи Соловьеву приходилось беречь свое здоровье, почему не столько онъ навѣщалъ своихъ товарищей, сколько товарищи навѣщали его, всего чаще по вечерамъ. Соловьевы жили въ это время на казенной квартирѣ въ университетѣ, и здѣсь для молодежи былъ сравнительно широкій просторъ, въ особенности когда изъ взрослыхъ никого не было дома. Н. И. Карѣевъ, какъ болѣе сильный, сажалъ къ себѣ Соловьева на плечи верхомъ и лихо гарцовалъ съ нимъ по комнатамъ. При участіи въ игрѣ другихъ товарищей, при этомъ происходили чуть не настоящіе „рыцарскіе турниры“. Кромѣ Н. И. Карѣева, у Соловьева нерѣдко бывали въ гостяхъ также А. А. Коротневъ и Н. А. Писемскій. Вообще, не слѣдуетъ думать, чтобы Соловьевъ, чуть не съ пеленокъ, проявлялъ всѣ свойства любомудра, преданнаго съ неизмѣнной серьезностью высшимъ философскимъ и религіознымъ интересамъ. Даже В. Л. Величко не отрицаетъ того, что въ гимназическіе годы Соловьевъ и рѣзвился, и шалилъ совершенно по-мальчишески. Между прочимъ, онъ указываетъ, что „въ гимназіи онъ [т. е. Соловьевъ] вообще развернулся, сталъ веселъ, остроуменъ, общителенъ и въ началѣ даже шаловливъ. Года полтора онъ даже чувствовалъ, если можно такъ выразиться, приливъ отроческаго милитаризма: бросался къ окнамъ во время прохожденія войскъ, ходилъ на парады и маневры и горячо разсуждалъ о значеніи храбрости, какъ главной мужской добродѣтели.“ [211]) Недаромъ, видно, былъ онъ внукомъ В. П. Романова... Еще проще и, конечно, съ полною искренностью повѣствуетъ объ этой порѣ своей жизни самъ Соловьевъ, которому и въ голову не приходило вкрапливать въ исторію своего дѣтства какія-то

[211]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 14.

изысканныя небылицы. Вотъ что писалъ онъ въ январѣ 1893 г. М. М. Стасюлевичу, поясняя свое участливое отношеніе къ научно-литературной дѣятельности Л. М. Лопатина: „Дорогой и глубокоуважаемый Михаилъ Матвѣевичъ, посланная мною вамъ вчера статья требуетъ нѣкотораго объясненія. Восходя къ причинамъ отдаленнымъ, я долженъ сказать, что авторъ разбираемой книги [Л. М. Лопатинъ] вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ—мои первые друзья дѣтства, отрочества и юности. Особенно средній изъ этихъ возрастовъ крѣпко связалъ насъ общими опасностями и успѣхами. Учились мы розно, но лѣтнее время проводили вмѣстѣ въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ-Глѣбовѣ-Стрѣшневѣ, гдѣ наши родители въ продолженіе многихъ лѣтъ жили на дачѣ. Цѣль нашей дѣятельности за это время состояла въ томъ, чтобы наводить ужасъ на покровскихъ обывателей, въ особенности женскаго пола. Такъ, напр., когда дачницы купались въ протекающей за версту отъ села рѣчкѣ Химкѣ, мы подбѣгали къ купальнямъ и не своимъ голосомъ кричали: «Пожаръ! Пожаръ! Покровское горитъ!» Тѣ выскакивали въ чемъ попало, а мы, спрятавшись въ кустахъ, наслаждались своимъ торжествомъ. А то мы изобрѣтали и искусно распространяли слухи о привидѣніяхъ и затѣмъ принимали на себя ихъ роль. Старшій Лопатинъ (не-философъ), отличавшійся между нами физической силою и ловкостью, а также большой мастеръ въ произведеніи дикихъ и потрясающихъ звуковъ, сажалъ меня къ себѣ на плечи верхомъ, другой братъ надѣвалъ на насъ обоихъ бѣлую простыню и затѣмъ эта необычайнаго вида и роста фигура, въ лунную ночь, когда публика, особенно дамская, гуляла въ паркѣ, вдругъ появлялась изъ смежнаго съ паркомъ кладбища и то медленно проходила въ отдаленіи, то устремлялась галопомъ въ самую середину гуляющихъ, испуская нечеловѣческіе крики. Для другихъ классовъ населенія было устроено нами пришествіе антихриста. Въ результатѣ мужики не разъ таскали насъ за шиворотъ къ родителямъ, покровскій священникъ, не чуждый литературѣ, далъ намъ прозваніе «братьевъ-разбойниковъ», которое за нами и осталось, а жившіе въ Покровскомъ три актрисы, г-жи Собѣщанская, Воронова и Шубертъ, бывшія особымъ предметомъ моихъ преслѣдованій, сговорились меня высѣчь, но къ величайшему моему сожалѣнію это намѣреніе почему-то не было исполнено. Впрочемъ, иногда наши занятія принимали научное направленіе. Такъ, мы усиленно интересовались наблюденіями надъ исторіей развитія земноводныхъ, для чего въ особо устроенный нами бассейнъ напускали

множество головастиковъ, которые, однако, отъ неудобства помѣщенія скоро умирали, не достигнувъ высшихъ стадій развитія. Къ тому-же свою зоологическую станцію мы догадались устроить какъ разъ подъ окнами кабинета моего отца, который объявилъ, что мы сами составляемъ предметъ для зоологическихъ наблюденій, но что ему этимъ заниматься некогда. Тогда мы перешли къ практическому изученію географіи, и моею спеціальностью было изслѣдовать теченіе ручьевъ и рѣчекъ и глубину прудовъ и болотъ, причемъ активная роль моихъ товарищей состояла главнымъ образомъ въ обращеніи къ чужой помощи для извлеченія меня изъ опасныхъ положеній.— Однако, я увлекаюсь воспоминаніями; пора отъ отдаленнаго перейти къ ближайшему..." [212]) Затѣмъ Соловьевъ обращается къ темѣ, которая пока должна быть оставлена нами въ сторонѣ. Шутки относительно практическаго изученія географіи напоминаютъ слова В. Л. Величко, что уже въ возрастѣ 8 лѣтъ Соловьевъ былъ „серьезнымъ знатокомъ географіи"; но подтверждаютъ эти слова, такъ сказать, съ другого конца. Прибавимъ къ сказанному, что и въ самой гимназіи Соловьевъ имѣлъ репутацію большого шалуна и выдумщика разныхъ затѣй. Эту репутацію онъ сохранялъ за собою даже въ старшихъ классахъ, какъ разсказывалъ намъ В. Н. Сиротининъ, близкій сородичъ вышеупомянутыхъ братьевъ Сиротининыхъ. Когда Соловьевъ подходилъ уже къ концу гимназическаго курса, В. Н. Сиротининъ былъ въ одномъ изъ среднихъ классовъ, и тутъ слава Соловьева все еще гремѣла. Впрочемъ, по словамъ того-же В. Н. Сиротинина, товарищи-гимназисты очень любили Соловьева.

Въ только-что приведенномъ отрывкѣ изъ письма на имя М. М. Стасюлевича называются два близкихъ товарища Соловьева не изъ гимназической его среды. Это были дѣти Михаила Николаевича Лопатина, служившаго въ московскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, женатаго на сестрѣ знаменитаго нашего математика П. Л. Чебышева, Екатеринѣ Львовнѣ. Лопатины были люди довольно зажиточные. М. Н. Лопатинъ, человѣкъ умѣренно-либеральнаго направленія, много читавшій, былъ очень любимъ въ семьѣ Соловьевыхъ; по возрасту онъ былъ нѣсколько моложе С. М. Соловьева (родился 4-го іюня 1823 г.). Въ позднѣйшее время Вл. С. Соловьевъ, опираясь на свои петербургскія знакомства, старался быть полезнымъ своему старому

---

[212]) *М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ*, подъ ред. М. К. Лемке; т. V, С.-Петербургъ, 1913 г.; стр. 370—372.

знакомцу, близкому ему по семейнымъ преданіямъ. Въ одномъ изъ писемъ его на имя А. Н. Аксакова, относящемся предположительно къ 1883 г., мы читаемъ: „Нижеслѣдующая моя просьба основана на предположеніи, что вы знакомы съ Набоковымъ (министромъ юстиціи). Если это предположеніе ошибочно, то оставьте все это безъ послѣдствій. Дѣло вотъ въ чемъ: здѣсь умеръ предсѣдатель одного изъ департаментовъ Московской судебной палаты—Люминарскій. На его мѣсто старшій предсѣдатель представилъ члена этой-же палаты, стариннаго пріятеля моего отца, М. Н. Лопатина, который имѣетъ всѣ права на это назначеніе, такъ-какъ онъ болѣе 30 лѣтъ прослужилъ въ московскихъ судебныхъ учрежденіяхъ, старыхъ и новыхъ, и пользуется наилучшей репутаціей во всѣхъ отношеніяхъ. Его хорошо знаетъ, между прочимъ, и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Итакъ, если вы знакомы съ Набоковымъ (или Фришемъ), то не можете-ли воздѣйствовать въ пользу Лопатина, чтобы ему не посадили на голову какого-нибудь пришельца?“ [213]) Скончался М. Н. Лопатинъ въ 1900 г., 24-го ноября.

Изъ четырехъ сыновей „стариннаго пріятеля“ С. М. Соловьева Николай и Левъ были особенно дружны съ Владиміромъ Соловьевымъ, [214]) Александръ считался общимъ другомъ сыновей Соловьевыхъ, а Владиміръ дружилъ по-преимуществу съ Михаиломъ Соловьевымъ. Дочь Екатерина была подругой дѣвицъ Соловьевыхъ. Молодежь мужская не смѣшивалась съ молодежью женской. Все это были талантливые подростки, ставшіе современемъ интересными, оригинальными людьми. Наибольшую извѣстность изъ числа сыновей М. Н. Лопатина пріобрѣлъ Л. М. Лопатинъ, докторъ философіи, занимающій понынѣ каѳедру философіи въ Московскомъ университетѣ. Родился Л. М. Лопатинъ въ Москвѣ, въ 1855 г.; въ службѣ онъ состоитъ съ 1-го августа 1879 г. Вл. С. Соловьевъ былъ дружески близокъ съ нимъ до конца своей жизни, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и его переписка. Л. М. Лопатинъ, въ свою очередь, неизмѣнно сохранялъ искреннюю преданность и расположеніе къ другу

---

[213]) *П.*, II, 282. — Объ Е. Е. Люминарскомъ ср. А. Ѳ. Кони, *Отцы и дѣти судебной реформы* (*къ пятидесятилѣтію Судебныхъ Уставовъ*); Москва, 1914 г.; стр. 138, 276, 277.

[214]) Братья Лопатины, друзья Вл. С. Соловьева, учились въ Поливановской гимназіи. В. Л. Величко (прим. 10), стр. 14. — Соловьевъ лично зналъ Л. И. Поливанова († 11-го февраля 1899 г.) и очень цѣнилъ „все своеобразіе этой живой, вѣчно кипящей души“. *Соч.*, VIII, стр. 441; статья: *Л. И. Поливановъ* (некрологъ).

своей юности, котораго онъ открыто признавалъ „самымъ оригинальнымъ философомъ во всей Европѣ за послѣднія 25 лѣтъ.“ [215]) Н. М. Лопатинъ служилъ земскимъ начальникомъ; будучи хорошимъ пѣвцомъ и любителемъ народнаго пѣсеннаго творчества, онъ составилъ сборникъ русскихъ пѣсенъ. Скончался Н. М. Лопатинъ отъ тяжелой болѣзни въ 1897 г. В. М. Лопатинъ занималъ одно время должность товарища прокурора. У него была страсть къ театру; сначала онъ подвизался на домашнихъ сценахъ, а позднѣе, уже въ немолодыхъ годахъ, онъ примкнулъ къ Московскому художественному театру Станиславскаго. Родители не сочувствовали его театральнымъ вкусамъ, почему онъ такъ долго и не рѣшался стать профессіональнымъ актеромъ. Про него разсказываютъ, что онъ только и ходитъ—въ театръ да въ церковь. А. М. Лопатинъ посвятилъ себя службѣ по судебному вѣдомству; онъ выступалъ съ успѣхомъ и на литературномъ поприщѣ. Е. М. Лопатина замужъ не вышла. Она обладала литературнымъ талантомъ, написала романъ: *Въ чужомъ гнѣздѣ* (подъ псевдонимомъ К. Ельцовой), [216]) но потомъ отъ литературы отстала. Приложивъ много заботъ къ уходу за своимъ больнымъ братомъ Н. М. Лопатинымъ, она затѣмъ и вообще много потрудилась около больныхъ.

Перечисляя друзей юности Соловьева, слѣдуетъ назвать также кн. Дмитрія Николаевича Цертелева. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Вл. С. Соловьевѣ кн. Д. Н. Цертелевъ сообщаетъ, между прочимъ, нижеслѣдующее: „Я былъ съ Соловьевымъ въ одной гимназіи и помню еще въ шестомъ классѣ его худую и блѣдную фигуру во время перемѣнъ; но, такъ-какъ онъ былъ классомъ старше меня, мы не были знакомы и познакомились только тогда, когда я былъ уже на первомъ курсѣ университета. Хорошо помню этотъ вечеръ. У П. А. Зилова собралось нѣсколько студентовъ разныхъ факультетовъ, между ними были Соловьевъ и Писемскій. Писемскій былъ почитателемъ Огюста Конта; Соловьевъ, напротивъ того, полагалъ, что время позитивизма безвозвратно прошло, и что философская мысль принимаетъ совершенно другое направленіе. Между ними произошелъ оживленный споръ, котораго я оставался безмолвнымъ слушателемъ, но съ этого времени началась наша дружба съ Соловьевымъ, хотя мы знали

---

[215]) Л. М. Лопатинъ (прим. 202), стр. 120.

[216]) Ср. С. А. Венгерова, *Источники Словаря русскихъ писателей*; т. II, С.-Петербургъ, 1910 г.; стр. 360.

другъ друга еще очень мало.“ [217]) Въ письмѣ отъ 3-го января 1897 г. на имя кн. Д. Н. Цертелева Соловьевъ пишетъ: „Наканунѣ новаго года я сочинилъ стихи, которые, если заслуживаютъ сохраненія, должны быть по самому содержанію посвящены тебѣ. Кстати, въ этомъ году 25-лѣтіе нашей дружбы.“ [218]) Отсюда слѣдуетъ, что начало дружескаго сближенія съ кн. Д. Н. Цертелевымъ самъ Соловьевъ пріурочиваетъ къ 1872 г., къ третьему или, можетъ-быть, четвертому году пребыванія своего въ Московскомъ университетѣ.

Отецъ кн. Д. Н. Цертелева, кн. Николай Андреевичъ Цертелевъ состоялъ въ 30-ыхъ годахъ помощникомъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа. Онъ очень интересовался малорусскимъ народнымъ творчествомъ и пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ собирателя произведеній этого творчества. [219]) Изданіе его трудовъ составляло предметъ заботъ Общества любителей россійской словесности въ Москвѣ. [220]) Кн. Н. А. Цертелевъ былъ женатъ дважды: въ первый разъ на А. Н. Воиновой, а во второй—на Варварѣ Семеновнѣ Чулковой, мать которой была изъ рода Бахметевыхъ. Кн. В. С. Цертелева была женщина хорошая и разумная; она сочувствовала литературной дѣятельности мужа, хотя сама и не обнаруживала склонности къ литературнымъ занятіямъ. Кн. Н. А. Цертелевъ скончался въ Москвѣ, въ самомъ концѣ 60-ыхъ годовъ, 8-го сентября 1869 г., а княг. В. С. Цертелева прожила до 89 лѣтъ и скончалась въ Линягахъ, имѣніи Чулковыхъ въ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи, 13-го октября 1908 г. Дѣти кн. Н. А. Цертелева отъ перваго брака: сыновья—Николай и Петръ, женатый на извѣстной пѣвицѣ Е. А. Лавровской, и дочери—Надежда, по мужу Жаворонкова, Людмила, оставшаяся въ дѣвицахъ, и Анна, по мужу Бахирева. Были еще двѣ дочери—Софія и Марія; обѣ скончались въ раннемъ дѣтствѣ. Дѣти отъ второго брака: Алексѣй, служившій главнымъ образомъ по дипломатической части, однокурсникъ гр. А. А. Голенищева-Кутузова

[217]) Кн. Д. Н. Цертелевъ (прим. 193).—П. А. Зиловъ одинъ изъ выдающихся нашихъ физиковъ; профессорствовалъ въ Варшавскомъ университетѣ; позднѣе занималъ должность попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

[218]) *П.*, II, 269.—*Стих.*, 138.

[219]) *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона; т. XXXVIII, С.-Петербургъ, 1903 г; стр. 112.

[220]) *Отчетъ и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1872 г.*; Москва, 1872 г.; стр. 42. Фамилія кн. Николая Андреевича пишется здѣсь: „Церетелевъ“. См. также отчеты университетскіе за ближайшіе послѣдующіе годы.

по Московскому университету, и Дмитрій, другъ Соловьева. Кн. А. Н. Цертелевъ участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ за освобожденіе Болгаріи и былъ неоднократно награждаемъ за военные подвиги. Скончался онъ отъ тяжелой болѣзни, развившейся черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ушиба. Кн. Д. Н. Цертелевъ родился 30-го іюня 1852 г., скончался 15-го августа 1911 г. Онъ былъ ростомъ въ мать, а лицомъ въ отца (кавказскій типъ). По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ въ Московскомъ университетѣ, кн. Д. Н. Цертелевъ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора философіи за работу о гносеологіи Шопенгауера: *Schopenhauers Erkenntniss-Theorie* (Leipzig, 1879). Главные интересы его жизни—философія и поэзія; на этой почвѣ и произошло его сближеніе съ Соловьевымъ; увлекался онъ и нѣкоторыми техническими вопросами (въ особенности авіаціей). [221]) Кромѣ Алексѣя и Дмитрія, были у кн. Н. А. Цертелева отъ второго брака еще сынъ Александръ и дочь Александра; оба эти ребенка умерли въ дѣтствѣ, не достигнувъ даже отроческихъ лѣтъ. Зиму старики-Цертелевы проводили обыкновенно въ Москвѣ, а лѣто—въ Липягахъ. 20-го апрѣля 1890 г. кн. Д. Н. Цертелевъ вступилъ въ бракъ съ Екатериной Ѳедоровной Ванлярской, дочерью Ѳ. А. Ванлярскаго, овдовѣвшаго сравнительно рано; Ѳ. А. Ванлярскій служилъ по финансовому вѣдомству. [222]) Ея

[221]) Имя кн. Д. Н. Цертелева мы еще будемъ называть неоднократно. Краткія біографическія свѣдѣнія о немъ и обзоръ его литературной дѣятельности см. въ замѣткѣ, за подписью Э. Р., въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза и Ефрона (прим. 219).—Письма Э. ф. Гартмана къ кн. Д. Н. Цертелеву, въ русскомъ переводѣ, опубликованы Э. Л. Радловымъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія;* 1911 г., октябрь, стр. 89—106 (отдѣлъ: *Современная Лѣтопись*). Здѣсь-же, въ некрологѣ кн. Д. Н. Цертелева, Э. Л. Радловъ выражается такъ: „Красивое лицо и статная фигура князя невольно располагали въ его пользу, а искренность и прямота его бесѣды очаровывали и привлекали къ нему сердца. Мнѣ приходилось встрѣчаться съ Дмитріемъ Николаевичемъ довольно часто..... И при всякой встрѣчѣ я вновь испытывалъ очарованіе благородства и прямоты, которыми дышала личность покойнаго. Послѣдніе тяжелые годы, пережитые Россіей, были тяжелыми и для князя Дмитрія Николаевича..... и онъ придумывалъ разныя средства къ оздоровленію ея. Къ содержанію его проектовъ можно, конечно, относиться весьма различно, но для всякаго ясно, что они проистекали изъ идейнаго источника, что для себя лично князь ничего не искалъ.“ *L. c.*, стр. 88, 89.

[222]) Въ изданіи Вел. Кн. Николая Михайловича: *Петербургскій Некрополь* (работа исполнена В. И. Саитовымъ) имѣется нижеслѣдующее указаніе: „Ванлярскій, Ѳедоръ Ардаліоновичъ, р. 23 декабря 1833 † 2 сентября 1903 г. (Новодѣвичій монастырь).“ *L. c.*, т. I (А—Г), С.-Петербургъ, 1912 г.; стр. 485. Фамилія пишется здѣсь черезъ „о“.

сестра Наталія Ѳедоровна состояла въ супружествѣ съ герцогомъ Георгіемъ Георгіевичемъ Мекленбургъ-Стрелицкимъ, съ титуломъ графини Карловой. Другая сестра Маріамна Ѳедоровна вышла замужъ за М. Б. Мансурова, а потомъ за Я. В. Ратькова-Рожнова. Третья сестра Софья Ѳедоровна—фрейлина Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ. Были еще братья: Ѳедоръ, скончавшійся лѣтъ 8 тому назадъ, и Сергѣй, военный, служащій на Кавказѣ. Черезъ свою мать кн. Д. Н. Цертелевъ находился въ родствѣ съ Софьей Петровной Хитрово, рожденной Бахметевой. С. П. Хитрово—дочь Петра Андреевича Бахметева, сына Андрея Николаевича, который былъ роднымъ братомъ Александры Николаевны, по мужу Чулковой; А. Н. Чулкова—мать княг. В. С. Цертелевой. Сестра П. А. Бахметева—Софья Андреевна—была въ супружествѣ съ гр. А. К. Толстымъ; по первому мужу она носила фамилію Миллеръ. Бракъ С. А. Бахметевой (Миллеръ) съ гр. А. К. Толстымъ повелъ къ сближенію съ этимъ послѣднимъ и кн. Д. Н. Цертелева. Всѣ эти родственныя связи и отношенія оказались въ свое время имѣющими значеніе и для Соловьева. Болѣе или менѣе правильная переписка Соловьева съ кн. Д. Н. Цертелевымъ началась въ половинѣ 1874 г. [223])

Внѣшнія политическія и иныя крупныя событія отражались на жизни воспитанниковъ 5-ой гимназіи мало. Каракозовское покушеніе 4-го апрѣля 1866 г. вызвало, конечно, разные толки. Была организована даже особая депутація къ М. Н. Каткову, но Соловьевъ въ ней не участвовалъ. Произвелъ извѣстное впечатлѣніе и преступный выстрѣлъ Березовскаго 25-го мая 1867 г. Вниманіе учащихся было, однако, отвлечено тогда въ сторону экзаменовъ, а потому этотъ печальный эпизодъ обсуждался уже меньше. Смерть митрополита Филарета, который занималъ въ Москвѣ такое вліятельное положеніе, затронула учащихся лишь поверхностно. У Н. И. Карѣева осталось въ памяти, что, въ день отпѣванія покойнаго митрополита, гимназистовъ вывели на площадь передъ Чудовскимъ монастыремъ, гдѣ ихъ и продержали на морозѣ очень долго. Конечно, роптали на нераспорядительность начальства, но этимъ все и ограничилось. Соловьева отъ участія въ этой церемоніи, кажется, освободили, въ виду слабости его здоровья.

Вступивъ въ гимназію наивно-вѣрующимъ ребенкомъ, въ возрастѣ около 11½ лѣтъ, Владиміръ Соловьевъ уже въ четвертомъ классѣ

---

[223]) *П.*, II, 221—275.

сталъ переживать внутреннее броженіе, которое, какъ это обыкновенно бываетъ, коснулось прежде всего области религіозной, а затѣмъ распространилось и на другія области высокаго порядка. Это было выраженіемъ естественнаго роста его душевныхъ силъ, шедшаго рука объ руку съ его тѣлеснымъ развитіемъ. Особенность настоящаго случая состоитъ лишь въ томъ, что изъ этого внутренняго кризиса Соловьевъ вышелъ довольно быстро и притомъ съ результатами положительными, а не отрицательными. Результаты эти оказались къ тому-же настолько опредѣленными,—по крайней мѣрѣ, въ своей наиболѣе существенной части,—что, опираясь на нихъ, Соловьевъ могъ выступить на поприще общественной дѣятельности даже въ годы очень юные съ обликомъ яркимъ и выразительнымъ. Можно сказать и больше: результаты разумѣемаго здѣсь кризиса оказались настолько прочными, что ими опредѣлилось направленіе всѣхъ послѣдующихъ трудовъ Соловьева, какъ бы въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ ни видоизмѣнялись его воззрѣнія въ зависимости отъ идейной его эволюціи и подъ вліяніемъ расширяющагося жизненнаго опыта, и какія бы черныя сомнѣнія ни поднимались по-временамъ въ его душѣ, знавшей не одни только очарованія, но и разочарованія. Благополучное разрѣшеніе юношескаго кризиса развязало Соловьеву руки и вывело его сразу на открытый путь. Онъ избавился, такимъ образомъ, отъ слѣпыхъ тупиковъ, затхлыхъ закоулковъ, темнаго, ожесточающаго подполья, засасывающей обыденщины. Но на открывшемся передъ нимъ пути было еще много опасныхъ этаповъ, которые издали не могли быть даже замѣчены и до которыхъ нужно было прежде всего—дойти. И какъ бы ни относиться къ выражавшимся имъ при этомъ сужденіямъ, хорошо уже то, что до этихъ этаповъ, принадлежащихъ годамъ полной зрѣлости и склону жизни, Соловьевъ добирался, какъ это теперь для насъ ясно, съ сознаніемъ побѣдоносно преодолѣнныхъ первыхъ препятствій, принадлежащихъ годамъ юности... [224])

Н. И. Карѣевъ разсказываетъ, что еще въ четвертомъ классѣ гимназіи, въ возрастѣ около 13 лѣтъ, Соловьевъ поразилъ его од-

---

[224]) Передуманнаго и перечувствованнаго за время разумѣемаго здѣсь кризиса хватило, во всякомъ случаѣ, надолго. Имѣются признаки другого кризиса, относящагося къ послѣднимъ годамъ жизни Соловьева; но касаться относящихся сюда вопросовъ мы пока не можемъ. Ср. Э. Л. Радлова (прим. 13), стр. 10, 11. Укажемъ здѣсь-же на соображенія кн. Е. Н. Трубецкого относительно трехъ періодовъ творчества Соловьева. Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 85—93.

нажды неожиданнымъ заявленіемъ. Въ ту пору Соловьевъ помѣщался въ одной комнатѣ съ своей бабушкой, матерью его отца и его крестной матерью, вдовою протоіерея М. В. Соловьева. Какъ-то вечеромъ, осенью, Н. И. Карѣевъ былъ въ гостяхъ у своего товарища. Когда старушка вышла за чѣмъ-то изъ комнаты, Соловьевъ признался своему гостю, что пересталъ вѣрить въ мощи. Собесѣдникъ Соловьева былъ ребенкомъ вѣрующимъ, и его это открытіе, разумѣется, смутило, тѣмъ болѣе, что разговоры на религіозныя темы не были среди гимназистовъ четвертаго класса слишкомъ обычными. Впослѣдствіи отрицательное направленіе стало выражаться въ Соловьевѣ еще рѣзче, такъ-что ко времени окончанія имъ курса въ гимназіи онъ проявлялъ уже весьма рѣшительный радикализмъ, да и не въ одной только религіозной области. Любопытно, между прочимъ, что на урокахъ закона Божія онъ тщательно избѣгалъ нѣкоторыхъ выраженій, не соотвѣтствовавшихъ его тогдашнимъ взглядамъ. Такъ, напр., вмѣсто слова: „грѣхъ“, онъ употреблялъ описательный оборотъ: „предосудительное въ нравственномъ отношеніи дѣяніе“. Фактъ, конечно, мелкій, но характерный, въ особенности, если принять въ соображеніе, съ какою силою отстаивалъ Соловьевъ понятіе о грѣхѣ уже въ 1873 г., въ перепискѣ съ Е. В. Романовой. [225]) Не обходилось дѣло, съ другой стороны, и безъ разныхъ шутокъ, въ которыхъ должно было выразиться религіозное свободомысліе. Такъ, ознакомившись при изученіи физики съ нѣкоторыми законностями, относящимися до газовъ, Соловьевъ выводилъ изъ этихъ законностей то шуточное заключеніе, что вездѣсущее и всеобъемлющее божество есть газъ, плотность котораго равна нулю. Впрочемъ, и по выходѣ изъ гимназіи сопоставленія и анекдоты въ подобномъ-же родѣ не были совершенно чужды Соловьеву...

В. Л. Величко приписываетъ религіозный кризисъ Соловьева вліянію одного изъ его товарищей, „впослѣдствіи достигшаго кое-какой дутой популярности отрицательными тенденціями и смолоду уже бывшаго ярымъ нигилистомъ въ скверномъ смыслѣ этого слова.“ [226]) Въ кого мѣтитъ этотъ анонимный упрекъ, не извѣстно. Намъ думается, во всякомъ случаѣ, что приведенное указаніе находится въ противорѣчіи съ другими словами того-же автора, который утверждалъ, что даже въ годы еще болѣе ранніе Соловьевъ стоялъ по

---

[225]) *П.*, III, 79, 80.—С. М. Лукьяновъ (прим. 17), стр. 88.

[226]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 15.

духовному развитію выше своихъ сверстниковъ. Да и зачѣмъ приписывать случайнымъ внѣшнимъ воздѣйствіямъ то, что такъ просто объясняется ходомъ внутренняго развитія самого Соловьева? Вѣдь не одинъ же Соловьевъ, въ самомъ дѣлѣ, проходилъ черезъ эти религіозныя сомнѣнія и тревоги, и не одни „ярые нигилисты“ 60-ыхъ годовъ увлекались духомъ религіознаго отрицанія.

Въ писаніяхъ Вл. С. Соловьева мы находимъ нижеслѣдующія точныя данныя, относящіяся до этой поры его жизни.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 31-го декабря 1872 г. на имя Е. В. Романовой, указывая на необходимость отличать вѣру дѣтскую, слѣпую, безсознательную отъ вѣры, отличающейся обратными свойствами, Соловьевъ относительно первой вѣры выражается такъ: „Конечно, не много нужно ума, чтобы отвергнуть эту вѣру—я ее отрицалъ въ 13 лѣтъ—конечно, человѣкъ сколько-нибудь разсуждающій уже не можетъ вѣрить такъ, какъ онъ вѣрилъ, будучи ребенкомъ; и если это человѣкъ съ умомъ поверхностнымъ или ограниченнымъ, то онъ такъ и останавливается на этомъ легкомъ отрицаніи своей дѣтской вѣры въ полной увѣренности, что сказки его нянекъ или школьныя фразы катехизиса составляютъ настоящую религію, настоящее христіанство..... И хотя Богъ одинъ и тотъ-же, но безъ сомнѣнія та вѣра, къ которой приводитъ много философіи, есть уже не та, отъ которой удаляетъ немножко ума. Не мудрено догадаться, что вѣра христіанина сознательнаго и мыслящаго отличается чѣмъ-нибудь отъ вѣры деревенской старухи, хотя предметъ вѣры тотъ-же и оба они могутъ быть настоящими христіанами..... Въ дѣтствѣ всякій принимаетъ уже готовыя вѣрованія и вѣритъ, конечно, на-слово; но и для такой вѣры необходимо если не пониманіе, то нѣкоторое представленіе о предметахъ вѣры, и дѣйствительно, ребенокъ составляетъ себѣ такія представленія, болѣе или менѣе нелѣпыя, свыкается съ ними и считаетъ ихъ неприкосновенною святынею. Многіе (въ былыя времена почти всѣ) съ этими представленіями остаются навсегда и живутъ хорошими людьми. У другихъ умъ съ годами растетъ и перерастаетъ ихъ дѣтскія вѣрованія. Сначала со страхомъ, потомъ съ самодовольствомъ одно вѣрованіе за другимъ подвергается сомнѣнію, критикуется полудѣтскимъ разсудкомъ, оказывается нелѣпымъ и отвергается. Что касается до меня лично, то я въ этомъ возрастѣ не только сомнѣвался и отрицалъ свои прежнія вѣрованія, но и ненавидѣлъ ихъ ото всего сердца,—совѣстно вспоминать, какія глупѣйшія кощунства я тогда говорилъ и дѣлалъ.“ Затѣмъ Со-

ловьевъ продолжаетъ: „Къ концу исторіи всѣ вѣрованія отвергнуты, и юный умъ свободенъ вполнѣ. Многіе останавливаются на такой свободѣ ото всякаго убѣжденія и даже очень ею гордятся; впослѣдствіи они обыкновенно становятся практическими людьми или мошенниками. Тѣ же, кто не способенъ къ такой участи, стараются создать новую систему убѣжденій на мѣсто разрушенной, замѣнить вѣрованія разумнымъ *знаніемъ*. И вотъ они обращаются къ положительной наукѣ, но эта наука не можетъ основать разумныхъ убѣжденій, потому-что она знаетъ только внѣшнюю дѣйствительность, одни факты и больше ничего; истинный смыслъ факта, разумное объясненіе природы и человѣка—этого наука дать отказывается. Нѣкоторые обращаются къ отвлеченной философіи, но философія остается въ области логической мысли, дѣйствительность, жизнь для нея не существуетъ; а настоящее убѣжденіе человѣка должно вѣдь быть не отвлеченнымъ, а живымъ, не въ одномъ разсудкѣ, но во всемъ его духовномъ существѣ, должно господствовать надъ его жизнію и заключать въ себѣ не одинъ идеальный міръ понятій, но и міръ дѣйствительный. Такого живого убѣжденія ни наука, ни философія дать не могутъ. Гдѣ же искать его? И вотъ приходитъ страшное, отчаянное состояніе—мнѣ и теперь вспомнить тяжело—совершенная пустота внутри, тьма, смерть при жизни. Все, что можетъ дать отвлеченный разумъ, извѣдано и оказалось негоднымъ, и самъ разумъ разумно доказалъ свою несостоятельность. Но этотъ мракъ есть начало свѣта; потому-что когда человѣкъ принужденъ сказать: я ничто—онъ этимъ самымъ говоритъ: Богъ есть все. И тутъ онъ познаетъ Бога—не дѣтское представленіе прежняго времени и не отвлеченное понятіе разсудка, а Бога дѣйствительнаго и живого, который «недалеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы имъ живемъ и движемся и существуемъ». Тогда-то всѣ вопросы, которые разумъ ставилъ, но не могъ разрѣшить, находятъ себѣ отвѣтъ въ глубокихъ тайнахъ христіанскаго ученія, и человѣкъ вѣруетъ въ Христа уже не потому только, что въ Немъ получаютъ свое удовлетвореніе всѣ потребности сердца, но и потому, что Имъ разрѣшаются всѣ задачи ума, всѣ требованія знанія. Вѣра слуха замѣняется вѣрой разума; какъ самаряне въ Евангеліи: «уже не по твоимъ рѣчамъ вѣруемъ, но сами поняли и узнали, что онъ истинный спаситель міра, Христосъ».—Итакъ, ты видишь, что человѣкъ относительно религіи при правильномъ развитіи проходитъ три возраста: сначала пора дѣтской или слѣпой вѣры, затѣмъ вторая пора—развитіе разсудка и отрица-

ніе слѣпой вѣры, наконецъ, послѣдняя пора—вѣры сознательной, основанной на развитіи разума.“ [227])

Около того-же времени, въ письмѣ изъ Москвы отъ 18-го августа 1872 г. на имя С. Д. Лапшиной, Соловьевъ заявляетъ, что въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ онъ былъ ревностнымъ матеріалистомъ и недоумѣвалъ, какъ это умные люди могутъ быть христіанами; онъ приписывалъ эту странность либо лицемѣрію, либо особому виду помѣшательства. [228])

Ясно, что зрѣющая мысль Соловьева усваиваетъ, а затѣмъ и преодолѣваетъ прежде всего матеріалистическія ученія, которыя именно тогда были такъ широко распространены среди нашего интеллигентнаго общества. Это былъ первый и, конечно, еще очень несовершенный опытъ философствованія, опирающійся не столько на самостоятельныя размышленія и на знакомство съ оригинальной философской литературой, сколько на требованія чувства и на пользованіе болѣе общедоступными трудами, а также и разными запретными издѣліями печатнаго станка; тѣмъ не менѣе, прирожденное философское чутье вѣрно подсказывало Соловьеву, съ какой ступеньки слѣдуетъ ему начинать раціонализацію своихъ дѣтскихъ вѣрованій.

Поучительныя свѣдѣнія содержатся, далѣе, въ замѣткѣ Соловьева, посвященной памяти его отца. Замѣтка эта написана въ 1896 г. по поводу появившихся тогда въ *Русскомъ Вѣстникѣ* извлеченій изъ записокъ историка, подобранныхъ нѣсколько „односторонне“. Вотъ что̀ говорится, между прочимъ, въ этой замѣткѣ: „Широта научнаго взгляда, просвѣщая и очеловѣчивая патріотическія чувства, оказываетъ такое-же благотворное вліяніе и на чувства религіозныя. Глубокая сердечная вѣра у автора *Записокъ* была совершенно свободна отъ той *напряженности*, которую поверхностный взглядъ принимаетъ за силу. Непоколебимо увѣренный въ положительныхъ истинахъ христіанства, неизмѣнно и открыто привязанный къ существеннымъ формамъ церковнаго благочестія, онъ никогда не подчеркивалъ своей религіозности, не ставилъ ее ребромъ и никого не хотѣлъ стѣснять ею. Онъ не навязывалъ своихъ религіозныхъ воззрѣній не только своимъ друзьямъ, но даже роднымъ дѣтямъ. Съ этой стороны мнѣ самому пришлось оцѣнить его вполнѣ. Будучи съ дѣтства занятъ религіозными предметами, я въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ про-

---

[227]) *П.*, III, 73—75.—С. М. Лукьяновъ (прим. 17), стр. 81—86.
[228]) *П.*, I, 158, 159.

шелъ черезъ различныя фазы теоретическаго и практическаго отрицанія. Отецъ это зналъ, такъ-какъ я пересталъ ходить съ нимъ въ церковь. Но онъ ни однимъ словомъ не оказалъ на меня прямого воздѣйствія, ограничиваясь лишь изрѣдка легкими насмѣшками надъ различными *измами* и надъ моими тогдашними божками въ родѣ Ренана. Заставши меня однажды надъ запрещенною книгою этого писателя, онъ сказалъ только: «если уже хочешь читать въ этомъ направленіи, то взялъ бы что-нибудь получше, напримѣръ—Жозефа Сальвадора; [229]) этотъ еврей куда сильнѣе твоего краснобая съ фальшивыми цитатами.» И однако тутъ вовсе не было равнодушія: вскорѣ послѣ этого одинъ случайный разговоръ, взволновавшій отца до слезъ, показалъ мнѣ, до какой степени огорчало его мое скороспѣлое невѣріе, хотя, конечно, онъ догадывался, что это только болѣзнь роста. Но своимъ отношеніемъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ онъ далъ мнѣ почувствовать религію какъ нравственную силу, и это, конечно, было дѣйствительнѣе всякихъ обличеній и наставленій.“ [230])—Къ этому можно прибавить, что Э. Ренанъ, при личномъ знакомствѣ съ нимъ въ 1876 г., произвелъ на Вл. С. Соловьева впечатлѣніе, дѣйствительно, „пустѣйшаго враля“, [231]) что, разумѣется, уже слишкомъ рѣзко.

На-ряду съ только-что процитированною выпискою нелишнимъ будетъ отмѣтить снова нѣсколько строкъ изъ книжки В. Л. Величко: „Нашъ маститый историкъ зорко слѣдилъ за духовнымъ броженіемъ сына, но не оказывалъ на него давленія, считая это естественною болѣзнью умственнаго роста, которая должна пройти сама собою. Лишь изрѣдка онъ полунасмѣшливо останавливалъ и конфузилъ зарвавшагося отрока; напр., когда однажды юный гимназистъ, потирая руки, замѣтилъ отцу по поводу одной французской книги: «а недурно тамъ отдѣлываютъ христіанство»,—Сергѣй Михайловичъ отвѣчалъ ему немножко по Домострою: «а тебѣ бы слѣдовало за это хорошенько уши надрать!»“ [232])—Н. И. Карѣевъ выражалъ намъ нѣкоторое сомнѣніе относительно самой возможности подобной гру-

---

[229]) Жозефъ Сальвадоръ—французскій писатель; родился въ 1796 г., умеръ въ 1873 г.; по происхожденію еврей. Получивъ степень доктора медицины въ 1816 г., занимался впослѣдствіи не столько медициной, сколько исторіей евреевъ и религіозными вопросами. Написалъ, между прочимъ, сочиненіе: *Jésus et sa doctrine* (1838 г.). *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII, С.-Петербургъ, 1899 г.; стр. 160.

[230]) *Соч.*, VI, 644, 645; статья: *Сергій Михайловичъ Соловьевъ* (ср. прим. 88).

[231]) *П.*, II, 233 (письмо на имя кн. Д. Н. Цертелева).

[232]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 15, 16.

бой выходки со стороны сына въ присутствіи такого строгаго отца; и дѣйствительно, этотъ разсказъ, въ смыслѣ буквальной точности, можетъ быть оспариваемъ. Но съ надлежащей поправкой описываемая сцена все-таки могла имѣть мѣсто, какъ это явствуетъ изъ словъ самого Вл. С. Соловьева.

Общія условія, вліявшія на развитіе его религіознаго кризиса, Соловьевъ обрисовываетъ также въ своей статьѣ: *О заслугѣ В. В. Лесевича для философскаго образованія въ Россіи*, опубликованной въ 1890 г. въ формѣ письма на имя Н. Я. Грота, редактора *Вопросовъ философіи и психологіи.* [233]) Забѣгая нѣсколько впередъ, пояснимъ тутъ-же, что В. В. Лесевичъ былъ литературнымъ противникомъ Соловьева, отнесшимся очень несочувственно къ его магистерской диссертаціи. Въ названной выше статьѣ мы читаемъ: „Чтобы оцѣнить эту услугу [т. е. услугу В. В. Лесевича], намъ нужно вернуться довольно далеко назадъ, къ тому времени, которое непосредственно знакомо намъ лишь по смутнымъ гимназическимъ воспоминаніямъ. Я называю это время эпохою смѣны двухъ катехизисовъ. Обязательный авторитетъ митрополита Филарета былъ внезапно замѣненъ столь-же обязательнымъ авторитетомъ Людвига Бюхнера. Какъ уже давно было замѣчено умными людьми (напр., Ю. Ѳ. Самаринымъ въ его предисловіи къ сочиненіямъ Хомякова и въ письмахъ о матеріализмѣ), эта смѣна произошла давно безъ всякой внутренней борьбы. Но я не знаю, почему видятъ здѣсь что-то прискорбное. Если авторитетъ пространнаго катехизиса принимался на вѣру, безъ разсужденія, то въ чемъ-же могла состоять внутренняя борьба изъ-за него? Первый шагъ на пути разсужденія уже заключалъ въ себѣ отрицаніе прежняго безусловнаго авторитета, именно потому, что онъ выдавался за безусловный, не взирая на его весьма условную, ultra-условную форму. Я помню, что впервые поколебался въ вѣрѣ, когда увидалъ популярную книжку по геологіи или палеонтологіи, въ которой были, между прочимъ, раскрашенные рисунки различныхъ допотопныхъ чудовищъ. Сначала я думалъ, что это сказки, но когда удостовѣрился изъ текста книжки и изъ объясненій старшихъ, что всѣ эти мегатеріи и плезіозавры дѣйствительно существовали нѣкогда и потомъ исчезли, то моему ребяческому уму пришлось сдѣлать роковой выборъ между допотопнымъ катехизисомъ и допотопными звѣрями. Очевидно, выборъ былъ уже заранѣе рѣ-

[233]) *Соч.*, VI, 247.

шенъ тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что катехизисъ, хотя-бы и допотопный, есть дѣло рукъ человѣческихъ, тогда-какъ мегатеріи и плезіозавры и безъ человѣка существовали. Думаю, что этого простого разсужденія для большинства тогдашнихъ передовыхъ людей было вполнѣ достаточно, чтобы разомъ перейти отъ одного міросозерцанія къ другому, которое уже и принималось затѣмъ en bloc, благо какъ разъ во-время явилась и книжка съ готовыми на все отвѣтами—*Kraft und Stoff* Бюхнера. А чтобы понять, что бытіе плезіозавровъ нисколько не противорѣчитъ истинному богопочитанію,—для этого нуженъ былъ сравнительно сложный и тонкій процессъ мысли; но откуда же ему было взяться? Вѣдь даже скудныя философскія каѳедры нашихъ университетовъ были передъ тѣмъ упразднены.—Итакъ, умственное движеніе не могло сразу пойти правильнымъ ходомъ, и первый опытъ независимаго мышленія какъ малолѣтнихъ гимназистовъ, такъ и взрослыхъ людей того-же умственнаго уровня долженъ былъ разрѣшиться замѣной православнаго катехизиса матеріалистическимъ..." [234]) Заслуга В. В. Лесевича, по мнѣнію Соловьева, въ томъ главнымъ образомъ и состояла, что онъ способствовалъ перенесенію на русскую почву французскаго и англійскаго позитивизма, который, возстановляя разумный скептицизмъ, давалъ возможность подняться надъ необоснованными идеалистическими и матеріалистическими догмами.

Про религіозный кризисъ, пережитый Соловьевымъ въ юности, вспоминалъ много позднѣе и К. Н. Леонтьевъ. Въ письмѣ отъ 15-го января 1888 г. на имя А. А. Александрова К. Н. Леонтьевъ пишетъ: „Льву Толстому въ статьяхъ моихъ достается, да и всѣмъ почти литераторамъ нашимъ,—но *ему*, какъ проповѣднику и человѣку, а не какъ *творцу*. Мнѣ любопытно, какъ вы познакомились съ нимъ. Не вы-ли это «поднимали» Иверскую? Кристи разсказываетъ, что онъ (Левъ Николаевичъ) пришелъ къ Владиміру Сергѣевичу Соловьеву и съ негодованіемъ и изумленіемъ говорилъ: «одинъ студентъ, кандидатъ, поднимаетъ Иверскую!» И началъ говорить Соловьеву такую старую, дѣтскую рѣчь, что Соловьевъ хотѣлъ-было отвѣтить ему: «да, и я въ *14 лѣтъ* такъ думалъ, какъ вы теперь!» Но воздержался, чтобы не вышло ссоры. А они только-что примирились." [235]) Въ поясненіе этихъ строкъ К. Н. Леонтьева, А. А.

---

[234]) *Ibidem*, стр. 248.

[235]) *Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолію Александрову*; *Богословскій Вѣстникъ*, 1914 г., апрѣль, стр. 782.

Александровъ въ примѣчаніи говоритъ: „Случай этотъ, дѣйствительно, былъ со мною. Снявъ небольшую квартирку во флигелѣ московскаго дома гр. Л. Н. Толстого въ Хамовникахъ, я, по обычаю своему, пригласилъ въ нее икону Иверской Божіей Матери для молебствія на новоселье, чѣмъ возбудилъ «негодованіе и изумленіе» графа.“ [236])

Сообщеніе это напрашивается само собою на сопоставленіе съ нижеслѣдующими словами В. Л. Величко: „Въ старшихъ классахъ гимназіи онъ [т. е. Владиміръ Соловьевъ] испыталъ періодъ мучительныхъ сомнѣній и яростнаго отрицанія всего того, чему посвятилъ дальнѣйшую славную жизнь. Онъ пламенно увлекался нигилизмомъ, матеріализмомъ, внимательно изучалъ до тонкости [?] всевозможныя ученія, прямо или косвенно подрывавшія довѣріе къ христіанской религіи. Одно время онъ считалъ Спинозу первымъ міровымъ философомъ, а Писарева—величайшимъ писателемъ земли русской.—Не смотря на замѣчанія родныхъ и гимназическаго начальства, онъ отростилъ себѣ длинные волосы въ знакъ особаго вольнодумства и пытался проводить наивными способами въ жизнь обуявшія его увлеченія. Напр., однажды, послѣ вечера, проведеннаго въ горячихъ разсужденіяхъ съ единомышленными товарищами, онъ, по тогдашнему его выраженію, «предался иконоборству»: сорвалъ со стѣны своей комнаты и выкинулъ въ садъ образа, бывшіе свидѣтелями столькихъ жаркихъ дѣтскихъ его молитвъ.“ [237]) Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, сколько лѣтъ было Соловьеву, когда онъ позволилъ себѣ эту выходку. Если, однако, принять въ разсчетъ разсказъ К. Н. Леонтьева, то всего правдоподобнѣе пріурочить этотъ эпизодъ къ 14-лѣтнему возрасту, когда Соловьевъ былъ въ пятомъ классѣ гимназіи, т. е. въ одномъ изъ старшихъ классовъ. Получается, слѣдовательно, совпаденіе и съ разсказомъ В. Л. Величко. Будемъ думать, что бабушки Елены Ивановны въ это время въ-живыхъ уже не было...

Отрицательное направленіе, которымъ увлекался Соловьевъ въ переходные годы своей юности, не было имъ исчерпано въ гимназіи—онъ перенесъ его съ собою и въ университетъ. Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что, по мѣрѣ созрѣванія его мысли и расширенія круга его познаній, позднѣйшіе фазисы отрицательнаго характера оказывались все болѣе и болѣе непохожими на фазисы ранніе. При этомъ повышались, конечно, и его требованія въ отношеніи той

---

[236]) *L. c.*

[237]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 14, 15.

умственной пищи, которая преподносилась ему, и углублялась его критика. Къ 18 годамъ онъ самъ пріурочиваетъ свое освобожденіе изъ-подъ власти отрицательныхъ тенденцій, а 18 лѣтъ ему минуло 16-го января 1871 г. Къ 12-му октября этого года относится самое раннее изъ опубликованныхъ его писемъ, а именно то, которымъ открывается серія его писемъ на имя Е. В. Романовой. [238]) Въ этихъ письмахъ мы встрѣчаемся уже съ нѣкоторой системой положительныхъ воззрѣній, запечатлѣнныхъ вполнѣ отчетливо христіанскимъ духомъ и свидѣтельствующихъ о низверженіи недавнихъ „божковъ". Но и при выступленіи на новый положительный путь Соловьевъ не замыкается въ области отвлеченнаго умозрѣнія—изъ періода отрицательнаго онъ привноситъ сюда пробудившійся еще въ послѣдніе гимназическіе годы интересъ къ задачамъ общественно-политическимъ, хотя и эти задачи онъ беретъ въ освѣщеніи, по-преимуществу, религіозномъ. [239]) Впрочемъ, обо всемъ этомъ намъ придется еще вести рѣчь дальше.

Нравственный обликъ Владиміра Соловьева за время пребыванія его въ гимназіи нисколько не потускнѣлъ. Играла въ немъ молодая шаловливость, бурлила юношеская несдержанность, бунтовала незрѣлая мысль; но всѣ хорошіе природные задатки, всѣ добрые семейные навыки оставались, въ сущности, при немъ. Можетъ-быть, ему случалось бывать рѣзкимъ, грубоватымъ, черезчуръ насмѣшли-

---

[238]) *Л.*, III, 57.

[239]) Чрезвычайно любопытно, что и С. М. Соловьевъ въ свои гимназическіе годы очень интересовался религіозными вопросами. Повидимому, онъ былъ близокъ даже къ тѣмъ планамъ, которые намѣчалъ его сынъ Владиміръ послѣ преодолѣнія своего религіознаго кризиса. Въ своихъ запискахъ С. М. Соловьевъ выражается, между прочимъ, такъ: „.....я съ раннихъ лѣтъ былъ пылкій приверженецъ христіанства, и въ гимназіи еще толковалъ, что буду основателемъ философской системы, которая, показавъ ясно божественность христіанства, положитъ конецъ невѣрію." Любопытно, далѣе, какъ характеризуетъ онъ свою отроческую и юношескую вѣру. Въ тѣхъ-же запискахъ мы читаемъ: „Внутри меня было много религіозности, выражавшейся въ набожности; я ничего не начиналъ безъ молитвы; вѣра была сильная: не готовъ къ отвратительному математическому уроку, не приготовился изъ нѣкоторыхъ частей науки къ экзамену, помолюсь, крѣпко вѣрую, что этого у меня не спросятъ,—и дѣйствительно, не спрашивали; другой товарищъ найдется въ подобномъ положеніи..... молюсь за него, вѣрую за него,—и его не спрашиваютъ. Религіозности было много, но христіанства было мало..... о нравственномъ преуспѣяніи, о *внутреннемъ* мало думалось; говорю—о *внутреннемъ*, ибо извнѣ-то было все чисто и чинно, я первенствовалъ и относительно поведенія." С. М. Соловьевъ (прим. 11), мартъ, стр. 94.

вымъ; но ни злымъ, ни завистливымъ, ни двоедушнымъ, ни раболѣпнымъ онъ не былъ. Вотъ небольшой эпизодъ изъ гимназической жизни Соловьева, обрисовывающій его съ весьма выгодной стороны. „Кажется, на третьемъ году моей службы въ этой [т. е. 5-ой] гимназіи случился такой казусъ“, разсказываетъ Е. В. Бѣлявскій. „Директоръ разсердился за что-то на перваго ученика одного изъ старшихъ классовъ и велѣлъ стереть его съ такъ называемой золотой доски, на которую желтой краской записывались лучшіе ученики класса. Когда это было исполнено, на слѣдующемъ урокѣ оказалось, что всѣ записанные на золотую доску стерты, а ихъ было на этотъ разъ человѣкъ семь.“ Въ число этихъ семи входили, сколько помнится Е. В. Бѣлявскому, Н. И. Карѣевъ, Вл. С. Соловьевъ, Н. А. Писемскій, А. А. Исаевъ, А. А. Коротневъ, Н. Ярцевъ и Кононовъ. „Началось разслѣдованіе, ни до чего не доберутся. Тогда директоръ, зная, что отъ меня ученики ничего не скрываютъ, и въ виду серьезнаго нарушенія порядка, просилъ меня узнать, кто это сдѣлалъ. Я боялся взяться за исполненіе такого щекотливаго порученія: если мнѣ не скажутъ ученики, то между нами ляжетъ нѣкоторая тѣнь, а между-тѣмъ, если это сдѣлалъ плохой ученикъ, ему могла грозить серьезная опасность. Я вошелъ въ классъ, посмотрѣлъ на доску: на ней остались только слѣды размазанной желтой краски. Послѣ этого я, стараясь быть спокойнымъ, спросилъ: «кто это сдѣлалъ?» Тотчасъ-же встаетъ длинный красивый молодой человѣкъ и, съ важно опущенными длинными черными рѣсницами, отвѣчаетъ: «это я сдѣлалъ.» Ученикъ этотъ былъ Влад. Серг. Соловьевъ, бывшій вторымъ ученикомъ въ классѣ, а первымъ ученикомъ былъ Н. И. Карѣевъ. «Зачѣмъ же вы это сдѣлали?»—«Если Карѣева стерли съ золотой доски, то мы никто не желаемъ быть на этой доскѣ.» Это было такъ высказано, что я не нашелъ возможнымъ доказывать, что онъ очень дурно поступилъ, и доложилъ, какъ было дѣло, директору. Положеніе его было очень трудное; онъ сказалъ мнѣ, что онъ сообщитъ объ этомъ поступкѣ Соловьева его отцу, который тогда былъ ректоромъ университета. Я высказалъ, что, по моему мнѣнію, проступокъ этотъ, какъ заключающій въ себѣ только нарушеніе школьной дисциплины, долженъ бы быть наказанъ школой, а не переданъ на усмотрѣніе родителей. Чѣмъ это дѣло кончилось, я не знаю. Можетъ-быть, просто ничѣмъ. Это все было до Толстовской реформы.“ [240])

[240]) Е. В. Бѣляевскій (прим. 145), стр. 56, 57.—Въ должности ректора С. М.

Намъ кажется, что и съ точки зрѣнія нравственности въ тѣсномъ смыслѣ слова Соловьевъ оставался въ свои гимназическіе годы на уровнѣ достаточно высокомъ. Было бы странно предполагать, что онъ не испытывалъ натиска молодой страстности, и что онъ былъ совершенно недоступенъ голосу чувственности. Наоборотъ, мы полагаемъ, что, при живости его натуры, ему приходилось даже очень считаться со всѣми невыгодными особенностями своего возраста. Недаромъ товарищи-гимназисты дразнили его какой-то барышней Л—вичъ, къ которой онъ питалъ нѣжныя чувства; [241]) недаромъ участвовалъ онъ также и въ томъ „буесловіи“, которому такъ охотно предаются подростки, мнящіе себя взрослыми людьми. Но все это не имѣло серьезнаго значенія, и едва-ли не всѣ сверстники Соловьева, какъ и онъ самъ, закончили гимназическій курсъ съ правомъ на титулъ „скромныхъ“ юношей. Поскольку дѣло касается Соловьева, такое предположеніе особенно правдоподобно: во-первыхъ, вышелъ онъ изъ гимназіи сравнительно очень рано; во-вторыхъ, онъ оставался все время въ условіяхъ хорошей семейной обстановки родительскаго дома; въ-третьихъ, у него все нарастали и нарастали высшіе духовные интересы; въ-четвертыхъ, въ его распоряженіи былъ какъ-бы естественный громоотводъ, состоявшій въ той самой его влюбчивости, на которую мы указывали выше. Влюбчивость эта, привносившая въ его тѣлесныя влеченія облагораживающій духовный элементъ, имѣла, можетъ-быть, гораздо большее положительное значеніе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Какъ бы то ни было, разсказъ Соловьева: *На зарѣ туманной юности...*, [242]) очень похожій на повѣствованіе автобіографическое, [243]) склоняетъ насъ къ той мысли, что даже въ первые годы студенчества „эротическій“ опытъ его сводился къ формулѣ весьма краткой: „поцѣлуи кузинъ недолговѣчны.“ [244]) Опыты болѣе сложные и отвѣтственные, поскольку таковые были, принадлежатъ, очевидно, годамъ болѣе позднимъ.

В. Л. Величко высказывается по занимающему насъ вопросу такъ:

Соловьевъ былъ утвержденъ 3-го февраля 1871 г., какъ объ этомъ было упомянуто въ главѣ первой; но ему и до этого времени случалось иногда заступать мѣсто ректора.

[241]) Барышня Л—вичъ вскорѣ-же уѣхала за-границу и затѣмъ въ жизни Соловьева никакой роли не играла.

[242]) Разсказъ этотъ, появившійся первоначально въ майской книжкѣ *Русской Мысли* за 1892 г., перепечатанъ въ *П.*, III, 283—298.

[243]) С. М. Лукьяновъ (прим. 17), стр. 103.

[244]) *П.*, III, 285.

„Весьма замѣчательно, что, въ противоположность большинству юношей, у которыхъ періодъ «безбожія» и остраго матеріализма совпадаетъ обыкновенно съ первыми кутежами и исканіемъ низменныхъ приключеній съ женщинами,—Владиміръ Соловьевъ избѣгалъ женщинъ и относился къ нимъ насмѣшливо, почти враждебно. Ясно, что сомнѣнія и отрицаніе духовныхъ основъ жизни были въ немъ не лукавымъ голосомъ проснувшихся страстей, а именно необходимою стадіей развитія духовнаго. Въ эти годы уже въ немъ говорила жажда истины и взошли первые всходы того дѣла, которому онъ впослѣдствіи служилъ такъ героически-самоотверженно. Онъ скорбѣлъ по утраченной вѣрѣ, стихійно ему необходимой, но требованій несговорчиваго разума отринуть не могъ и не хотѣлъ.—Онъ сперва тяжко страдалъ отъ этого; потомъ, ища исхода этой мукѣ, задался цѣлью примирить вѣру съ разумомъ въ самомъ себѣ, а затѣмъ, какъ видно изъ всего дальнѣйшаго, взялъ на себя великую задачу: обрѣсти въ разумѣ поддержку для вѣры и другимъ открыть къ ней широкій путь. Эта великая передъ Богомъ и людьми заслуга пока еще была не общественнымъ, а только личнымъ его дѣломъ; она потребовала и многой неутомимой, страстной работы, и громаднаго напряженія, и такого самоуглубленія, которое доступно лишь избранникамъ небесъ. Побѣда надъ страстями и суетою міра, начатая еще на зарѣ самосознанія, когда семилѣтній ребенокъ упивался житіями святыхъ,—эта побѣда была одержана заранѣе и навсегда. Исканіе новыхъ путей для бодрственнаго, сознательнаго служенія разума вѣрѣ было задачею неизмѣримо болѣе трудной.“ [245]) Слова о „враждебномъ“ отношеніи къ женщинамъ нуждаются, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ оговоркахъ, точно такъ-же какъ и слова о борьбѣ со „страстями“ и „суетою міра“ въ семилѣтнемъ возрастѣ; но, въ общемъ, и В. Л. Величко полагаетъ, что о „низменныхъ приключеніяхъ“ въ годы, о которыхъ мы теперь говоримъ, не можетъ быть и рѣчи.

Ко времени пребыванія Владиміра Соловьева въ послѣднихъ классахъ гимназіи относится первая встрѣча съ нимъ А. Ѳ. Кони. Во второй половинѣ 60-ыхъ годовъ А. Ѳ. Кони пришлось быть въ Москвѣ у А. Ѳ. Писемскаго, который переѣхалъ на жительство въ Москву въ 1863 г., а въ 1866 г. поступилъ на службу въ совѣтники мѣстнаго губернскаго правленія. [246]) А. Ѳ. Писемскій любилъ, чтобы его сыновья присутствовали при его разговорахъ съ А. Ѳ. Кони. Случи-

[245]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 16, 17.

[246]) В. В. Зелинскій (прим. 206), стр. 63, 64.

лось такъ, что въ это время у молодого Николая Писемскаго былъ въ гостяхъ его товарищъ по гимназіи Соловьевъ. А. Ѳ. Писемскій предложилъ выйти къ А. Ѳ. Кони и ему. Соловьевъ былъ въ „штатскомъ“ платьѣ, одѣтъ „франтовато“. Надо сказать, что въ составъ одежды учениковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ входили тогда однобортные полукафтаны темно-зеленаго сукна съ черными пуговицами и отложнымъ воротникомъ, съ петличками на немъ изъ синяго сукна. [247]) Гимназисты ухитрялись, впрочемъ, снимать эти отличительныя петлички, и тогда они являлись одѣтыми „по-штатски.“ Носили они дома и въ гостяхъ и прямо-таки неформеннаго покроя платье. Вѣроятно, и Соловьевъ былъ облеченъ въ костюмъ съ отступленіями отъ формы. [248]) Какъ бы то ни было, всего лучше запомнился А. Ѳ. Кони во внѣшности Соловьева модный тогдашній галстухъ, съ широкими вышитыми концами, явно обличавшій невинное щегольство будущаго философа... За этимъ „мгновеннымъ снимкомъ“ занавѣсъ опускается. Вторая встрѣча А. Ѳ. Кони съ Соловьевымъ произошла лѣтъ черезъ десять, въ Петербургѣ, на вечерѣ у Ю. Ѳ. Абазы, уже при совершенно другихъ условіяхъ. Болѣе тѣсное сближеніе послѣдовало и того позднѣе,—когда Соловьевъ началъ сотрудничать въ *Вѣстникѣ Европы* М. М. Стасюлевича. Но до этого времени намъ пока еще далеко... [249])

---

[247]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1431.

[248]) Н. И. Карѣевъ передавалъ намъ, что весною 1865 г., наканунѣ перехода изъ третьяго класса гимназіи въ четвертый, Соловьевъ обратилъ на себя его вниманіе манерой носить свое пальто—партикулярное, цвѣтомъ черное, какого-то широкаго покроя—„по-испански“, съ перекидкою одной полы на плечо. Ср. выше, прим. 84-ое (цитата изъ В. Л. Величко).

[249]) Сверхъ источниковъ, указанныхъ въ предъидущихъ примѣчаніяхъ, при составленіи главы четвертой нами были использованы частныя сообщенія Н. И. Карѣева, А. Ѳ. Кони, В. Н. Сиротинина, А. Н. Щербачева, П. С. Соловьевой, Е. В. Селевиной, Л. Ф. Маклаковой и княг. Е. Ѳ. Цертелевой.

V.—Студенческіе годы.

Въ краткой автобіографической замѣткѣ, составленной въ маѣ 1887 г., Вл. С. Соловьевъ выражается о своихъ учебныхъ занятіяхъ въ высшей школѣ, т. е. въ университетѣ и въ духовной академіи, такъ: „..... изучалъ естественныя науки въ Московскомъ университетѣ. Выдержавъ экзаменъ на кандидата историко-филологическаго факультета (въ томъ-же университетѣ), поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскую духовную академію.“ [250]) Въ другой подобной-же замѣткѣ, написанной года черезъ три послѣ первой, въ 1890 г., мы находимъ такія строки: „Въ 1869 г. ..... поступилъ въ студенты Московскаго университета на физико-математическій факультетъ по отдѣлу естественныхъ наукъ. Въ 1872 г. вышелъ изъ физико-математическаго факультета и поступилъ вольнымъ слушателемъ на историко-филологическій факультетъ того-же университета. Въ 1873 г., по выдержаніи экзамена, получилъ степень кандидата историко-филологическихъ наукъ и затѣмъ поступилъ въ качествѣ вольнаго слушателя въ Московскую духовную академію, гдѣ и пробылъ одинъ учебный годъ.“ [251]) Такія-же данныя о Соловьевѣ содержатся и въ *Біографическомъ словарѣ*, относящемся до профессоровъ и преподавателей здѣшняго университета и изданномъ въ 1898 г., т. е. еще при жизни Соловьева. [252])

Не удивительно, конечно, если, при наличности приведенныхъ выше автобіографическихъ указаній, лица, интересовавшіяся біографіей Соловьева, повторяли съ небольшими варіантами эти-же самыя указанія, представлявшіяся имъ совершенно точными, и не усматривали особой надобности въ провѣркѣ разумѣемыхъ здѣсь данныхъ по до-

---

[250]) *П.*, II, 185.
[251]) *П.*, II, 337.
[252]) См. выше, прим. 141-ое.

кументамъ. У В. Л. Величко мы читаемъ: „Въ Московскій университетъ онъ [т. е. Вл. С. Соловьевъ] поступилъ на физико-математическій факультетъ, прошелъ два курса и тщательно изучалъ естественныя науки, но потомъ, неожиданно для своихъ близкихъ и особенно для самого себя, не выдержалъ переходнаго экзамена по физикѣ на третій курсъ, не отвѣтивъ на какіе-то элементарные вопросы. Впослѣдствіи Владиміръ Сергѣевичъ презабавно разсказывалъ о «затмѣніи», которое нашло на него во время этого экзамена, а затѣмъ добавлялъ, что естественныя науки немало помогли ему разобраться въ вопросахъ вѣры и упрочить ее. Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ него, что на Богочеловѣка необходимо смотрѣть не только какъ на явленіе Божьей благодати, но и какъ на фактъ историческій, подготовленный цѣлымъ рядомъ обще-извѣстныхъ и провѣримыхъ событій, и какъ на фактъ естественно-историческій въ широкомъ и полномъ смыслѣ этого слова.—Со второго курса физико-математическаго факультета молодой ученый перешелъ прямо на третій курсъ историко-филологическаго, къ которому былъ вполнѣ подготовленъ обширными внѣшкольными трудами. Во время пребыванія въ университетѣ онъ также усердно слушалъ лекціи и въ Московской духовной академіи. Послѣднія занятія были, пожалуй, самыми главными для него, такъ-какъ онъ прежде всего богословскій писатель и проповѣдникъ. Легко можно себѣ представить, какой огромной массой труда были полны его юношескіе годы.—Блестяще окончивъ курсъ на двадцатомъ году, Владиміръ Соловьевъ былъ оставленъ при университетѣ и, не теряя времени, принялся писать магистерскую диссертацію.“ [253]) Приведемъ, далѣе, слова Э. Л. Радлова: „Окончивъ блестяще гимназію, В. С. Соловьевъ поступилъ въ Московскій университетъ на физико-математическій факультетъ, на которомъ и пробылъ два года.—Величайшимъ предметомъ его любви въ это время были плезіозавры и мастодонты, и онъ впослѣдствіи съ благодарностью вспоминалъ о пережитомъ увлеченіи, хотя «гистологическія упражненія и оказались болѣе пагубными для казеннаго микроскопа, нежели назидательными для него самого.» Съ физико-математическаго факультета В. С. Соловьевъ перешелъ на 3-ій курсъ историко-филологическаго и въ то-же время, въ качествѣ вольнослушателя, усердно посѣщалъ лекціи Московской духовной академіи..... По окончаніи университета въ 1873 г. Соловьевъ оставался

[253]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 18.

лѣто въ Москвѣ и готовился къ кандидатскому экзамену..... 8-го іюня 1873 г. В. С. Соловьевъ былъ утвержденъ въ званіи кандидата Московскаго университета по историко-филологическому факультету и, согласно ходатайству этого университета, оставленъ при немъ для дальнѣйшаго усовершенствованія по предмету философіи и для приготовленія къ профессорскому званію.“ [254]) Попутно Э. Л. Радловъ ссылается на самого Соловьева, который въ 1899 г., въ одной изъ статей своихъ, заявлялъ: „Я нисколько не жалѣю, что одно время величайшимъ предметомъ моей любви были палеозавры и мастодонты. Хотя «человѣколюбіе къ мелкимъ скотамъ», по выраженію одного героя Достоевскаго, заставляетъ меня доселѣ испытывать нѣкоторыя угрызенія совѣсти за тѣхъ піявокъ, которыхъ я искрошилъ бритвою, добывая «поперечный разрѣзъ»,—и тѣмъ болѣе, что это было злодѣйствомъ безполезнымъ, такъ-какъ мои гистологическія упражненія оказались болѣе пагубными для казеннаго микроскопа, нежели назидательными для меня,—но, раскаиваясь въ напрасномъ умерщвленіи этихъ младшихъ родичей, я только съ благодарностью вспоминаю пережитое увлеченіе. Знаю, что оно было полезно для меня, думаю, что пройти черезъ культъ естествознанія послѣ гегельянскихъ отвлеченностей было необходимо и полезно для всего русскаго общества въ его молодыхъ поколѣніяхъ.“ [255]) Ссылаясь на *Curriculum vitae* Соловьева, [256]) указывали и мы въ другомъ мѣстѣ, что въ 1869 г. онъ зачислился въ студенты Московскаго университета — именно по отдѣлу естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. [257])

Ближайшее ознакомленіе съ подлинными оффиціальными документами колеблетъ, однако, довольно неожиданнымъ образомъ многія изъ перечисленныхъ выше указаній, относящихся до учебныхъ занятій Соловьева въ его студенческіе годы,—притомъ даже въ тѣхъ пунктахъ, которые заимствуются изъ его собственныхъ записей. Ко-

---

[254]) Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 9—11.

[255]) *Соч.*, VIII, 310, 311; статья: *Идея сверхчеловѣка.*—Выраженіе: „палеозавры“ употреблено здѣсь, повидимому, вмѣсто выраженія: „плезіозавры“ (изъ порядка змѣе-ящерицъ).

[256]) Такъ озаглавлена вторая автобіографическая замѣтка Соловьева. См. *П.*, II, 337.

[257]) С. М. Лукьяновъ (прим. 17), стр. 71. 72.—Ср. также А. Г. Петровскаго, *Памяти Владиміра Сергѣевича Соловьева*; *Вопросы философіи и психологіи*, 1901 г., кн. 56, стр. 36;—стр. 39.

нечно, было бы странно предполагать, что Соловьевъ умышленно вводилъ въ заблужденіе своихъ читателей и друзей, и дѣло объясняется всего проще тѣмъ, что онъ самъ не придавалъ особеннаго значенія различнымъ формальнымъ подробностямъ, а кое-что и перезабылъ; возможно также, что, воспроизводя разсказы Соловьева по памяти, близкія къ нему лица невольно погрѣшали противъ точности и привносили отъ себя вѣроятное въ качествѣ достовѣрнаго. Какъ бы то ни было, располагая теперь матеріалами, уцѣлѣвшими въ составѣ разныхъ архивныхъ „дѣлъ“, мы должны возстановить дѣйствительность возможно полнымъ образомъ, внѣ зависимости отъ опубликованныхъ раньше не провѣренныхъ данныхъ. Существенныя черты картины остаются при этомъ, пожалуй, безъ измѣненія, но въ ней обнаруживаются все-таки и кое-какія новыя частности, не лишенныя біографическаго значенія.

И прежде всего, мы убѣждаемся въ томъ, что, вступая подъ кровъ Московскаго университета, Соловьевъ еще не имѣлъ строго опредѣленнаго намѣренія изучать естественныя науки и допускалъ, по крайней мѣрѣ, возможность посвятить себя изученію наукъ историко-филологическихъ. Каковы бы ни были его внутреннія влеченія, сначала онъ зачислился, во всякомъ случаѣ, въ студенты историко-филологическаго факультета, а не физико-математическаго. Вотъ копія съ подлиннаго собственноручнаго прошенія Соловьева, устраняющая всякія сомнѣнія по этой части: „Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Московскаго Университета, Тайному Совѣтнику и Кавалеру Сергію Ивановичу Баршеву [258]) кончившаго курсъ въ 5-й Московской гим-

---

[258]) С. И. Баршевъ былъ ближайшимъ предшественникомъ С. М. Соловьева по ректорству. Свѣдѣнія объ его жизни и дѣятельности см., между прочимъ, въ *Большой Энциклопедіи*, изд. подъ ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова, т. II, С.-Петербургъ, 1900 г.; стр. 635—636. Здѣсь мы находимъ такой общій отзывъ: „какъ ученый, Баршевъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи пытался въ своемъ преподаваніи выработать общую систему институтовъ уголовнаго права, не ограничиваясь исключительно догматическимъ изученіемъ отдѣльныхъ узаконеній, и въ началѣ своей преподавательской дѣятельности являлся, дѣйствительно, выдающимся представителемъ русской криминалистики, зато подъ конецъ совершенно отсталъ отъ науки, ограничиваясь изъ года въ годъ чтеніемъ своихъ старыхъ записокъ.“ Репутація С. И. Баршева среди его сотоварищей по университету была довольно своеобразная, что не помѣшало, однако, его избранію въ ректоры. Рѣзкій на языкъ М. П. Погодинъ еще въ 1848 г. записалъ подъ 5-ымъ марта такія слова: „Толковалъ съ Страховымъ. Онъ передавалъ мнѣ мнѣнія Голохвастова, который желалъ ректорства Баршеву. Вотъ дуракъ-то! Это уже рѣшительное понятіе даетъ мнѣ объ его неспособности.“

назіи Владиміра Соловьева прошеніе.—Желая вступить въ число студентовъ Императорскаго Московскаго Университета по Историко-Филологическому факультету, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ слушанію лекцій; документы же мои будутъ доставлены въ Правленіе Университета 5-ю гимназіею.—Владиміръ Соловьевъ." [259]) Дата на прошеніи не проставлена, но зато имѣется помѣтка (надо думать,—ректора): „8 авг."; указано также, что „документы доставлены". По входящему журналу прошеніе значится подъ № 1958. Въ „дѣлѣ" сохраняется, далѣе, „подписка" Соловьева въ томъ, что во все время пребыванія своего въ университетѣ онъ будетъ „подчиняться правиламъ и постановленіямъ университета". Подписка эта снабжена точною датою: „1869 года Августа мѣсяца 8 дня." [260]) Очевидно, подписка эта была дана Соловьевымъ одновременно съ представленіемъ прошенія о зачисленіи въ студенты университета.

Избраніе того или другого факультета было для Соловьева, съ формальной точки зрѣнія, дѣломъ совершенно простымъ, ибо, по дѣйствовавшему въ то время университетскому уставу 18-го іюня 1863 г., онъ могъ поступить на любой факультетъ безъ всякаго затрудненія. По *Правиламъ Московскаго Университета*, изданнымъ въ связи съ названнымъ выше уставомъ, лица, получившія аттестаты и свидѣтельства изъ гимназій Московскаго учебнаго округа, въ которыхъ, по предложенію попечителя округа, на экзаменахъ присутствовали депутаты отъ совѣта университета, принимаются въ студенты безъ новаго испытанія; только въ случаѣ возраженій, сдѣланныхъ депутатомъ по поводу экзаменовъ изъ какого-либо предмета, производится новое испытаніе въ университетѣ изъ этого предмета. [261]) Судя по всему, ни для Соловьева, ни для товарищей его по гимназическому выпуску 1869 г. никакихъ осложненій на этой почвѣ не возникало. Правда, Соловьеву грозила другая опасность формальнаго свойства: по § 85-му университетскаго устава, [262]) въ

Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды М. П. Погодина;* кн. X, С.-Петербургъ, 1896 г.; стр. 122.

[259]) См. дѣло за № 262 (прим. 73).

[260]) Ср. прим. 259-ое.—О „подпискѣ" упоминается въ § 100-омъ Общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ 18-го іюня 1863 г. *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1039—1106;—стр. 1064.

[261]) *Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія;* т. III, С.-Петербургъ, 1867 г.; стр. 832—866; отд. I, § 2; стр. 832.

[262]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1061, 1062.

студенты университета принимаются молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста, а вѣдь 8-го августа 1869 г. Соловьеву было всего около 16½ лѣтъ. Мы не знаемъ, какъ была обойдена эта помѣха,—возможно, что на нее, при наличности прекраснаго гимназическаго аттестата и золотой медали, просто не обратили вниманія, тѣмъ болѣе, что и въ *Правилахъ*, изданныхъ въ развитіе устава, о возрастѣ поступающихъ въ Московскій университетъ не упоминается. Такъ или иначе, но и съ этой стороны формальныхъ затрудненій для Соловьева не оказалось. [263]) Гораздо мудренѣе было рѣшеніе вопроса о факультетѣ по существу. Внутреннее броженіе, начавшееся въ Соловьевѣ въ четвертомъ классѣ гимназіи, ко времени поступленія его въ университетъ еще не разрѣшилось. Его тянуло къ естествознанію въ соотвѣтствіи съ господствовавшими тогда вѣяніями, истолкователемъ которыхъ былъ Д. И. Писаревъ. Достаточно припомнить статью сего послѣдняго: *Наша университетская наука*, появившуюся въ 1863 г., чтобы понять, насколько эти вѣянія были тогда сильны. [264]) Да и не

---

[263]) С. П. Соболевскій сообщилъ намъ изъ письма А. Н. Шварца нижеслѣдующій небольшой отрывокъ, относящійся до обсуждаемаго здѣсь вопроса: „Въ 1864 г., 16½ лѣтъ отъ роду, я [т. е. А. Н. Шварцъ] получилъ свидѣтельство объ окончаніи курса въ гимназіи, и хотя не могъ по правиламъ поступить въ университетъ (надо было имѣть 17 лѣтъ), но въ виду хорошаго аттестата (я имѣлъ серебряную медаль и выдержалъ хорошо экзаменъ по греческому языку уже въ гимназіи) былъ принятъ, такъ-же, какъ находившійся въ тѣхъ-же условіяхъ товарищъ мой, Н. Н. Шиллеръ, нынѣ Кіевскій профессоръ, въ число студентовъ по историко-филологическому факультету". Дата этого письма не указана.

[264]) *Сочиненія* Д. И. Писарева; т. III, С.-Петербургъ, 1912 г.; статья: *Наша университетская наука*; стр. 1—110.—О дѣятельности Д. И. Писарева въ связи съ дѣятельностью Н. Г. Чернышевскаго и Н. А. Добролюбова Ивановъ-Разумникъ выражается такъ: „Нигилизмомъ закончились шестидесятые годы..... Заключительные выводы могутъ быть отмѣчены въ немногихъ словахъ. Мы видѣли, прежде всего, что стихійный потокъ шестидесятыхъ годовъ смылъ систему оффиціальнаго мѣщанства, а съ нею вмѣстѣ и державшееся за нее мѣщанство этическое. Въ русскую жизнь «разночинецъ пришелъ», и русская интеллигенція, сдѣлавшись окончательно внѣсословной и внѣклассовой, продолжала борьбу за интересы человѣческой личности подъ знаменемъ соціализма, водруженнымъ еще Бѣлинскимъ и Герценомъ, но твердо укрѣпленнымъ въ русской почвѣ только Чернышевскимъ. Міровоззрѣнія Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева рельефнѣе всего характеризуютъ собою эпоху шестидесятыхъ годовъ и яснѣе всего вскрываютъ коренную ошибку этой эпохи. *Непримиримое противорѣчіе между соціологическимъ индивидуализмомъ и этическимъ анти-индивидуализмомъ—центральная ошибка міровоззрѣній эпохи шестидесятыхъ годовъ*, ошибка, усугублявшаяся еще болѣе намѣренно подчеркнутымъ эстетическимъ анти-индивидуализмомъ (особенно у Писарева). Это противо-

одинъ Д. И. Писаревъ клялся въ ту пору естествознаніемъ... Въ Соловьевѣ были живы, однако, и другія стремленія, заставлявшія его интересоваться факультетомъ историко-филологическимъ, гдѣ сосредоточивалось—хотя-бы и въ скромныхъ размѣрахъ—изученіе наукъ философскихъ. По университетскому уставу 1863 г., здѣсь преподавались логика, психологія, исторія философіи; такимъ образомъ, упрочивалось существованіе самостоятельной каѳедры философіи, возстановленной еще въ началѣ 1860 г., послѣ тяжелаго 10-лѣтняго опыта совмѣщенія философіи съ богословіемъ. [265]) Домашнія преданія направляли Соловьева точно также въ сторону историко-филологическаго факультета. По словамъ Л. М. Лопатина, С. М. Соловьевъ прямо-таки желалъ, чтобы сынъ его Владиміръ зачислился въ студенты именно этого факультета. [266]) А мы знаемъ, какъ вліятеленъ былъ этотъ авторитетъ въ глазахъ всей семьи вообще и въ глазахъ сына Владиміра въ частности. Нисколько не странно, если при такихъ условіяхъ первый выборъ колеблющагося юноши оказался не столько рѣшеннымъ его волею, сколько предрѣшеннымъ волею отца. Послѣдствія не заставили себя долго ждать: вскорѣ-же послѣ зачисленія въ студенты историко-филологическаго факультета Соловьевъ перебирается на факультетъ физико-математическій, уступая уже своему личному влече-

---

рѣчіе, встрѣчавшееся ранѣе у Пушкина, Лермонтова и Бѣлинскаго, можно назвать своего рода «парадоксомъ эпохи шестидесятыхъ годовъ». Утверждать, подобно Писареву, что дальше самоцѣльности человѣческой личности еще ничего не видно въ процессѣ историческаго развитія, или, подобно Чернышевскому, что выше человѣческой личности нѣтъ на земномъ шарѣ ничего, и въ то-же время подчинять эту человѣческую личность и самоцѣльность человѣка принципу пользы,—это значило высказывать тотъ самый парадоксъ, который послужилъ ферментомъ разложенія міровоззрѣнію шестидесятыхъ годовъ; разложеніе это мы видѣли въ писаревщинѣ, въ нигилизмѣ. Семидесятымъ годамъ предстояло вскрыть ошибку этого парадокса и развить до высочайшей степени принципы и этическаго, и соціологическаго индивидуализма; исполненіе этой задачи выпало на долю Михайловскаго, Толстого и Достоевскаго, въ произведеніяхъ которыхъ русская общественная мысль достигла апогея развитія въ XIX-омъ вѣкѣ и наибольшей широты и глубины проникновенія принципами индивидуализма, соціологическаго и этическаго." Ивановъ-Разумникъ (прим. 7), т. II, стр. 95, 96.

[265]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 357.—Достойно вниманія, что сами митрополиты Московскій и Кіевскій настаивали на освобожденіи профессоровъ богословія отъ преподаванія логики и психологіи. *L. c.*

[266]) Припомнимъ, что у С. М. Соловьева влеченіе къ изученію исторіи обнаружилось очень рано. Повидимому, никакихъ особыхъ колебаній при выборѣ факультета у него не было. О воздѣйствіяхъ со стороны самого университета ср. С. М. Соловьева (прим. 11), апрѣль, стр. 454.

нію, вопреки внушеніямъ отца и совѣтамъ В. П. Басова, который полагалъ, что, по своимъ природнымъ дарованіямъ, его бывшій гимназическій ученикъ гораздо болѣе подходитъ къ факультету историко-филологическому, чѣмъ къ факультету физико-математическому. Н. И. Карѣевъ передавалъ намъ, что ближайшимъ поводомъ къ переходу съ одного факультета на другой послужило для Соловьева неблагопріятное впечатлѣніе отъ занятій греческимъ языкомъ у лектора Ю. К. Фелькеля, которыя показались ему слишкомъ элементарными и скучными.[267]) Но, само собою разумѣется, это — лишь поводъ, а не причина.

Считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь-же на вопросѣ объ отношеніи Соловьева къ наукамъ юридическимъ и медицинскимъ, преподаваемымъ на двухъ другихъ университетскихъ факультетахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что расположенія къ изученію этихъ наукъ у него не было, что̀ не осталось, можетъ-быть, безъ вліянія какъ на выработку его юридическихъ взглядовъ, такъ и на его оцѣнку нѣкоторыхъ собственныхъ переживаній. Въ позднѣйшіе годы Соловьеву приходилось не мало препираться съ спеціалистами-юристами, а иногда оказываться даже слишкомъ мало освѣдомленнымъ по части житейскихъ юридическихъ отношеній. Область литературныхъ споровъ мы оставляемъ пока въ сторонѣ и коснемся лишь второй части этого замѣчанія. „Извѣстно, напр.," разсказываетъ кн. Е. Н. Трубецкой, „какъ высоко онъ [т. е. Вл. С. Соловьевъ] цѣнилъ положительный смыслъ земской дѣятельности, и однако, рядомъ съ этимъ мнѣ пришлось убѣдиться въ удивительной спутанности его представленій о земствѣ. Помнится, однажды намъ нужно было вмѣстѣ повидать одного общаго знакомаго, который оказался на земскомъ собраніи. Я предложилъ его отыскать, и Соловьевъ былъ очень удивленъ моимъ заявленіемъ, что присутствовать въ качествѣ слушателей на собраніи

---

[267]) Изъ университетскаго отчета за 1868 г. видно, что преподаваніе греческаго языка, по приглашенію историко-филологическаго факультета, было поручено доц. А. Л. Дювернуа, вмѣсто командированнаго съ ученою цѣлью за-границу доц. Ѳ. Е. Корша, а также лект. Ю. К. Фелькелю. См. *Рѣчи и отчетъ* и т. д. (прим. 148), стр. 10. Въ отчетѣ за 1869 г. называются тѣ-же лица; кромѣ того, приглашенъ былъ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, докторъ Іенскаго университета И. Х. Виберг. См. *Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12-го января 1870 года*; Москва, 1870 г.; стр. 11. Некрологъ И. Х. Виберга помѣщенъ въ отчетѣ за 1874 г. См. *Отчетъ и рѣчь, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1875 года*; Москва, 1875 г.; приложеніе.

могутъ посторонніе. Какъ онъ мнѣ сказалъ, онъ думалъ, что «земство—что-то въ родѣ канцеляріи». Въ особенности въ области экономической онъ поражалъ примитивностью своихъ сужденій. Такъ, однажды онъ высказалъ мнѣ, что признаетъ грѣхомъ брать проценты, хотя-бы и незначительные; однако, тутъ-же выяснилось, что онъ считаетъ совершенно негрѣховнымъ держать процентныя бумаги, такъ-какъ въ данномъ случаѣ плательщиками процентовъ являются государства, банки, вообще, учрежденія. Попытки объяснить ему какую-нибудь экономическую истину были безполезны: онъ отказывался слушать и даже увѣрялъ въ своей неспособности понимать.“ [268]) Мы, въ свою очередь, имѣли точно также случай подмѣтить неохоту Соловьева углубляться въ юридическія препирательства. [269]) Однажды, на вечерѣ у баронессы В. И. Икскуль-фонъ-Гилленбандъ, Соловьевъ читалъ передъ довольно многолюдной аудиторіей отрывокъ изъ *Оправданія добра*, объ уголовномъ вопросѣ съ нравственной точки зрѣнія. Въ числѣ слушателей было нѣсколько выдающихся юристовъ,—съ В. Д. Спасовичемъ во главѣ. Соловьевъ читалъ съ большимъ подъемомъ, но затѣмъ, когда юристы начали возражать ему, онъ какъ-то сразу поблекъ и не столько отражалъ нападенія, сколько вяло отшучивался отъ нихъ. Было ясно, что его мысль пребываетъ, по существу, не въ той плоскости, которую занимаетъ юриспруденція, и что ему совсѣмъ не хочется переходить — или спускаться? — на эту плоскость. [270]) Любопытно, съ другой стороны, указаніе кн. Е. Н. Трубецкого на то, какъ относился Соловьевъ къ медицинскому объясненію своихъ „видѣній“, которыя сопровождались у него почти всегда боле-

---

[268]) Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 7.

[269]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что вообще Соловьевъ не былъ завзятымъ спорщикомъ,—особенно въ обстановкѣ, такъ сказать, оффиціальной. Въ стихотвореніи: *Другу молодости (кн. Д. Н. Цертелеву)* мы находимъ такую строфу:—

Врагъ я этихъ умныхъ,
Громкихъ разговоровъ
И безплодно-шумныхъ
Безконечныхъ споровъ...

Стих., 138.—На „нѣкоторую нелюбовь [Соловьева] къ спорамъ, къ подробному обсужденію мнѣній людей противоположнаго направленія и стремленіе къ систематизаціи еще не доказанныхъ гипотезъ“ обращаетъ вниманіе и кн. Д. Н. Цертелевъ, которому посвящено выше цитированное стихотвореніе. Кн. Д. Н. Цертелевъ (прим. 193).

[270]) Эпизодъ этотъ относится къ половинѣ 90-ыхъ годовъ.—Разумѣемый здѣсь отрывокъ изъ *Оправданія добра* см. въ *Соч.*, VII, 311—337.

выми ощущеніями и другими болѣзненными явленіями. „По этому поводу я [т. е. кн. Е. Н. Трубецкой] какъ-то сказалъ ему: «твои видѣнія—просто-напросто галлюцинаціи твоихъ болѣзней.» Онъ тотчасъ согласился со мной. Но это согласіе нельзя истолковывать въ томъ смыслѣ, чтобы Соловьевъ отрицалъ реальность своихъ видѣній. Въ его устахъ слова эти значили, что болѣзнь дѣлаетъ наше воображеніе воспріимчивымъ къ такимъ воздѣйствіямъ духовнаго міра, къ которымъ люди здоровые остаются совершенно нечувствительными. Поэтому онъ въ подобныхъ случаяхъ не отрицалъ необходимости леченія. Онъ признавалъ въ галлюцинаціяхъ явленія субъективнаго и притомъ больного воображенія. Но это не мѣшало ему вѣрить въ объективную причину галлюцинацій, которая въ насъ *воображается*, *воплощается* черезъ посредство субъективнаго воображенія во внѣшней дѣйствительности. Словомъ, въ своихъ галлюцинаціяхъ онъ признавалъ *явленія медіумическія*. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни истолковывали спиритическія явленія, какого бы взгляда мы ни держались на ихъ причину, нельзя не признать, что самыя *явленія* переживались Соловьевымъ очень часто. Онъ во всякомъ случаѣ былъ очень сильный медіумъ, хотя медіумъ невольный, пассивный.“ [271]) И на этотъ разъ мы считаемъ умѣстнымъ сослаться на одинъ небольшой эпизодъ изъ нашихъ личныхъ воспоминаній. Въ очеркѣ, посвященномъ дуэли Пушкина, мы упомянули о статьѣ Соловьева: *Судьба Пушкина* и выразили, на основаніи безспорныхъ медицинскихъ данныхъ, ту простую мысль, что Пушкинъ, вопреки мнѣнію Соловьева, былъ убитъ не собственнымъ выстрѣломъ въ Дантеса, а выстрѣломъ Дантеса въ него. [272]) Не смотря на оговорку, что разсужденіе наше ведется здѣсь „съ собственно медицинской точки зрѣнія“, Соловьевъ, при ближайшей личной встрѣчѣ, не преминулъ посѣтовать на то, что его взглядъ оспаривается. Онъ какъ-бы отри-

[271]) Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 21.

[272]) С. М. Лукьяновъ, *О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія*; *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. IV, кн. 3, 1899 г.; стр. 954—1014.— Соловьевъ придалъ, очевидно, слишкомъ большое значеніе словамъ д'Арміака, который указывалъ, что, сдѣлавъ выстрѣлъ въ Дантеса, Пушкинъ дважды впадалъ въ полуобморочное состояніе. Совокупность данныхъ съ несомнѣнностью удостовѣряетъ, однако, что выстрѣломъ въ Дантеса Пушкинъ не могъ ухудшить своего тѣлеснаго состоянія сколько-нибудь значительно, или вообще настолько, чтобы именно этимъ выстрѣломъ опредѣлялся весь дальнѣйшій ходъ дѣла.—Статью: *Судьба Пушкина* см. въ *Соч.*, VIII, 27—53.

цалъ правомѣрность научно-медицинской точки зрѣнія, имѣющей совершенно достаточное обоснованіе, и приносилъ ее въ жертву другимъ точкамъ зрѣнія, упуская изъ виду, что требованія научнаго типа познанія не могутъ быть устранены простымъ отрицаніемъ, а должны быть такъ или иначе координированы съ требованіями другихъ типовъ познанія—философскаго, религіознаго, художественнаго. [273])

Не подтверждаются, далѣе, оффиціальными документами и приведенныя выше замѣчанія относительно прохожденія Соловьевымъ курса естественныхъ наукъ въ университетѣ. Во-первыхъ, на третій курсъ физико-математическаго факультета онъ, во всякомъ случаѣ, перешелъ, ибо сохранился подлинный документъ, въ которомъ Соловьевъ называетъ себя „студентомъ 3-го курса физико-математическаго факультета“; во-вторыхъ, на физико-математическомъ факультетѣ онъ состоялъ студентомъ не два года, а около 3 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, ибо только въ апрѣлѣ 1873 г. онъ ходатайствовалъ объ увольненіи его изъ числа студентовъ; въ-третьихъ, на третій курсъ историко-филологическаго факультета онъ никогда не переходилъ, ибо вообще ни студентомъ, ни постороннимъ слушателемъ (sensu proprio) этого факультета онъ не былъ; въ-четвертыхъ, университетскія занятія онъ закончилъ не на двадцатомъ году жизни, а на двадцать первомъ, ибо „аттестатъ“ на степень кандидата онъ получилъ изъ университета не въ 1872 г., а въ 1873 г.; въ-пятыхъ, онъ не готовился къ кандидатскимъ экзаменамъ лѣтомъ 1873 г., по окончаніи курса въ университетѣ, ибо экзамены эти были имъ закончены уже къ 7-му іюня того-же года.

Все только-что сказанное выясняется съ полною отчетливостью при помощи нижеслѣдующихъ подлинныхъ матеріаловъ.—

18-го апрѣля 1873 г. Соловьевъ обращается къ ректору университета съ прошеніемъ такого содержанія: „Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Московскаго Университета отъ студента Физико-математическаго факультета 3-го курса Соловьева Владиміра прошеніе.—Не желая продолжать курса ученія въ Московскомъ Университетѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство объ увольненіи меня изъ числа студентовъ и о вы-

---

[273]) Относительно четырехъ типовъ познанія см. нѣкоторыя замѣчанія въ очеркѣ: *Позитивная біологія A. Comte'a и философія*; С. М. Лукьяновъ, *Рѣчи и очерки*, С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 175; *Вопросы философіи и психологіи*, 1898 г., кн. 42, стр. 216.

дачѣ мнѣ свидѣтельства объ ученіи и документовъ о рожденіи и происхожденіи. — Студентъ Владиміръ Соловьевъ.“ [274]) На оборотѣ прошенія имѣются помѣтки, удостовѣряющія, что Соловьевъ „поведенія очень хорошаго“, что книгъ за нимъ ни по университетской библіотекѣ, ни по студенческой — не числится, и что „по сбору денегъ за слушаніе лекцій препятствій [къ удовлетворенію его ходатайства] нѣтъ.“ [275])

Вслѣдствіе этого прошенія Соловьеву было выдано въ томъ-же мѣсяцѣ, 30-го числа, соотвѣтствующее „свидѣтельство“ по установленной формѣ: „Свидѣтельство.—Отъ Императорскаго Московскаго Университета, бывшему Студенту Физико-Математическаго Факультета, отдѣла Естественныхъ наукъ, 3-го курса, изъ дворянъ, Владиміру Соловьеву, въ томъ, что онъ, по окончаніи курса наукъ въ 5-й Московской Гимназіи съ награжденіемъ, за отличные успѣхи въ наукахъ, золотою медалью, въ Августѣ мѣсяцѣ 1869 года поступилъ въ число студентовъ сего Университета, гдѣ слушалъ профессорскія лекціи 1-го, 2-го и 3-го курсовъ означеннаго Факультета; поведенія былъ очень хорошаго; а нынѣ согласно прошенію изъ вѣдомства Московскаго Университета уволенъ, и какъ онъ полнаго курса наукъ не окончилъ, то и не можетъ пользоваться никакими правами, предоставленными студентамъ, окончившимъ курсъ Университетскаго ученія. При чемъ возвращается принадлежащее ему метрическое свидѣтельство о времени рожденія и крещенія. Дано въ Москвѣ. Апрѣля 30 дня 1873 года.—Ректоръ Университета, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ С. Соловьевъ. — Секретарь по студентскимъ дѣламъ А. Головинъ.—№ 231.—У сего свидѣтельства Императорскаго Московскаго Университета печать.“ [276])

Тутъ-же, рядомъ съ черновикомъ „свидѣтельства“, подшитъ черновикъ „квитанціи“, выданной Владиміру Соловьеву 18-го апрѣля 1873 г., за подписью казначея А. Кудрявцева, „отъ Казначейскихъ дѣлъ Правленія Императорскаго Московскаго Университета“ въ томъ, что „слѣдующіе съ него одинъ рубль 50 коп. за увольнительное свидѣтельство 18 числа Апрѣля мѣсяца получены и въ приходъ по кассовой книгѣ записаны подъ № 715.“ [277])

---

[274]) Извлечено изъ „дѣла“ за № 262 (прим. 73).

[275]) *Ibidem.* — Ср. *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 261); *Правила Московскаго Университета*, отд. I, § 10; стр. 834.

[276]) „Дѣло“ за № 262 (прим. 73).

[277]) *Ibidem.*—Въ письмѣ на имя матери изъ Лондона отъ 12-го октября 1875 г.

На вопросъ, насколько успѣшно шли учебныя занятія Соловьева въ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ въ смыслѣ оффиціальномъ и формальномъ, можно будетъ отвѣтить тогда, когда у насъ будутъ подъ руками точныя свѣдѣнія хотя-бы о томъ, какъ онъ справлялся съ переходными экзаменами. [278]) Пока удовольствуемся данными очень неопредѣленными. По словамъ В. Л. Величко, Соловьеву не повезло на экзаменѣ по физикѣ (опять, значитъ, старая печаль!) при переходѣ на третій курсъ. Если предположить, что Соловьевъ получилъ при этомъ „0“ или „1“, то, по тогдашнимъ *Правиламъ*, онъ терялъ право продолжать экзамены и долженъ былъ остаться на томъ-же курсѣ на второй годъ. [279]) По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ держалъ затѣмъ снова переходные экзамены и перешелъ, наконецъ, на третій курсъ, студентомъ котораго онъ называетъ себя въ прошеніи отъ 18-го апрѣля 1873 г. Возможно, однако, что провалъ былъ не столь рѣшительный, и что, получивши, напр., „двойку“, Соловьевъ перебрался все-таки на третій курсъ послѣ одногодичнаго пребыванія на второмъ курсѣ. Въ такомъ случаѣ двухлѣтнее пребываніе нужно пріурочить не ко второму, а къ третьему курсу. Насколько можетъ припомнить Л. М. Лопатинъ, Соловьевъ оставался два года именно на третьемъ курсѣ, и произошло это вслѣдствіе того, что онъ не додержалъ экзаменовъ—очевидно, въ концѣ перваго года пребыванія на этомъ курсѣ, ибо въ апрѣлѣ четвертаго академическаго года онъ уже ходатайствовалъ объ увольненіи его изъ университета. [280]) Указаніе В. Л. Величко о затрудненіи съ экзаменомъ по физикѣ едва-ли можно отнести не ко второму курсу, а къ третьему, такъ-какъ „физика“ читалась студентамъ лишь на первыхъ двухъ курсахъ. [281]) По словамъ Л. М. Лопатина, Соловьева, дѣйствительно, постигла нѣкая экзаминаціонная бѣда—не сумѣлъ сдѣлать какое-то вычисленіе. Какъ бы то ни было, достигнуть четвертаго курса физико-математическаго факультета Соловьеву не посчастливилось, хотя онъ и пробылъ на этомъ факуль-

---

(стиль не указанъ) Соловьевъ справляется, „какъ зовутъ университетскаго казначея Кудрявцева“, отъ котораго онъ „получилъ письмо, требующее отвѣта“. *П.*, II, 12.

[278]) Поиски, предпринятые въ этомъ направленіи въ архивѣ Московскаго университета, доселѣ успѣхомъ не увѣнчались.

[279]) *Правила* и т. д. (прим. 261), отд. II, § 15; стр. 836.

[280]) Другими словами, дѣло происходило передъ самыми экзаменами, такъ-что и „додерживать“ было нечего.

[281]) Ср. ниже данныя о распредѣленіи различныхъ лекцій по курсамъ.

тетѣ узаконенные для четырехъ курсовъ четыре года, — съ осени 1869 г. по весну 1873 г. [282])

Помѣхи, встрѣтившіяся на студенческомъ пути Соловьева, не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать. Въ общемъ, онъ и въ университетѣ преуспѣвалъ—по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ предметамъ и въ школьномъ смыслѣ—не менѣе хорошо, чѣмъ въ гимназіи. Уцѣлѣло, между прочимъ, свидѣтельство проф. Н. Н. Кауфмана, передаваемое вдовою его, со словъ покойнаго ея мужа, въ такихъ выраженіяхъ: „Это былъ для меня настоящій пиръ души—экзаменъ, который я производилъ сыну Сергѣя Михайловича [Соловьева]. Я наслаждался его отвѣтами, его блестящими, неожиданными обобщеніями. Для меня тогда-же была несомнѣнна его признанная впослѣдствіи геніальность.“ Н. Н. Кауфманъ — ординарный профессоръ по каѳедрѣ ботаники. И по воспоминаніямъ Л. М. Лопатина, экзамены проходили у Соловьева хорошо, если оставить въ сторонѣ случай съ неудачнымъ вычисленіемъ. Изъ профессоровъ, которыхъ Соловьевъ охотно слушалъ на физико-математическомъ факультетѣ, слѣдуетъ назвать, кромѣ Н. Н. Кауфмана, еще А. П. Богданова и С. А. Усова, какъ наиболѣе выдающихся. А. П. Богдановъ и С. А. Усовъ преподавали зоологію.

Пользуясь „росписаніемъ времени преподаванія учебныхъ предметовъ“ въ Московскомъ университетѣ, мы можемъ представить краткій обзоръ преподаванія за интересующіе насъ учебные годы и по физико-математическому факультету, и по историко-филологическому. [283]) Приводимъ данныя по обоимъ факультетамъ въ виду того, что урывками Соловьевъ слушалъ, вѣроятно, кое-какія лекціи и у профессоровъ второго изъ только-что названныхъ факультетовъ, не смотря на свою

---

[282]) П. А. Зиловъ (прим. 217) писалъ намъ: „Соловьевъ, дѣйствительно, былъ одновременно со мною въ университетѣ, но онъ былъ на естественномъ отдѣленіи, а я на математическомъ. Въ университетѣ мы, насколько помню, не встрѣчались, да Соловьевъ, кажется, вовсе и не посѣщалъ лекцій. Поступивъ въ 1869 г. на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета по уговору одного изъ своихъ пріятелей (Коротнева), онъ очень скоро охладѣлъ къ естественнымъ наукамъ, и не дотянулъ до конца. Кандидатскій экзаменъ онъ держалъ по историко-филологическому факультету, въ качествѣ «посторонняго лица», какъ это значится въ *Отчетѣ Московскаго университета* за 1874 г. (р. 57). Я никогда не былъ близокъ съ Соловьевымъ и у него не бывалъ. Встрѣчалъ его у Писемскаго и Коротнева, его гимназическихъ товарищей...“

[283]) Какъ эти, такъ и нѣкоторыя другія оффиціальныя свѣдѣнія изъ архива Московскаго университета доставлены намъ С. И. Соболевскимъ.

формальную принадлежность къ факультету физико-математическому. [284])

Въ $18\frac{69}{70}$-омъ учебномъ году студентамъ перваго курса физико-математическаго факультета читались лекціи: по богословію орд. проф. Н. А. Сергіевскимъ; по математикѣ э.-орд. проф. В. Я. Цингеромъ; по начертательной геометріи преп. Лебедевымъ; по физикѣ орд. проф. Н. А. Любимовымъ; по физической географіи доц. А. Г. Столѣтовымъ; по ботаникѣ орд. проф. Н. Н. Кауфманомъ; по зоологіи безпозвоночныхъ орд. проф. А. П. Богдановымъ, и по анатоміи человѣка доц. Я. А. Борзенковымъ.

Въ $18\frac{70}{71}$-омъ учебномъ году на второмъ курсѣ студентамъ того-же факультета читались лекціи: по математикѣ В. Я. Цингеромъ; по высшей геометріи имъ-же; по механикѣ орд. проф. Ѳ. А. Слудскимъ; по физикѣ Н. А. Любимовымъ; по физической географіи А. Г. Столѣтовымъ; по астрономіи орд. проф. Ѳ. А. Бредихинымъ; по химіи орд. проф. Н. Э. Лясковскимъ; по ботаникѣ Н. Н. Кауфманомъ; по зоологіи безпозвоночныхъ А. П. Богдановымъ, и по сравнительной анатоміи э.-орд. проф. Я. А. Борзенковымъ.

Въ $18\frac{71}{72}$-омъ учебномъ году для третьяго курса были назначены лекціи: по математикѣ у орд. проф. Н. В. Бугаева и орд. проф. А. Ю. Давидова; по высшей алгебрѣ у В. Я. Цингера; по теоріи вѣроятностей у А. Ю. Давидова; по механикѣ у Ѳ. А. Слудскаго; по практической математикѣ у Лебедева; по астрономіи у Ѳ. А. Бредихина; по практической астрономіи у директора обсерваторіи Б. Я. Швейцера и астр.-набл. А. Громадзскаго; по сельскому хозяйству у орд. проф. Я. Н. Калиновскаго; по агрономической химіи у доц. Н. Е. Лясковскаго; по технологіи у доц. И. П. Архипова; по анатоміи и физіологіи растеній у доц. И. Д. Чистякова; по зоологіи у А. П. Богданова и С. А. Усова; по сравнительной анатоміи у Я. А. Борзенкова, и по минералогіи у э.-орд. проф. М. А. Толстопятова.

Въ $18\frac{72}{73}$-омъ учебномъ году на четвертомъ курсѣ студенты слушали лекціи: по математикѣ у Н. В. Бугаева; по динамикѣ у Ѳ. А. Слудскаго; по математической физикѣ у э.-орд. проф. А. Г. Столѣтова; по практической механикѣ у Лебедева и преп. Ѳ. Е. Орлова;

---

[284]) Впрочемъ, по словамъ Н. И. Карѣева, охоты къ посѣщенію лекцій профессоровъ, преподающихъ на историко-филологическомъ факультетѣ, Соловьевъ не обнаруживалъ.

по астрономіи и практической астрономіи у Ѳ. А. Бредихина и Б. Я. Швейцера; по агрономической химіи у доц. Н. Е. Лясковскаго; по технической химіи у И. П. Архипова; по физіологіи растеній у преп. К. А. Тимирязева; по физіологіи у э.-орд. проф. Ѳ. П. Шереметевскаго, и по геологіи у засл. проф. Г. Е. Щуровскаго.

Всѣ эти предметы преподаванія распредѣлялись, какъ водится, по двумъ отдѣленіямъ: отдѣленію наукъ математическихъ и отдѣленію наукъ естественныхъ. [285]) Распредѣленіе было приблизительно такое-же, какъ и въ послѣдующія времена.

Что касается историко-филологическаго факультета, то въ $18\frac{69}{70}$-омъ учебномъ году на первомъ курсѣ читались лекціи: по богословію Н. А. Сергіевскимъ; по греческому языку лект. Ю. К. Фелькелемъ; по латинскому языку и. д. адъюнкта Г. А. Ивановымъ; по древней исторіи заслуж. проф. М. С. Куторгой; по введенію въ исторію русской литературы орд. проф. Ѳ. И. Буслаевымъ; по исторіи новой русской литературы и. д. адъюнкта Н. С. Тихонравовымъ; по славянскимъ нарѣчіямъ доц. А. Л. Дювернуа, и по исторіи всеобщей литературы преп. А. Н. Веселовскимъ.

Въ $18\frac{70}{71}$-омъ учебномъ году студенты второго курса историко-филологическаго факультета слушали лекціи: по логикѣ и философской пропедевтикѣ у орд. проф. П. Д. Юркевича; по греческому языку у Ю. К. Фелькеля и доц. Ѳ. Е. Корша; по латинскому языку у Г. А. Иванова; по древней исторіи у М. С. Куторги; по средней исторіи и по всеобщей исторіи у св.-шт. орд. проф. В. И. Герье, у котораго былъ также историческій семинарій; по русской исторіи у орд. проф. С. М. Соловьева; по исторіи древней русской литературы у Ѳ. И. Буслаева, и по исторіи новой русской литературы у э.-орд. проф. Н. С. Тихонравова.

---

[285]) Изъ „дѣла“ 1864 г., за № 54, извлеченія изъ котораго доставлены намъ С. И. Соболевскимъ, усматривается, что, при обсужденіи проекта физико-математическаго факультета университета св. Владиміра объ удержаніи раздѣленія факультета на два отдѣленія, члены физико-математическаго факультета Московскаго университета одобрили такое раздѣленіе, „тѣмъ болѣе, что математическій факультетъ Московскаго университета, съ разрѣшенія Главнаго Правленія Училищъ, уже раздѣленъ на два отдѣленія, а опытъ показалъ удобство такого раздѣленія“ (донесеніе физико-математическаго факультета Московскаго университета въ совѣтъ университета отъ 2-го марта 1864 г.).—См., далѣе, *Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія*, т. IV, С.-Петербургъ, 1874 г.; стр. 656 (255. Декабря 13 [1868 г.].—*О спеціализаціи преподаванія въ физико-математическихъ факультетахъ университетовъ*).

Въ $18\frac{71}{72}$-омъ учебномъ году для третьяго курса были назначены лекціи: по психологіи и исторіи философіи у П. Д. Юркевича; по греческому языку у стор. преп. И. Х. Виберга и Ѳ. Е. Корша, съ практическими упражненіями въ греческомъ языкѣ у перваго изъ нихъ; по латинскому языку у орд. проф. П. М. Леонтьева, у котораго былъ также греко-латинскій семинарій; по исторической критикѣ у М. С. Куторги; по всеобщей исторіи у В. И. Герье, который велъ и историческій семинарій; по исторіи русской литературы у Ѳ. И. Буслаева и орд. проф. Н. С. Тихонравова,—у послѣдняго, кромѣ того, семинарій; по славянскимъ нарѣчіямъ у А. Л. Дювернуа, и по статистикѣ у орд. проф. И. К. Бабста.

Наконецъ, въ $18\frac{72}{73}$-омъ учебномъ году, по отношенію къ студентамъ четвертаго курса, слѣдуетъ назвать лекціи: по исторіи древней философіи П. Д. Юркевича; по греческому языку И. Х. Виберга и Ѳ. Е. Корша,—у перваго изъ нихъ, кромѣ того, практическія упражненія въ греческомъ языкѣ; по латинскому языку э.-орд. проф. Г. А. Иванова; по исторической критикѣ М. С. Куторги; по всеобщей исторіи В. И. Герье, у котораго былъ и историческій семинарій; по русской исторіи Н. А. Попова, — у него-же, совмѣстно съ заслуж. проф. С. М. Соловьевымъ, русскій историческій семинарій; по исторіи русской народной поэзіи Ѳ. И. Буслаева,—у него-же и соотвѣтствующій семинарій; по исторіи русской словесности Н. С. Тихонравова; по славянскимъ нарѣчіямъ А. Л. Дювернуа; по теоріи и исторіи искусствъ доц. К. К. Герца, и по церковной исторіи э.-орд. проф. А. М. Иванцова-Платонова.

Въ первые годы разсматриваемаго періода раздѣленіе историко-филологическаго факультета на отдѣленія въ Московскомъ университетѣ едва намѣчалось—по крайней мѣрѣ, въ оффиціальномъ смыслѣ. Лишь 24-го іюня 1872 г. послѣдовало распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы, согласно ходатайству совѣта Московскаго университета и вслѣдствіе представленія попечителя Московскаго учебнаго округа, студенты историко-филологическаго факультета были раздѣлены по спеціальностямъ: а) древне-классической филологіи, б) славяно-русской филологіи и в) историческихъ наукъ. [286]) Въ относя-

[286]) *Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія*, т. V, С.-Петербургъ, 1881 г.; стр. 478 (190. Іюня 24. [1872 г.]. — *О дѣленіи студентовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета по спеціальностямъ*).

щемся къ этому дѣлу представленіи попечителя округа упоминается, однако, что подобное раздѣленіе было введено на факультетѣ, съ разрѣшенія совѣта, опыта ради, еще два года тому назадъ. [287]) При вновь устанавливаемомъ порядкѣ рѣшено было допустить раздѣленіе студентовъ по спеціальностямъ не раньше, какъ по окончаніи третьяго курса, да и то лишь при соблюденіи нѣкоторыхъ особыхъ условій. „Общіе предметы преподаванія для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ суть: а) богословіе (на 1-омъ курсѣ), б) философія, а именно: исторія древней философіи, логика и психологія (на трехъ курсахъ), в) древніе языки (на трехъ курсахъ), г) церковно-славянскій языкъ, исторія русскаго языка и литературы (на трехъ курсахъ), д) всеобщая исторія (на трехъ курсахъ) и русская исторія (на одномъ курсѣ.“ [288]) На четвертомъ курсѣ преподаются лишь спеціальные предметы, соотвѣтственно наименованію каждаго подраздѣленія. По вышеупомянутымъ *Правиламъ*, [289]) для переводовъ съ низшаго курса на высшій принимаются въ соображеніе, безъ различія, всѣ предметы, преподаваемые студентамъ, для удостоенія же степени и званія— только предметы, относящіеся спеціально къ каждому факультету или отдѣленію (§§ 13—15 университетскаго устава 1863 г.). Прибавимъ кстати, что въ *Правилахъ* отмѣчаются весьма тщательнымъ образомъ даже самыя мелкія подробности, относящіяся до экзаменовъ (студенты отвѣчаютъ стоя; „билеты“ для испытаній вынимаются по жребію; знанія оцѣниваются баллами: „0“, „1“, „2“, „3“, „4“ и „5“; значеніе дробей балловъ — напр., „$3^7/_{15}$“, „$4^8/_{17}$“ — опредѣляется не менѣе заботливо, какъ и значеніе полныхъ балловъ, и т. д.).

Едва-ли строгій, точный и исполнительный С. М. Соловьевъ относился совершенно спокойно къ двухлѣтнему пребыванію сына Владиміра на одномъ и томъ-же курсѣ, и едва-ли была ему по-сердцу подача имъ прошенія объ увольненіи его изъ числа студентовъ раньше доведенія до нормальнаго конца предпринятыхъ имъ по физико-математическому факультету занятій. Правда, мы сейчасъ увидимъ, что

---

[287]) *Ibidem*, стр. 479.—По университетскому уставу 1863 г., раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія отнесено къ числу тѣхъ „предметовъ занятій совѣта“, которые подлежатъ представленію, черезъ попечителя, на утвержденіе министра (§ 42, лит. В, п. 3). *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 260), стр. 1052. Вотъ почему раздѣленіе, допущенное совѣтомъ „въ видѣ опыта“, потребовало въ концѣ концовъ санкціи министерства.

[288]) *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 286), стр. 480.

[289]) *Правила* и т. д. (прим. 261), отд. II, § 34; стр. 839.

подача этого прошенія сопровождалась подачею другого прошенія, открывавшею вполнѣ благоприличный выходъ изъ создавшагося положенія; но вѣдь мало-ли что̀ можетъ случиться? — при неудачѣ кандидатскаго экзамена Владиміръ Соловьевъ рисковалъ остаться съ титуломъ „недоучившагося студента“, безъ всѣхъ тѣхъ житейскихъ преимуществъ, которыя обезпечиваются дипломомъ...

Одновременно съ прошеніемъ объ увольненіи изъ числа студентовъ, т. е. въ тотъ-же самый день, 18-го апрѣля 1873 г., Вл. С. Соловьевъ подаетъ на имя университетскаго начальства другое прошеніе, выраженное такъ: „Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Московскаго Университета отъ студента Владиміра Соловьева прошеніе. — Желая получить степень кандидата по историко-филологическому факультету, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ установленному испытанію. Документы мои находятся въ Совѣтѣ Университета. — Студентъ Владиміръ Соловьевъ.—Апрѣля 18-го дня 1873 года.—Жительство имѣю: въ Денежномъ переулкѣ въ домѣ Дворцовой Конторы.“ [290])

То, что Соловьевъ именуетъ себя въ этомъ прошеніи „студентомъ“, не можетъ, конечно, подавать повода къ недоразумѣнію: вѣдь оффиціально изъ числа студентовъ онъ еще не уволенъ. Воспроизведенное здѣсь прошеніе включено, однако, въ составъ „дѣла“ о допущеніи къ испытанію на степень кандидата по историко-филологическому факультету *бывшаго* студента Владиміра Соловьева, что̀ точно также вполнѣ понятно.

Чѣмъ же руководствовался нашъ будущій докторъ философіи, возбуждая ходатайство о допущеніи бывшаго студента физико-математическаго факультета къ экзамену прямо на степень кандидата по факультету историко-филологическому? — По § 94-му университетскаго устава 1863 г., студенты, окончившіе полныя испытанія съ отличнымъ успѣхомъ, удостоиваются, по представленіи ими диссертаціи и по одобреніи оной факультетомъ, степени кандидата; студенты же, оказавшіе на испытаніяхъ только удовлетворительные успѣхи, или хотя и оказавшіе отличные успѣхи, но представившіе диссертаціи, не заслужившія одобренія, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента. [291]) Таковъ былъ обычный порядокъ, примѣнявшійся къ студентамъ, какъ таковымъ. Но тотъ-же уставъ,

[290]) Извлеченіе изъ „дѣла“ 1873 г., за № 142, Совѣта И. Московскаго университета, доставленное С. И. Соболевскимъ.

[291]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 260), стр. 1063.

благодаря наличности § 115-го, открывалъ дорогу къ ученой степени кандидата и „слушателямъ университетскихъ лекцій“ (т. е. нестудентамъ), и вообще „постороннимъ лицамъ“, если только эти „слушатели“ и „лица“ могли представить свидѣтельства о выдержанномъ ими испытаніи изъ предметовъ полнаго гимназическаго курса; къ испытаніямъ на званіе дѣйствительнаго студента они, по понятнымъ причинамъ, доступа не имѣли.[292]) Создавалось, такимъ образомъ, льготное положеніе для всѣхъ тѣхъ, кто почему-либо не зачислялся въ студенты, а между-тѣмъ искалъ выхода на ученый путь подъ контролемъ университета, отъ котораго и зависѣло, согласиться или не согласиться на разумѣемыя здѣсь ходатайства. По § 113-му университетскаго устава, ученыя степени пріобрѣтаются въ порядкѣ ихъ постепенности и въ опредѣленные сроки: кандидатъ черезъ годъ можетъ искать степени магистра, а магистръ черезъ годъ степени доктора.[293]) Какихъ-либо ограничительныхъ оговорокъ относительно кандидатовъ изъ „слушателей университетскихъ лекцій“ и „постороннихъ лицъ“ въ этомъ параграфѣ не содержится, и, какъ показываетъ примѣръ самого Вл. С. Соловьева, кандидаты такого происхожденія могли, при благопріятныхъ условіяхъ, достигать высшихъ ученыхъ степеней наравнѣ съ кандидатами изъ студентовъ. Уволенный изъ числа студентовъ, Соловьевъ становился „постороннимъ лицомъ“, ибо „бывшій студентъ“ не есть опредѣленное званіе, а есть лишь условное обозначеніе, свидѣтельствующее, между прочимъ, о томъ, что гимназическій курсъ даннымъ лицомъ пройденъ, такъ или иначе, успѣшно. Съ этой-же точки зрѣнія должны быть понимаемы и слова прошенія: „Документы мои находятся въ Совѣтѣ Университета.“ Сдѣлаться „слушателемъ университетскихъ лекцій“ Соловьевъ не имѣлъ времени, ибо академическій годъ уже заканчивался: по уставу 1863 г., академическій годъ продолжался отъ 15-го августа до 1-го іюня.[294])

Относительно испытаній студентовъ *Правила Московскаго Университета* указываютъ, между прочимъ, что испытанія производятся экзаминаціонными комиссіями, назначаемыми для экзамена изъ каждой науки; такую комиссію составляютъ, подъ предсѣдательствомъ декана, преподаватель науки, изъ которой производится экзаменъ, и депу-

---

[292]) *Ibidem*, стр. 1068.

[293]) *Ibidem*, стр. 1067, 1068.

[294]) *Ibidem*, стр. 1062 (§ 92 университетскаго устава).

татъ отъ факультета.[295]) Экзаменъ студентамъ четвертаго курса начинается съ письменныхъ отвѣтовъ, въ присутствіи факультета; если отвѣты окажутся, по мнѣнію факультета, совершенно неудовлетворительными, то дальнѣйшіе экзамены возбраняются.[296]) Испытанія производятся вообще въ маѣ мѣсяцѣ.[297]) Кандидатскія разсужденія пишутся на темы, избранныя самими студентами, съ одобренія преподавателей соотвѣтствующихъ наукъ, и подаются декану до 15-го апрѣля; деканъ поручаетъ разсмотрѣніе этихъ разсужденій членамъ факультета, по общему соглашенію; отзывы о разсужденіяхъ должны быть письменные и обсуждаются всѣмъ факультетомъ in corpore.[298]) По окончаніи всѣхъ испытаній въ маѣ мѣсяцѣ, назначается факультетское засѣданіе для обсужденія результатовъ экзаменовъ; къ этому времени должны быть готовы и отзывы о кандидатскихъ разсужденіяхъ.[299]) Всѣ только-что отмѣченныя правила относятся къ студентамъ историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ; экзамены на медицинскомъ факультетѣ представляли нѣкоторыя особенности, сообразно съ особымъ характеромъ медицинскихъ наукъ. Помимо представленія кандидатскаго разсужденія, для полученія степени кандидата требовались высокіе баллы на экзаменахъ и знаніе новыхъ языковъ, удостовѣряемое свободнымъ переводомъ спеціальныхъ сочиненій съ французскаго или нѣмецкаго языковъ. Испытанія на степень кандидата „слушателей университетскихъ лекцій“ и „постороннихъ лицъ“, возможныя только на факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ, такъ-какъ для медиковъ степени кандидата вовсе не было положено, производились въ тѣхъ-же общихъ условіяхъ, что и экзамены для студентовъ.[300])

Возня съ экзаменами на степень кандидата отняла у Соловьева немного времени. Уже 7-го іюня 1873 г., т. е. черезъ семь недѣль послѣ подачи имъ прошенія о допущеніи его къ этимъ экзаменамъ, историко-филологическій факультетъ входитъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ за № 29 объ утвержденіи Владиміра Со-

---

[295]) *Правила* и т. д. (прим. 261), отд. II, § 5; стр. 834, 835.

[296]) *Ibidem*, отд. II, §§ 26 и 27; стр. 838.

[297]) *Ibidem*, отд. II, § 3; стр. 834.

[298]) *Ibidem*, отд. II, §§ 23 и 24; стр. 837, 838.

[299]) *Ibidem*, отд. II, § 33; стр. 839.

[300]) Н. И. Карѣевъ передавалъ намъ, что Соловьевъ держалъ экзамены, дѣйствительно, вмѣстѣ со студентами.

ловьева въ искомой степени. Вотъ текстъ этого представленія: „Въ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета. — Бывшій студентъ Московскаго Университета Владиміръ Соловьевъ, допущенный къ установленному испытанію на степень Кандидата, выдержалъ оное удовлетворительно и представилъ въ Факультетъ диссертацію, которая также найдена удовлетворительною. Признавши Владиміра Соловьева достойнымъ степени Кандидата, Историко-Филологическій Факультетъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ Университета утвердить Владиміра Соловьева въ означенной степени. — Списокъ балловъ, полученныхъ Соловьевымъ на испытаніи, при семъ прилагается.—Деканъ Нилъ Поповъ.—Секретарь Н. Тихонравовъ.“ [301])

Упоминаемый въ представленіи „списокъ балловъ“ имѣетъ такой видъ: „Богословіе 5 (пять). Пр. Н. Сергіевскій.—Латинскій языкъ 5. Пр. Г. Ивановъ.—Греческій языкъ 4. Четыре. Доцентъ И. Вибергъ. 19 мая 1873 г. — Церковно-славянскій языкъ 5+. Э.-Орд. проф. Ал. Дювернуа. 27 апрѣля 1873 г. — Славянскія нарѣчія (спеціальный курсъ) 5+. Э.-Орд. пр. Ал. Дювернуа. 27-го апрѣля.—Введеніе въ исторію древней русской литературы и языка 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ. — Исторія древней русской литературы и языка 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ. — Исторія новой русской литературы за 1-й курсъ 5 (пять), за 2-й курсъ (5) [sic!]. Тихонравовъ. — Исторія народной поэзіи и языка (спеціальный курсъ) 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ.—Древняя исторія 4 (четыре) и 4 (четыре). М. Куторга. — Исторія средняя и новая. 5. В. Герье. — Логика 5 (пять). Ординар. Профессоръ П. Юркевичъ. — Психологія 5 (пять). Орд. Профессоръ П. Юркевичъ.—Исторія всеобщей литературы (спеціальный курсъ) 5. Доцентъ Н. Стороженко.—Исторія церкви (спеціальный курсъ) 5. Свящ. Иванцовъ-Платоновъ. — Одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Нѣмецкій 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ.—Русская исторія 5 (пять). Орд. Проф. Нилъ Поповъ.“ [302]) Изъ этого списка видно, что всего было семнадцать экзаменовъ у двѣнадцати преподавателей, что три изъ этихъ экзаменовъ происходили 27-го апрѣля [303]) и 19-го мая 1873 г., и что лишь по греческому языку и по древней исторіи Соловьевъ получилъ „четверки“, тогда-какъ по всѣмъ прочимъ предметамъ ему выставлены „пятерки“, а по церковно-славянскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ даже „пятерки съ плюсомъ“—какъ-бы для уравновѣшиванія досадныхъ

[301]) Изъ „дѣла“ за № 142 (прим. 290).

[302]) *L. c.*

[303]) Небольшое отступленіе отъ *Правилъ* (см. выше, прим. 297).

„четверокъ“. [304]) По воспоминаніямъ Л. М. Лопатина, кандидатскіе экзамены прошли у Соловьева „превосходно“. Оффиціальные баллы свидѣтельствуютъ, очевидно, въ томъ-же смыслѣ. Однако, выдержать такое множество разнородныхъ испытаній и въ такой короткій срокъ было даже и для очень талантливаго молодого человѣка, конечно, не легко, если только не предполагать наличности особыхъ благопріятствующихъ обстоятельствъ. Повидимому, отрицать подобную наличность нельзя. Достойны вниманія, съ этой точки зрѣнія, замѣчанія В. И. Герье. До своего магистерства, въ 1862 г., онъ посѣщалъ Соловьевыхъ лишь изрѣдка; послѣ же возвращенія изъ-за границы, въ 1865 г., онъ навѣщалъ ихъ уже чаще, будучи въ числѣ ихъ постоянныхъ гостей по назначеннымъ днямъ, и при этомъ видалъ Владиміра Соловьева бойкимъ гимназистомъ. Въ университетѣ встрѣчаться съ Вл. С. Соловьевымъ, какъ студентомъ физико-математическаго, а не историко-филологическаго факультета, ему приходилось, впрочемъ, рѣдко. „Въ виду этого“, говоритъ В. И. Герье, „и его исключительныхъ способностей я не требовалъ отъ него на экзаменѣ спеціальныхъ познаній по исторіи, какъ отъ студентовъ нашего [т. е. историко-филологическаго] факультета. Я зналъ, что онъ еще гимназистомъ прочелъ всѣ вышедшіе до этого томы исторіи его отца, а память у него была феноменальная. Такъ, по прочтеніи Сергѣемъ Михайловичемъ ряда публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ, отецъ просилъ Владиміра Сергѣевича записать по памяти содержаніе его лекцій, и запись была такъ полна и точна, что Сергѣй Михайловичъ воспользовался ею при напечатаніи своего курса.“ [305]) Возможно, что и другіе преподаватели, съ которыми Соловьеву довелось имѣть дѣло на кандидатскихъ экзаменахъ, обнаруживали въ своихъ требо-

[304]) По университетскому уставу 1863 г., въ историко-филологическомъ факультетѣ полагались слѣдующія каѳедры при 12 профессорахъ и 7 доцентахъ: „1) Философія: а) Логика. б) Психологія. в) Исторія философіи. — 2) Греческая словесность: а) Греческій языкъ и толкованіе авторовъ. б) Исторія Греческой литературы. в) Греческія древности.—3) Римская словесность: а) Латинскій языкъ и толкованіе авторовъ. б) Исторія Римской литературы. в) Римскія древности.—4) Сравнительная грамматика Индо-Европейскихъ языковъ.—5) Исторія Русскаго языка и Русской литературы.—6) Исторія всеобщей литературы.—7) Славянская филологія: а) Славянскія нарѣчія. б) Исторія славянскихъ литературъ. в) Славянскія древности.—8) Всеобщая исторія.—9) Русская исторія.—10) Церковная исторія.—11) Теорія и исторія искусствъ.“ *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 260), стр. 1042 (§ 13 университетскаго устава). Любопытно сопоставить этотъ списокъ каѳедръ съ приведеннымъ выше „спискомъ балловъ“.

[305]) Лекціи о Петрѣ Великомъ С. М. Соловьевъ читалъ въ 1872 г. См. С. М. Соловьева, *Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ;* Москва, 1872 г.

ваніяхъ такую-же благоразумную умѣренность, какъ и В. И. Герье, зная довольно близко экзаминующагося въ условіяхъ его домашней жизни или наслышавшись съ разныхъ сторонъ объ его блестящихъ способностяхъ: пробѣлы въ познаніяхъ легко восполнялись въ ихъ глазахъ общимъ обаяніемъ талантливости и даже геніальности, которую подмѣтилъ еще Н. Н. Кауфманъ, и они съ спокойной совѣстью выставляли свои „пятерки“. Мы позволяемъ себѣ высказать эти замѣчанія главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы предупредить догадку, будто-бы при дѣйствіи университетскаго устава 1863 г. экзаминаціонныя требованія были вообще чрезмѣрно легкими. А. Н. Шварцъ, окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1868 г., разсказывалъ намъ, что на историко-филологическомъ факультетѣ экзамены были „жестокіе“, хотя иные профессора и считались „снисходительными“. Особенной строгостью на экзаменахъ отличался П. Д. Юркевичъ. Въ тѣ годы названный факультетъ на отдѣленія не подраздѣлялся, и студенты должны были слушать „все“. Литографированныя записки по большей части не издавались, русскихъ пособій было мало, приходилось прибѣгать къ помощи сочиненій на иностранныхъ языкахъ. Какъ сильно „фильтровали“ тогда студентовъ, можно судить, напр., по тому, что одновременно съ А. Н. Шварцемъ начали курсъ 35 человѣкъ, а окончили его восьмеро,—въ томъ числѣ 4 со степенью кандидата и 4 съ званіемъ дѣйствительнаго студента...

Представленіе факультета за № 29 было заслушано въ засѣданіи совѣта университета 8-го іюня 1873 г., т. е. на другой день по внесеніи его, и тогда-же,—по справкѣ: „Изъ представленныхъ Г. Соловьевымъ документовъ видно, что онъ происходитъ изъ дворянъ“,—опредѣлено: на основаніи § 42-го университетскаго устава утвердить Владиміра Соловьева въ степени кандидата. 15-го іюня Соловьевъ уплатилъ 5 р. за аттестатъ, а 18-го іюня ему былъ выданъ и самый аттестатъ. [306]) Приводимъ точный текстъ и этого документа: „Аттестатъ.—По Указу Его Императорскаго Величества, отъ Совѣта Императорскаго Московскаго Университета данъ сей аттестатъ, бывшему студенту, дворянину, *Владиміру Соловьеву*, въ томъ, что онъ допущенъ былъ въ семъ году въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ къ испытанію на степень *Кандидата* и, за оказанные имъ *отличные* успѣхи, опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта, 8-го сего Іюня состоявшимся, утвержденъ въ означенной степени. При вступленіи въ

[306]) Изъ „дѣла“ за № 142 (прим. 290).

службу, на основаніи Свода Законовъ, Тома III, Устава о службѣ гражданской, ст. 172 (изд. 1857 года), онъ принимается въ оную 10-ымъ классомъ; права же при вступленіи въ военную службу и на производство его въ офицеры, согласно § 143, Высочайше утвержденнаго 18-го Іюня 1863 года, Общаго Устава Университетовъ, опредѣляются существующими по военному вѣдомству правилами. При чемъ возвращается принадлежащее ему метрическое свидѣтельство о времени его рожденія и крещенія.—Москва. Іюня 18 дня 1873 года.—Ректоръ Университета, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Сергѣй Соловьевъ. — Деканъ Историко-Филологическаго Факультета Нилъ Поповъ.—За Секретаря Совѣта А. Боголѣповъ.—№ 869.—У сего аттестата Императорскаго Московскаго Университета печать.“ [307])

Кандидатскіе экзамены закончились, такимъ образомъ, вполнѣ благополучно. Что касается кандидатской диссертаціи, то заглавіе ея въ „дѣлѣ“ не указано. Имѣется лишь краткая замѣтка на почтовомъ листкѣ: „Разрѣшаю выдать кандидату Соловьеву его сочиненіе.—Деканъ Нилъ Поповъ.—3-го сент. 73 г.“ [308]) Принимая во вниманіе, что въ 1873 г. была напечатана въ *Православномъ Обозрѣніи* статья Соловьева: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*, [309]) можно было бы предположить, что именно эта работа и была представлена авторомъ въ качествѣ кандидатской диссертаціи. Совершенно опредѣленно высказывается въ этомъ смыслѣ С. М. Соловьевъ-младшій, называющій *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ* „кандидатскимъ сочиненіемъ“ Вл. С. Соловьева. [310]) Но, повидимому, указаніе это не точно. Л. М. Лопатинъ сообщаетъ, что кандидатская диссертація Соловьева представляла собою первоначальный набросокъ его магистерской диссертаціи: *Кризисъ западной философіи*. [311]) Трудъ этотъ печатался частями тоже въ *Православномъ Обозрѣніи*, начиная съ первой книжки за 1874 г. Правдоподобно предположеніе, что, въ качествѣ кандидатской диссертаціи, было представлено, напр., „введеніе“ въ это сочиненіе. Какъ бы то ни было, точное заглавіе кандидатской диссертаціи мы пока привести не можемъ.

---

[307]) *L. c.*—См. также „дѣло“ 1874 г., за № 99, Совѣта И. С.-Петербургскаго университета „о допущеніи къ экзамену Кандидата Московскаго университета Владиміра Соловьева на степень Магистра Философіи.“ Дѣло это было доставлено намъ Э. Д. Гриммомъ.

[308]) Изъ „дѣла“ за № 142 (прим. 290).

[309]) Ср. прим. 194-ое.

[310]) Сергѣй Соловьевъ (прим. 194), январь, стр. 70.

[311]) *Соч.*, I, 26—144; 145—161.

Въ заключеніе этой главы намъ приходится замѣтить, что въ оффиціальныхъ документахъ нѣтъ подтвержденія и тому указанію, будто-бы по окончаніи университетскаго курса на двадцатомъ году жизни Соловьевъ былъ оставленъ при университетѣ, и будто-бы слушаніе лекцій въ университетѣ онъ совмѣщалъ съ слушаніемъ лекцій въ Московской духовной академіи. Объ этихъ предметахъ мы еще будемъ говорить подробно дальше, а пока ограничимся простымъ утвержденіемъ, что, по оффиціальнымъ даннымъ, оставленіе Соловьева при университетѣ послѣдовало 13-го апрѣля 1874 г., т. е. на двадцать второмъ году его жизни, къ слушанію же лекцій въ духовной академіи онъ былъ допущенъ 6-го сентября 1873 г., т. е. тогда, когда онъ былъ уже кандидатомъ.

Такова подлинная исторія студенческихъ лѣтъ Соловьева, по безспорнымъ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ университетскаго архива. Освобожденная отъ случайныхъ добавленій и невольныхъ прикрасъ, она остается все-же поучительной и занимательной. Невольно складывается тотъ общій выводъ, что Соловьевъ былъ не столько питомцемъ Московскаго университета, сколько автодидактомъ, имѣющимъ право приписывать успѣхи своей послѣдующей дѣятельности всего больше своимъ личнымъ дарованіямъ. „Когда я впервые познакомился съ нимъ [т. е. Соловьевымъ] 32 года тому назадъ“, писалъ А. Г. Петровскій въ 1901 г., „онъ самъ едва только вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ; но уже и тогда [т. е. въ годъ вступленія въ университетъ] онъ поразилъ меня какъ человѣкъ необыкновенный: печать избранника судьбы, высоко одареннаго, носившаго въ себѣ божественный огонь,—была ясно видна на его лицѣ; и я до сихъ поръ живо помню это первое впечатлѣніе, оставшееся доселѣ неизмѣннымъ.“ [312]) По-преимуществу этой „печати“, а не чему-либо другому, и обязанъ Соловьевъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ мы обязаны ему. [313])

---

[312]) А. Г. Петровскій (прим. 257).

[313]) Помимо источниковъ, на которые дѣлаются ссылки въ предшествующихъ примѣчаніяхъ, мы располагали, при составленіи главы пятой, также частными сообщеніями А. Н. Шварца, С. И. Соболевскаго, Л. М. Лопатина, Н. И. Карѣева, П. А. Зилова и Л. Ф. Маклаковой.

VI.—Университетскія дѣла.

Судьба нашихъ университетовъ сходна до извѣстной степени съ судьбою нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, ибо и высшая наша школа прошла черезъ сложный рядъ различныхъ сомнительныхъ преобразованій. Не безъ основанія утверждалъ проницательный митрополитъ Филаретъ, что наши „университетскіе уставы скоро родятся и скоро умираютъ, какъ недоношенные плоды"; [314]) къ сожалѣнію, и при нѣкоторой волокитѣ съ дѣлами подобнаго рода результаты оказывались не болѣе утѣшительными... Мы не будемъ, однако, останавливаться на подробностяхъ соотвѣтствующей исторіи, такъ-какъ Соловьеву не пришлось испытать на самомъ себѣ, насколько тягостными могутъ быть послѣдствія плохо соображенной законодательной ломки въ области высшей школы: всѣ его отношенія къ университету—сначала въ качествѣ студента и затѣмъ въ качествѣ преподавателя—опредѣлялись нормами одного и того-же устава, а именно устава 1863 г. Сообразно съ этимъ, задача наша представляется на этотъ разъ болѣе простою, чѣмъ въ случаѣ изображенія гимназической жизни Соловьева. [315])

Внося въ Государственный совѣтъ проектъ новаго университетскаго устава, министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ министра А. В. Головнина, указывало на то, что, „замѣчая упадокъ

---

[314]) *Письма митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Св. Синода А. П. Ахматову; Русскій Архивъ*, 1890 г., кн. 11, стр. 353;—стр. 359 (письмо отъ 3-го іюня 1863 г.).

[315]) Развитіе нашего школьнаго законодательства достойно самаго пристальнаго изученія со стороны историка нашей культуры. Частыя смѣны уставовъ могутъ указывать, конечно, на быструю смѣну фазъ въ исторіи нашей новой государственности; но тутъ кроется, безъ сомнѣнія, и нѣчто болѣе глубокое: имѣется какая-то трудно устранимая несоизмѣримость между школой и государственностью, ведущая ко взаимному раздраженію и къ постояннымъ разочарованіямъ...

научной дѣятельности въ нашихъ университетахъ," оно „еще въ 1858 г. занялось изысканіемъ средствъ къ улучшенію положенія оныхъ." [316]) Составленный съ этою цѣлью проектъ новаго устава С.-Петербургскаго университета былъ переданъ на разсмотрѣніе Московскаго университета; были запрошены также мнѣнія и соображенія Харьковскаго и Кіевскаго университетовъ. Собранные такимъ образомъ матеріалы обсуждались потомъ въ особой комиссіи, образованной при министерствѣ, а выработанный этою комиссіей проектъ устава препровождался „въ началѣ 1862 г. для разсмотрѣнія одновременно во всѣ университетскіе совѣты и къ нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, а также переведенъ на языки англійскій, французскій и нѣмецкій, и доставленъ многимъ ученымъ и педагогамъ." [317]) Поступившія вслѣдствіе этого въ министерство народнаго просвѣщенія многочисленныя замѣчанія подверглись дальнѣйшему обсужденію въ ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ. Переработанный текстъ проекта былъ готовъ въ концѣ 1862 г. Главныя основанія его были направлены затѣмъ, по особому Высочайшему повелѣнію, на разсмотрѣніе въ особое совѣщаніе, въ составъ котораго вошли гр. Строгановъ 1-ый, бар. Корфъ, бар. Мейендорфъ, кн. Долгоруковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ и министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ. „Заключеніе этихъ лицъ, относительно главныхъ основаній предполагаемаго преобразованія, было доложено Государю Императору въ Совѣтѣ министровъ, и тогда состоялось Высочайшее повелѣніе: проектъ университетскаго устава, составленный на этихъ главныхъ основаніяхъ, внести на разсмотрѣніе Государственнаго совѣта съ проектомъ штатовъ." [318])

Возникшій такимъ необычнымъ путемъ общій уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ, воспринявшій силу закона 18-го іюня 1863 г., явился на смѣну общаго устава 1835 г. Раньше въ исторіи нашихъ университетовъ можно выдѣлить два періода: „1) съ учрежденія старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ—Московскаго въ 1755 г. до начала XIX-го столѣтія, и 2) съ изданія въ 1804 г.

---

[316]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1076.

[317]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 413.—Обращеніе правительства къ иностраннымъ авторитетамъ встрѣчено было у насъ обществомъ и печатью несочувственно. Мотивы несочувствія были различные; но и тутъ проявилась—хотя, можетъ-быть, не вполнѣ сознательно—одна изъ сторонъ той несоизмѣримости, на которую мы указали мимоходомъ выше (ср. прим. 315).

[318]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1077.

особыхъ уставовъ трехъ университетовъ — Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго, изъ коихъ первый распространенъ былъ съ 4-го января 1824 г. и на вновь образованный университетъ С.-Петербургскій, — до устава 1835 г.“ [319]) Дерптскій, нынѣ Юрьевскій университетъ, имѣющій свою исторію, былъ устроенъ на иныхъ началахъ, и его до недавняго времени приходилось держать на особомъ счету.

Сложная работа, предшествовавшая рожденію на свѣтъ университетскаго устава 1863 г., не обезпечила ему, однако, долговѣчности: какъ выражается Г. А. Джаншіевъ, онъ „не дожилъ даже до минимальнаго, 25-лѣтняго срока, установленнаго обычаемъ для юбилеевъ.“ [320]) Впрочемъ, и уставу 15-го августа 1884 г., знаменующему собою наступленіе пятаго періода въ исторіи нашихъ университетовъ, тоже не очень-то посчастливилось, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ все послѣднее полуторадесятилѣтіе...

Зачислившись въ студенты Московскаго университета черезъ 6 лѣтъ по утвержденіи университетскаго устава 1863 г., Соловьевъ попалъ въ условія новаго университетскаго быта тогда, когда споры относительно самой организаціи университетовъ успѣли уже нѣсколько затихнуть. Наличный уставъ принимался какъ нѣчто данное, и ни студенты, ни профессора не имѣли особенныхъ поводовъ препираться изъ-за него съ принципіальныхъ точекъ зрѣнія; рѣчь могла идти лишь о болѣе полномъ и всестороннемъ выявленіи тѣхъ началъ, которыя были положены въ основаніе устава, и тутъ открывалось, конечно, обширное поле для разныхъ домогательствъ. Этимъ и объясняется—по крайней мѣрѣ, отчасти—равнодушіе Соловьева къ уставному вопросу, какъ таковому, не смотря на то, что еще незадолго передъ тѣмъ надъ этимъ вопросомъ ломали себѣ голову не только разные призванные и непризванные государственные дѣятели, но и чуть-ли не всѣ члены нашего культурнаго общества. А затѣмъ надо отнести кое-что и на-счетъ возраста. Л. М. Лопатинъ припоминаетъ, что Соловьевъ въ свои студенческіе годы относился къ вопросу объ университетскомъ уставѣ весьма безразлично, и намъ кажется, что ничего другого отъ него въ эту пору его жизни нельзя было и ожи-

---

[319]) *Ibidem*, стр. 1079.

[320]) Гр. Джаншіевъ, *Изъ эпохи великихъ реформъ*; изд. 5, Москва, 1894 г.; стр. 221; статья: *Университетская автономія*.—Предисловіе къ 1-му изданію этой книги помѣчено 12-ымъ января 1892 г.

дать. Любопытно, однако, что и впослѣдствіи онъ, насколько извѣстно, точно также не обнаруживалъ выдающагося интереса къ той или другой организаціи университетовъ, и эту черту біографы Соловьева не должны бы обходить молчаніемъ. Разумѣется, въ этомъ случаѣ дѣйствовали уже причины другого порядка. Вниманіе Соловьева занимали на этотъ разъ вопросы гораздо болѣе общіе, которые и заслоняли собою почти всю область вопросовъ частныхъ. Притомъ высшая наша школа бурлила политической смутой, и всякому безпристрастному наблюдателю было ясно, что смута эта имѣетъ свои корни не въ университетскихъ уставахъ, какъ таковыхъ, а совершенно или почти совершенно внѣ ихъ. Публицистика того времени могла касаться относящихся сюда темъ лишь съ большою осторожностью, и у Соловьева могло быть тѣмъ менѣе охоты говорить полусловами объ уставахъ, когда нельзя было говорить полнымъ словомъ о корняхъ. Вотъ почему, можетъ-быть, и въ работахъ публицистическаго характера Соловьевъ какъ-бы сторонился отъ университетскаго вопроса. [321]) Въ частной перепискѣ было, конечно, больше простора; но

---

[321]) Въ 1885 г., оспаривая проектируемую постановку преподаванія русскаго права и церковнаго права, Соловьевъ выражается, между прочимъ, такъ: „..... гимназическая реформа [гр. Д. А. Толстого] была неполна и не могла приносить желанныхъ плодовъ, пока не было передѣлано высшее образованіе..... Нынѣ и эта высшая ступень ..... обезпечена новымъ университетскимъ уставомъ, — обезпечена, по крайней мѣрѣ, со стороны законодательной.“ Далѣе, Соловьевъ замѣчаетъ, что „пока шла борьба за новый уставъ [т. е. уставъ 1884 г.], главное значеніе придавалось частію дисциплинарной и полицейской сторонѣ дѣла, частію же такимъ отрицательнымъ и мало примѣнимымъ у насъ принципамъ, какъ свободная конкурренція преподавателей.“ Дальнѣйшихъ сужденій относительно устава, какъ такового, въ статьѣ не содержится. *Соч.*, V, 373; статья: *Государственная философія въ программѣ министерства народнаго просвѣщенія.*—Въ 1888 г., въ статьѣ: *Россія и Европа*, Соловьевъ даетъ очень неблагопріятный отзывъ о русскомъ научномъ творчествѣ. Тутъ-же мы встрѣчаемъ у него такое указаніе: „Только отсутствіемъ всякаго научнаго интереса можно объяснить себѣ полное равнодушіе, съ которымъ наше общество встрѣтило новый университетскій уставъ 1884 г.“ И опять никакой оцѣнки по существу. *Соч.*, V, 87.—Въ некрологѣ Ѳ. М. Дмитріева († 27-го января 1894 г.) Соловьевъ пишетъ: „Въ 1865 г. въ Московскомъ университетѣ, по поводу выборовъ въ деканы юридическаго факультета, обнаружилась борьба между большинствомъ профессоровъ-чиновниковъ и меньшинствомъ, державшимся иного направленія. Дмитріевъ принадлежалъ къ меньшинству и вышелъ въ отставку. Слѣдующія пятнадцать лѣтъ онъ провелъ въ симбирской деревнѣ, гдѣ, кромѣ хозяйства, усердно предавался земской и судебной дѣятельности въ качествѣ мирового судьи и предводителя дворянства. Въ 1881 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, и съ честью занималъ три года это трудное въ то время мѣсто. Онъ былъ рѣшительнымъ

и тутъ, какъ это ни странно на первый взглядъ, отзывовъ о нашихъ университетскихъ дѣлахъ по существу — отзывовъ достаточно разработанныхъ и обоснованныхъ—мы у Соловьева не находимъ.

Въ подтвержденіе только-что сдѣланнаго замѣчанія можно привести изъ опубликованной переписки нашего философа три выдержки, относящіяся, впрочемъ, къ сравнительно позднему времени. Выдержки эти показываютъ, что положеніе русскихъ университетовъ при дѣйствіи устава 1884 г. Соловьева не удовлетворяло; но содержаніе этихъ выдержекъ таково, что мы не въ-правѣ истолковывать ихъ ни въ смыслѣ сочувствія уставу 1863 г., ни въ смыслѣ принципіальной оцѣнки какой бы то ни было уставной организаціи: все сводится къ толкамъ объ университетскихъ безпорядкахъ, исторія которыхъ начинается съ конца 50-ыхъ годовъ и тянется затѣмъ свыше полустолѣтія, давая матеріалъ для нападокъ на уставы и 1835 г., и 1863 г., и 1884 г., и къ самымъ общимъ пересудамъ. [322]) Въ письмѣ изъ Москвы на имя Н. Н. Страхова отъ 5-го декабря 1887 г. Соловьевъ, между прочимъ, выражается такъ: „О себѣ не скажу вамъ ничего дурного. Я поздоровѣлъ, сплю лучше и смотрю на міръ безпощадно кроткимъ взоромъ.

противникомъ новаго университетскаго устава, и немедленно вышелъ въ отставку, какъ только этотъ уставъ сталъ закономъ. Это было послѣднимъ общественнымъ дѣйствіемъ Ѳ. М. Сенатская служба была для него болѣе «присутствіемъ», нежели дѣятельностью.“ Образъ дѣйствій Ѳ. М. Дмитріева изображается Соловьевымъ, очевидно, съ одобреніемъ; но одобреніе это относится болѣе къ личной характеристикѣ Ѳ. М. Дмитріева, въ смыслѣ вѣрности его своимъ убѣжденіямъ, чѣмъ къ оцѣнкѣ того или другого устава. *Соч.*, VIII, 436.

[322]) Б. Б. Глинскій указываетъ, что въ теченіе первой половины прошлаго столѣтія рѣзкаго движенія въ сторону „политики“ въ средѣ нашего студенчества не было. Исторія Петрашевскаго задѣла университетскую жизнь какъ-то слабо, и здѣсь выступаетъ на первый планъ Александровскій лицей. Изъ лицея вышли Буташевичъ-Петрашевскій, позднѣе братья Серно-Соловьевичи, А. Слѣпцовъ и др. „Петербургскій, Московскій и провинціальные университеты въ этомъ отношеніи хронологически отстали отъ лицея.....“ „Второе наше привилегированное учебное заведеніе, училище правовѣдѣнія, такого выступленія въ своемъ общественно-послужномъ спискѣ не имѣетъ;“ зато „оно поставило нашей родинѣ не мало дѣятелей прогрессивнаго порядка, которые поработали въ смыслѣ осуществленія и разработки либеральныхъ началъ, заложенныхъ въ роформатскую эпоху 60-ыхъ годовъ.“ Чуть-ли не самое первое тайное политическое общество среди студентовъ возникло въ 1855 г. въ Харьковскомъ университетѣ. Волненія студентовъ Харьковскаго университета, происходившія въ 1858 г., сопровождались исключеніями виновныхъ; исключенные переселились въ Кіевъ, гдѣ и продолжали свою агитаціонную дѣятельность. 1858 г. принимается обыкновенно, какъ начальная дата университетскихъ безпорядковъ. Б. Б. Глинскій (прим. 5), ч. 1, стр. 111 и слѣд.

Я знаю, что «все, что было прекраснаго», провалится къ чорту (какъ уже провалилось крѣпостное право—эта первая основа всякой красоты), и такая увѣренность наполняетъ мою душу почти райскою безмятежностью. Мелкія текущія событія, напр., закрытіе университета, служатъ пищей моему настроенію. Сообщу вамъ кстати нѣкоторыя подробности.—Послѣ того, какъ попечитель пробовалъ трижды усмирить студентовъ силою одного краснорѣчія, называя ихъ разбойниками и баранами, они обратились къ ректору (Иванову) съ жалобой на это попечительское краснорѣчіе. Тотъ сталъ убѣждать студентовъ быть снисходительными: «Вы знаете, вѣдь онъ графъ, вѣроятно, по-графски съ вами и говорилъ. Я — человѣкъ, свѣтской жизни непричастный, и не знаю, какія собственно слова въ этомъ кругу употребляются. Но изъ римской исторіи припоминаю, что лица высокаго происхожденія иногда не стѣснялись въ выраженіяхъ. Такъ, Сципіонъ Африканскій,—который, впрочемъ, имѣлъ ту заслугу, что взялъ Карѳагенъ...» — Но тутъ рѣчь была прервана всеобщимъ хохотомъ, и студенты, вѣроятно, успокоились бы, еслибы въ тотъ-же день не произошло побоище съ ранеными и убитыми. Теперь, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, около 200 человѣкъ отправлено *по этапу* на мѣста жительства (для распространенія благонамѣренности въ провинціи), а нѣсколько человѣкъ пропало безъ вѣсти. — Тотъ-же ректоръ во время самаго разгара бунта, среди страшнаго шума и гама, стоялъ неподвижно, слегка склонивъ голову, и, время отъ времени поглядывая на попечителя, произносилъ тихимъ и скорбнымъ голосомъ: «Полное нарушеніе дисциплины! Очевидное несоблюденіе всѣхъ правилъ!»“ [323]) Въ письмѣ изъ Москвы отъ 6-го декабря 1887 г. на имя того-же Н. Н. Страхова Соловьевъ пишетъ: „Что у васъ въ университетѣ? У насъ все благополучно. Третьяго дня въ публичномъ концертѣ студенты побили главнаго субъ-инспектора Б., а вчера въ самомъ университетѣ выгнали попечителя и избили полицейскихъ. Сегодня университетъ оцѣпленъ войсками.“ [324]) Въ менѣе лично-конкретной формѣ о нашихъ школьныхъ дѣлахъ высказывается Соловьевъ въ августѣ того-же 1887 г. въ письмѣ изъ имѣнія А. А. Фета на имя о. П. Пирлинга: „Въ заключеніе упомяну, что и сегоднишнее солнечное затмѣніе, какъ наблюдавшееся всего полнѣе въ Россіи, не

[323]) *П.*, I, 43, 44.—Попечителемъ Московскаго учебнаго округа съ 1880 г. до 1895 г. состоялъ гр. П. А. Капнистъ. Постъ министра народнаго просвѣщенія съ 1882 г. до конца 1897 г. занималъ гр. И. Д. Деляновъ.

[324]) *П.*, I, 45.

лишено, по-моему, нѣкотораго таинственнаго значенія. Ближайшимъ образомъ оно относится къ министерству народнаго просвѣщенія, упразднившему университеты, и къ духовному вѣдомству, изгнавшему (по новому уставу) изъ семинарій и академій три древніе языка. Да пройдетъ это умственное помраченіе такъ-же быстро, какъ сегодняшняя тѣнь на солнцѣ." [325]) Но и тутъ Соловьевъ точнѣе не высказывается. Вообще, всѣ эти случайные и отрывочные выпады, относящіеся притомъ, какъ уже сказано, къ позднѣйшимъ годамъ, не могутъ, конечно, служить полнымъ выраженіемъ взглядовъ Соловьева на университетскую жизнь. Они удостовѣряютъ лишь тотъ фактъ, что и при наличности нѣкоторыхъ спеціальныхъ поводовъ Соловьевъ не проявлялъ склонности заниматься обсужденіемъ юридической конструкціи университетской жизни даже въ частной перепискѣ. Очевидно, эта область лежала внѣ круга его задушевныхъ чувствъ и думъ...

Какъ бы, впрочемъ, ни былъ слабъ интересъ Соловьева къ университетскому вопросу въ смыслѣ уставномъ или организаціонномъ, онъ не могъ все-таки, по понятнымъ причинамъ, оставаться слѣпымъ и глухимъ ко всему тому, что изо дня въ день совершалось около него въ университетской средѣ, и въ общій запасъ его житейскаго опыта неизбѣжно должны были проникать новые элементы, обязанные своимъ происхожденіемъ именно университету. Слѣдуетъ поэтому нѣсколько разобраться въ соотвѣтствующихъ матеріалахъ, поскольку они намъ доступны.

Годы, прожитые Соловьевымъ въ Москвѣ въ качествѣ студента, представляются, съ точки зрѣнія оффиціальнаго лѣтописца Московскаго университета, годами сравнительно спокойными. Руководствуясь ежегодными университетскими отчетами, рѣдко покидающими полки казенныхъ библіотекъ и почти вовсе не попадающими на полки библіотекъ частныхъ, мы могли бы даже сказать, что за все это время Московскій университетъ былъ образцомъ тишины и спокойствія. Въ отчетахъ повторяется стереотипная фраза о томъ, что дѣлъ, подлежащихъ разбирательству университетскаго суда, не было. [326]) Такое-же

---

[325]) *П.*, Ш, 155.

[326]) Сверхъ *Отчетовъ*, поименованныхъ выше въ прим. 148-омъ, 220-омъ и 267-омъ, назовемъ еще нижеслѣдующія изданія: *Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1871 г.*; Москва, 1870 г. (на обложкѣ), Москва, 1871 г. (на заглавномъ листѣ); *Отчетъ и рѣчи, произнесенныя..... 12-го января 1873 г.*; Москва, 1873 г.; *Отчетъ и рѣчи, произнесенныя..... 12-го января 1874 г.*; Москва, 1874 г.—Органи-

впечатлѣніе получается и при ознакомленіи съ нѣкоторыми неоффиціальными источниками. По словамъ А. Н. Шварца и Н. И. Карѣева, годы, о которыхъ идетъ рѣчь, были для Московскаго университета годами, въ общемъ, спокойными. Въ самомъ концѣ 60-ыхъ годовъ разыгралась „Полунинская исторія“ изъ-за недовольства студентовъ-медиковъ преподаваніемъ проф. А. И. Полунина; но „исторія“ эта политической окраски не имѣла. Едва-ли, однако, и оффиціальныя, и неоффиціальныя показанія подобнаго рода могутъ быть признаны вполнѣ исчерпывающими. Если слишкомъ грубыхъ и явныхъ нарушеній порядка со стороны московской университетской молодежи за эти годы и не было, все-же положеніе вещей въ нашей университетской средѣ—*и московской, и не-московской*—оставалось крайне неустойчивымъ.

Ретроспективные историческіе очерки для насъ въ данномъ случаѣ менѣе поучительны, чѣмъ отзывы и сужденія авторитетныхъ свидѣтелей самыхъ событій, отражающіе въ себѣ всѣ неясности и колебанія повседневныхъ наблюденій. По этимъ отзывамъ и сужденіямъ легко составить себѣ представленіе и о томъ, какъ должны были вліять эти событія на молодежь, питающуюся по-преимуществу слухами и замкнутую въ тѣсномъ кругу мѣстныхъ отношеній. Въ виду этого намъ кажется полезнымъ привести здѣсь, для иллюстраціи общаго положенія нашихъ тогдашнихъ университетскихъ дѣлъ, нѣсколько выдержекъ изъ дневника А. В. Никитенко, человѣка, по общему мнѣнію, весьма чуткаго къ нуждамъ просвѣщенія и вообще благожелательнаго; извѣстно также, что онъ стоялъ близко къ нашему ученому міру и числился среди людей умѣренныхъ, несклонныхъ къ чрезмѣрнымъ осужденіямъ дѣйствительности. Что-же находимъ мы у А. В. Никитенко по вопросамъ, относящимся до нашей университетской жизни, за пятилѣтіе 1869—1873 гг.?

Вотъ рядъ записей, характеризующихъ тѣ общія условія университетскаго быта, въ которыхъ находились сверстники героя нашего повѣствованія за время своего студенчества.—6-го января 1869 г.: „Студенты опять начинаютъ дурить: они предъявили свои требованія о дозволеніи имъ сходокъ и проч.“ 8-го февраля: „Актъ въ залѣ дворянскаго собранія [по случаю 50-лѣтняго юбилея Петербургскаго университета]..... Наканунѣ боялись..... что студенты сдѣлаютъ какую-нибудь непристойную демонстрацію. Однако, все обошлось какъ нельзя

зація университетскаго суда изображена въ уставѣ 1863 г. въ §§ 56-омъ—59-омъ. *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1055, 1056.

лучше....“ 16-го марта: „Еще одинъ скандалъ не успѣлъ даже объясниться (кронштадтская драка солдатъ), какъ на сцену является другой: Медико-Хирургическая академія закрыта. Разумѣется, толкамъ нѣтъ конца, но никто ничего не знаетъ вѣрнаго о причинахъ и обстоятельствахъ этого печальнаго событія.“ [327]) 19-го марта: „О происшествіи въ Медицинской академіи все еще ничего достовѣрнаго. Впрочемъ, говорятъ, что здѣсь нѣтъ ничего политическаго. Давай Богъ!.....— Мимо окошекъ поутру промчались два отряда жандармовъ, говорятъ, для усмиренія технологическаго института.“ 20-го марта: „Да, въ технологическомъ институтѣ вчера, дѣйствительно, произошли безпорядки, для усмиренія которыхъ потребовалось содѣйствіе жандармовъ.—Въ *Голосѣ* напечатано извѣстіе, что и въ московской Петровской академіи прекращены лекціи.“ 21-го марта: „Вотъ и въ университетѣ [Петербургскомъ] поднялось наше благовоспитанное юношество..... Студенты грубо приступили къ ректору и къ нѣсколькимъ находившимся въ университетѣ профессорамъ..... съ требованіемъ дозволить имъ сходки въ стѣнахъ университета. Никакія увѣщанія и объясненія не помогли. Шумъ, крикъ, даже ругательства раздавались въ стѣнахъ мирнаго убѣжища наукъ. Наконецъ, надо было обратиться къ полиціи.....“ 22-го марта: „Глупѣе всего — это печатныя прокламаціи, которыя студенты разбрасывали по городу и разсылали по нѣкоторымъ редакціямъ газетъ.....“ 23-го мая: „Право-жъ, мы должны считать себя счастливыми и благодарить Бога за то, что живемъ въ такое богатое умами время: въ наши дни нѣтъ юноши, который не считалъ бы себя способнымъ управлять вселенною.“ 18-го іюня: „Въ Варшавѣ открывается университетъ. Многіе этимъ недовольны, боясь, чтобы университетъ въ Польшѣ не сдѣлался очагомъ самыхъ зловредныхъ замысловъ противъ Россіи. Я полагаю, что это преувеличено.“ 15-го декабря: „Опять какія-то гнусныя прокламаціи, обращенныя къ массѣ народа..... Въ московской Петровской академіи убитъ одинъ студентъ, говорятъ, своими-же товарищами. Преступленіе это, будто-бы, имѣетъ политическую подкладку.“ [328])—23-го мая

---

[327]) Ср. *Исторію Императорской Военно-Медицинской (бывшей Медико-Хирургической) Академіи за сто лѣтъ; 1798—1898*; составл. комиссіею по порученію конференціи Академіи подъ ред. проф. Ивановскаго; С.-Петербургъ, 1898 г., стр. 657.—В. Богучарскій, *Активное народничество семидесятыхъ годовъ*; Москва, 1912 г.; стр. 132 и слѣд.

[328]) А. В. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 377, 380, 382, 383, 387, 389, 395.—Убійство студента Иванова въ паркѣ при Петровско-Разумовской академіи

1870 г.: „Былъ очень занятъ писаніемъ возраженій на статью *** о безпорядкахъ, происходившихъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1861 г., гдѣ упомянуто и мое имя, которое *** обставилъ невѣрными данными. [329]) Но появившіяся въ *Голосѣ* рѣзкія и правдивыя замѣчанія на ту-же статью и прямо обличающія автора меня остановили.“ 4-го декабря: „Энгельгардта, его жену и жившую съ ними дѣвицу Волкову арестовали. Арестованы также пять или шесть студентовъ земледѣльческаго училища. [330]) Въ чемъ ихъ обвиняютъ, я еще не слышалъ. А мы въ сегодняшнемъ засѣданіи Академіи наукъ присудили Энгельгардту Ломоносовскую премію за его трудъ по химіи.“ [331])—5-го іюля 1871 г.: „Общественное вниманіе сильно возбуждено процессомъ Нечаева. Газеты только о немъ и толкуютъ.“ 22-го іюля: „Въ обществѣ самыя противорѣчивыя сужденія о судѣ по Нечаевскому дѣлу. Одни находятъ его торжествомъ новаго судопроизводства, другіе сильно порицаютъ его за слабость и потворство.....“ [332]) 30-го іюля: „Катковъ въ № 161-омъ *Московскихъ Вѣдомостей* очень умно и талантливо говоритъ много дѣльнаго и правдиваго относительно Нечаевскаго дѣла, но онъ все-таки не договорился до всей правды. Да и нельзя договориться до нея публично. Что всѣ эти возстанія и агитаціи юношей есть бредъ полуобразованія и т. п., — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но не слѣдуетъ забывать и того, какую грустную и скверную школу они проходятъ съ дѣтства. Что̀ слышатъ и видятъ они безпрестанно вокругъ себя въ обществѣ и администраціи?..... нельзя не сказать того, что въ юношахъ..... тутъ дѣйствуетъ не одна нравственная распущенность, но и кое-какія благородныя побужденія.“ [333])—11-го января 1872 г.: „Въ здѣшнемъ университетѣ хотѣли праздновать, т. е. сдѣлать актъ, въ память Сперанскаго.

имѣло связь съ дѣломъ С. Г. Нечаева; „убійство несчастнаго юноши“ было „осуществлено съ необычайной жестокостью и хладнокровіемъ.“ Б. Б. Глинскій (прим. 5), ч. 1, стр. 426.

[329]) М. К. Лемке поясняетъ, что подъ *** слѣдуетъ разумѣть В. В. Григорьева. А. В. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 405.

[330]) Рѣчь идетъ, по словамъ М. К. Лемке, о Горыгорѣцкомъ училищѣ. А. В. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 417.

[331]) А. В. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 405, 417.

[332]) Н. И. Карѣевъ передавалъ намъ, что лѣтомъ 1871 г. онъ не видался съ Соловьевымъ, а потому и не имѣлъ случая говорить съ нимъ о Нечаевскомъ дѣлѣ тогда-же. Впрочемъ, онъ не припоминаетъ, чтобы у нихъ и впослѣдствіи заходилъ когда-либо разговоръ объ этомъ дѣлѣ.

[333]) А. В. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 432, 433.

Министръ подъ рукою далъ знать ректору, что лучше этого не дѣлать. Такъ актъ и не состоялся.“ 18-го февраля: „Всеобщее неудовольствіе и волненіе умовъ, даже дикія выходки юношей доказываютъ одно, что надобно дѣлать уступки, и что старые порядки перестали быть гарантіею дѣйствительнаго порядка.“ 25-го февраля: „Говорятъ, что въ земледѣльческомъ училищѣ (помѣщающемся въ бывшемъ Лѣсномъ корпусѣ) произведена студентами какая-то демонстрація съ портретомъ..... Что̀ за несчастіе Россіи это юношество, пропитанное съ ногъ до головы пошлымъ либерализмомъ, который есть не иное что, какъ полнѣйшее безвѣріе религіозное, нравственное и умственное, полнѣйшее распутство!“ 3-го марта: „О земледѣльческой исторіи (въ институтѣ) оказалось, что это пустяки. Была просто глупая шалость одного глупаго воспитанника, и первые, кто возстали противъ него, были его-же товарищи. Кажется, изъ этого хотѣли нѣкоторые раздуть нѣчто важное, но не успѣли.“ 27-го марта: „Администрація принимаетъ такія репрессивныя мѣры, какъ-будто одни нигилисты населяютъ русскую землю. Она не хочетъ знать, что въ мысляхъ людей много такого, что не есть вовсе нигилизмъ, что эти люди принадлежатъ къ классамъ, не раздѣляющимъ совсѣмъ разрушительнаго или радикальнаго образа мыслей не доучившейся или невѣжественной молодежи. И между-тѣмъ администрація все подводитъ подъ одинъ разрядъ запрещаемаго или такого, что должно воспрещать.....“ 8-го ноября: „По распоряженію министра народнаго просвѣщенія, изъ саратовской семинаріи не велѣно принимать въ студенты университетовъ никого, такъ-какъ тамъ когда-то учился Чернышевскій.“ [334])—13-го января 1873 г.: „Процессъ Нечаева окончился, о чемъ публиковано въ сегоднишнихъ газетахъ. Во все время процесса онъ не признавалъ себя подсуднымъ русскимъ судамъ и настаивалъ на томъ, что онъ не простой убійца, а политическій преступникъ. По всему видно, что это политическій фанатикъ.“ [335]) 21-го сентября: „Самоубійства

[334]) *Ibidem*, стр. 441, 446, 447, 449, 468.

[335]) М. А. Бакунинъ писалъ про С. Г. Нечаева: „Онъ обманулъ довѣренность всѣхъ насъ, онъ покралъ наши письма, онъ плутъ. Единственное ему извиненіе— это его фанатизмъ. Онъ страшный честолюбецъ, самъ того не зная, потому-что кончилъ тѣмъ, что отождествилъ вполнѣ свое революціонное дѣло съ своею собственною персоною, но это не эгоистъ въ банальномъ смыслѣ слова, потому-что онъ страшно рискуетъ и ведетъ мученическую жизнь лишеній и неслыханнаго труда. Это фанатикъ, и фанатизмъ его увлекаетъ быть современнымъ іезуитомъ.“ А. И. Герценъ, познакомившись съ С. Г. Нечаевымъ, отнесся къ нему сразу-же съ глубочайшей антипатіей. В. Богучарскій (прим. 327), стр. 150.—С. Г. Нечаевъ—типическій образъ

сдѣлались у насъ чѣмъ-то въ родѣ эпидеміи. Не проходитъ дня, чтобы не публиковано было о нѣсколькихъ самоубійствахъ. Вѣшаются, топятся, рѣжутся и отравляются люди всѣхъ состояній, молодые и зрѣлаго возраста, мужчины и женщины, даже мальчики лѣтъ пятнадцати, шестнадцати..... Печальное время." [336]) — Къ послѣднимъ словамъ прибавимъ еще запись подъ 25-ымъ февраля 1869 г.: „Внизу пьянство и грубое невѣжество, въ серединѣ неурядица и броженіе умовъ, въ верхнемъ слоѣ отсутствіе способностей, патріотизма и характеровъ. Право, иногда готовъ отчаяться въ будущности Россіи— но не отчаяваешься." [337])

„Печальное время"—такова, слѣдовательно, общая характеристика разумѣемаго здѣсь періода подъ перомъ ученаго профессора и академика. Но время, представлявшееся печальнымъ А. В. Никитенко, не казалось столь-же печальнымъ многимъ изъ тѣхъ, противъ кого онъ направлялъ обличенія своего дневника. Да и печальнымъ оно могло казаться различнымъ лицамъ по весьма различнымъ причинамъ. Въ частности, сами студенты, выступавшіе въ роли общественныхъ дѣятелей, не присоединились бы, конечно, къ характеристикѣ времени, даваемой А. В. Никитенко, въ полномъ объемѣ. И невольно задаешься вопросомъ: какъ-же относился къ тогдашнимъ студенческимъ переживаніямъ Соловьевъ? какой общій выводъ складывался въ его сознаніи изъ всѣхъ его студенческихъ впечатлѣній?

Прежде-чѣмъ идти дальше, присмотримся, однако, поближе къ тому, что происходило въ стѣнахъ собственно Московскаго университета за 1869—1873 гг. Обратимся снова къ тѣмъ оффиціальнымъ отчетамъ, на которые мы ссылались раньше. [338])

Студенческое населеніе Московскаго университета за указанныя 5 лѣтъ уменьшалось прогрессивно безъ всякаго удержа. Отчеты охватываютъ не академическіе, а гражданскіе годы, и пріурочиваются къ знаменитому Татьянину дню. Мало утѣшительнаго было въ томъ, что въ дни университетскаго праздника оглашались такія числа студентовъ: за 1869 г. — 1568 чел., за 1870 г. — 1541, за 1871 г. — 1522, за 1872 г.—1353, за 1873 г.—1256. Общая убыль выражается

русскаго революціонера-„макіавеллиста". Нѣтъ нужды много толковать о томъ, что люди подобнаго типа отнюдь не могли быть симпатичны Соловьеву, далекому вообще отъ макіавеллизма.

[336]) А. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 475, 496.

[337]) *Ibidem*, стр. 382.

[338]) Ср. выше, прим. 326-ое.

процентною величиною, близкою къ 20. Другими словами, за 5 лѣтъ Московскій университетъ растерялъ пятую часть своихъ питомцевъ.

По отдѣльнымъ факультетамъ картина оказывается, впрочемъ, неодинаковой. Въ то время, какъ юридическій факультетъ оскудѣлъ студентами на 49,1%, факультеты физико-математическій и историко-филологическій оскудѣли на 35,4% и 6,9%, а медицинскій факультетъ обнаружилъ, наоборотъ, приростъ студентовъ на 50,5%. Всего больше обѣднѣло студентами отдѣленіе естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета: съ 57 чел. въ 1869 г. число студентовъ понизилось здѣсь въ 1873 г. до 17, т. е. на 70,2%![339]) Результатъ довольно неожиданный, если принять въ соображеніе громко звучавшіе въ 60-ыхъ годахъ призывы къ изученію естественныхъ наукъ.

Выпуски окончившихъ курсъ, по своей численности, даютъ тоже не лишенный поучительности матеріалъ. Такъ, напр., по историко-филологическому факультету, не смотря на прогрессивное уменьшеніе общаго числа студентовъ, выпуски обнаруживаютъ нѣкоторое численное возрастаніе: въ 1869 г. окончило курсъ ученія 12 чел., въ 1870 г.—13, въ 1871 г.—22, въ 1872 г.—18, въ 1873 г.—19. Всего за 5 лѣтъ выпущено по названному факультету 84 чел., въ томъ числѣ удо-

[339]) Сопоставляя числовыя данныя изъ соотвѣтствующихъ отчетовъ, мы получаемъ такую вѣдомость.—

Годы. / Число студентовъ.	Факультеты: историко-филологическій.	физико-математическій.		юридическій.	медицинскій.	Всего.
		Математ. отд.	Отд. ест. наукъ.			
1869	102	138	57	881	390	1568
1870	114	122	48	822	435	1541
1871	103	121	35	743	520	1522
1872	97	113	23	588	532	1353
1873	95	109	17	448	587	1256

Число „сторонніхъ слушателей“ тоже рѣзко понизилось: съ 86 чел. въ 1869 г. до 42 чел. въ 1873 г. Зато число „аптекарскихъ помощниковъ“ почти удвоилось: 102 чел. въ 1869 г., 202 чел. въ 1873 г.

стоено степени кандидата 50 чел. и званія дѣйствительнаго студента 34. Возрастаніе числа выпускныхъ нѣсколько маскировало общую убыль въ студентахъ и могло даже подавать поводъ къ разсужденіямъ о возрастающей успѣшности студенческихъ занятій...

Въ отчетахъ указывается, что передъ началомъ каждаго академическаго года желающіе поступить въ число студентовъ подвергались повѣрочному испытанію (colloquium) — сначала, въ отчетѣ за 1869 г., безъ обозначенія предметовъ испытанія, затѣмъ, въ отчетахъ за 1870, 1871 и 1872 гг., съ поясненіемъ, что повѣрочное испытаніе производилось изъ русскаго языка, математики и латинскаго языка, и наконецъ, въ отчетѣ за 1873 г., съ дополнительною ссылкою на испытаніе по греческому языку; въ этомъ-же году появляются впервые на сцену обладатели „аттестата зрѣлости", которые повѣрочному испытанію уже не подвергались. Colloquium не былъ, повидимому, пустою формальностью, такъ-какъ всякій разъ то или другое число лицъ, желающихъ поступить въ студенты университета, отстранялось послѣ завершенія этой предварительной процедуры за негодностью или за неявкою. Происходили на этой почвѣ и особые „казусы"—въ родѣ затрудненія съ пріемомъ изъ-за одной орѳографической ошибки въ русскомъ „сочиненіи" (про такой „казусъ", относящійся, впрочемъ, до ученика не 5-ой, а 1-ой гимназіи, разсказывалъ намъ Н. И. Карѣевъ). Минимальный процентъ неудачныхъ аспирантовъ выпадаетъ на 1870 г. (16,7%), максимальный—на 1872 г. (33,1%).

Наиболѣе преуспѣвшіе молодые люди удерживались при университетѣ для подготовки къ профессурѣ. Такъ, изъ окончившихъ курсъ ученія въ 1869 г. былъ оставленъ для усовершенствованія въ наукахъ, между прочимъ, кандидатъ И. И. Янжулъ, съ которымъ Соловьевъ встрѣтился впослѣдствіи въ Лондонѣ; въ 1873 г. былъ оставленъ Н. И. Карѣевъ. — Шла изъ года въ годъ и промоція въ ученыхъ степеняхъ лицъ, вступившихъ на ученое поприще раньше. Такъ, въ 1869 г. былъ утвержденъ въ степени доктора русской исторіи Н. А. Поповъ, породнившійся съ Соловьевымъ черезъ супружество съ его сестрою Вѣрой.

Персоналъ научный и административный колебался за разсматриваемое пятилѣтіе въ своей численности около средней величины = 157 чел., съ небольшими размахами въ сторону plus'а и въ сторону minus'а. Стоитъ особо отмѣтить численность приватъ-доцентовъ, порожденныхъ уставомъ 1863 г.: въ 1869 г. ихъ было 12 чел., въ 1870 г. — 17, въ 1871 г. — 6, въ 1872 г. — 9, въ 1873 г. — 10. На

1 лицо научнаго и административнаго персонала приходилось въ 1869 г. около 10 студентовъ, а въ 1873 г. — около 8.

Научная дѣятельность профессоровъ, не забывавшихъ про науку среди преподавательскихъ занятій, выражалась, по обыкновенію, въ обнародованіи ученыхъ сочиненій, участіи въ трудахъ научныхъ обществъ, публичныхъ чтеніяхъ. Нѣкоторыя имена повторяются въ ежегодныхъ обзорахъ научной дѣятельности преподавателей съ большою настойчивостью, и эти имена достаточно всѣмъ извѣстны; другія имена вовсе не упоминаются, и про эти имена мы можемъ точно также не распространяться. Справедливость заставляетъ, впрочемъ, прибавить, что на всѣхъ четырехъ факультетахъ Московскаго университета было за это время порядочное количество ученыхъ дѣятелей, которыми могъ бы гордиться любой университетъ.[340])

Про ученыя общества, числившіяся при Московскомъ университетѣ, ежегодные университетскіе отчеты сообщаютъ довольно скудныя свѣдѣнія—отчасти потому, что и матеріаловъ для сообщенія было немного. Общество исторіи и древностей россійскихъ имѣло обыкновенно не больше 3 засѣданій въ годъ; общество любителей россійской словесности, постепенно сокращая число своихъ собраній, сошло съ 10 засѣданій въ годъ до 5 и даже чуть-ли не до 1. Впрочемъ, о не прекращающейся жизни этихъ обществъ продолжали свидѣтельствовать ихъ изданія и отъ времени до времени устраиваемыя чествованія заслуженныхъ дѣятелей науки и литературы.

---

[340]) Вотъ, впрочемъ, нѣсколько мелкихъ чертъ изъ московскихъ профессорскихъ нравовъ, наканунѣ новаго устава 1863 г.—20-го февраля 1862 г. М. М. Стасюлевичъ пишетъ женѣ изъ Москвы: „Къ 3 часамъ мы вернулись домой; я заѣхалъ по дорогѣ къ ректору [А. А. Альфонскому] на квартиру, но оказалось, что преподобный ректоръ изволили покушать и спятъ. Онъ говѣетъ на этой недѣлѣ и, вѣрно, старается проводить свое время самымъ безгрѣшнымъ образомъ..... Зашелъ къ [В. Ѳ.] Коршу и просидѣлъ у него до чаю.....“ 21-го февраля: „Сегодня у меня день чисто университетскій..... я всталъ довольно рано, чтобы застать преподобнаго ректора между заутреней и обѣдней, и наконецъ засталъ. Препятствіе уничтожено; въ университетъ инспекторъ далъ повелѣніе церберамъ пропустить меня. Но тутъ возникло новое препятствіе: профессора, вѣроятно, накушались блиновъ на масляницѣ, и почти всѣ нездоровы: Капустинъ и Ешевскій не читаютъ, Баршевъ просто не пришелъ; наконецъ, я услышалъ Буслаева и Дмитріева. Но не буду распространяться объ ихъ лекціяхъ, при томъ нужно послушать еще другихъ. Устройство аудиторій великолѣпно..... Въ 2 часа лекціи окончились.....“ 22-го февраля: „Мои предчувствія сбылись: за обѣдомъ были, между прочимъ, Чичеринъ и Бабстъ. Трудно передать всѣ подробности нашего обѣда, за которымъ мы просидѣли отъ 4 до 9 ч. вечера.....“ *М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ;* подъ ред. М. К. Лемке; т. I, С.-Петербургъ, 1911 г.; стр. 393, 396.

Наиболѣе яркимъ событіемъ во внѣшней исторіи Московскаго университета за разсматриваемый періодъ было участіе его въ торжествахъ по случаю 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго въ 1872 г. Собраніе, устроенное 30-го мая въ университетѣ, почтилъ своимъ присутствіемъ великій князь Константинъ Николаевичъ, принявшій въ 1870 г. званіе почетнаго члена университета. На этомъ собраніи С. М. Соловьевъ прочелъ очень талантливую и содержательную рѣчь, воспроизводящую вкратцѣ его публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, собиравшія въ залѣ дворянскаго собранія въ Москвѣ многолюдную аудиторію. [341]) Образъ преобразователя, въ освѣщеніи С. М. Соловьева, прочно запечатлѣлся въ умѣ Владиміра Соловьева, который и пребылъ вѣрнымъ ему на-всегда.

Менѣе яркими, но все-же примѣчательными университетскими событіями были ежегодные акты въ Татьянинъ день, сопровождавшіеся, по издавна заведенному порядку, чтеніемъ рѣчей на различныя научныя темы. Студенты прислушивались къ этимъ рѣчамъ съ особеннымъ вниманіемъ, и уже въ силу одного этого стоитъ отмѣтить, какія рѣчи произносились на торжественныхъ собраніяхъ 12-го января въ тѣ годы, когда Соловьевъ былъ студентомъ. Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей—случайнаго характера, зато другія являются выраженіемъ преобладающихъ въ данное время научныхъ интересовъ или отвѣчаютъ на какіе-нибудь наболѣвшіе вопросы. Вотъ перечень соотвѣтствующихъ авторовъ и заглавій по годамъ: 12-го января 1870 г.—А. А. Соколовскій, *О психо-физическомъ процессѣ въ примѣненіи къ дѣйствію снотворныхъ веществъ*; Н. К. Соколовъ, *О вліяніи церкви на историческое развитіе права*; 12-го января 1871 г.—Ѳ. А. Бредихинъ, *Падающія звѣзды*; Н. А. Поповъ, *О значеніи германскаго и византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія*; 12-го января 1872 г.—Г. И. Браунъ, *О видѣніяхъ*; Ѳ. Б. Мильгаузенъ, *Подоходная подать въ Англіи*; 12-го января 1873 г.—Г. А. Захарьинъ, *Здоровье и воспитаніе въ городѣ и за городомъ*; Н. С. Тихонравовъ, *Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра*. Намъ думается, что иныя изъ этихъ рѣчей не могли не заинтересовать Соловьева, какъ, напр., рѣчи Н. К. Соколова, Н. А. Попова и Г. И. Брауна; вѣроятно, кое-что изъ этихъ рѣчей имъ и за-

---

[341]) Рѣчь С. М. Соловьева отпечатана вмѣстѣ съ его *Публичными чтеніями* въ 1872 г. подъ одной общей обложкой (прим. 305). Въ новомъ изданіи *Публичныхъ чтеній* (С.-Петербургъ, 1903 г.) рѣчь эта, къ сожалѣнію, не повторена.

помнилось. [342])—Г. И. Браунъ развивалъ, главнымъ образомъ, ту мысль, „что бываютъ видѣнія особаго рода, которыя имѣютъ строгій естественный характеръ и происходятъ въ границахъ нашей физіологической сферы; что видѣнія эти замѣчены не одними только людьми съ больнымъ воображеніемъ, но лицами здоровыми, не простячками и обманщиками, а людьми извѣстными за могучихъ дѣятелей науки, въ правдивости показаній которыхъ мы не имѣемъ права сомнѣваться.“ Если же это такъ, „то спрашивается, какимъ образомъ и при какихъ условіяхъ могутъ появляться указанныя нами видѣнія.“ Авторъ полагаетъ, что „современное знакомство съ устройствомъ и отправленіями органа зрѣнія и съ взаимными отношеніями, которыя существуютъ между ними и психической сферой, даетъ намъ довольно удовлетворительное разрѣшеніе заданнаго вопроса.“ По мнѣнію Г. И. Брауна, „окончательное разъясненіе процесса зрѣнія ведетъ насъ..... въ область психологіи“: необходимо принять въ соображеніе „дѣятельность души“. Заключительныя слова рѣчи таковы: „Сопоставляя теперь видѣніе съ обыкновеннымъ или, лучше сказать, съ объективнымъ зрѣніемъ, можно сказать, что оба процесса, въ сущности, совершенно одинаковы; оба они составляютъ результатъ взаимодѣйствія органовъ зрѣнія и души; разница лишь въ томъ, что первое обусловливается разнообразными причинами, заключающимися внутри насъ, второе—вліяніемъ внѣшнихъ предметовъ черезъ посредство эфира.“ [343])—Правдоподобно, что нѣсколько наивное противопоставленіе внутреннихъ причинъ вліянію внѣшнихъ предметовъ черезъ посредство эфира и не удовлетворяло Соловьева; но онъ могъ все-таки принять къ свѣ-

[342]) Отмѣтимъ попутно, что Н. К. Соколовъ (род. въ 1835 г., ум. въ 1874 г.), профессоръ не только Московскаго университета, но и Московской духовной академіи, обратилъ на себя вниманіе работами по церковной исторіи и по церковному праву. „Особенное впечатлѣніе произвели статьи Соколова по вопросу о духовно-судебной реформѣ, въ которыхъ были указаны многія причины недостатковъ духовныхъ судовъ и приведены способы ихъ устраненія..... онъ вооружался противъ вторженія государственнаго чиновническаго элемента въ церковную жизнь“, а также „противъ тѣхъ поддѣлокъ подъ древнія формы свободной церковной жизни, которыя могутъ служить прикрытіемъ началъ и тенденцій, чуждыхъ свободному духу древней христіанской церкви. Статьи Соколова о церковномъ судѣ вызвали, съ одной стороны, сочувствіе къ нему извѣстной части общества и Св. Сунода, который даже руководился ими, и съ другой,—страстную полемику.....“ *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона; т. XXX, С.-Петербургъ, 1900 г., стр. 732—733; замѣтка за подписью: „В. Р—въ.“

[343]) Рѣчь Г. И. Брауна напечатана въ приложеніи къ университетскому отчету за 1871 г. (см. прим. 326).

дѣнію, что „видѣнія“ мирятся съ физіологической нормой, и что современнымъ научнымъ взглядамъ не противорѣчитъ отождествленіе ихъ по существу съ явленіями „объективнаго зрѣнія“...

Въ связи съ вышесказаннымъ надо упомянуть и про рѣчь В. Я. Цингера, произнесенную на актѣ 12-го января 1874 г., когда Соловьевъ былъ уже кандидатомъ и печаталъ въ *Православномъ Обозрѣніи* свою магистерскую диссертацію, направленную противъ позитивизма. Рѣчь эта, подъ заглавіемъ: *Точныя науки и позитивизмъ*, читается и теперь, спустя 41 годъ, съ большимъ интересомъ, а въ ту пору она должна была произвести тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ рѣзче расходились взгляды автора съ широко распространенной тогда доктриной О. Конта. Аргументація В. Я. Цингера не совпадаетъ, конечно, въ частностяхъ съ аргументаціей Соловьева, но не подлежитъ сомнѣнію, что сужденія авторитетнаго московскаго математика могли быть встрѣчены Соловьевымъ только съ сочувствіемъ. Свою рѣчь В. Я. Цингеръ заканчиваетъ такъ: „Позволю себѣ окончить выраженіемъ надежды, что не далеко время, когда въ области науки не останется слѣдовъ того умственнаго разлада, какой мы замѣчаемъ теперь, и что не будетъ повода говорить съ университетскихъ каѳедръ о такихъ мало-интересныхъ предметахъ, какъ ошибки и заблужденія позитивизма, краткой характеристикой которыхъ я осмѣлился занять, мм. гг., ваше вниманіе только потому, что позитивизмъ прикрывается именемъ науки и потому можетъ вредить ей, какъ вредитъ ей всякая ложь, проникающая въ умы подъ покровомъ истины.“ [344])

Какое-же общее впечатлѣніе получается отъ этого краткаго обзора дѣятельности Московскаго университета за пятилѣтіе 1869—1873 гг.? Собственно научная жизнь университета продолжала, конечно, приносить свои плоды, и многія научныя произведенія дѣятелей этого университета вошли и за этотъ періодъ въ общую сокровищницу русской науки по такому-же праву, какъ и труды дѣятелей другихъ нашихъ университетовъ. Но въ общемъ складывается все-таки впечатлѣніе нѣсколько тусклое, обусловливаемое отчасти рѣзкимъ уменьшеніемъ общаго числа студентовъ, въ особенности по такимъ факультетамъ, которые преслѣдуютъ цѣли по-преимуществу научно-

[344]) Рѣчь В. Я. Цингера напечатана въ приложеніи къ университетскому отчету за 1873 г. (см. прим. 326).—Объ этой „удивительно даровитой личности“, какъ называетъ В. Я. Цингера Л. М. Лопатинъ, мы еще скажемъ нѣсколько словъ дальше. Л. М. Лопатинъ (прим. 202), стр. 377; статья: *Философскіе взгляды В. Я. Цингера.*

теоретическія, отчасти скуднымъ приростомъ ученыхъ силъ на преподавательскомъ поприщѣ, отчасти слабостью ученыхъ связей съ живой современной общественностью. Чуется какъ-бы нѣкоторое затишье—не то искусственное, не то мнимое. А если принять при этомъ въ разсчетъ, что ни общество вообще, ни студенчество въ частности не пребывали тогда во внутреннемъ мирѣ, то это затишье представляется чѣмъ-то въ родѣ обманчиваго и подозрительнаго затишья передъ бурей. И дѣйствительно, уже въ 1874 г.—параллельно съ широкимъ развитіемъ „противоправительственной пропаганды“ „въ разныхъ пунктахъ и сферахъ нашего общества“ [345])—снова начались крупные безпорядки во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вызвавшіе особое Высочайшее повелѣніе министрамъ военному, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія, финансовъ, путей сообщенія, государственныхъ имуществъ, главноуправляющему II-ымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, государственному контролеру и шефу жандармовъ — обсудить въ общемъ совѣщаніи какъ причины, породившія безпорядки, такъ равно и мѣры, которыя могли бы способствовать предупрежденію ихъ въ будущемъ. Засѣданія этого совѣщанія происходили подъ предсѣдательствомъ П. А. Валуева. Между прочимъ, выяснилось, что за послѣдніе три года, помимо Нечаевскаго дѣла, было привлечено свыше 600 студентовъ и учениковъ разныхъ заведеній къ дѣламъ вѣдомства III-го отдѣленія, и что настроеніе родителей и родственниковъ учащихся и вообще всего общества нисколько не способствуетъ огражденію порядка въ школѣ. [346]) На этихъ-же засѣданіяхъ былъ поднятъ вопросъ и о пересмотрѣ дѣйствующихъ уставовъ, а министръ народнаго просвѣщенія прямо заявилъ, что имъ затребованы по этому предмету отзывы университетскихъ совѣтовъ. Итакъ, умираніе университетскаго устава 1863 г. уже началось...

Соловьевъ—и по природному душевному складу, и по направленію своихъ научно-философскихъ учебныхъ занятій, и по общему духу родительской семьи—влеченія къ участію въ бунтарскомъ движеніи, само собою разумѣется, не имѣлъ. Повидимому, и среди

---

[345]) Выраженія изъ записки гр. Палена: *Устьи революціонной пропаганды въ Россіи.* В. Богучарскій (прим. 327), стр. 173, 174.

[346]) Нѣкоторыя цифровыя данныя относительно образовательнаго ценза лицъ, привлеченныхъ въ 70-ыхъ годахъ къ отвѣтственности по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ, приведены, между прочимъ, у Н. Энгельгардта въ его *Исторіи русской литературы XIX-го столѣтія*; Петроградъ, 1915 г., т. II, стр. 338.

близкой ему молодежи не было никого, кто бы могъ вовлечь его въ какія-нибудь рискованныя предпріятія въ родѣ тѣхъ, которыя разыгрывались, напр., подъ сѣнью Петровской академіи. Не укрылись отъ него, по всѣмъ вѣроятіямъ, и комическія стороны въ дѣятельности юныхъ революціонеровъ, которые, по выраженію Н. А. Некрасова, иногда не знали, что̀ выбрать: стремиться-ли къ разрушенію государства, или просто побить инспектора. [347]) Какъ бы то ни было, уже въ 1872 г., на четвертомъ году своего студенчества, Соловьевъ совершенно опредѣленно предостерегалъ свою кузину Е. В. Романову отъ „пустыхъ головъ, имѣющихъ притязаніе быть мыслящими и безсмысленно повторяющихъ разныя ходячія фразы, что̀ можетъ производить впечатлѣніе на юные умы“, [348]) и въ высокой степени правдоподобно, что сходныя предостереженія онъ готовъ былъ бы высказать и нѣсколько раньше. Правда, его собственное „поведеніе“ аттестуется въ выданномъ ему университетскимъ начальствомъ документѣ не „отличнымъ“, а лишь „очень хорошимъ“; но тутъ сыграло роль, надо думать, не участіе его въ смутьянствѣ, а слишкомъ рѣдкое посѣщеніе лекцій. Н. И. Карѣевъ писалъ намъ: „Соловьевъ вообще очень мало бывалъ на лекціяхъ, особенно историко-филологическаго факультета, который онъ оставилъ тотчасъ-же, какъ познакомился съ преподаваніемъ нашихъ классиковъ (латиниста Г. А. Иванова и эллиниста Кая Юлія Цезаря Фелькеля), а чтобы онъ увлекался чьими-либо лекціями на физико-математическомъ факультетѣ, я что-то не слыхалъ.“ [349]) Между тѣмъ, по *Правиламъ Московскаго университета*, „студенты обязаны исправно посѣщать лекціи“, „за нарушеніе“ же „правилъ“, чего бы они ни касались, они „подвергаются установленнымъ взысканіямъ“. [350]) И по § 99-му университетскаго устава 1863 г., „каждому университету предоставляется установить надъ занятіями студентовъ тотъ способъ контроля, который совѣтомъ университета, съ утвержденія попечителя, по педагогическимъ соображеніямъ и мѣстнымъ условіямъ, признанъ будетъ наиболѣе удобнымъ и дѣйствительнымъ.“ [351])

Высказывая всѣ эти утвержденія и предположенія, мы, впрочемъ,

---

[347]) *Полное собраніе стихотвореній* Н. А. Некрасова; изд. 9, С.-Петербургъ, 1905 г.; т. I, стр. 469; стихотвореніе: *Еще тройка*.

[348]) *П.*, III, 72.

[349]) Ср. выше, прим. 282-ое (слова П. А. Зилова).

[350]) *Правила* и т. д. (прим. 261), отд. VI, § 9; стр. 854; § 19, стр. 855.

[351]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137); стр. 1064.

отнюдь не желаемъ отстаивать тотъ взглядъ, будто-бы „молодой ученый“, какъ называетъ второкурсника Соловьева В. Л. Величко, былъ совершенно чуждъ разрушительнымъ стремленіямъ многихъ своихъ сверстниковъ. Въ годы студенчества подобныя тенденціи обуревали и его, только цѣли и мотивы были у него особые. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ не прочь былъ даже перещеголять своихъ сверстниковъ, менѣе, чѣмъ онъ, углублявшихся въ вопросы философскаго характера. Въ подтвержденіе сказаннаго мы можемъ снова [352]) сослаться на его разсказъ: *На зарѣ туманной юности...* Вотъ любопытный отрывокъ изъ этого разсказа, изображающій встрѣчу героя разсказа съ студентомъ-медикомъ Кіевскаго университета. Подъ героемъ разсказа позволительно разумѣть, какъ уже было объяснено, самого Соловьева, только-что перешедшаго „на послѣдній курсъ университета“, т. е. только-что закончившаго третій годъ своего студенчества. Герою разсказа, какъ и Соловьеву, было тогда 19 лѣтъ съ небольшимъ. Дѣло происходитъ въ желѣзнодорожномъ вагонѣ, на пути въ Харьковъ, послѣ случайнаго знакомства съ нѣкоей Julie. [353]) „Проводивши Julie въ ея купе,“ разсказываетъ Соловьевъ, „я съ облегченнымъ сердцемъ и въ хорошемъ расположеніи духа усѣлся на своемъ новомъ мѣстѣ и скоро познакомился съ ближайшими сосѣдями. Это были: студентъ-медикъ Кіевскаго университета, молодой купецъ изъ Таганрога въ драповомъ пальто и новомъ черномъ картузѣ и неопредѣленнаго званія и возраста брюнетъ съ темно-синимъ подбородкомъ, какъ оказалось, богатый ростовщикъ, также изъ Таганрога. Я разговорился съ молодымъ медикомъ. Это былъ провинціальный нигилистъ самаго яркаго оттѣнка. Онъ сразу призналъ меня за своего,—«по интеллигентному выраженію лица», какъ объяснилъ онъ впослѣдствіи, а также, можетъ-быть, по длиннымъ волосамъ и небрежному костюму. Мы открыли другъ другу всю душу. Мы были вполнѣ согласны въ томъ, что существующее должно быть въ скорѣйшемъ времени разрушено. Но онъ думалъ, что за этимъ разрушеніемъ наступитъ земной рай, гдѣ не будетъ бѣдныхъ, глупыхъ и порочныхъ, а все человѣчество станетъ равномѣрно наслаждаться всѣми физическими и умственными благами въ безчисленныхъ фаланстерахъ, которые покроютъ земной шаръ,—я же съ одушевленіемъ утверждалъ, что его взглядъ не достаточно радикаленъ, что на самомъ дѣлѣ не только

[352]) Ср. выше, прим. 243-е.

[353]) Поѣздка Соловьева въ Харьковъ относится къ маю 1872 г. Ср. С. М. Лукьянова (прим. 17), стр. 76.

земля, но и вся вселенная должна быть кореннымъ образомъ уничтожена, что если послѣ этого и будетъ какая-нибудь жизнь, то совершенно другая жизнь, не похожая на настоящую, чисто-трансцендентная. Онъ былъ радикалъ-натуралистъ, я былъ радикалъ-метафизикъ. Мы говорили и спорили очень горячо и громко. Одинъ разъ собесѣдникъ попробовалъ-было обратиться къ мнѣнію нашихъ сосѣдей, но ростовщикъ съ синимъ подбородкомъ только усмѣхнулся съ сожалѣніемъ и махнулъ рукою, а молодой купецъ пробормоталъ что-то совсѣмъ непоощрительное, въ родѣ: «озорники вы окаянные», и повернулся къ намъ спиною. — Въ заключеніе спора мой противникъ замѣтилъ, что наши теоретическія воззрѣнія могутъ расходиться, но такъ-какъ у насъ ближайшія практическія цѣли однѣ и тѣ-же, такъ-какъ мы оба «честные радикалы», то и можемъ быть друзьями и союзниками, и мы съ чувствомъ пожали другъ другу руку.“ [354]) Столь-же выразительно и другое мѣсто разсказа, гдѣ герой разсказа, онъ-же и авторъ, заявляетъ, что „вообще ученіе о совершенной негодности всего существующаго составляло главную тему“ его тогдашнихъ разсужденій „съ кузинами“, и что, будучи „тогда отчасти славянофиломъ,“ онъ „хотя допускалъ, что нѣмцы могутъ упразднить вселенную въ теоріи, но практическое исполненіе этой задачи“ онъ „возлагалъ исключительно на русскій народъ, при чемъ въ душѣ..... не сомнѣвался, что первый сигналъ къ разрушенію міра будетъ данъ“ имъ самимъ. [355]) Облекая свои воспоминанія о юношескомъ прошломъ въ шутливую форму, Соловьевъ, однако, даетъ ясно понять, въ какую сторону склонялись тогда его мысли, и мы видимъ, что недаромъ оказывался онъ вмѣстѣ съ студентомъ-медикомъ Кіевскаго университета въ одномъ и томъ-же лагерѣ „честныхъ радикаловъ“.

„Метафизическій радикализмъ“ Соловьева, отметавшаго въ началѣ своего кризиса религіозныя начала, сталъ проникаться постепенно христіанскимъ духомъ, какъ показываетъ вся его переписка съ Е. В. Романовой, и это было наиболѣе цѣннымъ плодомъ его внутреннихъ бореній за первые годы студенчества. Въ разсказѣ: *На зарѣ туманной юности*... эта сторона дѣла, однако, затушевана: тутъ выдвигается на первое мѣсто сторона философская. Говоря о томъ, что „годамъ къ восемнадцати“ герой разсказа „додумался до твердаго убѣжденія, что вся временная жизнь, какъ состоящая единственно только изъ золъ и страданій, должна быть поскорѣе разрушена со-

[354]) *П.*, III, 293, 294.
[355]) *П.*, III, 285, 286.

вершенно и окончательно", авторъ прибавляетъ, что герою разсказа вскорѣ-же пришлось убѣдиться, что такого убѣжденія придерживается не онъ одинъ, и что подобное мнѣніе „весьма обстоятельно развивалось нѣкоторыми знаменитыми нѣмецкими философами." [356]) Безъ сомнѣнія, разскащикъ намекаетъ здѣсь прежде всего на Э. фонъ Гартманна, основной трудъ котораго: *Philosophie des Unbewussten* появился въ 1869 г. и получилъ чрезвычайно широкую извѣстность не только на родинѣ автора, но и далеко за предѣлами ея. [357]) Сочиненіе нѣмецкаго пессимиста, преемника Шопенгауэра, привлекло къ себѣ вниманіе и Соловьева, какъ показываетъ его магистерская диссертація, печатавшаяся въ 1874 г. [358]) Но существенной особенностью философскаго развитія Соловьева было именно то, что, покинувши временно почву христіанства, онъ затѣмъ все болѣе и болѣе утверждался на ней, что̀ и вывело его въ концѣ концовъ на тотъ путь, на которомъ онъ достигъ наиболѣе цѣнныхъ результатовъ.

Занятый установленіемъ основъ собственнаго міросозерцанія и самостоятельной научно-философской работой, при сравнительно слабомъ вниманіи къ лекціямъ университетскихъ преподавателей со всей ихъ профессорской ученостью и при отрицательномъ отношеніи къ мелкимъ бунтарскимъ выступленіямъ незрѣлой молодежи, Соловьевъ

---

[356]) *П.*, III, 286.

[357]) У насъ распространенію извѣстности Э. ф. Гартманна содѣйствовали главнымъ образомъ А. А. Козловъ и Г. Струве. „Отъ Шопенгауера Козловъ перешелъ къ Гартманну", говоритъ С. Аскольдовъ. „Здѣсь дѣло не ограничилось однимъ лишь изученіемъ его философіи, но результатомъ этого изученія явилось изложеніе философіи Гартманна (заключающее въ значительной мѣрѣ переводъ съ подлинника), вышедшее въ 1873—75 гг. подъ заглавіемъ: *Философія Безсознательнаго Эд. Гартманна.* Книга имѣла большой успѣхъ, и изданіе было распродано довольно быстро." С. Аскольдовъ, *Алексѣй Александровичъ Козловъ;* Москва, 1912 г.; стр. 25. Очеркъ Г. Струве: *Новѣйшее произведеніе философскаго пессимизма въ Германіи* помѣщенъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ;* 1873 г., январь, стр. 1 — 83. На труды А. А. Козлова и Г. Струве обращаетъ вниманіе и Э. ф. Гартманнъ въ предисловіи къ 7-му изданію своей *Philosophie des Unbewussten*; здѣсь-же онъ называетъ и магистерскую диссертацію Соловьева, какъ стоящую въ нѣкоторой связи съ этимъ сочиненіемъ. Ср. Eduard von Hartmann, *Philosophie des Unbewussten*; achte erweiterte Auflage; Berlin, 1878; Vorwort zur siebenten Auflage, S. X.

[358]) Кратко это выражено Э. Л. Радловымъ словами: „Изложенію и критикѣ философіи Гартманна въ русской литературѣ посвящена диссертація Вл. Соловьева, *Кризисъ западной философіи.*" *Философскій Словарь логики, психологіи, этики, эстетики и исторіи философіи*, подъ ред. Э. Л. Радлова; С.-Петербургъ, 1904 г.; стр. 51.

едва-ли могъ находить особую привлекательность въ жизни Московскаго университета за 1869—1873 гг., и мы нисколько бы не удивились, еслибы и онъ, подобно представителю старшаго поколѣнія — А. В. Никитенко, хотя и по другимъ основаніямъ, оказался склоннымъ признать названные годы „печальнымъ временемъ“. Конечно, какъ человѣку молодому, еще не извѣдавшему своихъ силъ и не разочаровавшемуся въ возможности достиженія поставленныхъ себѣ цѣлей, ему рано было предаваться унынію, и онъ горячо вѣрилъ въ грядущую удачу своихъ замысловъ. Тѣмъ не менѣе, пессимистическая окраска его „метафизическаго радикализма“ не подлежитъ въ нашихъ глазахъ ни малѣйшему сомнѣнію, не смотря на ту шутливую оболочку, въ которую онъ облекалъ позднѣе свои воспоминанія объ этой порѣ своей жизни. [359])

Проведя въ Московскомъ университетѣ, на положеніи студента физико-математическаго факультета, четыре учебныхъ года, Соловьевъ не проникся, судя по всему, особеннымъ личнымъ расположеніемъ къ своей alma mater. У насъ не имѣется подъ руками его отзывовъ о Московскомъ университетѣ, относящихся непосредственно ко времени его студенчества; но уже вскорѣ по окончаніи студенческихъ занятій онъ заявлялъ въ интимной перепискѣ съ Е. В. Романовой, что университетъ этотъ представляетъ собою „абсолютную пустоту“. [360]) Отзывъ этотъ едва-ли покажется кому-нибудь справедливымъ въ объективномъ смыслѣ, но онъ былъ, разумѣется, совершенно искреннимъ въ устахъ юноши, не имѣвшаго причины скрывать свои впечатлѣнія и мнѣнія въ обращеніяхъ къ кузинѣ, бывшей почти его невѣстой, и, очевидно, не нашедшаго въ университетѣ того, чего онъ въ немъ искалъ. А искалъ онъ не столько научныхъ знаній, какъ таковыхъ, сколько отвѣтовъ на мучившія его сомнѣнія религіознаго и философскаго характера,—данныхъ для построенія цѣльнаго и широкаго міросозерцанія,—указанія путей для скорѣйшаго воплощенія идеальныхъ чаяній въ дѣйствительности...

---

[359]) Въ началѣ августа 1873 г. Соловьевъ пишетъ Е. В. Романовой: „.....въ смѣлости и самоувѣренности недостатка не чувствую.“ Вскорѣ вслѣдъ засимъ онъ въ другомъ письмѣ къ ней-же выражается такъ: „Рано или поздно успѣхъ несомнѣненъ—этого достаточно“; но тутъ мы встрѣчаемъ и такія строки: „Живого плода своихъ будущихъ трудовъ я, во всякомъ случаѣ, не увижу. Для меня лично ничего хорошаго не предвижу. Это еще самое лучшее, что меня сочтутъ за сумасшедшаго.“ *Л.*, III. 91, 94.—Ср. С. М. Лукьянова (прим. 17), стр. 95, 96.

[360]) *Л.*, III, 105.—Ср. С. М. Лукьянова (прим. 17), стр. 101.

Среди преподавателей Московскаго университета, названныхъ въ предшествующей главѣ, мы встрѣчаемъ немало лицъ, снискавшихъ себѣ почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, и мы думаемъ, что при болѣе строгомъ взвѣшиваніи своихъ словъ и въ годы болѣе зрѣлые самъ Соловьевъ не повторилъ бы своей бутады объ „абсолютной пустотѣ“ нашей старѣйшей высшей школы. На такую догадку даютъ намъ право сужденія, которыя выражалъ Соловьевъ въ печати не только въ концѣ своей литературной дѣятельности, но и въ самомъ началѣ ея, примѣрно черезъ годъ съ небольшимъ послѣ упомянутаго выше письма его къ Е. В. Романовой. Здѣсь мы имѣемъ въ виду по-преимуществу его отзывы о П. Д. Юркевичѣ, на которыхъ намъ еще придется остановиться; да и не объ одномъ П. Д. Юркевичѣ вспоминалъ Соловьевъ впослѣдствіи съ любовью и уваженіемъ. Но и при всѣхъ этихъ оговоркахъ мы должны все-таки сознаться, что большихъ симпатій къ университетскому „дѣланію“ Соловьевъ за время своего студенчества не нажилъ. Будучи студентомъ, онъ держался, въ сущности, особнякомъ: онъ жилъ столько-же университетскою, сколько и внѣ-университетскою жизнью, и послѣднею, можетъ-быть, даже больше, чѣмъ первою. По мѣткому выраженію Н. И. Карѣева, „Соловьева, какъ студента, не существовало, и товарищей по университету у него не было.“ [361]) Какимъ-то своеобразнымъ диссидентомъ былъ онъ среди университетскихъ людей и въ ту пору, когда ему суждено было занять мѣсто въ рядахъ преподавательскаго персонала—сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Основные запросы его души, питаемые больше самостоятельнымъ вдохновеніемъ, чѣмъ строгой школьной эрудиціей, при отсутствіи правильной системы занятій въ студенческіе годы и при значительной сложности его религіозныхъ, философскихъ, художественныхъ и научныхъ интересовъ въ годы послѣдующіе, направляли его скорѣе въ сторону усиленнаго самообразовательнаго чтенія [362]) и свободной писательской

[361]) Тотъ-же Н. И. Карѣевъ писалъ намъ: „Изъ гимназическихъ товарищей онъ [т. е. Соловьевъ] поддерживалъ [во время студенчества] отношенія, кромѣ меня, съ Писемскимъ и отчасти Коротневымъ, но тоже не очень частыя.“

[362]) Въ виду доказанной любви Соловьева къ чтенію и всегдашней близости его къ литературнымъ интересамъ, а также и для того, чтобы нѣсколько пополнить обзоръ пятилѣтія 1869—1873 гг., воспроизведемъ здѣсь соотвѣтственную часть „синхронистической таблицы“, составленной Н. Энгельгардтомъ и приложенной къ его *Исторіи русской литературы XIX-го столѣтія*. Въ прямыя скобки авторъ заключаетъ данныя, относящіяся до Западной Европы.—„*1869*. [Ламартинъ, Сентъ-Бёвъ †.—Гартманнъ: *Философія безсознательнаго*. — *The subjection of women*, S.

работы, чѣмъ въ сторону тщательнаго исполненія внѣшнихъ студенческихъ обязанностей и точно размѣренной лекціонной дѣятельности преподавателя. Университетскій бытъ, какъ и уставный университетскій вопросъ, были созданы не для Владиміра Соловьева, и онъ былъ созданъ не для нихъ...

Впрочемъ, мы были бы ложно поняты, еслибы изъ всего предъидущаго кто-либо вывелъ то заключеніе, что Московскій университетъ вовсе и ни въ какомъ смыслѣ не вліялъ на Соловьева. Конечно, онъ вліялъ на него и своими положительными, и своими отрицательными сторонами,—вліялъ именно потому, что никогда не былъ „абсолютною пустотой".

Про Московскій университетъ конца 20-ыхъ и начала 30-ыхъ годовъ прошлаго столѣтія А. А. Григорьевъ выражался такъ: это былъ „университетъ весь полный трагическихъ вѣяній недавней катастрофы и страшно отзывчивый на все тревожное и головокружительное, что̀ носилось въ воздухѣ подъ общими именами шеллингизма—въ мысли и романтизма—въ литературѣ, университетъ погибавшаго

Mill.—Flaubert: *L'éducation sentimentale.*—Гамерлингъ: *Царь Сіона.*—Стихотворенія Ады Кристенъ.]—Щербина †.—Лажечниковъ †.—*Преступленіе и наказаніе.*—*Что такое прогрессъ?* Н. К. Михайловскаго.—*1870.* [Дюма отецъ †.—Просперъ Мериме †.—*L'homme qui rit*, В. Гюго.—Франко-прусская война.—Вильгельмъ I—императоръ Германіи.—Бисмаркъ-канцлеръ.]—Уничтоженіе парижскаго трактата о флотѣ на Черномъ морѣ.—Герценъ †.—*Слоевой составъ русскаго эпоса*, Ор. Миллера.—*Азбука*, гр. Л. Н. Толстого.—*Вѣчный мужъ*, Достоевскаго.—*Шагъ за шагомъ*, Омулевскаго.—*Царь Борисъ*, гр. А. Толстого.—*1871.* [Пьеръ Леру †.—Старокатолики.—*Происхожденіе человѣка*, Дарвина.—Зола: *Les Rougon-Macquart.*]—Рѣшетниковъ †.—*Вешнія воды*, Тургенева.—*Бѣсы*, Достоевскаго.—*Дѣльцы*, Боборыкина.—*Николай Негоревъ*, Кущевскаго.—*1872.* [Теофиль Готье †.—Fr. Nietzsche: *Die Geburt der Tragödie.*—Брандесъ: *Литература XIX-го столѣтія.*]—Павелъ Якушкинъ †.—*Въ лѣсахъ*, Печерскаго (Мельникова).—*Каширская старина*, Аверкіева.—*Два міра*, Майкова.—*Соборяне*, Лѣскова.—*Сказки Кота-Мурлыки.*—*Изъ деревни*, А. Н. Энгельгардта.— *1873.* [Стюартъ Милль †.—Nietzsche: *Unzeitgemässe Betrachtungen* (1873—1876).—Наполеонъ III †.]—Тютчевъ †.—*Снѣгурочка*, Островскаго.—*Запечатлѣнный ангелъ*, Лѣскова.—*Безъ исхода*, Станюковича.—*Марина изъ Алаго Рога*, Болеслава Маркевича.—*Мими*, Полонскаго.—*Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ*, Михайловскаго.—*1874.* [Жюль Жаненъ.—Flaubert: *La tentation de St. Antoine.*]—*О народномъ образованіи*, гр. Льва Ник. Толстого.—*Хроника села Смурина*, Засодимскаго.—*Горе селъ, дорогъ и городовъ*, Левитова.—*Крестьяне-присяжные*, Златовратскаго.—*Бродячая Русь*, Максимова.—*Девятый валъ*, Гр. Данилевскаго.—*Портретъ*, гр. Ал. К. Толстого.—Крушеніе *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* Корша." Н. Энгельгардтъ (прим. 346), т. II, стр. 657—658.

Полежаева и другихъ.“ [363]) Итакъ, шеллингизмъ и романтизмъ—таковъ первый завѣтъ Московскаго университета въ XIX-омъ столѣтіи, завѣтъ философски оправдываемой вѣры и мистическаго умонастроенія.

Преобразованіе, послѣдовавшее въ половинѣ 30-ыхъ годовъ, дало, по словамъ того-же А. А. Григорьева, „университетъ Рѣдкина, Крылова, Морошкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегелизма, съ тяжелыми его формами и стремительной, рвущейся неодолимо впередъ силой,—университетъ Грановскаго.“ [364]) Итакъ, гегелизмъ и питаемыя отвлеченнымъ раціонализмомъ теоретическія устремленія—таковъ второй завѣтъ, окутанный еще, по наслѣдству отъ прошлаго, нѣкоторой мечтательной таинственностью.

Но вотъ надвинулись 60-ые годы—съ ихъ новыми нуждами и требованіями, съ ихъ увлеченіями матеріализмомъ и позитивизмомъ, въ различныхъ видоизмѣненіяхъ и сочетаніяхъ. Подъ стать новымъ вѣяніямъ выдвигается снова и университетская реформа. Тутъ явилось, однако, одно привходящее обстоятельство, обусловленное тѣмъ, что теоретическія устремленія стали переходить въ житейскую практику, въ духѣ воинствующаго соціализма. Школа перевела все это на свой языкъ, и мы вступаемъ, такимъ образомъ, въ длинную полосу „университетскихъ безпорядковъ“. [365]) И „хотя необходимость

---

[363]) Аполлонъ Григорьевъ, *Мои литературныя и нравственныя скитальчества*; съ послѣсловіемъ и примѣчаніями Павла Сухотина; Москва, 1915 г.; стр. 92.—Напомнимъ, съ другой стороны, шуточныя слова, влагаемыя Пушкинымъ, въ 1829 г., въ уста „альманашника“. Въ отвѣтъ на предложеніе выступить на литературное поприще, по примѣру Руссо, въ сравнительно поздніе годы, „альманашникъ“ замѣчаетъ: „Руссо, вѣроятно, ни къ чему другому не былъ способенъ; онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ.—Да къ тому-же онъ былъ человѣкъ ученый; а я учился въ Московскомъ университетѣ.“ *Библіотека великихъ писателей*, подъ ред. С. А. Венгерова; *Пушкинъ;* т. IV, С.-Петербургъ, 1910 г.; стр. 535.

[364]) Аполлонъ Григорьевъ (прим. 363), стр. 8.

[365]) Н. И. Пироговъ въ концѣ 1862 г. писалъ: „Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть и лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать,—лучше все-таки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать.—Этотъ взглядъ на университетъ подтверждаетъ исторія. Гдѣ политическая жизнь общества качается ровно, какъ часовой маятникъ, гдѣ политическія страсти изъ высшихъ сферъ не доходятъ до незрѣлаго поколѣнія, тамъ въ университетѣ выступаетъ на первый планъ его прямое назначеніе—научная дѣятельность. Университетъ дѣлается тамъ барометромъ просвѣщенія.—Въ наукѣ есть свои повороты и перевороты; въ жизни—свои; иногда и тѣ, и другіе сходятся; но всѣ пере-

новаго университетскаго устава была сознана съ начала новаго царствованія и задолго до студенческихъ безпорядковъ 1861 г., однако они [т. е. именно эти безпорядки] дали непосредственный толчекъ университетскому вопросу, и это чисто внѣшнее обстоятельство сообщило, не смотря на усилія А. В. Головнина дать реформѣ болѣе общую и широкую постановку, особый тонъ всему дѣлу и имѣло громадное вліяніе на ходъ и на исходъ реформы, давъ несоразмѣрное значеніе полицейской точкѣ зрѣнія." [366]) Мы приводимъ эту выдержку нарочно изъ писаній лѣваго лагеря, чтобы показать, что уставъ 1863 г., ставшій съ теченіемъ времени своего рода пугаломъ для праваго лагеря, давно уже не удовлетворяетъ и представителей лѣваго лагеря, какъ дѣло половинчатое и межеумочное. [367]) Понятно, что университеты наши, и въ частности университетъ Московскій, начали, хотя не сразу, реагировать довольно болѣзненно на создавшееся положеніе, давая уклоны то въ одну сторону, то въ другую. Преобладалъ, впрочемъ, кренъ налѣво — со всѣми обычными послѣдствіями такого крена. Итакъ, третій завѣтъ—борьба на почвѣ матеріализма, позитивизма и воинствующаго соціализма, въ сопровожденіи такихъ вспомогательныхъ факторовъ, какъ разрушеніе эстетики и—теорія искусства для искусства, отрицаніе метафизики и—преклоненіе передъ полу-дѣтски понимаемой философіей эволюціонизма, и т. д.

Конечно, никто изъ добросовѣстныхъ изслѣдователей нашего прошлаго не откажется признать, что среди провозвѣстниковъ и исповѣдниковъ этого третьяго завѣта, какъ и среди провозвѣстниковъ и исповѣдниковъ двухъ первыхъ завѣтовъ, было немало людей горячаго сердца и талантливой мысли; но столь-же теперь ясно и то, что всѣ эти завѣты были только ступенями сложной исторической лѣстницы, а не откровеніемъ безусловной истины...

ходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а черезъ нее и на университетѣ..... Только тамъ, гдѣ политическія стремленія и страсти проникли глубоко чрезъ всѣ слои общества, они уже неясно отражаются на университетѣ. Но чѣмъ болѣе настигаютъ они общество врасплохъ, чѣмъ менѣе оно привыкло къ переходамъ и переворотамъ, тѣмъ сильнѣе выразится его настроеніе въ университетѣ." *Сочиненія* Н. И. Пирогова; Кіевъ, 1910 г.; т. I, стр. 519, 520; статья: *Университетскій вопросъ*.

[366]) Гр. Джаншіевъ (прим. 320), стр. 237.

[367]) Нелишнимъ будетъ отмѣтить, что сторонниками университетской „автономіи" были въ то время, когда призывался къ жизни уставъ 1863 г., и такія лица, какъ гр. И. Д. Деляновъ и М. Н. Катковъ. Гр. Джаншіевъ (прим. 320), стр. 247, 266.

Только-что набросанная схема, при всей своей неполнотѣ, достаточна для того, чтобы понять, съ какими идейными стихіями долженъ былъ встрѣтиться Соловьевъ въ Московскомъ университетѣ, при вступленіи подъ его кровъ въ концѣ 60-ыхъ годовъ. Издалека до него доносились отзвуки шеллингизма и мистическаго романтизма, ближе къ нему чуялись вѣянія гегелизма и раціонализма, вокругъ него шла борьба изъ-за матеріализма, позитивизма и соціализма. Всѣ эти стихіи касались такъ или иначе его зрѣющей мысли съ ясно обрисовавшимися религіозными и философскими запросами, и всѣмъ этимъ стихіямъ онъ, дѣйствительно, пріобщился. А такъ-какъ эти-же стихіи давали знать о себѣ и въ жизни нашего культурнаго общества, то къ воздѣйствіямъ, идущимъ со стороны университета, естественно присоединялись аналогичныя воздѣйствія, идущія со стороны общества, вслѣдствіе чего даже при нѣсколько пренебрежительномъ отношеніи къ университетскимъ преподавателямъ Соловьевъ оказывался все-таки не въ разобщеніи съ ними. И ему предстояло либо завязнуть въ одномъ изъ тѣхъ *измовъ*, надъ которыми подтрунивалъ еще его отецъ-историкъ во дни его ранней юности, [368]) либо сдѣлать попытку подняться надъ ними, сохраняя доброе въ старомъ и новомъ, отбрасывая плохое въ прошломъ и настоящемъ и направляясь къ лучшему въ будущемъ. Оригинальный складъ ума Соловьева, при большомъ запасѣ любви къ истинѣ и выдающихся дарованіяхъ, оградилъ его отъ первой изъ этихъ двухъ возможностей, и онъ двинулся впередъ и въ гору, [369])—хотя не безъ колебаній и не безъ ошибокъ, отъ которыхъ никто не застрахованъ.

Въ главѣ четвертой мы уже приводили слова Л. М. Лопатина о Соловьевѣ, какъ самомъ оригинальномъ философѣ во всей Европѣ за послѣднія 25 лѣтъ. Какъ кажется, будетъ всего лучше, если въ заключеніе этой шестой главы мы сошлемся на того-же Л. М. Лопатина, давшаго отчетливую общую характеристику тѣхъ условій, въ которыхъ развивался нашъ философъ въ свои юные годы.

„Русская философская мысль“, говоритъ авторъ *Философскаго міросозерцанія В. С. Соловьева*, „съ тѣхъ поръ, какъ впервые возникли ея первые проблески въ XVIII-омъ вѣкѣ, и въ продолженіе

---

[368]) См. выше главу четвертую, прим. 230-ое.

[369]) Прекрасное изображеніе своего жизненнаго пути, какъ „труднаго горнаго пути“, Соловьевъ даетъ въ стихотвореніи: *Въ туманѣ утреннемъ невѣрными шагами... Стих.*, 38. — Ср. С. М. Лукьянова, *Поэзія Вл. С. Соловьева*; *Вѣстникъ Европы*, 1901 г., мартъ, стр. 128;—стр. 149.

очень долгаго періода влачила существованіе несчастное и скудное. Ея главнымъ недостаткомъ было полное отсутствіе оригинальности,— самобытнаго умозрительнаго творчества, которое выразилось бы въ литературной формѣ и привело бы къ опредѣленнымъ и систематическимъ результатамъ. Русскіе философы были только послѣдователями западно-европейскихъ и притомъ послѣдователями второстепенными..... У насъ были вольфіанцы, были поклонники французскаго сенсуализма, было нѣсколько послѣдователей Канта и Фихте, было довольно много послѣдователей Шеллинга и Гегеля. Было, наконецъ, у насъ немало представителей богословской схоластической метафизики, также заимствованной съ Запада..... Въ 50-ыхъ и 60-ыхъ годахъ нынѣ истекшаго столѣтія на смѣну поклонниковъ нѣмецкаго идеализма явились матеріалисты въ духѣ Бюхнера и Фохта и позитивисты французскаго и англійскаго типовъ. [370]) Между этими разнообразными, извнѣ навѣянными направленіями наибольшею умственною самостоятельностью отличались славянофилы, однако ихъ отношеніе къ философіи было скорѣе отрицательное, чѣмъ положительное; въ своихъ обще-философскихъ взглядахъ они ограничивались отрицательной критикой нѣмецкаго идеализма, главнымъ образомъ въ формѣ системы Гегеля, и довольно ясно выраженнымъ признаніемъ полной несостоятельности всякой умозрительной философіи, если она прямо не опирается на положительную церковную вѣру. У послѣдователей другихъ направленій самобытность философской мысли представляетъ лишь рѣдкое исключеніе. Самымъ блестящимъ такимъ исключеніемъ является Б. Н. Чичеринъ, давшій вполнѣ самостоятельную переработку началъ и метода Гегелевой философіи на почвѣ картезіанскаго дуализма матеріи и духа. Однако, міросозерцаніе Б. Н. Чичерина получаетъ законченное литературное выраженіе лишь тогда, когда философскіе взгляды В. С. Соловьева уже совершенно опредѣлились, и когда его первыя произведенія уже увидѣли свѣтъ. Б. Н. Чичеринъ поэтому не былъ ни пред-

[370]) Въ 1853 г., въ самый годъ рожденія Вл. С. Соловьева, Н. Г. Чернышевскій написалъ свою извѣстную магистерскую диссертацію: *Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности. Полное собраніе сочиненій* Н. Г. Чернышевскаго; т. X, ч. 2; С.-Петербургъ, 1906 г.; стр. 84. По замѣчанію Г. В. Плеханова, диссертація Н. Г. Чернышевскаго „представляетъ собой интересную и единственную въ своемъ родѣ попытку построить эстетику на основѣ матеріалистической философіи Фейербаха.“ Г. В. Плехановъ (прим. 112), стр. 82.—Въ письмѣ изъ Динара отъ 27-го октября 1893 г. Соловьевъ проситъ М. М. Стасюлевича озаботиться высылкой ему диссертаціи Н. Г. Чернышевскаго. *П.*, I, 114. См. также статью Соловьева: *Первый шагъ къ положительной эстетикѣ*; *Соч.*, VI, 424.

шественникомъ, ни учителемъ Соловьева въ философіи.—Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить значеніе какого-нибудь философа, нужно знать ту среду, въ которой онъ выросъ, и ту духовную атмосферу, въ которой онъ работалъ. Чѣмъ характеризуется умственная жизнь русскаго общества въ то время, когда у В. С. Соловьева впервые проснулись философскіе вопросы и сомнѣнія? Его дѣтство и первая юность протекли въ эпоху, очень памятную и благодѣтельную для Россіи, въ эпоху всеобщаго возрожденія русской жизни, которое знаменуетъ конецъ 50-ыхъ и 60-ые годы. Это время страшно много дало и для общественной жизни, и для русской литературы, и для науки. Но философіи въ эту эпоху какъ-то не посчастливилось: ею мало интересовались и, благодаря продолжительному исключенію философіи изъ числа предметовъ университетскаго преподаванія, ее мало знали. Тогдашняя журналистика главнымъ образомъ заботилась о популяризаціи у насъ разныхъ книжекъ матеріалистическаго лагеря, которыя о настоящихъ задачахъ философіи давали самое превратное представленіе..... Небольшая кучка писателей съ настоящимъ философскимъ образованіемъ распадалась на двѣ группы: одни пытались приноровить традиціи нѣмецкаго (по-преимуществу, Гегелевскаго) идеализма къ новымъ потребностямъ, другіе, гораздо болѣе многочисленные, энергически возставали противъ всякихъ философскихъ традицій, вообще противъ всякаго умозрѣнія, и единственный источникъ достовѣрнаго знанія видѣли въ положительной наукѣ и въ опытномъ изученіи природы..... Извѣстный законъ Конта трехъ фазисовъ умственнаго развитія человѣчества разсматривается, какъ окончательное откровеніе о внутреннемъ смыслѣ человѣческой исторіи. Этотъ законъ провозглашаетъ теологію и метафизику за невольныя заблужденія человѣческаго ума, которыя должны на-всегда исчезнуть съ исторической сцены, когда свѣтъ научнаго знанія прольется на всѣ явленія наблюдаемой дѣйствительности..... Въ оправданіе такой принципіальной оцѣнки писатели этого времени охотно выдвигали логическія и психологическія теоріи англійскихъ мыслителей въ виду ихъ рѣзко эмпирическаго направленія. Съ другой стороны, система Герберта Спенсера, логически стройная и выдержанная, казалось, разрѣшавшая всѣ проблемы изъ единаго принципа всемірной эволюціи, для очень многихъ интеллигентныхъ русскихъ людей явилась тѣмъ-же, чѣмъ была система Гегеля для современниковъ Бѣлинскаго. Еще бо̀льшимъ авторитетомъ пользовался Дарвинъ, про котораго думали, что онъ своей теоріей происхожденія видовъ разъ на-всегда устранилъ всѣ предположенія о вну-

тренней осмысленности и разумности какихъ бы то ни было жизненныхъ процессовъ, сводя всякую разумность и цѣлесообразность въ природѣ къ внѣшней случайности механическаго подбора. В. С. Соловьевъ испыталъ на себѣ всѣ эти вліянія. Уже очень рано поражавшій своею чрезвычайной начитанностью, съ умомъ глубокимъ и въ то-же время крайне воспріимчивымъ, онъ всегда соединялъ въ себѣ замѣчательную самостоятельность сужденій съ рѣдкой отзывчивостью на духовные интересы окружающихъ его людей.“ [371])

И мы въ-правѣ прибавить, что именно духовная самостоятельность Соловьева спасла его отъ того, отъ чего не убереглись другіе наши „любомудры“, отличавшіеся не столько отзывчивостью, сколько переимчивостью... [372])

---

[371]) Л. М. Лопатинъ (прим. 202), стр. 120—123.

[372]) Помимо перечисленныхъ въ примѣчаніяхъ источниковъ, дополнительными пособіями при составленіи главы шестой послужили намъ частныя сообщенія А. Н. Шварца, Н. И. Карѣева и Л. М. Лопатина.

VII.—Профессора. Однокурсники.

Содержаніе предшествующихъ двухъ главъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ свои студенческіе годы Соловьевъ оставался внѣ рѣшительнаго и опредѣляющаго вліянія какъ со стороны ученыхъ силъ Московскаго университета, такъ и со стороны университетской товарищеской среды, хотя различныя впечатлѣнія, связанныя со студенческимъ положеніемъ, и воспринимались имъ болѣе или менѣе полнымъ образомъ. И дѣйствительно, ни про одного изъ профессоровъ Московскаго университета мы не могли бы сказать, что онъ былъ непосредственнымъ руководителемъ или покоряющимъ вдохновителемъ Соловьева, и ни за однимъ изъ его собственно университетскихъ товарищей-сверстниковъ мы не могли бы признать права на титулъ близкаго его друга или единомышленника. Правда, нѣкоторые профессора являются, по общему складу своихъ воззрѣній, въ болѣе тѣсномъ духовномъ сродствѣ съ Соловьевымъ, чѣмъ другіе; но и такія родственныя души — притомъ очень малочисленныя — не были все-таки безспорными для него авторитетами. Вѣрно и то, что съ кн. Д. Н. Цертелевымъ подружился Соловьевъ на всю жизнь еще въ бытность студентомъ; но они не были однокурсниками и числились по разнымъ факультетамъ, да и познакомились-то они какъ-бы независимо отъ университета, не черезъ аудиторію. [373])

Въ ряду преподавателей Московскаго университета, духовно родственныхъ нашему философу, первое мѣсто мы отводимъ П. Д. Юркевичу, такъ-какъ самъ Соловьевъ всего больше и чаще вспоминалъ именно о немъ. Ниже мы разскажемъ, какимъ образомъ случилось то, что Соловьевъ сдѣлался преемникомъ П. Д. Юркевича по каѳедрѣ философіи, а теперь воспроизведемъ лишь кое-какія данныя объ этомъ выдающемся профессорѣ, умершемъ сравнительно рано — въ возрастѣ около 47 лѣтъ—и оставившемъ, тѣмъ не менѣе, довольно замѣтный

[373]) См. выше, прим. 217-ое.

слѣдъ въ исторіи нашего философскаго просвѣщенія. При этомъ мы отмѣтимъ и всѣ сужденія Соловьева о П. Д. Юркевичѣ, ясно показывающія, чѣмъ онъ былъ дорогъ своему преемнику, чему въ дѣятельности предшественника придавалъ Соловьевъ наибольшее значеніе.

Въ приложеніи къ отчету по Московскому университету за 1874 г. помѣщенъ краткій некрологъ П. Д. Юркевича, занимающій около $2^1/_2$ страницъ и никѣмъ не подписанный.[374]) Болѣе подробныя свѣдѣнія находимъ мы у Соловьева въ двухъ его статьяхъ, относящихся къ начальному и къ заключительному періодамъ его литературной дѣятельности.[375]) Около двухъ лѣтъ тому назадъ опубликована работа Г. Шпета, посвященная спеціальному изученію П. Д. Юркевича.[376]) Имѣются и другіе матеріалы для оцѣнки этого мыслителя, къ которому такъ пренебрежительно отнесся въ свое время Н. Г. Чернышевскій, но которымъ до сихъ поръ не пренебрегаютъ люди, затрудняющіеся удовлетвориться философіей Фейербаха.[377]) Мы не считаемъ, однако, умѣстнымъ вдаваться въ подробное обсужденіе всего того, что было написано о П. Д. Юркевичѣ, такъ-какъ насъ интересуетъ не столько личность самого П. Д. Юркевича, сколько отношеніе къ нему Соловьева. Вотъ почему мы и сосредоточимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи свое вниманіе на отзывахъ и замѣчаніяхъ сего послѣдняго, располагая ихъ, независимо отъ ихъ содержанія, въ хронологическомъ порядкѣ соотвѣтствующихъ сообщеній.

Въ статьѣ Соловьева: *О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича*, опубликованной въ декабрской книжкѣ *Журнала Министерства На-*

---

374) *Отчетъ* и т. д. (прим. 267, въ концѣ).

375) См. ниже.

376) Г. Шпетъ, *Философское наслѣдство П. Д. Юркевича*; *Вопросы философіи и психологіи*, 1914 г., ноябрь-декабрь, кн. 125 (V), стр. 653.—По мнѣнію Г. Шпета, „Юркевичъ умѣлъ отдать должное своей современности, и тѣмъ съ бо́льшимъ сознаніемъ исполняемаго долга должны мы стремиться къ тому, чтобы показать, что его идеи въ исторіи нашей мысли не остались безплодными.“ *L. c.*, стр. 687.

377) *Полное собраніе сочиненій* Н. Г. Чернышевскаго, т. VIII, С.-Петербургъ, 1906 г.; стр. 220—278; статья: *Полемическія красоты*.—См. также Г. В. Плеханова (прим. 112), стр. 99—109. — Краткій общій обзоръ судебъ русской философіи, съ упоминаніемъ имени П. Д. Юркевича, содержится въ трудѣ Э. Л. Радлова: *Очеркъ исторіи русской философіи*. См. В. Вундта, Г. Ольденберга, И. Гольдціэра, В. Грубе, Тетуджиро Инуйе, Г. фонъ Арнима, К. Бэймкера, В. Виндельбанда, *Общая исторія философіи*; С.-Петербургъ, 1912 г., т. II, стр. 235—267. Ср., далѣе, Ибервега-Гейнце, *Исторія новой философіи*; перев. Я. Н. Колубовскаго; С.-Петербургъ, 1890 г., стр. 529 и слѣд.; статья: *Философія у русскихъ*.

роднаго Просвѣщенія за 1874 г., вскорѣ послѣ смерти П. Д. Юркевича, когда авторъ статьи заканчивалъ 22-ой годъ своей жизни, мы читаемъ, прежде всего, такія строки: „Если высотою и свободою мысли, внутреннимъ тономъ воззрѣній, а не числомъ и объемомъ написанныхъ книгъ опредѣляется значеніе настоящихъ мыслителей, то безспорно почетное мѣсто между ними должно принадлежать покойному московскому профессору Памфилу Даниловичу Юркевичу. Въ умственномъ характерѣ его замѣчательнымъ образомъ соединялись самостоятельность и широта взглядовъ съ искреннимъ признаніемъ историческаго преданія, глубокое сердечное сочувствіе всѣмъ существеннымъ интересамъ жизни съ тонкою проницательностью критической мысли. Оставленные имъ философскіе труды не многочисленны и не обширны. Какъ и бо́льшая часть русскихъ даровитыхъ людей, онъ не считалъ нужнымъ и возможнымъ давать полное внѣшнее выраженіе всему своему умственному содержанію, выворачивать его наружу на показъ, онъ не хотѣлъ перевести себя въ книгу, превратить все свое духовное существо въ публичную собственность. Однако, и изъ того, что имъ оставлено, достаточно видно, что мы имѣемъ дѣло съ умомъ сильнымъ и самостоятельнымъ.“ [378])

Послѣ этого вступленія Соловьевъ даетъ основныя біографическія свѣдѣнія о П. Д. Юркевичѣ, которыя мы еще пополнимъ словами тогоже Соловьева далѣе. Приведемъ in extenso и эти строки.

„Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ“, разсказываетъ Соловьевъ, „былъ сыномъ сельскаго священника въ Полтавской губерніи и родился около 1827 г. Пройдя семинарскій курсъ въ Полтавѣ, онъ поступилъ въ 1847 г. въ Кіевскую духовную академію. Здѣсь, по окончаніи курса съ причисленіемъ къ первому разряду воспитанниковъ, по особому распоряженію мѣстнаго начальства введенъ былъ онъ въ назначенную ему академическою конференціею должность наставника по классу философскихъ наукъ (1851 г.); въ слѣдующемъ году возведенъ на степень магистра и переименованъ въ баккалавры академіи; въ 1853 г. «за отлично усердные и весьма полезные труды его объявлено ему благоволеніе Св. Сунода». Въ слѣдующемъ году онъ опредѣленъ помощникомъ инспектора академіи; но, вѣроятно, эта должность не пришлась ему по вкусу, потому-что черезъ два года онъ, согласно своему прошенію, былъ отъ нея уволенъ. Въ 1857 г., сверхъ философіи, поручено ему было преподаваніе нѣмецкаго языка, а черезъ

[378]) *Соч.*, I, 162.

годъ онъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1861 г., «опредѣленіемъ Св. Сунода, за примѣрно усердную службу, обширныя свѣдѣнія и отличное преподаваніе, возведенъ въ званіе ординарнаго профессора». Труды его, отчасти напечатанные въ ученомъ журналѣ академіи, обратили на себя вниманіе не одного духовнаго начальства: въ томъ-же 1861 г. онъ былъ приглашенъ на философскую каѳедру въ Московскій университетъ, куда въ октябрѣ этого года и былъ, съ Высочайшаго соизволенія, перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ. [379]) Здѣсь, кромѣ университетскихъ занятій, онъ прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о матеріализмѣ; потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, преподавалъ педагогику въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства. Въ 1869—1873 гг. былъ онъ деканомъ историко-филологическаго факультета. Въ этомъ послѣднемъ году П. Д. лишился жены (онъ женился еще въ Кіевѣ въ 1856 г.), которая умерла въ Крыму послѣ долгой болѣзни. Это несчастіе и соединенныя съ нимъ тревоги совершенно разстроили здоровье П. Д. Онъ серьезно заболѣлъ и уже болѣе не поправлялся. 4-го октября текущаго [1874] года онъ скончался въ Москвѣ отъ истощенія силъ.“ [380]) Къ словамъ о занятіяхъ П. Д. Юркевича преподаваніемъ педагогики Соловьевъ присовокупляетъ такое подстрочное примѣчаніе: „Педагогика составляла одно изъ любимѣйшихъ занятій П. Д. Онъ посвятилъ ей два большіе труда. Желательно было бы, чтобы компетентныя лица оцѣнили ихъ по достоинству.“ [381])

Изъ этого очерка явствуетъ, между прочимъ, что въ тѣ годы, когда Соловьевъ числился студентомъ Московскаго университета, деканомъ историко-филологическаго факультета состоялъ какъ разъ П. Д. Юркевичъ, а не Н. А. Поповъ, подпись котораго мы нахо-

---

[379]) „Высочайше утвержденнымъ 22-го февраля 1860 г. положеніемъ главнаго правленія училищъ была возстановлена въ университетахъ и Ришельевскомъ лицеѣ каѳедра исторіи философіи, логики и психологіи; профессорамъ же богословія сохранены права и оклады ординарныхъ профессоровъ“. С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 357. Ср. выше, прим. 265-ое.

[380]) *Соч.*, I, 162, 163.

[381]) *Ibidem*, стр. 163.—Е. В. Бѣлявскій о курсѣ П. Д. Юркевича по педагогикѣ отзывается неодобрительно: „..... я долженъ былъ еще посѣщать лекціи педагогики профессора философіи Юркевича, читавшіяся въ университетѣ. Но эти лекціи, состоявшія собственно въ чтеніи логики и психологіи и примѣненіи этихъ наукъ къ педагогіи, мнѣ такъ не понравились своею безсодержательностью, доказательствами того, что всякому здравомыслящему человѣку хорошо извѣстно безъ всякихъ лекцій,..... что я скоро пересталъ посѣщать эти лекціи.....“ Е. В. Бѣлявскій (прим. 145), стр. 9.

димъ на представленіи названнаго факультета въ совѣтъ университета отъ 7-го іюня 1873 г. объ утвержденіи Владиміра Соловьева въ степени кандидата. Произошло это вслѣдствіе того, что Н. А. Поповъ былъ утвержденъ деканомъ именно въ 1873 г., какъ это указывается въ университетскомъ отчетѣ за 1873 г. — Прибавимъ попутно, что въ упомянутомъ выше университетскомъ некрологѣ время рожденія П. Д. Юркевича въ точности тоже не опредѣляется. Причиною смерти его выставляется здѣсь не „истощеніе силъ“, а „ракъ желудка“,—сопровождающійся, впрочемъ, и истощеніемъ силъ.

Покончивъ съ біографическими данными, Соловьевъ переходитъ къ обозрѣнію научно-литературной дѣятельности П. Д. Юркевича. Сначала онъ останавливается на статьѣ его: *Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка*, напечатанной въ 1860 г. [382]) „Статья эта“, по замѣчанію Соловьева, „представляетъ значительный философскій интересъ“, и потому онъ излагаетъ содержаніе ея „подробно, большею частію словами автора.“ [383])—Основная мысль П. Д. Юркевича сводится къ тому, что духовная жизнь человѣка обусловливается наличностью особаго самостоятельнаго духовнаго начала, далеко не исчерпывающагося въ явленіяхъ мышленія. Корень духовной жизни человѣка въ сердцѣ, а не въ умѣ, который есть лишь вершина этой жизни. Въ философіи долго господствовалъ и отчасти доселѣ еще господствуетъ тотъ взглядъ, по которому мышленіе составляетъ всего духовнаго человѣка, сообразно съ чѣмъ воля и чувствованія представляютъ собою лишь видоизмѣненія или случайныя состоянія мышленія. Взглядъ этотъ отрицаетъ существенно-нравственное въ человѣкѣ; жизненную заповѣдь любви онъ замѣняетъ отвлеченнымъ сознаніемъ долга; существо Божіе онъ опредѣляетъ какъ идею, полагающую міръ изъ одной логической необходимости. Въ противоположность этому взгляду, П. Д. Юркевичъ, по Соловьеву, утверждаетъ, что „*духовно-нравственный* источникъ душевной дѣятельности“ кроется „въ цѣлостномъ и нераздѣльномъ настроеніи и расположеніи душев-

[382]) Соловьевъ называетъ этотъ трудъ „первымъ напечатаннымъ трудомъ Юркевича“. Указаніе это не точно. Ср. Г. Шпета (прим. 376), стр. 688.—Полное заглавіе статьи П. Д. Юркевича: *Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка, по ученію слова Божія.*—Списокъ трудовъ П. Д. Юркевича и статей о немъ содержится въ *Матеріалахъ для исторіи философіи въ Россіи*, собранныхъ Я. Н. Колубовскимъ и опубликованныхъ въ *Вопросахъ философіи и психологіи* за 1890 г., кн. 5, прил. 1, стр. 33—44. Ср. статью Э. Л. Радлова: *Юркевичъ* въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза и Ефрона, т. XLI, С.-Петербургъ, 1904 г.; стр. 420.

[383]) *Соч.*, I, 163.

наго существа.“ Въ эту сторону клонится и „библейское ученіе о сердцѣ, какъ мѣстѣ рожденія мыслей, желаній и дѣлъ человѣческихъ“. [384]) По-истинѣ, „древо познанія не есть древо жизни“, и „жизнь духа имѣетъ самое близкое отношеніе къ *сердцу* человѣка.“ [385]) Философскія системы германскаго идеализма, развивающія ученіе о самозаконіи или автономіи человѣческаго разума, упускаютъ изъ виду, что законы душевныхъ дѣятельностей предлежатъ человѣку, какъ готовый и не измѣняемый порядокъ нравственно-духовной жизни человѣка и человѣчества. „Между явленіями и дѣйствіями души разумъ имѣетъ значеніе свѣта, которымъ озаряется не имъ положенная жизнь человѣческаго духа съ ея законами. Душа существуетъ не только какъ этотъ свѣтъ, но и какъ освѣщаемое имъ существо. Жизнь духовная зарождается прежде этого свѣта разума ..... въ глубинахъ, недоступныхъ для нашего взора.“ [386]) Слѣдуетъ, однако, остерегаться крайностей мистицизма. Исходя изъ вѣрнаго убѣжденія, что полнота духовной жизни, ощущаемая нами въ сердцѣ, не покрывается тѣми душевными формами, которыя образуются подъ условіями этого конечнаго міра, мистики впадаютъ въ болѣзненныя заблужденія, когда стремятся миновать всѣ конечныя условія нашего духовнаго развитія, желая стать у послѣдней цѣли сразу и непосредственно, безъ многотруднаго и постепеннаго совершенствованія во времени. Не менѣе пагубны, далѣе, и крайности эмпиризма. Надѣясь перечислить и опредѣлить всѣ явленія душевной жизни, какъ конечныя и разъ на-всегда данныя ея формы, эмпирики лишаютъ себя возможности указать въ душѣ человѣка глубочайшія основы личности и зачатки ея будущей жизни; они какъ-бы заранѣе отказываются разгадать и многія душевныя явленія, о которыхъ свидѣтельствуетъ опытъ, въ особенности различныя таинственныя формы религіознаго сознанія. Истину между крайностями мистицизма и эмпиризма мы находимъ въ библейскомъ ученіи о сердцѣ, какъ средоточіи душевной жизни человѣка. „Умъ, какъ говорили древніе, есть *правительственная* или *владычественная* часть души, и мистицизмъ, который погружается въ непосредственныя влеченія сердца, не переводя ихъ въ отвлеченныя, спокойныя и твердыя идеи или начала ума, противорѣчитъ свойствамъ человѣческаго духа. Но правительственная и владычественная сила не есть сила рождательная; она есть пра-

[384]) *Соч.*, I, 168, 169.
[385]) *Ibidem*, стр. 170.
[386]) *Ibidem*, стр. 172.

вило, простирающееся на такое содержаніе нравственнаго міра, которое рождается изъ глубочайшаго существа духа и въ своемъ непосредственномъ видѣ или въ первомъ и *основномъ* явленіи есть любовь.“ [387])

Затѣмъ Соловьевъ передаетъ содержаніе статьи П. Д. Юркевича: *Изъ науки о человѣческомъ духѣ*, напечатанной первоначально въ томъ-же 1860 г.—Въ этой статьѣ, посвященной критикѣ *Антропологическаго принципа въ философіи* Н. Г. Чернышевскаго, авторъ защищаетъ свои воззрѣнія „противъ господствовавшихъ тогда, и теперь еще не совсѣмъ потерявшихъ силу надъ неразвитыми умами, теорій матеріализма.“ [388]) Слово: явленіе либо не имѣетъ смысла, либо оно означаетъ, что предметное событіе видоизмѣнилось формами ощущающаго и понимающаго субъекта. Изъясняя представленіе и мышленіе изъ нервнаго процесса, надо либо отказаться отъ правильнаго пониманія термина: явленіе, либо признать нервы и ихъ движеніе вещью въ себѣ, бытіемъ метафизическимъ, сверхчувственнымъ. На утвержденіе же матеріализма, что наши внутреннія состоянія представляются духовными только въ субъективномъ нашемъ пониманіи, а сами въ себѣ суть явленія органической жизни, должно возразить, что „такъ-какъ сами эти явленія органической тѣлесной жизни не существуютъ для насъ внѣ формъ видящаго ихъ и понимающаго субъекта, то гдѣ-же тотъ *другой* субъектъ, въ воззрѣніи и пониманіи котораго самыя формы видящаго и понимающаго субъекта

---

[387]) *Ibidem*, стр. 176, 177.—Своеобразныя особенности Востока и Запада проявляются, какъ извѣстно, и въ области мистики. Ср., между прочимъ, М. В. Лодыженскаго, *Свѣтъ незримый*; Петроградъ, 1915 г., изд. 2. — Ближайшее пріуроченіе „жизни духа“ къ „сердцу“ можетъ встрѣтить, конечно, различныя возраженія съ точки зрѣнія анатомо-физіологической. Но вѣдь ясно, что возраженія эти не имѣютъ значенія въ глазахъ того, кто не склоненъ связывать психическія отправленія исключительно съ центрами черепного мозга. Притомъ у души нѣтъ пространственныхъ опредѣленій. Дѣятельность „головы“ (головного мозга) необходима для того, чтобы душа рождала ощущенія и представленія; отсюда, однако, не слѣдуетъ, что душа должна сидѣть въ „головѣ“. То-же самое, mutatis mutandis, можно сказать и относительно „сердца“. Вообще, для правильной оцѣнки относящихся сюда разсужденій П. Д. Юркевича слѣдуетъ исходить изъ данныхъ не анатомо-физіологическихъ, а психологическихъ.—Не желая отклоняться слишкомъ далеко въ сторону, мы не будемъ останавливаться здѣсь и на сближеніи воззрѣній П. Д. Юркевича съ тѣмъ „логизмомъ“, который противопоставляется „раціонализму“ и является, по мнѣнію нѣкоторыхъ, однимъ изъ типическихъ устремленій русскаго философствованія. Достаточно отмѣтить хотя-бы сборникъ Владиміра Эрна, *Борьба за Логосъ;* Москва, 1911 г.

[388]) *Соч.*, I, 177.

становятся субъективными. Если *явленія* возможны только для *другого*, то гдѣ-же этотъ другой въ области самонаблюденія и самовоззрѣнія?“ [389]) Изъяснять міръ явленій изъ самого себя не возможно. Говоря о матеріи самой въ себѣ, дѣлаютъ пустое отвлеченіе, существующее только въ мысли. „Уже древніе философы приходили къ убѣжденію, что такая чистая матерія, отрѣшенная отъ идеальныхъ опредѣленій, которыхъ содержаніе мы знаемъ только изъ глубины нашего духа, есть ничто, небытіе (μὴ ὄν).“ [390]) Съ другой стороны, нельзя оспаривать тотъ фактъ, что царство одушевленныхъ существъ обширнѣе царства собственно человѣческаго. На почвѣ этого факта складывается убѣжденіе, что „вообще въ мірѣ нѣтъ голой матеріальности, что въ немъ все воодушевлено, способно не только быть, но и наслаждаться бытіемъ, что всякая величина экстенсивная есть вмѣстѣ и интенсивная, открывающаяся въ порывахъ и стремленіяхъ.“ [391]) Отсюда не слѣдуетъ, однако-же, чтобы матеріализмъ былъ правъ, когда онъ пытается снять границу между животнымъ міромъ и человѣкомъ. Матеріализмъ не въ состояніи объяснить „то существенное различіе, что животныя обладаютъ лишь эмпирическимъ сознаніемъ, человѣкъ же никогда эмпирическимъ сознаніемъ не ограничивается, а имѣетъ и постоянно проявляетъ способность относиться *критически* къ своему собственному эмпирическому состоянію, измѣрять то, что есть, тѣмъ, что должно быть,—имѣетъ способность жить и развиваться подъ *идеею*.“ [392]) Далѣе, идетъ рѣчь у П. Д. Юркевича о нравственной философіи, причемъ отвергается какъ мораль формалистическаго ригоризма, такъ и мораль утилитаризма.

Въ связи съ только-что изложенною работою находятся, по Со-

---

[389]) *Ibidem*, стр. 179.

[390]) *Ibidem*, стр. 179, 180. — Н. М. Минскій сдѣлалъ у насъ попытку развить понятіе мэона въ цѣлое ученіе о мэонахъ, мэонизмъ. „Мэонизмъ учитъ, что міръ движется и борется, умираетъ и воскресаетъ, наслаждается и страдаетъ для того, чтобы постоянно, въ каждое мгновеніе, отрицать себя во имя той святыни, которая, изъ любви къ міру, сама себя повергла въ небытіе“. Н. М. Минскій, *При свѣтѣ совѣсти*; *мысли и мечты о цѣли жизни*; С.-Петербургъ, 1897 г., изд. 2, стр. 219.— Мэонизмъ Н. М. Минскаго не встрѣтилъ сочувствія въ нашей философской литературѣ. Соловьевъ, съ своей стороны, назвалъ „исповѣдь“ автора „интереснымъ психопатологическимъ этюдомъ“; впрочемъ, по его мнѣнію, „въ книгѣ г. Минскаго выразилась ..... общая душевная болѣзнь нашего времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторые признаки исцѣленія“. *Соч.*, VI, 241—246;—245; статья: *По поводу сочиненія Н. М. Минскаго „При свѣтѣ совѣсти“*.

[391]) *Соч.*, I, 180.

[392]) *L. c.*

ловьеву, четыре дальнѣйшія статьи П. Д. Юркевича подъ заглавіемъ: *Языкъ физіологовъ и психологовъ*, опубликованныя въ 1862 г. Здѣсь содержится болѣе частное развитіе уже извѣстныхъ намъ соображеній, направленныхъ противъ матеріализма.

Нѣсколько раньше, въ 1861 г., тотъ-же авторъ, какъ указываетъ Соловьевъ, обнародовалъ *Критико-философскіе отрывки*. Всѣхъ отрывковъ пять; бо̀льшая часть ихъ посвящена разсужденіямъ о доказательствахъ бытія Божія. Соловьевъ признаетъ эти очерки „замѣчательными"—въ смыслѣ „рѣдкой критической проницательности"; впрочемъ, подробно онъ ихъ не излагаетъ „вслѣдствіе ихъ объема". [393])

Наибольшее значеніе Соловьевъ приписываетъ послѣднему философскому труду П. Д. Юркевича: *Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта*. По внѣшности это скромная, хотя и довольно объемистая, актовая рѣчь, прочитанная въ Московскомъ университетѣ 12-го января 1866 г. — Въ отношеніи познанія возможны только два основныхъ убѣжденія: нашему духу доступно познаніе самой истины; нашему духу доступно лишь пріобрѣтеніе общегодныхъ свѣдѣній. За предѣлами этихъ убѣжденій — обширное поле для скептицизма, вынужденнаго сомнѣваться въ самомъ себѣ. „Первый взглядъ, находящій возможнымъ знаніе *истины*, развитъ въ образцовомъ для всѣхъ временъ совершенствѣ Платономъ въ его ученіи о разумѣ и идеяхъ; второй, допускающій только знаніе *общегодное*, развитъ Кантомъ въ его ученіи объ опытѣ." [394]) П. Д. Юркевичъ признаетъ истинность идеалистическихъ положеній Канта, но отрицаетъ основательность его скептицизма. При этомъ онъ излагаетъ свои собственные взгляды въ духѣ ученія Платона. „Реализмъ во всѣхъ своихъ видахъ надѣется познать сущность вещи, отдѣляя отъ нея всѣ ея положенія въ системѣ вещей и отличая самую вещь съ ея первобытными, ничѣмъ болѣе не опредѣленными, свойствами отъ всѣхъ такихъ положеній. Идеализмъ, отрицая самую возможность такихъ первобытныхъ вещей, изъясняетъ, напротивъ, всю ихъ сущность изъ того разумнаго положенія, какое имѣетъ каждая вещь въ системѣ міра. Это разумное положеніе опредѣляется степенью участія вещи въ идеѣ, слѣдовательно, тѣмъ мѣстомъ, какое вещь занимаетъ, какъ одинъ изъ членовъ дѣленія общаго понятія." [395]) Признавая, что истинная философская метода основывается на убѣжденіи, со-

[393]) *Соч.*, I, 181.
[394]) *Ibidem*, стр. 182.
[395]) *Ibidem*, стр. 183.

гласно которому дѣйствительное опредѣляется мыслимымъ, П. Д. Юркевичъ полагаетъ, однако-же, что убѣжденіе это „не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ страннымъ ученіемъ, что идея сама себя осуществляетъ, что она есть свой собственный исполнитель въ мірѣ явленій". „Вѣчная истина не есть сила, она есть истина, и этимъ исчерпывается все ея бытіе: essentia ejus involvit ejus existentiam. Она осуществляется въ потокѣ вещей дѣйствіемъ той воли, которая полагаетъ этотъ міръ, какъ исполнительную власть, по отношенію къ идеѣ, какъ власти законодательной." „Царство идей, образцовъ, или вѣчной истины, далѣе, царство существъ разумныхъ, призванныхъ познавать эту истину и *питаться* ею, и, наконецъ, призрачное существованіе всего тѣлеснаго,—или *мыслимое*, *сущее* и *явленіе* — таковы три сферы истинной философіи. Идеи имѣютъ то существенное значеніе, что космосъ, который есть Сынъ Божій по Платону, долженъ исполнить *всякую правду*, лежащую въ идеяхъ, чтобы наслаждаться совершеннѣйшимъ существованіемъ. Такъ-какъ идеи суть система *общихъ* мыслимыхъ основаній, то мы изъ нихъ никогда діалектическимъ путемъ не выведемъ особенной индивидуальной жизненности существъ, никогда не выведемъ міра того *совершенно сущаго*, которому принадлежитъ жизнь, движеніе, душа и разумъ. Хотя существованіе его возможно только на общихъ идеальныхъ основаніяхъ, однако его дѣйствительность не обнимается логическою идеею сущности, потому-что духовное начало, полагающее эту дѣйствительность, не есть сущность, а сверхсущественное. Какъ въ естествознаніи, такъ и въ философіи не могутъ быть *выведены*, но должны быть *найдены* тѣ основные факты, которые и суть таковы именно потому, что въ нихъ есть нѣчто не сводимое на идеи разума. Еслибы система идей была вполнѣ для насъ прозрачна, то, тѣмъ не менѣе, индивидуальное бытіе живыхъ и разумныхъ существъ представлялось бы намъ какъ непонятная судьба, и содержащееся въ идеяхъ откровеніе о томъ, *что* есть, оставляло бы насъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, *кто* есть. Только въ непосредственномъ, внутреннемъ сознаніи черезъ дѣйствительность нашего собственнаго духа открывается намъ тотъ сверхсущественный духъ, который *то, что можетъ быть* (*идея*), *переводитъ въ то, что есть* (*дѣйствительность*), *посредствомъ того, что должно быть* (τὸ ἀγαθόν)." [396])

Въ заключеніе Соловьевъ упоминаетъ о сочувственномъ отноше-

[396]) *Ibidem*, стр. 184, 185.

ніи П. Д. Юркевича къ спиритизму, поясняя, что „если основныя метафизическія воззрѣнія Юркевича находили себѣ твердую опору въ исторической дѣйствительности религіи и, разумѣется, преимущественно христіанства, то болѣе частныя его воззрѣнія на природу и назначеніе человѣческаго духа, вполнѣ согласныя въ существѣ съ тѣмъ-же христіанскимъ ученіемъ, получали, по его мнѣнію, ближайшее фактическое подтвержденіе въ нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ, возникшихъ въ послѣднее время.“ [397]) П. Д. Юркевичъ былъ убѣжденъ въ достовѣрности спиритическихъ явленій и ожидалъ отъ нихъ многаго въ будущемъ. Своего мнѣнія Соловьевъ въ данномъ случаѣ прямо не высказываетъ, сообщеніе же о взглядахъ П. Д. Юркевича онъ заканчиваетъ такою оговоркою: „Было-ли убѣжденіе Юркевича въ достовѣрности спиритическихъ явленій заблужденіемъ и самообольщеніемъ, весьма, впрочемъ, понятнымъ, или же эти явленія дѣйствительно имѣютъ объективную убѣдительность — покажетъ будущее.“ [398])

Мы не безъ умысла передали содержаніе этой первой статьи Соловьева о П. Д. Юркевичѣ довольно подробно и привели нѣсколько отрывковъ изъ нея буквально. Слѣдуетъ принять въ соображеніе, что это была одна изъ самыхъ ранніхъ научно-литературныхъ работъ Соловьева, занимающая, при хронологическомъ распредѣленіи его сочиненій, мѣсто рядомъ съ его магистерской диссертаціей. Легко замѣтить, далѣе, что, излагая воззрѣнія П. Д. Юркевича, Соловьевъ всего заботливѣе выдвигаетъ тѣ его идеи, которыя успѣли стать цѣнными и для него самого. Очевидно также, что сама личность П. Д. Юркевича близка его сердцу. Въ смыслѣ изложенія статья Соловьева выдающимися достоинствами не отличается; впрочемъ, во многихъ

---

[397]) *Ibidem*, стр. 185.

[398]) *Ibidem*, стр. 186. — „Склонностью Юркевича къ мистицизму, столь милому и Соловьеву,“ говоритъ Э. Л. Радловъ, „объясняется и отношеніе перваго къ спиритизму. Юркевичъ, какъ человѣкъ осторожный, не писалъ о спиритизмѣ, но очень имъ интересовался и многаго ждалъ отъ него; объ этомъ свидѣтельствуетъ А. Аксаковъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: *Медіумизмъ и философія. Воспоминаніе о профессорѣ Московскаго университета Юркевичѣ* (*Русскій Вѣстникъ*, 1876 г.).“ Э. Л. Радловъ (прим. 383). — На сторонняго читателя разсказъ А. Н. Аксакова объ отношеніи П. Д. Юркевича къ спиритизму производитъ впечатлѣніе нѣсколько отрицательное: повидимому, на этотъ разъ П. Д. Юркевичъ свойственной ему проницательности не обнаружилъ. Впрочемъ, припомнимъ, что спиритизмомъ увлекались у насъ тогда даже такіе натуралисты, какъ А. М. Бутлеровъ и Н. П. Вагнеръ. Тѣмъ достойнѣе вниманія предусмотрительная оговорка молодого Соловьева.

случаяхъ онъ былъ связанъ ходомъ мыслей и писательской манерой П. Д. Юркевича.

Память о трудахъ и личности московскаго профессора-философа не покидала Соловьева и въ послѣдующее время. Просматривая съ этой точки зрѣнія сочиненія Соловьева, мы находимъ нижеслѣдующія данныя въ подтвержденіе этого указанія.

Въ 1890 г., въ уже названной нами однажды статьѣ: *О заслугѣ В. В. Лесевича для философскаго образованія въ Россіи*, [399]) Соловьевъ выражается, между прочимъ, такъ:—„Нынѣ немало людей, разсуждающихъ такимъ образомъ: поколику старый катехизисъ содержалъ въ себѣ истинное вѣроученіе, а новый [т. е. „катехизисъ“ Людвига Бюхнера, „катехизисъ“ матеріализма], напротивъ того, состоитъ изъ заблужденій, то и замѣна перваго послѣднимъ была великимъ злодѣяніемъ и бѣдствіемъ, какъ-бы нѣкоимъ грѣхопаденіемъ русской интеллигенціи..... Какъ-же не стыдно забывать, что исповѣданіе стараго катехизиса очень часто облекалось въ формы ни съ чѣмъ не сообразныя и даже безчеловѣчныя, тогда какъ «новая вѣра» при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ связывалась (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ) съ порывами человѣколюбія..... Конечно, не нужно ничего преувеличивать..... въ теоретическомъ отношеніи никакого успѣха не было сдѣлано, все оставалось по-прежнему. Сердца пламенѣли новою вѣрою, но умы не работали, ибо на всѣ вопросы были уже готовые и безусловные отвѣты: c'était à prendre ou à laisser. Пока оставалась въ силѣ эта безусловность матеріалистической догмы, ни о какомъ умственномъ прогрессѣ не могло быть рѣчи..... Явилась нетерпимость, преслѣдованія. Покойный Юркевичъ, мыслитель съ большими достоинствами, былъ подвергнутъ анаѳемѣ и лишенъ добраго имени единственно за свое философское отрицаніе матеріализма. Изъ такого плачевнаго состоянія передовая часть русскаго общества могла

---

[399]) См. выше, прим. 233-е.—Раньше этого мы встрѣчаемъ бѣглое и шуточное упоминаніе о П. Д. Юркевичѣ въ частной перепискѣ Соловьева. Въ концѣ 1883 г. Соловьевъ пишетъ на имя А. Н. Аксакова: „Сегодня напала на меня Варвара Ивановна. Кажется, она рѣшительно хочетъ уморить меня, какъ уморила покойнаго Юркевича. И какая ей въ этомъ польза? Если вы имѣете на нее вліяніе, то, пожалуйста, воспрепятствуйте этому преступному намѣренію.“ *П.*, II, 284. — Варвара Ивановна, о которой упоминается въ этомъ отрывкѣ, есть В. И. Прибыткова, извѣстная ревнительница спиритизма. Какъ она сама, такъ и В. И. Прибытковъ были близкими знакомыми А. Н. Аксакова. Отецъ сего послѣдняго—Николай Тимоѳеевичъ, родной братъ С. Т. Аксакова. Черезъ ихъ сестру Софью Тимоѳеевну Аксакову съ Аксаковыми породнились Бутлеровы. Свѣдѣнія эти доставлены намъ В. А. Бутлеровымъ.

выйти только тогда, когда авторитетъ Бюхнера былъ замѣненъ авторитетомъ Огюста Конта. Сначала это былъ только третій катехизисъ на мѣсто второго, но въ самой сущности этого новѣйшаго катехизиса было нѣчто такое, что совершенно измѣняло положеніе дѣла и открывало возможность дальнѣйшаго правильнаго развитія. Я разумѣю великій принципъ относительности,—отрицанія всякихъ безусловныхъ рѣшеній и безотчетныхъ, самодовлѣющихъ утвержденій, особенно нестерпимыхъ подъ личиной схоластическихъ аргументовъ." [400])

Въ томъ-же 1890 г., въ *Разборѣ книги кн. Сергѣя Трубецкого: „Метафизика въ древней Греціи"*, Соловьевъ опять вспоминаетъ мимоходомъ про П. Д. Юркевича: „Превосходная академическая рѣчь П. Д. Юркевича о Платонѣ и Кантѣ заставляетъ жалѣть, что глубокомысленный и ученый авторъ не оставилъ послѣ себя болѣе важныхъ трудовъ по древней философіи, которой онъ былъ рѣдкимъ знатокомъ." [401])

Въ *Оправданіи добра*, надъ которымъ Соловьевъ трудился въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная съ конца 1894 г., мы встрѣчаемъ въ главѣ XIX-ой, появившейся въ свѣтъ первоначально въ 1896 г., такое подстрочное примѣчаніе: „Покойный профессоръ философіи П. Д. Юркевичъ разсказалъ мнѣ, что одинъ молодой ученый, сынъ евангелическаго пастора въ Москвѣ, присутствуя однажды при вѣнчаніи въ русской церкви, былъ пораженъ тѣмъ, что въ священной пѣснѣ вѣнцы брачные приравниваются къ вѣнцамъ мучениковъ. Этотъ глубокомысленный взглядъ такъ запалъ ему въ душу, что вызвалъ въ ней цѣлый переворотъ, закончившійся тѣмъ, что молодой филологъ бросилъ свѣтскую науку и предназначавшуюся ему университетскую каѳедру и, къ огорченію своихъ близкихъ, пошелъ въ монастырь. Это былъ извѣстный отецъ Климентъ Зедергольмъ, котораго прекрасная характеристика и жизнеописаніе были впослѣдствіи даны покойнымъ К. Н. Леонтьевымъ." [402]) Примѣчаніе это пріурочено къ словамъ текста о нравственномъ значеніи брака: „Бракъ остается удовлетвореніемъ половой потребности, только сама эта потребность относится

---

[400]) *Соч.*, VI, 249, 250. — Само собою разумѣется, „великій принципъ относительности", на который ссылается здѣсь Соловьевъ, не долженъ быть смѣшиваемъ съ тѣмъ принципомъ относительности, который выдвинутъ за послѣдніе годы въ ученіяхъ физиковъ. Ср., между прочимъ, О. Д. Хвольсона, *Принципъ относительности;* С.-Петербургъ, 1914 г., изд. 2;—H. Poincaré, *Dernières pensées*; Paris, 1913.

[401]) *Соч.*, VI, 267.

[402]) *Соч.*, VII, 426.

уже не къ внѣшней природѣ животнаго организма, а къ природѣ очеловѣченной и ждущей обожествленія. Выступаетъ огромная *задача*, разрѣшаемая только постояннымъ *подвигомъ*, который въ борьбѣ съ враждебною дѣйствительностью можетъ побѣдить, лишь пройдя черезъ *мученичество*." [403]) Мы не ошибемся, если скажемъ, что разсказъ П. Д. Юркевича прочно держался въ памяти Соловьева, и что случай съ молодымъ Зедергольмомъ казался ему всегда очень поучительнымъ. [404])

Съ искреннимъ чувствомъ признательности останавливается Соловьевъ на воспоминаніяхъ о П. Д. Юркевичѣ и въ своихъ извѣстныхъ *Трехъ характеристикахъ*. Очеркъ этотъ, воспроизводящій образы трехъ московскихъ профессоровъ-философовъ: М. М. Троицкаго, Н. Я. Грота и П. Д. Юркевича, былъ прочитанъ авторомъ въ особомъ „поминальномъ" засѣданіи Петербургскаго философскаго общества, состоявшемся 2-го декабря 1899 г., а затѣмъ напечатанъ въ самомъ началѣ 1900 г. Намъ пришлось быть на этомъ засѣданіи, и мы хорошо помнимъ, съ какимъ сердечнымъ волненіемъ говорилъ Соловьевъ про свои отношенія къ послѣднимъ двумъ членамъ названной тріады. Слова о Н. Я. Гротѣ онъ долженъ былъ даже прервать, чтобы справиться со слезами, которыя почувствовались въ голосѣ... Въ томъ-же 1900 г., 31-го іюля, скончался и самъ Соловьевъ. При желаніи слегка сгустить краски, можно было бы, пожалуй, утверждать, что мысль о П. Д. Юркевичѣ была дѣйственна въ Соловьевѣ на протяженіи всего его философскаго жизненнаго поприща...

---

[403]) *L. c.*

[404]) Вотъ нѣсколько строкъ про этого монаха, которымъ интересовался не одинъ только Соловьевъ.—„Это былъ рѣдкій инокъ и рѣдкій человѣкъ. Сынъ реформатскаго пастора въ Москвѣ, Константинъ Карловичъ Зедергольмъ окончилъ историко-филологическій факультетъ, въ 1853 г. присоединился къ православію въ Оптиномъ скиту и поступилъ на службу въ Сунодъ. Защитивъ диссертацію на званіе магистра филологіи и побывавъ въ командировкѣ на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ посѣтилъ, между прочимъ, Аѳонъ, онъ поселился въ Оптиной пустыни и принялъ монашество съ именемъ Климента..... Въ лицѣ этого инока К. Н. [Леонтьевъ] встрѣтилъ человѣка, который, будучи облеченъ въ монашескую рясу, въ то-же время былъ глубоко и тонко образованъ по-свѣтски. Онъ понималъ одинаково вопросы, касающіеся какъ богословской области, такъ и свѣтской литературы. Отсюда и понятно сближеніе съ нимъ Леонтьева." *Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Литературный сборникъ*; С.-Петербургъ, 1911 г.; статья А. М. Коноплянцева: *Жизнь К. Н. Леонтьева въ связи съ развитіемъ его міросозерцанія*, стр. 1—142;—стр. 105—106.— М. С. Безобразова разсказываетъ, что и въ разговорахъ съ нею, передъ ея свадьбою, Вл. С. Соловьевъ упоминалъ о „вѣнцахъ мученическихъ", о которыхъ поется при бракосочетаніи. М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 163.

„Индивидуальный характеръ Юркевича“, поясняетъ на этотъ разъ Соловьевъ, „несомнѣнно образовался на общемъ фонѣ малороссійской натуры. Ей соотвѣтствовала его задумчивость, углубленность въ себя, чувствительность болѣе интенсивная, чѣмъ экстенсивная, — также упрямство и скрытность, доходившая до хитрости. Какъ настоящій «хохолъ», Юркевичъ былъ болѣе склоненъ къ молчаливой созерцательности, или къ тихому обмѣну мыслей съ немногими друзьями, нежели къ экспансивнымъ разговорамъ на-людяхъ, или къ какой-нибудь публичной дѣятельности. Трудился онъ, я думаю, только въ силу прямого долга, поборая въ себѣ природную лѣнь. Этимъ достаточно объясняется, что онъ такъ мало написалъ. [405]) — Ко всѣмъ этимъ чертамъ слѣдуетъ присоединить еще одну, также малороссійскую—особый родъ сосредоточеннаго юмора. Я не могу представить лицо Юркевича смѣющимся—не помню его такимъ; но я хорошо помню, какъ онъ смѣшилъ меня, самъ едва улыбаясь. — Мнѣ особенно памятенъ май мѣсяцъ 1873 г., когда онъ въ качествѣ профессора, а я въ качествѣ держащаго кандидатскій экзаменъ оставались въ Москвѣ и проводили вмѣстѣ поздніе вечера, обыкновенно въ сообществѣ другого тогдашняго студента, кн. Д. Н. Цертелева, гуляя по московскимъ бульварамъ и переулкамъ. [406]) Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Юркевичъ съ важнымъ видомъ выражалъ негодованіе на тонкость и непрочность моей трости, убѣждая меня, что «палка, по самой идеѣ своей, отнюдь не должна ограничиваться образомъ бытія о себѣ и для себя, но непремѣнно должна въ полной мѣрѣ обнаруживать и свое *бытіе для другого*».“ [407])

„Призваніе къ философіи Юркевичъ почувствовалъ“, по словамъ Соловьева, „очень рано, еще будучи ученикомъ Полтавской семинаріи. По окончаніи курса въ ней, онъ подвергся большому искушенію, которое окончательно преодолѣлъ. Объ этомъ происшествіи, рѣшительномъ для его судьбы, онъ мнѣ подробно разсказывалъ. Отецъ его, небогатый священникъ въ одномъ изъ городовъ Полтавской гу-

---

[405]) Въ 1874 г. Соловьевъ истолковывалъ малую литературную производительность П. Д. Юркевича, какъ мы знаемъ, нѣсколько иначе. Настоящее объясненіе проще прежняго и, надо думать, ближе къ правдѣ.

[406]) Мы уже упоминали, что кн. Д. Н. Цертелевъ былъ студентомъ юридическаго факультета (см. выше, въ главѣ четвертой). П. Д. Юркевичу, по приглашенію этого факультета, приходилось, однако, читать лекціи и юристамъ (по исторіи философіи права).

[407]) *Соч.*, VIII, 425.

берніи, устроилъ ему къ окончанію семинаріи чрезвычайно выгодную партію—съ единственною дочерью очень богатаго и вліятельнаго соборнаго протоіерея въ ихъ городѣ. Молодой Юркевичъ нравился протопопу своею скромною наружностью, добрыми нравами и отличными успѣхами въ семинарскихъ наукахъ, и дѣло считалось улаженнымъ. Вмѣстѣ съ красивою поповной женихъ долженъ былъ получить хорошее священническое мѣсто, протекцію при жизни тестя и богатое наслѣдство послѣ его смерти. При этомъ могла пострадать только одна философія; но философія Юркевича, связанная съ мистикой, сумѣла постоять за себя. Однажды лѣтнимъ утромъ, въ то время, какъ въ родительскомъ домѣ уже дѣлались приготовленія къ свадьбѣ, Юркевичъ лежалъ въ саду подъ черешней, предаваясь «недѣланію» и размышляя о своей судьбѣ. Вдругъ его поразилъ пріятный голосъ въ сосѣднемъ огородѣ. Пришлая поденщица изъ средней Россіи полола грядки и напѣвала пѣсню:—

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня. [408])

Эти слова, какъ-бы отвѣчавшія на внутреннія сомнѣнія Юркевича, произвели на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ сейчасъ-же пошелъ и объявилъ родителямъ, что рѣшилъ не жениться, священства не принимать, а отправиться въ Кіевскую академію, чтобы идти затѣмъ по ученой части. Никакіе уговоры не помогли. Хохлацкое раздумье и нерѣшительность смѣнились въ юномъ философѣ хохлацкимъ же упрямствомъ, и онъ настоялъ на своемъ. Правда, онъ могъ послушаться лишь первой отрицательной половины своего оракула—отказаться отъ выгодной женитьбы,—купить же коня ему было нѣ на что, и онъ отправился пѣшкомъ въ Кіевъ, гдѣ послѣ четырехъ лѣтъ довольно бѣдственной студенческой жизни сталъ профессоромъ философіи въ той-же академіи.“ [409]) Научно-философскіе труды, опубликованные П. Д. Юркевичемъ въ бытность его академическимъ преподавателемъ, обратили на себя вниманіе М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, „которые въ то время имѣли большое вліяніе въ Москов-

---

[408]) Это отрывокъ изъ *Черкесской пѣсни* Лермонтова, включенной въ составъ его *Измаилъ-бея*. *Сочиненія* Лермонтова; С.-Петербургъ, 1882 г., изд. 5, т. I, стр. 2—75;—стр. 32, 33.

[409]) *Соч.*, VIII, 425, 426.

скомъ университетѣ“, [410]) а потому и не удивительно, что П. Д. Юркевичъ не засидѣлся въ Кіевѣ и въ началѣ 60-ыхъ годовъ былъ переведенъ на службу въ Москву. [411])

Общій взглядъ Соловьева на П. Д. Юркевича за четверть-вѣковой промежутокъ времени, отдѣляющій позднѣйшія *Три характеристики* отъ болѣе ранней статьи: *О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича*, въ существенномъ не измѣнился. По мнѣнію Соловьева, „Юркевичъ былъ глубокій мыслитель, превосходный знатокъ исторіи философіи, особенно древней, и весьма дѣльный профессоръ, читавшій чрезвычайно интересныя для понимающихъ и содержательныя лекціи. Но по нѣкоторымъ постороннимъ причинамъ онъ не пользовался популярностью, и студенты не извлекали изъ его чтеній той пользы, какую могли бы получить. Плодовитымъ писателемъ онъ не былъ, никакихъ обширныхъ изслѣдованій и ничего похожаго на философскую систему не оставилъ. Впрочемъ, онъ былъ сознательнымъ врагомъ поспѣшныхъ обобщеній и безпочвенныхъ построеній..... Онъ любилъ по этому поводу повторять остроумное замѣчаніе московскаго митрополита Филарета:—«Ко всякой новѣйшей системѣ философіи можно примѣнить слова апостола Петра объ Ананіи и Сапфирѣ: *се ноги погребшихъ мужа твоего при дверехъ—и изнесутъ тя.*» По мысли Юркевича, мы должны не выводить все существующее изъ одного нами предположеннаго принципа, а постепенно и добросовѣстно возводить все существующее къ его истиннымъ началамъ и внутреннему смыслу, и въ этомъ согласномъ смыслѣ всего даннаго усматривать, насколько возможно, абсолютную истину. Такимъ образомъ, точкою зрѣнія Юркевича былъ широкій, отъ всякихъ произвольныхъ или предвзятыхъ ограниченій свободный *эмпиризмъ*, включающій въ себя и все истинно-раціональное, и все истинно-сверхраціональное, такъ-какъ и то, и другое, прежде всего, существуютъ эмпирически въ универсальномъ опытѣ человѣчества съ неменьшими правами на признаніе, чѣмъ все видимое и осязательное. — При этомъ Юрке-

---

[410]) *Ibidem*, стр. 427.

[411]) Соловьевъ называетъ здѣсь 1863 г. Въ статьѣ 1874 г. указывается 1861 г. (см. выше, прим. 380); этотъ-же годъ отмѣчается и въ словарной замѣткѣ Э. Л. Радлова (см. выше, прим. 383). Ближайшими предшественниками П. Д. Юркевича по преподаванію философіи въ Московскомъ университетѣ были профессора богословія П. М. Терновскій и Н. А. Сергіевскій (ср. выше, прим. 379). — О нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ въ „рѣчи о трехъ философахъ“ упоминаетъ самъ Соловьевъ въ письмѣ на имя С. Н. Сыромятникова. *П.*, II, 220.

вичъ и самъ особенно остерегался, и другихъ старался предостеречь отъ пагубнаго, какъ онъ думалъ, смѣшенія двухъ понятій: *знаніе объ абсолютномъ* и *абсолютное знаніе*.— Объ абсолютномъ мы въ качествѣ разумныхъ существъ, конечно, нѣчто знаемъ, и наша задача—улучшать и увеличивать это знаніе, которое, тѣмъ самымъ, опредѣляется не какъ абсолютное, а какъ относительное, не какъ совершенное, а какъ совершенствующееся. Абсолютное же знаніе возможно только при полномъ, не отвлеченно-умственномъ только, а всецѣломъ единеніи познающаго съ познаваемымъ, что̀ при данныхъ условіяхъ для насъ, вообще говоря, не доступно.—Къ познанію же *объ* абсолютномъ, т. е. о Божествѣ и о божественномъ, ведутъ три пути: сердечное религіозное чувство, при чистотѣ нравственнаго сознанія сообщающее ту «премудрость», которая «не внидетъ въ душу злохудожну»; затѣмъ, добросовѣстное философское размышленіе о фактахъ всякаго опыта, и, наконецъ, — мистическое созерцаніе, въ которомъ человѣческій умъ въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ соприкасается съ самимъ существомъ истины. Каждый изъ этихъ путей имѣетъ свои преимущества, согласіе же ихъ окончательныхъ выводовъ даетъ высшую и самую достовѣрную истину, какая только доступна человѣку.—Къ новѣйшей умозрительной философіи, которая частію смѣшиваетъ, а частію и намѣренно отождествляетъ эти два различаемыя Юркевичемъ понятія, онъ относился съ безпощаднымъ осужденіемъ, доходившимъ до явной несправедливости. Я помню, что въ томъ-же маѣ 1873 г. онъ цѣлый вечеръ объяснялъ мнѣ, что здравая философія была только до Канта, и что послѣдними изъ настоящихъ великихъ философовъ слѣдуетъ считать Якова Бёма, Лейбница и Сведенборга. Отъ Канта же философія начинаетъ сходить съ ума, и это сумасшествіе принимаетъ у Гегеля неизлечимую форму *маніи величія*.—Нѣкоторое возвращеніе къ здравому смыслу видѣлъ онъ у Шопенгауэра—не въ его метафизической системѣ, которая была лишь сборомъ противорѣчій, — а въ отдѣльныхъ, преимущественно этическихъ, указаніяхъ на значеніе симпатіи и особенно аскетизма, которому Юркевичъ всегда давалъ очень высокую цѣну; самъ онъ, впрочемъ, сдѣлавшись профессоромъ въ Кіевѣ, все-таки женился, оправдываясь тѣмъ, что честный бракъ есть самая трудная форма аскетизма и даже мученичества. «Вы, конечно,—говорилъ онъ,— по молодости думаете, что главное дѣло здѣсь въ любовномъ пафосѣ; но я вамъ скажу, что это просто чепуха—розовый листокъ, брошенный на... чувственность; а настоящее дѣло только въ одномъ по-

стоянномъ подвигѣ взаимнаго самоотверженія, и особенно важно то, что истинный героизмъ сведенъ здѣсь къ самому простѣйшему элементарному выраженію и достигается обыкновеннѣйшимъ повседневнымъ способомъ дѣйствія; такъ-что достаточно быть просто честнымъ человѣкомъ, или просто не быть подлецомъ, чтобы уже тѣмъ самымъ взойти на вершину христіанскаго подвижничества и мученичества. Вотъ почему и церковь при всякомъ вѣнчаніи поетъ о вѣнцахъ мученическихъ.»“ [412])

Подводя общій итогъ характеристикамъ М. М. Троицкаго, Н. Я. Грота и П. Д. Юркевича, Соловьевъ заканчиваетъ свою статью такими словами: „Я хотѣлъ, отвлекаясь, по возможности, отъ личныхъ симпатій и антипатій, отдать каждому должное, и теперь мнѣ остается сказать въ заключеніе, что будущность философскаго образованія въ Россіи зависитъ, по моему убѣжденію, отъ того, насколько дѣятели этого образованія воспользуются тѣми положительными задатками здраваго философствованія, которые уже проявились у Троицкаго, Грота и Юркевича,—въ какой мѣрѣ преемникамъ ихъ философскаго служенія удастся сочетать въ своихъ трудахъ крѣпость основныхъ сомнѣній и отрицаній съ энергіей философскаго исканія истины и съ созерцательною высотою окончательныхъ задачъ и цѣлей.“ [413])

---

[412]) *Соч.*, VIII, 427—429.—С. М. Лукьяновъ (прим. 17), стр. 116.

[413]) *Ibidem*, стр. 429, 430. — Въ *Шуточной хроникѣ Московскаго университета*, въ которой описывается, между прочимъ, обѣдъ въ честь ректора С. И. Баршева, въ октябрѣ 1863 г. *(Ода преподобной матери-игуменьи, настоятельницы нѣкоей мужской обители)*, карикатурный образъ П. Д. Юркевича оказывается все-же болѣе симпатичнымъ, чѣмъ образы другихъ участниковъ пира. Про тостъ П. Д. Юркевича ода выражается такъ:—

Онъ пьетъ за наше единенье,
Внѣ всякихъ партій и преградъ,
Союзъ во имя просвѣщенья
И полученія наградъ...
. . . . . .
Онъ говоритъ: „Я къ вамъ въ обитель
Судьбой недавно занесенъ,
И на нее смотрю, какъ зритель,
Совѣтомъ вашимъ я прельщенъ.
Хотя и ссоритесь вы дома,
Хоть и деретесь вы слегка,
Но вамъ пословица знакома:
Рукою моется рука.“

Русскій Архивъ, 1912 г., № 1, стр. 125—128; № 2, стр. 279—289;—стр. 284.—

Упоминаніе Соловьева о семейной жизни П. Д. Юркевича заставляетъ и насъ остановиться на этомъ пунктѣ. Повидимому, супруги прожили свою жизнь въ добромъ мирѣ и любовномъ согласіи. Свѣдѣнія наши объ этой семьѣ, однако, очень скудны. Извѣстно, между прочимъ, что жена П. Д. Юркевича, рожденная Мандровская, была дочерью протоіерея Кіевскаго военнаго собора, и что у Юркевичей была дочь, про которую остряки говорили, что она—„лучшее произведеніе Памфила Даниловича". Сохранилось преданіе, что за нею „ухаживали" въ студенческіе годы и Соловьевъ, и кн. Д. Н. Цертелевъ. Что̀ съ нею сталось впослѣдствіи, мы не знаемъ; какъ кажется, она довольно рано вышла замужъ и умерла въ молодыхъ годахъ. Братъ П. Д. Юркевича, А. Д. Юркевичъ, былъ учителемъ греческаго языка во 2-ой Кіевской гимназіи. Другіе два брата остались въ духовномъ сословіи: одинъ—ученый монахъ, другой—священникъ. [414])

Второе мѣсто въ ряду московскихъ профессоровъ, идейно родственныхъ Соловьеву, слѣдуетъ предоставить о. А. М. Иванцову-Платонову. И это имя Соловьевъ произносилъ всегда съ искреннимъ почтеніемъ и признательностью.

Митрополитъ Платонъ, бывшій директоромъ и протекторомъ славяно-греко-латинской академіи, преобразованной въ 1814 г. въ Московскую духовную академію, образовалъ въ 1789 г. особый фондъ, за счетъ процентовъ съ котораго должны были содержаться въ академіи пять студентовъ изъ числа бѣдныхъ, но талантливыхъ юношей. Студенты эти, въ честь и память учредителя фонда, именовались „платониками", „Платоновыми". Въ 1860 г. институтъ платониковъ исчезаетъ—изъ-за недостаточности процентныхъ денегъ. Въ настоящее время разумѣемый здѣсь капиталъ приноситъ всего 91 р. 36 к., которые и причисляются къ такъ назыв. академическимъ стипендіямъ.

Въ студенческихъ кружкахъ, по словамъ Н. И. Карѣева, ходило про П. Д. Юркевича такое шуточное четверостишіе, нѣчто въ родѣ пародіи на его лекціи:—

Потому, когда разсудокъ
На волнахъ души играетъ,
Человѣкъ тупоголовый
Безконечно глупъ бываетъ.

414) *Письма преосвященнаго Филарета (Филаретова), епископа Рижскаго и Митавскаго, къ каѳедральному протоіерею Кіево-Софійскаго собора П. Г. Лебединцеву (1872 — 1882 гг.)*; *Труды Императорской Кіевской духовной академіи*, 1915 г., іюль—августъ, стр. 486—510;—стр. 508.—Прот. Кл. Ѳоменко, *Мои воспоминанія о Памфилѣ Даниловичѣ Юркевичѣ; Труды Кіевской духовной академіи*, 1911 г., декабрь, стр. 680—688.

Весьма многіе изъ платониковъ съ избыткомъ возмѣстили затраченныя на нихъ скромныя средства, и едва-ли это не самые лучшіе и достойные изъ нашихъ многочисленныхъ стипендіатовъ. [415])

Объ о. А. М. Иванцовѣ-Платоновѣ обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ С. Кедровъ. — „Александръ Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ—2-ой магистръ XXII-го курса 1860 г. и послѣдній платоникъ, но вмѣстѣ съ этимъ и настоящій, въ личной жизни и дѣятельности котораго какъ нельзя болѣе воплотились идеалы митрополита Платона о честномъ служеніи наукѣ и о христіанской гуманности. Родился въ 1835 г. въ Курской губерніи, въ семьѣ священника; учился въ Курской семинаріи и съ 1856 г. въ академіи. Въ школѣ отличался живымъ отношеніемъ къ наукѣ и литературѣ, устраивая товарищескія бесѣды, читая рефераты и т. под. Не прошелъ безслѣдно для него и тотъ подъемъ общественности, которымъ характеризуется «эпоха великихъ реформъ»..... Не чуждый критическаго отношенія къ современной дѣйствительности, онъ смотрѣлъ, однако, какъ искренне религіозный человѣкъ на реформаціонное движеніе съ точки зрѣнія евангельскаго ученія о христіанской правдѣ и любви; въ реформахъ Александра II-го видѣлъ отраженіе «путей Промысла Божія», а въ царѣ—истиннаго помазанника Божія, создавшаго «благопріятное лѣто Господне», какіе взгляды и развивалъ позднѣе въ своей церковно-публицистической и научной работѣ.“ Очень рано, еще въ бытность студентомъ академіи, онъ завязываетъ отношенія „съ славянофилами, съ которыми его сближала «вѣра въ силы и значеніе православія и общее стремленіе къ синтезу религіи и науки на его началахъ» и ихъ любовь къ народу..... Но сочувствуя славянофиламъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, Иванцовъ-Платоновъ въ то-же время критически относился къ нимъ въ другихъ; онъ не раздѣлялъ ихъ слѣпого поклоненія національнымъ особенностямъ. «Наша любовь къ народу,—говорилъ онъ,—должна быть чужда фальшиваго самообольщенія; мы не должны слишкомъ мечтать о своихъ національныхъ достоинствахъ, намѣренно преувеличивать ихъ, украшать свой народъ небывалыми совершенствами и пристрастно возвеличивать его на счетъ всѣхъ другихъ народовъ.» Онъ не раздѣлялъ и отрицательнаго взгляда славянофиловъ на западно-европейскую культуру..... По окончаніи академическаго курса Иванцовъ-Платоновъ поступилъ баккалавромъ по

---

[415]) *У Троицы* и т. д. (прим. 157); статья С. Кедрова: *Студенты-платоники въ Академіи*, стр. 202—232;—стр. 202—213.

каѳедрѣ новой церковной исторіи въ Петербургскую академію..... и въ качествѣ профессора отличался замѣчательно широкимъ и яснымъ взглядомъ на достоинство науки; служеніе ей онъ называлъ «служеніемъ живому Богу». Ученый, по мнѣнію Иванцова-Платонова, «нравственно обязанъ искать въ наукѣ только истины и не искажать ее ни для какихъ тенденцій. Христіанство не есть религія лжи, но религія высшей божественной истины. У христіанства и науки одна цѣль — истина. Поэтому ничто, служащее къ открытію и уясненію научной истины, не отвергается истиннымъ христіанствомъ, и ничто, въ существѣ дѣла противное научной истинѣ, не принимается и не оправдывается имъ. Всякіе пріемы и тенденціи, противные наукѣ, въ такой-же степени противны и истинному христіанству.» Профессоромъ въ Петербургской академіи Иванцовъ-Платоновъ оставался до 1863 г. Въ этомъ году онъ переселился въ Москву, принялъ священство и назначенъ былъ законоучителемъ Александровскаго военнаго училища и настоятелемъ находящейся при немъ церкви. Дѣятельность законоучителя онъ потомъ расширилъ, принявъ на себя преподаваніе закона Божія въ классической гимназіи Л. И. Поливанова. Педагогическую дѣятельность онъ ставилъ не ниже, если не выше, научной..... Еще до перехода въ Москву, Иванцовъ-Платоновъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Православнаго Обозрѣнія*, а съ 1869 г., за выходомъ изъ состава редакціи проф. Н. А. Сергіевскаго, сдѣлался сочленомъ-редакторомъ вмѣстѣ съ прот. Г. П. Смирновымъ-Платоновымъ. А. М. смотрѣлъ на журналъ какъ на органъ «сближенія церковной и свѣтской мысли, оживленія церковной науки, распространенія въ обществѣ богословскихъ и церковно-историческихъ знаній, выясненія нормальнаго отношенія церкви къ современному обществу.» «Если мы не хотимъ,—писалъ онъ,—чтобы истины религіозныя оставались у насъ въ однѣхъ догматикахъ, а переходили въ жизнь, то намъ необходимо обращать вниманіе и на ихъ отношеніе къ народному представленію.» Защищая права церкви вмѣшиваться въ устройство государственной и общественной жизни, онъ въ то-же время не скрывалъ и своего сочувствія къ критическому направленію свѣтской литературы, хотя и порицалъ ея крайности. «Ни трусъ, ни ренегатъ, ни измѣнникъ православія тотъ человѣкъ, который протягиваетъ руку современной цивилизаціи», говорилъ А. М. противъ редактора *Домашней Бесѣды* Аскоченскаго, обвинявшаго арх. Ѳеодора за его сочувствіе къ современности, — а истинный христіанинъ, потому-что и въ современной культурѣ, въ ея заботахъ о бѣдномъ,

угнетенномъ, страждущемъ человѣчествѣ, А. М. видѣлъ духъ Христовъ, а не антихристовъ..... Въ 1872 г. Иванцовъ-Платоновъ, по предложенію проф. Н. А. Попова и по иниціативѣ С. М. Соловьева, міросозерцаніе котораго, къ слову сказать, сходно было со взглядами Иванцова, предложенъ былъ на каѳедру церковной исторіи въ университетѣ и огромнымъ большинствомъ былъ избранъ на должность экстраординарнаго профессора по этому предмету. Съ этого времени и до конца своей жизни онъ неустанно и горячо служилъ наукѣ, открыто заявляя, что православіе не препятствуетъ свободѣ изслѣдованія и запрещаетъ «тенденціозное отрицаніе свѣтлыхъ сторонъ въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ». Такое направленіе онъ называлъ «затхлымъ и безжизненнымъ», а православіе, по его пониманію, должно быть «началомъ жизни, а не смерти, живого органическаго развитія, а не застоя и оцѣпенѣнія»..... Его докторская диссертація: *Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства*, въ которой онъ, по словамъ знаменитаго профессора Берлинскаго университета, отличнаго знатока церковно-исторической науки, А. Гарнака, «обнаружилъ трезвый взглядъ, любовь къ истинѣ, необычайныя знанія и критическую осторожность», является лучшимъ доказательствомъ его высокаго служенія наукѣ и пониманія ея абсолютной цѣнности въ мірѣ человѣческихъ знаній и отношеній. Какъ профессоръ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ университетскихъ преподавателей, сумѣвшимъ приковать вниманіе молодежи къ предмету, не пользовавшемуся до того времени особымъ расположеніемъ учащихся..... За послѣднее десятилѣтіе своей жизни Иванцовъ-Платоновъ особенно интересовался вопросами частной и общественной благотворительности.“ [416]) И въ этой области онъ сумѣлъ оставить послѣ себя замѣтный слѣдъ. Скончался о. А. М. Иванцовъ-Платоновъ, не достигнувъ 60-лѣтняго возраста, въ концѣ 1894 г.

Въ некрологѣ этого „достойнѣйшаго и всѣми почитаемаго“ [417]) человѣка, написанномъ Соловьевымъ, мы читаемъ: „Трудно опредѣлить въ немногихъ словахъ значеніе скончавшагося 12-го ноября [1894 г.] профессора протоіерея Александра Михайловича Иванцова-Платонова. Онъ обладалъ натурою разнообразно-одаренною и былъ замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Чтобы начать съ главнаго,—это былъ человѣкъ необыкновенно впечатлительный къ нравственнымъ мотивамъ, съ

[416]) *Ibidem*, стр. 227—231.

[417]) Такъ аттестовалъ о. А. М. Иванцова-Платонова въ собесѣдованіяхъ съ нами А. Н. Шварцъ.

большимъ чувствомъ собственнаго достоинства соединявшій рѣдкую внимательность къ чужимъ потребностямъ и нуждамъ. Затѣмъ онъ отличался такою живою сердечною религіозностью, какая далеко не всегда встрѣчается у людей его положенія—ученыхъ представителей столичнаго духовенства. Къ евангельской исторіи у него было внутреннее личное отношеніе. Въ московскомъ обществѣ онъ пріобрѣлъ особую извѣстность тою жизненною простотою и выразительностью, съ какою онъ читалъ «двѣнадцать евангелій» въ великій четвергъ. [418]) Искренняя вѣра при извѣстной степени духовнаго развитія исключаетъ фанатизмъ, который есть или признакъ духовной незрѣлости, или же—«проказа лицемѣрія». Кто, какъ покойный о. Иванцовъ, внутренно вѣритъ въ христіанское ученіе, для того оно уже не можетъ превратиться въ какія-нибудь внѣшнія требованія, которыя можно навязывать и поддерживать насильно, дѣлая изъ религіи любви предлогъ или оправданіе всякой злобы. Личная мягкость характера и добродушіе въ соединеніи съ твердостью убѣжденій и глубокою религіозностью естественно производили у покойнаго А. М. Иванцова ту истинную терпимость, которая позволяетъ, не поступаясь ничуть безусловною правотой своей вѣры, признавать относительныя права чужого мнѣнія. Примыкая отчасти къ славянофильскому кружку, А. М. Иванцовъ сохранялъ самостоятельность религіозной мысли. Изъ оригинальныхъ его идей общаго характера приведу двѣ, которыя заслуживаютъ особаго вниманія. Основную ошибку славянофиловъ онъ видѣлъ въ томъ, что они высокое призваніе Россіи считали какъ-бы какою-то неотъемлемою роковою привилегіею нашего народа, что, по справедливому мнѣнію А. М., было несогласно ни съ хри-

[418]) Скажемъ здѣсь кстати, что въ семьѣ Соловьевыхъ, когда болѣзни препятствовали посѣщенію церкви, было обыкновеніе читать въ великій четвергъ вечеромъ двѣнадцать евангелій на дому.—Съ однимъ изъ великихъ четвергов въ жизни Вл. С. Соловьева совпалъ особый случай. Въ апрѣлѣ 1894 г. Соловьевъ писалъ М. М. Стасюлевичу: „Въ четвергъ на страстной недѣлѣ, въ восьмомъ часу вечера за обѣдомъ у васъ, я ощутилъ безъ видимой причины смертельную тоску, о чемъ сообщилъ вамъ обоимъ и выразилъ свою увѣренность, что въ это время случилось какое-нибудь несчастіе съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ близкихъ. Представьте себѣ, что дѣйствительно въ это самое время, въ восьмомъ часу вечера въ великій четвергъ, одинъ мой другъ дѣтства, Лопатинъ (братъ московскаго профессора-философа) подвергся паралитическому припадку, послѣ котораго доктора объявили, что у него прогрессивный параличъ мозга.“ Не было-ли вызвано тяжелое чувство у Соловьева полусознательною мыслью о томъ, что обѣду у Стасюлевичей было отдано предпочтеніе передъ „церковнымъ стояніемъ“?... *М. М. Стасюлевичъ и его современники* и т. д. (прим. 132), стр. 379.

стіанствомъ, ни съ нравственнымъ принципомъ вообще. Другая идея, которую покойный неоднократно развивалъ въ разговорахъ съ друзьями, состояла въ томъ, что несомнѣнно присущій церкви аттрибутъ *святости*..... не есть то-же, что̀ *непогрѣшимость*: какъ отдѣльные святые люди, такъ и церковь, состоящая изъ людей, можетъ погрѣшать, разумѣется, «грѣхами не къ смерти», не теряя отъ этого своей святости..... Покойный былъ настоящимъ ученымъ..... Дѣятельность профессора церковной исторіи въ Московскомъ университетѣ (1872 г.), законоучителя и настоятеля церкви въ Александровскомъ военномъ училищѣ и разныя другія практическія обязанности не позволяли покойному посвятить все свое время ученымъ трудамъ и сдѣлать для церковно-исторической науки все то, чего можно было ожидать отъ его живого таланта, самостоятельнаго ума и обширной учености. Упрекать его, впрочемъ, за это не приходится..... Достойная оцѣнка человѣка опредѣляется окончательно не тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, а тѣмъ, какой былъ преобладающій характеръ его воли. Чистая воля добра была, несомнѣнно, преобладающимъ побужденіемъ въ жизни и дѣятельности А. М. Иванцова... Все проходитъ, одна любовь остается. Вѣчная память почившему служителю Любви!“ [419])

Съ именемъ А. М. Иванцова-Платонова мы встрѣчаемся, помимо некролога, и въ нѣкоторыхъ другихъ писаніяхъ Соловьева. Укажемъ на *Отвѣтъ Н. Я. Данилевскому*, [420]) *Введеніе къ русскому переводу изданія* Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων (*Ученіе XII апостоловъ*) [421]) и полемическую замѣтку, приложенную къ *Исторіи и будущности теократіи*, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько объяснительныхъ словъ по поводу „Великаго спора“, въ отвѣтъ на примѣчанія о. прот. А. М. Иванцова-Платонова.* [422]) Отношеніе къ А. М. Иванцову-Платонову и здѣсь въ высокой степени уважительное и благожелательное. Соловьевъ называетъ его своимъ „достоуважаемымъ учителемъ“, „выдающимся представителемъ нашей учащей церкви“, „достоуважаемымъ протоіереемъ“. [423]) Не подлежитъ сомнѣнію, что въ глазахъ Соловьева А. М. Иванцовъ-Платоновъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ „истинныхъ представителей православно-церковной мысли“. [424])

---

[419]) *Соч.*, VIII, 436—438.

[420]) *Соч.*, IV, 168.

[421]) *Ibidem*, стр. 196.

[422]) *Ibidem*, стр. 583.

[423]) *Ibidem*, стр. 583, 588.

[424]) *Ibidem*, стр. 588.—П. С. Соловьева разсказывала намъ, что о. А. М. Иван-

Близкій другъ и единомышленникъ Соловьева, кн. С. Н. Трубецкой, точно также почтилъ память А. М. Иванцова-Платонова особою статьею. Вотъ нѣсколько весьма выразительныхъ строкъ изъ этой статьи, могущихъ служить хорошимъ дополненіемъ къ словамъ Соловьева: „Среди образованнаго русскаго общества, въ которомъ протекла его [т. е. А. М. Иванцова-Платонова] дѣятельность, онъ оставался прежде всего священникомъ, пастыремъ церкви. Онъ ничѣмъ не поступился въ своей чистой, сердечной вѣрѣ, въ своемъ просвѣщенномъ, сознательномъ православіи, въ своей любви къ храму Божію, къ самой службѣ церковной. И въ то-же время онъ искренно усвоилъ лучшіе интересы образованнаго русскаго общества въ его стремленіи къ реформѣ недостатковъ нашего строя, къ широкому развитію просвѣщенія, къ свободному развитію мысли въ сферѣ религіозной, общественной, научной. Привѣтствуя возрожденіе русскаго общества въ ту эпоху реформъ, когда онъ вступилъ на поприще своей дѣятельности, Иванцовъ-Платоновъ вѣрно понялъ свою задачу, какъ служителя церкви,—показать на дѣлѣ, что вѣчные завѣты Христа не узаконяютъ никакой неправды, никакого коснѣнія, требуя дѣятельнаго осуществленія истины и добра не только въ частной, но и въ общественной жизни. Онъ видѣлъ въ церкви полноту истины, высшую задачу человѣчества и вмѣстѣ высшее его просвѣтительное начало, которое по существу своему не можетъ быть силой враждебной наукѣ, просвѣщенію, общественному развитію. И потому, въ своемъ честномъ добросовѣстномъ служеніи наукѣ и русскому просвѣщенію, онъ исполнялъ свой пастырскій долгъ «служенія живому Богу».“ [425])

О другихъ профессорахъ историко-филологическаго факультета едва-ли нужно здѣсь распространяться. Къ однимъ изъ нихъ Соловьевъ стоялъ, разумѣется, ближе, чѣмъ къ другимъ, уже въ силу тѣхъ или другихъ личныхъ или семейныхъ обстоятельствъ; но особенной идейной близости у него, кажется, ни съ кѣмъ изъ нихъ не было—по крайней мѣрѣ, въ студенческіе годы. [426])

ковъ-Платоновъ, котораго искренно уважалъ и С. М. Соловьевъ, устраивалъ иногда богословскія чтенія у себя на дому. Лекціи эти посѣщались дѣвицами и дамами изъ круга образованнаго общества и пользовались большимъ успѣхомъ. Члены семьи С. М. Соловьева тоже бывали на этихъ лекціяхъ.

[425]) Кн. С. Н. Трубецкой (прим. 188), т. I, статья: *Научная дѣятельность А. М. Иванцова-Платонова*, стр. 229—251;—стр. 230.

[426]) Въ виду интереса Соловьева къ вопросамъ эстетики слѣдуетъ упомянуть еще

Что касается физико-математическаго факультета, то мы подчеркнемъ лишь два имени—В. Я. Цингера и Н. В. Бугаева, да и то главнымъ образомъ потому, что оба эти профессора, занимавшіе математическія каѳедры, обнаруживали немалое философское дарованіе. Впрочемъ, къ В. Я. Цингеру у Соловьева было и нѣкоторое личное отношеніе: „сколько мнѣ помнится," писалъ намъ Н. И. Карѣевъ, „уже на первомъ курсѣ у Соловьева была какая-то непріятность съ экзаменомъ по аналитической геометріи, изъ которой проф. Цингеръ нещадно «рѣзалъ»." Сообщеніе это хорошо вяжется съ прочими извѣстіями о математическихъ злоключеніяхъ Соловьева, а потому оно и заслуживаетъ быть отмѣченнымъ особо.

В. Я. Цингеръ родился въ 1836 г. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, онъ былъ оставленъ въ 1857 г. при томъ-же университетѣ для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Черезъ 5 лѣтъ, въ 1862 г., онъ защитилъ магистерскую диссертацію и тогда-же сталъ читать въ университетѣ лекціи, преимущественно по геометріи. Профессорская служба его продолжалась до 1899 г., когда онъ вышелъ въ отставку. Кромѣ математики, В. Я. Цингеръ занимался также ботаникой. Скончался онъ 16-го февраля 1907 г. [427])

Въ рѣчи, посвященной памяти В. Я. Цингера и прочитанной въ торжественномъ засѣданіи математическаго общества въ Москвѣ 4-го апрѣля 1908 г., Л. М. Лопатинъ выражается такъ: „В. Я. Цингеръ не только былъ замѣчательнымъ математикомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является однимъ изъ очень талантливыхъ и оригинальныхъ русскихъ философовъ." Первая изъ философскихъ работъ В. Я. Цингера, уже извѣстная намъ статья: *Точныя науки и позитивизмъ*, [428]) была, по словамъ Л. М. Лопатина, „крупнымъ общественнымъ событіемъ": „..... въ самый разгаръ ..... общей вѣры въ позитивную философію В. Я. Цингеръ выступилъ съ рѣшительной критикой самыхъ ея основъ.

разъ про К. К. Герца, читавшаго лекціи по теоріи и исторіи искусствъ (см. выше, главу пятую). Мы не имѣемъ, однако, подъ руками свѣдѣній объ отношеніяхъ Владиміра Соловьева къ этому лицу; извѣстно только, что К. К. Герцъ былъ дружески знакомъ съ С. М. Соловьевымъ и навѣщалъ его. О дѣятельности К. К. Герца см. біографическій очеркъ, составленный А. Малеинымъ: *Карлъ Карловичъ Герцъ (1820—1883)*; С.-Петербургъ, 1912 г. На сочиненіе это было намъ указано В. В. Латышевымъ.

[427]) *Большая Энциклопедія*, подъ ред. С. Н. Южакова; С.-Петербургъ, т. XIX, стр. 735. См. также очеркъ: *Василій Яковлевичъ Цингеръ*, составленный К. Андреевымъ и напечатанный въ *Отчетѣ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго университета за 1907 годъ*; Москва, 1908 г., ч. 1, стр. 379—417.

[428]) См. выше, прим. 344-ое.

Чтобы сдѣлать такой шагъ, надо было имѣть немало нравственнаго мужества: открыто разрывая съ общепринятыми оцѣнками, В. Я. Цингеръ долженъ былъ себя чувствовать одинокимъ. Антипозитивистическое движеніе въ Россіи только зарождалось: Вл. С. Соловьевъ только начиналъ печатать свой *Кризисъ западной философіи*; Б. Н. Чичеринъ еще всецѣло былъ погруженъ въ свою *Исторію политическихъ ученій*. У В. Я. Цингера не было союзниковъ, на которыхъ онъ могъ бы опереться..... Я живо помню, какой потрясающій эффектъ произвела эта первая философская статья В. Я. Цингера на нѣкоторыхъ ея читателей, какъ много о ней спорили и какъ горячо обвиняли ея автора за рѣзкость его мнѣній. Что-же вдохновило В. Я. Цингера на отважную борьбу съ столь признанными авторитетами? Несомнѣнно, его побуждали къ ней глубочайшія основы всего его міросозерцанія. Наперекоръ широкому господству односторонняго эмпиризма и матеріализма въ его время, онъ за всю свою долгую жизнь оставался убѣжденнымъ защитникомъ духовной сущности сознанія.“ [429]) Въ подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе этого замѣчанія Л. М. Лопатинъ ссылается на работу В. Я. Цингера, относящуюся къ 1894 г. и озаглавленную: *Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи*. „В. Я. Цингеръ“, говоритъ Л. М. Лопатинъ, „въ противоположность субъективному идеализму Канта, является сторонникомъ объективнаго идеализма въ духѣ Шеллинга и Гегеля..... наша способность умозрительнаго знанія пространственныхъ отношеній служитъ для него величайшимъ свидѣтельствомъ не односторонне чувственной, а, наоборотъ, высшей духовной природы человѣка. Только потому, что въ насъ живетъ частица всемірнаго разума, намъ насквозь проницаемо ближайшее осуществленіе разума въ мірѣ.“ [430])

Н. В. Бугаевъ—почти ровесникъ В. Я. Цингера; родился онъ въ 1837 г. въ Душетѣ Тифлисской губерніи, скончался въ Москвѣ 29-го мая 1903 г. [431]) И его память Л. М. Лопатинъ почтилъ особою рѣчью, произнесенною въ торжественномъ засѣданіи Московскаго математическаго общества 16-го марта 1904 г. Особенно дорожа сужденіями

---

[429]) Л. М. Лопатинъ (прим. 344), стр. 377—379.

[430]) *Ibidem*, стр. 383.—Статья: *Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи*, подобно статьѣ: *Точныя науки и позитивизмъ*, есть, въ сущности, рѣчь (прочитана на IX-омъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Москвѣ 11-го января 1894 г.).

[431]) С. Венгеровъ, *Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ*; Петроградъ, 1915 г., изд. 2, т. I, стр. 86.

Л. М. Лопатина, какъ лица близкаго Соловьеву, мы считаемъ полезнымъ привести нѣсколько выдержекъ также изъ этой рѣчи.

„По внутреннему складу своего ума, по завѣтнымъ стремленіямъ своего духа“, Н. В. Бугаевъ „былъ столько-же философъ, какъ и математикъ“, говоритъ Л. М. Лопатинъ. „Всѣхъ знавшихъ покойнаго поражала его широкая начитанность, неугомонная пытливость его мысли, богатство и разнообразіе его умственныхъ интересовъ..... Философскія идеи покойнаго Н. В. Бугаева впервые стали слагаться въ эпоху широкаго господства позитивизма въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ. И онъ долгое время былъ убѣжденнымъ позитивистомъ..... Я не могъ бы съ точностью сказать, когда именно у Николая Васильевича произошелъ поворотъ отъ позитивизма къ своеобразному метафизическому міросозерцанію, которое онъ потомъ проповѣдывалъ всю остальную жизнь. Мнѣ представляется, что эта перемѣна должна относиться къ 80-ымъ годамъ прошлаго столѣтія. По крайней мѣрѣ, въ концѣ 80-ыхъ годовъ уже можно указать его статью: *По вопросу о свободѣ воли*,..... въ которой довольно ясно выражены основные принципы его «монадологіи». Покойный Николай Васильевичъ глубоко проникся сознаніемъ правильности основныхъ посылокъ Лейбницевой системы.[432]) Онъ всецѣло усвоилъ себѣ общіе взгляды Лейбница на реальные элементы дѣйствительности..... Развивая..... свою теорію монадъ, покойный Бугаевъ указываетъ, что во взаимномъ отношеніи монадъ можно замѣтить два закона: *законъ монадологической косности* (инерціи) и *законъ монадологической солидарности*..... законъ *монадологической косности* состоитъ въ томъ, что монада не можетъ собственною дѣятельностью внѣ отношенія къ другимъ монадамъ измѣнить своего психическаго содержанія..... Подъ вліяніемъ начала *солидарности* монада можетъ дѣйствовать на другую монаду и, измѣняя ея психическое содержаніе, измѣнять и свое..... Кромѣ законовъ косности и солидарности, Н. В. Бугаевъ устанавливаетъ для монадъ еще одинъ важный принципъ: монады, будучи психическими центрами, капитализируютъ свое прошлое..... Поэтому рядомъ съ міровыми законами *сохраненія вещества* и *энергіи* имѣетъ мѣсто *законъ сохраненія времени, прошлаго*. Онъ можетъ быть выраженъ

[432]) Вниманіе къ личности и философской системѣ Лейбница усилилось у насъ за послѣднее время довольно замѣтнымъ образомъ. Изъ новыхъ русскихъ работъ, посвященныхъ Лейбницу, назовемъ: В. С. Серебренникова, *Лейбницъ и его ученіе о душѣ человѣка*; С.-Петербургъ, 1908 г.; В. А. Бѣляева, *Лейбницъ и Спиноза*; С.-Петербургъ, 1914 г.

формулою: *прошлое не исчезаетъ, а накопляется.* Вмѣстѣ съ этимъ психическое содержаніе и потенціальная энергія въ монадахъ постоянно увеличивается..... Такимъ образомъ, основа жизни и дѣятельности монады, самимъ ея существомъ поставленная ей задача,—этическая: *совершенствоваться и совершенствовать другихъ*..... Покойный думалъ, что въ такомъ міросозерцаніи примиряются физическая наука и исторія, духъ и матерія, пантеизмъ и индивидуализмъ, свобода и необходимость.“ [433]) Весьма любопытны, далѣе, тѣ выводы, которые дѣлаетъ Н. В. Бугаевъ изъ теоріи непрерывныхъ и теоріи прерывныхъ функцій и которыми онъ пользуется для выработки коренныхъ основъ своего научно-философскаго міросозерцанія. Впрочемъ, нельзя не согласиться съ Л. М. Лопатинымъ, который свою рѣчь о Н. В. Бугаевѣ заключаетъ такъ: „Покойный Николай Васильевичъ изложилъ свои философскіе взгляды въ очень немногихъ и короткихъ очеркахъ и наброскахъ..... Его метафизическая теорія въ томъ видѣ, какъ она теперь лежитъ передъ нами, содержитъ много субъективнаго и недосказаннаго. Но мнѣ кажется, что въ его философскихъ воззрѣніяхъ было и нѣчто такое, что надолго переживетъ его.“ [434])

Профессоръ богословія, общій для всѣхъ четырехъ факультетовъ, Н. А. Сергіевскій едва-ли внушалъ особый интересъ Соловьеву, а потому о немъ упомянемъ лишь вскользь.

Н. А. Сергіевскій—сынъ священника, уроженецъ Коломны, родственникъ митрополита Филарета—родился въ 1827 г. По окончаніи курса въ Петербургской духовной академіи, онъ преподавалъ физику въ Московской духовной академіи. Въ воспоминаніяхъ И. К. Смирнова Н. А. Сергіевскій является съ титуломъ „франтоватаго баккалавра“; по словамъ С. С. Модестова, преподаваніе его было, однако, „очень интересно“, не смотря на скудость пособій физическаго кабинета въ академіи. [435]) Въ концѣ 50-ыхъ годовъ, по выходѣ въ отставку П. М. Терновскаго, „на его мѣсто по каѳедрѣ богословія и философіи при Московскомъ университетѣ митрополитъ Филаретъ

---

[433]) Л. М. Лопатинъ (прим. 202), статья: *Философское міровоззрѣніе Н. В. Бугаева*, стр. 271—289;—стр. 271—273, 275, 276.

[434]) *Ibidem*, стр. 289.

[435]) *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона; С.-Петербургъ, 1900 г., т. XXIX, стр. 646.—*У Троицы* и т. д. (прим. 157); статья: *Изъ воспоминаній протоіерея С. С. Модестова. Прохожденіе академическаго курса (1852—1856 гг.)*; стр. 122;—статья: *Московская духовная академія въ 1854—58 гг. Изъ воспоминаній Ив. Кузьм. Смирнова;* стр. 135.

избралъ..... протоіерея, впослѣдствіи [съ 1884 г.] протопресвитера [Успенскаго собора] Николая Александровича Сергіевскаго.“ [436]) Въ 1860 г. Н. А. Сергіевскій основалъ духовный журналъ: *Православное Обозрѣніе*; во главѣ редакціи этого изданія онъ пробылъ 9 лѣтъ. Въ качествѣ университетскаго профессора, „онъ не только самъ измѣнилъ господствовавшій до него догматическій методъ преподаванія этого предмета, но содѣйствовалъ такой-же перемѣнѣ и въ остальныхъ университетахъ, рекомендуя, при совѣщаніи съ профессорами богословія въ С.-Петербургѣ, Казани, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ, чтеніе студентамъ апологіи основныхъ христіанскихъ истинъ.“ [437]) Были у него и болѣе широкіе замыслы—объ учрежденіи при каѳедрѣ богословія штатной доцентуры и о пріуроченіи къ той-же каѳедрѣ каѳедръ церковной исторіи и церковнаго права, съ тѣмъ чтобы предметы эти считались не факультетскими, а вспомогательными для богословія. Намѣчалось, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ богословскаго факультета въ миніатюрѣ. Проектъ этотъ встрѣтилъ, однако, рѣшительныя возраженія со стороны Ѳ. М. Дмитріева, [438]) да и вообще успѣха не имѣлъ. Скончался Н. А. Сергіевскій 29-го іюня 1892 г.— Черезъ Н. А. Сергіевскаго Соловьевъ какъ-бы приближается къ П. Я. Чаадаеву. Извѣстно, что Н. А. Сергіевскій былъ духовникомъ П. Я. Чаадаева, пріобщалъ его передъ смертью (наканунѣ пасхи 1856 г.), отпѣвалъ его и произнесъ надъ его тѣломъ краснорѣчивое слово... [439])

---

[436]) Евгеній Бобровъ, *Философія въ Россіи; матеріалы, изслѣдованія и замѣтки*; вып. V, Казань, 1901 г.; статья: *П. М. Терновскій*, стр. 43. — Чтобы судить о томъ, какъ могъ читать богословіе и философію П. М. Терновскій, напомнимъ любопытный разсказъ А. Н. Аѳанасьева, характеризующій нравы того времени. „Однажды въ великій постъ, когда говѣли казенные студенты, попъ Терновскій объявилъ на исповѣди двумъ студентамъ, что за какіе-то важные грѣхи онъ не допуститъ ихъ къ причастію; студенты-грѣшники обратились къ Платону Степановичу (Нахимову); тотъ бросился къ Терновскому уговаривать его быть снисходительнѣе. Долго отговаривался Терновскій; наконецъ, сказалъ: «Не могу... Іисусъ Христосъ сказалъ...» и уже былъ на-готовѣ текстъ, какъ Нахимовъ нетерпѣливо и почти съ отчаяніемъ прервалъ его: «что Іисусъ Христосъ! что *графъ-то* (С. Г. Строгановъ) скажетъ?»... Это *послѣднее* возраженіе возымѣло силу—и студенты допущены были къ св. причащенію.“ *L. c.*, стр. 26, 27.

[437]) *Энциклопедическій Словарь* и т. д. (прим. 435).

[438]) Ѳ. М. Дмитріевъ, *Богословскія науки въ университетахъ*; *Московскія университетскія извѣстія*, 1866 г., № 6, стр. 467—483.

[439]) Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды М. П. Погодина*; кн. XIV, С.-Петербургъ, 1900 г.; стр. 563—565.—Объ идейномъ отношеніи Соловьева къ П. Я. Чаадаеву ср. кн. Евгенія Трубецкого (прим. 91), т. I, стр. 66—72. — Ораторское искусство

Чтобы, не вдаваясь въ излишнія подробности, еще полнѣе охарактеризовать профессорскій составъ Московскаго университета въ концѣ 60-ыхъ и началѣ 70-ыхъ годовъ, воспользуемся наскоро набросанными воспоминаніями К. Т. Карпинскаго, бывшаго студентомъ-математикомъ въ 1867—71 гг. [440]) При всей своей краткости воспоминанія эти очень любопытны; они свидѣтельствуютъ, между прочимъ, и о томъ, что Московскій университетъ далеко не для всѣхъ своихъ питомцевъ представлялся тогда „абсолютной пустотою“...

„Я былъ“, разсказываетъ К. Т. Карпинскій, „въ счастливые годы Московскаго университета, когда его украшали такія имена, какъ Давидовъ, Бредихинъ, Цингеръ, Бугаевъ, Слудскій, Кауфманъ, Усовъ, Лясковскій, Столѣтовъ, Богдановъ—на физико-математическомъ факультетѣ, и Соловьевъ, Крыловъ, Герье, Тихонравовъ, Н. Поповъ, Захарьинъ и мн. др. — на другихъ факультетахъ. — Посѣщая совершенно аккуратно свои лекціи, мы, математики, какъ только выпадали свободные часы, отправлялись слушать профессоровъ другихъ факультетовъ, и чаще всего Крылова, Тихонравова, Соловьева (ректора), Щуровскаго, лекціи которыхъ доставляли намъ пріятный отдыхъ послѣ сложныхъ математическихъ выводовъ, но, конечно, свои профессора оставили неизгладимыя впечатлѣнія.—В. Я. Цингеръ—гроза студентовъ, особенно естественниковъ, которымъ тогда читалась аналитическая геометрія совмѣстно съ математиками. Изложеніе В. Я. отличалось необыкновенною ясностью, образностью. Одной отчетливости пониманія требовалъ профессоръ и на экзаменѣ, не гоняясь вовсе за количествомъ матеріала. Можно было отказаться отъ $^1/_2$ и даже $^2/_3$ курса, но если остальное было усвоено отчетливо, то отвѣтъ награждался высшимъ балломъ; зато экзаменъ составлялъ настоящее «испытаніе»—съ тонкимъ сарказмомъ, а иногда и злымъ высмѣиваніемъ, особенно по адресу мучениковъ науки, каковымъ былъ нашъ товарищъ Г., который умудрился получить двѣ медали, но кончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ, получивъ у В. Я. на экзаменѣ баллъ «2».—Какъ великъ былъ для насъ авторитетъ В. Я., можно судить по одному характерному случаю. — Во время какихъ-то безпо-

---

Н. А. Сергіевскаго обращалось студентами въ шутку. Н. И. Карѣевъ передавалъ намъ, что студенты влагали, напр., въ уста своего профессора богословія такія забавныя фразы: „Поставимъ нашу мысль на ребро призмы искусно выточеннаго силлогизма и подкрѣпимъ ее плоскостью эллипсоида вращенія...“

[440]) Соотвѣтствующая рукопись доставлена намъ при посредствѣ В. В. Латышева.

рядковъ въ университетѣ собралась большая толпа студентовъ въ главномъ вестибюлѣ новаго зданія передъ лекторіей, откуда вышелъ ректоръ Баршевъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ потребовалъ разойтись, что̀ еще болѣе взбудоражило толпу. Вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ лекторіи тогдашній попечитель Ширинскій-Шихматовъ и сталъ держать рѣчь на тему, что смуту учиняютъ поляки, которые «насъ-же русскихъ называютъ быдломъ», что̀ онъ хорошо знаетъ, какъ служившій въ западномъ краѣ; но, получивъ грубую отповѣдь изъ толпы, онъ сталъ такъ-же горячиться, какъ и Баршевъ, и дѣло принимало острый оборотъ и интересный для «молодыхъ» студентовъ. Въ это время кто-то громко сказалъ, что Цингеръ пошелъ на лекцію, и этого достаточно было, чтобы мы, математики, покинули вестибюль и поспѣшили въ аудиторію, гдѣ профессоръ читалъ намъ безъ перерыва два часа вопреки обычаю. Когда кончилась лекція, въ вестибюлѣ никого уже не было. — При входѣ профессора въ аудиторію мы всѣ вставали, какъ гимназисты; такимъ, впрочемъ, способомъ встрѣчали почти всѣхъ профессоровъ.—Значительнымъ авторитетомъ среди студентовъ пользовался также проф. Давидовъ, деканъ физико-математическаго факультета, который представлялъ «живую» краткость и точность математическаго языка. — «Любимымъ» профессоромъ былъ, конечно, Бредихинъ. Онъ, прежде всего, не носилъ форменнаго вицмундира, какъ это дѣлали другіе профессора, иногда разсказывалъ анекдоты, на экзаменѣ самъ спрашивалъ, какой нуженъ студенту баллъ. Но по живости изложенія самыхъ сложныхъ выводовъ (небесная механика) онъ не имѣлъ себѣ равнаго, и лекціи его доставляли большое удовольствіе. — Чрезвычайно популярный профессоръ химіи Лясковскій, какъ талантливый лекторъ и эффектный экспериментаторъ, былъ грозою для естественниковъ и крайне снисходительнымъ экзаминаторомъ для математиковъ, вслѣдствіе того, какъ заявлялъ самъ профессоръ, что послѣдніе не имѣли доступа къ лабораторнымъ занятіямъ. Но экзаменъ по химіи и для математиковъ былъ истинною пыткой, хотя всѣ знали напередъ, что за отвѣтъ не будетъ балла меньше «3». Съ олимпійскимъ спокойствіемъ выслушивалъ профессоръ вздорные отвѣты, замѣчая необыкновенно мягко, что «это вашъ собственный взглядъ, ученые другого мнѣнія». Общее мнѣніе математиковъ было таково, что на экзаменъ къ Лясковскому нельзя идти безъ подготовки, а то «сгоришь отъ стыда». — Хотя мнѣ не приходилось слушать Кауфмана, но я зналъ, что этотъ крупный ученый имѣлъ огромное вліяніе не только на непосредственныхъ слушателей,

но и на лицъ, которыя приходили съ нимъ въ соприкосновеніе. Такъ, проф. Цингеръ подъ вліяніемъ труда Кауфмана (о Московской флорѣ) увлекся изученіемъ ботаники, которой онъ отдался со всею страстью, и трудами своими внесъ вкладъ въ эту науку, передавъ любовь къ предмету своему сыну, нынѣ доктору ботаники, профессору въ Ново-Александріи, который мнѣ лично передавалъ, что пробужденіемъ любви къ ботаникѣ онъ всецѣло обязанъ отцу, увлекавшему его съ ранняго возраста чуть-ли не въ ежегодныя ботаническія экскурсіи для изученія флоры разныхъ мѣстъ Россіи.—Н. В. Бугаевъ по складу своего ума былъ «чистый» математикъ, теоретикъ, далекій отъ практическаго приложенія анализа, и онъ читалъ, такъ сказать, философскіе отдѣлы математики — теорію чиселъ и теорію мнимаго перемѣннаго. Въ теоріи чиселъ онъ возвращалъ своихъ слушателей ко временамъ грековъ, когда числа изучались по ихъ взаимоотношенію и по своимъ свойствамъ, а не со стороны коммерческаго примѣненія выкладокъ и ариѳметическихъ дѣйствій."

Говоря въ главѣ шестой о московскихъ университетскихъ обществахъ, мы имѣли въ виду главнымъ образомъ тѣ общества, которыя представляютъ наибольшее значеніе для историко-филологическаго факультета. Теперь, послѣ болѣе близкаго ознакомленія съ физико-математическимъ факультетомъ, будетъ нелишнимъ указать на то, что подъ общую характеристику за разсматриваемый промежутокъ времени всего менѣе подходитъ, пожалуй, общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, устроившее политехническій музей и много потрудившееся по дѣлу политехнической выставки 1872 г. Въ связи съ этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ приходится, однако, замѣтить, что Соловьевъ обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе къ этой выставкѣ: онъ не былъ на ней ни разу... [441])

Надо упомянуть въ концѣ этой главы и объ однокурсникахъ Соловьева—хотя-бы для того, чтобы подтвердить фактическими данными сказанное о собственно университетскихъ товарищахъ его въ началѣ ея.

Одновременно съ Соловьевымъ удостоены по историко-филологи-

---

[441]) Въ письмѣ отъ 31-го декабря 1872 г. на имя Е. В. Романовой, проектировавшей поѣздку на Вѣнскую выставку, Соловьевъ выражается такъ: „что же касается до Вѣнской выставки, то mercі beaucoup! Когда у насъ этимъ лѣтомъ въ Москвѣ была политехническая выставка, я на ней ни разу не былъ, а то еще ѣхать въ Вѣну. Я вообще смертельный врагъ этихъ выставокъ, на которыхъ проклятая западная цивилизація любуется сама на себя." *П.*, III, 76, 77.

ческому факультету степени кандидата: Карѣевъ (Николай Ивановичъ), Исаенковъ (Владиміръ), Старицкій (Илья), Поповъ (Сергѣй), Баталинъ (Николай), Георгіевскій (Сергѣй), Фохтъ (Николай), Меморскій (Николай) и Козминъ (Константинъ), а званія дѣйствительнаго студента: Бродзскій (Карлъ), Андреевъ (Василій А.), Невзоровъ (Геннадій), Дрейеръ (Отто), Смирновъ (Михаилъ), Миклашевичъ (Юрій), Рубцовъ (Александръ), Курчинскій (Левъ) и Звѣнцевъ (Николай). Тогда-же окончили курсъ по физико-математическому факультету: со степенью кандидата — 32 чел., въ томъ числѣ „математики“ Зиловъ (П. А.), Писемскій (Николай) и Сиротининъ (Петръ) и „естественники“ Коротневъ (А. А.), Соколовъ (Александръ Александровичъ) и Ярцевъ (Николай), а съ званіемъ дѣйствительнаго студента—5 чел. [442]) Въ этомъ перечнѣ фамилій нѣкоторыя оказываются уже извѣстными намъ по даннымъ, приведеннымъ въ главѣ четвертой,—это фамиліи товарищей Соловьева по гимназіи. Но про бо́льшую часть фамилій мы должны сказать, что для біографіи Соловьева носители ихъ особаго значенія не имѣютъ, такъ-какъ съ большинствомъ своихъ однокурсниковъ онъ не былъ даже знакомъ. [443]) Впрочемъ, кое съ кѣмъ изъ названныхъ здѣсь лицъ, и не принадлежащихъ къ числу гимназическихъ товарищей Соловьева, мы еще встрѣтимся эпизодически впослѣдствіи, а потому и не будемъ сокращать извлеченный изъ университетской лѣтописи перечень, тѣмъ болѣе, что имъ опредѣляется до извѣстной степени достоинство того общаго фона, на которомъ судьбѣ угодно было начертать имя Соловьева.

Попытаемся теперь выяснить, какъ и чѣмъ осложнилось внутреннее содержаніе Соловьева за время его студенчества, за послѣдніе четыре года второго десятилѣтія его жизни. Соотвѣтствующій возрастъ почти полностью совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ жизни, который, на языкѣ физіологовъ и психологовъ, называется періодомъ по-

---

[442]) См. университетскій *Отчетъ* за 1873 г. (прим. 326), стр. 48—50, 52, 57.

[443]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ намъ Н. И. Карѣевымъ, нѣкоторые изъ сотоварищей его и Соловьева по выпуску 1873 г. заняли впослѣдствіи различныя административно-педагогическія должности.—С. М. Георгіевскій (род. въ 1851 г., ум. 26-го іюля 1893 г.), по окончаніи курса въ Москвѣ, поступилъ на восточный факультетъ Петербургскаго университета, слѣлался спеціалистомъ по Китаю и занималъ каѳедру въ Петербургскомъ-же университетѣ. Съ А. И. Георгіевскимъ, бывшимъ предсѣдателемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, онъ, сколько извѣстно, въ родствѣ не былъ. Дѣлаемъ эту замѣтку въ виду того, что при А. И. Георгіевскомъ Соловьевъ былъ назначенъ членомъ названнаго комитета.

лового развитія, періодомъ развитія возмужалости. Звучитъ это немножко грубо, но вѣдь и философы живутъ подъ общими біологическими законами... [444])

---

[444]) Помимо перечисленныхъ выше печатныхъ источниковъ, мы пользовались при составленіи главы седьмой частными сообщеніями П. С. Соловьевой, княг. Е. Ѳ. Цертелевой, А. Н. Шварца, В. В. Латышева, К. Т. Карпинскаго, А. А. Фишерафонъ-Вальдгеймъ, В. А. Бутлерова, А. И. Введенскаго и Н. И. Карѣева.

VIII. — Возмужалость.

Мы уже знаемъ, что свое освобожденіе изъ-подъ власти отрицательныхъ тенденцій Соловьевъ пріурочиваетъ къ началу 1871 г., ко второй половинѣ второго года своего студенчества. [445]) Конечно, о вполнѣ точномъ установленіи сроковъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи, такъ-какъ душевныя измѣненія разсматриваемой категоріи совершаются въ большинствѣ случаевъ исподволь, а не внезапно, частично, а не оптомъ. Даже при такъ назыв. внезапныхъ обращеніяхъ возродившіеся къ новой жизни еще долгое время вынуждены бываютъ считаться съ элементами прежней жизни, какъ-бы оттѣсненными на задній планъ, но далеко не вымершими окончательно. При перемѣнахъ не столь катастрофическихъ значеніе прежнихъ переживаній сказывается еще рѣзче; къ тому-же, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, прошлое въ этихъ случаяхъ продолжаетъ звучать въ настоящемъ тѣмъ явственнѣе, чѣмъ болѣе органическій характеръ имѣютъ эти перемѣны, чѣмъ прямѣе и непосредственнѣе проистекаютъ онѣ изъ всего предыдущаго. Кризисъ, черезъ который прошелъ Соловьевъ въ годы своей юности, былъ именно такимъ органическимъ кризисомъ, а потому мы и не имѣемъ основанія предполагать, чтобы какъ разъ 16-го января 1871 г., когда нашему студенту-второкурснику минуло 18 лѣтъ, онъ сталъ вдругъ совершенно другимъ человѣкомъ. Вѣрно только то, что около этого времени онъ рѣшительно опозналъ въ себѣ новыя возможности, отчетливо понялъ безпочвенность своихъ недавнихъ отрицаній и, углубивъ старыя утвержденія, увѣренно перешелъ на такіе пути, которые болѣе соотвѣтствовали исконнымъ запросамъ его духа. [446])

---

[445]) См. выше, прим. 230-ое.

[446]) Много цѣнныхъ наблюденій и соображеній относительно различныхъ формъ внутреннихъ кризисовъ содержится въ уже цитированномъ сочиненіи Вильяма Джемса (прим. 107).

Задаваясь вопросомъ о томъ, чѣмъ-же опредѣлялось внутреннее развитіе Соловьева въ послѣдніе годы второго десятилѣтія его жизни, мы должны прежде всего сказать, что основная роль принадлежала здѣсь, само собою разумѣется, его природнымъ задаткамъ. Еще въ дѣтствѣ въ немъ чуялось нѣчто своеобразное, рѣзко отличавшее его отъ его сверстниковъ; потомъ своеобразность его душевнаго склада стала пріобрѣтать отпечатокъ все большей и большей самостоятельности. Испытывая на себѣ различныя стороннія вліянія и даже платя дань существенно чуждымъ ему настроеніямъ, онъ не терялъ своего лица и стремился не столько къ пассивному усвоенію преподносимыхъ ему матеріаловъ, сколько къ активной ихъ переработкѣ, съ привнесеніемъ во все инородное своего оригинальнаго *я*. А засимъ при Соловьевѣ оставались и всѣ прочія основныя черты его личнаго характера, выступавшія съ теченіемъ времени лишь все болѣе отчетливо и все болѣе властно—безкорыстная преданность высшимъ духовнымъ интересамъ, нравственное благородство, чуждое всякаго мѣщанства, затаенная, борющаяся съ собою и все-же прорывающаяся наружу страстность, способность проникаться чувствами дружбы и любви во имя идеальныхъ побужденій, искренняя отзывчивость на внушенія мистики, растворенный беззлобной грустью юморъ...

Помимо свойствъ самихъ природныхъ задатковъ, нужно, однако, имѣть въ виду и тѣ условія, которыми была обставлена игра этихъ, если можно такъ выразиться, имманентныхъ силъ со стороны внѣшней среды.

И въ студенческіе годы природныя данныя Соловьева раскрывались и развивались главнымъ образомъ при посредствѣ чтенія; учебныя занятія, въ собственномъ смыслѣ слова, имѣли лишь вспомогательное значеніе. Съ этой точки зрѣнія, мы въ-правѣ признать вполнѣ правильными слова Э. Л. Радлова, который въ своей краткой характеристикѣ студенческаго періода жизни Соловьева первое мѣсто отводитъ самостоятельному чтенію, а второе—слушанію лекцій. „Серьезное чтеніе философскихъ произведеній“, говоритъ онъ, „и слушаніе лекцій талантливыхъ профессоровъ, напр., П. Д. Юркевича, помогли Соловьеву справиться съ охватившимъ его атеизмомъ и матеріализмомъ. Періодъ отрицанія былъ имъ пережитъ весьма быстро и благополучно.....“ [447]) Болѣе подробныя указанія относительно занятій юноши Соловьева чтеніемъ находимъ мы у Л. М. Лопатина, на

[447]) Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 10.

данныя котораго мы и въ этомъ случаѣ можемъ положиться съ совершеннымъ довѣріемъ.—

„Была пора въ его [т. е. Соловьева] жизни," разсказываетъ Л. М. Лопатинъ, „когда онъ былъ совершеннымъ матеріалистомъ,—правда, въ очень юные годы, начиная лѣтъ съ пятнадцати,—и считалъ за окончательную истину то самое, противъ чего впослѣдствіи такъ энергично боролся. Я никогда потомъ не встрѣчалъ матеріалиста столь страстно убѣжденнаго. Это былъ типическій нигилистъ 60-ыхъ годовъ. Ему казалось, что въ основныхъ началахъ матеріализма открывается та новая истина, которая должна замѣнить и вытѣснить всѣ прежнія вѣрованія, перевернуть всѣ человѣческіе идеалы и понятія, создать совсѣмъ новую, счастливую и разумную жизнь. Съ неудержимою послѣдовательностью, всегда отличавшею его умъ, онъ распространяетъ свои общіе взгляды на рѣшеніе всѣхъ занимавшихъ его вопросовъ. Было время, когда онъ зачитывался Писаревымъ и, проникшись его критическими взглядами и требованіями, яростно ратовалъ противъ Пушкина и его чистой поэзіи, которую впослѣдствіи такъ высоко цѣнилъ. [448]) Еще въ эпоху своего студенчества отличный знатокъ сочиненій Дарвина, онъ всей душой вѣрилъ, что теоріей этого знаменитаго натуралиста разъ на-всегда

[448]) Чтобы объяснить себѣ увлеченіе Соловьева Д. И. Писаревымъ, полезно припомнить общую характеристику этого талантливаго родоначальника безталанной „писаревщины", не дожившаго до 27-лѣтняго возраста († 4-го іюля 1868 г.). „Писаревъ—это честный и чистый русскій юноша, съ душою открытой добру, романтикъ по природѣ, реалистъ по разсудку, безконечно одинокій и рвущійся къ жизни, юноша еще зеленый и постоянно выкидывающій самыя мальчишескія выходки. Драгоцѣннѣйшее въ твореніяхъ нашихъ публицистовъ и критиковъ чаще всего они сами, ихъ личность, чего никакъ нельзя сказать о западныхъ мыслителяхъ....—Русская молодежь, именно самая зеленая, провинціальная молодежь, инстинктивно выбрала въ свои наставники Писарева. Можно сказать, что этотъ критикъ такъ-же превратился изъ критика для взрослыхъ въ критика для юношества, какъ романы Купера, которые прежде читали старшіе, всецѣло перешли въ обладаніе младшихъ. Русская молодежь инстинктивно тянется къ обаятельно простодушной личности Писарева. И надо признать, что Писаревъ съ своимъ задорнымъ стилемъ, съ мальчишеской смѣлостью и прямолинейностью, необыкновенно какъ будилъ мысль и заставлялъ работать юный мозгъ. Писаревъ отвѣчалъ на всѣ запросы. Онъ съ той жаждой жизни и стремленіемъ къ дѣятельности, которыми проникнута каждая строчка его статей, вполнѣ отвѣчалъ настроенію гимназистовъ, реалистовъ и семинаристовъ, которые обычно составляютъ кружокъ «самообразованія»." Н. Энгельгардтъ (прим. 346), т. II, стр. 220.—Слѣдуетъ, впрочемъ, прибавить, что подъ обаяніемъ Д. И. Писарева Соловьевъ оставался сравнительно недолго, и что, какъ мы увидимъ дальше, онъ еще въ студенческіе годы умѣлъ отвращать сверстниковъ отъ „писаревщины".

положенъ конецъ не только всякой *телеологіи,* но и всякой *теологіи,* вообще всякимъ идеалистическимъ предразсудкамъ. [449]) Его обще-

---

[449]) Этическіе и соціологическіе выводы крайнихъ послѣдователей дарвинизма, повидимому, вскорѣ-же были отвергнуты Соловьевымъ; уяснились ему и слабыя въ научномъ отношеніи стороны дарвинизма; тѣмъ не менѣе, онъ не отвергалъ эволюціонизма вообще и понималъ трудности, возникающія при попыткахъ замѣнить дарвинизмъ другой гипотезой, дѣйствительно удовлетворяющей научнымъ требованіямъ.— Въ письмѣ на имя народнаго учителя В. П. Ѳедорова, относящемся къ 1883 г., Соловьевъ выражается такъ: „Все существующее имѣетъ и механическую сторону, все существующее есть *между прочимъ* и нѣкоторый механизмъ; попытка же доказать, что все существующее есть *только* механизмъ, свести все къ одной только механической сторонѣ, всегда была и будетъ несостоятельной.—Въ частности противъ гипотезы Дарвина все болѣе и болѣе возникаетъ возраженій со стороны естествоиспытателей, и въ настоящее время можно считать установившимся то мнѣніе, что естественный подборъ въ борьбѣ за существованіе хотя и дѣйствуетъ на измѣненіе органическихъ видовъ, но далеко не въ той степени и силѣ, какъ думалъ Дарвинъ, и никакъ не можетъ служить полнымъ и единственнымъ объясненіемъ всему развитію органическаго міра.“ *П.*, III, 4.—Въ началѣ 1886 г. онъ-же пишетъ брату Михаилу: „Прочиталъ, между прочимъ, со вниманіемъ и съ карандашомъ два томища о дарвинизмѣ покойнаго Данилевскаго—весьма интересно, но—

Но напрасны всѣ усилья:
Отъ ударовъ тяжкой стали
Позолоченныя крылья
Съ шлема Свена ужъ упали;
Пронзена въ жестокомъ спорѣ
Кнута крѣпкая кольчуга,
И бросается онъ въ море
Съ опрокинутаго струга.

Что и сдѣлалъ Данилевскій, опрокинувши дарвинизмъ только для того, чтобы броситься въ пучину непосредственнаго и произвольнаго творчества.—Сіе вотъ чему подобно. Еслибы я теперь внезапно предъ тобою предсталъ, а ты, не малое на лицѣ изумленіе явивши, меня вопросилъ: «какъ ты сюда попалъ?», а я бы по долговременномъ размышленіи, наконецъ, отвѣтствовалъ: «меня Богъ принесъ»,—то на таковой отвѣтъ ты, всеконечно, имѣлъ бы резонъ возразить: «что никто какъ Богъ,—о семъ я, благочестивое въ домѣ родителей моихъ воспитаніе пріявшій, довольно освѣдомленъ и никакого сумнѣнія не предъявлялъ; вопрошаю же я не о первой и всеобщей причинѣ всякаго бытія, а о вторыхъ и частнѣйшихъ причинахъ твоего сюда прибытія»; въ каковыхъ словахъ, медленнымъ и разительнымъ гласомъ произнесенныхъ, нарочитая маловажность и конфузность моего вышеписаннаго отвѣта знатно объявилась бы.—Потому думаю написать защиту дарвинизма съ философской точки зрѣнія, если только заранѣе согласится Стасюлевичъ, для *Вѣстника Европы.*—Впрочемъ, все, что можно сказать противъ дарвинизма съ разныхъ сторонъ, кажется, сказано въ огромномъ трудѣ Данилевскаго, хотя самыя сильныя возраженія, если не ошибаюсь, были уже высказаны англійскимъ зоологомъ Ми-

ственные идеалы въ то время носили рѣзко соціалистическую, даже коммунистическую окраску. Онъ внимательно изучалъ сочиненія знаменитыхъ теоретиковъ соціализма и былъ глубоко убѣжденъ, что соціалистическое движеніе должно возродить человѣчество и кореннымъ образомъ обновить исторію. Уже тогда у него сказывалась всегда въ немъ поражавшая черта ума и характера: его совершенное неумѣніе идти на компромиссы съ окружающею дѣйствительностью и его ничѣмъ, никакими разочарованіями непоколебимая вѣра въ могущество идеаловъ надъ реальною жизнью. Я никогда не видалъ другого человѣка, съ такою беззавѣтностью,—можно сказать, съ такою благородною наивностью убѣжденнаго въ непремѣнномъ и очень близкомъ торжествѣ абсолютной правды на землѣ. Въ годы ранней юности онъ ждалъ осуществленія этой правды отъ соціалистическаго переворота,—въ свои болѣе зрѣлые годы онъ видѣлъ его въ теократической организаціи человѣчества, въ окончательномъ торжествѣ церкви, какъ носительницы высшихъ духовныхъ идеаловъ, надъ свѣтскимъ, буржуазнымъ государствомъ съ его безпринципнымъ и лицемѣрнымъ оппортунизмомъ. Это торжество въ его вѣрованіяхъ и мечтахъ сливалось съ мыслію о близости второго пришествія и возрожденія всей твари черезъ очищеніе и обожествленіе человѣка..... Соловьевъ недолго оставался при матеріалистическомъ міросозерцаніи. Его умъ былъ слишкомъ глубокъ, въ немъ было слишкомъ много критическаго такта, наконецъ, въ его натурѣ просто было слишкомъ много внутренняго идеализма, душевной поэзіи, религіознаго энтузіазма, чтобы онъ могъ на-всегда удовлетвориться притязательной и всѣ вопросы рѣшающей догмой матеріалистическаго

вартомъ [Mivart] (о которомъ и Данилевскій упоминаетъ) и нѣмецкимъ философастеромъ Гартманномъ, о которомъ онъ не упоминаетъ. — Если это такъ, то, пожалуй, какой-нибудь западникъ и космополитъ скажетъ: «почто и колокольчикъ, дарвалдая, гудитъ уныло подъ дугой, когда по этому самому мѣсту уже машина проѣхала?»—Но довольно о семъ.“ *Письма Владиміра Соловьева къ брату Михаилу;* сообщ. С. М. Соловьевъ [младшій]; *Богословскій Вѣстникъ*, 1915 г., сентябрь, стр. 41—67;—стр. 53, 54. Стихи въ письмѣ—отрывокъ изъ *Бориволя* гр. А. К. Толстого. *Полное собраніе стихотвореній* гр. А. К. Толстого; С.-Петербургъ, 1896 г., т. II, стр. 182—188;—стр. 186 (имѣется небольшой варіантъ).—Ср., далѣе, *Соч.*, V, 128—130; статья: *Россія и Европа.*—Кн. С. Н. Трубецкой правильно указываетъ, что вообще міровой процессъ Соловьевъ разсматриваетъ какъ результатъ эволюціи и творчества. Эти два начала „не только не исключаютъ, но взаимно предполагаютъ другъ друга“. Кн. С. Н. Трубецкой (прим. 188), т. I, стр. 360 и далѣе; статья: *Основное начало ученія В. Соловьева.*

катехизиса. Отъ самодовольнаго матеріалистическаго догматизма его пробудило чрезвычайно разнообразное и серьезное чтеніе. Шестнадцати лѣтъ онъ познакомился съ сочиненіями Спинозы и начинаетъ внимательно читать и изучать его, страшно имъ увлекается, сначала толкуетъ его философскія идеи въ духѣ матеріализма, но потомъ постепенно приходитъ къ сознанію совершенной несостоятельности подобной попытки. Благодаря Спинозѣ, Богъ, хотя еще въ очень абстрактномъ и натуралистическомъ образѣ, впервые возвращается въ міросозерцаніе Соловьева. [450]) Далѣе, онъ съ увлеченіемъ зачитывается Фейербахомъ, который хотя и очень склонялся къ матеріализму въ послѣдній періодъ своей философской дѣятельности, но все-же не былъ никогда матеріалистомъ-догматикомъ и въ общемъ не пошелъ дальше неопредѣленной и очень прихотливой проповѣди сенсуализма въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ и культа человѣчества въ своихъ практическихъ выводахъ. Одновременно съ этимъ Вл. С. Соловьевъ серьезно знакомится съ сочиненіями Дж. Ст. Милля и проникается его тонкимъ и своеобразнымъ скептицизмомъ, одинаково осуждающимъ и матеріализмъ, и сенсуализмъ, одинаково настаивающимъ на абсолютной непостижимости какъ сущности духа, такъ и сущности матеріи. Кажется, благодаря Миллю, Вл. С. Соловьевъ со всею ясностью созналъ, что въ матеріализмѣ не все благополучно, и что матеріалистическое ученіе, съ рѣзкою безцеремонностью возстающее противъ всякой вѣры въ духовный міръ, какъ грубой и невѣжественной иллюзіи, само все опирается на еще болѣе грубую вѣру въ абсолютную, предшествующую всему и отъ всего не-

---

[450]) По справедливому замѣчанію В. Виндельбанда, „спинозизмъ, который какъ законченное ученіе представляется системой болѣе всѣхъ другихъ чуждой личнаго элемента, на самомъ дѣлѣ вытекаетъ изъ самой глубокой личной религіозности, и чисто раціональная внѣшняя сторона логической системы таитъ въ себѣ пламенное рвеніе убѣжденнаго благочестія.“ Уже одно это роднило Соловьева со Спинозой. Оказывалась симпатичной Соловьеву и самая личность Спинозы, одинокаго бѣдняка, благодушно переносящаго гоненія и ведущаго простой и праведный образъ жизни. Люди разныхъ возрастовъ, называвшіе себя его друзьями, большого значенія въ жизни этого еврея, отвергнутаго евреями-же, не имѣли, и онъ, дѣйствительно, по праву можетъ быть названъ „одинокимъ, далекимъ отъ міра и глубоко въ него проникающимъ мыслителемъ“... *Общая исторія философіи* (прим. 377), стр. 139, 143; статья Вильгельма Виндельбанда: *Новая философія.*—За три года до смерти Соловьевъ писалъ: „Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что статическій пантеизмъ Спинозы былъ необходимъ, какъ предположеніе для возникновенія историческаго пантеизма Гегеля, а затѣмъ и положительной христіанской философіи“. *Соч.*, VIII, 23; статья: *Понятіе о Богѣ (въ защиту философіи Спинозы).*

зависимую реальность вещества..... Наконецъ, наиболѣе глубокій переворотъ въ Соловьевѣ вызываетъ изученіе Канта и въ особенности Шопенгауэра: Шопенгауэръ овладѣлъ имъ всецѣло, какъ ни одинъ философскій писатель послѣ или раньше.[451]) Былъ періодъ въ жизни Вл. С. Соловьева,—правда, довольно короткій,—когда онъ принималъ Шопенгауэра всего, со всѣми его общими взглядами и частными мнѣніями, съ его безграничнымъ пессимизмомъ и съ его туманными надеждами на искупленіе отъ страданій міра черезъ погруженіе въ Нир-

---

[451]) Какъ разъ въ августѣ 1869 г., когда $16^{1}/_{2}$-лѣтній Соловьевъ зачислялся въ студенты Московскаго университета, 41-лѣтній гр. Л. Н. Толстой писалъ А. А. Фету: „Знаете-ли, что̀ было для меня нынѣшнее лѣто?—Не перестающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню-ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое-что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое-что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь-ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что, кромѣ идіотовъ, на свѣтѣ почти никого нѣтъ.“ *Полное собраніе сочиненій* Льва Николаевича Толстого; Москва, 1913 г., т. XXI, стр. 184. Такимъ образомъ, не смотря на разницу въ возрастѣ между Соловьевымъ и гр. Л. Н. Толстымъ, ознакомленія ихъ съ Кантомъ и Шопенгауэромъ хронологически почти совпадаютъ. — Изъ числа лицъ, близкихъ Соловьеву, особенный интересъ къ Шопенгауэру обнаруживалъ кн. Д. Н. Цертелевъ. Кромѣ диссертаціи на нѣмецкомъ языкѣ, о которой упоминалось въ главѣ четвертой, Шопенгауэру-же посвящены важнѣйшіе труды кн. Д. Н. Цертелева на русскомъ языкѣ: *Философія Шопенгауэра* (*ч. I: теорія познанія и метафизика*); С.-Петербургъ, 1880 г.;—*Современный пессимизмъ въ Германіи; очеркъ нравственной философіи Шопенгауэра и Гартманна*; Москва, 1885 г.;—*Эстетика Шопенгауэра*; С.-Петербургъ, 1888 г. Кн. Д. Н. Цертелевъ перевелъ также на русскій языкъ сочиненіе Шопенгауэра: *Эристика или искусство спорить* (Москва, 1889 г.). „Какъ философъ“, говоритъ Э. Р., „Цертелевъ примыкаетъ къ Шопенгауэру и Гартманну, хотя признаетъ непознаваемость высшихъ началъ познанія и бытія. «Что такое внутренняя сущность познающаго, мыслящаго, хотящаго субъекта независимо отъ нашего познанія—этого мы сказать не можемъ, такъ-же какъ не можемъ сказать, что такое, независимо отъ нашего познанія, сущность познаваемаго матеріальнаго міра. Разбирая эти вопросы, мы увидимъ только, что они сами по себѣ несообразны, такъ-какъ они сводятся къ вопросу, что такое непознаваемое; но еслибы мы могли отвѣтить на это, оно уже не было бы непознаваемымъ.» Какъ поэтъ, Цертелевъ выказалъ большое умѣніе владѣть формою; въ его стихотвореніяхъ звучатъ тѣ-же ноты, которыя онъ проводитъ и въ своей философіи.“ Замѣтка Э. Р. о кн. Д. Н. Цертелевѣ въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза и Ефрона (прим. 219 и 221).

вану. У Шопенгауэра онъ нашелъ то, чего не находилъ ни у одного изъ излюбленныхъ имъ писателей, развѣ за исключеніемъ Спинозы,— удовлетвореніе никогда не умолкавшей въ немъ религіозной потребности, религіозное пониманіе и религіозное отношеніе къ жизни. Въ Шопенгауэрѣ его болѣе всего привлекало воззрѣніе на жизнь, какъ на нравственный очистительный процессъ, воззрѣніе, строго проведенное въ стилѣ умозрительнаго буддизма. Недаромъ послѣ знакомства съ Шопенгауэромъ Вл. С. Соловьевъ съ страстью отдается изученію восточныхъ религій.—Но и увлеченіе Шопенгауэромъ только эпизодъ въ умственномъ ростѣ Вл. С. Соловьева. Отчасти благодаря сочиненіямъ Эд. Гартманна, отчасти собственной умственной работой Соловьевъ приходитъ къ сознанію умозрительныхъ недостатковъ системы Шопенгауэра,—ея неполноты, односторонности, ея логическихъ противорѣчій. Серьезное знакомство съ религіозной исторіей человѣчества въ ея цѣломъ убѣждаетъ его, что не въ отрицательномъ пессимизмѣ буддистовъ и не въ иллюзіонистическомъ монизмѣ индійскаго брамантва лежитъ настоящій религіозный идеалъ. Онъ начинаетъ проникаться сознаніемъ, что задушевная вѣра его дѣтскихъ лѣтъ,—а онъ былъ очень религіозенъ и воспитался въ очень религіозной семьѣ,—не во всемъ была направлена на ложные призраки, какъ ему казалось раньше, и, по крайней мѣрѣ, въ существенномъ его не обманывала. Въ это время онъ изучаетъ системы нѣмецкихъ идеалистовъ: Фихте, Шеллинга, Гегеля и ищетъ у нихъ ключа къ умозрительному рѣшенію загадокъ бытія. Особенно сильное вліяніе въ эту эпоху оказалъ на него Шеллингъ своей положительной философіей, о которой онъ еще изъ отзывовъ Гартманна вынесъ представленіе, какъ о системѣ, примиряющей крайнія точки зрѣнія Шопенгауэра, съ одной стороны, Гегеля—съ другой. Но Соловьевъ не сдѣлался шеллингистомъ, какъ онъ раньше былъ послушнымъ ученикомъ Шопенгауэра. Для Соловьева наступаетъ уже иная пора: постепенно онъ является создателемъ своей особой, собственной философской системы....“ [452])

Прерывая на этихъ словахъ выписку изъ статьи Л. М. Лопатина, чтобы не выйти за границу студенческихъ лѣтъ нашего философа, отмѣтимъ по представленной здѣсь цитатѣ, черезъ какія-же ступени прошли интересующія насъ занятія Соловьева философскимъ чтеніемъ. Въ началѣ онъ удовлетворялся, повидимому, различными общедоступ-

[452]) Л. М. Лопатинъ (прим. 202), стр. 123—126.

ными истолкованіями матеріализма и соціализма, да бойкой критикой и публицистикой Д. И. Писарева; затѣмъ онъ принимается уже за болѣе пристальное ознакомленіе съ сочиненіями такихъ крупныхъ натуралистовъ, какъ Дарвинъ, и за теоретиковъ соціализма. Изученіе собственно философской литературы начинается со Спинозы, какъ объ этомъ мы упоминали еще въ главѣ четвертой, когда было названо также имя Виктора Кузена. Отъ Спинозы Соловьевъ дѣлаетъ большой скачекъ къ Фейербаху и Дж. Ст. Миллю, руководствуясь, очевидно, не столько исторической или логической послѣдовательностью, сколько преобладавшими въ то время общественно-литературными вкусами. [453]) Наконецъ, онъ добирается до Канта и Шопенгауэра, которые должны были либо окончательно привязать его къ философіи, либо ужъ совсѣмъ оттолкнуть отъ нея. Какъ и слѣдовало ожидать, случилось первое. Переходъ отъ Шопенгауэра къ Гартманну и къ изученію восточныхъ религій представляется, конечно, совершенно естественнымъ, въ особенности если принять въ соображеніе, что имя Гартманна облетало тогда весь міръ. Кантъ и Шопенгауэръ вывели Соловьева на большую дорогу философіи. Рѣшившись идти по этой дорогѣ, онъ не могъ не оглянуться и на промежуточные этапы, отдѣляющіе Канта отъ Шопенгауэра. Отсюда изученіе Фихте, Шеллинга и Гегеля, при особомъ предпочтеніи Шеллинга, какъ болѣе родственнаго его синтетическому духу и религіозному умонастроенію, чѣмъ Фихте и Гегель. Такимъ образомъ, хотя и безъ строгой системы и безъ правильнаго сторонняго руководства, Соловьевъ обозрѣлъ всю исторію новой философіи въ ея главнѣйшихъ представителяхъ—обозрѣлъ, насколько можно судить, не по пересказамъ, а по подлиннымъ сочиненіямъ. Нельзя, по понятнымъ причинамъ, предполагать, чтобы уже въ студенческіе годы имъ были перечитаны и обстоятельно изучены всѣ произведенія названныхъ мыслителей; но и за то спасибо, если съ основными ихъ трудами онъ ознакомился по оригиналамъ, а не по блѣднымъ и большею частію искаженнымъ ихъ отраженіямъ и копіямъ. Древняя философія, святоотеческія писанія, философія средневѣковая, литература мистическая стали хорошо усвоеннымъ достояніемъ Соловьева нѣсколько позднѣе. Возможно, впрочемъ, что общеніе съ П. Д. Юркевичемъ, который,

[453]) Русская переводная литература 60-ыхъ годовъ, относящаяся до Фохта, Молешотта, Бюхнера, Дж. Ст. Милля, отмѣчена, между прочимъ, въ книгѣ Ибервега-Гейнце (прим. 377), стр. 435, 436, 478.—Еще въ своей магистерской диссертаціи Соловьевъ называетъ Фейербаха „остроумнымъ и талантливымъ“. *Соч.*, I, 62, прим. 2.

какъ извѣстно, былъ прекраснымъ знатокомъ именно древней философіи, рано открыло Соловьеву глаза и на философскія сокровища античнаго міра, благо гимназія не внушила ему въ свое время отрицательнаго отношенія къ этому міру. [454])

Гораздо менѣе точныя свѣдѣнія о ходѣ внутренняго развитія Соловьева въ его юные годы, въ связи съ его занятіями чтеніемъ, сообщаетъ В. Л. Величко. Мы приводимъ, впрочемъ, и слова В. Л. Величко, такъ-какъ полагаемъ, что, при сопоставленіи съ только-что сказаннымъ, неточности его могутъ быть легко исправлены, а вѣрныя замѣчанія получатъ сугубое подтвержденіе. Вотъ что̀ мы читаемъ у этого автора: „Хотя, въ указанной выше поэмѣ [здѣсь разумѣется поэма Соловьева: *Три свиданія* [455])], почившій мыслитель второю серьезною стадіей своей жизни считаетъ научно-философскую работу въ Лондонѣ, но мнѣ кажется, что коренное значеніе для всей дальнѣйшей дѣятельности и жизни его имѣлъ именно переходъ отъ невѣрія къ вѣрѣ. — Весьма важно то, *какъ* онъ совершился. У обыкновенныхъ смертныхъ этотъ переходъ является своего рода компромиссомъ между органическою, если можно такъ выразиться, потребностью въ вѣрѣ и запросами разума; разумъ дѣлается снисходительнѣе, а вѣра «тепло-хладною», разгораясь лишь по-временамъ, въ часы нежданныхъ испытаній. У Владиміра Соловьева, тогда еще 16-лѣтняго юноши, сліяніе обѣихъ стихій, наоборотъ, удесятеряетъ ихъ силу и напряженность. Работа кипитъ, отметаются препятствія и соблазны, въ которыхъ вязнутъ другіе, и растетъ душа въ великихъ стремленіяхъ...—Присные не замѣтили, какъ и когда именно прошло у него невѣріе. Они видѣли только, что еще на гимназической скамьѣ онъ, признавъ необходимость религіознаго чувства, зачитывался исторіей религій, увлекался буддизмомъ, потомъ Шопенгауэромъ и Гартманномъ, сошелся съ славянофилами. Вступивъ въ университетъ на 17-омъ году, онъ былъ уже глубоко и со-

---

[454]) Если принять въ соображеніе, что уже менѣе чѣмъ черезъ полтора года по выходѣ изъ университета Соловьевъ защищалъ свою магистерскую диссертацію, содержащую въ себѣ обстоятельный обзоръ исторіи философіи отъ временъ схоластики, то нельзя не придти къ тому заключенію, что студенческіе годы были использованы имъ, въ смыслѣ занятій философскимъ чтеніемъ, весьма полно и производительно. Къ печатанію диссертаціи, по частямъ, въ *Православномъ Обозрѣніи* онъ приступилъ еще въ концѣ 1873 г., т. е. приблизительно черезъ полгода по полученіи степени кандидата, ибо начало *Кризиса западной философіи (противъ позитивистовъ)* появилось уже въ январской книжкѣ названнаго журнала за 1874 г.

[455]) См. выше, прим. 97-ое.

знательно вѣрующимъ.“ [456]) Едва-ли въ этомъ разсказѣ не смѣшиваются факты студенческой жизни Соловьева съ фактами его гимназической жизни, и — въ особенности — едва-ли соотвѣтствуетъ дѣйствительной правдѣ заключительное замѣчаніе, будто-бы уже при вступленіи въ число студентовъ Московскаго университета Соловьевъ былъ „глубоко и сознательно вѣрующимъ“—вѣрующимъ въ религіозномъ смыслѣ слова. Мы не разъ ссылались на заявленіе самого Соловьева, что, будучи съ дѣтства занятъ религіозными предметами, онъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ прошелъ черезъ различныя фазы теоретическаго и практическаго отрицанія, и мы не считаемъ себя въ-правѣ пренебрегать этимъ заявленіемъ. Кн. Е. Н. Трубецкой точно также оспариваетъ въ этомъ случаѣ В. Л. Величко, опираясь на свидѣтельство Л. М. Лопатина, который удостовѣряетъ, что переходъ къ вѣрѣ совершился у Соловьева лишь въ студенческіе годы. [457])

Обращаетъ на себя вниманіе согласное указаніе Э. Л. Радлова, В. Л. Величко и Л. М. Лопатина на то, что разрѣшеніе религіознаго кризиса не сопровождалось у Соловьева какими-либо рѣзкими внѣшними проявленіями. Это вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ общимъ взглядомъ на характеръ той эволюціи, черезъ которую прошелъ Соловьевъ въ свои юные годы. Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы ему не довелось извѣдать разныхъ внутреннихъ томленій и мученій. Какъ свидѣтельствуетъ самъ Соловьевъ въ уже цитированномъ нами письмѣ его на имя Е. В. Романовой отъ 31-го декабря 1872 г., утрата первоначальной религіозной вѣры обошлась ему недешево: онъ переживалъ „страшное, отчаянное состояніе“, „смерть при жизни“, его угнетала „совершенная пустота внутри, тьма“. Но въ томъ-же письмѣ онъ заявляетъ, что „этотъ мракъ есть начало свѣта“; вѣдь, будучи принужденъ сказать: я ничто, человѣкъ тѣмъ самымъ говоритъ: Богъ есть все. [458]) Этотъ освобождающій голосъ сталъ слышаться въ душѣ Соловьева, какъ кажется, вскорѣ-же послѣ начала его кризиса, и онъ только не сразу нашелъ ту формулу, которая выразила побѣду свѣта надъ тьмою. Потребовалось нѣсколько лѣтъ вдумчиваго чтенія, болѣе или менѣе серьезнаго изученія философской литературы, критической работы надъ своими и чужими домыслами, чтобы внутренняя пустота заполнилась и душевное равновѣсіе возстановилось. Нельзя не принять въ разсчетъ и того обстоятельства, что вся эта эволюція совпа-

[456]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 17.

[457]) Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 50, sub [2]).

[458]) См. выше, прим. 227-ое.

дала у Соловьева съ тѣми годами жизни, когда, въ силу естественнаго прироста тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, человѣкъ чувствуетъ себя не на ущербѣ, а передъ нарожденіемъ все новыхъ и новыхъ возможностей, наводящимъ на мысль о наличности богатства какъ-бы неисчерпаемаго. Кризисы, наступающіе въ годы болѣе поздніе, когда ощущается уже приближеніе могильнаго холода, отличаются обыкновенно инымъ характеромъ: тутъ приходится мечтать о душевномъ расцвѣтѣ вопреки, наперекоръ тѣлесному и душевному увяданію, и это легко улавливаемое противорѣчіе между заданіемъ и дѣйствительностью усугубляетъ тяжесть отчаянія, обостряетъ душевныя муки, налагаетъ на внутреннюю работу отпечатокъ пстощающей напряженности; въ-добавокъ, жизненный опытъ подсказываетъ скептическіе соблазны, и на преодолѣніе ихъ затрачивается точно также немало энергіи, запасъ которой и безъ того не великъ. Зато, когда открывается выходъ изъ такого поздняго кризиса, въ душѣ загорается чрезвычайно яркій свѣтъ, привѣтствуемый какъ символъ не возрожденія только, но прямо-таки воскресенія. Складывается радостное сознаніе совершившагося чуда, бьющее сплошь и рядомъ черезъ край; утаить въ себѣ это сознаніе бываетъ очень трудно, и человѣкъ дѣлается громкимъ исповѣдникомъ своей новой вѣры, дѣлится съ окружающими своимъ спасительнымъ открытіемъ направо и налѣво, рѣзко преобразуетъ даже свой внѣшній обиходъ. Юношескіе кризисы получаютъ свою болѣзненную остроту отъ чрезмѣрной воспріимчивости, какъ душевной, такъ и тѣлесной, и отъ всяческой неопытности, кризисы поздніе—отъ обусловленной предшествующею жизнью надорванности душевныхъ и тѣлесныхъ силъ и отъ всяческой опытности.[459]) Сообразно съ этимъ, оказывается различнымъ и отношеніе заинтересованныхъ лицъ къ разрѣшенію кризисовъ. Благополучное разрѣшеніе юношескаго кризиса признается по большей части за нѣчто естественное, не чудесное, а заурядное, и оберегается носителемъ кризиса какъ достояніе цѣнное, но не столько какъ завоеванное, сколько какъ просто взятое. Благополучное разрѣшеніе кризиса поздняго представляется цѣнностью нарочито великою; достигнутые при этомъ результаты отстаиваются побѣдителемъ кризиса съ упорствомъ, граничащимъ съ упрямствомъ. У людей съ широкимъ кругозоромъ, неустанно

[459]) Болѣзненными коррелятами раннихъ и позднихъ кризисовъ являются различныя формы гебефренін и старческаго слабоумія. Патологія всюду подстерегаетъ высшія психическія отправленія человѣка, и неспеціалистамъ бываетъ иной разъ крайне мудрено разобраться, съ чѣмъ они имѣютъ дѣло...

идущихъ впередъ, нерѣдко бываетъ такъ, что за юношескимъ кризисомъ слѣдуетъ въ годы болѣе зрѣлые или къ старости второй кризисъ—болѣе тяжкій и мучительный, чѣмъ первый. Въ этихъ случаяхъ первая побѣда начинаетъ казаться чѣмъ-то ребяческимъ, малосмысленнымъ, несерьезнымъ, и вся работа предпринимается сызнова. Кризисы поздніе рѣдко повторяются: та ступень душевнаго развитія, которая опредѣляется поздней переоцѣнкой внутренняго содержанія, остается обыкновенно уже непревзойденною. Въ самомъ дѣлѣ, идти дальше нѣкуда, да къ тому-же и поздно—„настоящаго житія нощь“ почти пройдена, остается лишь ожидать „пришествія свѣтлаго и явленнаго дне“... Въ своеобразномъ положеніи находятся лица, прожившія свои юные и зрѣлые годы въ какомъ-то слѣпомъ и глухомъ полуснѣ. Пробужденіе на склонѣ лѣтъ, застигающее ихъ врасплохъ, оказывается для нихъ зачастую такимъ ударомъ, отъ котораго оправиться имъ совершенно уже невозможно.

Примѣняя эти общія разсужденія къ біографіи Соловьева, слѣдуетъ, думается намъ, согласиться, что кризисъ, пережитый имъ въ возрастѣ отъ 14 до 18 лѣтъ, имѣлъ всѣ типическіе признаки кризиса юношескаго. А для того, чтобы намѣтить конкретный-же примѣръ для провѣрки признаковъ кризиса поздняго, назовемъ гр. Л. Н. Толстого, судьба котораго переплетается до извѣстной степени съ судьбою Соловьева. О взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ крупныхъ русскихъ людей будутъ, безъ сомнѣнія, еще много говорить и писать; но и теперь ясно, что пути ихъ душевнаго развитія, на которыхъ они, въ концѣ концовъ, утратили сближавшее ихъ въ началѣ взаимное расположеніе, были существенно различными отчасти именно вслѣдствіе возрастной разницы въ распредѣленіи ихъ основныхъ кризисовъ.[460])

Что касается частныхъ обстоятельствъ, относящихся къ исторіи

---

[460]) Въ прим. 224-омъ мы уже указывали, что въ жизни Соловьева, кромѣ кризиса юношескаго, былъ, повидимому, еще одинъ кризисъ, относящійся къ порѣ значительно болѣе поздней. Такъ-ли это или не такъ, во всякомъ случаѣ характернымъ для Соловьева является кризисъ ранній. Равнымъ образомъ, черезъ какія бы фазы ни проходило душевное развитіе гр. Л. Н. Толстого, характернымъ для него оказывается кризисъ поздній. Въ этомъ смыслѣ мы и пользуемся выраженіемъ: „кризисы основные“.—Э. Л. Радловъ указываетъ, что „основныя воззрѣнія“ Соловьева, сложившіяся въ результатѣ періода отрицанія, пережитаго имъ до появленія въ свѣтъ его печатныхъ произведеній, не измѣнялись до конца его жизни; „измѣненіямъ, и часто весьма значительнымъ, подвергались лишь частныя его воззрѣнія.“ Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 81.

юношескаго кризиса Соловьева, то нельзя не остановиться особо на вопросѣ объ его ознакомленіи съ славянофильскими ученіями. В. Л. Величко замѣчаетъ, что онъ „сошелся съ славянофилами“; но когда, гдѣ и какъ это случилось, онъ ближе не поясняетъ. Въ общемъ обзорѣ занятій Соловьева философскимъ чтеніемъ, доведенномъ до того момента, когда передъ нимъ стала открываться возможность созданія собственной философской системы, Л. М. Лопатинъ этой стороны дѣла тоже прямо не касается; лишь въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣчаемъ у него такія строки: „Между русскими мыслителями наиболѣе видная роль въ его [т. е. Соловьева] духовномъ развитіи несомнѣнно принадлежитъ славянофиламъ. Въ годы его юности славянофилы, особенно въ Москвѣ, составляли тѣсно сплоченную группу, въ которой было немало людей съ всестороннимъ [461]) и глубокимъ философскимъ образованіемъ. Они мало писали и печатали, но нерѣдко отличались очень своеобразными философскими взглядами. Изъ бесѣдъ съ ними, а также изъ чтенія философскихъ и богословскихъ произведеній основателей славянофильства, Хомякова и Кирѣевскаго, Соловьевъ въ молодости почерпнулъ очень много: недаромъ при своемъ вступленіи на литературное поприще онъ еще всецѣло находился въ славянофильскомъ лагерѣ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ остался славянофиломъ на всю жизнь, хотя никто не наносилъ славянофильству такого страшнаго удара, какой былъ нанесенъ имъ, когда въ безпощадной полемикѣ противъ позднѣйшихъ эпигоновъ славянофильства онъ съ неподражаемою тонкостью и остроуміемъ приводилъ къ абсурду важнѣйшія положенія историческаго міросозерцанія славянофиловъ.“ [462]) Сравнительно раннее знакомство Соловьева съ произведеніями А. С. Хомякова отчетливо подтверждается ссылкою уже на первую печатную работу Соловьева: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*, опубликованную въ концѣ 1873 г. Здѣсь Соловьевъ излагаетъ нѣкоторыя воззрѣнія Шеллинга и А. С. Хомякова и называетъ этихъ мыслителей „мало оцѣненными, одинокими“. [463]) Въ перепискѣ Соловьева съ Е. В. Романовой, обнимающей два года его студенчества, съ конца 1871 г. по конецъ 1873 г., о славянофильствѣ, впрочемъ, вовсе не упоминается, хотя, припомнимъ кстати, въ одномъ изъ писемъ, входящихъ въ составъ этой переписки, Соловьевъ и обзываетъ западную цивилизацію „про-

[461]) Въ оригиналѣ сказано: постороннимъ. Надо думать,—опечатка.
[462]) Л. М. Лопатинъ (прим. 202), стр. 132.
[463]) *Соч.*, I, 5.

клятой". [464]) Нѣкоторую близость къ общественнымъ кругамъ, интересующимся славянскими дѣлами и славянофильствомъ, должны были создавать Соловьеву также его родственная связь съ Н. А. Поповымъ [465]) и ученическое общеніе съ о. А. М. Иванцовымъ-Платоновымъ. Личное знакомство Соловьева съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. Ѳ. Аксаковой, рожденной Тютчевой, и ея мужемъ И. С. Аксаковымъ послѣдовало, во всякомъ случаѣ, не раньше первой половины 1875 г., черезъ „нѣсколько мѣсяцевъ" послѣ блестящей защиты Соловьевымъ его магистерской диссертаціи. [466])

Помимо чтенія, захватывавшаго, судя по всему, весьма обширный кругъ философскихъ и отчасти естественно-научныхъ сочиненій, природные задатки Соловьева, въ теченіе всего его студенчества, находились подъ почти непрерывными воздѣйствіями со стороны его родной семьи. Будучи студентомъ университета, Соловьевъ, какъ и раньше въ гимназическіе годы, проживалъ съ родителями; онъ покидалъ родительскій кровъ лишь лѣтомъ 1871 г., ради поѣздки въ Херсонскую губернію къ бабкѣ Е. Ѳ. Романовой, и лѣтомъ 1872 г., ради поѣздки въ Харьковъ къ кузинѣ Е. В. Романовой. Дѣда его со стороны матери, а также дѣда и бабки со стороны отца, въ эту пору въ-живыхъ уже не было. Но весьма вѣроятно, что, когда въ душѣ молодого студента стали возрождаться религіозныя преданія дѣтства, въ его памяти вновь возсталъ и образъ протоіерея М. В. Соловьева, который нѣкогда привелъ его, ребенка 7—8 лѣтъ, въ алтарь, поставилъ на колѣни передъ престоломъ и, произнеся пламенную молитву, благословилъ его на служеніе Богу. [467]) „Владиміръ Сергѣевичъ потерялъ своего дѣда въ дѣтствѣ, но, прощаясь съ нимъ передъ смертью, получилъ его благословеніе и всегда сохранялъ о немъ живое воспоминаніе, усердно посѣщая его могилу до самаго конца жизни." [468])

---

[464]) См. выше, прим. 440-ое.

[465]) Вступленіе въ бракъ В. С. Соловьевой съ Н. А. Поповымъ относится къ 1870 г.

[466]) *П.*, III, 275; статья: *Изъ воспоминаній. Аксаковы.*—Напомнимъ попутно годы жизни главнѣйшихъ представителей славянофильства: А. С. Хомяковъ, 1804—1860; С. Т. Аксаковъ, 1791—1859; К. С. Аксаковъ, 1817—1860; И. В. Кирѣевскій, 1806—1856; П. В. Кирѣевскій, 1808—1856; Ѳ. И. Тютчевъ, 1803—1873; Ю. Ѳ. Самаринъ, 1819—1876; Ѳ. М. Достоевскій, 1821—1881; Н. С. Кохановская-Соханская, 1825—1884; Н. Я. Данилевскій, 1822—1885; И. С. Аксаковъ, 1823—1886; О. Ѳ. Миллеръ, 1833—1889; Н. Н. Страховъ, 1828—1896.

[467]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 59.

[468]) Владиміръ Соловьевъ, *Стихотворенія*; изд. 6, Москва, 1915 г.; здѣсь-же: Сергѣй Соловьевъ, *Біографія Владиміра Сергѣевича Соловьева*; стр. 1.

Вѣроятно, не разъ мерещились ему и тѣ воскресенья, которыя онъ, вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, братьями и сестрами, проводилъ—послѣ обѣдни—подъ гостепріимнымъ кровомъ стараго протоіерея и его жены, „бабушки-баловницы“, и которыя впослѣдствіи такъ живо описалъ его братъ Всеволодъ. [469]) Въ дѣтяхъ жила увѣренность, что „дѣдушка бесѣдовалъ съ Богомъ, что самъ Богъ говорилъ ему“; да и не одни дѣти смотрѣли такъ на этого почтеннаго старца, который „всегда бывалъ готовъ всѣмъ помочь, во всѣхъ принять участіе“. [470]) Но еще ближе, чѣмъ эти дорогія тѣни отшедшихъ, стояли образы отца и матери. По мѣрѣ того, какъ мужалъ Владиміръ Соловьевъ, онъ дѣлался все болѣе и болѣе сознательнымъ участникомъ въ духовной жизни отца, который, въ свою очередь, убѣждался все болѣе и болѣе въ томъ, что въ этомъ его сынѣ особенно счастливо сочетались добрыя наслѣдственныя черты Соловьевыхъ и Романовыхъ. Небольшой эпизодъ съ записью публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ можетъ служить хорошей иллюстраціей тѣхъ отношеній, которыя устанавливались въ эту пору между отцомъ и сыномъ. [471]) Впрочемъ, признаковъ какой-либо чрезмѣрной сантиментальности мы въ этихъ отношеніяхъ все-таки не усматриваемъ: С. М. Соловьевъ сохраняетъ, по-прежнему, свои типическія черты человѣка долга, строгаго исполнителя своихъ обязанностей, твердаго блюстителя опредѣленнаго уклада жизни. Къ роману сына Владиміра съ его двоюродной сестрой онъ относится съ явнымъ несочувствіемъ, и обоимъ влюбленнымъ ясно, что съ этимъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ брачныхъ предположеній имъ необходимо считаться не на шутку. Взаимной привязанности отца и сына обстоятельство это, однако, не портитъ: повидимому, молодые люди и сами чувствовали, что въ ихъ планахъ не все соображено правильно; но, безъ сомнѣнія, немаловажную роль сыгралъ въ данномъ случаѣ—по крайней мѣрѣ, по отношенію къ герою юношескаго романа—просто-таки привычный нравственный авторитетъ отца. Отмѣтимъ, кстати, еще разъ, что именно въ студенческіе годы Владиміра Соловьева С. М. Соловьевъ достигъ вершины своего общественнаго и научнаго положенія: съ этими годами совпадаетъ назначеніе его на должность директора Московской оружейной палаты, утвержденіе

---

[469]) *Сочиненія* Всеволода Сергѣевича Соловьева; т. V, С.-Петербургъ, 1887 г.; *Старыя были;* вступительный очеркъ: *Воскресенье*; стр. 1—14.

[470]) *Ibidem*, стр. 7, 10.—На значеніе разсказа: *Воскресенье* для біографіи М. В. Соловьева указываетъ С. М. Соловьевъ-младшій (прим. 468).

[471]) См. выше, въ главѣ пятой (сообщеніе В. И. Герье).

ректоромъ Московскаго университета, избраніе въ ординарные академики академіи наукъ. Конечно, всѣ эти внѣшнія отличія, взятыя сами по себѣ, не могли еще вліять на положеніе С. М. Соловьева въ семьѣ и въ особенности на характеръ отношеній къ нему такого человѣка, какъ его сынъ Владиміръ; но нельзя-же отрицать, что общее признаніе выдающихся заслугъ ученаго дѣятеля, переживавшаго шестой десятокъ лѣтъ, должно было внушать всѣмъ окружающимъ ту простую мысль, что мнѣнія и сужденія такого лица заслуживаютъ и съ ихъ стороны несовсѣмъ зауряднаго вниманія. Это было естественной данью любви и пріязни, воспитанныхъ годами добрыхъ, хотя и безхитростныхъ, воспитательныхъ воздѣйствій. И не удивительно, что образъ мыслей отца естественно сообщался сыну или, по крайней мѣрѣ, оказывалъ на его внутреннія боренія нѣкоторое регулирующее вліяніе. Въ сходномъ смыслѣ должно было дѣйствовать и непрестанное общеніе съ матерью. „Великъ былъ подвигъ этой слабой, смиренной, самоотверженной женщины“, говоритъ про нее ея внукъ С. М. Соловьевъ-младшій, указывающій на ея заботы объ огражденіи покоя ея мужа и на ея неизмѣнныя попеченія о благополучіи дѣтей.[472]) Отъ чуткаго Владиміра такой примѣръ укрыться не могъ, и мы въ-правѣ думать, что уже одно опасеніе причинить огорченіе любимой и любящей матери должно было вносить извѣстную дисциплину въ его домашній и внѣдомашній обиходъ, какъ бы ни играли въ немъ разные юношескіе порывы. О сердечной близости Вл. С. Соловьева къ матери свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что изъ примѣрно трехъ десятковъ писемъ его къ родителямъ, за время съ 19-го іюня 1873 г. по годъ смерти отца, около двухъ третей слишкомъ адресованы на имя „дорогой мамы“.[473])

[472]) Сергѣй Соловьевъ (прим. 468), стр. 3.

[473]) *П.*, II, 1—29. Большую привязанность къ матери обнаруживалъ и Вс. С. Соловьевъ. См., между прочимъ, стихотвореніе его: *П. В. С—ой. Сочиненія* (прим. 469), т. VII, *Стихи*, стр. 1—30,—стр. 12. Въ этомъ-же томѣ помѣщенъ романъ: *Навожденіе;* стр. 1—160. Образъ матери героя внушенъ, по словамъ С. М. Соловьева-младшаго, образомъ П. В. Соловьевой. Авторъ романа указываетъ, что у нея былъ „необыкновенный умъ сердца“; „я думаю, мало кто изъ нашихъ знакомыхъ считалъ ее умною женщиной; она никогда не играла ровно никакой роли въ обществѣ, напротивъ, общество всегда тяготило ее, и она его избѣгала..... Ее нужно было видѣть дома..... Вотъ тутъ она являлась въ совершенно новомъ свѣтѣ. Тамъ, гдѣ близкій ей человѣкъ страдалъ, гдѣ надъ нимъ собиралась или ужъ разразилась гроза, тамъ появлялась она во всеоружіи, и тогда для нея все ужъ было ясно, она ни надъ чѣмъ не задумывалась, ничѣмъ не смущалась, у нея вдругъ находились и слова, и поступки...“ *L. c.*, стр. 92. Ср. Сергѣя Соловьева (прим. 468), стр. 3.

Фактическое содержаніе этихъ писемъ будетъ разсмотрѣно нами впослѣдствіи; пока достаточно сказать, что сейчасъ-же по выходѣ изъ студенческихъ лѣтъ Соловьевъ обрисовывается въ этихъ письмахъ такимъ-же льнущимъ къ матери и любящимъ сыномъ, какимъ онъ представляется намъ и въ дѣтскіе годы... [474])

Сказанное выше относительно ознакомленія Владиміра Соловьева съ философской литературой, новаго устремленія его въ область религіозную и обнаруженія имъ сочувственныхъ ему элементовъ въ славянофильствѣ заставляетъ насъ остановиться здѣсь-же, въ связи съ вопросомъ объ отцовскомъ вліяніи, на нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся студенчества самого С. М. Соловьева и его душевнаго развитія въ молодые годы. Разсказывая про свое студенчество, С. М. Соловьевъ выражается такъ: „Всѣ эти университетскія отношенія (1838—1842 гг.) имѣли большое вліяніе на меня, на мою будущность. Я говорилъ уже, съ какою страстью въ отрочествѣ предавался чтенію Карамзина..... въ университетѣ я занялся всеобщею исторіею вслѣдствіе толчка, даннаго Крюковымъ и Грановскимъ; но время проходило не столько въ изученіи фактовъ, сколько въ думаніи надъ ними, ибо у насъ господствовало философское направленіе; Гегель кружилъ всѣмъ головы, хотя очень немногіе читали самого Гегеля, а пользовались имъ только изъ лекцій молодыхъ профессоровъ; занимавшіеся студенты не иначе выражались, какъ Гегелевскими терминами. И моя голова работала постоянно; схвачу нѣсколько фактовъ и уже строю на нихъ цѣлое зданіе. Изъ Гегелевыхъ сочиненій я прочелъ только *Философію исторіи;* она произвела на меня сильное впечатлѣніе; на нѣсколько мѣсяцевъ я сдѣлался протестантомъ, но дальше дѣло не пошло; религіозное чувство коренилось слишкомъ глубоко въ моей душѣ, [475]) и вотъ явилась во мнѣ мысль—заниматься философіею, чтобъ воспользоваться ея средствами для утвержденія религіи, христіанства; но отвлеченности были не по мнѣ, я родился историкомъ. Въ изученіи историческомъ я бросался

[474]) С. В. Адамовичъ передавала намъ, съ какой трогательной нѣжностью вспоминала П. В. Соловьева про своего сына Владиміра.—Бывало, будучи ребенкомъ лѣтъ трехъ-четырехъ, онъ утромъ задерживаетъ одѣваніе: натянетъ одинъ чулокъ, и остановится. Няня его подгоняетъ: „Ну, о чемъ ты задумался?“—А онъ въ отвѣтъ: „Думаю о звѣздахъ.“ Потомъ случалось и въ гимназію опаздывать: все рѣшалъ „серьезные вопросы“. Въ студенческіе годы сидѣлъ по большей части въ своей комнатѣ, за книгами; жилъ своею жизнью. Изрѣдка выходилъ къ своимъ, кутаясь въ шаль, зябкій, замерзшій, костлявый, а тутъ-же вдругъ ласковый и привѣтливый...

[475]) Ср. выше, прим. 239-ое.

въ разныя стороны, читалъ Гиббона, Вико, Сисмонди; не помню, когда именно попалось мнѣ въ руки Эверсово *Древнѣйшее право Руссовъ*; эта книга составляетъ эпоху въ моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набиралъ только факты; Карамзинъ ударялъ только на мои чувства, Эверсъ ударилъ на мысль; онъ заставилъ меня думать надъ русскою исторіею. Съ большимъ запасомъ фактовъ отъ Карамзина и съ роемъ мыслей въ головѣ, возбужденныхъ Гегелемъ, Вико, Эверсомъ, я вступилъ на четвертый курсъ и сталъ слушать Погодина. Понятно, что его лекціи не могли меня удовлетворить, ибо онѣ не удовлетворяли и товарищей моихъ, хуже меня приготовленныхъ." [476]) Впослѣдствіи, окончательно сосредоточившись на изученіи и разработкѣ русской исторіи, С. М. Соловьевъ долженъ былъ занять болѣе или менѣе опредѣленную позицію и относительно славянофильства и западничества. Въ своихъ запискахъ онъ по этому поводу заявляетъ, что, въ бытность студентомъ и во время двухлѣтняго пребыванія за-границей по окончаніи университетскаго курса, онъ былъ „жаркимъ славянофиломъ", но что „пристальное занятіе русскою исторіею спасло" его „отъ славянофильства и ввело" его „патріотизмъ въ должные предѣлы". [477]) Начавши читать лекціи въ сентябрѣ 1845 г., С. М. Соловьевъ примкнулъ къ западной партіи профессоровъ въ университетѣ, т. е. къ партіи профессоровъ, получившихъ подготовку въ западно-европейскихъ университетахъ; въ 1846—1847 академическомъ году партія эта, однако, распалась. Въ концѣ 1846 г. С. М. Соловьевъ сблизился съ славянофилами, которые не могли не оцѣнить того, что, не смотря на признаніе необходимости Петровскаго періода, онъ „сохранилъ отъ прежнихъ..... любимыхъ занятій древнею русскою исторіею, отъ прежняго славянофильства, всю теплую симпатію къ древней Руси, къ ея лучшимъ людямъ." [478]) Въ семействѣ Аксаковыхъ его очень полюбили; старикъ С. Т. Аксаковъ „не хотѣлъ слушать," когда ему указывали, что молодой профессоръ русской исторіи „западникъ". „Жилось мнѣ тогда весело", говоритъ С. М. Соловьевъ; „съ обѣихъ сторонъ, и съ востока, и съ запада, меня уважали, ласкали; ѳиміамъ, который мнѣ воскуряли со всѣхъ сторонъ, мнѣ очень нравился." [479]) Въ іюнѣ 1847 г. состоялся его докторскій диспутъ, проведенный имъ „славно и съ

[476]) С. М. Соловьевъ (прим. 11), апрѣль, стр. 454, 455.
[477]) *Ibidem*, май, стр. 14.
[478]) *Ibidem*, май, стр. 29.
[479]) *Ibidem*, май, стр. 35.

честью". Затѣмъ начались „времена испытаній"—отчасти въ зависимости отъ февральской революціи и всего, что за нею послѣдовало на Западѣ, отчасти въ зависимости отъ тѣхъ тяжелыхъ внутреннихъ условій, при которыхъ произошла смѣна царствованій. [480]) „Раздался свистокъ судьбы; декораціи перемѣнены, и я [т. е. С. М. Соловьевъ] изъ либерала, нисколько не мѣняясь, сталъ консерваторомъ." [481]) Слова эти поясняются дальше: „была мода—молчать и не думать; теперь пришла мода — кричать и отрицать, бранить все существующее; и желавшіе жить по модѣ принялись кричать, бранить, отрицать существующее." [482]) Конечно, С. М. Соловьевъ не принадлежалъ къ числу людей, гоняющихся за модой. И не нужно прибавлять, что такой „консерватизмъ" его, точно такъ-же, какъ раньше „либерализмъ", не создавалъ помѣхъ для его большой и плодотворной ученой работы, и что уклоненіе отъ крайностей славянофильства отнюдь не превратило его въ слѣпого слугу западничества.

Только-что приведенныя подробности поучительно сопоставить съ данными, относящимися до Владиміра Соловьева.

Бросается, во-первыхъ, въ глаза, что религіозно-философскіе замыслы, которые занимали сына въ его студенческіе годы, являются какъ-бы потенцированнымъ воспроизведеніемъ того, что нѣкогда, въ подобные-же годы, манило отца. Правда, мы можемъ судить объ этихъ замыслахъ Владиміра Соловьева лишь по довольно скуднымъ матеріаламъ, но тѣмъ не менѣе общій смыслъ этихъ матеріаловъ представляется совершенно опредѣленнымъ. Перечислимъ эти матеріалы въ связномъ порядкѣ.—

Въ письмѣ отъ 12-го октября 1871 г. на имя Е. В. Романовой Владиміръ Соловьевъ пишетъ: „Ты ..... хочешь побольше заниматься эту зиму. Пожалуйста, только ..... занимайся не слишкомъ усидчиво и, ради Бога, не естественными науками: это знаніе само по себѣ совершенно пустое и призрачное. Достойны изученія сами по себѣ только *человѣческая* природа и жизнь, а ихъ всего лучше можно узнать въ истинныхъ поэтическихъ произведеніяхъ; поэтому—совѣтую тебѣ, читай по возможности великихъ поэтовъ. Какъ средство—учись англійскому языку и доучивайся нѣмецкому." [483]) Въ устахъ студента-натуралиста внушенія, конечно, нѣсколько неожиданныя... Въ письмѣ

---

[480]) *Ibidem*, май, стр. 36.
[481]) *Ibidem*, іюнь, стр. 464.
[482]) *Ibidem*, іюнь, стр. 468.
[483]) *П.*, III, 57.

отъ 27-го января 1872 г. на имя той-же кузины содержатся такія строки: „Важно то, что ты отказалась ..... отъ того, что составляетъ всю жизнь для большинства людей—жизнь эгоизма, личныхъ интересовъ, съ глупымъ призракомъ счастья какъ послѣднею цѣлью. Ты поняла, что это—ложь и зло, что эта жизнь есть смерть. И ты не только это поняла, но твердо рѣшилась избавиться отъ этой лжи и зла. Такимъ рѣшеніемъ ты уже сдѣлала первый самый трудный и важный шагъ къ избавленію. Но много еще остается впереди.—Если то, что считается дѣйствительною жизнью, есть ложь, то должна быть другая, *истинная* жизнь. Зачатокъ этой истинной жизни есть въ насъ самихъ, потому-что еслибъ его не было, то мы удовлетворились бы окружающей насъ ложью и не искали бы ничего лучшаго..... Истинная жизнь въ насъ есть, но она подавлена, искажена нашей ограниченною личностью, нашимъ эгоизмомъ. Должно познать эту истинную жизнь, какова она въ себѣ, въ своей чистотѣ, и какими средствами можно ея достигнуть. Все это было уже давно открыто человѣчеству *истиннымъ* христіанствомъ, но само христіанство въ своей исторіи испытало вліяніе той ложной жизни,—того зла, которое оно должно было уничтожить; и эта ложь такъ затемнила, такъ закрыла христіанство, что въ настоящее время одинаково трудно понять истину въ христіанствѣ, какъ и дойти до этой истины прямо самому.—Но кто твердо отрекся отъ лжи, тотъ навѣрно дойдетъ и до истины.“ [484]) Аналогичная тема затрагивается затѣмъ въ письмѣ отъ 7-го марта того-же 1872 г.: „..... наука не можетъ быть послѣднею цѣлью жизни. Высшая, истинная цѣль жизни другая—нравственная (или религіозная), для которой и наука служитъ однимъ изъ средствъ.“ [485]) Недостаточность научнаго познанія подчеркивается и въ ближайшемъ слѣдующемъ письмѣ—отъ 26-го марта. „Что ты теперь дѣлаешь, чѣмъ занимаешься? Мнѣ сдается (къ большому моему удовольствію), что твое стремленіе къ «наукѣ» значительно охладѣло. Ma foi! und es ist gut! Я того мнѣнія, что *изучать* пустые призраки внѣшнихъ явленій—еще глупѣе, чѣмъ *жить* пустыми призраками. Но главное дѣло въ томъ, что эта «наука» не можетъ достигнуть своей цѣли. Люди смотрятъ въ микроскопы, рѣжутъ несчастныхъ животныхъ, кипятятъ какую-нибудь дрянь въ химическихъ ретортахъ и воображаютъ, что они изучаютъ *природу*! Этимъ осламъ нужно бы на лбу написать:—

---

[484]) *П.*, III, 60, 61.
[485]) *П.*, III, 62.

Природа съ красоты своей
Покрова снять не позволяетъ,
И ты машинами не вынудишь у ней,
Чего твой духъ не угадаетъ.

Вмѣсто живой природы они цѣлуются съ ея мертвыми скелетами." [486]) Сужденіе это Соловьевъ высказываетъ въ концѣ третьяго года своего студенчества. Очевидно, университетское естествознаніе не завоевало его симпатій, и какъ бы онъ впослѣдствіи ни увѣрялъ насъ, что увлеченіе естественными науками было для него „полезно"— при всей гибельности этого увлеченія „для казеннаго микроскопа", [487])— мы все-таки видимъ, что уже со второго года студенчества естественныя науки отодвигаются у него на задній планъ, и что вообще его гораздо сильнѣе привлекаютъ къ себѣ вопросы нравственные, религіозно-философскіе. Еще рѣшительнѣе высказывается Соловьевъ о значеніи религіи въ самомъ началѣ письма отъ 31-го декабря 1872 г. Здѣсь „вопросъ о религіи" называется имъ „величайшимъ" и даже „единственнымъ" „вопросомъ жизни и знанія"; онъ „очень" радуется тому, что его „дорогая Катя" обнаруживаетъ „серьезное отношеніе" къ этому вопросу. [488]) Дальнѣйшее содержаніе этого письма уже было воспроизведено нами по другому поводу, и оно вполнѣ достойно этого

---

[486]) *П.*, III, 64, 65.—Приведенные въ письмѣ стихи—слова Фауста:—

Geheimnissvoll am lichten Tag,
Lässt sich Natur des Schleiers nicht berauben,
Und was sie deinem Geist nicht offenbaren mag,
Das zwingst du ihr nicht ab mit Hebeln und mit Schrauben.

Faust, I, ст. 319—322, resp. 672—675.

[487]) См. выше, прим. 255-ое.—Касаясь студенческихъ годовъ Соловьева и указавъ на то, что въ возрастѣ 19 лѣтъ онъ окончательно посвятилъ себя философіи, М. д'Эрбиньи продолжаетъ такъ: „Ce choix, pourtant, n'avait pas été immédiat: après sa sortie du gymnase, il avait si bien réussi d'abord dans la Faculté des sciences physiques et mathématiques de l'Université de Moscou, son esprit semblait si bien fait pour l'étude des sciences, que tous, professeurs et élèves, parlaient déjà de la chaire de paléontologie qu'il occuperait bientôt. Soudain, la direction changea: les sciences naturelles éclairaient trop peu les mystères de la vie humaine; elles ne pouvaient pas consoler les âmes, ni les guider ni les sauver..., et les âmes russes avaient tant besoin d'un consolateur, d'un guide, d'un sauveur!" Michel d'Herbigny, *Un Newman russe—Vladimir Soloviev (1853—1900);* Paris; extrait des *Etudes* des 20 septembre et 5 octobre 1909; p. 27. Авторъ, однако, не сообщаетъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія о томъ, будто-бы всѣ, и профессора, и студенты, прочили Соловьева на каѳедру палеонтологіи.

[488]) *П.*, III, 73.

начала — въ части, такъ сказать, общей, а не житейской. [489]) Ко времени завершенія университетскихъ учебныхъ занятій въ душѣ Соловьева окончательно созрѣваетъ рѣшеніе посвятить себя той дѣятельности, которая отвѣчаетъ сложившемуся въ немъ взгляду на значеніе „вопроса о религіи“, и о которой онъ, безъ сомнѣнія, много раздумывалъ не только тогда, когда переписывался съ своей кузиной. Въ письмѣ отъ 11-го іюля 1873 г. онъ выражается такъ: „Для большинства людей..... любовь и то, что за нею должно слѣдовать: семейное счастіе—составляетъ главный интересъ ихъ жизни. Но я имѣю совершенно другую задачу, которая съ каждымъ днемъ становится для меня все яснѣе, опредѣленнѣе и строже. Ея посильному исполненію посвящу я свою жизнь. Поэтому личныя и семейныя отношенія всегда будутъ занимать *второстепенное* мѣсто въ моемъ существованіи.“ [490]) А черезъ двѣ недѣли, 25-го іюля, онъ находитъ для своихъ чаяній еще болѣе яркія выраженія: „Я не только надѣюсь, но такъ-же увѣренъ, какъ въ своемъ существованіи, что истина, мною сознанная, рано или поздно будетъ сознана и другими, сознана всѣми, и тогда своею внутреннею силою преобразитъ она весь этотъ міръ лжи, на-всегда съ корнемъ уничтожитъ всю неправду и зло жизни личной и общественной,—грубое невѣжество народныхъ массъ, мерзость нравственнаго запустѣнія образованныхъ классовъ, кулачное право между государствами—ту бездну тьмы, грязи и крови, въ которой до сихъ поръ бьется человѣчество; все это исчезнетъ какъ ночной призракъ передъ восходящимъ въ сознаніи свѣтомъ вѣчной Христовой истины, доселѣ не понятой и отверженной человѣчествомъ,—и во всей своей славѣ явится царство Божіе—царство внутреннихъ духовныхъ отношеній, чистой любви и радости—новое небо и новая земля, въ которыхъ правда живетъ; но невозможно ничтожному человѣку постоянно жить въ этомъ мысленномъ, еще не осуществленномъ для насъ мірѣ.“ [491]) Черезъ какую-нибудь недѣлю, 2-го августа, Соловьевъ пишетъ снова, и на этотъ разъ въ его словахъ слышатся уже не столько отголоски апокалипсиса, сколько отголоски реальной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отзвуки того, что лѣтъ 30 тому назадъ манило его отца—манило, но не увлекло. Письмо это очень важно для правильной оцѣнки того настроенія, съ которымъ покинулъ Владиміръ Соловьевъ университетскую скамью, а потому мы и внесемъ

[489]) См. выше, прим. 227-ое.

[490]) *П.*, III, 82.

[491]) *П.*, III, 85.

текстъ его въ наше изложеніе почти цѣликомъ. „Постараюсь..... отвѣтить тебѣ, насколько это возможно въ одномъ письмѣ, на вопросъ твой о моей цѣли и моихъ занятіяхъ“, — такъ начинаетъ Соловьевъ исповѣданіе своей новой вѣры. „Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ что-нибудь смыслить, я сознавалъ, что существующій порядокъ вещей (преимущественно же порядокъ общественный и гражданскій, отношенія людей между собою, опредѣляющія всю человѣческую жизнь), что этотъ существующій порядокъ далеко не таковъ, какимъ *долженъ* быть, что онъ основанъ не на разумѣ и правѣ, а напротивъ, по большей части на безсмысленной случайности, слѣпой силѣ, эгоизмѣ и насильственномъ подчиненіи. Люди практическіе хотя и видятъ неудовлетворительность этого порядка (не видѣть ея нельзя), но находятъ возможнымъ и удобнымъ примѣниться къ нему, найти въ немъ свое теплое мѣстечко, и жить, какъ живется. Другіе люди, не будучи въ состояніи примириться съ міровымъ зломъ, но считая его, однако, необходимымъ и вѣчнымъ, должны удовольствоваться безсильнымъ презрѣніемъ къ существующей дѣйствительности, или же проклинать ее à la лордъ Байронъ. Это очень благородные люди, но отъ ихъ благородства никому ни тепло, ни холодно. Я не принадлежу ни къ тому, ни къ другому разряду. Сознательное убѣжденіе въ томъ, что настоящее состояніе человѣчества *не таково, какимъ быть должно*, значитъ для меня, что *оно должно быть измѣнено*, преобразовано. Я не признаю существующаго зла вѣчнымъ, я не вѣрю въ чорта. Сознавая необходимость преобразованія, я тѣмъ самымъ обязываюсь посвятить всю свою жизнь и всѣ свои силы на то, чтобы это преобразованіе было дѣйствительно совершено. Но самый важный вопросъ: *гдѣ средства?* Есть, правда, люди, которымъ вопросъ этотъ кажется очень простымъ и задача легкою. Видя (впрочемъ, весьма поверхностно и узко) неудовлетворительность существующаго, они думаютъ сдѣлать все дѣло, выбивая клинъ клиномъ, т. е. уничтожая насиліе насиліемъ-же, неправду неправдою, кровь смывая кровью; они хотятъ возродить человѣчество убійствами и поджогами. Это, можетъ-быть, очень хорошіе люди, но весьма плохіе музыканты. Богъ проститъ имъ, не вѣдаютъ бо, что̀ творятъ. Я понимаю дѣло иначе. Я знаю, что всякое преобразованіе должно дѣлаться *изнутри*—изъ ума и сердца человѣческаго. Люди управляются своими *убѣжденіями;* слѣдовательно, нужно дѣйствовать на убѣжденія, убѣдить людей въ истинѣ. [492]) Сама истина, т. е. христіанство (разумѣется, не то мни-

[492]) Тутъ можно было бы упрекнуть Соловьева въ слишкомъ преувеличенной

мое христіанство, которое мы всѣ знаемъ по разнымъ катехизисамъ),— истина сама по себѣ ясна въ моемъ сознаніи, но вопросъ въ томъ, какъ ввести ее во всеобщее сознаніе, для котораго она въ настоящее время есть какое-то monstrum—нѣчто совершенно чуждое и непонятное. Спрашивается прежде всего: отъ чего происходитъ это отчужденіе современнаго ума отъ христіанства? Обвинять во всемъ человѣческое заблужденіе или невѣжество—было бы очень легко, но и столь-же легкомысленно. Причина глубже. Дѣло въ томъ, что христіанство, хотя безусловно-истинное само по себѣ, имѣло до сихъ поръ вслѣдствіе историческихъ условій лишь весьма одностороннее и недостаточное выраженіе. За исключеніемъ только избранныхъ умовъ, для большинства христіанство было лишь дѣломъ простой полусознательной вѣры и неопредѣленнаго чувства, но ничего не говорило *разуму*, не входило въ разумъ. Вслѣдствіе этого оно было заключено въ несоотвѣтствующую ему, неразумную форму и загромождено всякимъ безсмысленнымъ хламомъ. И разумъ человѣческій, когда выросъ и вырвался на волю изъ средневѣковыхъ монастырей, съ полнымъ правомъ возсталъ противъ *такого* христіанства и отвергъ его. Но теперь, когда разрушено христіанство въ ложной формѣ, пришло время возстановить истинное. Предстоитъ задача: ввести вѣчное содержаніе христіанства въ новую соотвѣтствующую ему, т. е. разумную безусловно, форму. Для этого нужно воспользоваться всѣмъ, что выработано за послѣдніе вѣка умомъ человѣческимъ: нужно усвоить себѣ всеобщіе результаты научнаго развитія, нужно изучить всю философію. Это я дѣлаю и еще буду дѣлать. Теперь мнѣ ясно, какъ дважды два четыре, что все великое развитіе западной философіи и науки, повидимому, равнодушное и часто враждебное къ христіанству, въ дѣйствительности только вырабатывало для христіанства новую, достойную его форму. И когда христіанство дѣйствительно будетъ выражено въ этой новой формѣ, явится въ своемъ истинномъ видѣ, тогда само собой исчезнетъ то, что препятствуетъ ему до сихъ поръ войти во всеобщее сознаніе, именно его мнимое противорѣчіе съ разумомъ. Когда оно явится, какъ свѣтъ и разумъ, то необходимо сдѣлается всеобщимъ убѣжденіемъ,—по крайней мѣрѣ, убѣжденіемъ всѣхъ тѣхъ, у кого есть что-нибудь въ головѣ и сердцѣ. [493]) Когда же

оцѣнкѣ раціональныхъ факторовъ преобразованій. Но „убѣжденія“, которыя онъ имѣетъ въ виду, суть убѣжденія ума и *сердца* человѣческаго, а не однѣ только „головныя“ формулы.

[493]) Снова упоминаніе о *сердцѣ* (см. выше, прим. 492), вносящее нѣкоторый

христіанство станетъ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, т. е. такимъ, по которому люди будутъ *жить*, осуществлять его въ дѣйствительности, тогда, очевидно, *все измѣнится*. Представь себѣ, что нѣкоторая хотя-бы небольшая часть человѣчества вполнѣ серьезно, съ сознательнымъ и сильнымъ убѣжденіемъ будетъ исполнять въ дѣйствительности ученіе безусловной любви и самопожертвованія,—долго-ли устоитъ неправда и зло въ мірѣ!—Но до этого практическаго осуществленія христіанства въ жизни пока еще далеко. Теперь нужно еще сильно поработать надъ теоретической стороной, надъ богословскимъ вѣроученіемъ. Это мое настоящее дѣло. Ты, вѣроятно, знаешь, что я этотъ годъ буду жить при духовной академіи для занятій богословіемъ. Вообразили, что я хочу сдѣлаться монахомъ и даже думаю объ архіерействѣ. Нехай—я не разувѣряю. Но ты можешь видѣть, что это вовсе не подходитъ къ моимъ цѣлямъ. Монашество нѣкогда имѣло свое высокое назначеніе, но теперь пришло время не бѣгать отъ міра, а идти въ міръ, чтобы преобразовать его. [494])—Ты понимаешь, мой другъ, что съ такими убѣжденіями и намѣреніями я долженъ казаться совсѣмъ сумасшедшимъ, и мнѣ поневолѣ приходится быть сдержаннымъ. Но меня это не смущаетъ: «безумное Божіе умнѣе мудрости человѣческой».“ [495])

Мы видимъ такимъ образомъ, что за время своего студенчества Соловьевъ продвинулся, дѣйствительно, далеко впередъ въ своемъ внутреннемъ развитіи. Началъ онъ съ того, съ чего началъ-было и его отецъ—съ занятій философіею ради утвержденія религіи, христіанства; но тогда-какъ С. М. Соловьевъ вскорѣ-же покинулъ этотъ путь и обратился къ собственно научнымъ трудамъ, Владиміръ Соловьевъ рѣшительно утвердился на избранномъ имъ пути и точнѣе опредѣлилъ свою теоретическую задачу въ смыслѣ облеченія тради-

---

коррективъ въ сужденія о разумности „убѣжденій“. Правда, и здѣсь *сердце* ставится на второмъ мѣстѣ. Но вѣдь, по взгляду Соловьева, то, что препятствуетъ христіанству войти во всеобщее сознаніе, есть именно его мнимое противорѣчіе съ *разумомъ*.

[494]) Ходили слухи, что Ѳ. М. Достоевскій списалъ своего Алешу Карамазова съ Вл. С. Соловьева. По словамъ С. М. Соловьева-младшаго, слухи эти лишены всякаго основанія. Сергѣй Соловьевъ (прим. 468), стр. 17. С. В. Ковалевская сближаетъ образъ Алеши съ образомъ нѣкоего Михаила въ разсказѣ ея сестры А. В. Корвинъ-Круковской, которой Ѳ. М. Достоевскій предлагалъ руку и сердце примѣрно за полгода до своего брака съ А. Г. Сниткиной. Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). *Ѳ. М. Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и замѣткахъ*; Москва, 1912 г.; стр. 109, 117 (отрывокъ: *Изъ воспоминаній С. В. Ковалевской*).

[495]) *П.*, III, 87—90.

ціоннаго христіанства въ философски оправданную, разумно обоснованную форму, да притомъ еще отчетливо намѣтилъ для себя и практическую задачу—преобразованіе „существующей дѣйствительности“ по началамъ „истиннаго христіанства“, по ученію „безусловной любви и самопожертвованія“. Съ молодымъ увлеченіемъ, съ искреннею вѣрою въ превозмогающую силу разумныхъ убѣжденій, съ добросовѣстнымъ невѣріемъ во власть ирраціональныхъ началъ, гнѣздящихся въ человѣческой душѣ, съ трогательною надеждою на то, что свѣтъ необходимо побѣдитъ тьму, излагаетъ онъ передъ избранницей своего сердца свои планы и предположенія, радуясь тому, что тутъ ему не приходится „быть сдержаннымъ“. Повторяется вѣковѣчная исторія: просвѣтленная любовью женская душа, дѣлающаяся первою воспріемницею—можетъ-быть, и не вполнѣ отдающею себѣ отчетъ въ этомъ—идеальныхъ мужскихъ замысловъ... Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что даже при такой задушевной бесѣдѣ нашъ юный философъ не въ состояніи совершенно отдѣлаться отъ мысли о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя грозятъ ему со стороны „міра“, въ который онъ пойдетъ, „чтобы преобразовать его“: недаромъ онъ откровенно признается, что „съ такими убѣжденіями и намѣреніями“ онъ „долженъ казаться“ среди людей этого міра „совсѣмъ сумасшедшимъ“.

Достойно, во-вторыхъ, вниманія, что положеніе, которое занялъ Владиміръ Соловьевъ въ начальный періодъ своей возмужалости относительно славянофильской идеологіи, очень сходно съ тѣмъ положеніемъ, которое занималъ нѣкогда С. М. Соловьевъ. Подобно отцу, и сынъ началъ съ утвержденія, и даже весьма потенцированнаго, славянофильскихъ ученій. Нѣкоторыя данныя, выясняющія соотвѣтствующій ходъ дѣла, приведены выше; дальнѣйшія подробности, притомъ болѣе важныя и выразительныя, найдутъ еще себѣ мѣсто въ послѣдующихъ главахъ. Но, съ одной стороны, для насъ уже и теперь должно быть ясно, что, становясь въ ряды послѣдователей славянофильской догмы, Владиміръ Соловьевъ могъ заимствовать и дѣйствительно заимствовалъ изъ славянофильства лишь то, что отвѣчало его философско-религіознымъ замысламъ вселенскаго характера; съ другой же стороны, намъ не менѣе ясно и то, что въ ту пору, когда сынъ впервые проникался нѣкоторыми основными чаяніями славянофильства, отецъ былъ въ положеніи человѣка, давно уже пережившаго свои первоначальныя увлеченія и, слѣдовательно, уже неспособнаго поддерживать другихъ въ подобныхъ увлеченіяхъ. Значитъ, другими словами, ни въ собственномъ умонастроеніи, ни въ

авторитетѣ отца Владиміръ Соловьевъ не находилъ въ разумѣемые здѣсь годы достаточныхъ основаній для того, чтобы примкнуть къ цѣльной системѣ славянофильства безъ всякой оглядки. [496]) Забѣгая нѣсколько впередъ, скажемъ кстати, что и пріобщеніе къ западническому ученію, совершившееся въ позднѣйшіе годы, не было у него безоглядочнымъ. Всѣмъ еще памятны признанія И. С. Тургенева: „Я бросился внизъ головою въ «нѣмецкое море», долженствовавшее очистить и возродить меня“,—говоритъ онъ,—„и когда я, наконецъ, вынырнулъ изъ его волнъ, я все-таки очутился «западникомъ», и остался имъ на-всегда.“ [497]) Подобнаго salto mortale нашъ герой не продѣлывалъ—ни во имя славянофиловъ, ни во имя западниковъ, хотя нѣкоторая импульсивность была вовсе не чужда ему, [498]) и хотя во имя своихъ собственныхъ идеаловъ, смущавшихъ то славянофиловъ, то западниковъ, онъ и былъ способенъ на дѣянія весьма рискованныя. Вообще, отнюдь не слѣдуетъ торопиться съ припискою Владиміра Соловьева къ тому или другому изъ тѣхъ двухъ лагерей, которые по праву завладѣли первыми мѣстами въ исторіи нашей новой общественности: его подлинное мѣстопребываніе не въ этихъ лагеряхъ, а тамъ, гдѣ предвидится преодолѣніе ихъ односторонностей, гдѣ намѣчается болѣе глубокій синтезъ восточно-европейскихъ стихій, въ чаяніи синтеза обще-европейскаго и обще-человѣческаго. [499]) Надо бы повременить и съ упреками въ измѣнѣ, напоминающими упреки В. И. Аскоченскаго, которому возражалъ въ свое время „достойнѣйшій и всѣми почитаемый“ прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. [500]) „Еслибъ у

---

[496]) Опять приходятъ на мысль слова героя повѣсти: *На зарѣ туманной юности...*: „Впрочемъ, я былъ тогда отчасти славянофиломъ“... Отчасти, а не вполнѣ. *П.*, III, 286. Ср. выше, прим. 355-ое.

[497]) *Полное собраніе сочиненій* И. С. Тургенева; изд. А. Ф. Маркса; т. XII, С.-Петербургъ, 1898 г.; статья: *Литературныя и житейскія воспоминанія*, стр. 3—218;—стр. 5.

[498]) Между прочимъ, уже переходъ Соловьева на физико-математическій факультетъ поразилъ всѣхъ его товарищей, по словамъ Н. И. Карѣева, своею „неожиданностью“. Шагъ этотъ казался настолько мало мотивированнымъ, что возвращеніе Соловьева къ наукамъ гуманитарнымъ, resp. держаніе кандидатскаго экзамена по историко-филологическому факультету, признавалось, наоборотъ, всѣми близко знавшими его явленіемъ совершенно естественнымъ.

[499]) С. М. Лукьяновъ, *Къ ученію о государственности и церковности; Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1913 г., отд. по нар. образ., январь, стр. 27, февраль, стр. 129.

[500]) См. выше, прим. 417-ое.

Владиміра Соловьева было *основнымъ* ученіемъ славянофильство, или западничество, или матеріализмъ, или вообще что-нибудь сравнительно узкое, то переходъ отъ одного ученія къ другому могъ бы быть названъ измѣной (особенно въ случаѣ неполной искренности). Но на дѣлѣ онъ былъ съ первыхъ и до послѣднихъ дней своихъ вѣренъ *всеобъемлющему идеалу абсолютнаго единства*, началу неизмѣримо *высшему*, къ которому все это относилось, какъ малыя вѣтви, шумно гнущіяся по вѣтру событій, относятся къ незыблемому, прямому и крѣпкому стволу, вершиной уходящему въ небеса! Многіе единомышленники Владиміра Соловьева, и особенно наиболѣе шумные, могутъ быть названы лишь *попутчиками* его, или птицами, громко пѣвшими на вѣтвяхъ этого дерева, но не знавшими ни основъ его природы, ни смысла его жизни..." [501]) Можетъ-быть, не все въ этой тирадѣ покажется удобопріемлемымъ; но основная мысль ея все-таки вѣрна.

Чтеніе и семья — таковы, по нашему мнѣнію, главные внѣшніе факторы въ исторіи духовнаго развитія Соловьева за годы его студенчества. Отрицать воздѣйствія со стороны университета мы, конечно, не можемъ; но, судя по даннымъ, сопоставленнымъ выше, воздѣйствія эти сводятся къ сравнительно немногому. Возвращаться къ этому предмету представляется намъ поэтому излишнимъ. Нужно только имѣть въ виду, что положеніе Соловьева не было въ разсматриваемомъ отношеніи положеніемъ типическимъ. Чтобы нѣсколько освѣтить и эту сторону дѣла, остановимся на сообщеніяхъ такихъ лицъ, которыя были въ ту пору связаны съ историко-филологическимъ факультетомъ Московскаго университета не однимъ лишь дипломнымъ титуломъ.

А. Н. Шварцъ, какъ было упомянуто, покончилъ съ своими учебными занятіями въ Московскомъ университетѣ въ 1868 г., удостоенный степени кандидата одновременно съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ. Выходитъ, значитъ, что онъ разстался съ положеніемъ студента за годъ до вступленія въ число студентовъ Соловьева. Составъ преподавателей по историко-филологическому факультету былъ при А. Н. Шварцѣ сходный съ тѣмъ, который былъ и при Соловьевѣ; въ обоихъ случаяхъ дѣйствовалъ и одинъ и тотъ-же университетскій уставъ 1863 г. Занимались студенты историко-филологическаго факультета, по разсказамъ А. Н. Шварца, очень усердно. Всѣ первокурсники должны были представлять сочиненія по русскому языку. Темы для этихъ

---

501) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 64, 65.

сочиненій давалъ обыкновенно Н. С. Тихонравовъ; достоинства и промахи сочиненій обсуждались внимательно, недостатка въ руководящихъ указаніяхъ и замѣчаніяхъ не было; вообще, дѣло велось толково. Чтобы быть перечисленнымъ съ младшаго курса на старшій, надо было выдержать нѣсколько экзаменовъ,—по большей части довольно строгихъ. Такъ, при переходѣ со второго курса на третій—экзамены по 14 предметамъ; экзамены назначались черезъ день, и справиться съ ними было не легко. Студенты перваго и второго курсовъ, а также третьяго и четвертаго, на нѣкоторыхъ лекціяхъ соединялись. Посѣщеніе лекцій считалось обязательнымъ; нѣкоторые профессора проявляли въ этомъ отношеніи даже большую требовательность. Тѣмъ не менѣе, иногда число слушателей въ аудиторіяхъ оказывалось небольшимъ. А. Н. Шварцъ удостовѣряетъ, что объяснять это научнымъ равнодушіемъ со стороны учащихся было бы, впрочемъ, неправильно: научные интересы у студентовъ были, безспорно, пробуждены, только удовлетворялась ихъ научная алчба не изъ однѣхъ лекцій. Въ цѣляхъ самообразованія и товарищескаго общенія составлялись неоффиціальные кружки, въ которыхъ читали и спорили до глубокой ночи. Практичности, карьеризма не было, но и къ политиканству вкуса тоже не было: споры вращались по-преимуществу около вопросовъ научныхъ. Слышали, что были какіе-то „красные“, что „юристы“ возятся съ какой-то кассой; но „филологи“ надъ всѣмъ этимъ больше подтрунивали. Общая журналистика ихъ также почти не занимала; зато театромъ увлекались сильно. Большую пользу приносили занятія въ семинаріяхъ; изъ нихъ особымъ успѣхомъ пользовались семинаріи П. М. Леонтьева и В. И. Герье. Собирались у профессоровъ и запросто на дому—между прочимъ, у Ѳ. И. Буслаева по пятницамъ (читали Данте), у Н. С. Тихонравова по вторникамъ (можно было потолковать о научныхъ вещахъ). Студенты пріобрѣтали навыкъ работать самостоятельно и достигали при этомъ такихъ результатовъ, что нерѣдко могли „провѣрять“ профессоровъ. Лекціи записывались обыкновенно самими студентами; къ чтенію авторовъ подготовлялись группами въ 3—4 чел. Предметы излагались на русскомъ языкѣ; кажется, только О. И. Пѣховскій введеніе въ древности читалъ полатыни. Вслѣдствіе слабой подготовки въ гимназіяхъ, усвоеніе классической филологіи составляло задачу особенно мудреную. Не безъ причины сѣтовалъ иной разъ С. М. Соловьевъ на студентовъ, обнаруживавшихъ скудныя познанія въ латинскомъ языкѣ. „*Клиномъ* въ васъ латынь вбиваютъ, а толку все нѣтъ“,—говаривалъ онъ, разумѣя

Э. Ѳ. Клина, преподавателя латинскаго языка въ университетѣ... [502]) Но молодая ревность къ наукѣ преодолѣвала затрудненія, и, въ концѣ концовъ, изъ университета выходили хорошіе классики, хотя и немногочисленные.

Въ сходныхъ условіяхъ протекала жизнь студентовъ историко-филологическаго факультета и въ ближайшіе слѣдующіе годы, когда студентомъ этого факультета состоялъ, между прочимъ, Н. И. Карѣевъ, сотоварищъ Соловьева по гимназіи. Одною изъ существенныхъ новинокъ было, впрочемъ, то, что въ эту пору занятія студентовъ историко-филологическими науками подверглись извѣстной спеціализаціи. По словамъ Н. И. Карѣева, фактическое раздѣленіе названнаго факультета на три отдѣленія началось съ 1871 г. Самъ Н. И. Карѣевъ числился на третьемъ курсѣ по славяно-русскому отдѣленію, а на четвертомъ—по историческому, по которому и кончилъ курсъ. Далѣе, въ эту пору студенты могли уже пользоваться литографированными записками, что̀ облегчало какъ усвоеніе лекцій, такъ и подготовку къ экзаменамъ. Только по исторіи церкви записокъ литографированныхъ не было; готовиться къ экзамену у прот. А. М. Иванцова-Платонова приходилось вслѣдствіе этого по единственному рукописному экземпляру записокъ, около котораго студенты и собирались цѣлой компаніей. Получаютъ въ эту-же пору болѣе широкое развитіе и различные семинаріи, вводящіе учащихся въ самую лабораторію науки, научающіе ихъ техникѣ научной работы.

Понятно, что для лицъ, расположенныхъ посвятить себя собственно научной дѣятельности, типическое прохожденіе университетскаго курса должно было и въ занимающіе насъ годы представлять немаловажное значеніе. Съ этой точки зрѣнія, Соловьевъ едва-ли не оказался въ нѣкоторомъ убыткѣ отъ того, что лишь числился студентомъ формально, а не былъ имъ въ дѣйствительности. При тѣхъ исключительныхъ дарованіяхъ, которыми наградила его природа, болѣе строгая систематичность въ университетскихъ занятіяхъ, болѣе тѣсное и длительное общеніе хотя-бы съ особенно родственными ему по духу учеными руководителями, спеціальное углубленіе въ пріемы частной разработки тѣхъ или другихъ научныхъ задачъ могли бы, вѣроятно, оградить его въ будущемъ отъ многихъ излишнихъ увлеченій и разочарованій и сообщить его трудамъ не только еще бо̀ль-

[502]) Услугами Э. Ѳ. Клина (Klien) Вл. Соловьевъ уже не могъ воспользоваться, ибо этотъ преподаватель умеръ еще въ концѣ 1866 г. С. Венгеровъ (прим. 431), стр. 373.

шую обоснованность по существу, но и меньшую зависимость отъ публицистическихъ лозунговъ, отличающихся всегда извѣстною односторонностью. Впрочемъ, задерживаться на такихъ предположеніяхъ, конечно, не стоитъ, ибо каждый дѣлаетъ лишь то, что можетъ. Мы касаемся теперь этихъ предположеній съ единственною цѣлью пояснить, въ какомъ именно смыслѣ должно было отразиться на внутреннемъ развитіи Соловьева его какъ-бы отчужденіе отъ университета. Отношеніе къ философіи можетъ быть различнымъ: одни строятъ науку о философіи, другіе создаютъ философію. Разсуждая отвлеченно, можно было бы сказать, что при наиболѣе всестороннемъ внутреннемъ развитіи оба типа дѣятельности совмѣщаются. Очевидно, положеніе автодидакта, въ которомъ находился Соловьевъ въ свои студенческіе годы, сравнительно мало содѣйствовало подготовкѣ его къ первому типу дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ и позволительно допускать наличность извѣстнаго пробѣла въ его внутреннемъ развитіи. Мы въ-правѣ, однако, утверждать, что широкое развитіе второго типа дѣятельности, чему свобода отъ школьной традиціи, при большомъ запасѣ талантливости, можетъ даже содѣйствовать, съ избыткомъ вознаграждаетъ насъ за этотъ пробѣлъ. [503])

Отдавая много времени чтенію и размышленію надъ прочитаннымъ, студентъ Соловьевъ неохотно покидалъ свой домашній кровъ и даже со старыми гимназическими товарищами видался сравнительно рѣдко; притомъ и здоровье часто измѣняло ему. Тѣмъ не менѣе, кругъ знакомствъ съ теченіемъ времени у него естественно

---

[503]) Вытѣсненіе собственно философскаго творчества наукообразными изслѣдованіями надъ философскими вопросами составляетъ одну изъ типическихъ особенностей исторіи философіи за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій. „Европейская философская мысль во второй половинѣ истекшаго вѣка“, говоритъ Л. М. Лопатинъ, „впала въ состояніе утомленія и невѣрія въ самое себя, которое представляло рѣзкій и грустный контрастъ съ быстрымъ поступательнымъ ходомъ положительныхъ знаній..... философія капитулировала передъ наукой..... можетъ-быть, самый главный страхъ, который преслѣдуетъ философа нашихъ дней, состоитъ въ томъ, чтобы какъ-нибудь, даже при обсужденіи самыхъ высшихъ и коренныхъ вопросовъ человѣческаго знанія, не разойтись съ общепринятыми мнѣніями ученыхъ спеціалистовъ, хотя-бы ихъ спеціальность при рѣшеніи этихъ вопросовъ была не при чемъ. Лишь въ покорномъ и постоянномъ согласіи съ общими тенденціями дѣятелей науки видятъ залогъ успѣховъ философіи въ будущемъ.“ Л. М. Лопатинъ (прим. 202), стр. 128. Въ соотвѣтствіи съ такимъ общимъ настроеніемъ эпохи и среди философовъ возобладалъ въ разсматриваемую эпоху первый типъ дѣятельности, отъ чего большой выгоды для прогресса философіи, разумѣется, не получилось. Тѣмъ цѣннѣе представители второго типа дѣятельности.

расширялся, а это влекло за собою привнесеніе новыхъ элементовъ въ его душевный опытъ, служило поводомъ къ испытанію своихъ силъ въ средѣ посторонней, и т. д. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить въ особенности сближеніе Соловьева съ семействомъ Лапшиныхъ.

Иванъ Осиповичъ Лапшинъ родился въ Астрахани, около 1825 г.; учился въ Казанскомъ университетѣ, посвятивши себя востоковѣдѣнію. Университетскими его товарищами были А. М. Бутлеровъ и Н. П. Вагнеръ; съ первымъ изъ нихъ онъ былъ близокъ и въ болѣе поздніе годы. Въ теченіе нѣкотораго времени по окончаніи курса И. О. Лапшинъ учительствовалъ по помѣщичьимъ семьямъ, а затѣмъ занялъ должность по вѣдомству государственнаго контроля. Служебная дѣятельность его въ Москвѣ продолжалась до половины 70-ыхъ годовъ, послѣ чего онъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ. Долго хворалъ ревматизмомъ и сердцемъ; скончался 21-го февраля 1883 г., въ возрастѣ около 58 лѣтъ. Жена И. О. Лапшина—Сусанна Діонисіевна Друэнъ (Droin), англичанка; здравствуетъ доселѣ. Обладая хорошимъ общимъ и музыкальнымъ образованіемъ, она занималась преподаваніемъ языковъ англійскаго и французскаго, а также пѣнія. Познакомились супруги Лапшины съ Соловьевымъ въ концѣ 1871 г., зимою, т. е. незадолго до достиженія Соловьевымъ 19-лѣтняго возраста, на третьемъ году его студенчества. И. О. Лапшину было въ эту пору около 46 лѣтъ, а С. Д. Лапшиной — около 22. Лапшины были какъ-то вечеромъ у однихъ своихъ знакомыхъ; здѣсь-же случился и Соловьевъ. У гостей завязалась оживленная бесѣда, и въ концѣ вечера Соловьевъ попросилъ позволенія навѣстить Лапшиныхъ на дому. Разговоръ его съ С. Д. Лапшиной велся на французскомъ языкѣ, такъ-какъ русскимъ языкомъ она тогда еще не владѣла. У Лапшиныхъ собиралось довольно многолюдное общество, съ духовными запросами выше средняго уровня: здѣсь можно было встрѣтить П. Д. Юркевича, А. А. Козлова (впослѣдствіи „панпсихиста“), А. Н. Аксакова (двоюродный братъ И. С. Аксакова), И. И. Мусина-Пушкина, В. И. Прибыткову, врача Михайлова (написавшаго книгу о животномъ магнетизмѣ) и др. Соловьевъ предложилъ С. Д. Лапшиной читать вмѣстѣ съ нею философскія сочиненія и сталъ по переводамъ знакомить ее съ произведеніями Спинозы и Платона; кромѣ того, онъ обучалъ ее латинскому и греческому языкамъ, въ обмѣнъ на уроки французскаго языка съ ея стороны. С. Д. Лапшину поражало краснорѣчіе Соловьева; дивилась она и его учености въ годы столь юные; впрочемъ, она видѣла въ немъ не столько философа, сколько

богослова. Музыка въ этомъ дружескомъ сближеніи роли не играла, такъ-какъ музыкой Соловьевъ не интересовался: Лапшины слушали однажды вмѣстѣ съ нимъ *Юдиѳь* Сѣрова, но Соловьевъ остался равнодушнымъ. Съ искреннею пріязнью относился къ новому знакомцу и И. О. Лапшинъ, скоро убѣдившійся въ томъ, что у нихъ есть серьезная общая почва. Подобно Соловьеву, онъ придавалъ важное значеніе философскимъ и религіознымъ вопросамъ, высоко цѣнилъ мистическую литературу въ ея наиболѣе совершенныхъ образцахъ, тяготѣлъ въ сторону славянофильства; занятія фольклоромъ (сохранились тетради съ записями поговорокъ, примѣтъ и т. д.) повели, между прочимъ, къ его сотрудничеству съ В. И. Далемъ. Близкія отношенія съ Лапшиными поддерживались Соловьевымъ и послѣ переселенія ихъ въ Петербургъ, гдѣ въ началѣ 70-ыхъ годовъ водворился также А. Н. Аксаковъ, связанный съ И. О. Лапшинымъ тѣсной дружбою. А когда во второй половинѣ 70-ыхъ годовъ тамъ-же появился и Соловьевъ, онъ снова сдѣлался частымъ гостемъ у Лапшиныхъ; съ нимъ посѣщалъ ихъ иногда и кн. Д. Н. Цертелевъ. Живое остроуміе Соловьева, своеобразность его сужденій производили, по-прежнему, чарующее впечатлѣніе на окружающихъ. Съ С. Д. Лапшиной онъ былъ очень откровененъ, но во взглядахъ они не всегда сходились; тѣмъ не менѣе, у нея сложилась прочная увѣренность въ томъ, что Соловьевъ былъ человѣкъ „истинно замѣчательный“, и она доселѣ заботливо бережетъ, какъ драгоцѣнныя памятки, всѣ тѣ книги, которыя онъ дарилъ ей. Видное мѣсто въ жизни этого кружка занималъ спиритизмъ. Впрочемъ, по воспоминаніямъ С. Д. Лапшиной, Соловьевъ всего больше удѣлялъ вниманія спиритизму въ 1872 и 1873 гг.; позднѣе онъ сталъ уже уклоняться отъ участія въ спиритическихъ сеансахъ и вообще охладѣлъ къ спиритизму, признавая соотвѣтствующую доктрину противо-религіозной. [504]) Тѣмъ временемъ

[504]) Про знакомство Соловьева съ семействомъ Лапшиныхъ В. Л. Величко выражается такъ: „Жажда отвлеченной абсолютной истины сочеталась въ немъ [Соловьевѣ] смолоду съ жаждою реальнаго ея осуществленія. Этимъ объясняется, между прочимъ, охватившее его въ студенческіе годы, хотя и не особенно долгое, увлеченіе спиритизмомъ. Сблизившись съ семьей Лапшиныхъ, Владиміръ Соловьевъ сдѣлался пишущимъ медіумомъ: его плѣняло реальное, какъ ему казалось, прикосновеніе «къ стихіи запредѣльной». Самъ онъ, полушутя, говаривалъ мнѣ впослѣдствіи, что отсталъ отъ этихъ занятій, главнымъ образомъ, «по недостатку времени».“ В. Л. Величко (прим. 10), стр. 19.—Въ письмѣ на имя народнаго учителя В. П. Ѳедорова, относящемся къ 1883 г., Соловьевъ замѣчаетъ: „Я нѣкоторое время серьезно интересовался спиритизмомъ и имѣлъ случай убѣдиться въ реальности многихъ изъ его

А. Н. Аксаковъ и А. М. Бутлеровъ вели какъ разъ усиленную разработку этой области. Не былъ равнодушенъ къ спиритизму и И. О. Лапшинъ, но въ сеансахъ онъ не участвовалъ. Встрѣчались Лапшины съ Вл. С. Соловьевымъ также у его брата Всеволода, служившаго тогда въ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и у А. Н. Аксакова. Добрыя чувства къ супругамъ Лапшинымъ Соловьевъ перенесъ и на ихъ единственнаго сына Ивана, который появился на свѣтъ 11-го октября 1870 г., незадолго до начала разумѣемаго здѣсь знакомства. Соловьевъ очень полюбилъ этого ребенка, охотно игралъ съ нимъ, привозилъ ему игрушки, и т. д.

Изъ обширной переписки Соловьева съ С. Д. Лапшиной и ея мужемъ опубликованы доселѣ лишь два письма: одно на имя И. О. Лапшина и одно-же на имя С. Д. Лапшиной; письма эти относятся къ 1872 г., къ каникулярному времени между третьимъ и четвертымъ годами студенчества Соловьева. Въ первомъ изъ этихъ писемъ, изъ Харькова, отъ 21-го мая, Соловьевъ сообщаетъ И. О. Лапшину о своемъ прибытіи въ Харьковъ, о „порядочной тоскѣ“ и даже „унынiи“, испытываемыхъ имъ вдали отъ Москвы, о намѣреніи отправиться „завтра“ въ Саратовъ, гдѣ онъ надѣется найти письмо отъ своего корреспондента „съ извѣстіемъ изъ міра духовъ“. Тутъ-же онъ упоминаетъ вскользь о бывшихъ въ Харьковѣ „безпорядкахъ“ („пустяки въ отношеніи политическомъ, но не пустяки по числу убитыхъ.....“). Впрочемъ, грустный тонъ письма обусловливается, повидимому, не столько этими фактами, сколько ходомъ юношескаго романа съ кузиной, о чемъ рѣчь впереди, хотя это въ письмѣ ясно и не выражено. Заканчивается письмо пожеланіемъ „всего лучшаго“ какъ Ивану Осиповичу, такъ и „многоуважаемой Сусаннѣ Денисьевнѣ“, и просьбою передать „привѣтъ Александру Герасимовичу“.[505]) Второе

явленій; но практическое занятіе этимъ предметомъ считаю весьма вреднымъ и нравственно, и физически.“ *П.*, III, 5. — Объ отношеніи Соловьева къ спиритизму будетъ еще рѣчь дальше.—Въ началѣ 70-ыхъ годовъ общественное вниманіе сталъ занимать у насъ и гипнотизмъ, явленія котораго нерѣдко смѣшивались съ явленіями спиритизма. Видную роль отводитъ гипнотизму, между прочимъ, Вс. С. Соловьевъ въ своемъ „романѣ 70-ыхъ годовъ“: *Послѣдніе Горбатовы; Сочиненія* (прим. 469), т. VII, стр. 1—348.

[505]) *П.*, I, 157.—Привѣтствуемое въ письмѣ лицо есть Александръ Герасимовичъ Орфано (†), авторъ книги: *Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждаго человѣка* (изд. 2, Москва, 1890 г.). Онъ вращался въ богословствующихъ кругахъ Москвы и считалъ себя приверженцемъ истиннаго православія. Справкою этой мы обязаны Я. Н. Колубовскому.

изъ названныхъ выше писемъ — отъ 18-го августа, изъ Москвы. Соловьевъ обращается на этотъ разъ къ С. Д. Лапшиной, и тутъ мы находимъ одно изъ самыхъ раннихъ выраженій его взглядовъ на спиритизмъ, матеріализмъ, позитивизмъ и „божественную истину". Въ связи съ письмами на имя Е. В. Романовой, письмо это ясно показываетъ, насколько къ этому времени успѣли созрѣть убѣжденія Соловьева; тѣмъ прискорбнѣе, конечно, что мы не имѣемъ передъ собою другихъ его писемъ изъ этой серіи. Въ главѣ четвертой намъ пришлось уже привести мимоходомъ нѣсколько фразъ, заимствованныхъ изъ только-что названнаго письма; [506]) теперь мы воспроизводимъ его текстъ полностью. — „My dear Madame! — Vos insomnies surnaturelles me font beaucoup de peine. Vous m'avez dit que vous consulterez un médecin; il y en a, je crois, à Ostankino un assez bon qui se nomme M. Tarassenkof: adressez-vous à lui, s'il est encore là. Ou bien, comme vous viendrez quelquefois à la ville pendant ces six semaines, pourquoi ne-pas consulter votre Artemovsky, s'il vous a déjà fait du bien? Mais c'est seulement à condition qu'il ne vous donne pas le sommeil magnétique; car je suis sûr que c'est justement cet état cataleptique dans lequel vous vous trouvez pendant nos séances, qui vous ôte la faculté de dormir après du sommeil naturel.—Quand guérirez-vous de vos soupçons? The cause of my strange behaviour, s'il y en avait une, ne pouvait avoir aucun rapport à mes opinions sur le spiritualisme. L'état général de tristesse ou de gaité, quand il n'a pas de cause morale, doit dépendre de l'état comparatif du bien-être organique, ce qui était le cas, je suppose, avec moi l'autre soirée.—Ce que vous me dites de l'opinion de vos amis matérialistes sur Samarin m'a vivement rappelé mon enfance. A l'âge de 13 à 14 ans, quand j'étais un matérialiste zélé, c'était un grand problème pour moi: comment peut-il avoir des gens d'esprit qui soient en même temps chrétiens? et je m'expliquais ce fait étrange en supposant ou de l'hypocrisie, ou bien une espèce de folie particulière propre aux gens d'esprit. C'était assez bête pour un bambin; quand à entendre débiter de pareilles sottises par des gens d'un âge plus vénérable—on peut seulement, selon l'expression orientale, «suspendre ses oreilles au clou de l'étonnement».—Je ne sais, si vos amis sont matérialistes dans le sens stricte du mot, matérialistes orthodoxes de la confession de Vogt, Büchner etc.; si c'est le cas, alors je serais très curieux de les voir et les entendre, car c'est

[506]) См. выше, прим. 228-ое.

une espèce qui disparaît déjà. Même dans l'occident, l'absurdité logique du système a été reconnue et les matérialistes tant soit peu raisonnables ont passé au positivisme, qui est une bête d'un genre tout à fait différent, et n'est pas à mépriser.—Quant au matérialisme, il n'a jamais eu rien de commun avec la raison ou la conscience, mais c'est un produit fatal de la loi logique qui réduit à l'absurde l'esprit humain séparé de la divine Vérité. Mais pour prouver cette assertion, il me faudrait écrire toute une dissertation, ce que je dois remettre à un temps plus opportun.—Ecrivez-moi, je vous en prie, si je puis sans inconvenance venir vous voir à Ostankino?—Je suis disposé à le faire après le 27.—Искренно Вамъ преданный Вл. Соловьевъ.—J'ai été voir votre mari hier soir." Въ заголовкѣ этого письма Соловьевъ приписываетъ въ скобкахъ: „Je vous demande pardon de mon français horrifique." [507])

Имѣется письменный слѣдъ сердечнаго отношенія Соловьева и къ сыну Лапшиныхъ Ивану. Въ сентябрѣ 1877 г., когда мальчику было почти 7 лѣтъ, 24½-лѣтній Соловьевъ занесъ въ записную его книжку такія слова: „Милый Ваня!—Такъ-какъ твой папа хочетъ, чтобы я написалъ тебѣ что-нибудь назидательное, и такъ-какъ я не знаю, какіе будутъ твои пути въ будущемъ, то я могу указать тебѣ только такую истину, которая обязательна для всѣхъ людей и на всѣхъ путяхъ.—

Колеблется воля людей, что̀ волна,
Но есть неизмѣнная воля святая.
Превыше временъ и пространства—одна
Красою сіяетъ идея живая,
И въ вѣчной тревогѣ одинъ недвижимъ
Духъ мощный все движетъ покоемъ своимъ." [508])

---

[507]) *П.*, I, 158, 159.—Примѣчаніе подстрочное относительно Останкина (стр. 158) основано на недоразумѣніи.—Слова, касающіяся Самарина (Ю. Ѳ.), слѣдуетъ сопоставить съ текстомъ къ прим. 234-му.

[508]) *П.*, III, 167.—Записка эта помѣчена 25-ымъ сентября 1877 г.—Въ 6-омъ изданіи *Стихотвореній* Соловьева (прим. 468) приведенная здѣсь піеса помѣщена въ отдѣлѣ: *Переводы и подражанія*, съ заголовкомъ: *Изъ Шиллера* (стр. 234). Послѣдніе два стиха выражены на сей разъ такъ:—

И въ бурномъ волненьи одинъ недвижимъ
Духъ вѣчный все движетъ покоемъ своимъ.

Въ *Примѣчаніяхъ* поясняется, что рукописный текстъ стихотворенія сохранился „въ альбомѣ № 1, съ датой: «5 сент. 77 Москва»"; редакція двухъ послѣднихъ стиховъ, воспроизведенная у насъ по *П.*, III, 167, отмѣчается какъ варіантъ; указывается также, что разумѣемая здѣсь піеса „печатается впервые" (указаніе это относится, очевидно, лишь до собранія стихотвореній).—Прибавимъ отъ себя, что стихо-

Исторія знакомства Соловьева съ Лапшиными любопытна, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что здѣсь открывается одинъ изъ источниковъ реальной жизни, питавшихъ мистическіе запросы его души. Мы имѣемъ въ виду, конечно, спиритизмъ. Но нельзя не отмѣтить сейчасъ-же, что даже въ эти ранніе годы Соловьевъ былъ далекъ отъ безудержнаго увлеченія „міромъ духовъ“, съ которымъ спиритизмъ устанавливаетъ, sans dire gare, такія интимныя связи. Очевидно, философско-религіозная дисциплина мысли уже начала подчинять себѣ душевный складъ Соловьева, и студентъ оказывался подчасъ болѣе осмотрительнымъ, чѣмъ иной профессоръ.

Говоря о новыхъ знакомствахъ Соловьева въ его студенческіе годы, надо принять въ соображеніе, что тутъ было уже не только вліяніе на Соловьева, но и его вліяніе на другихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія его пріятельство съ А. А. Соколовымъ, воспитанникомъ 1-ой гимназіи, поступившимъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета точно также въ 1869 г. Познакомившись съ нимъ по одному случайному поводу [509]) и узнавши про его некритическое отношеніе къ произведеніямъ Д. И. Писарева, Соловьевъ постарался отвратить его отъ „писаревщины“ и направилъ его мысли въ сторону мистицизма. А. А. Соколовъ, окончившій университетскій курсъ въ 1873 г., умеръ сравнительно молодымъ.

Нѣкоторую роль въ душевномъ развитіи Соловьева въ пору его студенчества сыграли, безъ сомнѣнія, и воздѣйствія со стороны тогдашней русской общественности. Было бы ошибочно, однако, думать, что

твореніе: *Колеблется воля людей, что̀ волна...* представляетъ собою переводъ четвертой строфы стихотворенія Шиллера: *Die Worte des Glaubens*. Вотъ оригинальный текстъ этой строфы:—

Und ein Gott ist, ein heiliger Wille lebt,
Wie auch der menschliche wanke;
Hoch über der Zeit und dem Raume webt
Lebendig der höchste Gedanke,
Und ob alles in ewigem Wechsel kreist,
Es beharret im Wechsel ein ruhiger Geist.—

Иванъ Ивановичъ Лапшинъ—нынѣ профессоръ Петроградскаго университета, по каѳедрѣ философіи.

[509]) А. А. Соколовъ, воспитанникъ 1-ой гимназіи, былъ товарищемъ того гимназиста, съ которымъ приключился „казусъ“ на colloquium'ѣ, упомянутый нами въ главѣ шестой. „Казусъ“ этотъ очень взбудоражилъ и воспитанниковъ 5-ой гимназіи, окончившихъ гимназическій курсъ тоже въ 1869 г. Тутъ они всѣ и перезнакомились между собою.

они встрѣчали въ немъ пустое мѣсто: воздѣйствія эти извѣстнымъ образомъ преломлялись въ его душевной средѣ, въ соотвѣтствіи съ характеромъ его философско-религіознаго настроенія. [510]) Мы имѣемъ всѣ основанія утверждать, что „нечаевщина“ должна была вызвать въ немъ лишь отрицательную реакцію. Другое дѣло — тѣ движенія въ духѣ активнаго народничества, которыя такъ рѣзко проявились въ 1874 г., а подготовлялись уже раньше. „Чайковцы“, „долгушинцы“ и имъ подобные могли, само собою разумѣется, разсчитывать на иную съ его стороны оцѣнку, чѣмъ „нечаевцы“. [511]) Активное народничество было запечатлѣно своеобразной религіозностью. „Люди стремились не только къ достиженію опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ удовлетворенію глубокой потребности *личнаго нравственнаго очищенія* [типъ «кающагося дворянина»]..... Пропагандисты ничего не хотѣли для себя..... Типъ пропагандиста 70-ыхъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются *скорѣе религіозными, чѣмъ революціонными движеніями*. Соціализмъ былъ *его вѣрой*, народъ — *его божествомъ*. Не взирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня-завтра произойдетъ революція, *подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе страшнаго суда.*“ [512]) Къ этимъ словамъ С. М. Кравчинскаго В. Богучарскій прибавляетъ отъ себя: „Это точная характеристика русскаго пропагандиста 1874 г. Его самой отличительной чертой была *вѣра*. То былъ, при всей его безрелигіозности въ обычномъ смыслѣ слова, типъ глубочайшимъ образомъ религіозный, только перенесшій всѣ свои чувства съ небесъ на землю, сдѣлавшій себѣ изъ «народа», по вѣрному выраженію Кравчинскаго, «божество», и онъ ждалъ отъ своего божества чуда, называвшагося «соціальной революціей».“ [513]) С. А. Венгеровъ уподобляетъ наше народничество того времени чешскому таборитству, указывая на то, что „народная сущность славянскаго племени кроется въ страстномъ стремленіи устроить общественный строй

---

[510]) Изучая по-преимуществу литературу философскую, Соловьевъ интересовался и такими трудами, которые имѣли отношеніе къ стоящимъ на очереди соціальнымъ вопросамъ. Н. И. Карѣеву припоминается, между прочимъ, что онъ видѣлъ въ рукахъ Соловьева извѣстное сочиненіе Флеровскаго о положеніи рабочаго класса въ Россіи. Многимъ еще памятно, что трудъ этотъ пользовался тогда особымъ авторитетомъ въ передовыхъ кружкахъ.

[511]) В. Богучарскій (прим. 327), стр. 152—172.

[512]) *Ibidem*, стр. 179.

[513]) *Ibidem*, стр. 179, 180.

на началахъ любви и братства". [514]) Еще поучительнѣе тѣсное духовное родство народничества съ славянофильствомъ, отстаиваемое В. Богучарскимъ. Славянофилы *„выводили* прямо изъ своихъ религіозныхъ воззрѣній и *вѣру* въ русскій народъ, народники, оборвавши нити, которыми была прикрѣплена у славянофиловъ вѣра въ народъ къ ихъ болѣе глубокимъ религіозно-философскимъ корнямъ, сохранили, тѣмъ не менѣе, *ихъ вѣру въ самый народъ.*" [515]) И по задачѣ личнаго нравственнаго очищенія, и по сродству съ славянофильствомъ, народничество 70-ыхъ годовъ могло затронуть сочувственныя струны въ душѣ Соловьева. [516]) Мы думаемъ, что такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, хотя Соловьевъ, занятый своей внутренней работою, устремлявшійся въ область высшихъ философскихъ и религіозныхъ обобщеній, и не очень тянулся къ какимъ-либо опредѣленнымъ соціальнымъ и политическимъ программамъ. Въ его умственныхъ построеніяхъ практика жизни не приносилась въ жертву теоріи, философія и религія, оторванныя отъ жизни, казались ему чѣмъ-то нелѣпымъ и уродливымъ; но на первомъ планѣ у него стояло, какъ

---

[514]) *Ibidem*, стр. 180.

[515]) *L. c.*

[516]) Конечно, и среди участниковъ этого движенія были элементы совершенно отрицательные, не подходящіе подъ общую характеристику, намѣчаемую В. Богучарскимъ. Во всякомъ случаѣ, есть существенная разница между такими личностями, какъ, напр., С. Г. Нечаевъ и Н. В. Чайковскій. Вотъ что сообщаетъ про этого послѣдняго названный авторъ: „Кандидатъ Петербургскаго университета, онъ принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ трудахъ кружка [„чайковцевъ"], вездѣ поспѣвая и во всемъ успѣвая, но затѣмъ съ нимъ происходитъ переворотъ. Будучи всегда человѣкомъ напряженнаго моральнаго *долга*, онъ встрѣчается съ А. К. Маликовымъ, интереснымъ человѣкомъ, проповѣдывавшимъ еще въ 70-ыхъ годахъ ученіе о «непротивленіи злу насиліемъ», близкое къ ученію Л. Н. Толстого, котораго онъ и явился въ этомъ отношеніи предшественникомъ. Маликовъ отрицаетъ, во имя нравственнаго начала, во имя той «божественной искры», которая живетъ въ каждомъ человѣкѣ, всякое насиліе, въ томъ числѣ не только какіе бы то ни было насильственные революціонные акты, но и самый принципъ революціи. Онъ становится основателемъ среди интеллигенціи чего-то въ родѣ секты такъ назыв. «богочеловѣковъ». Чайковскій вполнѣ проникся идеями Маликова, они отправились вмѣстѣ въ Америку, гдѣ основали общину для жизни на новыхъ началахъ, но община успѣха не имѣла. Проведя три года въ Америкѣ, гдѣ много пришлось имъ претерпѣть трудовъ и лишеній, Маликовъ вернулся затѣмъ въ Россію, а Чайковскій въ Англію." Впослѣдствіи, „преданный суду, Чайковскій былъ оправданъ." В. Богучарскій (прим. 327), стр. 156.— Ср., далѣе, Д. С. Мережковскаго, *Было и будетъ*, Петроградъ, 1915 г.; статья: *Религіозное народничество*, стр. 199—217;—его-же, *Не миръ, но мечъ*, С.-Петербургъ, 1908 г.; статья: *Революція и религія*, стр. 41—117.

мы знаемъ, все-же преобразованіе „изнутри“, а не то или другое измѣненіе внѣшняго порядка, въ юридическомъ смыслѣ слова. Что, однако, и онъ возлагалъ великія упованія на участіе самого народа въ предстоящей работѣ преобразованія міра, ясно видно опять-таки изъ его переписки съ Е. В. Романовой. Въ письмѣ отъ 19-го іюня 1873 г. [517]) онъ пишетъ: „Въ одномъ изъ твоихъ писемъ (отъ 7-го мая этого года) ты писала, между прочимъ, что цѣлью своей жизни ты поставила основать народную школу, такъ-какъ и «нѣсколько человѣкъ, освобожденныхъ отъ того страшнаго невѣжества, въ которомъ находится весь русскій народъ, — много значитъ, когда есть такъ мало выведенныхъ изъ этой ужасной темноты». Я предполагаю, что ты вполнѣ серьезно думаешь объ этомъ дѣлѣ, и потому хочу поговорить съ тобой о немъ. Не буду касаться различныхъ практическихъ условій для осуществленія этого намѣренія; скажу только нѣсколько словъ о самой цѣли «вывести народъ изъ ужасной темноты». Въ *чемъ* ты полагаешь темноту и гдѣ ты видишь свѣтъ? Ты, конечно, понимаешь, что умѣнье читать, писать и считать не есть еще просвѣщеніе; важно—*что* читать. А что можно предложить теперь? Современную литературу? Если ты не знаешь, то я тебѣ скажу, что нельзя найти лучшаго средства для умственнаго опошлѣнія и нравственнаго развращенія, какъ современная литература. Народъ имѣетъ здравый смыслъ и сразу пойметъ, въ чемъ сущность современнаго просвѣщенія; а сущность эта, какъ бы она ни прикрывалась, состоитъ въ отрицаніи всякаго духовнаго, нравственнаго начала и въ утвержденіи одной животной природы. Вся мудрость вѣка сего сводится къ очень простому положенію: человѣкъ есть скотъ. [518])—Вотъ тотъ свѣтъ, которымъ мы можемъ просвѣтить нашъ

---

[517]) См. выше, прим. 225-ое.

[518]) Формула эта, безъ сомнѣнія, слишкомъ упрощаетъ содержаніе „всей мудрости вѣка сего“. Однако, въ сознаніи не мудрствующихъ лукаво простецовъ и нѣсколько беззаботныхъ на-счетъ нравственности непростецовъ дарвинизмъ, напр., сводился, въ самомъ дѣлѣ, къ положенію „очень простому“... Къ студенческимъ годамъ Соловьева относится, между прочимъ, нижеслѣдующій „анекдотъ“. „Въ ту пору,“ разсказываетъ Соловьевъ, „когда я рѣзалъ піявокъ бритвою и зоолога Геккеля предпочиталъ философу Гегелю, мой отецъ разсказалъ мнѣ однажды довольно извѣстный анекдотъ, о томъ, какъ «отсталый» московскій купецъ сразилъ «передового» естественника, обращавшаго его въ дарвинизмъ. Это ученіе, по тогдашней модѣ и къ «нѣкоторому несчастію» для самого Дарвина, понималось какъ существенное приравненіе человѣка къ прочимъ животнымъ. Наговоривъ очень много на эту тему, передовой просвѣтитель спрашиваетъ слушателя: «Понялъ?»—«Понялъ.»—«Что-жъ скажешь?»—«Да

темный народъ! Правда, нравственное состояніе этого народа очень низко, онъ упалъ почти до скота; но пока онъ сохраняетъ великое понятіе о «грѣхѣ», пока онъ знаетъ, что человѣкъ *не долженъ* быть скотомъ, до тѣхъ поръ остается возможность подняться; но когда его убѣдятъ, что онъ по природѣ своей есть скотъ, и слѣдовательно, живя скотски, поступаетъ лишь соотвѣтственно своей природѣ, тогда исчезнетъ всякая возможность возрожденія. Славу Богу, что этого никогда не случится, и что проповѣдники скотства не имѣютъ никакого вліянія на народъ.—Какъ бы ни было, прежде-чѣмъ думать о просвѣщеніи другихъ, нужно самому обладать свѣтомъ, по крайней мѣрѣ, знать, гдѣ онъ. А знаешь-ли ты это? Въ слѣдующемъ-же письмѣ ты спрашиваешь себя: «неужели я останусь въ этой ужасной темнотѣ?»—Итакъ, ты видишь, что намъ съ тобой еще очень далеко до выведенія русскаго народа изъ темноты: мы еще и того не знаемъ, гдѣ темно и гдѣ свѣтло.“ Затѣмъ, въ этомъ-же письмѣ, встрѣчаются такія строки: „Не знаю, почему тебя возмутило *Преступленіе и наказаніе*. Дочти его до конца, да и всего Достоевскаго полезно было бы прочитать: это одинъ изъ немногихъ писателей, сохранившихъ еще въ наше время образъ и подобіе Божіе.“ [519]) Весьма опредѣленно выражается также Соловьевъ въ письмѣ отъ 26-го августа того-же 1873 г., гдѣ затрогивается и „женскій вопросъ“: „Что касается моего мнѣнія о способности женщины понимать высшую истину, то безъ всякаго сомнѣнія—вполнѣ способна, иначе она не была бы человѣкомъ. Но дѣло въ томъ, что по своей пассивной природѣ она *не можетъ сама найти* эту истину, а должна получить ее отъ мужчины. Это фактъ: ни одно религіозное или философское ученіе не было

что сказать? Ежели, значитъ, я—песъ, и ты, значитъ,—песъ, такъ у пса со псомъ какой-же будетъ разговоръ?›“ *Соч.*, VIII, 318, 319; статья: *Идея сверхчеловѣка.*

[519]) Соловьевъ совѣтовалъ своей кузинѣ читать „великихъ поэтовъ“ (см. выше, прим. 489), но за всю двухлѣтнюю переписку съ нею онъ назвалъ опредѣленно по имени одного только Ѳ. М. Достоевскаго. Намъ кажется, что обстоятельство это не лишено значенія для оцѣнки душевнаго состоянія Соловьева въ его студенческіе годы. Личныхъ отношеній къ Ѳ. М. Достоевскому за эти годы у него не было. 14-го апрѣля 1867 г. Ѳ. М. Достоевскій выѣхалъ за-границу, откуда онъ возвратился въ Петербургъ лишь 8-го іюля 1871 г. Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ) (прим. 494), стр. LV; статья: *Хронологическая канва.* Первая поѣздка Соловьева въ Петербургъ состоялась уже послѣ его студенчества. *Преступленіе и наказаніе* появилось первоначально въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1866 г. Въ „синхронистической таблицѣ“ Н. Энгельгардта (см. выше, прим. 362) пріуроченіе этого романа къ 1869 г. есть, надо думать, плодъ случайной погрѣшности. Ср. Н. Энгельгардта (прим. 346), т. II, стр. 237.

основано женщиной, но *уже основанныя* ученія принимались и распространялись преимущественно женщинами. Полагаю, что и при предстоящемъ переворотѣ въ сознаніи человѣчества женщины будутъ играть важную роль. А начнется оттуда, откуда никто не ожидаетъ. Ты мнѣ писала о сектѣ штундистовъ (я очень былъ обрадованъ, что ты обратила на это вниманіе): она не одна, такое-же движеніе показывается и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Калужской губерніи секта духовныхъ христіанъ подъ названіемъ «воздыхающихъ» и т. п. Скоро покажетъ мужикъ свою настоящую силу къ большому конфузу тѣхъ, которые не видятъ въ немъ ничего, кромѣ пьянства и грубаго суевѣрія (въ этомъ мнѣніи прежде и ты, мой другъ, была грѣшна). Приближаются славныя и тяжелыя времена, и хорошо тому, кто можетъ ждать ихъ съ надеждой, а не со страхомъ." [520])

---

[520]) *П.*, III, 97, 98.—Ср. выше, прим. 516-ое.—Относительно секты „воздыхающихъ" считаемъ умѣстнымъ привести нижеслѣдующія подробности. „*Воздыханцы.*— Секта эта явилась въ послѣдней четверти прошлаго вѣка (около 1875 г.). Мѣстомъ ея первоначальнаго распространенія была Калужская губернія. Основателемъ ея считается башмачникъ—калужскій мѣщанинъ Иванъ Тихоновъ *Ахлебининъ*, на вѣрованіяхъ котораго замѣтно сказалось вліяніе одного изъ молоканскихъ толковъ. Всю жизнь человѣчества онъ раздѣлилъ на три большихъ періода: ветхозавѣтный, новозавѣтный и нынѣшній. Ветхозавѣтный періодъ составлялъ царство Бога Отца; онъ начался сотвореніемъ міра и окончился рожденіемъ Іисуса Христа. Тогда люди и вѣровали въ Бога Отца или Іегову, исполняя требованія Его закона, изложеннаго въ книгахъ Св. Писанія ветхаго завѣта; для насъ какъ вѣра въ Іегову, такъ и ветхозавѣтный законъ не имѣютъ уже никакого значенія. Второй періодъ—новозавѣтный: онъ начался рожденіемъ Іисуса Христа и окончился седьмою тысячею лѣтъ отъ сотворенія міра, т. е. въ 1850 г. (годъ рожденія самого Ахлебинина). Это — царство Второго Лица Пресв. Троицы; для людей этого періода было обязательно вѣровать въ Іисуса Христа и исполнять Его заповѣди. Съ 1850 г. начался третій періодъ жизни человѣчества, который въ книгахъ Св. Писанія называется обыкновенно «будущимъ вѣкомъ». Это — царство Духа Святого. Мы обязаны чтить какъ своего Бога только Духа Святого и, по Его внушенію или откровенію, чрезъ «воздыханія», мы должны жить. Теперь, въ вѣкѣ Св. Духа, имѣетъ значеніе только духовное поклоненіе Богу. Все внѣшнее и обрядовое не должно имѣть мѣста: не надо ни церкви, ни іерархіи, ни таинствъ, ни обрядовъ, ни иконъ, ни креста, ни посредничества святыхъ. Духу нужно служить только духомъ. Книги Св. Писанія ветхаго и новаго завѣтовъ читать можно, но — лишь ради назиданія, а не ради усвоенія истинъ вѣры. Онѣ также написаны по внушенію Духа Святого, а потому и ихъ нужно понимать только *духовно*, а не по буквѣ. Въ первенствующей церкви не было внѣшнихъ богослуженій: Апостолы лишь читали слово Божіе и *воздыхали*. Поэтому и Ахлебининъ на своихъ молитвенныхъ собраніяхъ установилъ, чтобы его послѣдователи громко не молились и не крестились, а только воздыхали, поднимая при этомъ глаза къ небу и проводя по своему лицу рукою или платкомъ. Сектанты эти назы-

О крупныхъ европейскихъ событіяхъ того времени упоминать нѣтъ надобности. Если и нельзя отрицать того, что франко-прусская война и парижская коммуна всколыхнули обитателей даже захолустныхъ нашихъ уголковъ, все-же для біографа Соловьева пищи тутъ мало. Достаточно высказать догадку, что позорное крушеніе второй французской имперіи, созданіе германскаго единства „желѣзомъ и кровью“, [521]) ужасы, происходившіе въ столицѣ міра,—все это только способствовало утвержденію Соловьева въ той мысли, что въ путяхъ западноевропейской исторіи намъ не найти спасенія, какъ бы „проклятая западная цивилизація“ ни любовалась на самое себя...

Соединивъ въ одно цѣлое все вышесказанное, легко представить себѣ хотя-бы въ общихъ чертахъ, съ какимъ внутреннимъ кругозоромъ заканчивалъ Соловьевъ свои студенческіе годы. А внѣшняя будничная дѣйствительность развертывалась своимъ чередомъ. На прощанье Соловьева съ студенческимъ положеніемъ она преподнесла ему характерный эпизодъ, которымъ мы и заключимъ эту главу.

Собрались мы, нѣсколько историковъ,—разсказываетъ Н. И. Карѣевъ,—чтобы готовиться къ экзамену по церковной исторіи, у моего

ваютъ себя, впрочемъ, не «воздыханцами», а «духовными христіанами». Лжеученіе ихъ, не успѣвшее еще сложиться въ опредѣленную систему, особеннаго распространенія не имѣетъ.“ Проф.-прот. Т. И. Буткевичъ, *Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ*; Харьковъ, 1910 г.; стр. 602, 603. — Лѣтъ черезъ 19 послѣ процитированнаго выше письма на имя Е. В. Романовой, 28-го ноября 1892 г., Соловьевъ писалъ В. В. Розанову: „Изъ замѣчаній вашихъ по поводу вѣроисповѣднаго вопроса я вижу, что моя дѣйствительная точка зрѣнія по этому предмету осталась вамъ неизвѣстною..... Я такъ-же далекъ отъ ограниченности латинской, какъ и отъ ограниченности византійской или аугсбургской, или женевской. Исповѣдуемая мною религія Св. Духа шире и вмѣстѣ съ тѣмъ содержательнѣе всѣхъ отдѣльныхъ религій: она не есть ни сумма, ни экстрактъ изъ нихъ, какъ цѣлый человѣкъ не есть ни сумма, ни экстрактъ своихъ отдѣльныхъ органовъ.“ *П.*, III, 43, 44. Приводимъ этотъ отрывокъ изъ письма Соловьева не для того, конечно, чтобы отнести и его къ числу „воздыханцевъ“, а лишь ради формальнаго сходства въ терминологіи, свидѣтельствующаго лишній разъ о томъ, что однимъ и тѣмъ-же терминомъ покрывается сплошь и рядомъ весьма различное содержаніе.

[521]) Ѳ. И. Тютчевъ, котораго Соловьевъ цѣнилъ такъ высоко, еще около 1866 г. писалъ:—

„Единство“,—возвѣстилъ оракулъ нашихъ дней,—
„Бытъ можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью“...
Но мы попробуемъ спаять его любовью,
А тамъ увидимъ, что̀ прочнѣй...

Сочиненія Ѳ. И. Тютчева, С.-Петербургъ, 1900 г., изд. 2; стихотвореніе: *Два единства*, стр. 299.

ближайшаго пріятеля В. А. Андреева, нашего однокурсника. Онъ былъ сынъ извѣстнаго въ Москвѣ коммерсанта, имѣвшаго чайный, винный и колоніальный магазинъ въ собственномъ домѣ на Тверской, противъ дома генералъ-губернатора, гдѣ гостиница „Дрезденъ“. У студента Андреева была въ этомъ домѣ отдѣльная квартира въ три комнаты, съ очень хорошей библіотекой. [522]) Выборъ нашъ остановился на Андреевѣ именно потому, что у него было просторное помѣщеніе, а Соловьева привелъ туда я, такъ-какъ вообще съ компаніей, тамъ собиравшейся, онъ почти не былъ знакомъ, между-тѣмъ нужно-же вѣдь было и Соловьеву, хотя онъ не былъ нашимъ факультетскимъ товарищемъ, по чему-либо готовиться къ экзамену. Не помню, сколько разъ сходились мы у Андреева, и на всѣхъ-ли собраніяхъ былъ Соловьевъ. Во всякомъ случаѣ дѣло было весною 1873 г., во время кандидатскихъ экзаменовъ Соловьева, и на собраніи, о которомъ идетъ рѣчь, присутствовали, кромѣ Андреева, Соловьева и меня, еще Старицкій, Георгіевскій, Фохтъ и, можетъ-быть, Козминъ. Вдругъ является проф. Н. И. Крыловъ или Никита Крыловъ, какъ послѣдняго всегда называли. [523]) Зашелъ къ отцу Андреева,

---

[522]) В. А. Андреевъ занимался спеціально церковной исторіей (русской) и исторіей богословской литературы (у него есть печатные труды); теперь онъ живетъ частнымъ человѣкомъ, а раньше былъ одно время гласнымъ Московской городской думы.

[523]) Н. И. Крыловъ родился въ 1807 г.; скончался, какъ уже упоминалось въ главѣ четвертой, 26-го декабря 1879 г. Занималъ каѳедру римскаго права въ Московскомъ университетѣ почти 40 лѣтъ; прекратилъ чтеніе лекцій въ 1874 г. „Крыловъ принадлежалъ къ той группѣ молодыхъ ученыхъ, которые въ половинѣ 30-ыхъ годовъ были посланы гр. Сперанскимъ за-границу и приглашены потомъ занять въ русскихъ университетахъ каѳедры, въ значительной степени, до тѣхъ поръ, замѣщенныя иностранцами, стоявшими чуждо и обособленно отъ русской общественной жизни и отъ задачъ русской науки..... Крыловъ началъ читать въ 1835 г. Исторія римскаго права въ томъ видѣ, какъ ее читалъ Крыловъ, не была сухимъ перечнемъ послѣдовательно развивавшихся правовыхъ нормъ и институтовъ—это была полная и яркая картина всего политико-юридическаго роста римскаго государственнаго организма..... Изложеніе догматики римскаго права онъ велъ сравнительно съ германскимъ и русскимъ правомъ, стараясь прослѣдить, съ большою наблюдательностью и вдумчивостью, вліяніе каждаго института на дальнѣйшее развитіе права въ Европѣ.....“ (А. Ѳ. Кони). Н. И. Крыловъ пользовался, какъ лекторъ, большой популярностью. „Слушатель *жилъ* его лекціей и оттого съ такимъ восторгомъ вспоминалъ ее“ (С. А. Муромцевъ). См. некрологъ Н. И. Крылова въ *Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права*, 1880 г., кн. 1, январь-февраль, стр. 213—218. Къ сожалѣнію, при всей своей талантливости, знаменитый въ лѣтописяхъ Московскаго университета Никита Крыловъ не былъ свободенъ ни отъ грубоватости, ни отъ самомнѣнія, ни отъ другихъ слабостей, которыя иногда оказывались весьма для него невыгодными.

чтобы сдѣлать какія-то закупки. Узналъ, что тутъ-же по близости занимаются студенты.—„Гдѣ филологи?“—Былъ слегка въ подпитіи. Потребовалъ вина, еще выпилъ. Острилъ. Въ комическомъ видѣ изображалъ профессоровъ и задѣлъ С. М. Соловьева — плоско и грубо — на тему объ обиліи у него дѣтей. [524]) О томъ, что среди студентовъ находится и Вл. С. Соловьевъ, Н. И. Крыловъ не зналъ. Съ тѣмъ сдѣлалась настоящая истерика; его кое-какъ успокоили, и я отвезъ его домой. [525]) Только-что вернулся обратно, Никита Крыловъ сталъ упрекать и меня, какъ раньше упрекалъ другихъ, почему ему не было сказано, что это ректорскій сынокъ.—„Съѣзди къ нему и попроси, чтобы онъ не жаловался отцу. А утромъ приди ко мнѣ и скажи, какъ устроилось дѣло—у меня экзаменъ.“—На-утро являюсь къ профессору. Идетъ экзаменъ. Н. И. Крыловъ не сразу призналъ меня, когда я подошелъ къ столу.—„Чего лѣзешь?“—А потомъ, сообразивши обстоятельства, спрашиваетъ: „Не сказалъ отцу?“—„Не сказалъ.“ — „Ну, и отлично!“ — Съ Вл. С. Соловьевымъ я, конечно, не объяснялся, такъ-какъ и безъ того былъ увѣренъ, что жаловаться отцу онъ не станетъ.

Все это происходило около 43 лѣтъ тому назадъ. Вотъ когда могъ бы пригодиться Соловьеву его природный юморъ, растворенный беззлобной грустью... [526])

---

[524]) Ср. выше, прим. 51-ое.

[525]) С. М. Соловьевъ былъ невысокаго мнѣнія о нравственномъ достоинствѣ Н. И. Крылова. Въ своихъ запискахъ онъ разсказываетъ про него очень тяжелую исторію, относящуюся ко второй половинѣ 40-ыхъ годовъ. С. М. Соловьевъ (прим. 11), май, стр. 24 и слѣд. По всѣмъ вѣроятіямъ, сужденія отца были извѣстны Владиміру Соловьеву, что̀ и должно было обострить его воспріимчивость къ выходкѣ Н. И. Крылова.

[526]) При составленіи главы восьмой, помимо названныхъ въ примѣчаніяхъ источниковъ, нами были использованы частныя сообщенія Н. И. Карѣева, А. Н. Шварца, В. И. Герье, С. В. Адамовичъ, С. Д. Лапшиной, И. И. Лапшина и Я. Н. Колубовскаго.

IX.—Юношескій романъ.

Періодъ развитія возмужалости является вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ полового развитія. Человѣкъ входитъ „въ тѣ лѣта, когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ“, когда наступаетъ „пора надеждъ и грусти нѣжной“, когда въ душѣ слагается „бредъ чистоты съ предвкусіемъ грѣха“. И если даже въ жизни заурядныхъ людей эти „лѣта“ окружаются нѣкоторымъ особымъ свѣченіемъ, распространяющимъ свои лучи далеко впередъ и какъ-бы предопредѣляющимъ характерные для даннаго лица способы разрѣшенія „проблемы пола“, то для людей, возвышающихся надъ среднимъ уровнемъ, тутъ открывается еще болѣе полная возможность выразить въ особенностяхъ своего эмпирическаго образа дѣйствій самыя сокровенныя глубины своего умопостигаемаго характера. Не миновали подобныя переживанія и Соловьева въ тѣ годы, которые мы обозрѣвали въ послѣднихъ четырехъ главахъ: и для него приспѣла пора вселенія божественнаго Эроса въ человѣческое существо съ его тѣломъ и духомъ...

„Плачевный“ ребяческій романъ съ Юлинькой С., дѣтская любовь къ девятилѣтней дѣвочкѣ, мгновенно погашенная первымъ появленіемъ мистической „подруги вѣчной“, стыдливое увлеченіе барышней Л—вичъ въ гимназическіе годы, поцѣлуи, расточаемые кузинамъ и служившіе „лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутреннихъ духовныхъ отношеній“ въ началѣ студенчества, мимолетное ухаживаніе „вдвоемъ“ съ товарищемъ-студентомъ за профессорской дочкою, [527]) — все это было, конечно, не болѣе какъ предваряющимъ намекомъ на то, что ожидало Соловьева въ будущемъ,—намекомъ, не лишеннымъ, однакоже, опредѣленнаго смысла, который и раскрылся въ полной мѣрѣ въ годы болѣе зрѣлые. Соловьеву былъ внятенъ голосъ любви къ женщинѣ: крылья Эроса подхватывали и его, томленія и муки отвергнутаго чувства случалось и ему испытывать, и въ немъ загорался по-

[527]) См. выше, главы вторую, четвертую и седьмую.—Ср. *П.*, III, 292.

рою пламень страсти, одурманивающій своимъ чадомъ; но въ общемъ онъ все-таки является передъ нами скорѣе теоретикомъ, чѣмъ практикомъ въ дѣлѣ любви, и притомъ практика его такова, что обычная житейская терминологія въ-правѣ усвоить ему названіе „неудачника“. Причина любовныхъ неудачъ Соловьева кроется въ немъ самомъ. Живя, какъ и всѣ, въ условіяхъ ограниченной земной дѣйствительности и будучи осужденъ, подобно всѣмъ намъ, довольствоваться, вмѣсто „звуковъ небесъ“, лишь „скучными пѣснями земли“, онъ, тѣмъ не менѣе, гораздо внимательнѣе приникалъ своимъ слухомъ къ зову „вѣчной подруги“, чѣмъ къ скудному, хотя и обаятельному, лепету ея несовершенныхъ земныхъ подобій, и тѣмъ самымъ свидѣтельствовалъ о своей весьма малой способности къ той полной, рѣшительной и безповоротной самоотдачѣ „здѣшнему“ любовному паѳосу, безъ которой не бываетъ ни всепобѣждающей взаимности чувства между мужчиной и женщиной, ни всецѣлаго, благословляемаго самимъ христіанствомъ, сліянія двухъ раздѣльностей въ одно недѣлимое цѣлое.[528]) И не удивительно, если въ концѣ концовъ, при всей своей влюбчивости и при множествѣ дѣвушекъ и женщинъ, готовыхъ плѣниться имъ, Соловьевъ такъ и ушелъ отъ насъ одинокимъ скитальцемъ, много думавшимъ и писавшимъ о „смыслѣ любви“, но не нашедшимъ случая, не сумѣвшимъ, или не рѣшившимся сказать— открыто, передъ людьми и передъ Богомъ, — ни одной дочери Евы: „ты моя“.[529])

---

[528]) „По самому существу своего духовнаго склада, Соловьевъ не могъ надолго успокоиться въ какой-либо «пристани». И это обусловливается не слабостью его чувства, а какъ разъ наоборотъ—его бездонной глубиной и силой и тѣми повышенными сверхчеловѣческими требованіями, которыя сочетаются у него съ любовью. Въ стихахъ и въ прозѣ онъ твердитъ, что въ любви раскрывается высшій смыслъ жизни, что любовь для него — «все», что безъ нея «міръ потеряетъ всѣ краски». Въ ней одной правда; и внѣ ея—все только тѣнь. Но, съ другой стороны, въ самой любви у него таится недовѣріе къ ея предмету, стремленіе возвыситься надъ нимъ.“ Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 32.

[529]) Въ связи съ указанной выше весьма малой способностью къ полной самоотдачѣ находится, можетъ-быть, и то обстоятельство, что Соловьеву, въ теченіе большей части его жизни, не былъ внутренно близокъ подлинно трагическій аспектъ міра и человѣческихъ взаимоотношеній, исчезавшій передъ его вѣрою въ близкое торжество идеальныхъ началъ... Любовь, какъ наивысшее и исключительное чувство, имѣетъ, между прочимъ, тотъ великій смыслъ, что, выводя человѣка — больше, чѣмъ что-либо другое — за предѣлы его личной обособленности, она обнажаетъ, при неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, такія бездны горя и отчаянія, передъ которыми въ ужасѣ отступаетъ самый упорный оптимизмъ и которыхъ не вѣдаетъ не

Область тѣлесныхъ и душевныхъ переживаній, которой мы теперь касаемся, представляется сплошь и рядомъ чрезвычайно темной не только для постороннихъ лицъ, но и для самихъ носителей и носительницъ этихъ переживаній. Надлежитъ поэтому соблюдать большую осторожность какъ при изображеніи соотвѣтствующихъ біографическихъ фактовъ, такъ равно и при оцѣнкѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что фактическія свѣдѣнія оказываются здѣсь зачастую недостаточными и сбивчивыми.[530]) Вотъ почему мы и предпочитаемъ въ нижеслѣдующемъ сопоставленіи біографическихъ матеріаловъ, воспроизводящемъ ходъ главнѣйшаго юношескаго романа Соловьева, придерживаться, по возможности, твердой почвы реально обоснованныхъ данныхъ и не пускаемся въ рискованные домыслы по части слишкомъ тонкихъ заключеній, ибо—гдѣ тонко, тамъ и рвется. Притомъ въ настоящей главѣ рѣчь идетъ лишь объ извѣстномъ періодѣ жизни нашего философа, а не обо всемъ его жизненномъ поприщѣ, между-тѣмъ давно уже не тайна, что у него были не одни только юношескіе романы.[531])

переступившая за свои грани индивидуальность, способная утѣшаться мыслью, что вся бѣда именно въ индивидуальной ограниченности.

[530]) „Люди вообще не искренни въ половыхъ вопросахъ. Они не обнаруживаютъ свободно своихъ сексуальныхъ переживаній, но закрываютъ ихъ толстымъ одѣяніемъ, сотканнымъ изъ лжи, какъ-будто въ мірѣ сексуальности всегда дурная погода. Это дѣйствительно такъ; солнце и вѣтеръ не благопріятствуютъ сексуальнымъ переживаніямъ въ нашемъ культурномъ мірѣ. Собственно никто изъ насъ не можетъ обнаружить свою эротику другимъ." S. Freud, *О психоанализѣ*; изд. 3, Москва, 1913 г.; стр. 47. Приводя эти слова знаменитаго невропатолога, укажемъ мимоходомъ, что вообще „Freud'овская наука" установила за послѣдніе годы много важныхъ въ научно-медицинскомъ отношеніи данныхъ для оцѣнки сексуальности, еще мало использованныхъ за предѣлами медицины. Нѣкоторыя изъ относящихся сюда работъ опубликованы (въ переводахъ) въ составѣ *Психотерапевтической библіотеки*, подъ редакціей Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана.

[531]) И въ печати, и въ частныхъ бесѣдахъ Соловьеву много доставалось за своеобразность его „сексуальнаго" поведенія. Чѣмъ меньше было достовѣрныхъ матеріаловъ для сужденія, тѣмъ смѣлѣе разыгрывалась фантазія судей. Для однихъ „дѣвственникъ" и чуть-ли не „скопецъ", для другихъ „охотникъ до непристойныхъ анекдотовъ" и чуть-ли не „эротоманъ", Соловьевъ являлся какой-то мнимой или дѣйствительной загадкою для всѣхъ тѣхъ, кто какъ-бы не могъ представить себѣ человѣка, сознательно стремящагося къ обузданію своихъ природныхъ влеченій, хотя-бы и не всегда достигающаго этой цѣли. Какъ кажется, всего проще и ближе къ правдѣ обрисовываетъ положеніе дѣла въ этомъ случаѣ В. Л. Величко. „Когда уходитъ изъ жизни крупный человѣкъ....., обществу хочется поближе ознакомиться съ его личностью, причемъ особое вниманіе зачастую останавливается на томъ, кого и какъ любилъ этотъ человѣкъ, *какъ онъ смотрѣлъ на любовь*, и какую роль она играла въ его жизни.— Въ частности, одни говорили о Соловьевѣ, что онъ безусловный аскетъ въ данномъ

Имѣя въ виду собственно студенческіе годы Соловьева, мы должны остановиться почти исключительно на его отношеніяхъ къ его кузинѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ Романовой, о которой было уже сказано нѣсколько словъ въ главѣ первой. Сообщенныя тогда свѣдѣнія должны быть теперь пополнены дальнѣйшими подробностями какъ внѣшняго, такъ и внутренняго свойства. [532])

отношеніи, какъ это можно усмотрѣть изъ его писаній и образа жизни, по крайней мѣрѣ, за послѣднія 10—15 лѣтъ; другіе настаивали на какихъ-то своеобразныхъ романахъ, подкладка которыхъ имъ, будто-бы, доподлинно извѣстна. Говоря совершенно искренно, на основаніи 10-лѣтнихъ наблюденій, я не позволю себѣ утверждать ни того, ни другого. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что Владиміръ Соловьевъ зналъ высокую и пламенную дружбу къ женщинамъ, весьма близкую къ понятію любви. Каковы были ея предѣлы и формы, — рѣшить трудно, даже ближайшимъ къ нему людямъ, если они не склонны злословить въ кредитъ. Отъ самого же Владиміра Соловьева, говорившаго совершенно откровенно о своей глубокой симпатіи къ тѣмъ или инымъ лицамъ, я никогда не слыхалъ даже отдаленнѣйшаго намека на *реальныя стороны* такой симпатіи: быть-можетъ, потому, что ихъ не было, или потому, что онъ былъ истинный рыцарь въ этихъ вопросахъ." В. Л. Величко (прим. 10), стр. 197, 198.—Изъ соображеній общаго характера мы, съ своей стороны, приведемъ здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній относительно такъ назыв. „сублимаціи" полового влеченія. Человѣкъ обладаетъ способностью замѣщать первоначальную цѣль сексуальнаго инстинкта другой несексуальной, но родственной психически, цѣлью, причемъ повышается духовная производительность въ совершенно другихъ областяхъ. „Первоначальная сила сексуальнаго инстинкта у различныхъ индивидуумовъ, вѣроятно, различна; несомнѣнно подвержена колебаніямъ и часть, способная къ сублимированію. Мы представляемъ себѣ, что прирожденной организаціей предрѣшено, какая часть сексуальнаго инстинкта у отдѣльныхъ индивидуумовъ способна къ сублимированію и замѣщенію. Кромѣ того, жизненнымъ вліяніямъ и интеллектуальному воздѣйствію душевнаго аппарата удается сублимировать дальнѣйшую часть..... Нужно сказать, что покорить такой могучій инстинктъ, какъ половой, не путемъ удовлетворенія—это такая задача, которая требуетъ отъ человѣка напряженія всѣхъ его силъ. Сублимировать его, отвлечь силы сексуальнаго инстинкта отъ его цѣли въ сторону высшей культурной цѣли возможно для ничтожнаго меньшинства, и то временно, меньше всего въ пору пламенной юности. Большинство же большею частью дѣлается неврастениками или вообще платятся здоровьемъ." З. Фрейдъ, *Психологическіе этюды;* Москва, 1912 г.; статья: *„Культурная" сексуальная мораль и современная нервозность*; стр. 37, 43. Слова о вліяніи воздержанія на здоровье нуждаются, конечно, въ оговоркахъ, которыхъ мы здѣсь, впрочемъ, не перечисляемъ.

[532]) Отношенія Соловьева къ Е. В. Романовой были уже разсмотрѣны нами въ очеркѣ: *Юношескій романъ* и т. д. (прим. 17). Посвящая этимъ-же отношеніямъ особую главу въ настоящемъ нашемъ трудѣ, мы имѣемъ въ виду не только требования систематической связности изложенія, но и то, что въ названномъ выше очеркѣ весьма многія собственно біографическія подробности, касающіяся Соловьева и близкихъ къ нему лицъ, остались вовсе не затронутыми. Соотвѣтствующая фактическая канва намѣчается со всею возможною пока полнотою впервые здѣсь.

Е. В. Романова родилась 19-го апрѣля 1855 г., въ Херсонской губерніи, въ имѣніи Снѣжково, когда Владиміру Соловьеву было 2 года и 3 мѣсяца съ 3 днями. Имѣніе это принадлежало тогда ея бабушкѣ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Романовой; потомъ оно перешло къ ея отцу Владиміру Владиміровичу, брату Поликсены Владиміровны Соловьевой, которая приходится, такимъ образомъ, Е. В. Романовой теткою. Родители Е. В. Романовой разошлись, когда ей было года четыре. Ея мать Александра Станиславовна, рожденная Вишневская (дочь католика и православной, а потому тоже православная), вскорѣ вышла вторично замужъ за Константина Константиновича Шевякова и скончалась въ возрастѣ около 37 лѣтъ, отъ крупознаго воспаленія легкихъ, когда Е. В. Романова приближалась къ своему 17-лѣтію. Ея отецъ В. В. Романовъ тоже вступилъ во второй бракъ, съ Зинаидой Николаевной Леонтьевой, и скончался отъ чахотки въ возрастѣ около 33 лѣтъ, когда Е. В. Романова не достигла еще 12 лѣтъ. Большой возрастной разницы между супругами В. В. и А. С. Романовыми не было, и оба оказались недолговѣчными, хотя А. С. Романова, впослѣдствіи Шевякова, все-таки пережила В. В. Романова. Мачиха Е. В. Романовой здравствуетъ доселѣ.

Владиміръ Владиміровичъ Романовъ, родившійся въ 1833 г., учился въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и служилъ въ дворянскомъ полку; потомъ, по выходѣ въ отставку, онъ проживалъ съ своими родителями въ Снѣжковѣ, помогая отцу въ занятіяхъ по хозяйству. Въ 1864 г., осенью, Е. Ѳ. Романова (бабушка), В. В. Романовъ (отецъ), его вторая жена (Зинаида Николаевна) и обѣ его дочери отъ перваго брака—Екатерина 9 лѣтъ и Поликсена 7 лѣтъ—переселились въ Москву. Собирался туда-же и Владиміръ Павловичъ Романовъ (дѣдъ), но онъ вскорѣ заболѣлъ и скончался; похороненъ онъ въ своемъ родовомъ имѣніи, въ предѣлахъ Харьковской губерніи. [533])

Въ Москвѣ новоприбывшіе устроились, хотя и не сразу, такъ: бабушка и обѣ ея внучки водворились въ семьѣ С. М. Соловьева, второбрачная же чета поселилась отдѣльно, согласно желанію мачихи Екатерины и Поликсены. Когда Е. В. Романова оказалась членомъ семьи Соловьевыхъ, ея двоюродному брату Владиміру Соловьеву было неполныхъ 12 лѣтъ, и онъ только-что поступилъ въ гимназію. Сестры

---

[533]) Основныя біографическія свѣдѣнія относительно В. П. Романова и его жены Е. Ѳ. Романовой, рожденной Бржеской, сопоставлены выше, въ главѣ первой.

Екатерина и Поликсена учились дома вмѣстѣ съ дочерьми С. М. и П. В. Соловьевыхъ, окруженныя заботами и попеченіями бабушки и тетки. Отношенія Екатерины Романовой къ Владиміру Соловьеву были, конечно, совершенно дѣтскія. [534])

Вадимъ Владиміровичъ Романовъ, братъ Владиміра Владиміровича, моложе сего послѣдняго лѣтъ на 8, проживалъ временами тоже въ Снѣжковѣ; теперь и онъ оказался въ Москвѣ, пользуясь здѣсь гостепріимствомъ своего женатаго брата Владиміра. Собственной семьею онъ обзавелся позднѣе, вступивши въ бракъ съ баронессой Е. В. Меллеръ-Закомельской, въ половинѣ 70-ыхъ годовъ.

Къ первымъ мѣсяцамъ московскаго житья снѣжковцевъ относится смерть отъ скарлатины двоюроднаго брата Екатерины и Поликсены Романовыхъ Сергѣя Соловьева, мальчика, подававшаго такія большія надежды. Ради предотвращенія дальнѣйшихъ заболѣваній жившіе вмѣстѣ разселились; но на ближайшее слѣдующее лѣто 1865 г. всѣ снова соединились — на дачѣ въ Покровскомъ, подъ Москвой. На зиму 1865—1866 гг. бабушка Е. Ѳ. Романова съ обѣими внучками водворилась отдѣльно, на Поварской. Отсюда младшую дѣвочку Поликсену взяла къ себѣ ея родная мать. Къ зимѣ 1866—67 гг. Е. Ѳ. Романова съ старшей дѣвочкой Екатериной переѣхала на жительство къ своему старшему сыну Павлу Владиміровичу Романову, женатому на Варварѣ Васильевнѣ Слѣпцовой и имѣвшему тогда пребываніе точно также въ Москвѣ. По образованію морякъ, П. В. Романовъ

---

[534]) Въ романѣ: *Навожденіе* Вс. С. Соловьевъ—можетъ-быть, не безъ участія автобіографическихъ воспоминаній—изображаетъ родительскій домъ героя романа такъ: „По воскресеньямъ, на Рождество и на Святую у насъ всегда набиралось столько разныхъ кузеновъ и кузинъ, что, не смотря на безчисленность нашихъ комнатъ, приходилось стлать постели даже въ гостиныхъ. Можно себѣ представить, какая поднималась возня и какія иной разъ выходили исторіи! Между нами разыгрывались водевили, комедіи и драмы; мы дружились, ссорились, враждовали, а по мѣрѣ того, какъ нѣкоторые изъ насъ вырастали, являлась и нѣжность, и поцѣлуи въ уголкахъ, и планы будущихъ супружествъ. Конечно, все выходило на свѣжую воду, раздувалось, дополнялось всевозможными сплетнями нянекъ и тетенекъ. Начинались слѣдствія и сообразные съ обстоятельствами дѣла приговоры. Бѣдная мама иной разъ доходила до полнаго изнеможенія, надсаживала себѣ грудь въ роли верховнаго судьи и съ отчаянными фразами запиралась въ свою комнату.“ Вс. С. Соловьевъ (прим. 473), стр. 5. Въ такую-то обстановку попадаетъ дѣвочка „Зина“, дочь больного друга „мамы“. Зина — оригинальное существо, смѣсь добра и зла, высшихъ исканій и крайней неустойчивости, влекущая къ себѣ и отталкивающая. Съ лѣтами она дѣлается настоящей мучительницей всѣхъ тѣхъ, кто неосторожно плѣнялся ею, а подъ конецъ и вовсе сбивается съ истиннаго пути.

служилъ сначала во флотѣ, а потомъ въ сухопутныхъ войскахъ; [535]) выйдя въ отставку, онъ занимался своими частными дѣлами. Отмѣтимъ кстати, что дѣти В. П. и Е. Ѳ. Романовыхъ появились на свѣтъ въ такомъ порядкѣ: Павелъ, Поликсена (жена С. М. Соловьева), Владиміръ и Вадимъ. Зимой 1866 — 1867 гг. Владиміръ Владиміровичъ Романовъ, отецъ Екатерины и Поликсены, уѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ Вадимомъ по дѣламъ въ Сибирь, гдѣ и скончался въ ту-же зиму. Вдова его З. Н. Романова, мачиха Екатерины и Поликсены, отошла тогда отъ семьи совершенно въ сторону; впослѣдствіи она вышла замужъ вторично. Весною 1867 г. и Е. В. Романова, въ возрастѣ около 12 лѣтъ, покинула Москву, перейдя, подобно сестрѣ Поликсенѣ, на попеченія къ своей родной матери.

Скитальческая жизнь обѣихъ дѣвочекъ, Екатерины и Поликсены, продолжала и дальше складываться такъ-же своеобразно. Сначала онѣ проживали вмѣстѣ съ матерью и вотчимомъ въ Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ имѣніи ихъ матери Александровкѣ. Здѣсь онѣ оставались года три. Тѣмъ временемъ бабушка Е. Ѳ. Романова, порѣшившая тоже разстаться съ Москвою, переѣхала къ своей вдовой сестрѣ Елизаветѣ Ѳедоровнѣ, по мужу Петковичъ, въ имѣніе Ѳедоровку, Херсонской губерніи. Какъ и Снѣжково, Ѳедоровка въ Александрійскомъ уѣздѣ; оба имѣнія расположены по сосѣдству, въ разстояніи 12—15 верстъ. Примѣрно въ половинѣ 1870 г. перебралась въ Херсонскую губернію и А. С. Шевякова съ обѣими дочерьми, Екатериной и Поликсеной. На этотъ разъ онѣ водворились въ Елизаветполѣ, имѣніи К. К. Шевякова; но и здѣсь онѣ пробыли недолго — всего одну зиму. И второе супружество А. С. Вишневской, по первому мужу Романовой, а по второму—Шевяковой, налаживалось плохо. К. К. Шевяковъ, передъ переселеніемъ жены и падчериц въ Елизаветполь, уѣхалъ за-границу и къ семьѣ уже не вернулся. А тутъ стали еще обнаруживаться у Поликсены признаки легочнаго заболѣванія. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ А. С. Шевякова, забравши съ собою больную дѣвочку, уѣхала въ Кіевъ, а другую дочь, Екатерину, отправила къ бабушкѣ Е. Ѳ. Романовой въ Ѳедоровку, съ учителемъ для подготовки къ поступленію въ институтъ. Случилось это весною 1871 г., когда Е. В. Романовой было, значитъ, около 16 лѣтъ.

Ребяческія отношенія, завязавшіяся между Владиміромъ Соловье-

---

[535]) *Общій Морской Списокъ* (прим. 24), ч. XI, стр. 386.

вымъ и Е. В. Романовой въ 1864 г. и прервавшіяся въ 1867 г., не подновлялись въ теченіе ближайшихъ послѣдующихъ лѣтъ, когда они жили врозь и даже далеко другъ отъ друга. Лѣтомъ 1871 г. намѣтился новый этапъ: прежнія ребяческія отношенія принимаютъ характеръ прямой дружбы. Произошло это совершенно просто. Владиміръ Соловьевъ, чувствуя себя несовсѣмъ здоровымъ, пожелалъ, послѣ двухлѣтнихъ занятій въ качествѣ студента Московскаго университета, хорошенько отдохнуть и отправился на каникулы въ Ѳедоровку, къ бабушкѣ Е. Ѳ. Романовой, на попеченіяхъ которой находилась и его молоденькая кузина Е. В. Романова. [536]) Въ эту пору ему шелъ 19-ый годъ, и онъ только-что разобрался въ своихъ внутреннихъ тревогахъ и сомнѣніяхъ. О душевномъ состояніи Е. В. Романовой мы можемъ судить, до нѣкоторой степени, на основаніи всего предъидущаго: не смотря на юный возрастъ, она, очевидно, была свидѣтельницей многихъ тяжелыхъ жизненныхъ явленій, и въ ея душѣ должно было зародиться немало всякихъ вопросовъ и запросовъ. Легко себѣ представить, съ какимъ интересомъ встрѣтила она въ своемъ деревенскомъ затишьѣ московскаго студента, явившагося передъ ней, 16-лѣтней дѣвушкой, въ обаяніи молодости и талантливости, съ простотою родственной близости, съ милыми воспоминаніями о совмѣстныхъ дѣтскихъ играхъ...

Соловьевъ прогостилъ въ Ѳедоровкѣ мѣсяца два и затѣмъ возвратился въ Москву. Бабушка Е. Ѳ. Романова усердно ухаживала за его здоровьемъ, пользуясь, по старинѣ, домашними средствами и въ особенности камфорой. Въ это-же лѣто случилось захворать и Е. В. Романовой чѣмъ-то въ родѣ перемежающейся лихорадки, вслѣдствіе чего она должна была провести нѣсколько дней въ постели. Соловьевъ

---

[536]) Сколько извѣстно, какимъ-либо тяжелымъ болѣзнямъ Соловьевъ за время своего студенчества не подвергался; но онъ нерѣдко прихварывалъ, что̀ называется, „по мелочамъ“ и тѣмъ причинялъ много заботъ матери. Сестра его М. С. Безобразова пишетъ: „Я совсѣмъ не помню, чтобы братъ болѣлъ; иногда говорилъ, что голова болитъ, лихорадитъ, и онъ воспользуется этимъ случаемъ, чтобы никуда не выходить. Голова у него, случалось, болѣла и отъ бессонницъ, которыми онъ часто страдалъ; но острой серьезной болѣзнью онъ на моей памяти заболѣлъ только разъ. Это случилось весной, если не ошибаюсь—въ апрѣлѣ, незадолго передъ тѣмъ, какъ Москва стала готовиться къ коронаціи Александра III-го.“ М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 161. Въ годъ поступленія Соловьева въ университетъ сестрѣ его Маріи было около 6 лѣтъ. Вѣроятно, воспоминанія ея охватываютъ и студенческіе годы ея брата. Какъ бы то ни было, даже при отсутствіи тяжелыхъ болѣзней, Соловьевъ и въ юношескіе годы крѣпкимъ здоровьемъ не отличался.

подолгу просиживалъ около нея и, для развлеченія больной, читалъ ей вслухъ Гейне въ подлинникѣ. Онъ читалъ, она слушала, а потомъ разговаривали. Были, конечно, разговоры и въ другой обстановкѣ — безъ перемежающейся лихорадки и помимо Гейне. [537])

Осенью того-же 1871 г. Е. В. Романова уѣхала изъ Ѳедоровки въ Кіевъ, гдѣ проживала ея мать съ своей младшей дочерью Поликсеной, которая обучалась тамъ-же въ гимназіи. Рѣшено было подготовлять къ поступленію въ гимназію и старшую дочь. Однако, этотъ планъ точно такъ-же не осуществился, какъ не осуществилось раньше другое предположеніе — на-счетъ опредѣленія ея въ институтъ. А между-тѣмъ желаніе учиться у дѣвушки было, какъ это явствуетъ и изъ переписки ея съ Соловьевымъ...

---

[537]) О литературныхъ вкусахъ Вл. С. Соловьева С. М. Соловьевъ-младшій сообщаетъ такія свѣдѣнія: „Вл. С. говорилъ брату Михаилу, что вполнѣ искренно онъ любитъ только *чисто лирическую поэзію*, оставаясь равнодушенъ къ эпосу, драмѣ и искусствамъ изобразительнымъ и пластическимъ. Такимъ образомъ ему оставалась чужда бо̀льшая часть литературы греческой. Изъ грековъ онъ интимно любилъ только Платона и еще Аристофана, за остроуміе. Больше онъ зналъ и цѣнилъ поэзію римскую, какъ болѣе лирическую. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ Катуллъ, котораго Вл. С. зналъ наизусть.

Когда Катуллъ мнѣ наизусть
Твоими говорилъ устами—

обращается къ нему Фетъ при посвященіи переводовъ Катулла. Затѣмъ, кромѣ сатириковъ, Вл. С. хорошо зналъ, любилъ и переводилъ Вергилія.—Совершенно исключительна была его любовь къ Библіи и еврейской лирикѣ. — Изъ поэтовъ новаго времени онъ любилъ опять-таки тѣхъ, кто наиболѣе приближается къ типу чистыхъ лириковъ: Альфреда Мюссэ, Гейне, Пушкина, Жуковскаго, Фета, Алексѣя Толстого, Мицкевича.—.....—Любимымъ произведеніемъ Вл. С. въ міровой литературѣ была сказка Гофманна: *Золотой горшокъ*, переведенная имъ на русскій языкъ. Натурализма въ литературѣ онъ просто не выносилъ и потому отрицалъ Толстого не только какъ мыслителя, что̀ часто бываетъ, но, что̀ бываетъ весьма рѣдко, и какъ художника. По поводу *Войны и мира* онъ говорилъ: «Дѣйствующія лица тамъ говорятъ, какъ люди нынѣшняго времени.»—Достоевскаго онъ почиталъ болѣе какъ религіознаго мыслителя.....—Но болѣе всѣхъ русскихъ прозаиковъ любилъ онъ Гоголя, за его фантастичность и остроуміе, Гоголя, соединившаго въ себѣ черты обоихъ любимцевъ Вл. С. — Гофманна и Аристофана.“ Сергѣй Соловьевъ (прим. 468), стр. 52. 53.—Изъ произведеній Гейне Соловьевымъ переведено 5 піесъ — больше, чѣмъ изъ какого-либо другого европейскаго поэта. Переводы стихотвореній: *Ночное плаваніе* и *Коль обманулся ты въ любви...*, относящіеся къ 1874 и 1875 гг., принадлежатъ къ числу наиболѣе раннихъ стихотворныхъ опытовъ Соловьева и, по содержанію, находятся, повидимому, въ нѣкоторой связи съ его юношескимъ романомъ. Свѣдѣнія о датировкѣ стихотвореній Соловьева см. въ *Примѣчаніяхъ* къ 6-му изданію его *Стихотвореній* (прим. 468).

Осложненное житейскими злоключеніями существованіе А. С. Вишневской, не нашедшей прочнаго семейнаго счастья ни въ первомъ, ни во второмъ бракѣ, разставшейся и съ В. В. Романовымъ, и съ К. К. Шевяковымъ въ условіяхъ ненормальныхъ, близилось къ концу. Она умерла вскорѣ послѣ переѣзда въ Кіевъ ея старшей дочери, не успѣвши пристроить ее къ правильнымъ гимназическимъ занятіямъ. Въ январѣ 1872 г. обѣ сиротки, Екатерина и Поликсена, попадаютъ на руки къ сестрѣ ихъ покойной матери, т. е. къ ихъ теткѣ Прасковьѣ Станиславовнѣ Колокольцевой, по первому мужу — Пассекъ. Тетка прислала за ними довѣренную особу, которая и перевезла ихъ въ Харьковъ, гдѣ проживала сама П. С. Колокольцева съ своимъ мужемъ, Григоріемъ Дмитріевичемъ Колокольцевымъ. Въ Харьковѣ Поликсену отдали снова въ гимназію, а Екатерина оставалась дома, пользуясь частными уроками. У нея былъ, впрочемъ, сверхсмѣтный образовательный рессурсъ—переписка съ Владиміромъ Соловьевымъ.

Уѣзжая изъ Ѳедоровки, Соловьевъ увезъ съ собою очень нѣжное дружеское чувство къ своей кузинѣ. На почвѣ этого чувства, принимающаго съ теченіемъ времени болѣе яркую окраску, возникаетъ между молодыми людьми переписка, представляющая немалую цѣнность для біографіи Соловьева. Письма Соловьева, опубликованныя впервые въ 1910 г., составляютъ все, что уцѣлѣло изъ этой переписки, и они воспроизведены въ печати безъ урѣзокъ, съ замѣною лишь нѣкоторыхъ полныхъ именъ и фамилій начальными ихъ буквами. Переписка открывается письмомъ Соловьева изъ Москвы отъ 12-го октября 1871 г. и заканчивается его письмами изъ Сергіева посада, относящимися къ концу 1873 г. Послѣдующія письма Соловьева, къ сожалѣнію, утрачены, вмѣстѣ съ пропажею сундука, гдѣ они были уложены, при переѣздѣ Е. В. Романовой изъ Парижа въ Швейцарію, во время одного изъ ея заграничныхъ путешествій. Впрочемъ, письма эти выходятъ уже за предѣлы студенческихъ лѣтъ Соловьева и, насколько можно судить по изустнымъ разсказамъ, не прибавляютъ чего-либо существеннаго къ наличнымъ матеріаламъ, а потому для настоящей главы особаго значенія и не имѣютъ. [538])

[538]) Какъ намъ передавала Е. В. Селевина (Романова), Соловьевъ былъ озабоченъ судьбою своихъ писемъ къ ней. Ея письма къ нему онъ сжегъ; говорилъ, что слѣдовало бы сжечь и его письма къ ней; но потомъ онъ отказался отъ этой мысли и даже прямо разрѣшилъ ихъ современемъ опубликовать. И дѣйствительно, письма эти проникнуты въ общемъ такимъ возвышеннымъ и благороднымъ характеромъ, что

Послѣ того, какъ личныя отношенія Соловьева къ его кузинѣ возобновились лѣтомъ 1871 г. въ Ѳедоровкѣ, ближайшее слѣдующее свиданіе ихъ состоялось въ маѣ 1872 г. въ Харьковѣ. За этотъ промежутокъ времени, соотвѣтствующій третьему году студенчества Соловьева, молодые люди успѣли обмѣняться нѣсколькими письмами. Обстоятельства мало благопріятствовали перепискѣ — отчасти вслѣдствіе переселенія Е. В. Романовой изъ Ѳедоровки въ Кіевъ и затѣмъ изъ Кіева въ Харьковъ, отчасти же вслѣдствіе такихъ условій, какъ болѣзнь и смерть А. С. Шевяковой и учебныя занятія Соловьева; были и другія помѣхи, болѣе личнаго свойства или интимнаго характера. Тѣмъ не менѣе, обѣ стороны вкладываютъ въ свои заочныя сношенія много сердечности, и волна нѣжнаго чувства со стороны, по крайней мѣрѣ, Соловьева довольно явственно нарастаетъ. Первое письмо свое на имя кузины онъ подписываетъ просто: „Вл. Соловьевъ.“ Въ слѣдующихъ письмахъ появляются болѣе выразительныя подписи: „Твой другъ на-всегда.....“, „съ истинной любовью твой.....“, „Твой.....“ Наконецъ, послѣднее письмо этой серіи скрѣпляется подписью: „Твой всегда.....“ Замѣчаются и другіе признаки нарастающей нѣжности. Сначала Соловьевъ посылаетъ поцѣлуи какъ-бы сразу всѣмъ близкимъ: „Цѣлую тебя, тетю [т. е. А. С. Шевякову] и Поликсену [т. е. сестру Е. В. Романовой]“. Затѣмъ онъ дѣлается болѣе исключительнымъ, а подъ конецъ у него вырывается уже такая фраза: „Пока обнимаю тебя воображеніемъ.“ Но вскорѣ начинаетъ обнаруживаться и какой-то диссонансъ...

Первое письмо отъ 12-го октября 1871 г. [539]) Соловьевъ направляетъ изъ Москвы въ Кіевъ окольнымъ путемъ черезъ Ѳедоровку, т. е. черезъ бабушку Е. Ѳ. Романову, такъ-какъ „другъ Катя“, по разсѣянности, забыла сообщить свой кіевскій адресъ. Уже въ этомъ первомъ письмѣ Соловьевъ выражаетъ надежду на новое личное свиданіе: онъ собирается пріѣхать „весною“ [1872 г.] въ Кіевъ, „если будетъ какая-нибудь возможность“. Тутъ-же онъ даетъ извѣстные намъ совѣты читать великихъ поэтовъ и не очень налегать на занятія естественными науками. Занимаетъ его судьба и нѣкоей „В.“, которой угрожаетъ недостойное поведеніе какого-то господина. Тема эта проходитъ и черезъ ближайшія слѣдующія письма, въ различныхъ ва-

---

скрывать ихъ незачѣмъ: было бы даже, по-истинѣ, жаль, еслибы они остались не опубликованными.

[539]) *П.*, Ш, 57.

ріантахъ. Въ концѣ концовъ эпизодическій интересъ къ „В.“ отступаетъ на задній планъ, но онъ все-таки заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

В. Л. Величко пишетъ: „Между 18-ымъ и 20-ымъ годами было у него [Вл. С. Соловьева] нѣсколько увлеченій, рыцарски-пылкихъ и возвышенныхъ, но, къ счастью для него, скоро-преходящихъ. Пріѣхавъ погостить въ Новороссію къ одной изъ своихъ тетокъ, княгинѣ Дадешкеліани, Владиміръ Соловьевъ влюбился въ простую крестьянскую дѣвушку и собирался на ней жениться, но былъ спасенъ необходимостью вернуться въ Москву къ обычнымъ занятіямъ съ наступленіемъ академическаго сезона; переписки съ деревенской красавицей быть не могло — и образъ ея мало-по-малу померкъ. Затѣмъ онъ плѣнился поочередно двумя юными родственницами съ материнской стороны, г-жами П. и Р.; завязалась цѣлая переписка,—но браку двадцатилѣтняго ученаго съ первой изъ нихъ благоразумно помѣшалъ встревоженный семейный совѣтъ, а во второй онъ самъ разочаровался, что̀ весьма естественно, такъ-какъ трудно было бы найти подругу жизни, которая сколько-нибудь отвѣчала бы даже тогдашнему его уровню. Этимъ, насколько мнѣ извѣстно со словъ покойнаго, завершились юныя попытки Владиміра Соловьева свить гнѣздо. — Мирная жизнь въ гнѣздѣ и не отвѣчала, строго говоря, ни его духовному складу, ни высокому призванію, которому онъ остался вѣренъ всю жизнь.“ [540])

Поѣздка Соловьева въ Новороссію, про которую разсказываетъ В. Л. Величко, есть именно та поѣздка въ Ѳедоровку, о которой упоминалось выше. У двоюродной бабушки Соловьева, Елизаветы Ѳедоровны Петковичъ, было двѣ дочери. Старшая дочь, Елена Михайловна, была въ эту пору замужемъ за княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Дадешкеліани. Ее и разумѣетъ В. Л. Величко подъ именемъ тетки Соловьева, княгини Дадешкеліани. Кн. М. М. Дадешкеліани состоялъ на военной службѣ. Супруги Дадешкеліани, не имѣвшіе дѣтей, проживали частію въ Елисаветградѣ, уѣздномъ городѣ Херсонской губерніи, частію въ Ѳедоровкѣ. Княг. Е. М. Дадешкеліани, двоюродная сестра В. В. Романова и П. В. Соловьевой, приходилась кузинѣ Соловьева, Е. В. Романовой, двоюродной теткою. Младшая дочь Елизаветы Ѳедоровны Петковичъ, Вѣра Михайловна, была по возрасту нѣсколько старше Соловьева. Впослѣдствіи она тоже вступила въ

[540]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 20.

бракъ (съ С. К. Рощаковскимъ), а въ то время, когда Соловьевъ гостилъ въ Ѳедоровкѣ, она была еще въ дѣвушкахъ, подобно другой юной родственницѣ Соловьева съ материнской стороны, Е. В. Романовой, и своей прекрасной наружностью невольно привлекала къ себѣ сердца молодежи. Проживая въ Ѳедоровкѣ, Соловьевъ имѣлъ, конечно, возможность познакомиться и съ супругами Дадешкеліани, и съ этой своей родственницею, бывшей уже по своему возрасту въ положеніи „дѣвушки на-вы̀данiи", „невѣсты". Обѣ молодыя особы, В. М. Петковичъ и Е. В. Романова, въ качествѣ ближайшихъ сверстницъ Соловьева, составляли здѣсь, по понятнымъ причинамъ, предметъ его особаго вниманія.

Указаніе В. Л. Величко на романическую исторію съ крестьянской дѣвушкой рѣшительно отвергается лицами, хорошо знавшими Соловьева въ тѣ годы, о которыхъ идетъ рѣчь. И хотя авторъ ссылается въ этомъ случаѣ на слова самого Соловьева, тѣмъ не менѣе приходится думать, что тутъ какое-то недоразумѣніе. Что касается двухъ другихъ романическихъ исторій, то фактическій матеріалъ для нихъ намѣчается безъ всякаго труда, не смотря на маскирующія буквы: „П." и „Р." Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ необходимы оговорки: о бракѣ Соловьева съ г-жей П., повидимому, серьезныхъ разговоровъ вовсе не было, хотя со стороны Соловьева и было нѣкоторое увлеченіе, бракъ же съ г-жей Р. (Е. В. Романовой), дѣйствительно, предполагался, но разстроилось это предположеніе по причинамъ болѣе сложнымъ, чѣмъ „разочарованіе". Обо всемъ этомъ довольно ясно свидѣтельствуютъ опять-таки письма Соловьева къ его кузинѣ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и возвращаемся.

Второе письмо Соловьева—отъ 21-го декабря 1871 г. [541]) Передъ этимъ имъ было получено письмо отъ Е. В. Романовой, и онъ горячо благодаритъ ее за „дорогое участіе". Признавая, что жизнь „милаго друга Кати" „въ тысячу разъ тяжелѣе" его жизни,—отчасти въ виду болѣзни ея матери (А. С. Шевяковой), отчасти въ виду „постоянной неволи внѣшней мелочной жизни",—онъ утѣшаетъ себя „твердою увѣренностью" въ томъ, что у его кузины есть „внутренняя жизнь, недоступная", по крайней мѣрѣ, „ни для какихъ внѣшнихъ мелочей". Онъ думаетъ даже, что „радость и наслажденіе" во внѣшней жизни „опасны, потому-что призрачны". Гоняться за призракомъ счастья—ребячество. Ужъ лучше въ этой внѣшней жизни „несчастье

[541]) *П.*, Ш, 58, 59.

и горе", которыя „часто являются единственнымъ спасеніемъ." Затѣмъ Соловьевъ увѣряетъ кузину въ своемъ „искреннемъ, сердечномъ участіи" и отстраняетъ ея предположеніе, будто бы для этого участія нѣтъ въ его сердцѣ свободнаго мѣста. „Ты очень ошибаешься," пишетъ онъ, „если думаешь, что я весь погрузился въ свою *дурь*, какъ ты совершенно вѣрно называешь мой глупый романъ; мнѣ эта дурь уже давно ни въ чемъ не мѣшаетъ, а теперь она почти и совсѣмъ прошла,—развѣ только иногда въ безсонныя ночи возвращается воспоминаніе." Нельзя не догадаться, отъ какой „дури" открещивается здѣсь Соловьевъ, если принять въ соображеніе разсказъ В. Л. Величко про романическія обстоятельства, которыми сопровождалось пребываніе Соловьева въ Ѳедоровкѣ. Притомъ— изъ пѣсни слова не выкинешь: дошедшее и до насъ преданіе повѣствуетъ, что въ усадьбѣ бабушки Соловьевъ занимался не только чтеніемъ Гейне и бесѣдами съ своей теперешней корреспонденткой— неравнодушный и къ другимъ образамъ, въ особенности же къ одному изъ нихъ, онъ готовъ былъ принять участіе и въ легкихъ пирушкахъ, и въ разныхъ чудачествахъ, да не прочь былъ прибавить къ нимъ кое-что и отъ себя, въ смыслѣ выраженія молодыхъ порывовъ. „Романъ", который самъ Соловьевъ черезъ какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ чистосердечно называетъ „глупымъ", не могъ, само собою разумѣется, обойтись безъ эскападъ, свойственныхъ возрасту. И намъ кажется болѣе цѣннымъ для характеристики Соловьева это искреннее самоосужденіе, чѣмъ тотъ фактъ, что и на его долю выпала „дурь". [542]) Какъ бы то ни было, недавнее прошлое вытѣсняется настоящимъ, и конецъ своего второго письма Соловьевъ посвящаетъ уже не „В.", resp. „г-жѣ П.", а серьезной заботѣ о „миломъ другѣ Катѣ". Стараясь, между прочимъ, оградить ее отъ подчиненія книжнымъ авторитетамъ, онъ внушаетъ ей ту вѣрную, но часто забываемую мысль, что „въ серьезныхъ вопросахъ внутреннее бездоказательное и безсознательное убѣжденіе есть голосъ Божій." Любопытно, что въ

[542]) Не обходя молчаніемъ эту „дурь" и другіе подобные факты, біографы Соловьева оказываютъ ему даже нѣкоторую услугу. Очевидно, Соловьевъ не былъ, по самой природѣ своей, какимъ-то „сердцемъ хладнымъ скопцомъ" или—что еще хуже— субъектомъ, нуждающимся въ оцѣнкѣ со стороны судебной психіатріи. Считаемъ это примѣчаніе нелишнимъ въ виду того, что еще недавно русскіе читатели имѣли передъ собой страницы, озаглавленныя авторомъ: *Прослойки содоміи у Влад. Соловьева.* Впрочемъ, тѣмъ-же авторомъ были обнаружены эти „прослойки" и у гр. Л. Н. Толстого. В. В. Розановъ, *Люди луннаго свѣта (метафизика христіанства);* изд. 2, С.-Петербургъ, 1913 г.: стр. 111—113; стр. 105—110.

этомъ-же первомъ письмѣ онъ впервые называетъ „Всеволода“, ревниво досадуя, что этотъ Всеволодъ считаетъ Е. В. Романову „совсѣмъ за маленькую дѣвочку“. Изъ всѣхъ близкихъ Соловьеву лицъ, достаточно извѣстныхъ и Е. В. Романовой, тутъ приходитъ, прежде всего, на мысль его старшій братъ Всеволодъ, который приближался въ это время къ своему 23-лѣтію... [543]) Письмо заканчивается, какъ и начинается, благодарностью: на этотъ разъ Соловьевъ благодаритъ „за карточку“, обѣщая прислать свою („какъ только снимусь“).

Третье письмо помѣчено 27-ымъ января 1872 г. [544]) Одобряя рѣшеніе кузины идти не обыкновенной, а нѣкоторой другой дорогой, Соловьевъ отвергаетъ „жизнь эгоизма, личныхъ интересовъ, съ глупымъ призракомъ счастья какъ послѣднею цѣлью“, и съ большимъ одушевленіемъ говоритъ о той „*истинной* жизни“, которая открыта человѣчеству „*истиннымъ* христіанствомъ“. Правда, путь истинной жизни—путь нелегкій, но вѣдь „вездѣ одно страданіе. Только по настоящей дорогѣ это страданіе искупляетъ и ведетъ къ истинѣ, а страданіе ложной жизни безплодно и безсмысленно.“ О высказанныхъ въ этомъ письмѣ мысляхъ мы, впрочемъ, имѣли уже случай упоминать раньше, а потому и удовольствуемся этимъ краткимъ напоминаніемъ. Личный романъ съ кузиной въ письмѣ прямо не затрогивается. 18-го января 1872 г. скончалась А. С. Шевякова, мать Е. В. Романовой. Возможно, что это событіе и послужило ближайшимъ поводомъ къ разсужденіямъ о жизненныхъ путяхъ, замѣнившимъ всякія другія разсужденія.

Четвертое письмо—отъ 7-го марта 1872 г. [545])—Соловьевъ начинаетъ съ выраженія догадки, что „дорогая Катя“ не получила его „послѣдняго письма“, адресованнаго, по-прежнему, въ Кіевъ, тогдакакъ она тѣмъ временемъ уже перебралась оттуда въ Харьковъ. Къ сожалѣнію, онъ не проставляетъ даты этого послѣдняго своего письма, а потому мы и не знаемъ, имѣется-ли тутъ пробѣлъ въ перепискѣ, или не имѣется. Во всякомъ случаѣ, онъ не отрицаетъ, что съ его стороны произошла, дѣйствительно, нѣкоторая задержка въ корреспонденціи. „Послѣ того“, пишетъ онъ, „я нѣсколько разъ собирался писать, но днемъ мѣшали занятія, а по ночамъ—хандра, вслѣдствіе извѣстія о замужествѣ В. На меня сверхъ ожиданія это извѣстіе произвело до-

[543]) При первомъ появленіи Е. В. Романовой въ семействѣ Соловьевыхъ, осенью 1864 г., Всеволоду Соловьеву было около $15^1/_2$ лѣтъ.

[544]) *П.*, III, 60, 61.

[545]) *П.*, III, 62, 63.

вольно сильное дѣйствіе, впрочемъ, непродолжительное: теперь уже почти совсѣмъ прошло, и надо надѣяться — на-всегда.“ Нѣтъ основанія предполагать, чтобы подъ „В.“ здѣсь разумѣлось какое-либо другое лицо, помимо того, которое называлось уже раньше. Очевидно, Соловьевъ борется съ какимъ-то чувствомъ, небезразличнымъ и для его кузины, и ему хочется сбросить съ себя это чувство... Въ дальнѣйшемъ онъ выражаетъ радость за своего друга, что она, наконецъ, „свободна располагать собою.“ Смыслъ этихъ словъ, повидимому, въ томъ, что приближалось 17-лѣтіе Е. В. Романовой, вмѣстѣ съ чѣмъ расширялись и ея гражданскія права. А для чего нужна эта свобода? Да для того, чтобы легче было достигнуть истинной цѣли жизни. И Соловьевъ снова указываетъ на служебную роль науки, утверждая, что высшая или истинная цѣль жизни—нравственная или религіозная. Попутно онъ касается вопроса о „подчиненности“ женщинъ—модной тогда темы; но, во избѣжаніе неудобныхъ въ письменномъ общеніи споровъ, онъ откладываетъ всякія подробныя объясненія до личнаго свиданія. Встрѣчу съ кузиной онъ намѣчаетъ „до Святой, въ Харьковѣ“, откуда разсчитываетъ проѣхать „въ Ѳедоровку, дней на 10, подышать немного чистымъ воздухомъ.“ [546]) Упоминаніе о Ѳедоровкѣ, мотивируемое въ области яснаго сознанія „чистымъ воздухомъ“, оказывается, однако-же, отзвукомъ другой мотивировки, копошащейся гдѣ-то въ области подсознательной. И вотъ снова всплываетъ мысль о „В.“ Внѣ явной связи съ предъидущимъ Соловьевъ заканчиваетъ свое письмо такими строками: „Почему тебѣ жаль В.? Я, напротивъ, надѣюсь, что теперь изъ нея выйдетъ отличная женщина—«вѣрная супруга и добродѣтельная мать»; вѣдь, говорятъ, и Е. до замужества была такой-же вѣтряной и непостоянной, какъ она. У В. главный недостатокъ былъ — притворство, стремленіе казаться тѣмъ, чѣмъ она быть не могла; но теперь, когда ея положеніе совершенно опредѣлилось, ей притворяться незачѣмъ, и это стремленіе должно исчезнуть.“ Выходитъ, значитъ, что нѣтъ причинъ безпокоиться ни за „В.“ ни за „Е.“ Но не смутитъ-ли это повторное упоминаніе про „В.“ самое кузину? И какъ-бы въ предотвращеніе этого смущенія Соловьевъ дѣлаетъ приписку: „завтра пойду сниматься, не успѣлъ до сихъ поръ.“ Сборы къ фотографу продолжались до этого около двухъ съ половиною мѣсяцевъ. Какъ кажется, они и теперь будутъ столь-же неудачными и нескоро увѣнчаются успѣхомъ.

---

[546]) Пасха въ 1872 г. приходилась на 16-ое апрѣля.

Пятое письмо помѣчено 26-ымъ марта 1872 г. [547]) И на этотъ разъ Соловьевъ высказываетъ нѣсколько соображеній общаго характера — о стремленіи къ „наукѣ“, объ изученіи внѣшнихъ природныхъ явленій, о жизни пустыми призраками. Теперь насъ занимаетъ, однако-же, другая сторона переписки, и потому на этихъ соображеніяхъ мы повторно останавливаться не будемъ. Что касается личнаго романа Соловьева, то по этой части обнаруживается какая-то заминка. Во-первыхъ, „дорогая Катя“ довольно долго молчала, или не принимала надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы ея письма доходили исправно по назначенію; во-вторыхъ, ея двоюродный братъ и другъ подвергся какимъ-то „обвиненіямъ“ и не зналъ, какъ она относится къ этой напраслинѣ; въ-третьихъ, она, повидимому, все еще сомнѣвается въ „постоянствѣ“ его „дружбы“, и это его раздражаетъ („не божиться-же, въ самомъ дѣлѣ!“); въ-четвертыхъ, она пишетъ „жалкія слова“. Изливши свою досаду, Соловьевъ, впрочемъ, успокаивается и снова мечтаетъ о скоромъ свиданіи съ кузиной, когда можно будетъ поговорить о многомъ. Свиданіе онъ пріурочиваетъ теперь къ концу мая, т. е. къ тому времени, когда онъ раздѣлается съ экзаменами и будетъ „совсѣмъ вольной птицей“. О Ѳедоровкѣ, о „В.“, о преодолѣнной „дури“ рѣчь уже не заводится. Письмо заканчивается даже съ особымъ приливомъ нѣжности, и намъ остается только ждать, что при предстоящемъ свиданіи назрѣвавшія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дружескія отношенія получатъ окончательную скрѣпу. Конечно, при этомъ слѣдовало бы предположить, что прозвучавшій диссонансъ, дѣйствительно, разрѣшился вполнѣ благополучно, и что обѣ стороны стали за эти мѣсяцы разлуки еще милѣе, еще дороже другъ другу...

Въ главѣ пятой, обозрѣвая внѣшнюю исторію студенческой жизни Соловьева, мы указывали, что съ формальной стороны не всѣ экзамены складывались для него удачно, и что продвинуться на четвертый курсъ весною 1872 г. ему такъ и не удалось. Тѣмъ не менѣе, въ маѣ этого года онъ все-таки могъ почувствовать себя „вольной птицей“ и полетѣлъ въ Харьковъ. Прибылъ онъ сюда, вѣроятно, въ половинѣ этого мѣсяца, но оставался на мѣстѣ недолго, ибо уже 21-го мая, въ письмѣ на имя И. О. Лапшина, [548]) онъ назначаетъ свой отъѣздъ на „завтра“, т. е. на 22-ое число. До Харькова онъ

---

[547]) *П.*, III, 64, 65.
[548]) *П.*, I, 157.

доѣхалъ „благополучно и даже весело“, но тутъ счастье ему измѣнило. Его одолѣваетъ „порядочная тоска“ и даже „уныніе“; думать „о предстоящей еще длинной дорогѣ и двухмѣсячномъ пребываніи въ скотскомъ состояніи“ ему крайне непріятно; онъ порывается возвратиться въ Москву, „или же ѣхать въ Херсонскую деревню“ съ кузиной. „Сегодня“ онъ принимаетъ, однако, рѣшеніе внять голосу „благоразумія“, и разсчитываетъ отправиться „завтра“ въ Саратовъ. Что-же такое случилось?

Точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ проводилъ Соловьевъ время въ Харьковѣ, мы не имѣемъ. Письмо къ И. О. Лапшину, на которое мы ссылались и раньше, заставляетъ насъ только думать, что душевное настроеніе Соловьева отъ пребыванія въ Харьковѣ, куда онъ прибылъ ради свиданія съ „милымъ другомъ Катей“, потерпѣло какой-то ущербъ. Насколько можно судить по разсказамъ близкихъ людей, съ внѣшней стороны ничего выдающагося за эти дни съ Соловьевымъ не произошло. Приходится допустить, что народились или выяснились нѣкоторыя внутреннія обстоятельства, незамѣтныя или мало замѣтныя для окружающихъ, но очень замѣтныя для самого Соловьева. И, вѣроятно, не безъ достаточной причины отказался онъ отъ такой, казалось бы, пріятной для него вещи, какъ поѣздка съ кузиной въ Ѳедоровку, гдѣ онъ такъ хорошо могъ бы „подышать немного чистымъ воздухомъ“. Саратовъ, повидимому, оказался тоже забракованнымъ, ибо уже 8-го іюля Соловьевъ пишетъ кузинѣ снова изъ Москвы. Значитъ, онъ такъ или иначе избѣгнулъ „двухмѣсячнаго пребыванія въ скотскомъ состояніи“, срокъ которому долженъ былъ истечь только въ концѣ іюля мѣсяца. Поѣздка въ Саратовскій край, ради леченія кумысомъ, проектировалась въ интересахъ здоровья, но и эти интересы отошли на задній планъ. Если Соловьевъ и попалъ въ этотъ край, то лишь ненадолго.

Много лѣтъ спустя, а именно въ 1892 г., Соловьевъ возвратился мысленно къ своей поѣздкѣ въ Харьковъ въ 1872 г., и записалъ свои воспоминанія объ этой поѣздкѣ въ формѣ разсказа: *На зарѣ туманной юности...* [549]) Мы не имѣемъ безусловно обоснованнаго права считать этотъ разсказъ полностью за отрывокъ изъ подлинной автобіографіи, но еще меньше у насъ права отрицать за содержащимися въ этомъ повѣствованіи данными всякую біографическую цѣнность. И намъ кажется, что названнымъ разсказомъ слѣдуетъ воспользоваться,

[549]) *П.*, III, 283—298.

между прочимъ, именно для того, чтобы попытаться объяснить себѣ, почему такою грустью проникнуто письмо Соловьева къ И. О. Лапшину отъ 21-го мая 1872 г.

Въ другомъ мѣстѣ мы излагаемъ болѣе подробно всѣ психологическія перипетіи юношескаго романа Соловьева съ его кузиной Е. В. Романовой, съ точки зрѣнія того двойного освѣщенія, которое получается при сопоставленіи соотвѣтствующей переписки Соловьева съ его-же разсказомъ: *На зарѣ туманной юности...* [550]) Чтобы не вдаваться въ повторенія, достаточно замѣтить, что свиданію съ кузиной предшествовалъ—повидимому, передъ самымъ прибытіемъ Соловьева въ Харьковъ—нѣкоторый случайный эпизодъ, показавшій 19-лѣтнему юношѣ, что не вездѣ-же „одно страданіе“, и что при наличности не надуманнаго, а дѣйствительнаго любовнаго воодушевленія, вызываемаго близостью милаго женскаго существа, можно не только совершенно забыть про себя, но и всѣмъ существомъ своимъ понять нѣчто лучшее и высшее, чѣмъ пустопорожнее „самоотрицаніе воли“. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ силу новыхъ переживаній, совпавшихъ по времени съ поѣздкой въ Харьковъ, Соловьевъ „теперь только ..... понялъ, что есть Богъ въ человѣкѣ, что есть добро и истинная радость въ жизни, что ея цѣль не въ холодномъ, мертвомъ отрицаніи...“ [551]) Удареніе здѣсь не столько на содержаніи дополнительныхъ предложеній, сколько на сказуемомъ главнаго предложенія: „понялъ“. Многіе и даже всѣ элементы этой простой формулы были вѣдомы Соловьеву и раньше, за послѣдній годъ они стали даже совсѣмъ близкими ему терминами обычныхъ его разсужденій; но всѣ его теоретическія построенія возводились доселѣ, по-преимуществу, на основаніяхъ раціоналистическихъ и окрашивались еще въ тѣ мрачные цвѣта, которые были свойственны его „метафизическому радикализму“, тутъ же онъ воспринялъ свое разсудочное вѣдѣніе какъ живое откровеніе, обращающееся не къ одному только разсудку. Впрочемъ,— воспользуемся опять словами разсказа, хотя и въ другомъ контекстѣ,— „это я узналъ потомъ“, а пока, „очнувшись, я видѣлъ только яркій солнечный свѣтъ, полосу синяго неба, и въ этомъ свѣтѣ и среди этого неба склонялся надо мною образъ прекрасной женщины, и она смотрѣла на меня чудными знакомыми глазами и шептала мнѣ что-то тихое и нѣжное...“ [552])

---

[550]) С. М. Лукьяновъ (прим. 17).

[551]) *П.*, III, 296 (слова изъ разсказа: *На зарѣ туманной юности...*).

[552]) *П.*, III, 295.

Прозаическая обстановка происшествія, поэтически изображеннаго въ разсказѣ: *На зарѣ туманной юности...*, остается еще недоступной для біографовъ Соловьева. [553]) Ограничимся поэтому только-что сдѣланными немногими намеками, на которые достаточно уполномочиваетъ насъ этотъ разсказъ, и посмотримъ, что было дальше въ подлинной дѣйствительности. Допустимъ хотя-бы предположительно, что тоска и уныніе, испытанныя Соловьевымъ въ Харьковѣ, были результатомъ нѣкоторой новой переоцѣнки того чувства, которое привело его въ Харьковъ, плодомъ самокритики, убѣдившей его, что слова, которыя онъ намѣренъ былъ преподнести своей кузинѣ и въ самомъ дѣлѣ преподнесъ ей,—слова чужія и совершенно неинтересныя, чужія и совершенно неинтересныя для него самого, и признаемъ, что иныхъ словъ въ его распоряженіи въ эту пору не было... [554])

Послѣ отъѣзда Соловьева, Е. В. Романова оставалась еще нѣкоторое время у своей тетки въ Харьковѣ. Желаніе „учиться“ ея не покидало, и она стала подумывать о переселеніи въ Петербургъ. Тутъ встрѣтились, однако-же, различныя помѣхи, и дѣло кончилось тѣмъ, что осенью того-же 1872 г. она водворилась снова въ Ѳедоровкѣ, гдѣ, по-прежнему, проживали обѣ ея бабушки—родная и двоюродная. Здѣсь она провела зиму 1872—1873 гг., наѣзжая по-временамъ въ Елисаветградъ, къ роднымъ, отчасти ради уроковъ, отчасти для того, чтобы побывать въ обществѣ. 19-го апрѣля 1872 г. Е. В. Романовой минуло 17 лѣтъ, и не удивительно, если ей хотѣлось иной разъ и

---

[553]) Полезно, во всякомъ случаѣ, еще разъ подчеркнуть, что было бы несправедливо признавать все содержаніе разсказа за безусловно точную автобіографическую запись. А засимъ необходимо различать въ самомъ повѣствованіи два момента: вспышку тѣлесной страстности, осуждаемую самимъ героемъ разсказа, и озареніе чистымъ любовнымъ чувствомъ, совершенно свободнымъ отъ уступки какому-либо низменному началу. Слова, приведенныя выше въ кавычкахъ, соотвѣтственно примѣчаніямъ 551-му и 552-му, и относятся именно ко второму моменту, а потому они и не могутъ подавать повода къ соблазнительному истолкованію, будто-бы тѣлесное увлеченіе, какъ таковое, оказалось источникомъ духовнаго просвѣтленія. — Отчасти пренебреженіемъ къ подобнымъ соображеніямъ и различеніямъ обусловливается, кстати сказать, суровое осужденіе разумѣемаго здѣсь эпизода со стороны архіепископа Антонія (Храповицкаго) въ его весьма рѣзкой статьѣ: *Ложный пророкъ*. Архіепископъ Антоній (Храповицкій), *Полное собраніе сочиненій*; т. III, С.-Петербургъ, 1911 г., изд. 2; стр. 184—189. Другихъ замѣчаній этого автора мы здѣсь не касаемся.

[554]) „Я говорилъ кратко и неубѣдительно. Я самъ чувствовалъ, что повторяю какой-то заученный урокъ; каждое слово раздавалось въ моихъ ушахъ какъ что-то чужое и совершенно неинтересное. Правду сказать, это были вполнѣ деревянныя слова.“ *Л.*, III, 297.

потанцовать, и вообще повеселиться вмѣстѣ съ молодежью, не взирая на то, что она отказывалась отъ „обыкновенной дороги“. Супруги Дадешкеліани принимали ее съ родственнымъ радушіемъ и могли, съ своей точки зрѣнія, только радоваться ея свѣтскимъ успѣхамъ. Въ эту пору къ ней сталъ свататься кн. Д. Дадіани, съ которымъ она познакомилась въ Одессѣ, гдѣ ей пришлось тоже побывать. Предложеніе кн. Д. Дадіани было ею, однако, отклонено, къ большому огорченію для бабушки Е. Ѳ. Романовой, желавшей видѣть свою внучку княгиней. Переписка съ Соловьевымъ продолжалась своимъ чередомъ. Такъ и прошла зима 1872—1873 гг. Весною 1873 г. начались сборы въ Петербургъ. Бабушка Е. Ѳ. Романова была несовсѣмъ здорова, и ѣхать на сѣверъ ей было тяжело, но она уступила все-таки настояніямъ Е. В. Романовой, продолжавшей мечтать о „курсахъ“; переселеніе совершилось къ лѣту того-же года. Въ Москвѣ путешественницы не останавливались, повидаться съ Соловьевыми имъ не удалось. Младшая сестра Е. В. Романовой, Поликсена, оставалась, по-прежнему, на попеченіяхъ П. С. Колокольцевой. Судьба этой дѣвушки сложилась очень печально. Въ возрастѣ около 20 лѣтъ, уже будучи объявленной невѣстой, она скончалась отъ чахотки, подобно своему отцу.

За годичный промежутокъ времени, съ лѣта 1872 г. до лѣта 1873 г., сохранилось шесть писемъ Соловьева на имя его кузины. Къ августу 1872 г. относится также его письмо на имя С. Д. Лапшиной, воспроизведенное нами въ главѣ восьмой. Другихъ письменныхъ документовъ за этотъ послѣдній годъ студенчества Соловьева не опубликовано.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 8-го іюля 1872 г., [555]) являющемся отвѣтомъ на письмо Е. В. Романовой, Соловьевъ, прежде всего, заявляетъ, что объ отказѣ его матери быть попечительницей его кузины ему ничего неизвѣстно. Далѣе, онъ поясняетъ, что общее мнѣніе всѣхъ родныхъ, кромѣ него, сводится къ тому, чтобы ей и впредь оставаться въ Харьковѣ, такъ-какъ ея желаніе учиться они считаютъ „фантазіей“. П. В. Соловьева даже „пришла въ ужасъ“, когда узнала о намѣреніи своей племянницы переѣхать въ Петербургъ. Соловьевъ полагаетъ, впрочемъ, что когда его мать убѣдится въ окончательности рѣшенія Е. В. Романовой разстаться съ П. С. Колокольцевой и когда та пріѣдетъ въ Москву, то всѣ возраженія прекратятся, и П. В.

[555]) *П.*, III, 66, 67.

Соловьева согласится быть попечительницей. „Мама боится только своимъ согласіемъ содѣйствовать исполненію твоихъ вредныхъ *для тебя*, по ея мнѣнію, плановъ; но когда она убѣдится, что и помимо ея согласія ты рѣшилась ихъ исполнить, то она не будетъ имѣть никакой причины для отказа и не откажетъ, могу тебя въ этомъ увѣрить.“ Въ виду всего этого Соловьевъ рекомендуетъ Е. В. Романовой пріѣхать въ половинѣ августа въ Москву и „остановиться пока у насъ въ Нескучномъ“. [556]) Въ заключеніе Соловьевъ отклоняетъ предложеніе проѣхаться на Кавказъ: время для него дорого, такъ-какъ предстоящей весною онъ „долженъ держать экзаменъ на кандидата, т. е. за всѣ четыре курса.“ Объ его здоровьѣ онъ проситъ не безпокоиться: „оно будетъ совершенно хорошо, когда я буду спокоенъ, т. е. когда устроится *твое* дѣло.“ Въ припискѣ—поцѣлуй Поликсенѣ и „бабушкамъ пишу особо.“ О своихъ личныхъ чувствахъ къ кузинѣ—ни слова. Впрочемъ, къ письму была приложена „карточка“, какъ это усматривается изъ дальнѣйшей переписки.

Слѣдующее письмо Соловьева помѣчено 6-ымъ августа 1872 г. [557]) Не получая „уже болѣе мѣсяца“ извѣстій отъ своей кузины, Соловьевъ томится неизвѣстностью объ ея намѣреніяхъ: „Не совѣстно-ли тебѣ меня такъ мучить?“ Возможно, впрочемъ, что она не получила его предыдущаго письма „съ карточкой“ отъ 8-го іюля. На этотъ случай онъ повторяетъ вкратцѣ его содержаніе и заключаетъ свои объясненія рѣшительнымъ приглашеніемъ переселиться въ Москву. „Итакъ, пріѣзжай въ Москву. Видитъ Богъ, что я этого желаю *только для тебя*. Ты хочешь сойти съ общей широкой дороги; добрыя попечительницы твои, которыя знаютъ только эту дорогу, увѣрены, что, сойдя съ нея, ты заблудишься и погибнешь, но я знаю другую дорогу и знаю, что ты найдешь ее, хотя теперь еще и *не знаешь* ея. Одно твое стремленіе сойти съ ложной дороги служитъ вѣрнымъ залогомъ того, что ты найдешь путь, истину и жизнь.—Для большинства это пустыя, безсмысленныя слова, какъ для слѣпыхъ свѣтъ есть пустое, безсмысленное слово. Но я пишу тебѣ и знаю, что ты не сочтешь меня за фантазёра.—Я видѣлъ въ тебѣ божественную искру и знаю, что она погаснуть не можетъ; но современемъ, разгорѣвшись, можетъ сдѣлаться благотворнымъ свѣтомъ для многихъ среди того непрогляднаго мрака, ко-

---

[556]) Въ Нескучномъ въ распоряженіе С. М. Соловьева и его семейства была предоставлена казенная дача.

[557]) *П.*, III, 68, 69.

торый господствуетъ въ настоящее время.—Можетъ показаться, что я дѣлаю изъ мухи слона; но я остаюсь при своемъ сравненіи: большой огонь происходитъ изъ малой искры.—Прощай, моя дорогая, да благословитъ тебя Богъ.“ Въ припискѣ Соловьевъ усердно проситъ писать („Пиши Христа ради“) и не перепутывать адреса (а то послѣднее письмо было адресовано почему-то въ Газетный переулокъ вмѣсто Денежнаго). И въ этомъ письмѣ Соловьевъ выдвигаетъ на передній планъ интересы самой кузины и всячески старается убѣдить ее, что совѣты его продиктованы не личнымъ чувствомъ. При этомъ, говоря, какъ и прежде, о различныхъ путяхъ жизни, онъ на этотъ разъ уже прямо заявляетъ, что спасительнаго пути кузина теперь еще не знаетъ. Это незнаніе онъ даже подчеркиваетъ...

Послѣ этого письма переписка прерывается на три съ половиной мѣсяца слишкомъ. Правда, было еще сентябрское письмо, не дошедшее по назначенію; но и съ зачетомъ этого пропавшаго письма корреспонденція представляется все-таки нѣсколько вялой. Въ письмѣ отъ 25-го ноября 1872 г. [558]) рѣдкость своихъ писемъ Соловьевъ объясняетъ тѣмъ, что онъ самъ не получалъ отъ кузины никакихъ извѣстій и не зналъ даже, гдѣ она находится. „Вчера, наконецъ, получаю твою телеграмму, изъ которой могу заключить, что ты послѣднее время мнѣ писала, и что теперь ты въ Ѳедоровкѣ.“ Затѣмъ нѣсколько шуточныхъ замѣчаній о своемъ здоровьѣ („даю тебѣ честное слово, что ни въ какомъ случаѣ не умру прежде времени“) и снова разсужденія о переселеніи „дорогой Кати“ въ Москву—впрочемъ, разсужденія довольно краткія. „Если ты собираешься въ Москву, то бабушка тебѣ, конечно, сообщила условія того пансіона, о которомъ я тебѣ писалъ. Если же ты теперь въ Москву не ѣдешь (что будетъ очень печально для мамы), то пиши мнѣ, по крайней мѣрѣ, подлиннѣе.“ Обращаютъ на себя вниманіе слова, заключенныя въ скобки. Казалось бы, непріѣздъ Е. В. Романовой въ Москву долженъ былъ бы очень опечалить не столько „маму“, сколько самого автора письма. Да и шутки на счетъ здоровья представляются не вполнѣ умѣстными: вѣдь здоровьемъ Соловьевъ, дѣйствительно, похвалиться не могъ (слабость, безсонница...).

Черезъ три недѣли, 16-го декабря 1872 г., Соловьевъ пишетъ снова. [559]) Тонъ письма, оставшагося даже безъ подписи, прямо-таки

---

[558]) *П.*, III, 70.
[559]) *П.*, III, 71.

раздражительный. Соловьевъ заявляетъ, что уже „пятое письмо“ пишетъ „наугадъ, не зная, дойдетъ-ли“; жалуется на присылку неясной телеграммы, на неполученіе точнаго адреса („пиши сейчасъ-же, а куда—не извѣстно“), на ошибочное надписаніе конвертовъ („Живу въ Денежномъ переулкѣ, Денежномъ, Денежномъ, Денежномъ“). Заканчивается письмо своеобразной угрозой: „Если еще недѣлю не получу отъ тебя письма съ адресомъ, то я пріѣду въ Е.“ Подъ „Е.“ подразумѣвается, очевидно, Елисаветградъ. Угроза, впрочемъ, осуществленія не дождалась, хотя „черезъ недѣлю“ адресъ и не былъ полученъ. [560])

„*Шестое* письмо въ этомъ мѣсяцѣ“, т. е. въ декабрѣ 1872 г., Соловьевъ пишетъ 27-го числа. [561]) Отъ сердца у него отлегло, но онъ все еще „въ дурномъ духѣ“. Адресъ Е. В. Романовой ему сообщила, наконецъ, ея сестра Поликсена. Теперь онъ можетъ писать съ надеждой, что письмо его не затеряется на почтѣ. „А то я уже серьезно собирался ѣхать въ Елисаветградъ: въ такое невыносимое положеніе поставило меня твое послѣднее письмо; вижу изъ него, что тебя сильно безпокоитъ мое невольное молчаніе, и ничего не могу сдѣлать изъ-за этого проклятаго адреса.“ Затѣмъ слѣдуютъ старые толки о переселеніи кузины въ Москву, съ нѣкоторымъ новымъ варіантомъ: „..... если я и полагалъ, что въ извѣстномъ отношеніи тебѣ всего лучше жить въ Москвѣ, то въ другихъ отношеніяхъ это было бы все-же неудобно, хотя я, впрочемъ, не знаю, на какія собственно причины ты намекаешь.“ Сомнѣнія и колебанія, житейская путаница и неразбериха... Тутъ-же Соловьевъ выражаетъ удовольствіе по случаю того, что „дорогая Катя“ будетъ жить, во всякомъ случаѣ, не въ Харьковѣ, гдѣ, „какъ и въ другихъ университетскихъ провинціальныхъ городахъ,“ ей могъ бы повредить „классъ пустыхъ головъ“. „Общество елисаветградское, по всей вѣроятности, ничѣмъ инымъ не занимается, кромѣ дѣлъ и увеселеній житейскихъ,“ но это, „по крайней мѣрѣ, совершенно безвредно.“ Въ заключеніе:—„Всѣхъ цѣлую и поздравляю съ новымъ годомъ.—Князю [М. М. Дадешкеліани] собираюсь

---

[560]) О раздражительности Соловьева въ молодости сообщаетъ нѣкоторыя данныя М. С. Безобразова. Раздражительность проявлялась, между прочимъ, тогда, когда у него убирали комнату и передвигали его бумаги, книги и т. д. Накричавши, онъ шелъ извиняться, цѣловалъ у матери руки. „Съ теченіемъ времени припадки дикаго бѣшенства изъ-за недостаточно уважительной причины становились все рѣже и рѣже: братъ усиленно надъ собой работалъ.“ М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 130, 132.

[561]) *П.*, III, 72.

писать, очень поздравь отъ меня Вѣру.“ Усиленное поздравленіе по адресу „Вѣры“ обусловливается, надо думать, нѣкоторыми особливыми обстоятельствами — воспоминаніями прошлаго. Личный романъ Соловьева съ Е. В. Романовой нисколько, между-тѣмъ, впередъ не подвигается.

Мы приблизились къ концу интимной переписки Соловьева за послѣдній годъ его студенчества, хотя до конца учебнаго года пока далеко. Передъ нами еще лишь одно письмо — отъ 31-го декабря 1872 г., съ припискою—отъ 1-го января 1873 г. Слѣдующее письмо уже отъ 6-го іюня 1873 г. А мы знаемъ, что 7-го іюня этого года историко-филологическій факультетъ Московскаго университета входилъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ объ утвержденіи Владиміра Соловьева въ степени кандидата. Значитъ, письмо отъ 6-го іюня было написано почти сейчасъ-же по окончаніи кандидатскихъ экзаменовъ.

Послѣднее собственно студенческое письмо Соловьева—отъ 31-го декабря 1872 г. и 1-го января 1873 г. — одно изъ самыхъ обширныхъ и интересныхъ писемъ. [562]) Мы уже касались общей части этого письма въ главѣ четвертой, причемъ было приведено довольно объемистое извлеченіе изъ него; ссылались мы на это письмо и въ другихъ предшествующихъ главахъ. Теперь намъ остается позаимствовать изъ этого источника лишь то, что доселѣ еще не было затронуто, т. е. то, что относится до личнаго романа Соловьева. — Переходя послѣ общей части „къ дѣламъ житейскимъ“, Соловьевъ обсуждаетъ прежде всего „отказъ“ Е. В. Романовой въ отвѣтъ на предложеніе кн. Д. Дадіани. Отказъ этотъ „очень опечалилъ“ Соловьева: ему „сильно сдается“, что было бы лучше, еслибы кузина предложеніе приняла. „Если онъ хорошій человѣкъ, то при богатствѣ и значеніи ты чрезъ него или вмѣстѣ съ нимъ могла бы сдѣлать много добраго, чего не можешь сдѣлать одна. Во всякомъ случаѣ, причины отказа, которыя ты пишешь, совсѣмъ плохи. «Я его не настолько люблю» etc. Мнѣ очень жаль, если ты вѣришь скверной баснѣ, выдуманной скверными писаками скверныхъ романовъ въ нашъ скверный вѣкъ — баснѣ о какой-то особенной, сверхъестественной любви, долженствующей соединять два сердца для обоюднаго блаженства, безъ чего будто-бы непозволительно и вступать въ законный бракъ, тогда-какъ, напротивъ, настоящій бракъ долженъ быть не средствомъ къ наслажденію, а подвигомъ и самопожертво-

[562]) *П.*, III, 73—77.

ваніемъ. [563]) А что тебѣ якобы не нравится семейная жизнь, — то развѣ нужно дѣлать только то, что тебѣ нравится или что ты любишь? — Итакъ, если дѣло еще не кончено совсѣмъ, то, ради Бога, подумай объ этомъ хорошенько.—Если у тебя нѣтъ никакихъ другихъ, болѣе уважительныхъ причинъ и если мой совѣтъ для тебя что-нибудь значитъ, то я тебѣ рѣшительно и настоятельно совѣтую: прими предложеніе кн. Дадіани. Если тебѣ этотъ совѣтъ не понравится, то, по крайней мѣрѣ, ты должна признать, что онъ совершенно безпристрастенъ.“ Затѣмъ, высказавши нѣсколько довольно-таки спорныхъ замѣчаній о значеніи „приличій“ и попенявъ не безъ рѣзкости кузинѣ за ея „враждебный и чуть не свирѣпый тонъ“ въ отношеніи ея родныхъ, Соловьевъ снова возвращается къ кн. Д. Дадіани. „Если ты не выйдешь замужъ за Дадіани, что̀ будетъ очень жаль, я, конечно, пріѣду лѣтомъ въ Ѳедоровку, — если позволено будетъ“... Подъ конецъ — упоминаніе о „Скляревичѣ“ и „Шафонскихъ“ — елисаветградскихъ знакомыхъ, не имѣющихъ, какъ кажется, значенія для біографіи Соловьева. Про „Скляревича“ Соловьевъ выражается такъ: „Что касается до его атеизма, то это иногда случается съ хорошими людьми, или отъ того, что мало думали объ этомъ, или же отъ духа времени, или отъ другихъ внѣшнихъ причинъ. Ты при случаѣ пожми его на этомъ предметѣ, и увидишь, насколько глубоко его отрицаніе религіи.“ Подпись подъ письмомъ: „Прощай, твой

---

[563]) Взглядъ на любовь, какъ на нравственный подвигъ, составляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ основныхъ пунктовъ въ ученіи Соловьева о смыслѣ любви. Этому взгляду онъ оставался вѣренъ до конца. За 6 лѣтъ до смерти онъ писалъ: „Только послѣдовательными актами сознательной вѣры входимъ мы въ дѣйствительное соотношеніе съ областью истинно-сущаго, а чрезъ это въ истинное соотношеніе съ нашимъ «другимъ»; только на этомъ основаніи можетъ быть удержана и укрѣплена въ сознаніи та безусловность для насъ другого лица (а слѣдовательно, и безусловность нашего соединенія съ нимъ), которая непосредственно и безотчетно открывается въ паѳосѣ любви, ибо этотъ любовный паѳосъ приходитъ и проходитъ, а вѣра любви остается.— Но, чтобы не оставаться мертвою вѣрой, ей нужно непрерывно себя отстаивать противъ той дѣйствительной среды, гдѣ безсмысленный случай созидаетъ свое господство на игрѣ животныхъ страстей и еще худшихъ страстей человѣческихъ. Противъ этихъ враждебныхъ силъ у вѣрующей любви есть только оборонительное оружіе—терпѣніе до конца. Чтобы заслужить свое блаженство, она должна взять крестъ свой. Въ нашей матеріальной средѣ нельзя сохранить истинную любовь, если не понять и не принять ее какъ нравственный подвигъ. Недаромъ православная церковь въ своемъ чинѣ *брака* напоминаетъ святыхъ *мучениковъ* и къ ихъ вѣнцамъ приравниваетъ вѣнцы супружескіе.“ *Соч.*, VI, 408; статья пятая о *Смыслѣ любви*.— Ср. выше, прим. 404-ое.

всегда Вл. Соловьевъ.“ Въ припискѣ, сдѣланной 1-го января 1873 г., т. е. на другой-же день, мы читаемъ такія строки: „Если въ этомъ письмѣ, дорогая моя, тебя что-нибудь оскорбитъ, то ты простишь меня, потому-что знаешь, что я люблю тебя даже больше, чѣмъ нужно. Прошу тебя, пиши мнѣ поскорѣе, меня очень интересуетъ дѣло съ предложеніемъ, и помимо того ты должна знать, что каждая твоя строчка для меня въ сорокъ тысячъ разъ дороже всей писанной и печатной бумаги въ мірѣ.“ Въ общемъ получается впечатлѣніе сбивчивое: съ одной стороны, настойчивые совѣты принять предложеніе кн. Д. Дадіани даже при недостаточной любви къ нему, съ другой—„люблю тебя даже больше, чѣмъ нужно“; съ одной стороны, не вѣрь „баснѣ о какой-то особенной сверхъестественной любви“, съ другой—„каждая твоя строчка для меня въ сорокъ тысячъ разъ дороже всей писанной и печатной бумаги въ мірѣ“; съ одной стороны, не позволяй себѣ сердиться на своихъ родныхъ, съ другой — а я самъ говорю оскорбительныя для тебя вещи. Сбивчивость эта окажется еще болѣе значительной, если всѣ эти „житейскія дѣла“ сопоставить съ содержаніемъ нѣкоторыхъ другихъ писемъ, процитированныхъ раньше. Но едва-ли нужно вдаваться здѣсь въ дальнѣйшія подробности по этой части, такъ-какъ слабость позиціи, занятой Соловьевымъ, и безъ того очевидна. Простившись съ своей „дорогой Катей“ въ Харьковѣ въ концѣ мая 1872 г., Соловьевъ за послѣдующіе семь мѣсяцевъ пребыванія въ разлукѣ съ кузиной словно не удосужился привести въ полную ясность свое чувство къ ней, свои виды на нее. Только подъ конецъ этого періода у него вырываются слова о любви, звучащія хоть сколько-нибудь опредѣленно, да и то въ какомъ-то странномъ контекстѣ; только подъ конецъ того-же періода появляются у него снова и цѣнныя общія разсужденія (о прохожденіи человѣкомъ относительно религіи трехъ возрастовъ), служащія какъ-бы продолженіемъ его общихъ замѣчаній въ письмахъ до поѣздки въ Харьковъ, но и тутъ хорошая теорія сильно страдаетъ отъ сосѣдства съ сомнительными сужденіями на темы изъ житейской практики. Соловьевъ держится, по-прежнему, въ области запросовъ высшаго порядка; для него лично многое уже уяснилось въ смыслѣ его собственнаго міросозерцанія. И за всѣмъ тѣмъ онъ, нужно сказать правду, пассуетъ передъ живымъ конкретнымъ чувствомъ къ дѣвушкѣ, которая, безспорно, заинтересовала его весьма глубоко. Почувствовавши еще лѣтомъ 1872 г., что въ его отношеніяхъ къ кузинѣ имѣется какой-то изъянъ, онъ нѣсколько мѣсяцевъ возится съ

вопросомъ о переселеніи ея въ Москву, не рѣшаясь сознаться самому себѣ, что онъ и самъ не знаетъ, чего собственно слѣдуетъ пожелать для себя и для нея. Когда же въ судьбѣ этой дѣвушки назрѣваетъ возможность крутого перелома, грозящая тѣмъ, что она, эта „дорогая Катя", будетъ потеряна для его любви, онъ сегодня усиленно навязываетъ ей бракъ съ недостаточно любимымъ человѣкомъ, а на другой день завѣряетъ, что самъ любитъ ее даже больше, чѣмъ нужно. И что-же дальше? А дальше снова слѣдуетъ перерывъ въ перепискѣ, длящійся пять слишкомъ мѣсяцевъ. Одно изъ двухъ: или это не любовь, а только проба любви, или же это любовь, ищущая для себя какого-то невѣдомаго большинству выраженія. Возможно, впрочемъ, что это и то, и другое...

Послѣдовалъ-ли какой-нибудь письменный отвѣтъ со стороны Е. В. Романовой на двойное письмо Соловьева отъ 31-го декабря 1872 г. и 1-го января 1873 г., мы не знаемъ; но отстаиваемый имъ проектъ брака съ кн. Д. Дадіани, во всякомъ случаѣ, не осуществился. Доводы двоюроднаго брата, любящаго свою кузину даже больше, чѣмъ нужно, пропали на этотъ разъ даромъ.

Дальнѣйшая судьба Е. В. Романовой, переселившейся съ юга на сѣверъ, была такова. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ водворенія въ Петербургѣ, бабушка Е. Ѳ. Романова, въ возрастѣ около 72 лѣтъ, скончалась отъ „старческой чахотки", и въ началѣ 1874 г. ея совсѣмъ осиротѣвшая внучка поселилась тутъ-же, въ Петербургѣ, у дяди Вадима Владиміровича Романова, принявшаго на себя заботы о ней вмѣсто бабушки и тогда еще не имѣвшаго своей собственной семьи. Незадолго до смерти бабушки, на долю Е. В. Романовой выпало и другое горе—подведеніе отрицательнаго итога къ ея нерадостному роману съ Соловьевымъ, при новомъ свиданіи съ нимъ въ ноябрѣ 1873 г. А такъ-какъ тутъ-же подошло и заболѣваніе ревматизмомъ, заставлявшее побаиваться за сердце, то весною 1874 г. Е. В. Романова рѣшила отправиться за-границу — отчасти для леченія, отчасти для душевнаго отдыха. За-границей она прожила года два съ половиной, и въ Россію возвратилась лишь передъ русско-турецкой войною. Еще въ раннемъ дѣтствѣ она съ увлеченіемъ слушала разсказы дѣда В. П. Романова про Крымскую войну и Севастополь и заявляла, что пойдетъ на войну. Вотъ и пошла — сестрой милосердія, когда представился подходящій къ тому случай. [564]) Въ Болгаріи она про-

[564]) О встрѣчѣ Соловьева съ Е. В. Романовой, какъ сестрой милосердія, см. *П.*, II, 30. Ср. также С. М. Лукьянова (прим. 17), стр. 115.

работала 8 мѣсяцевъ. Вернувшись затѣмъ въ Петербургъ, она устроилась здѣсь на жительство одна. Въ эту пору ее часто навѣщали и Вл. С. Соловьевъ, и кн. Д. Н. Цертелевъ. Опредѣленныхъ занятій у нея тогда не было; впрочемъ, она много рисовала, ходила въ рисовальную школу. Вступленіе Е. В. Романовой въ бракъ съ М. И. Селевинымъ относится уже къ началу 80-ыхъ годовъ...

Слѣдуетъ теперь нѣсколько ближе познакомиться и съ Вадимомъ Владиміровичемъ Романовымъ, имя котораго было только-что названо.[565]) Родился онъ 23-го апрѣля 1841 г., такъ-что въ 1873 г., когда его племянница Е. В. Романова водворилась въ Петербургѣ, ему было около 32 лѣтъ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ англійскомъ пансіонѣ Мечина (Matchin) въ Петербургѣ, а затѣмъ обучался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ съ 1854 г. по 1859 г., когда былъ выпущенъ мичманомъ, послѣ 18-мѣсячнаго плаванія въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ. Ради пополненія пробѣловъ въ образованіи онъ состоялъ съ 1860 г. до 1862 г. вольнослушателемъ Петербургскаго университета. Затѣмъ онъ былъ кандидатомъ мирового посредника въ Херсонской губерніи, гдѣ служилъ мировымъ посредникомъ и его отецъ. Въ чинѣ лейтенанта Вад. Вл. Романовъ вышелъ въ отставку въ 1864 г. Въ теченіе послѣдующихъ четырехъ лѣтъ (1865—1868 гг.) онъ много путешествовалъ по Европѣ и Азіи; полтора года изъ этого срока были проведены имъ въ енисейской тайгѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ поступилъ снова на службу, но уже гражданскую, а не военную. Онъ былъ зачисленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ почтовый департаментъ и занималъ должность секретаря до 1876 г. Позднѣе, въ 1878 г., его пригласили къ участію въ работахъ по созданію добровольнаго флота. Онъ напечаталъ воззваніе въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* и былъ назначенъ завѣдывающимъ пріемомъ пожертвованій, приносимыхъ въ Аничковъ дворецъ на имя государя наслѣдника, и дѣлопроизводителемъ совѣта и хозяйственнаго отдѣленія комитета добровольнаго флота. Черезъ два года, въ 1880 г., гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ призвалъ Вад. Вл. Романова въ верховную распорядительную комиссію и командировалъ за-границу. Съ 1885 г. онъ состоялъ гласнымъ петербургской городской думы. Литературная дѣятельность его началась еще въ 1860 г., причемъ сотрудничать ему приходилось въ изданіяхъ спеціальныхъ и общихъ,

[565]) Ср. некрологъ его въ *Историческомъ Вѣстникѣ* за 1890 г.; мартъ, „Смѣсь“, стр. 732. 733;—*Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII, С.-Петербургъ, 1899 г.; стр. 47.

а именно въ *Морскомъ Сборникѣ*, *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Вѣстникѣ Европы*, *Наблюдателѣ*, *Новомъ Времени* и др. Отдѣльно изданы — собраніе повѣстей подъ заглавіемъ: *Были, безъ думъ* (С.-Петербургъ, 1870 г.), съ неполнымъ именемъ автора (—дима —ова), и разсказъ изъ воспоминаній о Сибири: *За Уралъ!* Разсказъ этотъ печатался первоначально, за полною подписью автора, въ четырехъ книжкахъ *Русскаго Вѣстника* за 1883 г. Умеръ Вад. Вл. Романовъ, подобно своему брату Владиміру, отъ чахотки,— 19-го января 1890 г., въ Ниццѣ. Авторъ его некролога въ *Историческомъ Вѣстникѣ* называетъ его „однимъ изъ скромныхъ, но полезныхъ общественныхъ дѣятелей".

Изъ этого краткаго очерка, въ связи съ біографическими данными, относящимися до Вс. С. Соловьева и приведенными нами раньше, усматривается, между прочимъ, что въ занимающіе насъ здѣсь годы (1873—1874) дядя (Вадимъ) и племянникъ (Всеволодъ), оба еще въ очень молодомъ возрастѣ, оба безъ слишкомъ сложной и отвѣтственной служебной дѣятельности, оба съ литературными вкусами и художественными стремленіями, оказались одновременно въ Петербургѣ подлѣ Е. В. Романовой наиболѣе близкими къ ней людьми, близкими и по родству, и по возрасту, и по воспоминаніямъ дѣтства, тогда-какъ Вл. С. Соловьевъ, близкій ей всего больше по чувству, долженъ былъ оставаться вдали отъ нея, въ Москвѣ. При этомъ дядя и старшій племянникъ располагали уже независимымъ положеніемъ въ жизни, а младшій племянникъ еще только готовился выступить на самостоятельное поприще и всѣми условіями своего существованія былъ привязанъ къ родительской семьѣ. Не забудемъ, далѣе, что, подобно дядѣ и своему младшему брату, Вс. С. Соловьевъ пребывалъ тогда на положеніи холостого человѣка, не нашедшаго пока своей тихой, какъ принято выражаться, семейной пристани. [566]) Оставляя въ сторонѣ дядю, какъ болѣе зрѣлаго по возрасту, невольно задаешься вопросомъ: если младшій братъ могъ проникнуться большимъ расположеніемъ къ своей родственницѣ-красавицѣ, то почему бы это было невозможно и для старшаго брата? Правда, сравнительно недавно „дорогая Катя" представлялась „Всеволоду" „совсѣмъ маленькой дѣвочкой", но вѣдь теперь ей 18 лѣтъ, да и заочныя сужденія сплошь и рядомъ бываютъ ошибочными.

[566]) О своеобразности брачныхъ судебъ Вс. С. Соловьева была уже рѣчь въ главѣ первой. Напомнимъ, что онъ былъ женатъ дважды, и что жены его были въ очень близкомъ родствѣ между собою.

Припомнимъ, наконецъ, что еще въ главѣ первой указывалось на ссору между Вад. Вл. Романовымъ и Вс. С. Соловьевымъ, безъ изъясненія подробностей. Мы и нынѣ воздержимся отъ разслѣдованія причинъ этой родственной вражды и не будемъ разбирать, кто тутъ правъ и кто виноватъ, ибо какъ дядя могъ ошибаться на счетъ намѣреній несимпатичнаго ему племянника, такъ и племянникъ могъ заблуждаться при оцѣнкѣ оппозиціи со стороны дяди; но сохранимъ все-таки въ памяти этотъ пунктъ, не лишенный значенія для біографіи Владиміра Соловьева, которому передъ завершеніемъ его юношескаго романа съ кузиной нужно было считаться не только съ своимъ личнымъ чувствомъ къ ней, но и съ нѣкоторыми недоразумѣніями въ родственной средѣ и даже соперничествомъ.

Письменный матеріалъ, обрисовывающій отношенія Соловьева къ Е. В. Романовой за вторую половину 1873 г., сводится къ 17 письмамъ, опубликованнымъ въ соотвѣтствующей серіи писемъ подъ №№ 12—28. Письма отъ 19-го іюня и 2-го августа 1873 г. были уже почти полностью использованы нами въ предыдущемъ изложеніи, такъ-какъ по своему общему содержанію они находятся внѣ прямыхъ рамокъ настоящей главы. Затѣмъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній, содержащихся въ прочихъ письмахъ, будутъ воспроизведены нами впослѣдствіи, когда пойдетъ рѣчь о занятіяхъ Соловьева въ Московской духовной академіи. Выходитъ, такимъ образомъ, что, не смотря на несомнѣнное оживленіе переписки передъ разрывомъ, письменныя данныя, подлежащія нашему обозрѣнію въ этой части нашего труда, все-же не такъ обширны, какъ это кажется на первый взглядъ.

Въ письмѣ изъ Москвы отъ 6-го іюня 1873 г., [567]) направляемомъ „черезъ Вадима“ за неимѣніемъ собственнаго адреса Е. В. Романовой, Соловьевъ не безъ колкости, обусловливаемой, по всѣмъ вѣроятіямъ, продолжительнымъ молчаніемъ кузины, перебираетъ различныя ея замѣчанія и соображенія. Между прочимъ, въ отвѣтъ на ея просьбу: „Выведи меня изъ этого состоянія“ (состоянія, надо думать, весьма тягостнаго), онъ пишетъ: „мой милый другъ, чтобъ сказать тебѣ что-нибудь дѣльное, чтобы принести тебѣ хоть какую-нибудь пользу, я долженъ знать *опредѣленно*, въ чемъ ты нуждаешься, въ какомъ *именно* состояніи ты находишься, какіе *именно* вопросы тебя тревожатъ. А пока могу тебѣ дать только одинъ совѣтъ: когда твоей мысли представляется какой-нибудь вопросъ, какое-нибудь

[567]) *П.*, III, 78.

сомнѣніе, не бросай его, покуда не опредѣлится оно совершенно ясно и точно, такъ-чтобы ты и другимъ могла его сообщить въ формѣ опредѣленной. Теперь тороплюсь, кончу письмо въ другой разъ.“ Въ послѣднихъ строкахъ письма онъ сообщаетъ о предстоящей поѣздкѣ въ Смоленскую губернію, къ Н. И. Карѣеву, у котораго онъ собирается погостить до начала іюля.

Слѣдующее письмо—отъ 19-го іюня 1873 г., [568]) изъ деревни Окосово, гдѣ Соловьевъ пользовался гостепріимствомъ Н. И. Карѣева. Бо̀льшая часть письма посвящена извѣстнымъ уже намъ разсужденіямъ о выведеніи русскаго народа изъ одолѣвающей его „ужасной темноты“, и только первыя строки имѣютъ ближайшее отношеніе къ личнымъ чувствамъ автора письма и его корреспондентки. „Очень радъ, дорогая Катя,“ пишетъ Соловьевъ, „что тебя удивилъ раздражительный тонъ моего послѣдняго письма: значитъ, ты не догадываешься о причинѣ этого раздраженія, и слѣдовательно, эта причина не основательна. Во всякомъ случаѣ, это пустяки, о которыхъ больше не стоитъ говорить.“ Въ чемъ тутъ дѣло, разобрать трудно; но кажется, что все сводится къ ревнивымъ подозрѣніямъ, питаемымъ продолжительнымъ молчаніемъ кузины и относящимся до одного изъ близкихъ къ кузинѣ лицъ. Въ припискѣ неожиданныя слова: „Въ Петербургѣ буду во второй половинѣ іюня.“ Возможно, конечно, что это простая описка, и что іюнь названъ здѣсь вмѣсто іюля. Но и при такомъ предположеніи приписка представляется все-таки неожиданной, ибо раньше о поѣздкѣ въ Петербургъ не упоминалось.

Ближайшее очередное письмо—отъ 6-го іюля 1873 г.—уже снова изъ Москвы. [569]) При всей своей краткости письмо это очень выразительно, а потому мы и приводимъ его цѣликомъ. „Къ сожалѣнію, моя дорогая Катя, письмо твое должно было прождать меня въ Москвѣ болѣе недѣли, такъ-какъ я вернулся изъ деревни позднѣе, чѣмъ предполагалъ.—Отвѣчаю тебѣ прямо: я люблю тебя, насколько способенъ любить; но я принадлежу не себѣ, а тому дѣлу, которому буду служить и которое не имѣетъ ничего общаго съ личными чувствами, съ интересами и цѣлями личной жизни. Я не могу отдать тебѣ себя всего, а предложить меньше считаю недостойнымъ.—Вотъ все, что могу тебѣ сказать. Желаю знать твое мнѣніе. Буду ждать

---

[568]) *П.*, III, 79, 80.
[569]) *П.*, III, 81.

письма.—Твой Вл. Соловьевъ.—Въ Петербургъ пріѣду, вѣроятно, въ началѣ августа и пробуду довольно долго, такъ-какъ имѣю занятія въ Публичной библіотекѣ.“ Вотъ первыя вполнѣ рѣшительныя слова: люблю тебя, насколько способенъ любить, но отдать тебѣ всего себя не могу;—слова, конечно, печальныя для кузины, тѣмъ болѣе, что и высказываются-то они по ея-же вызову, въ отвѣтъ на ея запросъ („Отвѣчаю тебѣ прямо“). И не оправдывается-ли наше предположеніе, что послѣ поѣздки въ Харьковъ, лѣтомъ 1872 г., въ чувствѣ Соловьева произошелъ какъ-бы нѣкоторый переломъ? Повидимому, онъ все еще надѣется, что „дорогая Катя“ можетъ стать объектомъ того чувства, которое онъ постепенно опозналъ въ себѣ, и что его разумѣніе любви сдѣлается также ея разумѣніемъ. Но стороннему наблюдателю положеніе дѣла представляется крайне сомнительнымъ...

11-го іюля 1873 г. Соловьевъ пишетъ снова. [570]) „Печально, моя дорогая Катя, что даже при одинаковой взаимной любви мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ больше я самъ: какъ бы то ни было, постараюсь говорить яснѣе. Я думаю, ты не можешь сомнѣваться въ моей любви: я даже не умѣлъ хорошо скрывать ее до сихъ поръ; теперь же ты даешь мнѣ возможность говорить открыто: я люблю тебя, какъ только могу любить человѣческое существо, а можетъ-быть, и сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ долженъ.“ Послѣ такого начала естественно ожидать, что сейчасъ-же послѣдуетъ указаніе какого-нибудь совершенно опредѣленнаго способа для устраненія взаимнаго непониманія. Вмѣсто того, Соловьевъ только еще больше накопляетъ поводовъ къ недоразумѣніямъ—по крайней мѣрѣ, въ глазахъ кузины, которой еще труднѣе, чѣмъ самому Соловьеву, разобраться въ его исканіяхъ истинной любви. Когда онъ писалъ кузинѣ, что не можетъ отдать ей себя всего, онъ хотѣлъ лишь сказать, что передъ основной задачей его жизни вопросъ о семейномъ счастьѣ отступаетъ совершенно на второй планъ. Онъ признаетъ, однако, что „участіе любящей женщины должно поддерживать и укрѣплять силы въ тѣхъ тяжелыхъ трудахъ и жизненной борьбѣ, съ которыми необходимо связано разрѣшеніе всякой серьезной задачи.“ Согласна-ли Е. В. Романова на такую постановку вопроса? Соловьевъ готовъ допустить, что она не возражаетъ. Но тутъ онъ выдвигаетъ новый аргументъ: родственныя отношенія, пре-

[570]) *П.*, III, 82, 83.

пятствующія тому соединенію, „которое освящается закономъ и церковью“. Аргументъ этотъ очень серьезный, ибо „ни о какихъ другихъ отношеніяхъ между нами не можетъ быть и рѣчи.“ А если это такъ, то къ чему-же всѣ предъидущія разсужденія? Но Соловьевъ и на этомъ аргументѣ не останавливается. Препятствія, создаваемыя закономъ и церковью, устранить все-таки возможно, хотя это и трудно. Онъ полагаетъ, что, „во всякомъ случаѣ, нужно употребить всѣ средства“ для достиженія намѣчаемой цѣли. Итакъ, выходъ найденъ? Нѣтъ,—необходимо, оказывается, еще нѣкоторое испытаніе. „Пока я предлагаю слѣдующее: мы подождемъ три года, въ теченіе которыхъ ты будешь заниматься своимъ внутреннимъ воспитаніемъ, а я буду работать надъ заложеніемъ первоначальнаго основанія для будущаго осуществленія моей главной задачи, а также постараюсь достигнуть опредѣленнаго общественнаго положенія, которое бы могъ тебѣ предложить. Если ты согласна, то объ этомъ еще поговоримъ при свиданіи.—Много бы хотѣлъ сказать тебѣ, но слова нѣмы и пошлы.—Прощай, моя дорогая, твой всегда Вл. Соловьевъ.“ Отсрочка на три года—рѣшеніе, конечно, благоразумное, но это не есть рѣшеніе по существу.

Отвѣтъ кузины на только-что процитированное письмо не извѣстенъ. Едва-ли, однако, онъ былъ безусловно отрицательнымъ, ибо переписка продолжается безъ перерыва въ прежнемъ духѣ.

Въ письмѣ отъ 25-го іюля 1873 г. [571]) Соловьевъ съ большимъ огорченіемъ сообщаетъ, что поѣздка его въ Петербургъ откладывается на цѣлыхъ четыре мѣсяца. „Пожалѣй меня, дорогая моя, жизнь моя Катя; еще четыре мѣсяца долженъ я дожидаться свиданія съ тобою.“ Домашніе полагаютъ, что „въ Петербургѣ *лѣтомъ* никакихъ дѣлъ сдѣлать нельзя“, и что даже въ Публичной библіотекѣ удобнѣе заниматься зимою. Сказать домашнимъ прямо правду, что поѣздка проектируется единственно для свиданія съ кузиной,—„было бы глупостью непоправимой“. Ничего поэтому не остается, какъ „принять предложеніе папа ѣхать въ Петербургъ съ нимъ вмѣстѣ 1-го декабря, въ воскресенье, въ $8^1/_2$ часовъ вечера.“ Хорошо еще, что есть „внутренній міръ мысли, недоступный ни для какихъ житейскихъ случайностей, ни для какихъ душевныхъ невзгодъ — міръ мысли не отвлеченной, а живой, которая должна осуществиться въ дѣйствительности“... Выразивъ твердую увѣренность въ окончательномъ торжествѣ истины, Соловьевъ видитъ, впрочемъ, что жить од-

[571]) *П.*, Ш, 84, 85.

нѣми надеждами на будущее не такъ-то легко. „Сердце беретъ свои права, и опять тяжелая тоска, тупое страданіе, и еще невыносимѣе становятся мелкія препятствія и столкновенія, всѣ эти пощечины обыденной жизни.—Радость моя, дорогая моя, въ эти минуты душевной усталости, слабости и отчаянія только твоя любовь можетъ поддерживать, ободрять меня: напоминай мнѣ о ней чаще, умоляю тебя, я еще не вѣрю вполнѣ, прости меня.“ Въ заключительныхъ словахъ письма есть нѣчто не договоренное. Чему Соловьевъ не вѣритъ вполнѣ: своей-ли любви, или любви кузины? Какъ кажется, самъ онъ имѣетъ въ виду любовь кузины; но со стороны невольно напрашивается другой отвѣтъ.

1-го августа 1873 г., еще до полученія отвѣта на письмо отъ 25-го іюля, Соловьевъ обращается къ своей кузинѣ снова. [572]) Опасаясь, что предыдущее его письмо пропало, онъ вкратцѣ объясняетъ, почему ему приходится „осудить себя на 4 мѣсяца тоски“. „Представленный мною предлогъ [дѣла, Публичная библіотека] оказался неосновательнымъ, а безъ всякаго предлога ѣхать значило бы компромиттировать тебя и возбуждать сплетни, которыя и безъ того жить мѣшаютъ.“ „Боюсь за тебя всего, и возможнаго, и невозможнаго. Всегда былъ мнителенъ, а теперь становлюсь еще суевѣрнѣй: предчувствія, сны и всякая дрянь.“ [573]) Изъ приписки усматривается, что Соловьевъ писалъ и Е. Ѳ. Романовой, съ которой жила тогда Е. В. Романова. Онъ справляется, получила-ли бабушка его письмо.

Слѣдующее письмо—на другой-же день, 2-го августа 1873 г. [574]) Соловьевъ высказывается теперь такъ: „Только-что отправилъ жалобу на твое молчаніе, дорогой мой другъ Катя, какъ получилъ твое письмо,

---

[572]) *П.*, III, 86.

[573]) Невольно приходитъ на мысль „херсонство“ П. В. Соловьевой (см. выше, прим. 49). — Въ виду нерѣдкихъ указаній на „сны“ Соловьева, при наличности въ его нравѣ извѣстной импульсивности, отмѣтимъ указаніе L. Waldstein'а: „Какого бы рода ни были сны, ихъ начало, ихъ локализація всегда находится въ подсознательномъ «я», и они содѣйствуютъ развитію этой части человѣческой души. Поэтому человѣкъ, обычно видящій сны, больше поддается и въ бодрствующемъ состояніи импульсамъ, эмоціямъ, настроеніямъ.“ Тотъ-же авторъ, говоря о значеніи предразсудковъ, выражается такъ: „забота — состояніе ожиданія дурныхъ происшествій. Суевѣріе—ея постоянный эквивалентъ.—Когда я занимался этимъ вопросомъ, я былъ крайне изумленъ, что нѣкоторые люди, извѣстные своею интеллигентностью, руководятся во многихъ своихъ поступкахъ всевозможными странными суевѣріями.“ L. Waldstein, *Подсознательное „я“*; Москва, 1913 г.; стр. 57, 88.

[574]) *П.*, III, 87—90.

обрадовавшее меня безконечно. (Ты, однако, не думай, чтобы я выказывалъ свою радость: при полученіи твоихъ писемъ я изображаю собою олицетворенное равнодушіе. Вообще я становлюсь гораздо сдержаннѣе, даже начинаю лукавствовать, увѣряю тебя: хочу быть мудръ аки змій и незлобивъ аки голубь.) Что касается нашихъ отношеній, то, хочешь-ли ты или не хочешь, я далъ и еще даю тебѣ то слово, о которомъ говоришь. Способенъ-ли я обмануть, это окажется въ будущемъ, на дѣлѣ, говорить же объ этомъ нечего." Затѣмъ онъ подробно отвѣчаетъ кузинѣ на вопросъ ея объ его „цѣли" и „занятіяхъ". Эта часть письма намъ уже извѣстна. Въ припискѣ нѣсколько словъ о портретѣ. „Позабылъ о портретѣ. Если сохранился негативъ въ фотографіи, то пришлю тотъ, про который говоришь. А то сниму другой." Придавая этому своему посланію особую цѣну, Соловьевъ отправилъ его заказнымъ.

Далѣе, подъ № 19, помѣщено письмо безъ даты. [575]) Пропускаемъ то, что относится до предположеннаго переселенія Соловьева въ Сергіевъ посадъ, и остановимся лишь на второй половинѣ письма. Здѣсь идетъ рѣчь о какихъ-то сплетняхъ—съ одной стороны, насчетъ автора письма, а съ другой—на-счетъ его корреспондентки. Конечно, придавать значеніе „вздору" не слѣдуетъ. Попутно Соловьевъ проситъ кузину не очень-то вѣрить „подателю сего письма, если онъ будетъ говорить что-нибудь обо мнѣ". Странно, что такое лицо избирается для передачи письма; но, вѣроятно, это былъ человѣкъ близкій, пріѣзжавшій изъ Петербурга и снова возвращавшійся туда. Неисправность почты заставляла прибѣгать къ услугамъ и такихъ посредниковъ.

Въ письмѣ отъ 10-го августа 1873 г. [576]) мы находимъ свидѣтельство о новомъ успѣхѣ Е. В. Романовой, которой было сдѣлано предложеніе Василіемъ Вячеславовичемъ Пассекомъ. Это былъ сынъ Вячеслава Васильевича Пассека, съ роднымъ братомъ котораго, Леонидомъ Васильевичемъ, состояла въ супружествѣ, по первому браку, П. С. Вишневская, тетка Е. В. Романовой. Только-что было ликвидировано сватовство кн. Д. Дадіани, какъ является новый претендентъ, сородичъ одного изъ лицъ, прикосновенныхъ къ заговору декабристовъ. [577]) Впрочемъ, Е. В. Романова отклонила и это предложеніе.

---

[575]) *П.*, III, 91, 92.

[576]) *П.*, III, 93, 94.

[577]) *Записки* И. Д. Якушкина; Москва, 1905 г. — О прикосновенности къ декабристамъ В. П. Романова, дѣда Е. В. Романовой, упоминалось въ главѣ первой.

Тѣмъ не менѣе, Соловьевъ волнуется и сѣтуетъ. „Что ты пишешь мнѣ, дорогая Катя, о сдѣланномъ тебѣ предложеніи, было мнѣ очень непріятно, отчасти по той моей безсмысленной гадкой ревности, вслѣдствіе которой у меня скребетъ на сердцѣ каждый разъ, когда кто-нибудь другой даже только произнесетъ твое имя, не то что дѣлаетъ тебѣ предложеніе; но еще болѣе потому, что очень, очень тяжело шагать черезъ другихъ и, мечтая о спасеніи человѣчества, по какой-то злой ироніи жизни быть невольной причиной чужого несчастія. Напиши мнѣ, пожалуйста, какъ подѣйствовалъ на него твой отказъ (не Пассекомъ-ли его зовутъ?).“ Трогательное замѣчаніе о „злой ироніи жизни“, необычная забота о соперникѣ, безпомощное самообличеніе въ „безсмысленной гадкой ревности“, и надъ всѣмъ этимъ мечта „о спасеніи человѣчества“ — какъ тутъ много характерныхъ для Соловьева чертъ, не только мирящихъ съ его колебаніями, но и выясняющихъ общій механизмъ его любовныхъ неудачъ. Впрочемъ, какъ бы высоко ни оцѣнивали мы духовные рессурсы Соловьева, нельзя упускать изъ виду и того, что романъ съ кузиной переживается молодымъ человѣкомъ, едва достигшимъ 20-лѣтняго возраста, почти не соприкасавшимся доселѣ съ житейскою практикою, еще очень мало знающимъ женскую душу. А какъ могутъ иногда держать себя другіе молодые люди, менѣе щепетильные и болѣе равнодушные къ участи ближнихъ, видно изъ того-же письма (отъ 10-го августа 1873 г.). Соловьева очень огорчаетъ поведеніе одного изъ близкихъ къ Е. В. Романовой лицъ, хвастающагося своимъ вліяніемъ на родныхъ и якобы вылечившаго его „отъ страсти къ В.“ Легко догадаться, какъ дурно должны были вліять внушенія подобнаго лица на развитіе отношеній Соловьева къ его кузинѣ. Отношенія эти и безъ того были шаткими, а тутъ еще такая помѣха со стороны „прелестнаго мальчика“. „Его можно жалѣть, пожалуй, любить по родству или en bon chrétien, но серьезно говорить съ нимъ нѣтъ никакой возможности“... Само собою разумѣется, что подъ „прелестнымъ мальчикомъ“ подразумѣвается здѣсь не Вас. Вяч. Пассекъ. Не подходитъ подъ этотъ титулъ и „дядя“ Вадимъ, принявшій на себя попечительство въ отношеніи племянницы...

Письмо отъ 25-го августа 1873 г. [578]) посвящено двумъ „петербургскимъ джентльменамъ“, изъ которыхъ одинъ и былъ, повидимому, „подателемъ“ письма безъ даты. Характеристика „джентльме-

[578]) *П.*, III, 95—96.

новъ", разсказывающихъ другъ про друга „самыя возмутительныя мерзости", весьма отрицательная; но къ одному изъ нихъ Соловьевъ относится все-таки сочувственнѣе, чѣмъ къ другому, имѣющему насчетъ Е. В. Романовой намѣренія, которыя нельзя „назвать хорошими". Достойно вниманія, однако, что Соловьевъ постоянно какъ-бы поправляетъ и сдерживаетъ себя и дойти до прямой злобы себѣ не позволяетъ. „Ты повѣришь мнѣ, жизнь моя, что лишь съ величайшимъ отвращеніемъ, по крайней только необходимости, касаюсь этой грязи; не могу я быть равнодушнымъ, когда этой грязью *въ тебя* бросаютъ." Ревнивое чувство выступаетъ во всѣхъ этихъ сужденіяхъ Соловьева съ достаточною отчетливостью. Оно сквозитъ и во вступительномъ къ письму четверостишіи, и въ сопровождающемъ его поясненіи.—

„За днями дни обычной чередой
Идутъ—а я письма не получаю,
Другимъ же пишешь ты... что сдѣлалось съ тобой?
Я этого совсѣмъ, мой другъ, не понимаю!"

„По крайней мѣрѣ, спокоенъ, что ты здорова, ибо другимъ пишешь. Видишь, однако, до чего любовь можетъ доводить даже философскія натуры: еще немного, — и я буду писать настоящіе стихи, буду списывать ихъ въ тетрадь и угощать ими своихъ близкихъ, по примѣру извѣстнаго тебѣ джентльмена, о которомъ кстати будетъ и рѣчь." [579])

На другой день, т. е. 26-го августа 1873 г., Соловьевъ возвращается къ той-же печальной и досадной темѣ. [580]) Онъ приводитъ слова изъ письма кузины: „В. разъ мнѣ разсказывалъ, какое ты мнѣніе имѣешь...", и затѣмъ продолжаетъ: „я уже писалъ тебѣ, дорогая, чтобы ты относительно меня не вѣрила В., потому-что я не былъ съ нимъ искренъ: я ему дѣйствительно говорилъ то, что онъ тебѣ передавалъ, но говорилъ нарочно, о чемъ тебя и предупреждалъ. Не знаю, почему тебѣ непріятно, что я живу отшельникомъ, т. е. избѣгаю безсмысленныхъ забавъ и не развратничаю. [581]) Вѣроятно,

---

[579]) Судя по *Примѣчаніямъ* къ 6-му изданію *Стихотвореній* Соловьева (прим. 468), наиболѣе раннія поэтическія произведенія Владиміра Соловьева относятся къ 1874 г.—Всеволодъ Соловьевъ началъ писать стихи сравнительно раньше; онъ печатался еще въ бытность гимназистомъ (ср. выше, въ главѣ третьей). Стихотворное дарованіе его было весьма умѣренное.

[580]) *П.*, III, 97, 98.

[581]) Помимо мотивовъ нравственнаго свойства, Соловьева ограждалъ отъ половой распущенности и паническій страхъ передъ „дурной болѣзнью". Курьезныя и въ

тебѣ что-нибудь наврали. Относительно твоихъ сомнѣній могу только замѣтить, что наша разлука достаточно долга, чтобы «минутное увлеченіе» успѣло пройти; минутныя увлеченія у меня бывали, и я знаю разницу.“ Далѣе, Соловьевъ излагаетъ нѣкоторыя общія соображенія относительно „способности женщины понимать высшую истину“ и относительно роли народа въ предвидимомъ „переворотѣ въ сознаніи человѣчества“. А заканчивается письмо такъ: „Прощай, мой дорогой другъ. Нельзя-ли намъ будетъ увидѣться раньше декабря, какъ ты думаешь? Мама говорила, что она была бы очень рада, еслибъ ты пріѣхала къ намъ погостить; я, понимаешь ты, буду жить у Троицы...“ Послѣ сказаннаго раньше о близости Владиміра Соловьева къ матери, послѣдняя ссылка на нее насъ, разумѣется, не удивляетъ. Вообще, насколько извѣстно, наиболѣе сильное противодѣйствіе брачные планы молодыхъ людей встрѣчали со стороны С. М. Соловьева, а не со стороны П. В. Соловьевой.

Коротенькое письмо отъ 6-го сентября 1873 г. содержитъ мало новаго. [582]) Соловьевъ, не получая двѣ недѣли извѣстій отъ „дорогой

то-же время трогательныя подробности по этой части приведены въ воспоминаніяхъ М. С. Безобразовой. Таковъ, напр., эпизодъ съ г. Д., который внушалъ подозрѣнія насчетъ состоянія своего здоровья. Вдругъ захочетъ христосоваться—какъ быть? Отказать—нельзя, а согласиться—страшно. Другой случай—христосованіе черезъ окно съ грязнымъ пьянымъ нищимъ, съ рискомъ подхватить всякую всячину. Когда мать стала выговаривать за это,—просьба перейти къ французской рѣчи, чтобы не обидѣть человѣка. М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 154.—Боязнь заразиться составляла у Соловьева нѣчто въ родѣ навязчивой идеи. Отсюда и неумѣренное пользованіе скипидаромъ. В. Л. Величко разсказываетъ: „Комната, гдѣ онъ [Соловьевъ] жилъ, обыкновенно пропитывалась запахомъ скипидара. Этой жидкости онъ придавалъ не то мистическое, не то цѣлебное значеніе. Онъ говорилъ, что скипидаръ предохраняетъ отъ всѣхъ болѣзней, обрызгивалъ имъ постель, одежду, бороду, волосы, полъ и стѣны комнаты, а когда собирался въ гости, то смазывалъ руки скипидаромъ пополамъ съ одеколономъ и называлъ это шутя «bouquet Solovieff».—Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что онъ подкосилъ свой организмъ, съ одной стороны, неимовѣрнымъ трудомъ и значительными періодами поста, а кромѣ того, постепенно отравлялся скипидаромъ, разрушительно дѣйствующимъ на почки. Одинъ изъ близкихъ друзей покойнаго, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, недавно высказалъ ту-же мысль, о скипидарномъ отравленіи, въ воспоминаніяхъ своихъ о Соловьевѣ.—Неоднократно старались друзья предостерегать его относительно опасности злоупотребленія скипидаромъ, но онъ до самаго послѣдняго времени проявлялъ необычайное упрямство въ этомъ вопросѣ.“ В. Л. Величко (прим. 10), стр. 159.—Сообщеніе В. Д. Кузьмина-Караваева: *Изъ воспоминаній о Владиміръ Сергѣевичѣ Соловьевѣ* помѣщено въ *Вѣстникъ Европы* за 1900 г.; ноябрь, стр. 443—453.

[582]) *П.*, III, 99.

Кати", высказываетъ опасеніе, ужъ не оскорбилъ-ли ее „грубый тонъ" его послѣдняго письма. „Прошу прощенія, не оправдываясь." Относительно возможности увидаться раньше предположеннаго срока—„не рѣшаюсь ничего предлагать"; онъ передаетъ рѣшеніе этого вопроса на благоусмотрѣніе кузины. Затѣмъ слѣдуютъ сообщеніе новаго адреса по случаю назначаемаго на „послѣ-завтра" переселенія въ Сергіевъ посадъ и невеселый заключительный аккордъ:—„Если ты не пишешь по лѣни, то мнѣ довольно нѣсколькихъ словъ: «Здорова и на тебя не сержусь.»—Я въ эти дни почему-то страдаю нервнымъ разстройствомъ и потому, чтобы не наговорить какой-нибудь нервической чуши, прекращаю писать."

Первое письмо изъ Сергіева посада помѣчено 15-ымъ сентября 1873 г.[583]) Соловьевъ только-что получилъ письмо отъ кузины и даетъ полную волю своей радости. Окружающіе его нѣмецкіе философы и греческіе богословы, „въ трогательномъ союзѣ" наполняющіе его жилище, еще никогда не видѣли его „въ такомъ неприличномъ восторгѣ", а „одинъ толстый отецъ церкви даже свалился со стола отъ негодованія." Причина радости—возстановленіе переписки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрыхъ отношеній: „Я вѣдь уже былъ вполнѣ увѣренъ, что между нами все кончено, и только не могъ придумать, отъ чего и какъ это случилось. Пишу тебѣ это для того, чтобы ты знала, съ кѣмъ имѣешь дѣло." Соловьевъ собирается на короткое время въ Москву и обѣщаетъ прислать портретъ, „который долженъ быть уже готовъ." Въ заключеніе онъ проситъ передать поклонъ „графинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ"; „бабушкѣ" (Е. Ѳ. Романовой) и „Вадиму" (дядѣ) онъ будетъ писать особо. Титулованная особа, о которой здѣсь упоминается, есть графиня Е. И. Гендрикова, ровесница Е. В. Романовой и ея подруга, проживавшая тогда въ Петербургѣ вмѣстѣ съ матерью, братьями и сестрами. Гендриковы состояли въ свойствѣ съ Е. В. Романовой черезъ П. С. Колокольцеву, мужъ которой Г. Д. Колокольцевъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на граф. Гендриковой, и раньше имѣли пребываніе въ Харьковѣ. Когда Соловьевъ пріѣзжалъ сюда въ маѣ 1872 г., его кузина гостила именно у Гендриковыхъ, и онъ при этомъ случаѣ познакомился съ ними.

Въ слѣдующемъ письмѣ, изъ Москвы отъ 23-го сентября 1873 г., основной мотивъ опять чувство ревности.[584]) „Не быть мнительнымъ

---

[583]) *П.*, III, 100.

[584]) *П.*, III, 101, 102.

я не могу: это болѣзнь характера и, слѣдовательно, неизлечимая. Но, конечно, ее можно скрывать. Во всякомъ случаѣ, моя ревность остается при мнѣ: ты вѣдь не можешь пожаловаться, чтобы я тебя обвинялъ или упрекалъ въ чемъ-нибудь." [585]) Поводъ къ ревности въ одномъ изъ „джентльменовъ", который предполагаетъ „заниматься исторіей" съ Е. В. Романовой. „Мнѣ это кажется забавнымъ", пишетъ Соловьевъ. Впрочемъ, распространяться объ этомъ новомъ претендентѣ на благосклонность кузины онъ отнюдь не желаетъ:—„долженъ сказать, что, какъ это ни скверно съ моей стороны, я просто не люблю его. Какъ я ни старался себя принудить, какъ ни увѣрялъ себя, что долженъ его любить и что люблю,—не удается. Это какая-то инстинктивная антипатія. Конечно, ты не подумаешь, чтобы я былъ способенъ вредить ему. Напротивъ, я былъ бы очень радъ, еслибы представился случай оказать ему какую-нибудь важную услугу, чтобы, по крайней мѣрѣ, не быть неблагодарнымъ, какъ онъ меня въ этомъ упрекаетъ. Тѣмъ не менѣе, у меня къ нему (и странно—къ нему одному) очень нехорошее чувство. Впрочемъ, надѣюсь это современемъ пересилить, тѣмъ болѣе, что онъ ненависти и вражды ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ: онъ болѣе пустъ, чѣмъ золъ." [586]) Тревоги, испытываемыя Соловьевымъ за кузину, заста-

[585]) Каясь въ своей ревности, Соловьевъ не впадаетъ, однако, ни въ этомъ письмѣ, ни въ другихъ письмахъ въ тѣ довольно наивныя осужденія ревности по существу, которыя были у насъ въ такомъ ходу среди тогдашней молодежи, съ легкой руки 60-ыхъ годовъ. Ради иллюстраціи сужденій этой послѣдней эпохи сошлемся хотя-бы на П. А. Бибикова, у котораго встрѣчаются, между прочимъ, такія строки: „..... ревность..... есть дочь страха и тиранніи, оставшаяся намъ въ наслѣдство отъ безправаго и безсовѣстнаго взгляда на женщину. Съ освобожденіемъ, полнымъ и всесторонниимъ, женщины ревность, осквернившая самую священную изъ нашихъ страстей—любовь, со стыдомъ и позоромъ изгнана будетъ изъ числа страстей, наполняющихъ благородную грудь человѣческую." П. А. Бибиковъ, *Критическіе этюды (1859—1865)*; С.-Петербургъ, 1865 г.; этюдъ четвертый: *Ревность животныхъ (по поводу неслыханнаго поступка Вѣры Павловны Лопуховой)*, стр. 153—189;—стр. 187, 188.

[586]) Враждебныя отношенія къ людямъ всегда тяготили Соловьева, и онъ неизмѣнно стремился при всякой ссорѣ къ примиренію. Въ частности, и различныя недоразумѣнія, возникавшія у него съ братомъ Всеволодомъ, получали обыкновенно болѣе или менѣе благополучное разрѣшеніе. Не пренебрегалъ онъ случаями быть и прямотаки ему полезнымъ.—„Гнѣвъ и вообще страсть, конечно, не были чужды Соловьеву, но они не владѣли его душой... Желаніе примиренія всегда оказывалось у него сильнѣе мимолетныхъ настроеній, благодаря высотѣ нравственнаго міросозерцанія, которое стало его принципомъ жизни..... личныхъ враговъ Соловьевъ не имѣлъ, а лишь идейныхъ противниковъ, и имъ онъ наносилъ часто безпощадные удары..... Но

вляютъ его желать скорѣйшаго свиданія съ нею. Онъ строитъ теперь новые планы въ этомъ направленіи и надѣется быть въ Петербургѣ въ началѣ ноября. Пока „нужно хорошенько потрудиться“; „писать не буду часто—времени нѣтъ.“ „Ты же пиши мнѣ, жизнь моя.“ Предположеніе кузины заняться музыкой встрѣчаетъ онъ съ одобреніемъ; полезно „на всякій случай“ и экзаменъ выдержать. Лѣтомъ онъ мечтаетъ пріѣхать снова въ Ѳедоровку,—„хотя это будетъ и не очень остроумно.“ Карточка кузины, принимаемая съ большою благодарностью, удалась отлично, — „только зачѣмъ ты смотришь такъ сердито, милая моя!“ Кстати онъ справляется, получила-ли она его „портретъ и карточки, изъ коихъ одна для Е. И. Гендриковой.“ Собирается и еще сняться, если преодолѣетъ свою лѣнь.

Душевное настроеніе Соловьева какъ-будто налаживается. Улучшеніе оказывается, однако, непрочнымъ...

8-го октября 1873 г., изъ Сергіева посада, направляются въ Петербургъ такія строки:—„Я писалъ тебѣ, дорогой мой другъ Катя, о своей инстинктивной антипатіи къ провалившемуся джентльмену. Ты видишь, что мой инстинктъ меня не обманываетъ. Затѣмъ постараемся всю эту дрянь предать забвенію. — О знакомствѣ твоемъ съ Катериной Григорьевной говорить послѣ твоего рѣшительнаго запрещенія не осмѣливаюсь. Передай ей мое почтеніе.—Сегодня я только къ утру немного задремалъ и видѣлъ тебя почти какъ наяву. Ощущаю Katzenjammer. Если тебѣ сколько-нибудь дорого мое спокойствіе, если ты меня не на словахъ только любишь, пиши мнѣ хоть разъ въ недѣлю нѣсколько словъ. Прощай, мое сокровище, обнимаю тебя всей силой своего воображенія; придетъ-ли, наконецъ, время, когда обниму тебя въ дѣйствительности, радость моя, мученіе мое!— Твой всегда всѣмъ сердцемъ Вл. Соловьевъ.“ [587])—Провалъ, о которомъ говорится въ началѣ письма, относится, надо думать, къ чему-либо болѣе важному, чѣмъ учебныя занятія исторіей. Между прочимъ, не исключена вѣдь возможность даже новаго „предложенія“, еще болѣе тягостнаго для Соловьева, чѣмъ предложеніе Вас. Вяч. Пассека. Про „Катерину Григорьевну“ точныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется. [588]) Всего интереснѣе, впрочемъ, заключительныя слова

и здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что Соловьевъ старался идейный споръ отдѣлять отъ личныхъ отношеній.“ Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 38, 39.

[587]) *П.*, III, 103.

[588]) Рѣчь идетъ, во всякомъ случаѣ. о знакомствѣ, не представлявшемъ личнаго

письма, представляющіяся наиболѣе яркимъ выраженіемъ того чувства, которое захватило Соловьева. Судя по всему, окончательная развязка романа—въ ту или въ другую сторону—не за горами...

Въ занимающей насъ серіи писемъ имѣются еще лишь два письма—одно изъ Сергіева посада отъ 25-го октября 1873 г., другое—повидимому, оттуда-же—безъ даты. Оба эти письма предшествовали, во всякомъ случаѣ, поѣздкѣ Соловьева въ Петербургъ въ половинѣ ноября того-же года.

Письмо безъ даты [589]) посвящено главнымъ образомъ „отчету“ о занятіяхъ въ духовной академіи, и о немъ рѣчь впереди. На этотъ разъ мы приведемъ отсюда лишь нѣсколько строкъ. „Все это“, говоритъ Соловьевъ, „только начальныя, подготовительныя занятія, настоящее дѣло еще впереди. Безъ этого дѣла, безъ этой великой задачи мнѣ незачѣмъ было бы и жить, безъ него я бы не смѣлъ и любить тебя. Я не имѣлъ бы никакого права на тебя, еслибъ не былъ вполнѣ увѣренъ, что могу дать тебѣ то, чего другіе дать не могутъ. Ты видѣла и всегда можешь видѣть у ногъ своихъ множество людей, которые имѣютъ надо мною всѣ внѣшнія преимущества. Пока, въ настоящемъ я ничто...“ Затѣмъ зачеркнуто 9 строкъ. „Въ зачеркнутыхъ строкахъ я написалъ то, чего писать не годится. Лучше не продолжать.—Прощай.“

Письмо, или вѣрнѣе—записка, отъ 23-го октября 1873 г. имѣетъ задачей устранить сомнѣнія, возникшія у Е. В. Романовой, относительно пріѣзда Соловьева въ Петербургъ. [590]) Тонъ опять сухой и раздражительный. „Почему ты, мой другъ, вообразила, что я измѣнилъ свое намѣреніе? Пріѣду, какъ обѣщалъ, въ десятыхъ дняхъ ноября (а именно располагаю выѣхать 11-го). Во всякомъ случаѣ, «причинять зло» ни себѣ самой, ни кому другому нѣтъ ни малѣйшаго основанія.—Эти двѣ недѣли, если ужъ тебѣ такъ не хочется, можешь совсѣмъ мнѣ не писать: сочтемся при свиданіи.—Твой Вл. Соловьевъ.“

На этомъ мы заканчиваемъ обозрѣніе документальныхъ данныхъ, относящихся до романа нашего молодого философа съ его кузиной. Пріѣхавши въ ноябрѣ въ Петербургъ, Соловьевъ имѣлъ, конечно, личныя объясненія съ Е. В. Романовой, причемъ имъ обоимъ вскорѣ-же стало ясно, что брачнымъ планамъ ихъ не суждено сбыться. Переписка

интереса для самого Соловьева. Онъ только опасался, какъ бы это знакомство не оказалось вреднымъ для Е. В. Романовой.

[589]) *П.*, III, 105, 106.

[590]) *П.*, III, 104.

продолжалась послѣ этого еще нѣкоторое время, даже тогда, когда кузина уѣхала за-границу; но разрывъ оказался окончательнымъ. Такое рѣшеніе было подсказано не оскудѣніемъ чувства со стороны Е. В. Романовой, не наличностью какихъ-либо новыхъ соискателей ея руки и сердца, не разочарованіемъ по существу въ своемъ „миломъ другѣ“ со стороны Соловьева, не новымъ, хотя-бы и „минутнымъ“, увлеченіемъ его какой-либо другой особой, а всею совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, предопредѣлявшихъ отрицательную развязку этого романа чуть-ли не съ самаго начала, всего же болѣе неспособностью Соловьева „отдать себя всего“ исключительному любовному чувству даже въ томъ случаѣ, когда онъ любитъ такъ, какъ только способенъ любить „человѣческое существо“, когда онъ любитъ, „можетъ-быть, и сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ долженъ“. Неспособности къ беззавѣтной самоотдачѣ, къ самоотдачѣ безъ „настолько“ и безъ „насколько“, соотвѣтствовала, разумѣется, неспособность и къ бурному, ни передъ чѣмъ не останавливающемуся захвату. Такимъ общимъ признакомъ были запечатлѣны, повидимому, и другіе романы Соловьева, какъ бы ни стремился онъ иной разъ пренебречь тою формулой, которая такъ отчетливо выражена имъ впервые въ письмѣ на имя Е. В. Романовой отъ 11-го іюля 1873 г.: „личныя и семейныя отношенія всегда будутъ занимать *второстепенное* мѣсто въ моемъ существованіи.“ [591]) Впрочемъ, заглядывать далеко впередъ не будемъ.

---

[591]) Ко времени пребыванія Соловьева въ Петербургѣ въ концѣ 1873 г. относится одинъ характерный эпизодъ, про который намъ разсказывала Е. В. Селевина (Романова). Соловьевъ и его кузина отправились къ нѣкоей гадальщицѣ Фильдъ. Соловьеву была предсказана смерть одного его товарища, а Е. В. Романовой—свадьба. Первое предсказаніе сбылось, а второе—заставило себя ждать... Любопытно, что у этой-же француженки былъ впослѣдствіи и Ѳ. М. Достоевскій съ Вс. С. Соловьевымъ, основываясь на указаніи Вл. С. Соловьева. Ѳ. М. Достоевскій, по словамъ Вс. С. Соловьева, былъ очень заинтересованъ доставшимися ему предсказаніями, которыя отчасти и сбылись. Гадальщица Фильдъ жила тогда въ Басковомъ переулкѣ. Вл. С. Соловьевъ посѣщалъ эту госпожу, повидимому, неоднократно. И тутъ, какъ въ занятіяхъ спиритизмомъ, его влекла къ себѣ „стихія запредѣльная“... *Сочиненія* Вс. С. Соловьева (прим. 469), т. VI, стр. 75—78; статья: *Большой человѣкъ* (*изъ моихъ воспоминаній*).—Ср. выше, прим. 573-е.—Поучительный образчикъ непренебрежительнаго отношенія къ темной области разныхъ таинственныхъ предвидѣній находимъ мы, между прочимъ, у Н. И. Пирогова, который, казалось бы, долженъ былъ чувствовать себя застрахованнымъ отъ всякихъ суевѣрій. Въ письмѣ отъ 18-го марта 1850 г. на имя своей невѣсты А. А. Бистромъ Н. И. Пироговъ пишетъ: „Въ опасности, въ болѣзняхъ это состояніе духа [т. е. расположеніе къ предчув-

Трагическими послѣдствіями разрывъ, по счастью, не сопровождался. Онъ былъ, слѣдуетъ думать, болѣе мучительнымъ для Е. В. Романовой, перешедшей отъ первоначальной дружбы къ болѣе глубокому чувству какъ разъ послѣ переселенія въ Петербургъ, когда и переписка замѣтно оживилась, чѣмъ для Соловьева, у котораго любовный жаръ началъ остывать еще лѣтомъ 1872 г., а впослѣдствіи поддерживался не столько непосредственнымъ сердечнымъ влеченіемъ, сколько разсужденіями и борьбою съ разными препятствіями. Но и въ душѣ Соловьева пережитыя впечатлѣнія еще долго претворялись въ тоскливыя думы и горькія чувства, какъ это явствуетъ, между прочимъ, изъ нижеслѣдующаго его стихотворенія, обращеннаго къ Е. В. Романовой и снабженнаго датой: „Іюнь 1875—1877.“—

Что рокомъ суждено, того не отражу я
Безсильной, дѣтской волею своей.
Покинутъ и одинъ въ чужой землѣ брожу я,
Съ тоской по небу родины моей.

Звѣзда моя вдали сіяетъ одиноко.
Въ волшебный край лучи ея манятъ...
Но неприступенъ этотъ край далекій,
Пути къ нему не радость мнѣ сулятъ.

Прости-жъ—и лишь одно послѣднее желанье,
Послѣдній вздохъ души моей больной:
О, еслибъ я за горькое страданье,
Что суждено мнѣ волей роковой,

Тебѣ могъ дать златые дни и годы,
Тебѣ могъ дать всѣ лучшіе цвѣты,
Чтобъ въ новомъ мірѣ свѣта и свободы
Отъ злобной жизни отдохнула ты!

Чтобъ смутныхъ сновъ тяжелыя видѣнья
Бѣжали всѣ отъ солнечныхъ лучей,
Чтобъ на всемірный праздникъ возрожденья
Явилась ты всѣхъ чище и свѣтлѣй. [592])

Судя по датѣ, стихи написаны Соловьевымъ во время его первой заграничной поѣздки и обработаны окончательно послѣ возвращенія

ствіямъ] иногда доходитъ до настоящаго предвидѣнія. Я никогда не оперирую труднаго больного изъ простыхъ людей, когда онъ не скоро соглашается на операцію, говоря, что онъ умретъ; я почти всегда видѣлъ, что предвѣщанія ихъ сбывались.“ *Письма Н. И. Пирогова къ невѣстѣ*; сообщ. С. Штрайхъ; *Русская Старина*, 1915 г., май, стр. 264—290;—стр. 275.

[592]) Владиміръ Соловьевъ, *Стихотворенія* (прим. 468), стр. 261, 347, 348.

въ Россію. Очевидно, не смотря на обиліе новыхъ впечатлѣній, образъ „дорогой Кати“ продолжаетъ привлекать къ себѣ сердечныя мечты Соловьева, сочетаясь съ представленіемъ о безсиліи „дѣтской воли“ передъ „волей роковой“. Онъ помнитъ, впрочемъ, и про „новый міръ свѣта и свободы“, и про „всемірный праздникъ возрожденья“... [593])

---

[593]) Сверхъ источниковъ, названныхъ въ примѣчаніяхъ, мы пользовались при составленіи главы девятой частными сообщеніями Е. В. Селевиной (Романовой), П. С. Соловьевой, М. С. Безобразовой и С. В. Адамовичъ.

X.—Въ духовной академіи.

Недѣли черезъ полторы по утвержденіи въ степени кандидата, Соловьевъ оказывается уже внѣ Москвы, въ сельцѣ Окосовѣ, у своего пріятеля Н. И. Карѣева. Отсюда 19-го іюня 1873 г. онъ обращается къ матери:—„Не писалъ вамъ изъ Вязьмы, дорогая мама, потому-что вы уложили письменныя принадлежности въ чемоданъ, а разбираться мнѣ было некогда. — Совершенно благополучно и очень пріятно пропутешествовалъ отъ Вязьмы до деревни Карѣева (12 часовъ). Смоленская губернія оказалась гораздо лучше, чѣмъ я предполагалъ: большіе густые лѣса съ живописными полянами, ручьями и рѣками, которые я переѣзжалъ въ бродъ, и т. п. Мѣстность, гдѣ живу теперь, тоже недурна; въ верстѣ — Днѣпръ. Я, не смотря на скверную погоду, чувствую себя довольно хорошо, чего и вамъ желаю. Больше писать вѣрно не буду, такъ-какъ городъ отсюда далекъ, и ѣздятъ въ него нечасто. Въ Москвѣ буду въ первыхъ числахъ іюля.—Цѣлуйте отъ меня папа и всѣхъ. — Вашъ Влад. Соловьевъ. — Адресъ: Смоленской губ. городъ Сычевка, Николаю Ивановичу Карѣеву.“ [594]) Того-же числа, т. е. 19-го іюня, писалъ Соловьевъ и Е. В. Романовой. [595]) О деревенскомъ житьѣ-бытьѣ въ этомъ письмѣ не содержится ни слова.

Сельцо Окосово (или Акосово, какъ чаще пишется оно теперь), Сычевскаго уѣзда Смоленской губерніи, почти на одной параллели съ Москвою и, конечно, къ западу отъ нея. При сельцѣ числилось около 230 дес. земли. Имѣніе это принадлежало тогда матери Н. И. Карѣева.

Путь въ Окосово приходилось держать по Московско-Брестской желѣзной дорогѣ (открытой въ 1871 г.; нынѣ это Александровская желѣзная дорога), до Вязьмы; затѣмъ отъ Вязьмы къ сѣверу—на

---

[594]) *П.*, II, 1.

[595]) *П.*, III, 79, 80.

лошадяхъ. Весь переѣздъ отъ Москвы до Окосова составлялъ около 300 верстъ, въ томъ числѣ 60 верстъ съ наемнымъ ямщикомъ. На такое путешествіе требовалось тогда въ общей сложности около сутокъ.

Лѣтомъ 1873 г. родители Н. И. Карѣева еще здравствовали; обычно проживали они въ деревнѣ, съ наѣздами въ Москву. Въ гимназическіе годы Н. И. Карѣева, мать его имѣла пребываніе въ Москвѣ, куда отецъ его пріѣзжалъ лишь въ зимніе мѣсяцы. До прибытія въ Окосово Соловьевъ былъ знакомъ только съ матерью своего пріятеля.

Н. И. Карѣевъ выбрался изъ Москвы нѣсколько раньше Соловьева, который былъ чѣмъ-то задержанъ въ городѣ. Соловьевъ пріѣхалъ одинъ, причемъ о времени его прибытія Н. И. Карѣевъ предупрежденъ не былъ. Соловьевъ въ часъ своего пріѣзда не засталъ его въ Окосовѣ, и когда Н. И. Карѣевъ вернулся домой ночью, Соловьевъ уже спалъ въ отведенной ему комнатѣ.

„Чужихъ“ сосѣдей по близости около Окосова не было. Кромѣ родителей Н. И. Карѣева, Соловьевъ видѣлся здѣсь только съ его тетками-помѣщицами, жившими неподалеку. Время проводили въ деревнѣ тихо и однообразно. Соловьеву, повидимому, нравилось оставаться въ уединеніи, которое онъ нашелъ у Карѣевыхъ. Вообще, онъ восторгался тѣмъ, что у насъ еще есть такіе углы, и противополагалъ въ этомъ отношеніи Россію Англіи. [596]) Ближайшая почтовая станція была въ 35 верстахъ, и въ рабочую пору корреспонденція получалась рѣдко, такъ-что не всегда можно было узнать, что̀ дѣлается на свѣтѣ. До ранняго вечера, часовъ до 6, молодые люди сидѣли каждый въ своей комнатѣ и работали. Чѣмъ именно былъ занятъ Соловьевъ, Н. И. Карѣевъ не помнитъ, самъ же онъ писалъ въ это время свое кандидатское сочиненіе, появившееся въ печати позднѣе, въ 1881 г.,—*Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ*. На темы, относящіяся до крестьянскихъ дѣлъ, завязывались между молодыми пріятелями и разговоры, причемъ Соловьевъ обнаруживалъ интересъ къ народническому движенію, однимъ изъ видныхъ выразителей котораго былъ тогда Н. К. Михайловскій, исходившій, впрочемъ, изъ другихъ основаній, чѣмъ Соловьевъ. [597]) Прогулкамъ и катанію на

[596]) Ср. письма Соловьева къ матери изъ Лондона, отъ 17-го (29-го) іюля и 8-го (20-го) сентября 1875 г. *П.*, II, 5, 11.

[597]) Н. И. Карѣевъ писалъ намъ: „Народничество пользовалось сочувствіемъ Соловьева, главнымъ образомъ, въ публицистическихъ статьяхъ Н. К. Михайловскаго въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Лѣтомъ 1873 г. Соловьевъ гостилъ у меня въ

лодкѣ по Днѣпру погода не всегда благопріятствовала, но въ ведряные дни ходили много. Однажды совершили путешествіе пѣшкомъ въ имѣніе дяди Н. И. Карѣева — туда и обратно 8 верстъ; вернулись восвояси на утренней зарѣ. Во время прогулокъ Соловьевъ былъ очень молчаливъ, и тогда его спутникъ воздерживался развлекать его разговорами... [598])

По воспоминаніямъ Н. И. Карѣева, Соловьевъ прогостилъ въ Окосовѣ недѣли три. Въ теченіе всего этого времени расположеніе духа было у него ровное, и самоуглубленіе не имѣло характера такъ назыв. задумчивости. О своемъ романѣ съ кузиной онъ ничего не говорилъ, но не скрывалъ намѣренія слушать лекціи въ Московской духовной академіи, для пополненія своего образованія богословскими знаніями. Какъ кажется, С. М. Соловьевъ этому плану не сочувствовалъ, а нѣкоторые изъ гимназическихъ товарищей его сына-философа видѣли тутъ просто чудачество.

6-го іюля 1873 г. Соловьевъ былъ уже снова въ родной семьѣ, какъ это явствуетъ изъ того, что отъ этого числа имѣется письмо его изъ Москвы на имя Е. В. Романовой. Судя по содержанію письма, можно догадываться, что оно было написано вскорѣ-же по возвращеніи въ городъ. Нельзя сказать, чтобы Соловьевъ слишкомъ засидѣлся въ деревнѣ; тѣмъ не менѣе, онъ оговаривается, что „вернулся изъ деревни позднѣе, чѣмъ предполагалъ.“ [599])

Даты на письмахъ къ кузинѣ позволяютъ установить, что 11-го и 25-го іюля, 1-го, 2-го, 10-го, 25-го и 26-го августа и 6-го сентября Соловьевъ былъ еще подъ родительскимъ кровомъ — сначала,

---

деревнѣ (Смоленской губерніи), и мы разговаривали по поводу крестьянскихъ дѣлъ (земли и пр.) о тогдашнихъ статьяхъ Михайловскаго, къ которымъ онъ относился очень одобрительно. Позднѣе, въ 80-ыхъ—90-ыхъ годахъ, онъ встрѣтился съ Михайловскимъ за ужиномъ у В. А. Гольцева, пріѣзжавшаго въ Петербургъ, и произнесъ тостъ въ честь Михайловскаго, въ которомъ поставилъ ему въ заслугу радѣніе о русскомъ народѣ (я былъ въ числѣ присутствовавшихъ).—Упованія на народъ у Соловьева и у народниковъ имѣли [,однако,] совершенно различный характеръ, и съ этой стороны народники въ Соловьевѣ видѣли не союзника, а антагониста. На ужинѣ у Гольцева Михайловскій, отличавшійся вообще большою сдержанностью, отнесся къ тосту Соловьева съ чрезвычайною холодностью.“

[598]) О любви Соловьева къ прогулкамъ пѣшкомъ во время пребыванія въ условіяхъ деревенской жизни упоминаетъ, между прочимъ, М. С. Безобразова. На прогулкахъ такъ „хорошо думается“. Природою Соловьевъ наслаждался глубоко и нѣжно; онъ охотно любовался лунной зимней ночью, тишиною лѣтняго вечера. М. С. Безобразова (прим. 58), стр. 156.

[599]) *П.*, III, 81.

повидимому, въ Нескучномъ, а затѣмъ, съ конца августа, на городской квартирѣ, въ Денежномъ переулкѣ. [600]) Въ письмѣ отъ 6-го сентября 1873 г. возвѣщается переселеніе въ Сергіевъ посадъ—на послѣзавтра, т. е. на 8-ое сентября. Тутъ-же дается и новый адресъ:—„Пиши: Московской губерніи, *Сергіевскій посадъ*, Новая монастырская гостиница, № 49, В. С. С.“ [601]) Въ письмѣ безъ даты, относящемся къ промежутку времени между 2-ымъ и 10-ымъ августа, Соловьевъ выражается такъ: „Черезъ 2 недѣли переселюсь въ Сергіевскій посадъ, гдѣ буду жить совершенно одинъ.“ [602]) Очевидно, въ силу какихъ-то обстоятельствъ, водвореніе въ Сергіевомъ посадѣ могло состояться не „черезъ 2 недѣли“, какъ первоначально предполагалось, а лишь черезъ 4, или около того. Оффиціально учебный годъ въ духовныхъ академіяхъ продолжался тогда отъ 15-го августа до 15-го іюня. Въ Московской духовной академіи собственно учебныя занятія начинались, впрочемъ, лишь съ 9-го сентября, послѣ молебна наканунѣ, въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы. [603])

По справкамъ, наведеннымъ въ архивѣ Московской духовной академіи, удалось выяснить относительно пребыванія Вл. С. Соловьева въ академіи нижеслѣдующее. [604])—Въ печатномъ протоколѣ собранія совѣта отъ 6-го сентября 1873 г., между прочимъ, значится:—„*Слушали*..... XXIV. Прошенія: 1) кандидата Московскаго университета Владиміра Соловьева о допущеніи его къ слушанію академическихъ лекцій по богословскимъ предметамъ, въ качествѣ посторонняго слушателя; 2).....—*Опредѣлили*: допустить кандидата Соловьева, студентовъ семинарій..... къ слушанію академическихъ лекцій по предметамъ, означеннымъ въ ихъ прошеніяхъ, и выдать имъ установленные билеты.“ Подлиннаго прошенія Соловьева въ „дѣлахъ“ совѣта за 1873 г., однако, не сохранилось, хотя остальныя прошенія, перечисленныя sub XXIV, имѣются на-лицо. По сообщенію о. П. А. Флоренскаго, можно думать, что Соловьевъ былъ принятъ вольно-

---

[600]) *П.*, III, 82—90, 93—99.

[601]) *П.*, III, 99.

[602]) *П.*, III, 91, 92.

[603]) *Уставъ и штатъ духовныхъ академій, Высочайше утвержденные 30-го мая 1869 г.*; С.-Петербургъ, 1869 г.; § 132, стр. 30.—В. А. Соколовъ, *Годы студенчества (1870—1874); Богословскій Вѣстникъ*, 1916 г., февраль, стр. 246—275;—стр. 252.

[604]) Приводимыя ниже свѣдѣнія доставлены намъ о. ректоромъ И. Московской духовной академіи, епископомъ Волоколамскимъ Ѳеодоромъ, при письмѣ отъ 25-го октября 1914 г. за № 570.

слушателемъ по частному письму Московскаго митрополита Иннокентія къ ректору. Билетъ на слушаніе лекцій былъ выданъ Соловьеву 19-го сентября 1873 г. за № 223. О времени выбытія его изъ академіи ни въ печатныхъ протоколахъ, ни въ „дѣлахъ“ совѣта за 1874 г. никакихъ свѣдѣній не оказывается. Не подлежитъ все-таки сомнѣнію, что за предѣлы $18^{73}/_{74}$-го учебнаго года отношенія Соловьева къ академіи, въ качествѣ посторонняго слушателя, не простираются. Въ этомъ отношеніи сбылись (почти полностью) предположенія, выраженныя въ письмѣ его на имя Е. В. Романовой отъ 23-го августа 1873 г.: „я проживу тамъ [т. е. „у Троицы“], вѣроятно, только этотъ годъ, т. е. до конца іюня [1874 г.], а тамъ—что Богъ дастъ.“ [605]) Да и раньше, въ письмѣ на ея-же имя отъ 2-го августа 1873 г., онъ выражался сходнымъ образомъ. [606])

Чтобы разобраться въ формальныхъ условіяхъ академическаго существованія Соловьева, надлежитъ принять въ соображеніе, что въ эту пору духовныя академіи наши подчинялись дѣйствію устава 30-го мая 1869 г. Уставъ этотъ былъ замѣненъ 20-го апрѣля 1884 г. новымъ уставомъ, [607]) причемъ „имѣлось въ виду: упростить административный строй академій, болѣе цѣлесообразно разграничить предметы дѣятельности между органами ея управленія и дать болѣе твердую постановку власти каждаго изъ представителей оной.“ [608]) И заботы по части улучшенія нашей высшей богословской школы представляютъ, безъ сомнѣнія, много поучительнаго—въ особенности при сопоставленіи съ такими-же заботами, относящимися до университетовъ; но эту область мы затрогивать вовсе не будемъ, такъ-какъ отношеніе къ біографіи Соловьева тутъ еще болѣе далекое, чѣмъ въ случаѣ исторіи уставовъ университетскихъ. [609]) Занятія Соловьева въ Московской

---

[605]) *П.*, III, 98.

[606]) *П.*, III, 89. Ср. выше, главу восьмую.—Въ своемъ *Curriculum vitae* Соловьевъ прямо говоритъ, что въ Московской духовной академіи онъ пробылъ, въ качествѣ „вольнаго слушателя“, одинъ учебный годъ. *П.*, II, 337.

[607]) *Уставъ и штатъ православныхъ духовныхъ академій, Высочайше утвержденный[е] 20-го апрѣля 1884 года*; С.-Петербургъ.

[608]) *Объяснительная записка къ проекту устава православныхъ духовныхъ академій*; С.-Петербургъ, 1884 г.; стр. 1.

[609]) Относительно преобразованія духовныхъ академій по уставу 1869 г. А. Л. Катанскій разсказываетъ такъ:—„Главнымъ двигателемъ преобразованія былъ тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода (съ 1865 г.) гр. Д. А. Толстой. Онъ повелъ это дѣло съ свойственною ему энергіею и настойчивостью. Съ января 1868 г. учрежденъ былъ комитетъ для пересмотра устава академій — подъ предсѣдательствомъ Нижего-

духовной академіи не лишены, конечно, извѣстнаго біографическаго значенія; ясно, однако-же, что уже одна краткосрочность этихъ занятій лишаетъ насъ возможности приписывать этому эпизоду въ жизни Соловьева слишкомъ рѣшительное вліяніе. Интересны для насъ, во всякомъ случаѣ, не столько подробности тѣхъ или другихъ академическихъ уставовъ, сколько типическія особенности данной академической среды, сложившіяся отчасти и подъ вліяніемъ дѣйствующаго въ данное время устава.

По академическому уставу 1869 г., въ студенты духовныхъ академій принимались лица всѣхъ состояній, православнаго исповѣданія, могущія представить установленный аттестатъ о вполнѣ удовлетвори-

---

родскаго архіепископа Нектарія (Надеждина)..... Но душою комитета былъ не предсѣдатель, человѣкъ ничѣмъ не выдающійся, кромѣ полнаго сочувствія дѣлу преобразованія и потому persona grata у гр. Д. А. Толстого, а члены комитета, въ особенности предсѣдатель духовно-учебнаго комитета прот. І. В. Васильевъ и ректоръ Петроградской академіи прот. І. Л. Янышевъ. Оба они горячо были преданы дѣлу преобразованія и являлись прекрасными, весьма свѣдущими представителями постановки высшаго богословскаго образованія на Западѣ: прот. І. В. Васильевъ — въ римско-католическомъ мірѣ, прот. І. Л. Янышевъ — въ протестантскомъ..... Прочіе члены комитета были также въ своемъ родѣ люди замѣчательные..... Главный священникъ арміи и флота, прот. М. П. Богословскій,..... нѣкогда безраздѣльно властвовавшій въ училищѣ правовѣдѣнія,..... докторъ богословія (что тогда было большою рѣдкостью), являлся въ комитетѣ представителемъ умѣренно-консервативнаго элемента..... Такъ, трудами упомянутыхъ лицъ, и выработанъ былъ Высочайше утвержденный 30-го мая 1869 г. уставъ духовныхъ академій,—со всѣми его особенностями. — Одною изъ главныхъ — была спеціализація и раздѣленіе преподаваемыхъ наукъ на три группы или отдѣленія: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое..... Слабыя стороны такого учебнаго плана скоро были замѣчены. Это—преобладаніе небогословскихъ наукъ предъ богословскими въ двухъ, по крайней мѣрѣ, отдѣленіяхъ: церковно-историческомъ и церковно-практическомъ, недостатокъ полноты богословскаго образованія студентовъ по причинѣ отнесенія къ отдѣленскимъ, спеціальнымъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ предметовъ,..... наконецъ, большая неравномѣрность въ количествѣ предметовъ, подлежавшихъ изученію студентами отдѣленій и выслушиваемыхъ еженедѣльно лекцій..... — Идея спеціализаціи духовно-академическаго образованія носилась, такъ сказать, въ воздухѣ тогдашняго времени и находила почти общее признаніе..... Послѣ введенія въ дѣйствіе, новый учебный планъ устава 1869 г. принесъ много добрыхъ и цѣнныхъ плодовъ. Студенты стали несравненно серьезнѣе, чѣмъ прежде, относиться къ изученію наукъ, въ особенности отдѣленскихъ..... Вообще, во всѣхъ классныхъ занятіяхъ прошла какая-то бодрая, живая струя. Тѣмъ досаднѣе была явная крайность въ проведеніи прекраснаго и благодѣтельнаго, въ сущности, принципа спеціализаціи, являлось предчувствіе недолговѣчности новаго устава и сильное опасеніе возврата къ прежнему академическому строю, что̀ потомъ, къ сожалѣнію, и случилось въ 1884 г.“ А. Л. Катанскій (прим. 51), *Христіанское Чтеніе*, 1916 г., январь, стр. 57—61.

тельномъ знаніи курса наукъ семинаріи или классической гимназіи, по успѣшномъ выдержаніи въ академіи повѣрочнаго испытанія (§§ 6, 125 и 127); но, кромѣ того, допускались къ слушанію лекцій и „постороннія лица“, въ качествѣ „постороннихъ слушателей“ (§§ 8 и 130). Составленіе правилъ о допущеніи постороннихъ слушателей и самое допущеніе ихъ были отнесены къ „предметамъ занятій совѣта“, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, участвовали три помощника его по учебной части, инспекторъ и шесть профессоровъ, по два отъ каждаго изъ трехъ отдѣленій, избираемые на срокъ изъ принадлежащихъ къ составу отдѣленій ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ (§§ 86 и 85). Въ отношеніи зачисленія въ посторонніе слушатели, для лицъ съ образовательнымъ цензомъ Соловьева, разумѣется, никакихъ затрудненій не возникало. Науки, преподаваемыя въ академіяхъ, подраздѣлялись на общеобязательныя для всѣхъ студентовъ и распредѣленныя по отдѣленіямъ (§ 110). Къ общеобязательнымъ предметамъ были отнесены: священное писаніе, основное богословіе, философія (логика, психологія и метафизика), исторія философіи, педагогика, одинъ изъ древнихъ языковъ, греческій или латинскій, и его словесность и одинъ изъ новыхъ языковъ, французскій, нѣмецкій или англійскій (§ 111). Отдѣленія, нѣчто въ родѣ факультетовъ, именовались: богословскимъ, церковно-историческимъ и церковно-практическимъ (§ 2). Къ предметамъ богословскаго отдѣленія принадлежали: догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ, нравственное богословіе, сравнительное богословіе, патристика, еврейскій языкъ и библейская археологія (§ 112). На церковно-историческомъ отдѣленіи преподавались: библейская исторія ветхаго и новаго завѣта, общая церковная исторія, исторія русской церкви, исторія и обличеніе русскаго раскола, общая гражданская исторія и русская гражданская исторія, а на церковно-практическомъ—пастырское богословіе, гомилетика и исторія проповѣдничества въ церкви православной и на Западѣ, церковная археологія и литургика, церковное право, теорія словесности и исторія русской литературы, съ обзоромъ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ, русскій языкъ и славянскія нарѣчія (§§ 113 и 114). Съ разрѣшенія Св. Сунода, по усмотрѣнію нужды, могли быть вводимы и новые предметы, сверхъ поименованныхъ, а также вообще дѣлаемы измѣненія въ учебной части академіи (§ 115). Такъ, явилась, напр., въ Московской духовной академіи естественно-научная апологетика, какъ особый предметъ преподаванія. Преподаваніе общеобязательныхъ предметовъ и спеціальныхъ по отдѣ-

леніямъ распредѣлялось между 9 ординарными профессорами, 9 экстраординарными, 8 доцентами и 3 лекторами (для новыхъ языковъ) (§ 117). Предусматриваются и приватъ-доценты (§ 121). На философію (т. е. логику, психологію и метафизику) и исторію философіи было положено 3 преподавателя (приложеніе къ § 117). Помощники ректора избирались на срокъ изъ ординарныхъ профессоровъ отдѣленій (§ 119) и представляли собою какъ-бы деканов. Полный курсъ академическаго преподаванія проходился въ 4 учебныхъ года (§ 131), съ тою, впрочемъ, своеобразною особенностью, что предметы общеобязательные и спеціальные распредѣлялись въ трехъ первыхъ курсахъ, продолжающихся 3 учебныхъ года, въ четвертый же годъ имѣющіе подвергнуться магистерскому испытанію слушали особыя практическо-спеціальныя лекціи и, подъ руководствомъ наставниковъ, приготовлялись къ преподаванію въ семинаріяхъ избираемыхъ ими предметовъ (§§ 131 и 133). На четвертый курсъ переводились лишь тѣ студенты, которые оканчивали испытаніе въ третьемъ курсѣ съ отличнымъ успѣхомъ и находили достаточно въ себѣ силъ, чтобы представить разсужденіе, удовлетворяющее требованіямъ для степени кандидата (§ 136). Лица, выдержавшія испытаніе изъ наукъ четвертаго курса, получали степень магистра богословія по публичной защитѣ магистерской диссертаціи (§§ 138 и 139). Затѣмъ можно было искать и степени доктора богословія (§ 145). Посторонніе слушатели и вообще постороннія лица тоже допускались къ испытанію на ученую степень кандидата, но не иначе, какъ по представленіи аттестата о вполнѣ удовлетворительномъ знаніи семинарскаго или гимназическаго курса (§ 142); разумѣемое здѣсь испытаніе обнимало всѣ предметы какъ общеобязательные, такъ и одного изъ упомянутыхъ выше отдѣленій, и представленіе диссертаціи (§ 143). Лица, удостоенныя степени кандидата въ этомъ порядкѣ, могли добиваться въ дальнѣйшемъ и степени магистра, но лишь по прошествіи года; они подвергались новому устному испытанію и публично защищали особую диссертацію (§ 144). [610]) Доступъ къ степени доктора для нихъ тоже не былъ закрытъ. Отсюда видно, между прочимъ, что, при желаніи, Соловьевъ могъ бы не только слушать лекціи въ академіи въ качествѣ посторонняго слушателя, но и украситься впослѣдствіи той или другой богословской ученой степенью; это не входило, однако, въ его планы, ибо стремился онъ въ Сергіевъ посадъ не для

[610]) *Уставъ* и т. д. (прим. 603). стр. 1, 2, 16, 18, 25—33, 41.

пріумноженія ученыхъ титуловъ, а ради бо́льшихъ удобствъ при занятіяхъ богословіемъ.

Нѣкоторыя подробности о дѣятельности Московской духовной академіи, въ рамкахъ устава 1869 г., именно за тотъ учебный годъ, къ которому относится пребываніе Соловьева въ числѣ ея посторонніхъ слушателей, мы находимъ въ соотвѣтствующемъ оффиціальномъ отчетѣ. [611])

Въ началѣ $18^{73}/_{74}$-го учебнаго года на службѣ при Московской духовной академіи состояло 26 штатныхъ преподавателей, а именно: 6 ординарныхъ профессоровъ, 9 экстраординарныхъ, 8 доцентовъ и 3 лектора новыхъ языковъ; кромѣ того, числилось 2 приватъ-доцента, 1 сверхштатный преподаватель и 1 преподаватель по приглашенію,— оба съ званіемъ ординарнаго профессора. [612])

Къ концу $18^{72}/_{73}$-го учебнаго года было въ академіи три курса студентовъ—второй, третій и четвертый; на второмъ курсѣ состояло 40 чел., на третьемъ—31, на четвертомъ—28, а всего 99 чел. Въ началѣ $18^{73}/_{74}$-го учебнаго года образовался и первый курсъ, и такимъ образомъ получилось полное число единогодичныхъ курсовъ, требуемое новымъ уставомъ 1869 г.; въ составъ перваго курса вошли 44 студента. По отдѣленіямъ и по языкамъ они распредѣлялись такъ: на богословское отдѣленіе зачислено 13 чел., на церковно-историческое—15, на церковно-практическое — 16; греческій языкъ избрали 24 чел., латинскій—20, французскій—5, нѣмецкій—36, англійскій—4; желаніе слушать лекціи по естественно-научной апологетикѣ изъявили всѣ студенты. [613]) Постороннихъ слушателей академическихъ лекцій было 7 чел.: изъ нихъ 4 слушали лекціи по общеобязательнымъ и спеціальнымъ предметамъ богословскаго отдѣленія на первомъ курсѣ, 1—по тѣмъ-же предметамъ на второмъ курсѣ, 1—по богословскимъ предметамъ и 1—по общеобязательнымъ предметамъ церковно-исто-

---

[611]) Единственный экземпляръ отчета, имѣющійся въ библіотекѣ Московской духовной академіи, былъ доставленъ намъ для просмотра преосвящ. Ѳеодоромъ (см. выше, прим. 604).

[612]) *Годичный актъ въ Московской духовной академіи 1-го октября 1874 г.*; Москва, 1875 г.; здѣсь-же: *Отчетъ о состояніи Московской духовной академіи въ 1873—74 учебномъ году*, стр. 1—43;—стр. 1.

[613]) *Ibidem*, стр. 3, 5.—Предпочтеніе, отдаваемое нѣмецкому языку передъ французскимъ, обусловливалось, конечно, богатствомъ учено-богословской нѣмецкой литературы и стародавней нашей тягою, за весь синодальный періодъ, въ сторону преимуществу протестантизма.

рическаго отдѣленія на третьемъ курсѣ. [614]) — Одинъ посторонній слушатель, слушавшій лекціи по богословскимъ предметамъ, и есть, по всѣмъ вѣроятіямъ, нашъ Соловьевъ. Правдоподобно, впрочемъ, что посторонніе слушатели не были лишены возможности слушать лекціи и по тѣмъ предметамъ, которыхъ они въ своихъ прошеніяхъ не перечисляли.

Оффиціальный лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что какъ казенно-коштные, такъ и своекоштные студенты исполняли правила добраго поведенія, предписанныя для учащихся въ академіи, за исключеніемъ 1 своекоштнаго студента перваго курса и 1 казеннокоштнаго студента второго курса, о которыхъ инспекторъ академіи довелъ до свѣдѣнія совѣта, что они были неоднократно замѣчены въ нетрезвости... [615])

На богословскомъ отдѣленіи читали лекціи: орд. проф. догматическаго богословія, ректоръ, протоіерей А. В. Горскій; орд. проф. св. писанія, архимандритъ Михаилъ (Лузинъ); доц. Н. А. Елеонскій по предмету св. писанія; доц. И. Д. Петропавловскій по предмету основного богословія; э.-орд. проф. П. И. Казанскій по предмету нравственнаго богословія; и. д. доц. Н. М. Иванцовъ по сравнительному богословію; [616]) прив.-доц. Н. И. Лебедевъ по классу патристики; э.-орд. проф. П. И. Горскій-Платоновъ по классу еврейскаго языка; орд. проф. метафизики и логики В. Д. Кудрявцевъ; э.-орд. проф. В. Н. Потаповъ по исторіи философіи; э.-орд. проф. Александръ П. Смирновъ по опытной психологіи; св.-шт. проф. естественно-научной апологетики Д. Ѳ. Голубинскій. — Въ частности А. В. Горскій прочиталъ догматическое богословіе въ связи съ исторіей догматовъ и съ разборомъ важнѣйшихъ теорій, въ которыхъ, особенно въ ближайшее къ намъ время, православное ученіе подвергалось превратнымъ истолкованіямъ. Ученіе библейское сопровождалось и изъясня-

---

[614]) *Ibidem*, стр. 12.

[615]) *Ibidem*, стр. 10.

[616]) Н. М. Иванцовъ—родной братъ А. М. Иванцова-Платонова, котораго такъ высоко цѣнилъ Соловьевъ (см. выше, главу седьмую). Безъ призванія къ ученолитературной дѣятельности, безъ хорошихъ природныхъ дарованій, надѣленный многочадіемъ, Н. М. Иванцовъ, просуществовавъ нѣсколько лѣтъ исправляющимъ должность доцента, вышелъ изъ академіи въ московскіе іереи, но и на этомъ поприщѣ ничѣмъ выдающимся себя не ознаменовалъ. М. Д. Муретовъ, *Изъ воспоминаній студента Императорской Московской духовной академіи XXXII-го курса (1873 — 1877 гг.); Богословскій Вѣстникъ*, 1915 г., октябрь-ноябрь-декабрь, стр. 700 — 784;—стр. 734—736.

лось свидѣтельствомъ отцовъ и учителей церкви, особенно такихъ, которые, по требованіямъ времени, занимались болѣе подробнымъ разсмотрѣніемъ тѣхъ или другихъ членовъ вѣры; при этомъ принималось въ соображеніе и ученіе средневѣковыхъ греческихъ богослововъ, которыхъ писанія изданы въ свѣтъ. Архимандритъ Михаилъ (Лузинъ) прочиталъ: а) исторію толкованія Библіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени; б) ученіе о богодухновенности Библіи; в) историко-критическій обзоръ и разборъ евангельскихъ сказаній о важнѣйшихъ событіяхъ евангельской исторіи; г) объясненіе важнѣйшихъ рѣчей Господа Іисуса Христа, особенно содержащихся въ евангеліи отъ Іоанна; д) о св. апостолѣ Павлѣ и его посланіяхъ, съ подробнымъ обзоромъ и толкованіемъ его посланій къ Римлянамъ, перваго къ Коринѳянамъ и къ Колоссянамъ. В. Д. Кудрявцевъ прочиталъ по предмету метафизики: а) критическое обозрѣніе главныхъ философскихъ ученій о началахъ знанія и бытія и раскрытіе основныхъ онтологическихъ понятій; б) метафизическое ученіе о Богѣ и отношеніи Его къ міру, съ изложеніемъ основныхъ началъ философіи религіи; в) метафизическое ученіе о природѣ, въ которомъ разсматривались вопросы объ основныхъ элементахъ природы, ея происхожденіи и цѣлесообразности; г) метафизическое ученіе о душѣ, гдѣ изложено ученіе о сущности души, ея происхожденіи и безсмертіи. Положительному раскрытію философскихъ понятій предшествовали изложеніе и критика главныхъ, преимущественно имѣющихъ значеніе въ настоящее время, воззрѣній на различные метафизическіе вопросы. По логикѣ В. Д. Кудрявцевымъ прочитаны исторія логики и ученіе объ элементарныхъ и систематическихъ формахъ мышленія. В. Н. Потаповъ по исторіи философіи прочиталъ исторію философіи греческой и римской, исторію философіи у христіанскихъ народовъ, у арабовъ и іудеевъ въ средніе вѣка и исторію новой философіи, оканчивая ученіемъ Шопенгауэра. Александръ П. Смирновъ по опытной психологіи прочиталъ полный курсъ науки съ предварительнымъ краткимъ обозрѣніемъ исторіи ея и болѣе обстоятельнымъ критическимъ разсмотрѣніемъ современныхъ психологическихъ теорій и пріемовъ въ обработкѣ психологіи. [617])

На церковно-историческомъ отдѣленіи преподавали: доц. Андрей П. Смирновъ по библейской исторіи; доц. А. П. Лебедевъ по древней церковной исторіи; э.-орд. проф. Д. Ѳ. Касицынъ по новой цер-

[617]) *Отчетъ* и т. д. (прим. 612), стр. 12—16.

ковной исторіи; э.-орд. проф. Е. Е. Голубинскій (до конца 1873 г. находился въ заграничной командировкѣ) по русской церковной исторіи; э.-орд. проф. Н. И. Субботинъ по исторіи и обличенію русскаго раскола; проф. П. С. Казанскій по всеобщей гражданской исторіи; доц. В. О. Ключевскій по русской гражданской исторіи. [618])

На церковно-практическомъ отдѣленіи читали лекціи: орд. проф. Ф. А. Сергіевскій по пастырскому богословію; э.-орд. проф. И. Д. Мансветовъ по церковной археологіи; э.-орд. проф. А. Ѳ. Лавровъ-Платоновъ по церковному законовѣдѣнію; орд. проф. Е. В. Амфитеатровъ по всеобщей словесности; орд. проф. С. К. Смирновъ по греческому языку; доц. П. И. Цвѣтковъ по латинскому языку; лект. В. Горскій по французскому языку; лект. В. Лучининъ по нѣмецкому языку; лект. И. И. Смитъ по англійскому языку. [619])

О своихъ занятіяхъ въ академіи Соловьевъ высказывается въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ на имя Е. В. Романовой такъ:— „Я нахожусь теперь въ довольно оригинальномъ положеніи. Пріѣздъ мой произвелъ въ академіи почти такое-же впечатлѣніе, какъ прибытіе мнимаго ревизора въ тотъ знаменитый городъ, «отъ котораго хоть три года скачи—ни до какого государства не доскачешь». Профессора здѣшніе воображаютъ, что я пріѣхалъ съ исключительною цѣлью смутить ихъ покой своею критикою. Любезны всѣ со мною до крайности, какъ городничій съ Хлестаковымъ. Въ благодарность за это оставляю ихъ по возможности въ покоѣ (хотя тѣ лекціи, которыя я до сихъ поръ слышалъ, довольно порядочны). Впрочемъ, они сами весьма низко цѣнятъ себя и свое дѣло, и никакъ не могутъ повѣрить, чтобы постороннему человѣку, дворянину и кандидату университета, могла придти фантазія заниматься богословскими науками; и дѣйствительно, это первый примѣръ; поэтому предполагаютъ во мнѣ какія-нибудь практическія цѣли. А между-тѣмъ академія, во всякомъ случаѣ, не представляетъ такой абсолютной пустоты, какъ университетъ. Студенты при всей своей грубости кажутся мнѣ народомъ дѣльнымъ; притомъ добродушно веселы и большіе мастера выпить— вообще люди здоровые. Впрочемъ, мнѣ съ ними не придется сойтись— времени не будетъ. — Хотя ты не требуешь отчета въ моихъ занятіяхъ, считаю себя обязаннымъ дать его.—Во-первыхъ, пишу *Исто-*

[618]) *Ibidem*, стр. 16—18.

[619]) *Ibidem*, стр. 18 — 21. — Въ отчетѣ перечисляются обычнымъ порядкомъ и ученые труды, опубликованные за данный учебный годъ преподавателями академіи (стр. 24, 25). И въ этомъ направленіи академія не отставала отъ университета.

рію религіознаго сознанія въ древнемъ мірѣ (начало уже печатается въ журналѣ). [620]) Цѣль этого труда — объясненіе древнихъ религій, необходимое потому, что безъ него невозможно полное пониманіе всемірной исторіи вообще и христіанства въ особенности. Во-вторыхъ, продолжаю заниматься нѣмцами и пишу статью (также для журнала) о современномъ кризисѣ западной философіи, которая потомъ войдетъ въ мою магистерскую диссертацію; конспектъ этой послѣдней уже мною написанъ. Въ-третьихъ, читаю греческихъ и латинскихъ богословъ древней церкви. Ихъ изученіе также необходимо для полнаго пониманія христіанства.“ Затѣмъ Соловьевъ поясняетъ, что все это только подготовка къ „настоящему дѣлу“, которое еще впереди. [621])

Весьма возможно, что Соловьевъ нѣсколько преувеличивалъ впечатлѣніе, произведенное его появленіемъ въ академической средѣ. Но въ его оправданіе нужно сказать, что еще мѣсяца за полтора до его водворенія въ Сергіевомъ посадѣ уже ходили праздные толки о томъ, будто-бы онъ собирается принять монашество и даже мечтаетъ объ архіерействѣ, и что уже тогда онъ возбуждалъ „недоумѣніе“: „одни меня считаютъ за нигилиста, другіе—за религіознаго фанатика, третьи—просто за сумасшедшаго.“ [622]) Зная о такихъ толкахъ и отзывахъ, Соловьевъ могъ, конечно, совершенно bona fide заблуждаться на-счетъ впечатлѣнія отъ своего переселенія въ Сергіевъ посадъ, тѣмъ болѣе, что, при всей скромности своего тогдашняго общественнаго положенія, онъ былъ все-же сынъ знаменитаго отца, очень чтимаго и въ академіи, и общее вниманіе привлекала къ себѣ уже одна фамилія столь рѣдкостнаго „посторонняго слушателя“. [623]) А затѣмъ

---

[620]) Здѣсь имѣется въ виду статья подъ заглавіемъ: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*, напечатанная первоначально въ *Православномъ Обозрѣніи* за 1873 г., ноябрь, стр. 635. См. *Соч.*, I, 1 — 25. — Правдоподобно, что Соловьевъ имѣлъ намѣреніе написать сравнительно большой трудъ; но дѣло ограничилось небольшимъ очеркомъ.

[621]) *П.*, III, 105, 106. — Мы старались точнѣе опредѣлить, какія именно книги бралъ Соловьевъ изъ академической библіотеки. Къ сожалѣнію, справки, наведенныя о. П. А. Флоренскимъ, показали, что всѣ библіотечныя записи того времени, даже профессорскія, не говоря уже о студенческихъ, уничтожены.

[622]) *П.*, III, 91.

[623]) На обычномъ актѣ академіи 1-го октября 1873 г., „посторонней публики было мало“, но, „къ великому утѣшенію Александра Васильевича [Горскаго], въ числѣ посѣтителей былъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.“ *У Троицы* и т. д. (прим. 157), статья (безъ подписи автора): *Изъ писемъ къ родителямъ студента Москов-*

надо отнести кое-что и на долю провинціальной уединенности посада: чуть-ли не всякій новоприбывшій не изъ числа заурядныхъ богомольцевъ былъ здѣсь на особомъ счету и подавалъ поводъ къ пересудамъ среди скучающихъ обывателей. Въ воспоминаніяхъ А. Л. Катанскаго мы находимъ про старый Троице-Сергіевъ посадъ такія строки:— „Троице-Сергіевъ посадъ, прекрасное мѣсто для серьезныхъ ученыхъ занятій, былъ, однако, очень скученъ въ часы отдохновенія отъ нихъ, въ особенности для молодежи. Мы, молодые, положительно не знали, куда дѣваться въ свободное отъ занятій время. Негдѣ было даже погулять; во всемъ посадѣ совсѣмъ не имѣлось тротуаровъ, приходилось совершать прогулки по немногимъ грязнымъ или пыльнымъ улицамъ: Переславской, Виѳанской или около вокзала желѣзной дороги. Крошечнымъ бульваромъ возлѣ монастырской стѣны, близъ входа въ главныя, святыя ворота, завладѣли студенты, которые стѣсняли насъ, сами, однако,..... нисколько не стѣсняясь отъ встрѣчи съ нами. Приходилось для прогулокъ избирать даже монастырскія стѣны, на верху которыхъ были довольно широкіе проходные коридоры, или же топтаться въ маленькомъ академическомъ саду. Въ этомъ саду нерѣдко можно было встрѣтить и о. ректора, обычно здѣсь прогуливавшагося.“ [624]) Строки эти относятся къ 60-ымъ годамъ, но немногимъ лучше было положеніе дѣла и въ началѣ 70-ыхъ годовъ.

ской академіи начала 70-ыхъ годовъ, стр. 141—171;— стр. 163. Возможно, что С. М. Соловьевъ желалъ на этотъ разъ оказать особое почтеніе академіи именно въ виду того, что его сынъ Владиміръ находился въ эту пору подъ ея кровомъ. Цитированное мѣсто говоритъ о 1872 г., но изъ контекста ясно, что это опечатка.— Почетнымъ членомъ Московской духовной Академіи С. М. Соловьевъ состоялъ съ 1871 г. См. Н. В., *Почетные члены Императорской Московской духовной академіи*; *Богословскій Вѣстникъ*, 1915 г., октябрь-ноябрь-декабрь, стр. 868—892;— стр. 871.

[624]) А. Л. Катанскій (прим. 51), *Христіанское Чтеніе*, 1914 г., ноябрь, стр. 1353.—Отмѣтимъ мимоходомъ поучительный отзывъ А. В. Горскаго о нашей догматической литературѣ. Какъ-то разъ, при встрѣчѣ въ академическомъ саду, у о. ректора и А. Л. Катанскаго произошла такая бесѣда. „«Знаете-ли,» говоритъ А. В., «есть книжная новинка: вышло въ свѣтъ *Догматическое Богословіе* преосв. Филарета Черниговскаго» (1864 г.). — «Какъ вы его находите?» рѣшился я спросить о. ректора.—«Да что сказать вамъ? Была у насъ догматика католическая (преосв. Макарія Булгакова), теперь явилась—протестантская, а православной все-таки нѣтъ.»“ Сообщая про этотъ отзывъ, А. Л. Катанскій прибавляетъ отъ себя:—„Лучше бы, однако, выразиться такъ: одна «католичествующая», другая «протестантствующая»...“ *L. c.*

Со стороны лицъ, обучавшихся въ Московской духовной академіи въ ту пору, когда въ ней слушалъ лекціи и Соловьевъ, имѣются о немъ сообщенія довольно скудныя. Мы должны, впрочемъ, дорожить и такими сообщеніями, въ виду крайней трудности добывать фактическіе матеріалы подобнаго рода.

Архіепископъ Николай (въ міру Михаилъ Захаровичъ Зіоровъ) въ своихъ воспоминаніяхъ о Московской духовной академіи къ столѣтнему ея юбилею, живыми чертами обрисовывая академическій бытъ за годы своего студенчества, посвящаетъ нѣсколько строкъ С. М. Соловьеву и его сыну Владиміру. Въ число студентовъ академіи М. З. Зіоровъ вступилъ въ 1871 г. Разсказывая про академическіе акты 1-го октября, онъ отмѣчаетъ, между прочимъ, что на акты эти „собиралось немало пріѣзжихъ изъ Москвы—изъ духовенства и изъ ученаго міра. Помню, одинъ разъ пріѣхалъ даже самъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, ректоръ университета, знаменитый историкъ, отецъ философа Вл. С. Соловьева. [625]) Мы, студенты, особенно историки, съ особеннымъ любопытствомъ взирали на этого почтеннаго представителя исторической науки. На другой день былъ чей-то диспутъ, просили С. М. остаться до диспута, онъ, однако-же, не согласился, сказавъ: «завтра у меня лекція; я за 40 лѣтъ моей службы пропустилъ только двѣ лекціи!» И уѣхалъ. Насъ поразило это сообщеніе... Значитъ, онъ былъ прежде всего человѣкъ долга.“ [626]) А про Вл. С. Соловьева авторъ воспоминаній выражается такъ:—„У ректора [А. В. Горскаго] была всегда полна аудиторія — и своихъ отдѣленцевъ, и изъ другихъ отдѣленій. Онъ читалъ догматическое богословіе — не только учено, но и какъ-то особенно благоговѣйно. По нашей просьбѣ, студентовъ историческаго отдѣленія,—за неимѣніемъ особаго профессора,—онъ читалъ намъ и по Византійской исторіи, а практикамъ,—за болѣзнью проф. Ив. Дан. Мансветова,—читалъ и по церковной археологіи. Онъ всегда готовъ былъ быть всѣмъ вся. Поэтому къ нему всѣ, и профессора, и студенты, шли за совѣтами и указаніями по ученымъ вопросамъ. Пріѣзжали и изъ универ-

---

[625]) Ср. выше, прим. 623-е.

[626]) Архіепископъ Николай (Зіоровъ), *Мои воспоминанія о Московской духовной академіи (къ столѣтнему юбилею)*; Варшава, 1914 г. (печат. на правахъ рукописи); стр. 21.—Ссылка на 40 лѣтъ службы—описка со стороны автора. Чтеніе лекцій по русской исторіи было поручено С. М. Соловьеву 24-го августа 1845 г. Диспутъ, о которомъ упоминается въ цитатѣ, есть докторскій диспутъ П. С. Казанскаго, имѣвшій мѣсто 2-го октября 1873 г.

ситетовъ—и знаменитые профессора—за совѣтами, указаніями и разъясненіями,—напр., Срезневскій, Бодянскій и др. Пріѣзжалъ къ нему слушать его лекціи и Вл. С. Соловьевъ, впослѣдствіи знаменитый философъ и публицистъ. Бывалъ онъ [т. е. Соловьевъ] и на лекціяхъ В. Д. Кудрявцева и В. Н. Потапова. Помню его фигуру—худощавую, всегда серьезную, задумчивую. Дружилъ Соловьевъ только со студентомъ Александромъ Хитровымъ." [627])

Уже послѣ появленія въ печати воспоминаній, откуда заимствованы только-что приведенныя данныя, архіепископъ Николай (Зіоровъ) снабдилъ насъ дополнительной замѣткой нижеслѣдующаго содержанія. — „Владиміра Сергѣевича Соловьева я видѣлъ и зналъ, можно сказать, *мелькомъ*. Это было въ Московской духовной академіи, когда я тамъ учился. Я былъ тогда на второмъ курсѣ, [628]) когда онъ пріѣхалъ въ академію—слушать лекціи по богословію и философіи. На видъ онъ былъ весьма сухощавый, высокій, съ длинными волосами, падавшими ему на плечи; сутуловатъ; угрюмый, задумчивый, молчаливый. Помню, какъ онъ въ первый разъ пришелъ къ намъ въ аудиторію—на лекцію проф. Потапова, по исторіи философіи. Въ шубѣ, въ теплыхъ высокихъ сапогахъ, въ бобровой шапкѣ, съ шарфомъ на шеѣ—онъ, никому не кланяясь, прошелъ къ окну и сталъ у окна... Побарабанилъ пальцами по стеклу, повернулся и ушелъ обратно... Профессоръ остановился въ чтеніи лекціи, мы всѣ въ изумленіи — кто сей господинъ и что ему нужно?! — Кончилась лекція, и узнаемъ, что это Соловьевъ, сынъ знаменитаго историка С. М. Соловьева,—«философъ призывнаго возраста», какъ его окрестили въ современной прессѣ послѣ защиты имъ магистерской диссертаціи. Ему тогда было не болѣе 21 года.—Послѣ этого случая я его видѣлъ только проходящимъ вмѣстѣ съ студентомъ перваго курса Александромъ Хитровымъ въ академію, или изъ академіи въ старую гостиницу, гдѣ онъ останавливался и нѣкоторое время проживалъ. [629]) Съ другими студентами онъ не сближался. Какъ онъ сошелся съ Хитровымъ, не знаю; но слышалъ, что ихъ сблизила «водка». Хитровъ, говорили мнѣ, впослѣдствіи спился и умеръ въ Москвѣ на Хитровомъ рынкѣ. Какъ философъ Соловьевъ освободился отъ этого недуга, не знаю (онъ, говорятъ, подъ конецъ жизни уже ничего не

---

627) *Ibidem*, стр. 14, 15.

628) Кажется, описка. Должно быть: на третьемъ курсѣ.

629) Не точно. Соловьевъ водворился въ новой гостиницѣ. См. выше, прим. 601 ое.

пилъ)..... Вотъ и все, что сохранилось въ моей памяти о Соловьевѣ— изъ того времени, когда онъ ѣздилъ въ Московскую духовную академію.“ [630])

Заслуж. орд. проф. М. Д. Муретовъ, окончившій курсъ въ Московской духовной академіи въ 1877 г., точно также подѣлился съ нами небольшой замѣткой о Вл. С. Соловьевѣ, какъ постороннемъ слушателѣ академіи. Вотъ текстъ этой замѣтки. — „Небольшая голова, сколько помнится—круглая. Черные длинные волосы на подобіе конскаго хвоста или лошадиной гривы. Лицо тоже небольшое, округлое, женственно-юношеское, блѣдное, съ синеватымъ отливомъ, и большіе очень темные глаза съ ярко очерченными черными бровями, но безъ жизни и выраженія, какіе-то стоячіе, не моргающіе, устремленные куда-то вдаль. Сухая, тонкая, длинная и блѣдная шея. Такая-же тонкая и длинная спина, въ узкомъ и длинномъ, уже поношенномъ, пиджакѣ-пальто темнаго цвѣта. Длинныя и тонкія руки съ блѣдно-мертвенными, вялыми и тоже длинными пальцами, большею частію засунутыми въ карманы пальто или поправляющими волосы на головѣ. Почему-то хочется называть такіе пальцы перстами. Вѣроятно, они были очень приспособлены къ игрѣ на скрипкѣ или віолончели. Наконецъ, длинныя ноги въ узкихъ и потертыхъ черныхъ суконныхъ брюкахъ съ нѣсколько обтрепанными концами и въ сапогахъ съ высокими, но стоптанными внутрь каблуками. Нѣчто длинное, тонкое, темное, въ себѣ замкнутое и, пожалуй, загадочное: такое общее впечатлѣніе осталось у меня отъ Вл. С. Соловьева, когда онъ ходилъ на лекціи въ нашу академію въ 1874 г. Впечатлѣніе яркое, живое, сейчасъ какъ-бы вижу этого юношу. Ни съ кѣмъ изъ студентовъ я не видалъ его разговаривающимъ: приходилъ въ аудиторію, садился на переднюю парту, стоявшую къ наружной

---

[630]) Дополнительная справка архіепископа Николая (Зіорова) помѣчена 27-ымъ іюля 1915 г.—Обращаетъ на себя вниманіе указаніе покойнаго владыки, что онъ видѣлъ и зналъ Соловьева лишь *мелькомъ*. Этимъ и объясняется, повидимому, нѣсколько излишняя довѣрчивость его къ слухамъ о томъ, что̀ именно сблизило Соловьева съ Александромъ Хитровымъ. Соображенія Н. И. Карѣева по этому поводу приводятся ниже, въ этой-же главѣ.—Воспроизвожу изъ дополнительной справки еще одно небольшое сообщеніе архіепископа Николая (Зіорова), относящееся къ позднѣйшему времени:—„По поводу лекцій Вл. С. Соловьева, публичныхъ, былъ подслушанъ однимъ газетнымъ репортеромъ такой отзывъ одного почтеннаго московскаго протоіерея, при выходѣ изъ зала: «Господинъ Владиміръ Соловьевъ—человѣкъ ученый и благопотребный... Читаетъ пространно и внятно; но... но... темно и какъ-бы неопредѣленно...»“

стѣнѣ, по срединѣ ея, и сидѣлъ одинъ, безъ сосѣдей, — никто къ нему не подсаживался. Встрѣчалъ я его на лекціяхъ рѣдко, если не ошибаюсь—у Потапова, по исторіи философіи. Мерещится почему-то, что видѣлъ его на лекціи у архимандрита Михаила Лузина, хотя Михаилъ читалъ нашему курсу въ $18^{75}/_{76}$-омъ году: можетъ-быть, я когда-нибудь забрелъ къ нему любопытства ради, будучи въ $18^{74}/_{75}$-омъ году на второмъ курсѣ. Но возможно, что видѣлъ я Соловьева и на первомъ курсѣ ($18^{73}/_{74}$ г.)—у Кудрявцева или кого другого..." [631])

Кое-какія свѣдѣнія о Соловьевѣ за тотъ учебный годъ, когда онъ принадлежалъ къ числу постороннихъ слушателей академіи, были доставлены намъ и Н. И. Карѣевымъ.—„Во время пребыванія Соловьева въ Сергіевомъ посадѣ я видѣлся съ нимъ рѣдко. Самъ хорошо помню поѣздку къ нему съ А. А. Соколовымъ зимою. [632]) Былъ страшный морозъ, и мы зябли. На вокзалѣ въ Москвѣ и по дорогѣ на станціяхъ раза три выпивали по рюмкѣ водки и шутили между собою, говоря, что, пожалуй, пріѣдемъ къ отшельнику въ нетрезвомъ видѣ и тѣмъ произведемъ соблазнъ. Однако, Соловьева мы застали самого пьющимъ чай съ ромомъ (на столѣ была бутылка).—Мнѣ доводилось слышать шу-

---

[631]) Замѣтка М. Д. Муретова помѣчена 26-мъ октября 1914 г. — Насколько удалось выяснить, въ $18^{74}/_{75}$-омъ учебномъ году Соловьевъ лекцій въ академіи не слушалъ.—16-го марта 1916 г. М. Д. Муретовъ сообщалъ намъ дополнительно:—„Никакихъ связей Вл. С. здѣсь [т. е. въ Сергіевомъ посадѣ], сколько знаю, ни съ кѣмъ не заводилъ и никто о немъ не сообщалъ мнѣ своихъ впечатлѣній. Не могу сказать даже, какимъ онъ голосомъ и какъ говорилъ. Расхаживалъ онъ по аудиторіи и коридору, въ ожиданіи профессора, всегда одинъ.—Посѣщалъ онъ Кудрявцева, Михаила и А. В. Горскаго..... И я, и товарищи мои слишкомъ мало интересовались будущею славою Россіи. Обращали вниманіе на него только какъ на сына ректора Московскаго университета, на его оригинальную внѣшность, или—вѣрнѣе—на полное пренебреженіе его, человѣка состоятельнаго, своею внѣшностью—костюмомъ, прическою, сапогами, бѣльемъ и пр. Знали мы, что онъ очень молодъ (19 — 20 лѣтъ), но уже окончилъ филологическій факультетъ, очень ученъ, занимается философіей. И—только."

[632]) О доброй памяти, которую сохранялъ Соловьевъ до конца своихъ дней относительно А. А. Соколова и иныхъ друзей юности, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что одно изъ послѣднихъ своихъ произведеній: *Три разговора* онъ посвятилъ „ушедшимъ друзьямъ раннихъ лѣтъ Николаю Михайловичу Лопатину и Александру Александровичу Соколову." *Соч.*, VIII, 453. О Н. М. Лопатинѣ мы упоминали въ главѣ четвертой, а объ А. А. Соколовѣ въ главѣ восьмой. — Въ составъ *Трехъ разговоровъ* входитъ, какъ извѣстно, *Краткая повѣсть объ антихристѣ*. Сочиняя эту повѣсть, Соловьевъ, можетъ-быть, припомнилъ то отдаленное прошлое, когда братья Н. М. и Л. М. Лопатины и онъ устраивали—конечно, при совершенно отличномъ умонастроеніи—„пришествіе антихриста" „для другихъ классовъ населенія" (см. текстъ, относящійся къ прим. 212)...

тливые отзывы [Соловьева про академію], но я самъ не придавалъ имъ значенія подлинныхъ мнѣній Соловьева объ академіи. Въ общемъ, однако, сквозило нѣкоторое разочарованіе, выражавшееся въ такихъ преувеличеніяхъ, какъ, напр., заявленіе о томъ, что нѣкоторые профессора настоящіе нигилисты. Было немало веселыхъ анекдотовъ.—Со студентомъ Александромъ Хитровымъ Соловьевъ, дѣйствительно, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но мнѣ помнится, что это былъ студентъ Московскаго университета, и я лично его зналъ. Судьба его мнѣ осталась неизвѣстною, но въ сближеніе съ нимъ Соловьева на почвѣ водки я не вѣрю, потому-что Соловьевъ, кажется, водки [тогда] не пилъ, а если и пилъ что̀, такъ виноградное вино и ромъ, сближаясь притомъ съ людьми совсѣмъ не на такой почвѣ. Не думаю, чтобы Соловьевъ регулярно пилъ передъ (или за) обѣдомъ, но что иногда онъ въ компаніи хваталъ черезъ мѣру, это бывало.“ [633])—Съ Соловьевыми-родителями за эту-же пору Н. И. Карѣевъ либо вовсе не видался, либо видѣлся очень рѣдко; отзывовъ ихъ о поступленіи Владиміра Соловьева въ академію онъ не слыхалъ,—зналъ только, что С. М. Соловьевъ былъ недоволенъ.

Э.-орд. проф., свящ. П. А. Флоренскій, занимающій нынѣ въ Московской духовной академіи каѳедру исторіи философіи, передавалъ намъ, что ему лично приходилось слышать (въ концѣ 1904 г. или въ началѣ 1905 г.) очень неодобрительные отзывы объ академіи отъ П. В. Соловьевой, матери Владиміра Соловьева. Отсюда онъ дѣлаетъ заключеніе, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, домашніе не сочувствовали рѣшенію молодого кандидата зачислиться въ посторонніе слушатели академіи. Тотъ-же о. П. А. Флоренскій замѣчаетъ, что Соловьевъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ С. К. Смирновымъ. [634])

---

[633]) Сообщеніе Н. И. Карѣева получено нами 19-го января 1916 г., по ознакомленіи автора его съ сообщеніемъ архіепископа Николая (Зіорова).—Возможно, что было нѣсколько Хитровыхъ, т. е. были студенты, носящіе эту фамилію, и въ университетѣ, и въ академіи; возможно и то, что Александръ Хитровъ былъ сначала студентомъ университета, а потомъ перешелъ въ академію. О томъ, что на курсѣ 1872—1876 гг. числился въ академіи студентъ А. И. Хитровъ, замѣченный въ извѣстной слабости, упоминаетъ и М. Д. Муретовъ. *Памяти почившихъ наставниковъ*; изданіе Императорской Московской духовной академіи ко дню ея столѣтняго юбилея (1814—1 октября—1914), Сергіевъ посадъ, 1914 г.; статья М. Д. Муретова: *Протоіерей Сергій Константиновичъ Смирновъ*, стр. 139—274;—стр. 231. — О М. И. Хитровѣ см. *Письма* и т. д. (прим. 449), стр. 44.

[634]) „Указаніе, что Вл. Соловьевъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ С. К. Смирновымъ, тогда (1873—4 гг.) инспекторомъ, а съ 1878 г. протоіереемъ и ректо-

Принимая въ соображеніе всѣ эти справки, въ связи съ заявленіемъ самого Соловьева, что онъ оставляетъ академическихъ профессоровъ, „по возможности, въ покоѣ“, позволительно, кажется, высказать догадку, что и въ Сергіевомъ посадѣ, какъ въ Москвѣ, онъ не столько слушалъ профессорскія лекціи, сколько усердно занимался дома чтеніемъ, пользуясь богатствами соотвѣтствующей библіотеки. Его жилище въ монастырской гостиницѣ наполняютъ, по его-же словамъ, нѣмецкіе философы и греческіе богословы—„въ трогательномъ союзѣ“. Говорить при такихъ обстоятельствахъ объ особливомъ вліяніи на Соловьева академическихъ лекцій, какъ таковыхъ, было бы, само собою разумѣется, трудно. Но, какъ и въ случаѣ съ университетомъ, нельзя все-таки и на этотъ разъ пренебречь тѣми впечатлѣніями, которыя могъ Соловьевъ вынести изъ своего общенія съ академической средою; вѣроятно, оказывали на него свое воздѣйствіе и тѣ бесѣды, которыя ему случалось вести съ преподавателями болѣе ему близкими.

Судя по наличнымъ даннымъ, всего больше интересовался Соловьевъ А. В. Горскимъ, В. Д. Кудрявцевымъ и В. Н. Потаповымъ; называются также имена С. К. Смирнова и архимандрита Михаила (Лузина). Будетъ нелишнимъ привести здѣсь краткія свѣдѣнія объ этихъ академическихъ дѣятеляхъ—краткія хотя-бы уже потому, что вообще это имена достаточно извѣстныя. [635])

ромъ академіи, основано“, писалъ намъ о. П. А. Флоренскій, „на разсказахъ дочерей покойнаго протоіерея С. К. Смирнова—Вѣры и Варвары Сергѣевнъ, изъ коихъ первая замужемъ за профессоромъ академіи и членомъ Государственной Думы Н. Ѳ. Каптеревымъ. Эта послѣдняя была тогда дѣвочкой; она-то и разсказывала мнѣ неоднократно, что Вл. С. приходилъ къ ея отцу, и они вели бесѣды на мудреныя темы. Содержанія разговоровъ она не понимала, а по большей части и не слыхала, такъ-какъ часто Смирновъ и Соколовъ уходили въ кабинетъ и разговаривали наединѣ. Но она помнитъ, что ея отецъ сочувственно относился къ Соловьеву, интересовался имъ и, если не ошибаюсь, любилъ его. Другая дочь, Варвара Сергѣевна, подтверждаетъ эти разсказы, но лично я отъ нея ничего не слыхалъ, а знаю въ передачѣ ея племянника П. Н. Каптерева. Варвара Сергѣевна старше Вѣры Сергѣевны, кажется, лѣтъ на 10. Варвара Сергѣевна сообщала, между прочимъ, что въ ихъ домѣ бывалъ и С. М. Соловьевъ-историкъ, а также и Вл. С. въ послѣдующіе за 1873—4 года.“—О томъ, что Вл. С. Соловьевъ бывалъ у прот. С. К. Смирнова, упоминается въ некрологѣ Софіи Мартыновны Смирновой, вдовы прот. С. К. Смирнова. См. замѣтку за подписью П. К. въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*, 1916 г., мартъ-апрѣль, стр. 597—602;—стр. 601.

[635]) Много цѣнныхъ свѣдѣній объ ученыхъ дѣятеляхъ Московской духовной академіи содержится въ трудахъ, изданныхъ въ послѣднее время, по случаю 100-лѣт-

А. В. Горскій родился 16-го августа 1812 г., въ Костромѣ, въ семьѣ профессора мѣстной семинаріи, впослѣдствіи каѳедральнаго протоіерея. По окончаніи курса въ 1832 г. въ Московской духовной академіи, гдѣ онъ пользовался покровительствомъ своего знаменитаго земляка Ѳ. А. Голубинскаго, онъ былъ назначенъ преподавателемъ церковной и гражданской исторіи въ Московской семинаріи, но вскорѣ-же, въ августѣ 1833 г., былъ переведенъ въ академію на каѳедру церковной исторіи, обнимавшую тогда цѣлый рядъ наукъ — библейскую исторію, исторію древней и византійской церкви, исторію русской церкви и исторію западныхъ исповѣданій. Въ 1837 г. А. В. Горскій былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1839 г.—ординарнымъ. Въ 1860 г., въ возрастѣ около 48 лѣтъ, онъ былъ рукоположенъ во священники, безъ вступленія въ бракъ, и въ томъ-же году получилъ санъ протоіерея. Въ началѣ 1864 г. А. В. Горскій былъ удостоенъ за ученыя заслуги степени доктора богословія, а затѣмъ, въ концѣ того-же года, былъ назначенъ ректоромъ академіи; при этомъ, по должности ректора, онъ перешелъ на каѳедру догматическаго богословія. Въ званіи ректора академіи А. В. Горскій и скончался, 11-го октября 1875 г., достигнувъ 63-лѣтняго возраста.

няго юбилея академіи. Укажемъ здѣсь въ частности еще разъ на объемистый сборникъ подъ заглавіемъ: *Памяти почившихъ наставниковъ* (прим. 633), содержащій въ себѣ біографическіе очерки прот. П. С. Делицына, прот. Ѳ. А. Голубинскаго, прот. А. В. Горскаго, В. Д. Кудрявцева-Платонова, Д. Ѳ. Голубинскаго, прот. С. К. Смирнова, П. С. Казанскаго, Е. Е. Голубинскаго, Н. И. Субботина, В. О. Ключевскаго, А. П. Лебедева, И. Н. Корсунскаго и Алексѣя Ив. Введенскаго. Очерки эти, написанные М. М. Богословскимъ, прот. А. А. Бѣляевымъ, С. С. Глаголевымъ, Н. В. Лысогорскимъ, М. Д. Муретовымъ, С. И. Смирновымъ, С. И. Соболевскимъ и А. А. Спасскимъ, представляютъ цѣлую галлерею характерныхъ и по большей части очень симпатичныхъ портретовъ.—Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ письмѣ на имя С. А. Венгерова отъ 14-го іюня 1889 г. Соловьевъ упоминаетъ о своемъ знакомствѣ съ архіепископомъ Алексіемъ Литовскимъ. Это А. Ѳ. Лавровъ-Платоновъ, преподававшій въ Московской духовной академіи сначала церковное краснорѣчіе, затѣмъ греческій языкъ и, наконецъ, каноническое право. Имя это указано выше, въ перечнѣ преподавателей. *П.*, II, 315.—Свящ. Н. Колосовъ, познакомившійся съ Соловьевымъ въ началѣ 1886 г., разсказываетъ, со словъ Соловьева, что тотъ собирался въ 1874 г. слушать лекціи и А. П. Лебедева по общей церковной исторіи, но не успѣлъ, такъ-какъ былъ избранъ Московскимъ университетомъ на каѳедру философіи, на мѣсто П. Д. Юркевича. Тотъ-же о. Н. Колосовъ отмѣчаетъ, что преимущественно Соловьевъ слушалъ прот. А. В. Горскаго, по догматическому богословію. Свящ. Н. Колосовъ, *Мое знакомство съ Владиміромъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ; Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія*, 1910 г., октябрь, стр. 575—584;—стр. 575, 576. На сообщеніе свящ. Н. Колосова намъ было указано о. П. А. Флоренскимъ.

Въ ранней юности А. В. Горскій очень стремился къ иночеству, но родители упорно противодѣйствовали ему въ этомъ. Впослѣдствіи онъ и самъ пересталъ тянуться въ эту сторону, главнымъ образомъ потому, что опасался, какъ бы постригъ, ведущій къ архіерейству, не отдалилъ его отъ академіи и науки. Впрочемъ, и безъ облеченія въ монашескую рясу, онъ велъ образъ жизни очень строгій, былъ „святѣе монаха“. Своимъ священнымъ саномъ дорожилъ А. В. Горскій въ высокой степени. Тутъ ему пришлось преодолѣть весьма большое затрудненіе—необходимость жениться. Ученыя справки, наведенныя имъ-же самимъ, склонили митрополита Филарета посвятить во священники холостого профессора, что̀ было у насъ едва-ли не первымъ примѣромъ. Пастырства, прихода, духовничества А. В. Горскій, однако, не искалъ—въ священствѣ онъ нуждался для самого себя. Постепенно изъ него выработался истинный ученый подвижникъ, совмѣщавшій глубокую и многостороннюю ученость съ „бездной смиренія“.

Особенно трогательныя отношенія установились у А. В. Горскаго со студентами академіи. Нравы были тогда вообще патріархальные, но въ Московской духовной академіи царилъ прямо-таки семейный духъ, умилявшій постороннихъ. А. В. Горскій сдѣлался для студентовъ настоящимъ отцомъ („папашей“), раздѣлявшимъ всѣ ихъ радости и горести. Авторитетъ его среди учащейся молодежи,—и ученый, и нравственный,—былъ совершенно исключительный. [636])

При всѣхъ безспорныхъ достоинствахъ, отличавшихъ личность о. А. В. Горскаго, его ученая судьба сложилась, однако, менѣе благопріятно, чѣмъ можно было бы ожидать. „Горскій—ученый особаго рода. Отъ него не осталось многотомныхъ произведеній, а только немного журнальныхъ статей и да еще описаніе рукописей. На страницахъ печатныхъ трудовъ съ чужимъ именемъ, на поляхъ книгъ, въ замѣткахъ и письмахъ сѣялъ онъ свои знанія. Рядъ ученыхъ пользовался его указаніями, многіе изслѣдователи съ вѣдома и безъ вѣдома его подбирали крупицы его знанія и ими украшали свои произведенія; и много еще крупицъ разсѣянныхъ, не подобранныхъ, погибшихъ.“ Вообще, это была очень крупная ученая сила, снискавшая себѣ признаніе далеко за предѣлами Сергіева посада. „На извѣщеніе о смерти Александра Васильевича, полученное академи-

[636]) Ср. очеркъ объ А. В. Горскомъ, составленный С. Смирновымъ; *Православная богословская энциклопедія*, подъ ред. проф. А. П. Лопухина; т. IV, Петроградъ, 1903 г.; стр. 541—550.

комъ и профессоромъ С.-Петербургскаго университета Изм. Ив. Срезневскимъ, была отправлена отъ членовъ Академіи наукъ, С.-Петербургскаго университета, обществъ филологическаго, археологическаго и другихъ слѣдующая, составленная г. Срезневскимъ, телеграмма: «Чтя *великія* заслуги усопшаго, какъ ученаго, писателя и *руководителя*, просимъ академію присоединить къ своей и нашу глубокую скорбь объ утратѣ, всѣми нами понесенной.»“ Чѣмъ-же объясняется сравнительно малая внѣшняя производительность А. В. Горскаго? Были, очевидно, какія-то особыя помѣхи, стѣснявшія движенія этого „исполина знанія“, „великана русской науки“, какъ его называли его почитатели... [637])

Разъясненіе обстоятельствъ, вліявшихъ такъ или иначе на развитіе нашей богословской науки, лежитъ внѣ задачъ настоящаго труда. Для біографіи Соловьева представляется, однако-же, интереснымъ опредѣлить, сложился-ли у него какой-нибудь общій взглядъ на дѣятельность о. А. В. Горскаго, бывшаго, безспорно, однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей русскаго богословія въ годы юности нашего философа.

Вотъ что̀ читаемъ мы въ некрологѣ В. В. Болотова, написанномъ Соловьевымъ незадолго до своей смерти:—„Наименѣе спеціальное изъ его [т. е. В. В. Болотова] сочиненій — обширная и основательная диссертація: *Ученіе Оригена о св. Троицѣ* (С.-Петербургъ, 1879 г.). Послѣ нея Болотовъ ничего не издавалъ больше отдѣльными книгами, а печаталъ свои многочисленныя изслѣдованія, этюды и замѣтки въ видѣ журнальныхъ статей, преимущественно въ *Христіанскомъ Чтеніи*, и оттисковъ..... Около двадцати лѣтъ атлетъ науки какъ-будто пробовалъ свои богатырскія силы на разныхъ частичныхъ вопросахъ, такъ и не успѣвши остановиться на обширной задачѣ, достойной его высокаго дарованія. Явленіе не случайное, уже потому, что не единичное: достаточно вспомнить изъ того-же міра русской духовной науки двухъ другихъ — старшихъ богатырей мысли и знанія: покойныхъ Ѳ. А. Голубинскаго [638]) и А. В. Горскаго. Въ дру-

---

[637]) *У Троицы* и т. д. (прим. 157), статья свящ. Петра Постникова: *Очерки жизни и дѣятельности Александра Васильевича Горскаго*, стр. 252 — 341; — стр. 338 — 341.

[638]) Ѳ. А. Голубинскій родился 22-го декабря 1797 г., умеръ 22-го августа 1854 г. Онъ, по справедливости, считается основателемъ русской теистической философіи.—Въ число студентовъ Московской духовной академіи, только-что открытой, онъ вступилъ въ 1814 г. Вскорѣ-же студенты академіи образовали особое ученое

гихъ странахъ богословская и церковно-историческая наука представляетъ могучее собирательное цѣлое, гдѣ всякая умственная сила находитъ и всестороннюю опору, и всестороннія рамки для своей дѣятельности и, свободно развивая свои личныя возможности, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно прилагаетъ ихъ къ общему дѣлу; тамъ есть, изъ преданій прошлаго и современной систематической работы слагающаяся, живая и правильно растущая наука, и отдѣльные ученые въ мѣру своихъ силъ входятъ въ эту общую работу, участвуя въ этомъ ростѣ цѣлаго... У насъ и въ другихъ наукахъ, особенно же въ наукѣ богословско-церковной, этотъ *ростъ цѣлаго* отсутствуетъ... Поэтому наши

общество, „производителемъ письменныхъ дѣлъ“ котораго былъ избранъ молодой Ѳ. А. Голубинскій. Члены общества занимались разсмотрѣніемъ и изученіемъ различныхъ богословско-философскихъ вопросовъ. И вотъ, „въ то время, какъ въ Московской духовной академіи читались рефераты по философіи, обсуждался смыслъ и значеніе философіи Канта, въ журналѣ, издававшемся при Московскомъ университетѣ (*Вѣстникъ Европы*), Канта, Фихте и Шеллинга называли сумасшедшими и ихъ сочиненія «нѣмецкой галиматьей». Юные студенты удивлялись невѣжеству и нелѣпости сужденій университетскаго журнала.“ Въ такихъ-то условіяхъ начали развиваться богатыя природныя дарованія Ѳ. А. Голубинскаго. *Памяти* и т. д. (прим. 633), статья С. Глаголева: *Протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій*, стр. 18—57;—стр. 20, 21.—Впослѣдствіи Ѳ. А. Голубинскій привлекалъ къ себѣ сочувственное вниманіе не только соотечественниковъ, но и иностранцевъ. Любопытны, между прочимъ, сужденія о немъ бар. А. Гакстгаузена:—„J'avoue que je fus extrêmement surpris d'entendre un pope russe raisonner avec tant de simplicité de savoir et en même temps de profondeur sur Schelling, Hégel, leurs tendances et leurs écoles..... Sa figure était belle et intelligente et une certaine distinction de manières jointe à une grâce simple et presqu'enfantine donnaient à toute sa personne un charme particulier.“ Baron Auguste de Haxthausen, *Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie*; édit. franç., premier vol.; Hanovre, 1847; p. 63.—Въ *Лекціяхъ философіи* Ѳ. А. Голубинскій даетъ такія опредѣленія философіи и метафизики:—„Философія есть система познаній, пріобрѣтенныхъ разумомъ (Intellectus), подъ управленіемъ ума (Rationis) и при способствованіи опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, о всеобщихъ главнѣйшихъ, существеннѣйшихъ силахъ, законахъ и цѣляхъ природы внѣшней и внутренней, равно и о свойствахъ Виновника всѣхъ оныхъ — Бога, — система, направленная къ тому, чтобы возбудить въ духѣ человѣческомъ, воспитать и направить любовь къ премудрости Божественной и человѣку предназначенной.“—„Metaphysica est systema cognitionum, quas intellectus ratiocinans per analysin ideae de infinito et per applicationem ad hanc ideam observationum sensus externi et interni, necessario colligit de ente infinito, ejus perfectionibus, necnon de eo, quae relatio ad ens infinitum, s. quae cum ipso analogia essentialiter sit propria entibus finitis, tam materialibus, quam spiritualibus.“ Ѳ. А. Голубинскій, *Лекціи философіи*; вып. 1, Москва, 1884 г.; стр. 37, 75.—Ср. Я. Н. Колубовскаго (прим. 382), *Вопросы философіи и психологіи*; 1890 г., кн. 4, прил. 1, стр. 2—6.

лучшіе ученые, особенно въ области духовной науки, похожи не на притоки могучихъ рѣкъ, текущихъ въ моря и океаны,—а только на ключи, одиноко бьющіе въ пустынѣ... Тѣмъ грустнѣе было потерять одинъ изъ этихъ немногихъ высокихъ ключей." [639]) Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ глазахъ Соловьева А. В. Горскій былъ „богатыремъ мысли и знанія", и что недостаточность внѣшняго обнаруженія силъ со стороны этого богатыря зависѣла, по его мнѣнію, отъ причинъ общаго характера. Въ главѣ четвертой мы уже приводили отзывъ С. М. Соловьева о неблагопріятномъ вліяніи митрополита Филарета на дѣятельность Московской духовной академіи вообще и А. В. Горскаго въ частности. Сужденія Вл. С. Соловьева представляются болѣе широкими; ясно, однако-же, что формула сына не исключаетъ отзыва отца. [640])

---

[639]) *Соч.*, VIII, 451, 452; статья: *Василій Васильевичъ Болотовъ (скончъ. 5-го апрѣля 1900 г.)*, стр. 450—452.—Сѣтованія на отсутствіе въ Россіи *самостоятельной* духовной науки см., далѣе, въ статьѣ Соловьева: *О духовной власти въ Россіи*; *Соч.*, III, 206—220;—215.

[640]) Ср. выше, текстъ къ прим. 199-му.—Вспоминая свои юные годы и имѣя въ виду сказанное отцомъ про вліяніе митрополита Филарета на Московскую духовную академію, Вл. С. Соловьевъ въ 1896 г. писалъ:—„Въ одинъ изъ послѣднихъ годовъ жизни А. В. Горскаго я былъ съ нимъ близокъ въ качествѣ вольнаго слушателя Московской духовной академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ. При необъятной учености, ясномъ пониманіи труднѣйшихъ вопросовъ и необыкновенной сердечной добротѣ, этотъ превосходный старецъ носилъ на себѣ печальные слѣды духовнаго гнета—въ крайней робости ума и малоплодности мысли сравнительно съ его блестящими дарованіями: онъ все понималъ, но боялся всякаго оригинальнаго взгляда, всякаго *непринятаго* рѣшенія". *Соч.*, VI, 654; статья: *Сергій Михайловичъ Соловьевъ*. — Упоминаетъ Соловьевъ объ А. В. Горскомъ и въ одной изъ статей 1897 г. Здѣсь онъ называетъ его „однимъ изъ достойнѣйшихъ во всѣхъ отношеніяхъ представителей нашего бѣлаго духовенства." *Соч.*, VIII, 56; статья: *Польская національная церковь*. — Про отношеніе Соловьева къ А. В. Горскому М. Д. Муретовъ, въ письмѣ отъ 16-го марта 1916 г. (прим. 631), высказывается такъ:—„Думаю, что всего болѣе онъ [т. е. Соловьевъ] слушалъ [въ академіи] А. В. Горскаго. Это потому, что въ богословскихъ мысляхъ Соловьева замѣтно отражается Горскій. Таково, напр., объясненіе превознесенія Богоматери превыше чиновъ ангельскихъ тѣмъ, что ангельская природа хотя сама по себѣ и выше человѣческой, но въ отношеніи къ богочеловѣчеству она ниже или одностороннѣе, такъ-что обоженное человѣчество Богоматери ставитъ ее ближе къ богочеловѣчеству Сѣдящаго одесную Отца Спасителя и честнѣе херувимовъ и серафимовъ. Односторонностью природы ангельской А. В. объяснялъ и *Быт.* VI, 2, и влеченіе злыхъ духовъ къ плоти не только человѣческой, но даже и свинской, — даже къ безводнымъ и пустыннымъ мѣстамъ земли. Вслѣдъ за А. В. Горскимъ Вл. С. Соловьевъ объясняетъ требованіе Ѳомы самолично видѣть и коснуться Воскресшаго Господа не «невѣріемъ» или «сомнѣніемъ», а «радостью» Ѳомы: онъ, какъ и другіе апостолы, не вѣрилъ «отъ радости» (*Лук.* XXIV, 41). Есть, кажется,

В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ родился 30-го октября 1828 г., въ Новоржевскомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Въ качествѣ сына полкового священника, скитавшагося вмѣстѣ съ своимъ полкомъ, онъ перебывалъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, но вездѣ учился превосходно. По окончаніи курса въ Московской духовной академіи первымъ магистромъ въ 1852 г., онъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ библейской исторіи и греческаго языка. Черезъ 2 года В. Д. Кудрявцевъ перешелъ на каѳедру математики и исторіи древней философіи, сдѣлавшись преемникомъ Ѳ. А. Голубинскаго. Въ 1857 г. онъ былъ избранъ въ экстраординарные профессора, въ 1858 г.—въ ординарные. Съ 1880 г. по 1891 г. В. Д. Кудрявцевъ читалъ логику. Кромѣ того, онъ много лѣтъ преподавалъ нѣмецкій и французскій языки. Съ 1870 г. по 1884 г. ему пришлось быть помощникомъ ректора (деканомъ) на богословскомъ отдѣленіи. Къ этому-же періоду принадлежатъ и наиболѣе крупные философскіе труды его. Въ 1873 г. онъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Въ началѣ 60-ыхъ годовъ В. Д. Кудрявцева приглашали для занятія каѳедры философіи и Московскій, и С.-Петербургскій университеты, но митрополитъ Филаретъ не отпустилъ его. Въ 1861—1862 гг. онъ читалъ курсъ логики и метафизики наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу и давалъ уроки психологіи герцогу Лейхтенбергскому, Николаю Максиміліановичу. Въ началѣ 80-ыхъ годовъ В. Д. Кудрявцевъ работалъ при Св. Сунодѣ по вопросу о преобразованіи духовныхъ учебныхъ заведеній и составилъ программу философскихъ курсовъ для семинарій. Въ день 25-лѣтняго юбилея, въ память его заслугъ, было учреждено братство преп. Сергія для вспомоществованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской духовной академіи. Скончался В. Д. Кудрявцевъ 3-го декабря 1891 г. [641])

у Соловьева письмо къ Ге, гдѣ онъ объясняетъ предательство Іудино не сребролюбіемъ, а утратою вѣры во Христа какъ Мессію,—что утверждаетъ и Горскій въ *Евангельской Исторіи*. Вообще, при знакомствѣ съ спеціально-богословскими мыслями Соловьева мнѣ почему-то всегда припоминался Горскій. Вѣроятно, Горскій имѣлъ самое сильное вліяніе на Соловьева—съ этой стороны. Быть-можетъ, ему-же обязанъ философъ и своею религіозностью, и устремленіями въ богословскія области. И своимъ внѣшнимъ видомъ, и оригинальностью нѣкоторыхъ своихъ догматическихъ построеній, и глубиною богословскихъ созерцаній А. В. производилъ на всѣхъ неотразимое обаяніе. Къ сожалѣнію, самъ я не слушалъ «папашу» и пишу это со словъ другихъ, бывшихъ его учениковъ, теперь уже почти измершихъ."

[641]) С. Кедровъ (прим. 415), стр. 223—225. Авторъ указываетъ, что въ 1874—

В. Д. Кудрявцева-Платонова считаютъ самымъ виднымъ представителемъ русскаго теизма—русскимъ Ульрици. [642]) Это былъ талантливый апологетъ христіанства, имѣвшій главной задачею примиреніе разума и вѣры, обоснованіе философскаго міросозерцанія, согласнаго съ христіанскимъ ученіемъ. Довольно многочисленныя сочиненія его были изданы въ трехъ томахъ (Сергіевъ посадъ, 1893—1894 гг.), и они доселѣ находятъ благодарныхъ читателей.

И по учености, и по благородному характеру, и по скромному образу жизни В. Д. Кудрявцевъ былъ достойнымъ сотрудникомъ А. В. Горскаго, занимая въ ряду профессоровъ Московской духовной академіи одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. [643]) Въ ту пору, когда Соловьевъ явился слушать его лекціи, это былъ уже вполнѣ опредѣлившійся и установившійся мыслитель. Это отражалось и на манерѣ его изложенія. „Казалось," вспоминаетъ М. Д. Муретовъ, „это было не изслѣдованіе или постиженіе истины человѣкомъ ея

---

5 гг. лекціи В. Д. Кудрявцева пріѣзжалъ слушать Вл. С. Соловьевъ. *L. c.*, стр. 224. Ссылка на 1875 г. остается подъ сомнѣніемъ.—Анонимный авторъ: „Студентъ 70-ыхъ годовъ", вспоминая про В. Д. Кудрявцева, выражается такъ:—„Будемъ мѣнять способы объясненія истинъ, характеръ изложеній, системы курсовъ, а запасы мыслей все будемъ черпать у нашего незабвеннаго учителя. Безъ Кудрявцева не было бы ни Свѣтлова, ни Глубоковскаго, ни Муретова, ни Введенскаго... И самъ Вл. С. Соловьевъ становился на ноги не безъ помощи Виктора Дмитріевича: онъ слушалъ его лекціи въ Московской академіи. Какъ знать, не будь Кудрявцева, Соловьевъ, можетъ-быть, и не устоялъ бы противъ бѣшенаго натиска позитивизма. И едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Кудрявцевъ съ своимъ учителемъ Голубинскимъ произвели глубокое вліяніе на развитіе религіозно-философскаго міровоззрѣнія въ Россіи: Кудрявцевъ ждетъ своего комментатора и, конечно, дождется." *У Троицы* и т. д. (прим. 157), статья: *Краткія воспоминанія о Московской духовной академіи въ періодъ 1876—1880 гг.*, стр. 172—201;—стр. 182, 183.

[642]) С. Кедровъ (прим. 415), стр. 224.—Обозрѣніе дѣятельности Г. Ульрици Эд. ф. Гартманнъ начинаетъ такими словами:—„Ulrici (1806—1884) knüpft in seiner Kategorienlehre an Hegel, Weisse, I. H. Fichte und Trendelenburg an; in seiner Naturphilosophie und Psychologie stützt er sich auf I. H. Fichtes Anthropologie und Lotzes Mikrokosmos. In seiner Gotteslehre sucht er aus seiner Kategorienlehre, Naturphilosophie und Psychologie das Facit zu ziehen. Seine Polemik richtet sich in seinen früheren Schriften hauptsächlich gegen Hegels Dialektik und einseitigen Idealismus, in seinen späteren Schriften vorzugsweise gegen den Materialismus und dessen mechanistische Weltanschauung.—In methodologischer Hinsicht vertritt er in metaphysischen Fragen den Standpunkt eines «wissenschaftlichen Glaubens», der auf einem objektiven Uebergewicht der Gründe beruht." Ed. von Hartmann, *Geschichte der Metaphysik;* I. Theil, Leipzig, 1899; II. Theil, Leipzig, 1900; S. 394, 395.

[643]) И. К. Смирновъ (прим. 435), стр. 134.

ищущимъ, а вѣщаніе уже о найденной истинѣ человѣка убѣжденнаго и обладающаго истиной"... [644])

Перечислять произведенія В. Д. Кудрявцева и излагать содержаніе ихъ [645]) мы здѣсь, конечно, не будемъ: отношеніе его къ Соловьеву было, по существу, менѣе близкое, чѣмъ отношеніе П. Д. Юркевича, да и личныя воздѣйствія продолжались тутъ болѣе короткое время. Нельзя, однако-же, не отмѣтить одного небольшого труда, который подготовлялся В. Д. Кудрявцевымъ какъ разъ въ то время, когда Соловьевъ состоялъ постороннимъ слушателемъ академіи. [646]) Трудъ этотъ, подъ заглавіемъ: *Критическій разборъ ученія О. Конта о трехъ методахъ философскаго познанія*, представляетъ собою рѣчь, произнесенную на публичномъ актѣ академіи 1-го октября 1874 г. [647]) Весьма достойно вниманія, что черезъ какіе-нибудь 8½ мѣсяцевъ послѣ Московскаго университета и другая высшая московская школа — Московская духовная академія—сочла нужнымъ высказаться противъ позитивизма. Рѣчь В. Д. Кудрявцева служитъ какъ-бы продолженіемъ рѣчи В. Я. Цингера и отличается не меньшими достоинствами. Магистерская диссертація Соловьева, направленная тоже противъ позитивизма, заканчивалась печатаніемъ именно въ одиннадцатой, т. е. ноябрской, книжкѣ *Православнаго обозрѣнія* за тотъ-же годъ. Она была, такимъ образомъ, третьимъ ударомъ по этой философской мишени на протяженіи одного года... Объ общемъ характерѣ разсужденій В. Д. Кудрявцева можно судить по заключительнымъ словамъ его рѣчи:—„Надежды Конта на будущее торжество его философіи, въ умахъ его нетерпѣливыхъ послѣдователей, превращаются въ почти совершившійся фактъ. Религія и философія уже умерли; будущее принадлежитъ позитивизму.—Но, къ счастью, эта опасность грозитъ религіи и философіи только въ теоріи Конта, а не въ дѣйствительности. Напротивъ, въ самомъ существѣ стремленій человѣческаго духа, въ исторической устойчивости главныхъ формъ умственной жизни, наконецъ, въ реальной истинѣ трехъ главныхъ объектовъ нашего познанія: Бога, міра сверхчувственнаго—идеальнаго и міра фе-

---

644) М. Д. Муретовъ (прим. 616), *Богословскій Вѣстникъ*, 1914 г., октябрь-ноябрь, стр. 646 — 676; — стр. 672.

645) См. Я. Н. Колубовскаго (прим. 638), стр. 20—32.

646) По словамъ Э. Л. Радлова, „въ особенности" усердно посѣщалъ Соловьевъ лекціи В. Д. Кудрявцева-Платонова. Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 10.

647) Рѣчь эта напечатана въ брошюрѣ: *Годичный актъ* и т. д. (прим. 612) и занимаетъ здѣсь 35 стр.

номенальнаго, мы находимъ надежное ручательство въ постоянной жизненности трехъ моментовъ знанія,—религіознаго, философскаго и эмпирическаго, не смотря на временныя и мѣстныя преобладанія то этого, то другого. Дай только Богъ, чтобы эти три, параллельно идущія, направленія знанія развивались гармонично и дружно, не ослабляя одно другого попытками незаконнаго преобладанія, въ живой взаимной связи, для достиженія полной истины." [648])

В. Н. Потаповъ, сынъ протоіерея Н. И. Потапова, состоявшаго въ 1818—1823 гг. баккалавромъ Московской духовной академіи, на 12-омъ году своего возраста поступилъ въ Московскую духовную семинарію, а въ 1854 г. перешелъ въ Московскую духовную академію, гдѣ окончилъ курсъ наукъ первымъ по списку магистромъ въ 1858 г. „Какъ лучшій воспитанникъ своего курса, онъ прямо по окончаніи курса оставленъ былъ при самой академіи въ званіи баккалавра философскихъ наукъ по каѳедрѣ логики и исторіи средней и новой философіи, а съ 1870 г., по преобразованіи академіи по уставу 1869 г., прекративъ преподаваніе логики, остался лишь профессоромъ исторіи философіи, но зато уже всей, т. е. древней, средней и новой." [649]) Въ 1864 г., къ 50-лѣтнему юбилею академіи, онъ былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1883 г., по выслугѣ 25 лѣтъ, В. Н. Потаповъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, ходатайствовалъ объ отставкѣ. Его просили остаться, но онъ не согласился. Тогда академія позаботилась объ облеченіи его званіемъ заслуженнаго экстраординарнаго профессора и избрала его въ свои почетные члены. Скончался В. Н. Потаповъ 5-го февраля 1890 г., на 54-омъ году отъ рожденія.

Помимо учено-литературныхъ трудовъ, не относящихся къ области философіи, у В. Н. Потапова имѣются и труды философскіе, но ихъ немного. Въ разсужденіи: *О взаимодѣйствіи вещей*, опубликованномъ

---

[648]) *L. c.*, стр. 34, 35. — Приведемъ еще небольшой отрывокъ изъ этой рѣчи:— „Въ самомъ..... существѣ трехъ воззрѣній: теологическаго, философскаго и позитивнаго нѣтъ ничего, что вызывало бы ихъ на взаимную борьбу и уничтоженіе. Нѣтъ никакой необходимости, чтобы философъ уничтожалъ теолога, а естествоиспытатель того и другого. Это потому, что, не смотря на тѣсную связь и многочисленныя точки соприкосновенія этихъ трехъ міросозерцаній, они достаточно различны и по своему предмету, и по пріемамъ познанія, чтобы сохранять самостоятельность—каждое относительно другого." *L. c.*, стр. 20.—Ср. С. М. Лукьянова, *Рѣчи и очерки* (прим. 273), стр. 208, 209;—О. Д. Хвольсона, *Знаніе и вѣра въ физикѣ*; Петроградъ, 1916 г.

[649]) И. К—ій, *Профессоръ Василій Никифоровичъ Потаповъ*; *Вѣра и Разумъ*, 1890 г., № 6 (мартъ, кн. 2), отд. филос., стр. 265—284;—стр. 265, 266.

въ 1879 г., В. Н. Потаповъ высказывается, между прочимъ, въ томъ смыслѣ, „что предположить въ матеріи внутреннія состоянія есть для насъ единственное средство въ нѣкоторой степени понять многія изъ явленій взаимодѣйствія вещей. Механическая теорія, не признающая внутреннихъ состояній матеріи, можетъ отчасти уяснить только сообщеніе движенія посредствомъ толчка, а множество другихъ видовъ взаимодѣйствія остаются для нея необъяснимыми. Если мы будемъ отвергать или не принимать во вниманіе внутреннія состоянія матеріи, то должны будемъ вмѣстѣ съ позитивистами ограничиться однимъ сопоставленіемъ явленій, безъ уразумѣнія ихъ внутреннихъ отношеній.“ [650]) Авторъ біографическаго очерка, посвященнаго В. Н. Потапову, закончивши названнымъ выше произведеніемъ обзоръ философскихъ трудовъ его, подводитъ затѣмъ такой общій итогъ: „Конечно, нельзя не признать, что какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ своего рѣшенія разныхъ философскихъ вопросовъ В. Н. Потаповъ не открывалъ чего-либо совершенно новаго, дотолѣ неизвѣстнаго; но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ отнюдь не рабски слѣдуетъ кому бы то ни было изъ философовъ, а свободно и самостоятельно дѣйствуетъ въ области философскаго рѣшенія означенныхъ вопросовъ, которые были затронуты и такъ или иначе рѣшаемы кѣмъ-либо изъ нихъ.“ [651]) Вообще, это былъ, по характеристикѣ А. В. Горскаго, строгій мыслитель, умѣющій открывать слабыя стороны въ излагаемыхъ имъ системахъ философіи и тонкими замѣчаніями руководящій своихъ слушателей къ правильной ихъ оцѣнкѣ. [652]) Къ сожалѣнію, недуги очень мѣшали правильному развитію его дѣятельности, и онъ не имѣлъ, повидимому, большого вліянія на студентовъ. Одинъ „студентъ семидесятыхъ годовъ“ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:—„Другой философъ въ наше время [передъ этимъ рѣчь шла о В. Д. Кудрявцевѣ-Платоновѣ], В. Н. Потаповъ, читалъ исторію философіи. Былъ человѣкъ больной, полумертвый, задыхавшійся отъ астмы. Такъ сонливы, не выразительны были его чтенія, что слушатели ничего не могли вынести изъ нихъ полезнаго для науки. Посѣщали его лекціи два-три человѣка, по пред-

---

[650]) *Ibidem*, стр. 280.

[651]) *L. c.*

[652]) *У Троицы* и т. д. (прим. 157); сообщеніе П. Кантерева: *Рекомендаціи ректора академіи прот. А. В. Горскаго о наставникахъ академіи, представленныя ревизору, преосвященному Макарію, архіепископу Литовскому*, стр. 483—485;—стр. 484.

варительному уговору, изъ боязни, что можетъ не придти никто. Кто-то изъ шутниковъ-товарищей говорилъ, что въ теченіе полугода онъ только и вынесъ одну внятную фразу отъ Потапова, что «Діогенъ сидѣлъ въ бочкѣ».“ [653])

С. К. Смирновъ, сынъ священника, родился 5-го сентября 1818 г., въ Москвѣ. Его отецъ, при митрополитѣ Платонѣ, былъ преподавателемъ философіи въ Виѳанской семинаріи. Окончивъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1844 г., С. К. Смирновъ съ того-же года началъ свою службу при академіи; служба эта продолжалась 42 года. Сначала онъ преподавалъ русскую гражданскую исторію и греческій языкъ, а потомъ, сверхъ того, исторію раскола. Въ 1870 г., при введеніи новаго устава, онъ избралъ греческій языкъ съ его словесностью и читалъ этотъ предметъ до введенія устава 1884 г. Въ томъ-же 1870 г. онъ былъ избранъ инспекторомъ, а въ 1874 г.—помощникомъ ректора по церковно-практическому отдѣленію. Позднѣе, въ 1878 г., С. К. Смирновъ былъ назначенъ ректоромъ академіи, въ каковой должности и пробылъ 8 лѣтъ. Вмѣстѣ съ ректорствомъ онъ, въ соотвѣтствіи съ требованіемъ устава 1884 г., принялъ и священный санъ. Въ силу того-же устава, предписывавшаго ректору читать какой-либо богословскій предметъ, онъ взялъ св. писаніе Новаго Завѣта, но читалъ его всего 2 года. Въ 1886 г. С. К. Смирновъ вышелъ въ отставку. Скончался онъ въ Сергіевомъ посадѣ, 16-го февраля 1889 г., переступивши за 70 лѣтъ жизни. [654])

Научно-литературная дѣятельность С. К. Смирнова, продолжавшаяся 46 лѣтъ, отличается разнообразіемъ и разносторонностью. [655]) Между прочимъ, писалъ онъ и по философіи. Нѣкоторыя его произведенія удостоены премій со стороны Академіи наукъ, которая въ

---

[653]) *Краткія воспоминанія* и т. д. (прим. 641), стр. 184.—Къ В. Д. Кудрявцеву-Платонову В. Н. Потаповъ относился не очень сочувственно. Про своего сотоварища по спеціальности онъ выразился однажды такъ: „это — философъ, не читавшій ни одного философа.“ А когда его спросили, кого же онъ считаетъ философомъ въ Россіи, онъ указалъ на Р. И. Левитскаго (бывшаго недолго приватъ-доцентомъ по основному богословію и вскорѣ умершаго) и Михаила Ивановича Каринскаго. М. Д. Муретовъ (прим. 616), стр. 730.—Въ біографическихъ матеріалахъ, касающихся Соловьева, съ именемъ М. И. Каринскаго мы еще встрѣтимся.

[654]) *У Троицы* и т. д. (прим. 157); сообщеніе П. Каптерева: *Письма къ проф. и ректору Моск. Дух. Академіи С. К. Смирнову разныхъ лицъ*, стр. 590—635;—стр. 590—592.

[655]) Подробный обзоръ дѣятельности прот. С. К. Смирнова представленъ М. Д. Муретовымъ въ сборникѣ: *Памяти* и т. д. (прим. 633), стр. 139—274.

1874 г. избрала его въ члены-корреспонденты по отдѣленію русскаго языка и словесности. „Какъ видимъ, ученая дѣятельность Сергѣя Константиновича далеко выходила за рамки простого «прохожденія службы»: его знали, какъ ученаго, не только духовно-академическіе круги, но и большинство тогдашнихъ свѣтскихъ ученыхъ, не только историковъ и словесниковъ, но даже антропологовъ и натуралистовъ. Въ этомъ обстоятельствѣ всего болѣе убѣждаетъ переписка С. К., указывающая на весьма широкій кругъ его личнаго или литературнаго знакомства.“ [656]) Въ числѣ корреспондентовъ С. К. Смирнова состоялъ и С. М. Соловьевъ, относившійся къ нему съ большимъ сочувствіемъ и читавшій его произведенія „съ большимъ удовольствіемъ“. [657])

Современникъ Вл. С. Соловьева по академіи, архіепископъ Николай (Зіоровъ) отзывается о С. К. Смирновѣ такъ:—„Отъ о. ректора [А. В. Горскаго] я отправился [при вступленіи въ число студентовъ] къ инспектору академіи,—Сергѣю Константиновичу Смирнову. На видъ онъ былъ очень суровый, но только на видъ; а на самомъ дѣлѣ—это былъ благороднѣйшій и гуманнѣйшій человѣкъ, снисходившій къ слабостямъ и даже немощамъ студентовъ. Онъ все зналъ изъ студенческой жизни, но никогда не злоупотреблялъ своими знаніями. Впослѣдствіи, въ его домѣ, въ его семействѣ—я, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей, проводилъ очень пріятно время въ праздничные дни. Студенты иногда величали его Зевсомъ Олимпійскимъ. Преподавалъ онъ греческій языкъ.“ [658])

Объ архимандритѣ Михаилѣ (Лузинѣ), впослѣдствіи епископѣ Курскомъ и Бѣлгородскомъ, достаточно сказать нѣсколько словъ. Родился онъ въ 1830 г. Воспитанникъ Московской духовной академіи выпуска 1854 г., онъ въ интересующіе насъ годы читалъ св. писаніе Новаго Завѣта. „Онъ былъ прежде инспекторомъ академіи, но гр. Д. А. Толстой его не взлюбилъ за его взгляды на реформу духовно-учебную, и его, вмѣстѣ съ ректоромъ Кіевской духовной академіи, архим. Филаретомъ и предсѣдателемъ коммиссіи по этой реформѣ, архіепископомъ Димитріемъ Муретовымъ,—возвратилъ вспять, освободивъ и отъ званія инспектора академіи.“ [659]) Въ январѣ 1876 г. архиман-

---

[656]) *У Троицы* и т. д. (прим. 157), стр. 591 (см. прим. 654).

[657]) Сообщеніе П. Н. Каптерева: *Изъ архива С. К. Смирнова*; *Богословскій Вѣстникъ*, 1914 г., октябрь—ноябрь, стр. 424—472;—стр. 456.

[658]) Архіепископъ Николай (Зіоровъ) (прим. 626), стр. 4, 5.

[659]) *Ibidem*, стр. 7.

дритъ Михаилъ былъ назначенъ ректоромъ академіи, въ качествѣ преемника о. А. В. Горскаго, но оставался на этомъ посту недолго, около 2 лѣтъ. Въ 1883 г. Московская духовная академія избрала его въ свои почетные члены—„во уваженіе его плодотворной, продолжавшейся болѣе 25 лѣтъ, профессорской дѣятельности, соединявшейся съ ректорствомъ сначала въ Московской духовной академіи, а потомъ въ Кіевской, и во уваженіе его многихъ, весьма полезныхъ и отмѣченныхъ печатью выдающагося таланта, трудовъ по истолкованію Священнаго Писанія.“ [660]) Скончался епископъ Михаилъ 20-го марта 1887 г.

Ученый авторитетъ архимандрита Михаила нѣсколько пострадалъ отъ критики проф. П. И. Горскаго; тѣмъ не менѣе, это былъ усердный и полезный преподаватель, снискавшій себѣ большую извѣстность въ русской богословской наукѣ. Его внушенія: „Пересаживайте, пересаживайте западную науку—католическую и протестантскую—на почву русскаго православія“ [661])—не утратили значенія до сихъ поръ.

Не распространяясь далѣе о преподавательскомъ составѣ академіи, относящемся къ первой половинѣ 70-ыхъ годовъ, легко и на основаніи перечисленныхъ краткихъ данныхъ уяснить себѣ, почему академія представлялась Соловьеву въ болѣе сочувственномъ освѣщеніи, чѣмъ университетъ. Тѣ области знанія, которыя по-преимуществу занимали его, разрабатывались въ академіи и шире, и глубже, чѣмъ въ университетѣ, да притомъ и общая идеалистическая окраска академіи, не смотря на нѣкоторые недочеты въ постановкѣ тѣхъ или другихъ учебныхъ дѣлъ, должна была производить на него хорошее впечатлѣніе. [662]) Вотъ почему въ откровенной перепискѣ съ Е. В.

[660]) Н. В., *Почетные члены* и т. д. (прим. 623), стр. 876.

[661]) М. Д. Муретовъ (прим. 616), стр. 755.

[662]) Къ числу недочетовъ можно отнести, напр., слабое преподаваніе психологіи и недостаточно серьезное преподаваніе естественно-научной апологетики. А. П. Смирновъ, читавшій опытную психологію, имѣлъ репутацію человѣка даровитаго, но онъ страдалъ широко распространеннымъ русскимъ недугомъ, и пользы отъ его даровитости было мало. Д. Ѳ. Голубинскій, читавшій естественно-научную апологетику, отличался превосходными нравственными качествами, но физико-математическая ученость его стояла, повидимому, на уровнѣ не очень-то высокомъ. Студенты называли эту апологетику въ шутку „химическимъ богословіемъ“. Ср. *Краткія воспоминанія* и т. д. (прим. 641), стр. 184;—*Памяти* и т. д. (прим. 633), статья С. С. Глаголева: *Профессоръ Димитрій Ѳеодоровичъ Голубинскій*, стр. 111—138;—Архіепископъ Николай (Зіоровъ) (прим. 626), стр. 10, 11;—В. А. Соколовъ (прим. 603), стр. 269.—Слѣдуетъ, впрочемъ, оговориться, что значеніе Д. Ѳ. Голубинскаго для Соловьева подлежитъ еще дальнѣйшему обслѣдованію. Вотъ выдержка изъ письма

Романовой онъ и заявляетъ, что „академія, во всякомъ случаѣ, не представляетъ такой абсолютной пустоты, какъ университетъ.“ [663]) Было бы, конечно, справедливѣе, еслибы какъ про университетъ, такъ и про академію Соловьевъ выразился въ болѣе положительномъ смыслѣ; но тутъ уже приходится считаться съ размахомъ молодыхъ силъ и— неопытности. Недаромъ въ августѣ 1873 г. онъ писалъ, какъ уже упоминалось выше, той-же Е. В. Романовой: „.....въ смѣлости и самоувѣренности недостатка не чувствую.“ [664])

Славянофильская тенденція, воспринятая Вл. С. Соловьевымъ въ періодъ разрѣшенія его юношескаго кризиса, получила, какъ намъ думается, одну изъ первыхъ поправокъ въ воздѣйствіяхъ, исходившихъ отъ его отца, С. М. Соловьева. Общеніе съ Московской духовной академіей должно было привнести въ образъ мыслей нашего философа и нѣкоторыя дальнѣйшія поправки, хотя-бы на первыхъ порахъ это вполнѣ ясно имъ и не сознавалось.

Руководствуясь поучительными историко-біографическими сопоставленіями Ѳ. К. Андреева, [665]) изучавшаго взаимныя отношенія дѣятелей академіи и славянофиловъ, мы въ-правѣ утверждать, что, при всемъ сочувствіи академіи къ основнымъ религіознымъ устремленіямъ

о. П. А. Флоренскаго на наше имя отъ 2-го марта 1916 г.:—„..... считаю нужнымъ отмѣтить одинъ интересный, думается, пунктъ, могущій пролить свѣтъ на генезисъ философіи Вл. Соловьева. Вл. С. былъ близокъ съ Дм. Ѳ. Голубинскимъ, сыномъ знаменитаго протоіерея-философа Ѳ. А. Голубинскаго. Послѣдній же, какъ выясняется, глубоко выносилъ въ себѣ идею *Софіи* (см. въ *Богословскомъ Вѣстникѣ*, 1915 г., октябрь-ноябрь-декабрь, статью свящ. А. М. Бѣлорукова: *Внутренній переломъ въ жизни А. М. Бухарева (архимандрита Ѳеодора)*, стр. 785—867), которая перешла отъ него къ Бухареву. Дм. Ѳ. Голубинскій, чтитель памяти и идейныхъ завѣтовъ отца своего, вѣроятно, сообщилъ ее и Соловьеву. Нужно думать, что именно изъ академіи, повидимому, вынесъ эту идею Соловьевъ, такъ-какъ послѣ академіи онъ спеціально посвящаетъ себя поискамъ литературы въ этомъ направленіи (путешествіе за-границу). Мнѣ представляется, что Соловьевъ поступилъ въ академію просто для занятій богословіемъ и исторіей церкви, но потомъ, набредя тутъ на предустановленную въ его душѣ идею Софіи, бросилъ и академію, и богословіе вообще и занялся спеціально Софіей. Это, конечно, моя догадка. Но весьма интересно было бы провѣрить ее. Еслибы она подтвердилась, то тогда вышло бы, что Соловьевъ нашелъ себя именно въ Московской академіи.—Очень важно было бы узнать объ отношеніяхъ Соловьева къ Дм. Ѳ. Голубинскому. Въ академіи имѣется еще не разсмотрѣнный *Дневникъ* послѣдняго, и очень можетъ быть, что тамъ говорится о Соловьевѣ.“

[663]) См. выше, прим. 621-ое.

[664]) См. выше, прим. 359-ое.

[665]) Ѳ. К. Андреевъ, *Московская духовная академія и славянофилы*; *Богословскій Вѣстникъ*, 1915 г., октябрь-ноябрь-декабрь, стр. 563—644.

славянофильства, полнаго признанія славянофильскаго ученія со стороны академіи все-таки не было. Какъ справедливо указываетъ Ѳ. К. Андреевъ, говоря о мнѣніяхъ основоположника славянофильства А. С. Хомякова, „полнаго пріятія“ этихъ мнѣній „нѣтъ и сейчасъ“. Онъ поясняетъ, впрочемъ, что „его и не должно быть по существу“. Дѣло въ томъ, что „взгляды Хомякова, не смотря на всю ихъ глубину, нѣсколько односторонни: академія должна охранять то, что у послѣдняго не получило достаточнаго признанія. Есть церковь невидимая, но есть и видимая; есть народъ, но есть и клиръ; ни одна изъ соотносящихся между собою сторонъ не должна быть возвышаема въ ущербъ другой. Это не значитъ, что нужно вѣчно враждовать, но это напоминаетъ о необходимости постояннаго духовнаго бодрствованія. Хомяковъ и академія—это два безсмѣнныхъ стража у церковныхъ вратъ.“ [666]) Да и не только по вопросу о значеніи клира могла академія расходиться съ славянофильствомъ. А. В. Горскій, какъ разсказываетъ П. С. Казанскій, выражался про славянофиловъ Хомяковскаго типа вообще въ томъ смыслѣ, что „ихъ православіе не то, какъ мы его знаемъ и понимаемъ“... [667])

Считаемъ нелишнимъ остановиться и на нѣкоторыхъ данныхъ, характеризующихъ студентовъ академіи и ихъ бытъ, въ поясненіе приведенныхъ выше словъ Соловьева объ его новыхъ школьныхъ сотоварищахъ. Вотъ, въ замѣнъ общихъ разсужденій, отрывокъ изъ воспоминаній М. Д. Муретова, вступившаго подъ кровъ академіи одновременно съ Соловьевымъ.—Прибывъ въ Сергіевъ посадъ въ половинѣ августа 1873 г. съ однимъ изъ вечернихъ поѣздовъ, авторъ остановился временно въ номерѣ новой лаврской гостиницы. Надо было сейчасъ-же идти къ о. ректору А. В. Горскому, „папашѣ“. „Уже вечерѣло. Двери ректорской квартиры отворилъ и сдѣлалъ докладъ молодой изящный и высокій брюнетъ, въ чистой черной суконной парѣ и бѣлой крахмальной сорочкѣ,—служитель Николай..... Низкая и темноватая, съ плоскими тяжелыми сводами и старинными рисунками и барельефами, обширная и сараевидная, почти безъ мебели и цвѣтовъ, ректорская пріемная, какъ и вся квартира, такъ назыв. «чертоги»,—произвела на меня впечатлѣніе не уютнаго жилья, а строго-серьезной, даже хмурой, подвижнической обители, лишь временно пріютившей у себя какого-нибудь странника и пришельца міра сего.—Такимъ

---

[666]) *Ibidem*, стр. 603.
[667]) *Ibidem*, стр. 595.

на первый разъ показался и обитатель этого «чертога». Изъ-за тяжелой темно-краснаго цвѣта портьеры, отдѣлявшей гостиную отъ пріемнаго зала, появился и медленно, безъ звука, тяжелою поступью по узкому ковру-дорожкѣ шелъ, вѣрнѣе—шествовалъ преземистый, широкоплечій, нѣсколько грузноватый старецъ сѣдовласый, въ шелковой блестящей темно-малиноваго цвѣта рясѣ, съ бѣлою орденскою звѣздою на груди..... Но особенно сильное впечатлѣніе на меня произвели большіе, сѣрые, широко раскрытые глаза, устремленные нѣсколько вверхъ, куда-то вдаль, отъ земли къ небу, или какъ-бы мимо земныхъ предметовъ въ міръ потусторонній,—вообще взоръ какой-то внутренній, изъ глубины духа смотрящій и въ то-же время самососредоточенный, не блуждающій, но какъ-бы остановившійся на чемъ-то одномъ, твердомъ и неподвижномъ..... Величественный образъ святого отца невольно возникъ во мнѣ во время медленнаго и торжественнаго шествія этого маститаго старца, какою-то особенною красотою сіялъ ликъ его, и въ мрачной пріемной какъ-будто стало свѣтлѣе и привѣтливѣе. Потомъ, при благословеніи и первомъ близкомъ взглядѣ на старца, явилось чувство ученическаго благоговѣнія къ великому учителю, соединенное съ дѣтскою довѣрчивостью и сыновнимъ дерзновеніемъ къ «папашѣ».—Эти святыя минуты оставили во мнѣ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе. Доселѣ я радостно и благоговѣйно переживаю ихъ съ неослабною силою. Доселѣ, вмѣстѣ съ впечатлѣніями дѣтства, онѣ составляютъ для меня предметъ самыхъ пріятныхъ сновидѣній. Благодарю Бога, благоволившаго мнѣ испытать эти святыя чувства!“—Послѣ вступительныхъ экзаменовъ—„30 чел. принято на полное казенное содержаніе, 1—условно, 8—на свое иждивеніе, а 6 отказано въ пріемѣ. Потомъ, независимо отъ общаго экзамена, были присоединены черногорецъ и грузинъ и вольнослушатели: Вл. Соловьевъ, извѣстный потомъ философъ, еврей Зюсьманъ и два студента семинарій.....—Студенческая жизнь собственно началась такъ называвшеюся «генеральною», т. е. выпивкою..... Отъ всякаго новичка требовалась извѣстная сумма, рубля два-три,—если не было наличныхъ, брали у эконома въ счетъ будущихъ. На эти деньги распорядители..... закупили разныхъ винъ, закусокъ, чая и сахара, печеній, конфектъ, фруктовъ—всего въ изобиліи..... Собрались всѣ студенты—всѣхъ курсовъ. Знакомились съ новичками, особенно земляки..... Пили, закусывали, разговаривали, потомъ стали произносить рѣчи, но всего болѣе пѣли шумно и нестройно, нѣкоторые даже дикими голосами и благимъ матомъ..... Выпивать обязательно, даже

насильственно заставляли всѣхъ. Кто не могъ крѣпкихъ напитковъ: водки, рома и коньяку, тѣхъ принуждали пить легкія вина: кагоръ, хересъ, тенерифъ и такъ называвшееся бѣлое,—и заставляли быть виночерпіями при столахъ.—Начальство знало объ этой выпивкѣ и терпѣло ее, по исконной традиціи. Вооружился противъ нея и даже на нѣкоторое время уничтожилъ ее первый П. И. Горскій, если не ошибаюсь, въ 1889 г., а можетъ-быть, и ранѣе,—смѣло явившись въ столовую, онъ палкою перебилъ уже стоявшія на столахъ бутылки. Потомъ она на нѣкоторое время была возстановлена. Когда и кѣмъ уничтожена совсѣмъ, этого не знаю пока.—Впрочемъ, упившихся до положенія ризъ, кажется, было весьма мало. Со старшихъ курсовъ я не знаю никого, можетъ-быть, слѣдствія выпивки проявлялись послѣ въ ихнихъ номерахъ и спальняхъ,—а изъ новичковъ я помню только двухъ-трехъ." [668])—А вотъ еще нѣсколько строкъ изъ воспоминаній архіепископа Николая (Зіорова):—„Товарищи были хорошіе, добрые ребята. Мы жили дружно, согласно; раздѣленій и вражды не было..... Образъ жизни студентовъ хотя и регулировался особыми правилами, но ихъ никто не зналъ: жили свободно, по собственному усмотрѣнію..... И ложились спать, и вставали, когда кто находилъ для себя удобнымъ; поэтому, одни до глубокой ночи засиживались за работой, а другіе, наоборотъ,—уходя рано спать, и вставали чуть не до свѣту, особенно зимой..... Религіозная жизнь студентовъ,—безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ и примѣромъ о. ректора главнымъ образомъ,—складывалась прекрасно..... Я не знаю ни одного случая, когда бы кто изъ студентовъ дозволилъ себѣ что-нибудь антицерковное, оскорбительное для вѣры и благочестія христіанскаго..... Лавра съ своимъ чуднымъ устроеніемъ, съ своею уставностью, съ благолѣпіемъ службъ церковныхъ, съ дивнымъ пѣніемъ—довершала мое духовное воспитаніе въ академіи." [669])

Весною 1874 г. начались хлопоты объ оставленіи Соловьева при Московскомъ университетѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, около того-же времени произошло и обратное переселеніе его въ Москву, въ родительскую семью. Впрочемъ, онъ и раньше не сидѣлъ безвыѣздно въ Сергіевомъ посадѣ, какъ это явствуетъ, между прочимъ, изъ письма его на имя Е. В. Романовой отъ 23-го сентября 1873 г., адресованнаго въ Петербургъ изъ Москвы. [670]) О поѣздкѣ въ Москву

[668]) М. Д. Муретовъ (прим. 644), стр. 649, 650, 663, 665—667.
[669]) Архіепископъ Николай (Зіоровъ) (прим. 626), стр. 12, 15—17, 19.
[670]) *Л.*, III, 101, 102.

„на одинъ день“ есть указаніе также въ письмѣ на имя того-же лица отъ 15-го сентября изъ Сергіева посада. [671])

Обсуждая вопросъ о томъ, откуда могла бы у насъ явиться реакція противъ матеріализма и позитивизма, стремившихся въ началѣ второй половины прошлаго вѣка всецѣло овладѣть нашимъ общественнымъ сознаніемъ, А. Никольскій высказываетъ такія соображенія:—„Реакція матеріализму и позитивизму могла выйти, прежде всего, изъ той среды, гдѣ уже по традиціи хранились сѣмена идеализма—изъ среды русской академической философіи..... Въ противоположность университетской философіи, гдѣ въ виду постоянныхъ колебаній въ положеніи философскихъ каѳедръ и постоянной погони профессоровъ за «новыми словами» не могло установиться никакихъ прочныхъ традицій, академическая философія отличалась строго-устойчивымъ, опредѣленнымъ направленіемъ. Здѣсь, въ духовныхъ академіяхъ, въ виду того, что философія преподавалась безпрерывно въ продолженіе цѣлаго столѣтія (для Московской и Кіевской академій болѣе, чѣмъ даже двухъ столѣтій), могли образоваться прочныя философскія традиціи;—господствующимъ здѣсь, тянущимся безпрерывною нитью, направленіемъ былъ идеализмъ. Разумѣется, оттѣнки его видоизмѣнялись..... [672]) Изъ среды представителей этой идеалистической философіи и выходили у насъ—первые бойцы на философское поле, когда это поле покрывалось сорными травами..... Въ лицѣ Юркевича, выступившаго съ уничтожающей критикой матеріализма Чернышевскаго, можно видѣть примѣръ одного такого, глубоко подготовленнаго и сильнаго бойца. Въ лицѣ преосв. Никанора, выступившаго на философское поприще почти одновременно съ Соловьевымъ, можно видѣть примѣръ другого, также глубоко подготовленнаго, сильнаго и талантливаго бойца, противъ второго отрицательнаго направленія — позитивизма. Итакъ, традиціонный идеализмъ академической философіи былъ первымъ источникомъ, откуда могла вытекать реакція позитивизму.“ На второмъ мѣстѣ авторъ ставитъ славянофильское ученіе. Третьимъ источникомъ реакціи являлась сама иностранная философія, какъ древняя—греческая, такъ и новая—западно-европейская. „Изъ синтеза этихъ трехъ источниковъ реакціи позитивизму, съ преимущественнымъ

---

[671]) *П.*, III, 99. См. также письмо за № 28; *П.*, III, 105, 106.

[672]) „Философія въ духовныхъ академіяхъ“, по замѣчанію Э. Л. Радлова, „имѣла видныхъ представителей, но только въ Москвѣ создала нѣкотораго рода философскую школу. Въ Петербургской духовной академіи представители философіи шли по различнымъ путямъ.....“ Э. Л. Радловъ, *Очеркъ исторіи* и т. д. (прим. 377), стр. 248.

вліяніемъ второго и третьяго, но не безъ воздѣйствія перваго, и вышелъ сильнѣйшій противникъ позитивизма—и самый знаменитый русскій мыслитель второй половины XIX-го столѣтія—Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ." [673]) Слова эти представляются намъ въ общемъ весьма близкими къ истинѣ. А. Никольскій не преувеличиваетъ значенія академической философіи въ дѣлѣ духовнаго развитія Соловьева, но и не пренебрегаетъ этимъ значеніемъ.

Въ Сергіевомъ посадѣ, съ которымъ Соловьевъ не порывалъ связи и въ позднѣйшіе годы, было, можно сказать, лишь окончательно закалено то орудіе, съ которымъ выступилъ нашъ даровитый мыслитель на поприще общественной дѣятельности. И если впослѣдствіи его способы пользованія этимъ орудіемъ далеко не всегда удовлетворяли нашу духовно-академическую среду, все-же едва-ли найдется у насъ за послѣднюю четверть прошлаго вѣка другой свѣтскій дѣятель, который былъ бы внутренно родственнѣе этой средѣ, чѣмъ Соловьевъ, — не смотря даже на нѣкоторыя его увлеченія и крайности... [674])

---

[673]) Александръ Никольскій, *Русскій Оригенъ XIX-го вѣка Вл. С. Соловьевъ; Вѣра и Разумъ*, 1902 г., № 10 (май, кн. 2), отд. филос., стр. 407—425;—стр. 414—416. Здѣсь-же авторъ указываетъ на то значеніе, которое могли имѣть для Соловьева лекціи П. Д. Юркевича въ университетѣ и В. Д. Кудрявцева-Платонова въ академіи, этихъ „двухъ лучшихъ представителей академической философіи". *L. c.*, стр. 417.— Дальнѣйшія главы труда А. Никольскаго см. въ № 11 (стр. 443 — 462), № 12 (стр. 495—530), № 13 (стр. 1—32), № 14 (стр. 33—54), № 15 (стр. 73—111), № 16 (стр. 121—154), № 17 (стр. 155—186), № 18 (стр. 195—224), № 19 (стр. 251—290), № 23 (стр. 407—441) и № 24 (стр. 453—485).

[674]) Сверхъ печатныхъ источниковъ, отмѣченныхъ въ своемъ мѣстѣ, при составленіи главы десятой были использованы нами частныя сообщенія архіепископа Николая (Зіорова), епископа Ѳеодора (Поздѣевскаго), о. П. А. Флоренскаго, М. Д. Муретова и Н. И. Карѣева.

XI.—Оставленіе при университетѣ.

18-го марта 1874 г., еще до окончанія $18^{73}/_{74}$-го учебнаго года, „ординарный профессоръ Памфилъ Юркевичъ“ вошелъ въ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета съ „предложеніемъ“ (sic!) нижеслѣдующаго содержанія:—„Долгомъ считаю обратить вниманіе факультета на молодого ученаго, кандидата историко-филологическаго факультета Владиміра *Соловьева*, оказавшаго и оказывающаго столь быстрые и основательные успѣхи въ изученіи философіи, что какъ интересы науки, такъ и справедливость одинаково побуждаютъ меня ходатайствовать передъ факультетомъ о принятіи надлежащихъ мѣръ къ пріобрѣтенію кандидата Соловьева для Московскаго университета.—Владиміръ Соловьевъ помѣстилъ въ *Православномъ Обозрѣніи* за истекшій и текущій годъ три статьи философскаго содержанія. Первая изъ нихъ носитъ заглавіе: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*. Двѣ же другія статьи озаглавлены: *Кризисъ западной философіи, по поводу «философіи безсознательнаго» Гартманна*. Продолженіе этихъ двухъ статей сочинитель обѣщаетъ, потому-что предметъ ихъ еще не исчерпанъ вполнѣ. Первая статья о миѳологическомъ процессѣ относится къ философіи исторіи и представляетъ очень зрѣлую въ философскомъ отношеніи попытку опредѣлить и изъяснить общія начала и общіе законы развитія миѳологическаго процесса, хотя зыбкость самихъ фактовъ и пробѣлы историческихъ изслѣдованій представляютъ для философскихъ работъ въ этой области затрудненія во многихъ отношеніяхъ непреодолимыя. Задачей же статей о кризисѣ западной философіи поставилъ сочинитель изъяснить пока появленіе необыкновенной въ своемъ родѣ и пользующейся чрезвычайною популярностью философской системы Гартманна. Въ изслѣдованіяхъ по этому предмету сочинитель обнаруживаетъ обширное и основательное знакомство съ самыми глубокими системами философіи западной и, что особенно важно, обнару-

живаетъ талантъ совершенно яснаго и отчетливаго пониманія тѣхъ высшихъ и общихъ началъ, которыя кроются въ основаніяхъ поименованныхъ системъ.—Къ этому указанію на отпечатанныя философскія статьи присовокупляю указаніе на одну философскую работу, которую исполнилъ Владиміръ Соловьевъ и которую вполнѣ онъ приготовилъ уже для печати. Именно онъ перевелъ на русскій языкъ замѣчательное сочиненіе Канта: *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik*, занимающее въ изданіи Розенкранца 166 страницъ и служащее какъ-бы ключемъ къ правильному пониманію главнаго сочиненія Канта: *Критика чистаго разума*. Переводъ этотъ снабдилъ г. Соловьевъ примѣчаніями, относящимися къ общей методикѣ науки. Эту философскую работу я нахожу, съ своей стороны, самымъ вѣскимъ доказательствомъ блестящей, а по соображенію времени рѣдкой подготовки Соловьева къ изученію философіи и къ занятію философіей. Такъ-какъ магистерскій экзаменъ, который наши молодые ученые должны вообще сдавать передъ отправленіемъ ихъ за-границу, имѣетъ значеніе,—судя по одной изъ прежнихъ министерскихъ бумагъ, къ сему предмету относящихся,—пробы, или испытанія въ томъ, что молодой ученый достаточно подготовленъ къ слушанію лекцій и къ изученію избраннаго имъ предмета въ заграничныхъ университетахъ, и такъ-какъ въ настоящемъ случаѣ факультетъ имѣетъ въ указанныхъ мною философскихъ работахъ Соловьева доказательство его подготовки къ продолженію изученія философіи заграницей очевидное, несомнѣнное, такое, которое едва-ли бы было усилено сдачей магистерскаго экзамена,—для котораго, къ сожалѣнію, не насталъ еще срокъ, назначаемый уставомъ отъ времени экзамена кандидатскаго,—то я находилъ бы совершенно справедливымъ и сообразнымъ съ интересами занимаемой мною философской каѳедры покорнѣйше просить факультетъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ о неотложной командировкѣ кандидата Владиміра Соловьева за-границу для приготовленія его въ преподавателя философіи въ Московскомъ университетѣ.—Въ случаѣ же эта мѣра, на справедливость и полезность которой я долгомъ считаю еще разъ указать, встрѣтитъ препятствіе, то покорнѣйше прошу историко-филологическій факультетъ ходатайствовать въ Совѣтѣ университета объ оставленіи Владиміра Соловьева при университетѣ для этой-же самой цѣли, причемъ, какъ сообщилъ мнѣ лично Соловьевъ, назначеніе ему обыкновенной кандидатской стипендіи не составляетъ необходимости.—Повторяя объ этомъ мою усерднѣйшую просьбу историко-филологическому факуль-

тету, долгомъ считаю присовокупить, что въ приготовляющемся къ магистерскому экзамену кандидатѣ Сперанскомъ и въ предлагаемомъ нынѣ кандидатѣ Соловьевѣ я надѣюсь пріобрѣсти для факультета преподавателей философіи, которые послужатъ къ чести университета, къ пользѣ учащагося юношества и къ преуспѣянію науки." [675])

Факультетъ внялъ дважды покорнѣйшей и усерднѣйшей просьбѣ П. Д. Юркевича, и соотвѣтствующее „донесеніе" этой коллегіи, воспроизводящее разумѣемое здѣсь „предложеніе", было заслушано въ ближайшемъ засѣданіи совѣта, 22-го марта 1874 г. Въ концѣ своего „донесенія" факультетъ выражается такъ:—„Историко-филологическій факультетъ, раздѣляя вполнѣ вышеизложенное мнѣніе г. ординарнаго профессора Юркевича и принимая во вниманіе: во-первыхъ, что отправленіе кандидата Соловьева за-границу, согласно распоряженію господина Министра народнаго просвѣщенія, не возможно до выдержанія имъ, Соловьевымъ, испытанія на степень магистра, а узаконенный срокъ такового не насталъ; и во-вторыхъ, что свободной стипендіи для лицъ, оставляемыхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, въ настоящее время пока не имѣется, имѣетъ честь ходатайствовать передъ Совѣтомъ университета, съ представленіемъ у сего вышеозначеннаго подлиннаго предложенія О. П. [т. е. орд. проф.] Юркевича, объ оставленіи кандидата Соловьева при университетѣ для приготовленія къ должности преподавателя по предмету философіи безъ выдачи ему казенной стипендіи впредь до ея освобожденія." „Донесеніе" подписано деканомъ Н. А. Поповымъ и секретаремъ Г. А. Ивановымъ и снабжено помѣткою: „22 марта. № 576." Сообразно съ заключительными словами „донесенія", въ ст. 36-ой журнала совѣта отъ 22-го марта 1874 г. мы читаемъ:—„Опредѣлено: въ будущемъ засѣданіи баллотировать кандидата Владиміра Соловьева на оставленіе при университетѣ на два года безъ содержанія, до открытія казенной стипендіи, для приготовленіи къ профессорскому званію по каѳедрѣ философіи." [676]) Изъ сохранившейся при „дѣлѣ" баллотировочной вѣдомости, относящейся къ ст. 28-ой журнала отъ 13-го апрѣля, усматривается, что „избирательныхъ балловъ" Владиміръ Соловьевъ получилъ при баллотировкѣ 29, а „неизбирательныхъ"—0. [677]) Вопросъ

[675]) Изъ „дѣла" 1874 г. за № 93; сообщено намъ С. И. Соболевскимъ.

[676]) Изъ „дѣла" за № 93 (см. прим. 675).

[677]) Среди подписавшихся подъ баллотировочною вѣдомостью подписи С. М. Соловьева не оказывается. Первая подпись принадлежитъ проректору, проф. Д. Е. Мину,

былъ разрѣшенъ, слѣдовательно, въ самомъ лестномъ для баллотирующагося смыслѣ. Оставленнымъ при университетѣ Соловьевъ зачисленъ „со дня его избранія," т. е. съ 13-го апрѣля 1874 г.

Черезъ 7 недѣль съ небольшимъ, Вл. С. Соловьеву было выдано отъ Московскаго университета, 3-го іюня 1874 г., свидѣтельство за № 712, „вслѣдствіе его прошенія, для представленія въ присутствіе по воинской повинности, въ томъ, что онъ..... оставленъ при университетѣ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ философіи." [678]) Было въ это время Соловьеву 21 годъ и 4½ мѣсяца съ небольшимъ.

Представленныя выше документальныя данныя, извлеченныя изъ университетскаго архива, нуждаются въ различныхъ поясненіяхъ, которыя мы и перечислимъ здѣсь въ томъ порядкѣ, въ какомъ вызывающіе эти поясненія вопросы возникаютъ въ нашихъ архивныхъ матеріалахъ.—Въ своихъ двухъ краткихъ автобіографіяхъ объ оставленіи при университетѣ Соловьевъ вовсе не упоминаетъ.

Въ извѣстномъ уже намъ „предложеніи" отъ 18-го марта 1874 г. П. Д. Юркевичъ заявляетъ, что въ 1873 г. и за первые 2½ мѣсяца 1874 г. Соловьевымъ были опубликованы въ *Православномъ Обозрѣніи* три статьи философскаго содержанія. Что-же представляютъ собою эти статьи?

Первая изъ подразумѣваемыхъ здѣсь статей, озаглавленная: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*, помѣщена въ ноябрской книжкѣ (т. е. № 11) *Православнаго Обозрѣнія* за 1873 г. Статья эта, занимающая въ журналѣ около 2 печатныхъ листовъ (стр. 635—665), снабжена отъ редакціи особымъ подстрочнымъ примѣчаніемъ, въ концѣ котораго содержатся такія строки:—„Въ настоящемъ случаѣ мы предлагаемъ вниманію читателей *Православнаго Обозрѣнія* опытъ молодого ученаго, посвященный разъясненію того смысла, какой имѣла миѳологія въ древнемъ язычествѣ, какъ въ ея происхожденіи, такъ и послѣдовательномъ развитіи. Мы печатаемъ статью г. Соловьева тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что—насколько намъ самимъ пришлось ознакомиться съ предметомъ, котораго касается его изслѣдованіе,—мы можемъ сказать, что основныя воззрѣнія статьи даютъ

который, повидимому, и предсѣдательствовалъ въ этомъ засѣданіи (или въ этой части этого засѣданія) совѣта. С. М. Соловьевъ могъ отсутствовать, конечно, умышленно.—Баллотировочная вѣдомость содержится точно также въ „дѣлѣ" за № 93 (см. прим. 675).

[678]) Изъ „дѣла" за № 93 (см. прим. 675).

самостоятельную постановку дѣлу, вѣрную требованіямъ научнымъ и не безъинтересную въ смыслѣ богословскомъ.“ [679]) Повидимому, эту статью имѣлъ въ виду Соловьевъ, когда въ письмѣ изъ Москвы отъ 23-го сентября 1873 г. на имя Е. В. Романовой обѣщалъ своей кузинѣ прислать („можетъ-быть“) вмѣстѣ съ своей карточкою „и еще нѣчто—«маленькое начало моего начала», по выраженію моего брата Всеволода.“ [680]) Это есть, дѣйствительно, первый печатный трудъ Соловьева. [681]) Правда, первоначальный замыселъ автора былъ шире—онъ намѣревался написать *Исторію религіознаго сознанія въ древнемъ мірѣ* и смотрѣлъ на *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ* лишь какъ на „начало“ этого труда. [682]) Обстоятельства не позволили ему, однако-же, осуществить этотъ планъ: съ одной стороны, онъ увлекся новой темою—кризисомъ западной философіи, а съ другой—онъ чувствовалъ, вѣроятно, и нѣкоторую слабость своей подготовки по части богословскихъ наукъ, которыми въ университетѣ онъ не могъ заниматься пристально. [683])

Включать въ настоящій нашъ трудъ исчерпывающій обзоръ содержанія всѣхъ произведеній Вл. С. Соловьева и всестороннюю критическую ихъ оцѣнку представляется намъ нецѣлесообразнымъ, такъ-какъ задача наша сводится къ подбору и сопоставленію матеріаловъ біо-

---

[679]) *L. c.*, стр. 635.

[680]) *П.*, III, 102.

[681]) Ср., впрочемъ, выше, прим. 194-ое.

[682]) См. въ главѣ десятой текстъ, относящійся къ прим. 620-му.

[683]) Въ этомъ отношеніи любопытна судьба небольшого разсужденія по-преимуществу богословскаго характера, подъ заглавіемъ: *Жизненный смыслъ христіанства* и т. д. (см. выше, прим. 194), съ опубликованіемъ котораго Соловьевъ порядочно промедлилъ.—Нельзя, впрочемъ, не оговориться, что исторія написанія этой статьи остается еще темной; возможно, что никакого промедленія, въ сущности, не было. При первоначальномъ опубликованіи въ 1883 г. въ *Православномъ Обозрѣніи* статья эта занимала 15 стр., въ составѣ же *Духовныхъ* [или: *Религіозныхъ*] *основъ жизни*, первое изданіе коихъ относится къ 1884 г., она увеличилась почти вдвое. Подъ статьей въ журналѣ имѣется помѣтка: „16 января 1872 года.“ Но не вкралась-ли тутъ описка или опечатка? Возможно, что вмѣсто: „1872 года“ слѣдуетъ просто читать: „1882 года.“ Извѣстно, что содержаніемъ статьи Соловьевъ воспользовался для лекціи, прочитанной въ Петербургскомъ университетѣ 25-го февраля 1882 г. (см. *Соч.*, III, 319, прим. М. С. Соловьева). Конечно, мало вѣроятно, чтобы для лекціи онъ взялъ набросокъ, заготовленный десять лѣтъ тому назадъ. Притомъ какъ по содержанію, такъ и по манерѣ изложенія названная статья отличается довольно замѣтно отъ такого, дѣйствительно, ранняго произведенія Соловьева, какъ *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*,—отличается именно въ смыслѣ большей авторской зрѣлости.

графическихъ, а не къ опредѣленію мѣста и значенія Соловьева въ исторіи философіи. Мы стремимся воспроизвести возможно точнымъ образомъ фактическія данныя, обрисовывающія жизненное поприще нашего философа и ту обстановку, въ которой приходилось ему работать, въ надеждѣ, что такимъ путемъ намъ удастся намѣтить основныя черты его личности и подготовить установленіе объективныхъ соотношеній между біографіей занимающаго насъ дѣятеля и продуктами его дѣятельности. Вслѣдствіе этого мы и ограничиваемся въ подлежащихъ случаяхъ лишь самыми краткими справками, отсылая за подробностями къ изслѣдованіямъ иного рода, задающимся иными цѣлями.

Въ статьѣ: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ* Соловьевъ старается „указать общій ходъ древняго религіознаго развитія въ главныхъ его моментахъ“. [684]) При этомъ онъ опирается до извѣстной степени на воззрѣнія Шеллинга и Хомякова, а также принимаетъ въ соображеніе изслѣдованія Макса Мюллера, Адальберта Куна, Бенфея, Карла Риттера, П. М. Леонтьева, Крейцера, Бунзена и др. Свои общія заключенія Соловьевъ формулируетъ такъ:— „1. *Древнѣйшее извѣстное намъ состояніе религіознаго сознанія въ язычествѣ съ безусловною необходимостью предполагаетъ предшествующій ему первобытный моноѳеизмъ.* Мнимое первоначальное многобожіе столь-же противорѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ, сколь и немыслимо логически. [685])—2. *Когда*, по причинѣ, дѣйствительность которой явствуетъ изъ ея послѣдствій, но которая сама лежитъ за предѣлами эмпирическаго сознанія, *первобытный чистый моноѳеизмъ сталъ невозможнымъ для человѣка и явилась необходимость внѣшняго проявленія духовнаго единаго божества, то эта необходимость поставила рядомъ съ нимъ независимое отъ него* (для даннаго религіознаго сознанія) *матеріальное начало природы въ образѣ женскаго божества, обусловивъ этимъ многобожіе и весь миѳологическій процессъ*, состоящій въ постепенномъ взаимномъ опредѣленіи указанныхъ двухъ началъ, все болѣе и болѣе другъ друга проникающихъ, вслѣдствіе

684) *Соч.*, I, 5.

685) Сдѣлаемъ здѣсь небольшое сопоставленіе съ В. Д. Кудрявцевымъ, который въ статьѣ своей: *О единобожіи, какъ первоначальномъ видѣ религіи рода человѣческаго*, высказывался еще въ 1857 г. въ томъ смыслѣ, что „исторія языческихъ религій даетъ подтверждающее свидѣтельство ученію священнаго писанія о первобытномъ совершенствѣ вѣры и о единствѣ Божіемъ, какъ основномъ догматѣ первоначальной, общей всему человѣчеству религіи, и о постепенномъ упадкѣ ея у языческихъ народовъ.“ Ср. Я. Н. Колубовскаго (прим. 638), стр. 21.

чего является послѣдовательный рядъ конкретныхъ формъ, въ которыхъ духовный богъ относительно овеществляется, матеріализуется, женское же матеріальное начало относительно одухотворяется, пока, наконецъ, въ обожествленной органической жизни земли оба начала совершенно сливаются, завершая миѳологическій процессъ образомъ фаллическаго бога. [686]) — 3. Самый ходъ миѳологическаго процесса выразился въ слѣдующихъ трехъ главныхъ моментахъ: a) *духовное божество, уже опредѣленное матеріальнымъ началомъ, еще сохраняетъ свое преобладаніе и единство*, не смотря на множественность формъ, въ которыхъ проявляется: боги небесные — *періодъ уранический*; b) *духовное божество подчиняется закону внѣшняго проявленія, становится страдательнымъ*: солнечный богъ или полубогъ; героическій посредникъ между небомъ и землей — *періодъ солярный*; c) *духовный богъ вполнѣ сливается съ матеріальною природой*, совершенно нисходитъ на землю, *исключительно проявляясь въ органической земной жизни — періодъ фаллическій.*“ Формулировкѣ этихъ общихъ заключеній Соловьевъ предпосылаетъ замѣчаніе, что „настоящій очеркъ представляетъ лишь весьма неполное изложеніе миѳологическаго процесса“, а всю статью онъ заканчиваетъ такими словами:—„Этимъ миѳологическимъ развитіемъ далеко не исчерпывается вся религіозная жизнь язычества. Ибо съ древнѣйшихъ временъ, въ особенности же послѣ окончанія указаннаго процесса, стали появляться самостоятельныя ученія съ характеромъ религіозно-философскимъ или умозрительнымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ составляли исключительную принадлежность жреческихъ кастъ, какъ въ Индіи, Халдеѣ, Египтѣ, — другія принадлежали посвященнымъ изъ всего народа, какъ ученія греческихъ мистерій,—третьи проповѣдывались открыто, какъ религія Зороастра, и, наконецъ, одно изъ этихъ ученій, именно буддизмъ, распространилось почти на цѣлую половину человѣчества. Отношеніе этихъ ученій къ миѳологіи, собственное ихъ содержаніе и значеніе ихъ въ общей исторіи должны составить предметъ особыхъ изслѣдованій.“ [687])

---

[686]) Здѣсь у Соловьева слѣдуетъ довольно обширное примѣчаніе, которое мы опускаемъ. Смыслъ примѣчанія въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ авторъ желаетъ отграничить свой взглядъ, какъ высшій синтезъ ученій „старинной школы миѳологовъ“ и „новѣйшихъ миѳологовъ“, отъ воззрѣній Шеллинга и Хомякова, признающихъ (кромѣ матеріальнаго женскаго начала) „не одно, а *два* активныхъ начала, противоположныхъ другъ другу“. *Соч.*, I, 24.

[687]) *Соч.*, I, 23—25. См. также 2-ое изд. *Собранія сочиненій*, т. I, стр. 24—26.

О достоинствѣ этого юношескаго произведенія Соловьева осторожный отзывъ П. Д. Юркевича представляется, можетъ-быть, и теперь всего болѣе умѣстнымъ и справедливымъ. „Въ настоящее время", говоритъ Н. Боголюбовъ, „значеніе миѳа въ наукѣ о религіи пало. Теперь уже болѣе не думаютъ, что раскрыть природу миѳа значитъ раскрыть тѣмъ самымъ и природу религіи. Миѳъ помѣщаютъ на периферіи религіи..... Въ немъ видятъ уже не существенный ея элементъ, а элементъ второстепенный, назначеніе котораго въ большинствѣ случаевъ состояло лишь въ томъ, чтобы путемъ соотвѣтствующаго разсказа выяснить причину возникновенія того или другого культоваго дѣйствія. Миѳъ—это лишь этіологія культа. Существеннымъ же элементомъ религіи является культъ." [688]) Самъ Соловьевъ, въ *Разборѣ книги кн. Сергѣя Трубецкого: „Метафизика въ древней Греціи"*, относящемся къ 1890 г., упоминаетъ попутно о своемъ очеркѣ съ такою оговоркою: „Не отвѣчая теперь за всѣ частности въ изложеніи этого юношескаго произведенія, я считаю главную его мысль вѣрною." [689]) Изъ замѣчаній же его на обсуждаемую книгу кн. С. Н. Трубецкого видно, что главною мыслью онъ считаетъ здѣсь различеніе трехъ главныхъ ступеней въ процессѣ схожденія небеснаго начала на землю: ступени астральной или уранической, ступени солярной и, наконецъ, ступени теллурической. Главнымъ представителемъ этой послѣдней ступени является, по взгляду Соловьева, Діонисъ (=Озирисъ=Шива), богъ земной влаги, растительной и животной крови. [690])

Двѣ другія философскія статьи, которыя отмѣчаетъ П. Д. Юркевичъ въ своемъ „предложеніи", представляютъ собою начальныя главы магистерской диссертаціи Соловьева и напечатаны въ январской и мартовской книжкахъ *Православнаго Обозрѣнія* за 1874 г. [691]) Продолженіе и окончаніе этой работы появились въ майской, сентябрской и октябрской книжкахъ того-же журнала. [692]) Статья: *Теорія Огюста Конта о трехъ фазисахъ въ умственномъ развитіи человѣчества*, служащая приложеніемъ къ основному тексту диссертаціи,

---

[688]) Н. Боголюбовъ, *Философія религіи*; ч. 1, т. I; Кіевъ, 1915 г.; стр. 212.

[689]) *Соч.*, VI, 267—280;—278.

[690]) Изъ позднѣйшихъ разсужденій Соловьева о происхожденіи и первоначальномъ характерѣ языческихъ религій слѣдуетъ указать попутно на статью его, относящуюся къ 1890 г., подъ заглавіемъ: *Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки*; *Соч.*, VI, 158—214.

[691]) *L. c.*, стр. 28—66 и стр. 277—302.

[692]) *L. c.*, стр. 529—541, стр. 319—340 и стр. 424—452.

помѣщена въ ноябрской книжкѣ. [693]) Впослѣдствіи, когда у насъ пойдетъ рѣчь о полученіи Соловьевымъ степени магистра философіи, мы еще вернемся къ этимъ произведеніямъ Соловьева, а пока достаточно сказать, что отзывъ П. Д. Юркевича, на этотъ разъ болѣе яркій и рѣшительный, долженъ быть признанъ и въ этомъ случаѣ безпристрастнымъ, т. е. вполнѣ умѣстнымъ и справедливымъ.

Что касается перевода *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik* Канта, то печатаніе этого труда могло состояться лишь значительно позднѣе. Сочиненіе это, подъ заглавіемъ: Иммануила Канта *Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки*, появилось на русскомъ языкѣ, въ переводѣ Соловьева, уже въ ту пору, когда переводчикъ былъ почетнымъ членомъ Московскаго психологическаго общества, а именно въ 1889 г. Примѣрно черезъ 4 года потребовалось второе изданіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1893 г. Оба изданія снабжены предисловіями проф. Н. Я. Грота, предсѣдателя названнаго общества, такъ-какъ *Пролегомены* были включены въ составъ *Трудовъ* общества, гдѣ они образуютъ выпускъ 2-ой. Въ предисловіи къ первому изданію Н. Я. Гротъ поясняетъ, что „классическое произведеніе Канта предлагается русской публикѣ въ мастерскомъ, по своей точности и литературнымъ достоинствамъ, переводѣ Владиміра Сергѣевича Соловьева, сдѣланномъ имъ еще въ началѣ 70-ыхъ годовъ и нынѣ исправленномъ и дополненномъ.“ [694]) Ссылка на 70-ые годы находитъ полное подтвержденіе себѣ въ „предложеніи“ П. Д. Юркевича, а признаніе перевода „мастерскимъ“ хорошо вяжется съ извѣстными уже намъ словами сего послѣдняго о томъ, что работа Соловьева надъ *Пролегоменами* служитъ самымъ вѣскимъ доказательствомъ его блестящей и рѣдкой подготовки къ изученію философіи и къ занятію философіей. Передъ вторымъ изданіемъ, какъ замѣчаетъ тотъ-же Н. Я. Гротъ въ соотвѣтствующемъ предисловіи, переводъ былъ вновь пересмотрѣнъ Соловьевымъ. [695]) Къ сожалѣнію, ни въ первомъ, ни во второмъ изданіи не содержится тѣхъ „примѣчаній“, которыми, по словамъ П. Д. Юркевича, переводчикъ снабдилъ свой переводъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что этими примѣчаніями Соловьевъ воспользовался въ другихъ своихъ произведеніяхъ—отчасти въ *Критикѣ отвлеченныхъ началъ*,

---

[693]) *L. c.*, стр. 589—608.

[694]) Иммануила Канта *Пролегомены* и т. д.; перев. Вл. С. Соловьева; изд. 2, Москва, 1893 г.; стр. IV—V.—Въ 1905 г. вышло въ Москвѣ-же изданіе 3-е.

[695]) *Ibidem*, стр. VI.

отчасти въ иныхъ работахъ и въ превосходной словарной статьѣ о Кантѣ.

Къ тексту *Пролегоменъ* примыкаетъ *Приложеніе*, состоящее изъ трехъ коротенькихъ статей. Возможно, что именно объ этомъ *Anhang*'ѣ Канта говоритъ Соловьевъ въ своихъ письмахъ на имя Н. Я. Грота, относящихся къ началу 1889 г. [696]) Предисловіе къ первому изданію перевода помѣчено 8-ымъ мая 1889 г. Указаніе на второе изданіе мы встрѣчаемъ въ письмахъ Соловьева къ Н. Я. Гроту отъ 1893 г. [697]) Прибавимъ кстати, что въ эту пору Соловьевъ предлагалъ Московскому психологическому обществу поручить ему переводъ Кантовскаго сочиненія: *Träume eines Geistersehers*, съ присоединеніемъ Шопенгауэровскаго трактата изъ *Parerga und Paralipomena* по тому-же предмету. По мнѣнію Соловьева, „могла бы выйти порядочная книжка, подъ заглавіемъ: *Кантъ и Шопенгауэръ о психургическихъ явленіяхъ*.“ [698]) Возникали и нѣкоторыя другія предположенія относительно Канта, но все это не получило осуществленія.

Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können, насчитываютъ теперь свыше 130 лѣтъ отъ роду. Первоначально сочиненіе это появилось въ 1783 г., въ Ригѣ. „Главное содержаніе этого сочиненія Кантъ впослѣдствіи вставилъ во 2-ое изданіе *Критики чистаго разума*..... Въ предисловіи Кантъ разсказываетъ, какъ онъ былъ прежде всего пробужденъ отъ «догматической спячки» сомнѣніемъ Юма относительно понятія причины. Отъ искры, говоритъ онъ, которую бросилъ скептикъ, зажегся критическій свѣтъ.“ [699]) Уже отсюда видно, какое важное значеніе

---

[696]) *П.*, I, 61, 62.

[697]) *П.*, I, 72, 74, 77.

[698]) *П.*, I, 72.—Сочиненіе Канта: *Träume eines Geistersehers, erläutert durch Träume der Metaphysik* (Кёнигсбергъ и Рига, 1766 г.), вышло въ русскомъ переводѣ въ 1904 г.: Кантъ, *Грезы духовидца, поясненныя грезами метафизика*; перевелъ Б. П. Бурдесъ, подъ ред. А. Л. Волынскаго; С.-Петербургъ, 1904 г.—См., далѣе, Шопенгауэра, *О духовидѣніи*; перев. Р. Креспна; Харьковъ, 1890 г.;—Arthur Schopenhauer, *Versuch über Geistersehn und was damit zusammenhängt*; *Parerga und Paralipomena*, I. Bd., herausgegeb. von Ed. Grisebach, 2. Abdr., SS. 257—349.

[699]) Ибервегъ-Гейнце (прим. 377), стр. 205.—Въ предисловіи къ *Пролегоменамъ* Кантъ выражается такъ:—„Съ опытовъ Локка и Лейбница, или вѣрнѣе—съ самаго возникновенія метафизики не было событія столь рѣшительнаго для ея судьбы, какъ то нападеніе, которое сдѣлалъ на нее Давидъ Юмъ. Онъ не внесъ свѣта въ эту область знанія, но выбилъ искру, изъ которой можно было бы зажечь огонь, еслибы только онъ нашелъ пригодный для этого матеріалъ.“ И далѣе:—„Я охотно признаюсь: указаніе Давида Юма было именно тѣмъ возбужденіемъ, которое впервые—много

имѣютъ *Пролегомены* для правильнаго пониманія философіи Канта, и не безъ основанія называетъ Н. Я. Гротъ этотъ трудъ Канта однимъ изъ капитальныхъ и самыхъ важныхъ трудовъ его. [700]) Нельзя не придавать особой цѣны вниманію Соловьева къ Канту въ самомъ началѣ его литературной дѣятельности. Фактъ этотъ ясно показываетъ, что при всей склонности русскаго философа къ мистицизму духъ философскаго критицизма не былъ чуждъ ему даже въ тѣ ранніе годы, когда въ немъ всего безпрепятственнѣе разгоралось стремленіе прикоснуться „къ стихіи запредѣльной“. И едва-ли нужно много распространяться о томъ, что близкое и тщательное изученіе Канта было для Соловьева весьма цѣннымъ подспорьемъ при выработкѣ его собственнаго міросозерцанія. Элементы критицизма, воспринятые Соловьевымъ, конечно, не слѣпо, а критически, должны были оградить его отъ многаго, что могло грозить ему болѣе, чѣмъ кому-либо другому, и они, дѣйствительно, сослужили ему немалую службу... [701])

Слѣдя, далѣе, за содержаніемъ воспроизведенныхъ выше документовъ, мы встрѣчаемся теперь съ необходимостью представить нѣкоторыя формальныя справки второстепеннаго свойства.

На какую „одну изъ прежнихъ министерскихъ бумагъ“ ссылается П. Д. Юркевичъ, въ связи съ вопросомъ и командированіи Соловьева за-границу? Просмотрѣвъ *Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія* за 1861—1874 гг., т. е. за тѣ годы, которые провелъ П. Д. Юркевичъ на службѣ при Московскомъ университетѣ, мы не обнаружили такого циркуляра или подобнаго ему предписанія, которыми можно было бы воспользоваться для отвѣта на этотъ во-

---

лѣтъ тому назадъ—прервало мою догматическую дремоту и дало моимъ изысканіямъ въ области умозрительной философіи совершенно иное направленіе.“ Цитируемъ по переводу Соловьева (прим. 694), стр. 4, 8.

[700]) И. Кантъ (прим. 694), стр. III.—Относительно значенія *Пролегоменъ* и связи ихъ съ *Критикою чистаго разума* см. также Гилярова, *Лекціи по исторіи новой философіи;* Кіевъ, 1915 г.; стр. 118 и слѣд.

[701]) Ср. А. И. Введенскаго, *О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теоріи познанія Вл. С. Соловьева*; *Вопросы философіи и психологіи*, 1901 г., январь-февраль, кн. I (56), стр. 2—35;—его-же, *Философскіе очерки*, вып. I, С.-Петербургъ, 1901 г., стр. 39—68.—Съ своей стороны, гносеологію Соловьева мы подводимъ подъ титулъ критико-раціоналистическаго идеализма, во вниманіе именно къ тому, что извѣстными своими воззрѣніями онъ примыкаетъ, безспорно, къ критической школѣ. С. М. Лукьяновъ, *Замѣтки о теоретической философіи Вл. С. Соловьева*; *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1909 г., январь, отд. 2, стр. 1—66.

просъ. Выяснилось, однако-же, что еще по *Правиламъ Московскаго университета*, относящимся къ 1864 г., „факультетъ ходатайствуетъ предъ совѣтомъ объ отправленіи за-границу, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, тѣхъ стипендіатовъ, которые вполнѣ оправдали довѣріе совѣта и пріобрѣли степень магистра или доктора медицины", и что „магистры и доктора могутъ быть предлагаемы для отправленія за-границу, хотя-бы и не состояли стипендіатами при университетѣ." [702]) Согласно тѣмъ-же *Правиламъ*, „отличнѣйшіе изъ окончившихъ университетскій курсъ" могутъ быть оставляемы при университетѣ на 2 года, съ производствомъ имъ „жалованья" по 400 р. въ годъ и съ обязательствомъ пріобрѣсти въ теченіе указаннаго срока степень магистра или доктора медицины. [703]) Оказывается, значитъ, что, по *Правиламъ*, для возбужденія ходатайства объ отправленіи за-границу требуется уже имѣть степень магистра или доктора медицины—какъ для бывшихъ оставленными при университетѣ „для усовершенствованія", такъ и для не бывшихъ таковыми. По всѣмъ вѣроятіямъ, „бумага", которую имѣлъ въ виду П. Д. Юркевичъ, понижала строгость этого требованія, а именно въ томъ смыслѣ, что отправлять за-границу можно и такихъ лицъ, которыя выдержали магистерскій экзаменъ, но еще не представили и не защитили магистерской диссертаціи. [704]) Такая догадка подтверждается содержаніемъ факультетскаго „донесенія", внесеннаго въ совѣтъ университета: здѣсь прямо выражена та мысль, что, согласно распоряженію министра народнаго просвѣщенія, отправленіе за-границу кандидата до выдержанія имъ испытанія на степень магистра не возможно; другими словами, министерство считало возможнымъ отправлять за-границу съ научною цѣлью лишь тѣхъ молодыхъ людей, которые успѣли хорошо зарекомендовать себя, по крайней мѣрѣ, успѣшнымъ выдержаніемъ магистерскаго экзамена. Конечно, это—мѣрило внѣшнее, но въ общемъ безъ какого-либо внѣшняго мѣрила обойтись въ дѣлахъ подобнаго рода трудно, и оспаривать цѣлесообразность министерскаго распоряженія факультетъ, очевидно, не желалъ.

Вопросъ о срокѣ для держанія магистерскаго экзамена разрѣ-

---

[702]) *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 261), стр. 863; отд. XI, § 4.

[703]) *L. c.*, отд. XI, §§ 1, 2 и 3.

[704]) Н. И. Карѣевъ сообщалъ намъ, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Московскомъ университетѣ представленію диссертаціи на степень магистра предшествовалъ магистерскій экзаменъ, тогда-какъ въ Петербургскомъ университетѣ предпочитали подвергать экзамену лицъ, уже имѣвшихъ готовую диссертацію.

шается совершенно просто на основаніи § 113-го университетскаго устава 1863 г. Объ этомъ параграфѣ мы уже упоминали въ главѣ пятой, и мы знаемъ, что степени магистра кандидатъ могъ искать, дѣйствительно, не ранѣе, какъ черезъ годъ по удостоеніи степени кандидата.[705]) Срокъ для приступа къ магистерскому экзамену наступалъ для Соловьева 8-го іюня 1874 г., такъ-какъ въ степени кандидата онъ былъ утвержденъ 8-го іюня 1873 г., какъ это было изображено нами въ той-же главѣ пятой. Между-тѣмъ учебный годъ оканчивался 1-го іюня, что̀ точно также уже было отмѣчено выше.[706]) Соловьеву приходилось, значитъ, волей-неволей ждать начала новаго учебнаго года.

Возбуждая при такихъ обстоятельствахъ ходатайство объ оставленіи своего ученика при университетѣ, какъ о минимумѣ желательнаго, П. Д. Юркевичъ усиленно подчеркивалъ хорошую подготовку Соловьева и его прекрасныя дарованія, отъ которыхъ можно ждать чести для университета, пользы для учащагося юношества и преуспѣянія для науки. Матеріальный мотивъ исключался, что̀ и понятно въ виду сравнительно обезпеченнаго положенія Соловьева; да притомъ и свободной стипендіи не было. Совѣтъ отнесся къ ходатайству историко-филологическаго факультета съ полнымъ сочувствіемъ, высказавшись въ пользу Соловьева единогласно. Почему, однако, даже говоря о минимумѣ желательнаго, облекалъ П. Д. Юркевичъ свое „предложеніе“ въ такую сугубо-просительную форму? Ужъ не потому-ли, что въ данномъ случаѣ Соловьеву если и не угрожало въ дѣйствительности, то все-же могло бы угрожать одно формальное затрудненіе? Дѣло въ томъ, что *Правила Московскаго университета* совершенно опредѣленно говорятъ объ оставленіи при университетѣ „отличнѣйшихъ изъ окончившихъ университетскій курсъ“, а вѣдь Соловьевъ, въ строгомъ смыслѣ слова, курса въ Московскомъ университетѣ не окончилъ, будучи допущенъ къ экзамену на степень кандидата въ качествѣ „посторонняго лица“. Правда, по § 42-му университетскаго устава 1863 г., вопросы объ оставленіи при университетѣ стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію предоставлялись окончательному разрѣшенію совѣта, но, по § 47-му, совѣтъ всѣ свои протоколы обязанъ былъ представлять попечителю, и еслибы въ засѣданіи совѣта возникли какія-нибудь пререканія от-

---

[705]) См. выше, прим. 293-е.

[706]) Ср. прим. 294-ое.

носительно рекомендуемаго факультетомъ лица, то это могло бы повести къ непріятнымъ осложненіямъ или къ досадной волокитѣ.[707]) Надлежало поэтому позаботиться о томъ, чтобы дѣло, по существу безспорное, прошло и съ внѣшней стороны совершенно гладко.

Время возбужденія ходатайства о Соловьевѣ, само по себѣ, особыхъ недоразумѣній не вызываетъ, если принять въ соображеніе, что, по *Правиламъ*, факультеты могутъ ходатайствовать объ оставленіи молодыхъ ученыхъ при университетѣ или объ отправленіи ихъ за-границу въ теченіе всего академическаго года, окончательное же сужденіе о предлагаемыхъ лицахъ, при неудовлетворительномъ состояніи спеціальныхъ средствъ университета, откладывается до марта мѣсяца, времени составленія смѣты.[708]) Но, вникая ближе въ совокупность данныхъ, мы усматриваемъ, что тутъ все-таки есть нѣчто особенное. Спрашивается: почему именно въ концѣ $18^{73}/_{74}$-го учебнаго года возбуждено было ходатайство объ оставленіи Соловьева при университетѣ, а не раньше и не позже? Намъ кажется, раньше ходатайство не возбуждалось потому, что признавалось неудобнымъ числиться оставленнымъ при университетѣ и въ то-же время заниматься въ духовной академіи, рѣшительнаго же побужденія торопиться съ разрѣшеніемъ вопроса объ оставленіи при университетѣ не было.[709]) А почему не позже? Отвѣтомъ можетъ служить то свидѣтельство за № 712, которое было выдано Соловьеву, вслѣдствіе его прошенія, для представленія въ присутствіе по воинской повинности.

„Уже въ 1862 г. на очередь стала отмѣна несправедливой «сословной» воинской повинности, подъ непосредственнымъ вліяніемъ демократическаго гуманнаго духа великаго освободительнаго акта 19-го февраля, какъ оффиціально удостовѣряетъ записка военнаго

---

[707]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1050, 1053. — О томъ, что Вл. С. Соловьевъ „выбылъ“ изъ Московскаго университета „до окончанія курса“, упоминается и въ томъ „аттестатѣ“, который былъ выданъ ему при окончательномъ увольненіи его отъ службы, послѣдовавшемъ въ концѣ 1881 г. Аттестатъ этотъ входитъ въ составъ „дѣла“ департамента народнаго просвѣщенія о причисленіи къ министерству народнаго просвѣщенія бывшаго доцента Московскаго университета, надворнаго совѣтника Соловьева, съ назначеніемъ членомъ ученаго комитета. „Дѣло“ это (по архиву № 165152) было доставлено намъ для просмотра Н. В. Вестманомъ.

[708]) *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 261), стр. 863, 864; отд. XI, §§ 7 и 8.

[709]) Это не значитъ, впрочемъ, чтобы преподавательское поприще вообще не входило въ разсчеты Соловьева во дни его молодости. По словамъ Н. И. Карѣева, предположеніе о профессорской карьерѣ было у Соловьева, наоборотъ, довольно раннее.

министра Д. А. (нынѣ графа) Милютина..... На долю этого знаменитаго государственнаго дѣятеля выпалъ великій трудъ и честь намѣтить еще въ 1862 г. необходимость уравненія всѣхъ сословій относительно воинской повинности и затѣмъ медленно, но неуклонно подготовлять почву для этой справедливой реформы и, наконецъ, провести ее въ законодательномъ порядкѣ въ 1874 г., согласно основному духу равноправности, не потворствуя узкимъ аристократическимъ и плутократическимъ вожделѣніямъ, очень громко и настоятельно заявлявшимъ свои права.“ Такъ изображается нарожденіе устава о воинской повинности, Высочайше утвержденнаго 1-го января 1874 г., Г. А. Джаншіевымъ. [710]) А вотъ небольшая дополнительная замѣтка изъ другого лагеря: „1874 г. начался длиннымъ манифестомъ о введеніи всеобщей воинской повинности, появившимся 3-го января. Его ждали 1-го, и весь Петербургъ волновался, ибо пустили слухъ, что реформа отложена. То былъ день тріумфа военнаго министра Дмитрія Алексѣевича [711]) Милютина, осуществленіе его главнаго дѣла царствованія. Всѣ говорили о военномъ принципѣ равенства всѣхъ подъ знаменами, о томъ, что отнынѣ жирный купецъ не будетъ откупать своего сына отъ солдатской службы, но кстати припомнить, что упоеніе духомъ времени было такъ сильно, что никто и пикнуть не смѣлъ о томъ, что въ сей день, 3-го января 1874 г., уничтожалось одно изъ главныхъ правъ русскаго дворянства. Мало того, что о такомъ крупномъ фактѣ въ исторіи русскаго дворянства никому въ голову не приходило вспомнить,.... но..... нашлись такія дворянскія собранія, которыя составили и представили благодарственные адресы за *честь* уравненія ихъ со всѣми другими сословіями Россіи относительно отбыванія воинской повинности.“ [712])

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что въ семействѣ Соловьевыхъ военную реформу 1874 г. привѣтствовали съ полнымъ сочувствіемъ. Не слишкомъ отдаленные предки самого С. М. Соловьева знали вѣдь по собственному опыту всю тяжесть „сословной“ воинской повинности. Но, съ другой стороны, нѣтъ нужды предполагать, чтобы и въ возрастѣ 21 года Владиміръ Соловьевъ былъ все еще преисполненъ того „отроческаго милитаризма“, о которомъ мы упоминали въ

---

[710]) Г. А. Джаншіевъ (прим. 320), стр. 482; статья: *Общая воинская повинность*.

[711]) Въ оригиналѣ сказано: „Ананьевича“. Очевидно,—опечатка.

[712]) Кн. В. П. Мещерскій, *Мои воспоминанія*; ч. I, 1897 г., ч. II, 1898 г., ч. III, 1912 г., С.-Петербургъ;—ч. II, стр. 233, 234.

главѣ четвертой со словъ В. Л. Величко. [713]) Въ его сознаніи выдвинулись къ этому времени интересы совершенно иного порядка, и его манили къ себѣ не воинскіе, а совсѣмъ другіе труды и подвиги. Да притомъ и здоровье его внушало нѣкоторыя опасенія—въ особенности сердобольной П. В. Соловьевой. Отвлеченіе ради отбыванія воинской повинности отъ очередныхъ научныхъ занятій должно было, при такихъ условіяхъ, казаться излишней и даже вредной потерей времени, тѣмъ болѣе, что никакой войны тогда не было, и военныя событія, которыя стали надвигаться въ 1875 г., пока даже не предугадывались. Однимъ словомъ, какъ бы ни была вообще симпатична военная реформа, проведенная гр. Д. А. Милютинымъ, особыхъ основаній рваться въ ряды арміи для Соловьева не было, и близкія ему лица скорѣе могли заботиться о томъ, чтобы обезпечить для будущаго университетскаго преподавателя необходимую свободу дѣйствій—конечно, безъ нарушенія требованій новаго закона. Что-же тутъ намѣчалось какъ-бы само собою?

Согласно ст. 11-ой только-что распубликованнаго тогда устава о воинской повинности, „къ жеребью призывается ежегодно одинъ только возрастъ населенія, именно молодые люди, которымъ къ 1-му января того года, когда наборъ производится, минуло двадцать лѣтъ отъ роду.“ Первый наборъ по новому закону долженъ былъ состояться уже въ 1874 г. Къ этому набору Соловьевъ какъ разъ подходилъ по своему возрасту, ибо 20 лѣтъ ему минуло 16-го января 1873 г. (т. е. 21-лѣтняго возраста онъ достигъ лишь послѣ 1-го января 1874 г.). По ст. 14-ой, „ежегодный призывъ къ исполненію воинской повинности и назначеніе на службу по жеребью производятся съ 1-го ноября по 15-ое декабря, а въ Сибири—съ 15-го октября по 31-ое декабря.“ [714]) Этому долженъ, однако, предшествовать цѣлый рядъ подготовительныхъ дѣйствій—между прочимъ, приписка къ тому или другому призывному участку. По Высочайшему указу Правительствующему Сенату о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе новаго устава о воинской повинности, въ первый наборъ 1874 г. для подачи заявленій о припискѣ къ призывнымъ участкамъ былъ назначенъ особый срокъ, а именно полугодовой, „считая оный со дня изданія сего указа.“ [715])

---

[713]) Ср. выше, прим. 211-ое.

[714]) *Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи*; собраніе второе, т. XLIX, отд. первое, 1874; Санктпетербургъ, 1876 г.; Уставъ о воинской повинности; стр. 4.

[715]) *Ibidem*; Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отд. VIII; стр. 28.— Подъ первымъ наборомъ подразумѣвается въ этомъ случаѣ наборъ по новому уставу

А такъ-какъ указъ послѣдовалъ тоже 1-го января, то разумѣемый здѣсь полугодовой срокъ истекалъ къ 1-му іюля. По ст. 96-ой устава, „приписка къ участку производится на основаніи заявленія, которое приписывающійся обязанъ подать съ приложеніемъ метрическаго свидѣтельства или замѣняющаго оное удостовѣренія, въ то уѣздное, окружное или городское по воинской повинности присутствіе, въ вѣдѣніи коего состоитъ избранный имъ для приписки участокъ.“ Въ приписномъ свидѣтельствѣ, получаемомъ приписывающимся, означаются перечисленныя въ ст. 99-ой данныя и въ частности „то учебное заведеніе, въ которомъ онъ окончилъ образованіе или въ которомъ обучается“. Послѣднее обстоятельство представляетъ для насъ особую важность въ виду правилъ, выраженныхъ въ ст. 53-ей. Дѣло въ томъ, что не всѣ одновременно призываемые молодые люди—двадцатилѣтки обязываются къ поступленію на службу въ войска одновременно. Ст. 53-я гласитъ:—„Воспитанники учебныхъ заведеній, означенныхъ въ приложеніи къ сей статьѣ, призываются къ исполненію воинской повинности по достиженіи опредѣленнаго для того возраста (ст. 11), наравнѣ съ прочими; но для окончанія образованія, поступленіе ихъ на службу въ войска по вынутому жеребью, въ случаѣ заявленнаго ими желанія, отсрочивается: 1) до достиженія двадцати двухъ лѣтъ отъ роду: обучающимся въ учебныхъ заведеніяхъ второго разряда..... 4) до достиженія двадцати семи лѣтъ отъ роду: обучающимся въ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда..... и 5) до достиженія двадцати восьми лѣтъ отъ роду: воспитанникамъ духовныхъ православныхъ и римско-католическихъ академій; лицамъ, избраннымъ по окончаніи университетскаго курса, для приготовленія на профессорскія должности.....“ Выходитъ, значитъ, что избранные, по окончаніи университетскаго курса (хотя-бы и не сейчасъ-же), для приготовленія на профессорскія должности разсматриваются какъ еще обучающіеся, и что они пользуются наиболѣе продолжительной отсрочкой. Подъ дѣйствіе п. 5-го ст. 53-ей и могъ бы быть подведенъ Владиміръ Соловьевъ, въ предположеніи, что ходатайство П. Д. Юркевича объ оставленіи его бывшаго ученика при университетѣ для подготовки къ профессурѣ будетъ уважено. Указанный выше формальный недочетъ (въ отношеніи „окончанія“ университетскаго курса) покрывался при

о воинской повинности. По отд. X-му цитируемаго указа, объявленный манифестомъ 22-го ноября 1873 г. рекрутскій наборъ съ 15-го января по 15-ое февраля 1874 г. повелѣвалось произвести на основаніи правилъ, въ томъ манифестѣ изображенныхъ. *L. c.*

этомъ степенью кандидата. Спрашивается теперь: какъ-же надлежало поступить, чтобы осуществить примѣненіе п. 5-го ст. 53-ей? По ст. 123-ей, „лица, желающія получить отсрочку на окончаніе образованія, заявляютъ о себѣ своему уѣздному, окружному или городскому по воинской повинности присутствію, съ приложеніемъ свидѣтельства о продолженіи образованія отъ начальства того учебнаго заведенія, въ коемъ заявитель обучается, и съ объясненіемъ: желаетъ-ли отбыть воинскую повинность по жеребью или вольноопредѣляющимся.“ Только-что названныя лица, согласно ст. 125-ой, о своемъ желаніи получить отсрочку должны сдѣлать заявленіе подлежащему присутствію по воинской повинности „не позднѣе, какъ за два мѣсяца до наступленія призыва“,—другими словами, не позднѣе 1-го сентября, если имѣть въ виду типическій срокъ призыва (ср. ст. 14-ую). Разсчитывать на то, что всѣ формальности съ проведеніемъ дѣла объ оставленіи при университетѣ удастся начать и закончить въ самомъ началѣ новаго $18^{74}/_{75}$-го учебнаго года до 1-го сентября, было, разумѣется, трудно. [716]) Правда, прямой необходимости представлять свидѣтельство объ оставленіи при университетѣ при самой припискѣ къ призывному участку не было; но въ такомъ случаѣ въ приписномъ свидѣтельствѣ значилось бы только, что Соловьевъ имѣетъ степень кандидата. По п. 1-му ст. 56-ой, „окончившіе курсъ въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ перваго разряда, или выдержавшіе соотвѣтственное испытаніе,“ при отбываніи ими воинской повинности по жеребью, „состоятъ: на дѣйствительной службѣ—шесть мѣсяцевъ и въ запасѣ арміи—четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ.....“ Это существенное сокращеніе срока службы, но не отсрочка. Предвидѣлась, слѣдовательно, необходимость имѣть заботу о предстоящемъ въ концѣ 1874 г. призывѣ. Между-тѣмъ, по ст. 135-ой, „обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ, коимъ дается отсрочка для окончанія образованія“, къ явкѣ въ участокъ не вызываются. [717]) Все располагало, такимъ образомъ, къ тому, чтобы не медлить далѣе съ выясненіемъ своего положенія въ отношеніи университета и раздѣлаться съ неизбѣжными формальностями еще до наступленія каникулярнаго времени. Выданное Соловьеву 3-го іюня 1874 г. свидѣтельство за № 712 и

[716]) Тѣмъ болѣе, что П. Д. Юркевичу предстояло находиться въ командировкѣ съ 1-го мая по 1-ое октября, какъ объ этомъ будетъ еще сказано ниже. Обстоятельство это, въ виду близкихъ отношеній П. Д. Юркевича къ Соловьеву, было, по всѣмъ вѣроятіямъ, сему послѣднему хорошо извѣстно.

[717]) Уставъ о воинской повинности (прим. 714), стр. 8, 9, 15, 18, 19.

разрѣшало благополучно всѣ затрудненія, предоставляя ему вмѣстѣ съ тѣмъ полный просторъ на конецъ года, когда предстояли хлопоты съ магистерствомъ.—Въ послѣдующіе годы вопросомъ объ отбываніи воинской повинности Соловьевъ уже не интересовался. Обстоятельства сложились въ концѣ концовъ такъ, что фактически въ рядахъ арміи состоять ему не пришлось. Нѣкоторая роль принадлежала въ этомъ случаѣ и его преподавательской дѣятельности. Весьма правдоподобно, впрочемъ, что еслибы онъ и устремился подъ ружье, его при медицинскомъ освидѣтельствованіи просто забраковали бы вслѣдствіе близорукости, которою природа наградила его довольно щедро, и другихъ физическихъ недочетовъ.

Отношеніе преподавателей университета къ П. Д. Юркевичу было въ общемъ доброжелательное. Нѣкоторыхъ, какъ намъ передавалъ В. И. Герье, нѣсколько отдаляли отъ него его семинарскія манеры и „хохлацкое“ произношеніе; но серьезныхъ помѣхъ для добрыхъ товарищескихъ отношеній все-таки не было. Впрочемъ, блестящій успѣхъ „предложенія“ П. Д. Юркевича былъ данью уваженія и по адресу С. М. Соловьева, который стоялъ тогда на вершинѣ своего авторитета.

Остается сказать нѣсколько словъ о Сперанскомъ, съ которымъ П. Д. Юркевичъ сопоставляетъ Соловьева. Въ отчетѣ по Московскому университету за 1871 г. указывается, что по историко-филологическому факультету студентъ 4-го курса Николай Сперанскій награжденъ золотою медалью. [718]) Въ отчетѣ за 1872 г. онъ значится въ числѣ лицъ, удостоенныхъ степени кандидата; здѣсь-же отмѣчается, что онъ оставленъ при университетѣ, для усовершенствованія въ наукахъ, на счетъ суммы сбора за слушаніе профессорскихъ лекцій. [719]) Въ ближайшихъ слѣдующихъ отчетахъ мы объ этомъ лицѣ свѣдѣній не нашли. Н. И. Карѣевъ припоминаетъ, что это былъ способный, но грубоватый, малокультурный человѣкъ, изрядно выпивавшій и державшій себя съ чрезмѣрной развязностью. Товарищи сильно сомнѣвались, чтобы изъ него что-либо вышло...

---

[718]) *Отчетъ и рѣчи* и т. д. (прим. 220), стр. 53.—См. также Н. Сперанскаго, *Ученіе Лейбница и Локка о врожденныхъ идеяхъ и его значеніе для опредѣленія основаній и границъ познанія*; *Московскія университетскія извѣстія*, 1872 г., книжка вторая и третья, стр. 187—298, въ приложеніи.—Высказываясь за то, чтобы трудъ Н. Сперанскаго былъ напечатанъ въ университетскомъ изданіи, П. Д. Юркевичъ присовокуплялъ, однако, оговорку: „если сочинитель возьметъ на себя трудъ сдѣлать нѣкоторыя выраженія болѣе ясными и менѣе искусственными.“ *Ibidem*, офф. отд., стр. 224.

[719]) *Отчетъ и рѣчи* и т. д., Москва, 1873 г. (прим. 326), стр. 44, 9.

Свой обзоръ біографическихъ матеріаловъ мы довели до 3-го іюня 1874 г. Какъ-же складывались обстоятельства въ теченіе дальнѣйшихъ недѣль и мѣсяцевъ этого лѣта?

Писемъ Соловьева отъ 1874 г. сохранилось очень мало. Повидимому, первая половина этого года была занята усиленными работами въ духовной академіи, а затѣмъ началась подготовка къ магистерскому экзамену. Почти весь годъ продолжалось также составленіе магистерской диссертаціи, за которую Соловьевъ принялся еще въ концѣ 1873 г. и которая печаталась, какъ мы знаемъ, въ *Православномъ Обозрѣніи*. Журналъ этотъ былъ близокъ Соловьеву какъ тогда, такъ и въ послѣдующіе годы, а потому и будетъ умѣстно посвятить этому изданію хотя-бы нѣсколько строкъ. [720])

Православное Обозрѣніе издавалось въ Москвѣ свыше 30 лѣтъ (1860—1891 гг.) и было однимъ изъ лучшихъ нашихъ духовныхъ журналовъ. [721]) Наиболѣе выдающаяся роль въ изданіи и редактированіи журнала принадлежала свящ. Г. П. Смирнову-Платонову; другими видными дѣятелями въ отношеніи *Православнаго Обозрѣнія* были Н. А. Сергіевскій, А. М. Иванцовъ-Платоновъ и П. А. Преображенскій. Въ составъ журнала входили статьи научно-богословскаго, нравственно-назидательнаго и церковно-историческаго содержанія, обозрѣнія замѣчательныхъ событій въ церкви православной, въ церквахъ славянскихъ и въ западныхъ христіанскихъ обществахъ, очерки и изслѣдованія по практическимъ вопросамъ церковной жизни, критика и библіографія; въ приложеніяхъ помѣщались переводы книгъ св. писанія, памятники древней христіанской письменности, сочиненія христіанскихъ апологетовъ и т. под.—Г. П. Смирновъ-Платоновъ родился въ 1825 г. и еще въ концѣ семинарскаго курса посѣщалъ университет-

---

[720]) Исторія нашей духовной журналистики ведетъ свое начало съ изданій Н. И. Новикова, относящихся къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XVIII-го вѣка. Наши первые духовные журналы, однако, еле влачили существованіе. „Только послѣ оживленія религіозныхъ и умственныхъ интересовъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ политическихъ событій начала прошлаго вѣка, духовная журналистика стала на твердую почву.“ Точно также и „эпоха великихъ реформъ [въ царствованіе императора Александра II-го] сопровождалась необыкновеннымъ оживленіемъ духовной журналистики..... Въ 1860 г. стали выходить сразу пять новыхъ духовныхъ журналовъ“,—въ томъ числѣ и *Православное Обозрѣніе*. С. Троицкій, *Журналы духовные; Православная богословская энциклопедія* (прим. 636), т. V, Петроградъ, 1904 г., стр. 605—610.

[721]) Ср. замѣтки въ *Большой Энциклопедіи*, подъ ред. С. Н. Южакова, т. XV, С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 553—554, и въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза и Ефрона, т. XXIV, С.-Петербургъ, 1898 г., стр. 928.

скія лекціи С. П. Шевырева и Т. Н. Грановскаго; „послѣ окончанія академическаго курса [онъ] снова слушалъ лекціи въ университетѣ и сошелся съ проф. М. Н. Катковымъ и П. М. Леонтьевымъ, познакомившимъ Г. П. съ міросозерцаніемъ Шеллинга, имѣвшимъ вліяніе на ходъ умственнаго развитія перваго.“ Сначала Г. П. Смирновъ-Платоновъ занимался преподавательской дѣятельностью, а въ 1855 г. онъ былъ назначенъ на мѣсто священника при церкви Воскресенія, что̀ на Остоженкѣ. [722]) Извѣстный какъ духовный писатель и общественный дѣятель, онъ поддерживалъ знакомство съ А. С. Хомяковымъ, А. И. Кошелевымъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ, И. С. Аксаковымъ и др. „Съ 80-ыхъ годовъ Г. П. съ увлеченіемъ отдался общественной благотворительности и съ этою цѣлью устраивалъ ясли, издавалъ журналъ: *Дѣтскую помощь*, участвовалъ въ комиссіи по вопросу объ общественномъ призрѣніи; кромѣ того, организовалъ въ Москвѣ публичныя богословскія чтенія и епархіальную библіотеку. Скончался въ санѣ протоіерея 16-го февраля 1898 г. ..... По своему образованію и дѣятельности Г. П. представлялъ собою высокій образецъ пастыря и гражданина.“ [723])

Редакція *Православнаго Обозрѣнія* помѣщалась до половины 70-ыхъ годовъ на Остоженкѣ, въ приходѣ Новаго Воскресенія, въ домѣ свящ. Г. П. Смирнова-Платонова. Печатался журналъ въ Москвѣ-же, въ университетской типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ.

Какъ П. А. Преображенскій, такъ и его сынъ В. П. Преображенскій остались на-всегда въ доброй памяти Соловьева. Въ некрологѣ В. П. Преображенскаго, умершаго 11-го апрѣля 1900 г., Соловьевъ пишетъ: — „Среди томительнаго дневного пути, далеко отъ ночлега, разбилось благородное сердце; краткостью и раннею тягостью жизни заплатилъ этотъ труженикъ за право избранниковъ подниматься на царственныя высоты мысли и созерцанія. Сознаніе пробудилось въ немъ у могилы матери, которая умерла, когда ему было 5 лѣтъ. Но онъ вышелъ на жизненную дорогу съ большимъ запасомъ душевной бодрости. Какъ теперь помню бойкаго мальчика съ живыми глазами и умною усмѣшкою, ходившаго ко мнѣ съ корректурами отъ своего отца, редактора [съ 1875 г.] *Православнаго Обозрѣнія*,—лучшаго изъ русскихъ духовныхъ журналовъ. Священникъ Петръ Алексѣевичъ Преображенскій, ученый переводчикъ Иринея, Іустина Философа и дру-

[722]) Напомнимъ, что въ этой именно церкви совершено было надъ Владиміромъ Соловьевымъ таинство крещенія. См. выше, прим. 73-е.

[723]) У *Троицы* и т. д. (прим. 157), статья С. Кедрова (прим. 415), стр. 222, 223.

тихъ христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ, былъ человѣкъ отъ природы богато одаренный, но съ неуравновѣшеннымъ характеромъ. Сердечно религіозный, съ проницательнымъ умомъ и глубокою преданностью наукѣ и образованію, дѣятельный, предпріимчивый и трудолюбивый, онъ не успѣлъ освободиться отъ многихъ чертъ бытовой первобытности. Идеальныя стремленія слишкомъ легко мирились у него и съ проявленіями узкой практичности, и съ необузданными порывами «широкой натуры». Лучшая лицевая сторона его души особенно выражалась въ отношеніи къ богослуженію. Рѣдко гдѣ можно было найти такое осмысленное и согрѣтое душевнымъ огнемъ исполненіе литургіи, или всенощной, какъ въ церкви Ѳеодора Студита, что̀ у Никитскихъ воротъ. Этотъ лучъ высшаго идеализма свѣтился до самыхъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Къ идеальнымъ страстямъ нужно отнести и его увлеченіе пчеловодствомъ. Хотя возникшія на почвѣ практической (воскъ для епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ), занятія пчелами приняли у старика характеръ сердечной любви и трогательной заботливости. Пріобрѣтя себѣ подмосковную дачу въ Пушкинѣ, онъ съ ранней весны по цѣлымъ мѣсяцамъ весь отдавался любимому дѣлу... Кто посѣщалъ его въ это время и не находилъ ни дома, ни въ саду, могъ встрѣтить пріѣхавшаго изъ Москвы по дѣламъ причетника, съ одобрительною улыбкою говорившаго:—«Теперь, сударь, придется подождать: отецъ протоіерей надъ маткой сидитъ.» — Къ душѣ Преображенскаго-отца можно было въ полной мѣрѣ примѣнить стихи Хомякова:—

«Она небесъ не забывала,
Но и земное все познала,
И пыль земли на ней легла»... [724])

Разумѣется, для подрастающаго сына послѣдняя сторона была чувствительнѣе первой въ опустѣломъ со смертью матери отцовскомъ домѣ. Онъ его покинулъ, когда сталъ студентомъ, тяжелымъ трудомъ корректорства добывая себѣ средства для самостоятельнаго существованія. Съ этимъ трудомъ онъ, впрочемъ, освоился еще будучи гимназистомъ, когда помогалъ отцу въ веденіи журнала, всецѣло помѣщавшагося въ тѣсной московской квартирѣ приходскаго священника съ довольно злою дворовою собакой вмѣсто швейцара.“ По окончаніи

[724]) Эти три стиха Соловьевъ заимствуетъ изъ стихотворенія А. С. Хомякова: *Надпись къ картинѣ (Ангелъ спасаетъ двѣ души отъ Сатаны); Полное собраніе сочиненій* А. С. Хомякова, т. IV, Москва, 1900 г.; стр. 242. Онъ измѣняетъ, однако, текстъ перваго стиха, поставивши, вмѣсто: „одна“,—„она“.

курса В. П. Преображенскій былъ оставленъ при университетѣ, обративъ на себя вниманіе профессоровъ кандидатскимъ сочиненіемъ: *Реализмъ Герберта Спенсера.* Впослѣдствіи онъ много потрудился для изданій Московскаго психологическаго общества. Скончался В. П. Преображенскій на 36-омъ году жизни. Свою замѣтку Соловьевъ заканчиваетъ такими прочувствованными словами:—„За краткую и тяжелую твою жизнь, дорогой и несчастный другъ, за все, что ты успѣлъ претерпѣть, и за все, чего не успѣлъ сдѣлать,—пусть будетъ тебѣ хоть одно утѣшеніе: ты-то ужъ, конечно, не подвергался и не подвергнешься тому упреку, который считалъ самымъ тяжкимъ—упреку въ безсердечности,—ты, благородное, разбитое жизнью сердце!“ [725])— О прот. П. А. Преображенскомъ Соловьевъ вспоминаетъ мимоходомъ и въ 1886 г., во введеніи къ русскому изданію *Ученія XII апостоловъ*:—„Св. Игнатію приписывается, какъ извѣстно, цѣлый рядъ посланій, изъ коихъ нѣкоторыя несомнѣнно подложны, подлинность же другихъ, напротивъ, оспаривалась лишь со стороны явно тенденціозной критики. Необходимыя свѣдѣнія объ этомъ см. въ предисловіи къ посланіямъ св. Игнатія въ русскомъ переводѣ твореній мужей апостольскихъ, протоіерея П. А. Преображенскаго.“ [726])

Выходитъ, такимъ образомъ, что не только въ родной семьѣ, въ университетѣ и въ духовной академіи, но и въ журнальномъ мірѣ Соловьеву посчастливилось уже во дни его юности встрѣтиться съ положительными типами изъ среды нашего духовенства, а это не могло, конечно, не располагать его—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ—въ благожелательномъ смыслѣ къ церкви, какъ бы мало это ни согласовалось съ тогдашнимъ преобладающимъ настроеніемъ нашей свѣтской интеллигенціи...

19-го іюня 1874 г. Соловьевъ пишетъ изъ Москвы кн. Д. Н. Цертелеву, находившемуся въ ту пору, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Липягахъ. [727]) Это первое изъ сохранившихся писемъ Соловьева на имя

---

[725]) *Соч.*, VIII, 447—450; статья: *В. П. Преображенскій. † 11-го апрѣля 1900 г.*

[726]) *Соч.*, IV, 202.—Въ концѣ 1885 г. или въ началѣ 1886 г., въ письмѣ на имя брата Михаила, Соловьевъ строитъ изъ фамиліи: „Преобра-женскій“ каламбуры: „Преобра-мужской“ и „Преобра-дѣтскій“, давая, по обыкновенію, волю своему незлобному юмору. *Письма* и т. д. (прим. 449), стр. 55, 56.

[727]) О Липягахъ мы упоминали въ главѣ четвертой, когда шла рѣчь о сближеніи Соловьева съ кн. Д. Н. Цертелевымъ. Прибавимъ теперь, что Липяги писались и черезъ „н“ (Липняги), и что Цертелевскіе Липяги нужно отличать отъ Липяговъ Жилинскихъ; оба имѣнія по сосѣдству, въ Спасскомъ уѣздѣ. Въ Липягахъ не-Цертелевскихъ проживали двѣ сестры-дѣвицы Анна Семеновна и Екатерина Семеновна.

его долголѣтняго друга. Приводимъ текстъ этого письма, хорошо обрисовывающаго тѣ интересы, въ которые былъ погруженъ Соловьевъ лѣтомъ 1874 г., полностью.—„Будучи всегда готовъ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, и устно, и письменно говорить о философскихъ предметахъ, я уже собирался отвѣтить вамъ цѣлою диссертаціей въ эпистолярной формѣ и изложить тѣ общія начала, на основаніи которыхъ можно было бы дойти до положительнаго разрѣшенія нашего недоразумѣнія; но такъ-какъ мнѣ приходится излагать эти общія начала въ моей настоящей диссертаціи и, конечно, съ большей полнотой, нежели это можно сдѣлать въ письмѣ, то я и счелъ теперь болѣе удобнымъ ограничиться только тѣмъ, что прямо относится къ вашимъ возраженіямъ.—Все, что сказано о догматизмѣ на 2-ой стр., относится собственно къ «непосредственно передъ Кантомъ господствовавшей метафизикѣ», т. е. системѣ Вольфа, и сказано только для того, чтобы показать исходную точку Канта. Вообще же о до-Кантовской философіи и въ частности о системѣ Декарта въ первой статьѣ упоминается только мимоходомъ, подробно же излагается въ четвертой, которую теперь оканчиваю; въ ней, между прочимъ, показанъ логическій переходъ отъ дуализма Декарта къ монизму Спинозы и далѣе до Канта, какъ это сдѣлано для послѣ-Кантовскихъ системъ въ первой статьѣ.—«Онъ (идеализмъ) отрицаетъ внѣшній міръ—развѣ это значитъ рѣшить вопросъ?» Выраженіе: «отрицаетъ внѣшній міръ» вы употребили, конечно, только для краткости, и мнѣ не нужно доказывать вамъ его неточность. Что же касается того, разрѣшается-ли идеализмомъ метафизическій вопросъ, я полагаю, что *не* разрѣшается, но дѣлается возможнымъ его разрѣшеніе, поскольку идеализмъ доказываетъ немыслимость *безусловно*-предметнаго или безусловно-внѣшняго бытія, доказываетъ, что «предметное бытіе» имѣетъ смыслъ только *относительный*, именно относительно того, для котораго оно есть предметъ, такъ-что предметность, внѣшность, вещество и т. д. суть *отношенія*, а не субстанція, и не можетъ быть непознаваемаго предмета или вещи, потому-что быть предметомъ или вещью—ничего другого не значитъ, какъ быть познаваемымъ, и *внѣшній* міръ именно только и означаетъ *познаваемый* міръ, какъ это прямо слѣдуетъ изъ анализа понятій.—Теперь о пространствѣ: опредѣляя его какъ необ-

---

Кабановы вмѣстѣ съ дѣдушкой Д. А. Лачиновымъ, который любилъ „критиковать“ гр. Л. Н. Толстого за его *Войну и миръ* (съ военной точки зрѣнія). А. С. Кабанова вышла впослѣдствіи замужъ за А. И. Жилинскаго. Соловьевъ, бывавшій въ гостяхъ у Цертелевыхъ, интересовался и дѣдушкой, и внучками.

ходимое условіе нашего представленія, вы потомъ сами замѣчаете, что это опредѣленіе настолько обще, что имъ собственно ничего не разрѣшается. Въ самомъ дѣлѣ, какъ необходимое условіе нашего представленія, пространство можетъ быть чѣмъ-нибудь само по себѣ, а чѣмъ—неизвѣстно, тогда-какъ въ опредѣленіи Канта именно утверждается, что пространство существуетъ *только* въ представленіи, какъ его общая форма, а что̀ такое *въ представленіи*, [728]) это извѣстно непосредственно. — «Что же касается тѣлъ, которыя мы видимъ, мы должны къ нимъ относиться такъ-же, какъ еслибы они были протяженныя» et cet. Это не совсѣмъ точно. Мы относимся къ тѣламъ какъ къ протяженнымъ, потому-что они дѣйствительно протяженны. Изъ того, что пространство существуетъ только въ представленіи, никакъ не слѣдуетъ, чтобы тѣла были непространственны или непротяженны, потому-что вѣдь и тѣла *какъ тѣла* существуютъ только въ представленіи. «Пространство есть общая форма представленія»—для идеализма вѣдь значитъ точно то-же, что̀ для реализма: «пространство есть общее свойство тѣлъ.» — Кантъ называетъ матерію «das Beweglichе», но что̀ такое Bewegung для Канта? Впрочемъ, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, Кантъ сводитъ въ концѣ концовъ матерію къ дѣйствію притягательныхъ и отталкивательныхъ *силъ*. — Я не утверждаю непознаваемость протяженной матеріи; я утверждаю ея несуществованіе, на томъ основаніи, между прочимъ, что дѣйствительное существованіе можно приписывать только тому, что дается въ опытѣ внѣшнемъ или же внутреннемъ, но ни въ томъ, ни въ другомъ матеріи мы не находимъ; правда, мы имѣемъ во внѣшнемъ опытѣ предметы, обладающіе, между прочимъ, свойствами протяженности и матеріальности (т. е. сопротивленія движенію), которыя сводятся анализомъ къ дѣйствію духовнаго начала; но матерія и протяженіе *сами по себѣ* суть, во всякомъ случаѣ, только отвлеченныя понятія разсудка, внѣ котораго, слѣдовательно, они и не существуютъ.— Бездна между *я* и *не-я*, о которой вы говорите, не существуетъ именно для идеализма, такъ-какъ въ немъ *не-я* выводится изъ абсолютнаго *я*, какъ его внутреннее и необходимое дѣйствіе.—Если еще соберетесь написать мнѣ, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, изложите, пожалуйста, тѣ основанія, которыя заставляютъ васъ признавать въ

---

[728]) Къ этому мѣсту, при опубликованіи настоящаго письма, было сдѣлано соотвѣтствующей редакціей такое примѣчаніе: — „Вѣроятно, слѣдуетъ читать: «а что̀ такое представленіе» и т. д.“ Можетъ-быть, эта поправка и не нужна, ибо Соловьевъ тутъ просто повторяетъ предшествующія слова.

веществѣ что-нибудь, кромѣ отношенія силъ, т. е. духовныхъ началъ. — PS. Очень вамъ благодаренъ за карточку, а я все еще не собрался сняться, но когда-нибудь соберусь непремѣнно. До половины іюля я въ Москвѣ, въ Нескучномъ." [729])

Письмо это вызвано, очевидно, письмомъ кн. Д. Н. Цертелева, который интересовался статьями Соловьева, печатавшимися въ 1874 г. въ *Православномъ Обозрѣніи* и вошедшими потомъ въ составъ его магистерской диссертаціи. — То, что говоритъ Соловьевъ про догматизмъ, относится въ диссертаціи къ началу главы первой, слѣдующей непосредственно за введеніемъ. Здѣсь мы читаемъ:—„Основной вопросъ, который ставитъ себѣ Кантова философія, есть, какъ извѣстно, вопросъ о познаніи. Что̀ такое познаніе? возможно-ли и какъ возможно познавать дѣйствительно-сущее? Метафизика до-Кантовская не занималась этимъ вопросомъ: она принимала свое познаваемое (сущность вещей и т. под.) какъ объектъ, данный независимо отъ познающаго, и не изслѣдовала возможности метафизическаго познанія. Такой характеръ философіи, называемый обыкновенно догматизмомъ, особенно ясно выразился въ господствовавшей непосредственно передъ Кантомъ системѣ Вольфа, которая, принимая вполнѣ независимое отъ познающаго субъекта бытіе внѣшняго ему объективнаго міра, утверждала, что мы познаемъ разсудкомъ этотъ объективный міръ (въ онтологіи, раціональной космологіи и психологіи), познаемъ въ его сущности, каковъ онъ самъ по себѣ, причемъ органомъ познанія служатъ врожденныя нашему разсудку идеи и законы мышленія. Но какъ возможно существенное познаніе субъектомъ того, что находится внѣ его и отъ него независимо, а частію и существенно отъ него отличается (какова предполагавшаяся Вольфомъ вещественная субстанція) — такой вопросъ вовсе и не ставился. Это была безсознательная метафизика." [730]) Первая глава диссертаціи и воспроизводитъ текстъ той „статьи первой" въ журналѣ, о которой упоминаетъ Соловьевъ.—Что̀ касается, далѣе, „статьи четвертой", на которую точно также дѣлается ссылка въ письмѣ, то по своему содержанію, указываемому Соловьевымъ, она не соотвѣтствуетъ ни „статьѣ четвертой" въ журналѣ, ни главѣ четвертой въ диссертаціи. Въ „статьѣ четвертой", опубликованной подъ этимъ обозначеніемъ въ сентябрской книжкѣ журнала и составляющей въ диссертаціи

---

[729]) *П.*, II, 221—223.

[730]) *Соч.*, I, 47.

главу четвертую, рѣчь идетъ о сущности Гегелевской философіи, объ абстрактности и недѣйствительности логическихъ понятій, объ ограниченности того философскаго развитія, которое достигло своего завершенія въ системѣ Гегеля, о религіозномъ характерѣ первоначальнаго общаго идеальнаго воззрѣнія, о необходимости для философіи на Западѣ выйти изъ теоретической отвлеченности и школьной замкнутости и заявить свои верховныя права въ дѣлѣ жизни, объ уясненіи антропологическаго принципа въ философіи какъ эгоистическаго, о превращеніи соціализма въ исключительный индивидуализмъ съ отрицаніемъ всякихъ объективныхъ началъ нравственности (Максъ Штирнеръ), объ огромномъ практическомъ значеніи философіи воли и представленія (Шопенгауэръ) и о переходѣ черезъ философію безсознательнаго (Гартманнъ) къ принципу сверхсознательнаго или всеединаго духа. Намѣчаемое въ письмѣ содержаніе „статьи четвертой“ мы находимъ въ той части диссертаціи, которая названа здѣсь „введеніемъ“ и въ журналѣ не опубликовывалась. Весьма правдоподобно, что въ іюнѣ 1874 г. Соловьевъ и предполагалъ включить въ очередную статью для журнала все то, о чемъ онъ сообщаетъ кн. Д. Н. Цертелеву; но затѣмъ, признавши, что правильному ходу изложенія болѣе соотвѣтствовало бы отнести разсужденія о Декартѣ и Спинозѣ и вообще о до-Кантовской философіи во вступительную часть, онъ заготовилъ другую статью, которая и появилась въ журналѣ съ подзаголовкомъ: „статья четвертая“, а въ диссертаціи какъ глава четвертая. Въ пользу этой догадки говоритъ, между прочимъ, то, что, тогда-какъ „первая статья“ отъ „второй“, а „вторая“ отъ „третьей“ отдѣлены единичными книжками журнала (за февраль и за апрѣль), „статья третья“ отдѣлена отъ „четвертой“ тремя книжками (за іюнь, іюль и августъ). [731])

[731]) Тутъ мы снова встрѣчаемся съ вопросомъ о кандидатской диссертаціи Соловьева. Въ концѣ главы пятой, ссылаясь на С. М. Соловьева-младшаго, мы уже указывали, что кандидатскимъ сочиненіемъ Вл. С. Соловьева могла быть его работа о миѳологическомъ процессѣ въ древнемъ язычествѣ; но тамъ-же, въ связи съ сообщеніемъ Л. М. Лопатина, что кандидатская диссертація Соловьева представляла собою первоначальный набросокъ его магистерской диссертаціи, мы высказывались предположительно въ томъ смыслѣ, что въ качествѣ кандидатскаго сочиненія могло быть внесено въ факультетъ, напр., „введеніе“ въ магистерскую диссертацію. Къ сожалѣнію, поиски въ университетскомъ архивѣ вопроса этого не разрѣшаютъ. Соображенія, изложенныя въ текстѣ настоящей главы, заставляютъ думать, что если роль кандидатской диссертаціи играло, дѣйствительно, „введеніе“, то, вѣроятно, лишь въ видѣ первоначальнаго очерка, который и былъ использованъ Соловьевымъ при окон-

Изъ приписки къ письму отъ 19-го іюня 1874 г. на имя кн. Д. Н. Цертелева видно, что до половины іюля Соловьевъ разсчитывалъ оставаться въ Нескучномъ. Гдѣ онъ намѣренъ былъ провести конецъ лѣта, не ясно. За послѣднее время удалось, впрочемъ, получить еще одно письмо Соловьева на имя С. Д. Лапшиной, показывающее, что во второй половинѣ августа онъ былъ, во всякомъ случаѣ, въ Москвѣ. Письмо это, не попадавшее доселѣ въ печать, интересно и съ другихъ точекъ зрѣнія, а потому мы и его воспроизводимъ на этихъ страницахъ цѣликомъ. [732]) — „Весьма виноватъ передъ вами, многоуважаемая Сусанна Денисьевна," пишетъ Соловьевъ изъ Москвы 21-го августа 1874 г., „что доставилъ вамъ напрасный трудъ своимъ необдуманнымъ предложеніемъ. Хотя я не знаю, чтобы романъ былъ уже изданъ на англійскомъ языкѣ, но я думаю (какъ вамъ, конечно, передавалъ Иванъ Осиповичъ), что предпринимать переводъ такого большого сочиненія можно только при несомнѣнной увѣренности издать его съ успѣхомъ. Надѣюсь, что вы не продолжали перевода послѣ вашего послѣдняго письма.—Пріѣхалъ Юркевичъ изъ Самары въ весьма плачевномъ состояніи. Проситъ меня, чтобы до отъѣзда моего за-границу я читалъ лекціи въ университетѣ, такъ-какъ онъ не въ состояніи. Поэтому мнѣ раньше весны уѣхать не придется; въ Петербургѣ же у васъ буду въ ноябрѣ.—Теперь я занятъ по-горло: въ десять дней долженъ былъ написать двѣ статьи; черезъ мѣсяцъ окончу свою диссертацію и тогда доставлю вамъ (и г. Бертольди) всю книгу, а до тѣхъ поръ не имѣю отдѣльныхъ экземпляровъ и потому не могъ прислать вамъ продолженія.—Этимъ лѣтомъ сталъ я немного заниматься стихотворствомъ и, кажется, несовсѣмъ безуспѣшно; при свиданіи прочту вамъ.—A propos des bottes—ви-

---

чательной обработкѣ рукописи для диссертаціи. Возникаетъ, впрочемъ, и такое предположеніе: не былъ-ли кандидатскимъ сочиненіемъ Соловьева тотъ „конспектъ" магистерской диссертаціи, про который онъ писалъ Е. В. Романовой осенью 1873 г. (см. выше въ главѣ десятой, прим. 621)? Обратно кандидатское сочиненіе изъ факультета было выдано автору 3-го сентября 1873 г. (см. прим. 308). Предположеніе это находится, пожалуй, въ еще большемъ согласіи съ сообщеніемъ Л. М. Лопатина.—О томъ, что въ дѣлахъ Московскаго университета кандидатская диссертація Соловьева не сохранилась, упоминаетъ и кн. Е. Н. Трубецкой. Кн. Евгеній Трубецкой, *Вл. С. Соловьевъ и Л. М. Лопатинъ*; *Вопросы философіи и психологіи*, 1914 г., сентябрь-октябрь, кн. 124 (IV), стр. 527;—стр. 531, 532.

[732]) Текстъ письма, принадлежащаго нынѣ къ собранію Э. Л. Радлова, переданъ былъ сему послѣднему И. И. Лапшинымъ, отъ котораго нами получены и дополнительныя справки по содержанію письма.

дѣли-ли вы моего брата? Знаете-ли вы, что онъ женится на m-lle Lamckert? Ecrivez-moi quelque chose là-dessus. Вы, кажется, съ нею знакомы? Я очень жалѣю обоихъ.—Будьте здоровы и веселы.—Кланяйтесь Ивану Осиповичу и всѣмъ вашимъ.—Цѣлую Ваню.—Преданный вамъ Вл. Соловьевъ."

Оказывается, что уже въ эту раннюю пору Соловьевъ принималъ участіе въ литературныхъ трудахъ и заботахъ своихъ друзей и знакомыхъ. Въ позднѣйшіе годы участіе это стало отнимать у него такъ много времени и силъ, что въ концѣ концовъ ему пришлось даже бить отбой. Въ настоящемъ случаѣ, какъ намъ было дополнительно разъяснено, рѣчь шла о переводѣ на англійскій языкъ *Войны и мира* гр. Л. Н. Толстого. Если, какъ можно думать, починъ принадлежалъ здѣсь Соловьеву, то мы въ-правѣ замѣтить, что въ 1874 г. онъ былъ еще очень далекъ отъ отрицательнаго отношенія къ художественнымъ достоинствамъ этого произведенія, не удовлетворявшимъ его впослѣдствіи.[733])

Заслуживаетъ, далѣе, вниманія указаніе, относящееся до П. Д. Юркевича. Въ университетскомъ отчетѣ за 1874 г. мы нашли упоминаніе о томъ, что П. Д. Юркевичу была предоставлена командировка, съ ученою цѣлью, за-границу на время съ 1-го мая по 1-ое октября.[734]) По всѣмъ вѣроятіямъ, это была не столько ученая ко-

[733]) Ср. выше, прим. 537-ое.—Не касаясь причинъ, обусловившихъ перемѣну во взглядахъ Соловьева на художественное достоинство произведеній гр. Л. Н. Толстого, поскольку таковая перемѣна послѣдовала, считаемъ полезнымъ подчеркнуть пока лишь то обстоятельство, что положительное отношеніе къ *Войнѣ и миру* въ 1874 г. можетъ, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствовать объ извѣстной самостоятельности Соловьева, ибо тогда подобное отношеніе вовсе еще не было „общимъ мѣстомъ" критики. Въ то время вѣдь были мыслимы и такія сужденія, какъ, напр. сужденія Н. В. Шелгунова, А. П. Пятковскаго, Навалихина. „Еще счастье", писалъ Н. В. Шелгуновъ, „что гр. Толстой не обладаетъ могучимъ талантомъ, что онъ живописецъ военныхъ пейзажей и солдатскихъ сценъ. Еслибы къ слабой опытной мудрости гр. Толстого придать силу таланта Шекспира или даже Байрона, то, конечно, на землѣ не нашлось бы такого сильнаго проклятія, которое бы слѣдовало на него обратить." А. П. Пятковскій, еще не выждавъ окончанія романа, выражался такъ: „Благодаря отсутствію всякаго плана и всякой логической концепціи между разсказываемыми событіями, романъ Толстого можно разогнать не на четыре, а на двадцать четыре тома." По словамъ Навалихина, „съ начала до конца у гр. Толстого восхваляются буйства, грубость и глупость." Послѣ такихъ образчиковъ тогдашней критики дѣлается понятнымъ скорбное восклицаніе Н. Н. Страхова: „И такіе люди судили, судятъ и будутъ судить о *Войнѣ и мирѣ*!" П. Бирюковъ, *Левъ Николаевичъ Толстой*; біографія; т. II, изд. 2, Москва, 1913 г., стр. 40—43.

[734]) *Отчетъ и рѣчи* и т. д.; Москва, 1875 г. (прим. 267); стр. 6.

мандировка, сколько льготный отпускъ для леченія. Но за-границу П. Д. Юркевичъ, повидимому, не попалъ, а отправился искать возстановленія своего здоровья въ Самару. Мы уже упоминали въ главѣ седьмой, что П. Д. Юркевичъ, тяжело пораженный смертью своей жены въ 1873 г., вскорѣ-же захворалъ самъ такимъ безнадежнымъ недугомъ, какъ ракъ желудка.[735]) Не удивительно поэтому, что Самара ему не помогла, и что въ Москву онъ возвратился задолго до истеченія срока „командировки", притомъ „въ весьма плачевномъ состояніи". Его обращеніе къ Соловьеву съ просьбою замѣнить его по части чтенія лекцій въ университетѣ хотя-бы до весны 1875 г., когда Соловьевъ собирался выѣхать за-границу, показываетъ, какъ высоко цѣнилъ П. Д. Юркевичъ именно этого своего молодого ученика, и какъ велика была его увѣренность въ томъ, что историко-филологическій факультетъ и совѣтъ университета отнесутся къ такой замѣнѣ сочувственно. Не слѣдуетъ, однако-же, упускать изъ виду, что тутъ требовалось соблюденіе извѣстныхъ формальностей, предопредѣленныхъ въ законѣ и еще не выполненныхъ Соловьевымъ. По § 68-му университетскаго устава 1863 г., чтобы занять положеніе штатнаго доцента, необходимо было имѣть ученую степень не ниже магистра, а для того, чтобы выступить въ качествѣ приватъ-доцента лицу, имѣющему степень кандидата, надлежало представить особую диссертацію pro venia legendi и защитить ее публично въ присутствіи факультета (не говоря уже о прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій, согласно § 69-му).[736]) Нельзя было поэтому успокоиться на простомъ согласіи исполнить просьбу П. Д. Юркевича—надо было поторопиться съ завершеніемъ подготовительныхъ дѣйствій, которыя и раньше направлялись въ сторону пріобрѣтенія степени магистра.

Возвѣщая свой пріѣздъ въ Петербургъ на ноябрь, Соловьевъ разумѣлъ этотъ пріѣздъ, надо полагать, въ связи съ магистерскимъ экзаменомъ и магистерскимъ диспутомъ. Работа надъ диссертаціей подвигается у него теперь еще быстрѣе, чѣмъ прежде. „Въ десять дней" имъ были написаны „двѣ статьи", а „черезъ мѣсяцъ", т. е. къ 21-му сентября, онъ надѣется окончить диссертацію совсѣмъ. „Двѣ статьи" — это тѣ части диссертаціи, которыя появились въ октябрской и ноябрской книжкахъ *Православнаго Обозрѣнія*, т. е. глава пятая, resp. „статья пятая и послѣдняя", и приложеніе къ

---

735) Ср. некрологъ, отмѣченный въ прим. 374-омъ. См. также прим. 380-ое.

736) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1057.

диссертаціи, resp. отдѣльная статья подъ заглавіемъ: *Позитивизмъ. Теорія Огюста Конта о трехъ фазисахъ въ умственномъ развитіи человѣчества.* Въ общемъ обѣ эти статьи занимаютъ въ журналѣ около трехъ печатныхъ листовъ. Отнести написаніе этихъ статей или хотя-бы второй изъ нихъ къ сроку болѣе позднему едва-ли возможно, такъ-какъ въ Петербургъ Соловьевъ пріѣхалъ даже раньше, чѣмъ это намѣчалось имъ въ разсматриваемомъ письмѣ, а именно не въ ноябрѣ, а 25-го сентября. Заниматься писаніемъ диссертаціи въ Петербургѣ было, разумѣется, совсѣмъ ужъ неудобно. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, что работа у Соловьева очень спорилась, а это лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ, въ какой мѣрѣ весь матеріалъ для работы былъ у него продуманъ и систематизированъ заѓодя.[737])

Обѣщая доставить экземпляры своей „книги“, т. е. диссертаціи,

---

[737]) О манерѣ Соловьева работать кн. С. Н. Трубецкой даетъ такой общій отзывъ:—„На всей умственной дѣятельности его лежала печать творчества. Самая память его, обширная и ясная, какъ его умъ, была неразрывно связана съ дѣятельностью этого ума; факты не запоминались имъ механически, они осмысливались творчески, претворялись въ мысль, обогащая ее собою. Непосредственной силой творчества дышала и діалектика Соловьева, поражавшая своей ясностью, смѣлостью и широтою замысла. Труды свои Вл. С. сочинялъ мысленно, потомъ обдумывалъ, вынашивалъ иногда очень долго и, наконецъ, писалъ чрезвычайно быстро. Нерѣдко статья у него была «готова», когда еще ни строчки изъ нея не было написано, и нѣсколько такихъ «готовыхъ» статей онъ унесъ съ собою... Творческіе замыслы рождались въ немъ внезапно, иногда на прогулкѣ, иногда при пробужденіи отъ сна или въ гостяхъ, при совершенно не подходящей обстановкѣ. Мысли, которыя онъ впослѣдствіи долгое время обдумывалъ и вынашивалъ, являлись ему впервые съ силою непосредственнаго вдохновенія — въ формѣ художественнаго поэтическаго образа, а иногда въ формѣ какого-то умственнаго видѣнія.“ Кн. С. Н. Трубецкой (прим. 188), т. I, стр. 356; статья: *Основное начало ученія В. Соловьева.*—Сходныя замѣчанія находимъ мы и у кн. Е. Н. Трубецкого. „Работа мысли и воображенія Соловьева никогда не останавливалась: она достигала высшаго своего напряженія именно въ тѣ часы, когда онъ, повидимому, ничѣмъ не былъ занятъ. Онъ не имѣлъ обыкновенія думать съ перомъ въ рукѣ: онъ брался за перо только для того, чтобы записать произведеніе, уже раньше созрѣвшее и окончательно сложившееся въ его головѣ; самый же процессъ творчества происходилъ у него или на ходу, во время прогулки или пріятельской бесѣды, или же, наконецъ, въ часы безсонницы, не прекращаясь даже и во время сна: ему случалось просыпаться съ готовымъ стихотвореніемъ. Поэтому для него, собственно говоря, не существовало отдыха, и всего менѣе онъ отдыхалъ во снѣ.“ Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 18, 19.—Здѣсь-же ссылка на Г. А. Рачинскаго, *Взглядъ Вл. С. Соловьева на красоту; Вопросы философіи и психологіи*, 1901 г., январь-февраль, кн. I (56), стр. 130—137;—стр. 130, 131.

С. Д. Лапшиной и „г. Бертольди“, Соловьевъ оговаривается, что до окончанія печатанія этой книги онъ лишенъ возможности прислать „продолженія“. Всего проще предположить, что раньше онъ имѣлъ отдѣльные оттиски первыхъ трехъ статей (изъ январской, мартовской и майской книжекъ *Православнаго Обозрѣнія*), которыми и дѣлился съ такими близкими людьми, какъ, напр., кн. Д. Н. Цертелевъ и супруги Лапшины; но теперь, въ концѣ августа, при необходимости вести печатаніе не только въ журналѣ, но и въ особомъ изданіи, онъ на отдѣльные оттиски изъ журнала уже не разсчитываетъ, ибо особое изданіе должно было въ извѣстныхъ границахъ перегнать журналъ. Что касается г. Бертольди, то это былъ уже немолодой лютеранскій пасторъ, проживавшій въ Петергофѣ,—личность во многихъ отношеніяхъ примѣчательная.[738])

---

[738]) Въ виду особаго интереса того обстоятельства, что у Соловьева уже въ эти молодые его годы завязались отношенія съ однимъ изъ представителей инославнаго духовенства, считаемъ полезнымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о пасторѣ А.-К. Бертольди (A.-C. Bertoldy), доставленныя намъ его дочерью Е. К. Бергъ.—Родился А.-К. Бертольди въ Дрезденѣ, въ 1825 г., и получилъ при крещеніи по евангелическо-лютеранскому обряду имена Антона и Камилла (Camillo); звали его обыкновенно Камилломъ. Отецъ его былъ католикомъ, мать—лютеранка. Его прадѣдъ, итальянецъ по происхожденію, переселился въ Дрезденъ изъ Турина. Въ 1833 г. Антонъ-Камиллъ Бертольди потерялъ и отца, и мать. Опекунъ помѣстилъ мальчика въ школу, подготовляющую воспитанниковъ къ поступленію въ кадетскій корпусъ. Воспитанники принимались въ корпусъ 1-го января подъ условіемъ конфирмаціи до этого срока. Выполнить это требованіе, по возрасту мальчика, оказалось невозможнымъ, а платить за него лишній годъ въ школу не было средствъ. Пришлось поэтому отдать его въ ученіе къ купцу. Черезъ годъ спротѣ сообщили, что у него есть дядя, проживающій въ Симферополѣ. Дядя этотъ, переселившійся впослѣдствіи въ Одессу, своихъ дѣтей не имѣлъ и выразилъ готовность пріютить племянника у себя. Въ 1841 г., въ возрастѣ около 16 лѣтъ, Камиллъ и переѣхалъ къ своему дядѣ въ Россію. Дядя давалъ уроки музыки, итальянскаго языка, рисованія. Жена его—рожденная Гогель (Emilie de Goguel), изъ гугенотской семьи, переселившейся въ Россію изъ Франціи. Въ возрастѣ около 18 лѣтъ А.-К. Бертольди выдержалъ экзаменъ на учителя рисованія и чистописанія и получилъ штатное мѣсто въ Севастополѣ, съ жалованьемъ по 500 р. ассигнаціями или по 125 р. серебромъ въ годъ. Въ 1844 г. онъ познакомился съ пасторомъ Гильденгагеномъ (Hildenhagen). Вліяніе на юношу этого пастора было такое сильное, что тотъ впослѣдствіи называлъ его своимъ духовнымъ отцомъ. Отлично зная древніе языки, пасторъ Гильденгагенъ предложилъ Камиллу безвозмездные уроки по этой части. Черезъ 4 года А.-К. Бертольди оказался въ состояніи сдать необходимые экзамены, а затѣмъ онъ поступилъ на богословскій факультетъ Дерптскаго (нынѣ Юрьевскаго) университета. Здѣсь ему удалось получить казенную стипендію. Вслѣдствіе этого онъ былъ назначенъ въ свое время правительствомъ на должность пастора въ колонію Елизабетталь около Тифлиса. Прослу-

Занятія стихотворствомъ, начало которыхъ Соловьевъ пріурочиваетъ къ лѣту 1874 г., выразились, насколько это удалось установить доселѣ, въ томъ, что въ этомъ году имъ были написаны: четверостишіе — *Изъ Платона* (*На звѣзды глядишь ты, звѣзда моя*

живъ на этомъ мѣстѣ почти 7 лѣтъ, онъ переѣхалъ затѣмъ въ Петербургъ и вскорѣ сдѣлался редакторомъ еженедѣльнаго журнала: *Das St.-Petersburger evangelische Sonntagsblatt*, который издавался раньше пасторомъ Зеебергомъ. Число подписчиковъ, съ платою по 2 р. въ годъ, равнялось сначала 1100. Черезъ 44 года усиленной работы оно возросло до 8600 чел. Нужда въ средствахъ къ существованію для семьи заставляла, однако, искать и другихъ оплачиваемыхъ занятій. Въ 1862 г., вскорѣ по прибытіи въ Петербургъ, А.-К. Бертольди удалось получить мѣсто пастора въ Петергофѣ. Въ этой должности онъ оставался до выхода въ отставку въ 1898 г., сохранивъ, впрочемъ, за собою редакцію дорогого его сердцу листка. Благодаря этому изданію, имя пастора А.-К. Бертольди сдѣлалось извѣстнымъ среди единовѣрцевъ по всей Россіи, не исключая Сибири. Подписчики были даже въ Африкѣ. Умеръ А.-К. Бертольди 19-го октября 1914 г., на девяностомъ году жизни. Послѣднія слова его выражали заботу объ очередномъ выпускѣ все того-же религіозно-просвѣтительнаго листка. Будучи глубоко вѣрующимъ, убѣжденнымъ христіаниномъ, А.-К. Бертольди полагалъ цѣль своей жизни въ передачѣ вѣры окружающимъ. Надгробная надпись, составленная имъ самимъ для самого себя, гласитъ: „Geboren, um zu sterben; gestorben, um zu leben.“ Погребенъ онъ въ Старомъ Петергофѣ. Мѣсто для могилы, около православнаго собора, было пріобрѣтено имъ задолго до конца жизни; здѣсь онъ приготовилъ склепъ для себя и для своей жены. Вдова пережила его только на 2 мѣсяца; скончалась она 18-го декабря 1914 г., на восьмидесятомъ году. Прожили супруги вмѣстѣ 60 лѣтъ. А.-К. Бертольди былъ человѣкомъ твердыхъ убѣжденій и добраго сердца. Нерѣдко приходилось ему имѣть столкновенія съ цензурой, но почти всегда онъ выходилъ побѣдителемъ. Десятую часть доходовъ онъ откладывалъ на благотворительныя дѣла; считая эти деньги уже не своими, онъ всегда располагалъ достаточными средствами для помощи нуждающимся. Въ 1906 г. А.-К. Бертольди издалъ 57 *Reisebriefe*. Здѣсь онъ описываетъ свои путешествія, а также даетъ краткую автобіографію, причемъ излагаетъ свои религіозные взгляды и разсказываетъ о томъ переломѣ въ своей жизни, когда изъ легкомысленнаго, безпечнаго онъ сталъ вѣрующимъ и рѣшился поступить на богословскій факультетъ. Въ 1913 г. онъ написалъ *Letzte Gedanken eines Achtundachtzigjährigen*. Жена А.-К. Бертольди—рожденная Карлбломъ. Іоганнъ Карлбломъ (Carlblom) былъ профессоромъ богословія въ Дерптскомъ университетѣ; Карлбломы—выходцы изъ Швеціи. Все, что писалъ А.-К. Бертольди, онъ читалъ своей женѣ, и она была первой его цензурой. Въ годы юности онъ занимался спиритизмомъ. Его дядя въ Одессѣ былъ убѣжденнымъ спиритомъ до самой смерти. А.-К. Бертольди впослѣдствіи отказался отъ спиритизма и годами велъ переписку на эту тему съ дядей, стараясь убѣдить его, что всякое сношеніе съ духами возбраняется намъ св. писаніемъ.—Нѣкоторыми справками относительно А.-К. Бертольди мы обязаны также Я. Н. Колубовскому.—А.-К. Бертольди не слѣдуетъ смѣшивать съ И. Н. Бертольди. Это псевдонимъ И. Н. Ге, драматическаго писателя и театральнаго критика, родившагося въ 1841 г. и умершаго въ 1893 г. См. С. Венгерова (прим. 431), стр. 59, 167.

свѣтлая!...), *Ночное плаваніе* (изъ *Romancero* Гейне) и *Прометею*. Относительно первой піесы имѣется указаніе, что она написана въ Москвѣ; при рукописи второй піесы—помѣтка: „Іюль 1874, Нескучное"; при рукописи третьей—„Августъ 1874, Нескучное". Всѣ эти піесы входятъ въ составъ альбома № 1. Въ печати *Изъ Платона* и *Ночное плаваніе* появились значительно позднѣе, а *Прометею*—даже послѣ смерти автора. Возможно, что стихотвореніе это, способное вызвать нѣкоторыя — хотя-бы и легко устранимыя—сомнѣнія, умышленно не допускалось Соловьевымъ до печатнаго станка,—во избѣжаніе излишнихъ недоразумѣній. [739])

Про сестеръ О. О. и Е. (А.) О. Ламкертъ необходимыя свѣдѣнія уже были приведены нами въ главѣ первой. По тону письма, которое мы продолжаемъ теперь разсматривать, можно догадываться, что брачные планы Вс. С. Соловьева одобренія со стороны его брата Владиміра не встрѣчали. Впрочемъ, вскорѣ мы убѣдимся, что уже черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, при личномъ свиданіи съ О. О. Ламкертъ, вступившей тѣмъ временемъ въ бракъ съ Вс. С. Соловьевымъ, Вл. С. Соловьевъ готовъ былъ „весьма одобрять" ее. [740]) С. Д. Лапшина

---

[739]) Относительно эпиграммы, приписываемой Платону и переведенной Соловьевымъ, ср. нѣкоторыя замѣчанія у Th. Bergk'a, *Poetae lyrici graeci*, ed. quartae vol. II, Lipsiae, MDCCCLXXXII, p. 303. Справка эта доставлена намъ С. С. Лукьяновымъ, предлагающимъ такой почти дословный переводъ, не претендующій, конечно, на поэтическія преимущества:—

Ты на звѣзды глядишь, звѣзда моя; быть бы мнѣ небомъ,
Чтобы глазами смотрѣть многими могъ на тебя.—

Переводъ Соловьева весьма близокъ къ подлиннику, но нѣсколько амплифицированъ.

Піеса, переведенная изъ Гейне, носитъ въ оригиналѣ заглавіе: *Nächtliche Fahrt.* Heinrich Heine's *Sämmtliche Werke*; XI. Bd., Hamburg 1876; S. 45. Стихотвореніе состоитъ въ подлинникѣ изъ 12 строфъ въ 4 стиха; въ переводѣ число строфъ—13. Амфибрахій Соловьева по звучности и плавности можетъ поспорить со стихомъ Гейне. Переводъ невполнѣ точный и содержитъ нѣкоторые оттѣнки мысли, болѣе близкіе Соловьеву, чѣмъ Гейне.—Относительно стихотворенія: *Прометею* С. М. Соловьевъ-младшій замѣчаетъ, что идея этой піесы „чисто ницшеанская". Ср. предисловіе Сергѣя Соловьева къ 6-му изд. *Стихотвореній* Вл. С. Соловьева (прим. 468), стр. VII.—Свѣдѣнія, касающіяся датировки выше названныхъ стихотвореній, см. въ этомъ-же 6-омъ изд., стр. 335, 342 и 347.

[740]) *П.*, II, 2.—Въ началѣ августа 1873 г., въ письмѣ на имя Е. В. Романовой, про „подателя сего письма", который, очевидно, не внушаетъ полнаго довѣрія къ себѣ, Соловьевъ выражается такъ:—„Впрочемъ, я его очень люблю и отъ души желаю, чтобы онъ достигъ цѣли своихъ стремленій и сдѣлался хорошей галкой, что

знала, повидимому, лишь жену Вс. С. Соловьева, но не ея семью. О томъ, что супруги Лапшины бывали у Вс. С. Соловьева, можно судить по тому, что было сказано раньше, въ главѣ восьмой.

„Кланяйтесь Ивану Осиповичу и всѣмъ вашимъ...“—„Всѣ ваши“—это, вѣроятно, простая обмолвка, ибо, кромѣ И. О. Лапшина, С. Д. Лапшиной и ихъ сына Вани, въ составъ семьи входила тогда лишь сестра И. О.—Олимпіада Осиповна. Правда, была еще старушка-няня, Аграфена Дмитріевна, ходившая за любимцемъ Соловьева—мальчикомъ Ваней...

Слѣдующимъ опорнымъ пунктомъ для группировки біографическихъ матеріаловъ является письмо Соловьева на имя кн. Д. Н. Цертелева изъ Москвы отъ 13-го сентября 1874 г. Намековъ на отлучку изъ Москвы и въ этомъ письмѣ не имѣется. Надо думать, что, дѣйствительно, конецъ лѣта Соловьевъ провелъ безвыѣздно въ городѣ, ускоренно заканчивая печатаніе диссертаціи. Вотъ текстъ этого письма.—„Спѣшу отвѣтить вамъ нѣсколько словъ до вашего отъѣзда въ Парижъ и моего въ Петербургъ. Теперь я такъ заваленъ обязательной работой, что долженъ на нѣкоторое время отложить весьма желательное мнѣ продолженіе нашей философской переписки. Дѣло въ томъ, что Юркевичъ, не будучи въ состояніи читать лекціи, просилъ меня взять это на себя во второе полугодіе, а потому я долженъ торопиться своимъ магистерствомъ, для чего и отправляюсь въ Петербургъ,—за-границу такимъ образомъ я могу ѣхать только лѣтомъ; надѣюсь, по крайней мѣрѣ, увидѣться съ вами въ промежуткѣ между вашимъ возвращеніемъ оттуда и моимъ отъѣздомъ туда.—Разговоръ о Лермонтовѣ, какъ вы угадали, возобновлялся у С. Несомнѣнно, что Лермонтовъ имѣетъ преимущество рефлексіи и отрицательнаго отношенія къ наличной дѣйствительности, хотя я согласенъ съ С., что въ художественномъ отношеніи Пушкинъ выше. Что касается до стихотворенія: *И скучно, и грустно*, то нельзя отрицать, что по формѣ оно нѣсколько прозаично. Съ замѣчаніями же вашими относительно „das Ewig-Weibliche“ я вполнѣ соглашаюсь, хотя, съ другой стороны, долженъ признать и ту печальную истину, что это Ewig-Weibliche, не смотря на свою очевидную несостоятельность, тѣмъ не менѣе, по

для большинства людей есть самое лучшее дѣло.—Вотъ мы съ тобой, кажется, по природѣ неспособны быть галками quand même.“ *П.*, III, 92. По нѣкоторымъ даннымъ, можно догадываться, что слова эти относятся къ брачнымъ планамъ одного близкаго лица, которое вскорѣ стало простирать свои виды и на Е. В. Романову. Ср. выше, главу девятую.

какой-то фатальной необходимости, zieht uns an съ силой непреодолимою.—У меня нѣтъ ни одного порядочнаго стихотворенія въ отдѣланномъ видѣ; Гамлетомъ займусь въ видѣ отдыха по возвращеніи изъ Петербурга; что же касается философскихъ статей, то пришлю вамъ въ Парижъ всю книгу, часть которой онѣ составляютъ и которая должна быть издана черезъ мѣсяцъ; это будетъ моя магистерская диссертація. Если у васъ въ Парижѣ будетъ опредѣленный адресъ, то сообщите мнѣ его тогда—это будетъ вѣрнѣе; мнѣ же пишите въ Москву: оттуда будутъ пересылать. Желаю вамъ благополучнаго путешествія.—PS. Въ Петербургѣ предполагаю увидѣть знаменитаго медіума Вильямса; если будетъ что̀ замѣчательное, напишу.“ [741])

И здѣсь, какъ въ предъидущемъ письмѣ на имя С. Д. Лапшиной, на первомъ планѣ работа надъ диссертаціей, окончаніе которой, впрочемъ, немного отсрочивается. Болѣзнь П. Д. Юркевича прогрессировала, и магистерствомъ приходилось интересоваться вдвойнѣ. Тутъ уже отчетливо говорится о чтеніи лекцій въ теченіе второго учебнаго полугодія. За магистерствомъ Соловьевъ собирался ѣхать въ Петербургъ—по всѣмъ вѣроятіямъ, отчасти въ виду родственныхъ связей съ нѣкоторыми членами московской университетской коллегіи, отчасти въ виду болѣзни П. Д. Юркевича. Срокъ отъѣзда въ точности не опредѣляется, хотя фактически отъѣздъ этотъ и состоялся недѣли черезъ полторы послѣ 13-го сентября. Скончался П. Д. Юркевичъ уже въ то время, когда Соловьевъ былъ въ Петербургѣ. [742])

---

[741]) *П.*, II, 224.

[742]) Прот. В. П. Яцевичъ, землякъ и школьный товарищъ П. Д. Юркевича, случайно прибывшій къ нему въ Москву изъ Полтавской губерніи въ самый день его погребенія, произнесъ рѣчь на могилѣ покойнаго и при этомъ обращался къ нему съ такими словами:—„Ты, усопшій мой давній товарищъ и другъ, горячо любилъ свою родную землю, своихъ земляковъ и родныхъ тебѣ людей. И мы всѣ, тебя знавшіе, также любили тебя, радовались за тебя и утѣшались твоею славою, какъ-бы своею собственною.....—Что̀-же ты пошлешь теперь своей родной странѣ?..... Мнѣ думается, что еслибы ты могъ теперь говорить, то, вѣроятно, сказалъ бы ты то-же, что при жизни совѣтовалъ и любилъ говорить намъ, сельскимъ священникамъ: «заботьтесь о школахъ, заботьтесь о народномъ образованіи, заботьтесь о религіозномъ развитіи народа: въ религіозномъ образованіи народа—вся сила, все спасеніе и благосостояніе нашего отечества, всей русской земли.» Этотъ благой завѣтъ твой услышанъ у насъ уже при жизни твоей,—а теперь онъ еще больше будетъ принятъ къ сердцу.....“ Прот. В. П. Яцевичъ, *Рѣчь на могилѣ*; *Православное Обозрѣніе*, 1874 г., октябрь, стр. 525, 526. Октябрская книжка журнала снабжена цензурною

Путешествіе кн. Д. Н. Цертелева за-границу, предусматриваемое въ письмѣ на его имя, состоялось, дѣйствительно, осенью 1874 г. Путешествіе это онъ совершилъ вмѣстѣ съ гр. А. К. Толстымъ, котораго онъ искренно любилъ и который, въ свою очередь, былъ очень расположенъ къ своему юному свойственнику.[743]) Въ началѣ октября путешественники были въ Берлинѣ и совмѣстно посѣтили Фрауэнштедта и Гартманна. Чрезвычайно живыя подробности объ этихъ посѣщеніяхъ содержатся въ письмѣ гр. А. К. Толстого къ его женѣ. Въ виду плановъ и Соловьева о личномъ знакомствѣ съ Гартманномъ, о чемъ еще рѣчь впереди, отмѣтимъ здѣсь то, что касается этого властителя тогдашнихъ философскихъ думъ. „Сегодня мы были у Гартманна“, пишетъ гр. А. К. Толстой, „подъ предлогомъ, что Ц. [т. е. кн. Д. Н. Цертелевъ] хочетъ что-то изъ него перевести. И онъ насъ принялъ также съ большимъ радушіемъ [подобно Фрауэнштедту], которымъ онъ по репутаціи не отличается.—Я даже не хотѣлъ къ нему идти, но, увидѣвъ его портретъ, совершенно перемѣнилъ намѣреніе и съ удовольствіемъ пошелъ.—Онъ—милый симпатичный человѣкъ, со скромностью de bon aloi, и похожъ на очень добраго и умнаго морского моржа,—я тебѣ пришлю карточку. Разговоръ подстрекалъ я, но говорилъ больше Ц., и они имѣли даже небольшое философское преніе, а Ц. такъ этимъ доволенъ, что возымѣлъ желаніе идти завтра къ Гельмгольтцу, вслѣдствіе чего я рѣшился остаться еще завтра и написать Гельмгольтцу.—Ц. говорилъ съ Гартманномъ болѣе о Декартѣ и о томъ, что сила дѣйствуетъ не на матерію, а на другую силу, матерія же—это только такъ, для красы. Гартманнъ предложилъ даже Ц. переписываться съ нимъ.—А мнѣ дорогой Ц. сказалъ, что онъ никогда никого не встрѣчалъ, кто бы сразу внушилъ ему такую симпатію, какъ я, потому-что нѣтъ у меня никакого гримажа. И правда, что нѣтъ.“ Въ ноябрѣ путешественники были въ Парижѣ. Здѣсь они видѣлись, между прочимъ, съ И. С. Тургеневымъ. „Онъ [т. е. И. С. Тургеневъ]—настоящая находка для Д. Ц. [Дмитрія Цертелева],“ разсказываетъ гр. А. К. Толстой, „такъ-какъ онъ очень охотно принялъ наше приглашеніе присутствовать при *спиритическомъ сеансѣ*, который у насъ будетъ, какъ только мы устроимся окончательно. Надо тебѣ сказать,

---

пометкою отъ 3-го ноября 1874 г.—Въ этой-же книжкѣ журнала помѣщено *Надгробное слово* и прот. Н. А. Сергіевскаго. *L. c.*, стр. 522.

[743]) По словамъ княг. Е. Ѳ. Цертелевой, гр. А. К. Толстой особенно сблизился съ кн. Д. Н. Цертелевымъ въ Карлсбадѣ, въ 1872 г.

что здѣсь есть, чортъ его знаетъ, какой-то Фирманъ-американецъ, который вызываетъ духовъ *видимыхъ* и *говорящихъ* безъ всякихъ приготовленій и гдѣ хотятъ, за 25 франковъ.—Редакторъ спиритическаго журнала далъ намъ его адресъ.—Редакторъ, видимый шарлатанъ, безсовѣстный и нахальный, очень повредилъ въ нашемъ мнѣніи Фирману, но мы пошли къ нему на квартиру, чтобы познакомиться съ нимъ, какъ съ интереснымъ фокусникомъ.—Такъ-какъ онъ живетъ въ 5-омъ этажѣ, я не взошелъ, а подождалъ Дмитрія въ каретѣ.—Онъ вернулся въ восторгѣ отъ наивности и простоты этого господина, который заявляетъ, что ему не нужно никакихъ приготовленій, и что онъ готовъ подвергнуться всѣмъ предосторожностямъ—въ какомъ угодно помѣщеніи; однимъ словомъ—увидимъ!“ [744]) Какой вышелъ толкъ изъ предположеннаго спиритическаго сеанса,—изъ переписки не усматривается. Какъ бы то ни было, пребываніе въ Парижѣ не разочаровало кн. Д. Н. Цертелева въ спиритизмѣ окончательно, и онъ продолжалъ интересоваться имъ и позднѣе, гостя въ Лондонѣ, на что̀ указываетъ одно изъ послѣдующихъ писемъ Соловьева на его имя. [745])

„Разговоръ о Лермонтовѣ“, возобновлявшійся „у С.“, происходилъ, какъ выясняетъ наша справка по оригиналу письма, хранящемуся у кн. Е. Ѳ. Цертелевой, у Соллогубовъ. Соловьевъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ молодымъ гр. Ѳедоромъ Львовичемъ Соллогубомъ, котораго онъ считалъ самымъ своеобразнымъ и привлекательнымъ изъ всѣхъ людей, какихъ ему только случалось знавать. Еще незадолго до своей смерти Соловьевъ вспоминалъ „большой просторный домъ, — барскій оазисъ среди купеческаго Замоскворѣчья — противъ Николы, что̀ въ Толмачахъ, близъ Ордынки...“ [746]) Въ этомъ домѣ проживалъ гр. Ѳ. Л. Соллогубъ, вступившій въ началѣ 70-ыхъ годовъ въ бракъ съ баронессой Наталіей Михайловной Боде-Колычевой. Въ ту пору здравствовала и мать его, Марія Ѳедоровна, рожденная Самарина, сестра Юрія Ѳедоровича и другихъ братьевъ Самариныхъ, сыновей Ѳедора Васильевича Самарина. Отецъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба Левъ Александровичъ приходился роднымъ братомъ автору *Тарантаса*, талантливому гр. Владиміру Александровичу Соллогубу. Родился гр. Ѳ. Л. Соллогубъ

[744]) *Полное собраніе сочиненій* гр. А. К. Толстого; изд. т-ва А. Ф. Марксъ; т. IV, С.-Петербургъ, 1908 г.; стр. 171—173.—О письмахъ Э. ф. Гартманна къ кн. Д. Н. Цертелеву см. выше, прим. 221-ое.

[745]) *П.*, II, 225.

[746]) *П.*, III, 275; статья: *Изъ воспоминаній. Аксаковы.*

въ 1848 г., а скончался въ 1890 г., когда ему было всего 42 года.[747]) Жена его, славившаяся въ молодости красотою (особенно восторгались ея глазами), отошла въ лучшій міръ въ началѣ 1916 г. „Ѳ. Л. Соллогубъ не былъ «общественнымъ дѣятелемъ», политика была совершенно чужда его натурѣ; онъ не отличался ни на гражданскомъ, ни на военномъ служебномъ поприщѣ, которыя никогда не привлекали его, хотя онъ одно время сталъ-было въ ряды лицъ судебнаго вѣдомства. Онъ не былъ ученымъ спеціалистомъ, педагогомъ, техникомъ; сфера его была исключительно художественная; онъ былъ служителемъ чистаго искусства—художникомъ и поэтомъ..... Основной его чертой была душевная мягкость, доброта, поразительная незлобивость и любвеобильность..... Во всякое общество, въ которое онъ входилъ, онъ вносилъ бодрое, радостное настроеніе. Тонкій, безобидный юморъ, никого не задѣвавшая шутка, привѣтливость и отсутствіе всякой условности дѣлали его общество особенно цѣннымъ. Его любили дѣти (онъ имъ платилъ тѣмъ-же), молодежь, люди зрѣлые, серьезные,—каждый чувствовалъ себя съ нимъ хорошо.—Соллогубъ былъ человѣкъ до извѣстной степени «не отъ міра сего», что̀ выражалось у него въ полномъ отсутствіи заботъ о себѣ, о личныхъ удобствахъ, въ совершенномъ безразличіи къ тому, что зовется почестями, положеніемъ, ... и равнодушномъ отношеніи къ деньгамъ..... Положимъ, нужды Ѳ. Л. никогда не испытывалъ, онъ былъ человѣкъ матеріально обезпеченный; но едва-ли онъ зналъ надлежаще степень своей обезпеченности..... Разсѣянность его тоже была значительна: часто онъ щеголялъ въ надѣтомъ по ошибкѣ чужомъ пальто, не замѣчая этого, носилъ въ карманѣ взятое, вмѣсто носового платка, полотенце и т. п. Непрактичность его въ житейскихъ дѣлахъ не имѣла границъ, что̀ его нисколько не смущало..... Талантъ его раздваивался: онъ обладалъ поэтическимъ даромъ..... и рисовалъ..... спеціальностью его были рисунки карандашомъ, перомъ, сепіей, гуашью

[747]) Н. В. Давыдовъ, *Изъ прошлаго*; изд. 2, Москва, 1914 г.; очеркъ: *Графъ Ѳедоръ Львовичъ Соллогубъ*, стр. 278—317.—Годъ рожденія гр. Ѳ. Л. Соллогуба выводится изъ указаній автора, дѣлаемыхъ имъ на стр. 279. — Близкаго друга Соловьева не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ Ѳедоромъ Сологубомъ (псевдонимъ Ѳ. К. Тетерникова; род. въ 1863 г.). Ю. Айхенвальдъ называетъ этого писателя „русскимъ Бодлэромъ“, „поклонникомъ Діавола“, которому хочется „и арфъ Давида, и притчей Соломона,“ и даже еще болѣе высокаго и священнаго; „онъ себѣ самому — чужой и внѣшній, онъ самому себѣ только снится.“ Ю. Айхенвальдъ, *Силуэты русскихъ писателей*; вып. III, изд. 2; Москва, 1913 г.; статья: *Ѳедоръ Сологубъ (его стихотворенія)*, стр. 171—184; стр. 181, 182, 177.

и акварелью..... Соллогубъ не особенно цѣнилъ, къ сожалѣнію, поэтическое дарованіе свое и рѣдкую способность къ стройному стихосложенію..... Ѳ. Л. создалъ довольно много стихотворныхъ произведеній въ жанрѣ «Кузьмы Пруткова» съ добавленіемъ къ этому шуточно-сатирическому жанру нѣсколькихъ своихъ характерныхъ чертъ, общихъ у графа съ произведеніями такого-же рода покойнаго философа Владиміра Сергѣевича Соловьева, съ которымъ Соллогуба связывала искренняя дружба..... Ѳ. Л. притягивалъ къ себѣ [и] театръ..... Онъ сталъ испытывать свои силы на сценѣ въ качествѣ актера. Удивительно, что именно эта сторона театральнаго дѣла привлекла Ѳ. Л., ибо онъ не обладалъ въ ней рѣшительно никакими способностями..... Въ послѣдніе годы жизни Ѳ. Л. занялъ, по предложенію дирекціи, особую должность при московскихъ казенныхъ театрахъ..... должность начальника художественной части..... Эта должность была вполнѣ по силамъ Ѳ. Л., и онъ взялся горячо и основательно за любимое дѣло..... Но именно въ это время, когда имъ обдумывались и создавались планы будущихъ работъ, послѣдовала его кончина..... Блестящему поэтическому дарованію Ѳ. Л. не было суждено развиться, а также и художественному его творчеству былъ поставленъ судьбой предѣлъ въ тотъ моментъ, когда оно только-что стало серьезнымъ и производительнымъ.“ [748]) Къ этимъ словамъ, заимствуемымъ нами изъ воспоминаній Н. В. Давыдова, остается еще прибавить, на основаніи сообщеній того-же автора, что въ число студентовъ Московскаго университета, по юридическому факультету, гр. Ѳ. Л. Соллогубъ вступилъ въ 1866 г., и что въ немъ „боролись тогда два теченія, одно «Самаринское», олицетворяемое братомъ его матери Юріемъ Ѳедоровичемъ, а другое—«Соллогубовское», представляемое дядей его Владиміромъ Александровичемъ Соллогубомъ. Первое указывало на строго-научное или общественно-дѣловое поприще, а второе влекло въ литературно-артистическій, художественный міръ. Борьба эта разрѣшилась не скоро: она длилась долгіе годы, вредя Ѳ. Л., такъ-какъ онъ, благодаря нерѣшительности, не могъ пристать ни къ тому, ни къ другому берегу.....“ [749]) Знакомство Соловьева съ гр. Ѳ. Л. Соллогубомъ завязалось, вѣроятно, не безъ участія кн. Д. Н. Цертелева, который еще въ 1872 г., во время пребыванія въ Карлсбадѣ, гдѣ находились тогда, кромѣ гр. А. К. Толстого и П. Ѳ. Самарина, и

[748]) Н. В. Давыдовъ (прим. 747), стр. 280—283, 287, 291, 315, 316.

[749]) *Ibidem*, стр. 288, 290, 291.—Годъ зачисленія гр. Ѳ. Л. Сологуба въ студенты опредѣляется по сопоставленію данныхъ, приводимыхъ авторомъ на стр. 288.

Соллогубы, хорошо сошелся съ будущими друзьями Соловьева.—Свои взгляды на Лермонтова и Пушкина Соловьевъ выразилъ въ печати лишь въ позднѣйшіе годы, [750]) и распространяться теперь объ его мимолетныхъ юношескихъ замѣчаніяхъ было бы, конечно, не цѣлесообразно. Можно, впрочемъ, подчеркнуть, что одно изъ преимуществъ Лермонтова онъ видитъ въ его „отрицательномъ отношеніи къ наличной дѣйствительности".

Любопытны вкрапленныя въ письмо отъ 13-го сентября сужденія относительно „вѣчно-женственнаго". Знаменитыя заключительныя слова „мистическаго хора" во 2-ой части Гётевскаго *Faust*'а Соловьевъ переиначиваетъ: „das Ewig-Weibliche", по Гёте, не влечетъ насъ къ себѣ, а возноситъ горѣ, не „zieht uns an", а „zieht uns hinan", что̀, разумѣется, далеко не одно и то-же. [751]) Это переиначиваніе, повидимому, сознательное, ибо таковъ общій смыслъ всей соотвѣтствующей фразы у Соловьева. Не менѣе обращаетъ на себя вниманіе и то, что „вѣчно-женственному" усвоивается здѣсь Соловьевымъ „очевидная несостоятельность". Правда, выраженіе это нѣсколько напоминаетъ слова Соловьева въ письмѣ его на имя Е. В. Романовой отъ 26-то августа 1873 г., приведенныя въ главѣ восьмой; [752]) но оно не вяжется съ всѣмъ дальнѣйшимъ складомъ его воззрѣній, который уже довольно рано сталъ весьма характернымъ для него. [753]) Мысли неудачнаго претендента на брачный союзъ съ кузиной еще

---

[750]) *Соч.*, VIII, 26 — 53, статья: *Судьба Пушкина*; 320 — 329, статья: *Особое чествованіе Пушкина*; 336—386, статья: *Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина*; 387—404, статья: *Лермонтовъ*.

[751]) Слова подлинника:—

Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan

А. Фетъ передаетъ словами:—

Женственно-нѣжное
Взноситъ горѣ.

Переводъ въ этомъ случаѣ неудачный. „Нѣжное" появилось здѣсь ради рнемы съ „безбрежное" въ соотвѣтствующемъ предъидущемъ стихѣ. *Фаустъ*; трагедія Гёте; переводъ, предисловіе и примѣчанія А. Фета; ч. I, Москва, 1882 г.; ч. II, Москва, 1883 г.; см. ч. II, стр. 439.—П. Вейнбергъ въ своемъ прозаическомъ переводѣ выражается такъ: „вѣчно-женственнымъ къ небу возносимся мы." Вольфгангъ Гёте, *Фаустъ*; трагедія; переводъ въ прозѣ Петра Вейнберга; С.-Петербургъ, 1904 г.; стр. 433.

[752]) Ср. выше, прим. 520-ое.

[753]) Отмѣтимъ мимоходомъ, что 8-го—11-го апрѣля 1898 г., въ Архипелагѣ, Соловьевымъ было написано стихотвореніе, озаглавленное Гётевскими словами: *Das*

бродятъ, и взгляды его на женскую природу и сущность вѣчно-женственнаго еще не сложились въ нѣчто стройное...

О своихъ опытахъ стихотворства Соловьевъ высказывается въ письмѣ къ кн. Д. Н. Цертелеву болѣе сдержанно, чѣмъ въ письмѣ къ С. Д. Лапшиной. Объясняется это, вѣроятно, тѣмъ, что критики кн. Д. Н. Цертелева онъ опасался нѣсколько болѣе, чѣмъ критики С. Д. Лапшиной. Самъ кн. Д. Н. Цертелевъ, по словамъ кн. Е. Ѳ. Цертелевой, началъ писать стихи около 1872 г., по достиженіи 20-лѣтняго возраста; у него, значитъ, былъ уже нѣкоторый опытъ по этой части. При томъ Соловьевъ обращается къ кн. Д. Н. Цертелеву еще на „вы“, и полной дружеской интимности между ними въ 1874 г. еще нѣтъ.

Предположеніе заняться Гамлетомъ, сколько извѣстно, не осуществилось, да и вообще Шекспиромъ Соловьевъ не увлекался. Будучи близокъ къ нѣкоторымъ членамъ московскаго кружка шекспиристовъ, открывшаго свою дѣятельность въ половинѣ 70-ыхъ годовъ, онъ, во всякомъ случаѣ, особенной ревности къ серьезнымъ задачамъ кружка не проявлялъ. Объ этомъ кружкѣ намъ еще придется говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

Упоминаніе въ припискѣ про „знаменитаго медіума Вильямса“ стоитъ запомнить хотя-бы въ виду того, что почти ровно черезъ годъ Соловьевъ призналъ этого Вильямса за „фокусника болѣе наглаго, нежели искуснаго“. Аттестація эта выражена въ письмѣ его на имя кн. Д. Н. Цертелева изъ Лондона отъ 22-го августа (3-го сентября) 1875 г., [754]) откуда можно, пожалуй, заключить, что увидѣть эту знаменитость въ Петербургѣ Соловьеву не удалось...

Вотъ пока все, что намъ слѣдовало отмѣтить за тотъ періодъ, когда герой нашъ, по оставленіи при университетѣ, готовился къ своему первому публичному выступленію — на магистерскомъ диспутѣ. Въ концѣ сентября мѣсяца 1874 г. онъ покидаетъ Москву и водворяется на сравнительно короткое время въ Петербургѣ. Послѣдуемъ туда вслѣдъ за нимъ и мы, сдѣлавши на прощанье съ школьными годами Соловьева еще одну выписку изъ письма его на имя „дорогой Кати“, относящагося къ первымъ числамъ августа 1873 г.:—„Черезъ 2 мѣсяца начну пахать въ Москвѣ (а черезъ годъ въ Петербургѣ) сначала очень не широкое поле, но съ весьма рыхъ-

Ewig-Weibliche. Стих., 154—156. Это „слово увѣщательное къ морскимъ чертямъ“ нуждается въ особомъ разсмотрѣніи, но, конечно, не въ настоящей главѣ.

[754]) *П.*, II, 228.

лой почвой, на которой, правда, до сихъ поръ, кромѣ репейника, лопуха, да крапивы, ничего не росло, но можетъ возрасти и добрый хлѣбъ, если только посѣять, какъ слѣдуетъ. Пишу иносказательно, потому-что не годится говорить прямо о томъ, чего еще нѣтъ и, можетъ-быть, не будетъ." [755]) Начало пахоты въ Москвѣ можно пріурочить къ появленію *Миѳологическаго процесса въ древнемъ язычествѣ* въ ноябрской книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія* за 1873 г., а начало пахоты въ Петербургѣ—къ магистерскому диспуту, состоявшемуся въ ноябрѣ 1874 г. Сроки, предуказанные Соловьевымъ, были соблюдены имъ весьма точно, хотя отчасти и подъ давленіемъ случайныхъ обстоятельствъ. Дѣло, впрочемъ, не въ точности сроковъ, а въ томъ, что въ концѣ 1874 г. имя Соловьева сразу пріобрѣло чрезвычайно широкую извѣстность. Начало пахоты было замѣчено. [756])

---

[755]) *П.*, III, 91.—Ср. выше, прим. 602-ое.

[756]) При составленіи главы одиннадцатой, кромѣ печатныхъ источниковъ, нами были приняты въ соображеніе частныя сообщенія и справки, доставленныя намъ Е. К. Бергъ, Н. В. Вестманомъ, В. И. Герье, Н. И. Карѣевымъ, Я. Н. Колубовскимъ, П. И. Лапшинымъ, С. С. Лукьяновымъ, Э. Л. Радловымъ, А. Д. ф.-Ренне, С. И. Соболевскимъ и книг. Е. Ѳ. Цертелевой.

XII.—Полученіе степени магистра.

Въ 1874 г., когда Соловьевъ искалъ ученой степени магистра философіи, въ С.-Петербургскомъ университетѣ дѣйствовали какъ общее *Положеніе объ испытаніяхъ на званіе дѣйствительнаго студента и на ученыя степени*, утвержденное министромъ народнаго просвѣщенія 4-го января 1864 г., такъ и особыя *Правила о срокѣ и порядкѣ испытаній на степень магистра въ С.-Петербургскомъ университетѣ*, утвержденныя тою-же властью 3-го іюля 1865 г.

Главнѣйшія правила, выраженныя въ общемъ *Положеніи*,[757]) сводятся къ нижеслѣдующему.—Въ прошеніи, подаваемомъ на имя ректора, проситель обозначаетъ, на какую именно ученую степень и по какому разряду наукъ желаетъ онъ подвергнуться испытанію, причемъ имъ представляется также документъ, опредѣляющій наличный ученый цензъ его; ректоръ передаетъ прошеніе декану подлежащаго факультета для зависящихъ отъ него дальнѣйшихъ распоряженій (§ 3). Испытанія на степень магистра производятся въ полномъ составѣ факультета (§ 5). Оцѣнка познаній испытуемаго отмѣчается соотвѣтствующимъ профессоромъ или занимающимъ каѳедру доцентомъ въ особомъ спискѣ, подписываемомъ тутъ-же, по общемъ совѣщаніи, всѣми членами факультетскаго собранія; на основаніи этихъ отмѣтокъ, по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, составляется общее заключеніе—благопріятное или неблагопріятное для испытуемаго (§ 7). „Для пріобрѣтенія степени магистра надлежитъ выдержать испытаніе въ опредѣленномъ числѣ главныхъ и вспомогательныхъ предметовъ факультета или отдѣленія. Такое число предметовъ составляетъ особый разрядъ наукъ, по которому ищущій степени желаетъ получить оную, какъ-то: магистра философіи, магистра русской словесности и т. д. Разряды сіи показаны..... въ особыхъ таблицахъ“ (§ 20). Обращаясь къ „таблицамъ“, приложеннымъ къ *Положенію*, находимъ, что при

---

[757]) *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 261), стр. 636—643.

„испытаніи“ на степень магистра философіи „главными предметами“ являются психологія, логика съ метафизикой, этика и исторія философіи, а „вспомогательными“ или „вторыми“—древніе языки. Экзаменами дѣло, однако, не ограничивается. Покончивши благополучно съ „испытаніемъ“, желающій пріобрѣсти степень магистра обязанъ представить диссертацію на избранную имъ самимъ и факультетомъ одобренную тему. „Диссертація сія, въ которой должны быть обозначены главные ея тезисы, разсматривается, по распоряженію декана, всѣми членами факультета порознь, а письменный разборъ оной дѣлаетъ профессоръ, или занимающій каѳедру доцентъ, къ предмету котораго принадлежитъ сочиненіе. На такое разсмотрѣніе и разборъ назначается не болѣе шести мѣсяцевъ. Если диссертація признана будетъ удовлетворительною, то факультетъ допускаетъ кандидата къ публичному защищенію оной, и, по отчетливомъ съ его стороны исполненіи сего условія, представляетъ совѣту объ утвержденіи его въ степени магистра (уст. унив. § 110)“ (§ 21). Время для публичнаго защищенія диссертаціи назначается деканомъ факультета и объявляется во всеобщее свѣдѣніе (§ 24). „Диссертацію“ можетъ замѣнить вообще „самостоятельное ученое сочиненіе“, написанное и не съ цѣлью полученія ученой степени, лишь бы только оно относилось къ тому разряду наукъ, по которому ищется ученая степень (§ 25). Экземпляры диссертаціи, напечатанной авторомъ „на свой счетъ“, должны быть представлены въ факультетъ, „по крайней мѣрѣ“, за мѣсяцъ до диспута (§ 26). „При публичномъ защищеніи диссертаціи присутствуютъ деканъ и члены подлежащаго факультета. Доктора и магистры по той-же наукѣ, хотя и не принадлежащіе къ университету, приглашаются принять участіе въ диспутѣ. Оффиціальныхъ оппонентовъ, заблаговременно назначенныхъ факультетомъ, должно быть не менѣе двухъ. Возраженія могутъ представлять также всѣ присутствующія на диспутѣ лица“ (§ 27). Деканъ направляетъ пренія, охраняетъ необходимый порядокъ ихъ, заключаетъ диспутъ, собираетъ мнѣнія присутствовавшихъ членовъ факультета и публично объявляетъ о состоявшемся рѣшеніи; затѣмъ онъ-же дѣлаетъ представленіе совѣту университета объ утвержденіи защищавшаго диссертацію въ ученой степени (§ 28). Въ дипломѣ, выдаваемомъ диспутанту, означается не только ученая степень, но и заглавіе публично защищенной диссертаціи, или представленнаго вмѣсто нея сочиненія (§ 29). [758])

[758]) *Ibidem*. См., далѣе, въ концѣ тома: *Штаты и приложенія*, стр. 107.

Особыя *Правила* изложены весьма кратко въ видѣ четырехъ статей съ примѣчаніемъ. Для насъ представляютъ интересъ лишь три первыя статьи. — „1) Испытаніе на степень магистра должно быть окончено въ теченіе шести мѣсяцевъ.—2) Это испытаніе производится не менѣе, какъ въ двухъ засѣданіяхъ факультета.—3) Для каждаго изъ главныхъ предметовъ магистерскаго испытанія, кромѣ словесныхъ, требуется по одному письменному отвѣту.“ [759])

Судя по этимъ справкамъ, формальности, связанныя съ пріобрѣтеніемъ степени магистра, могли потребовать довольно значительной затраты времени, если на экзамены положить предѣльный срокъ въ шесть мѣсяцевъ, да такое-же число мѣсяцевъ назначить и на разсмотрѣніе диссертаціи, представленной лишь по окончаніи экзаменовъ. Но, конечно, далеко не всегда дѣло затягивалось въ такой мѣрѣ. А достаточно допустить, что экзамены выдержаны въ весьма немногихъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ факультета, что работа диссертаціоннаго характера представлена почти одновременно съ приступомъ къ экзаменамъ, что разсмотрѣнію ея посвященъ минимальный срокъ, близкій къ минимальному сроку между сдачею печатныхъ экземпляровъ этой работы и днемъ диспута, что засѣданіе совѣта послѣдовало вскорѣ-же послѣ благопріятнаго рѣшенія факультета, — и мы поймемъ, почему при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ вся процедура могла заканчиваться даже чрезвычайно быстро. Такъ это и было въ случаѣ Соловьева...

25-го сентября 1874 г. Соловьевъ благополучно прибылъ въ Петербургъ. День этотъ посвященъ памяти преп. Сергія Радонежскаго, но С. М. Соловьевъ справлялъ свои именины 5-го іюля, когда чествуется обрѣтеніе мощей этого святого, а потому и можно было, не нарушая требованій сыновняго почтенія, провести такой день внѣ родной семьи. Какихъ-либо повелительныхъ побужденій пріурочить пріѣздъ въ Петербургъ именно къ 25-му сентября, впрочемъ, не было, — вѣрнѣе сказать, они намъ не извѣстны.

Расположеніе духа у Соловьева оказывается превосходнымъ. Онъ бодръ, веселъ, шутливъ. Сейчасъ-же по пріѣздѣ онъ принимается писать письмо въ Москву, но отправлятъ свое посланіе черезъ день, сдѣлавши приписку 27-го числа. Письмо безъ обычнаго обращенія: „Дорогая мама!“ или: „Дорогой папа!“ и адресуется какъ-бы ко всѣмъ приснымъ, оставшимся въ Москвѣ и нетерпѣливо поджидающимъ вѣстей отъ

---

[759]) *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 285), стр. 113.

путешественника.—„Въ лѣто отъ сотворенія міра 7382-ое, отъ воплощенія же Бога Слова 1874-ое, въ 25-ый день сего сентембрія, въ половинѣ 11-го часа по-полуночи, благополучно и торжественно прибыли мы въ царствующій градъ Санктъ-Петербургъ, освѣщенный яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ солнца, въ чемъ нельзя не видѣть особеннаго дѣйствія промысла Божія. При въѣздѣ въ городъ были мы встрѣчены многочисленными толпами народа, послѣ чего мы, а равно и сопровождавшая насъ изъ Москвы свита, въ числѣ коей находилось болѣе четырехъ красныхъ штановъ, не считая женъ и дѣтей, отправились въ заранѣе приготовленныхъ экипажахъ къ центру города. Снисходя къ прошенію, представленному намъ депутаціей отъ гостиницы «Англія», мы остановились предварительно въ семъ заведеніи, занявъ въ оном подобающее намъ наивысочайшее мѣсто, а именно въ первомъ этажѣ, считая отъ луны. Впрочемъ, сіе мѣстопребываніе наше не есть окончательное, какъ будетъ изъяснено ниже. Населеніе С.-Петербурга, въ особенности монументы и прочія зданія — найдены нами въ состояніи весьма удовлетворительномъ. Всякаго одобренія и похвалы заслуживаютъ также усмотрѣнныя нами между Вишерою и Петербургомъ деревья по причинѣ чрезвычайной доброцвѣтности ихъ листьевъ, а именно: желтыхъ, красныхъ и зеленыхъ.“—За этими словами, помѣченными 25-ымъ сентября, слѣдуетъ добавленіе отъ 27-го числа: — „Порученія ваши исполнилъ. Сегодня вечеромъ переѣзжаю на Вознесенскій проспектъ. Всеволода нашелъ въ довольно хорошемъ состояніи, а равно и жену его, которую весьма одобряю.—Будьте здоровы. Цѣлую всѣхъ.—Вашъ Владиміръ.“ [760])

Забавныя иносказанія, къ которымъ прибѣгаетъ въ настоящемъ случаѣ Соловьевъ, ни въ какихъ поясненіяхъ, конечно, не нуждаются. Подчеркнемъ лишь то, что уже въ этотъ свой пріѣздъ въ сѣверную столицу онъ облюбовалъ гостиницу „Англія“, гдѣ впослѣдствіи случалось ему проживать неоднократно и подолгу. Переселеніе на Вознесенскій проспектъ объясняется тѣмъ, что тамъ проживалъ въ то время Вс. С. Соловьевъ съ своей молодой женою, гостепріимствомъ которыхъ и рѣшилъ воспользоваться новоприбывшій, благо старыя недоразумѣнія изъ-за кузины отошли въ прошлое, а новые поводы къ столкновеніямъ не успѣли еще назрѣть.

25-ое сентября 1874 г. приходилось на среду. Значитъ, водвореніе у брата Всеволода состоялось въ пятницу вечеромъ. Ближайшіе

---

[760]) *П.*, II, 2.

слѣдующіе дни, въ числѣ которыхъ было два неприсутственныхъ, ушли, надо думать, на различныя справки. 3-го октября, въ четвергъ, какъ разъ наканунѣ смерти П. Д. Юркевича, Соловьевъ пишетъ прошеніе на имя ректора С.-Петербургскаго университета о томъ, чтобы имъ были сдѣланы „надлежащія распоряженія“ о допущеніи просителя къ испытанію на степень магистра философіи. Къ прошенію былъ приложенъ аттестатъ на степень кандидата. Мѣстожительство указывается въ прошеніи такъ: „на Вознесенскомъ проспектѣ, у Вознесенскаго моста, домъ № 21, кварт. № 10.“ Когда именно подано было прошеніе, сказать трудно; но, судя по отмѣткѣ на прошеніи, слѣдуетъ думать, что въ руки ректора оно попало, вѣроятно, не раньше субботы, 5-го октября. [761]) Ректоромъ С.-Петербургскаго университета состоялъ въ ту пору П. Г. Рѣдкинъ.

Того-же 5-го октября 1874 г. ректоръ университета обращается къ декану историко-филологическаго факультета съ предложеніемъ за № 991 такого содержанія: „Имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о допущеніи кандидата Московскаго университета Владиміра Соловьева, согласно изъявленному имъ желанію, къ испытанію на степень магистра философіи и о послѣдующемъ представить въ Совѣтъ университета.“ [762]) Деканомъ историко-филологическаго факультета былъ въ это время И. И. Срезневскій.

Какія сужденія имѣлъ историко-филологическій факультетъ по настоящему дѣлу, на какіе сроки были назначены экзамены, кто были экзаминаторы, какіе ставились ими вопросы, какіе устные и письменные отвѣты давалъ Соловьевъ, когда была представлена имъ диссертація, въ какихъ выраженіяхъ составленъ былъ „письменный разборъ“ ея, и т. д., — обо всемъ этомъ должны были бы найтись нѣкоторыя свѣдѣнія въ архивѣ факультета; но, къ сожалѣнію, поиски, предпринятыя по нашей просьбѣ Э. Д. Гриммомъ и Ѳ. А. Брауномъ среди соотвѣтствующихъ дѣлъ, дали пока результаты довольно скудные. Удалось, впрочемъ, выяснить, что прошеніе Соловьева о допущеніи его къ испытанію на степень магистра философіи было заслушано въ засѣданіи факультета 5-го октября 1874 г., что экзамены были произведены въ засѣданіяхъ 12-го октября (по исторіи философіи), 26-го октября (по логикѣ съ метафизикой и по психологіи) и 9-го

---

[761]) „Дѣло“ за № 99 (прим. 307).

[762]) *Ibidem.*

ноября (по „иѳикѣ“ и древнимъ языкамъ), что магистерская диссертація была представлена авторомъ въ засѣданіи 26-го октября, причемъ ее тогда-же передали на разсмотрѣніе проф. М. И. Владиславлеву, и что отзывъ сего послѣдняго былъ доложенъ въ засѣданіи 16-го ноября, когда былъ установленъ день диспута—24-ое ноября и былъ назначенъ оппонентомъ проф. М. И. Владиславлевъ. Свѣдѣнія эти мы можемъ пополнить развѣ перечнемъ тѣхъ лицъ, которыя были учеными судьями Соловьева, т. е. принадлежали къ тогдашнему составу историко-филологическаго факультета. Но и тутъ необходима оговорка: кто именно присутствовалъ въ разумѣемыхъ засѣданіяхъ факультета, мы въ точности все-таки не знаемъ. Напомнимъ кстати § 10-ый университетскаго устава 1863 г., получившій впослѣдствіи значеніе для Соловьева и по его должности доцента Московскаго университета:—„Факультетское собраніе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ декана, изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ факультета, между которыми одинъ исправляетъ должность секретаря. Прочіе члены факультета также могутъ быть приглашаемы въ его собранія, но съ присвоеніемъ въ нихъ голоса: доцентамъ—только по выслугѣ двухъ лѣтъ въ этомъ званіи, а остальнымъ преподавателямъ—единственно: а) при рѣшеніи вопросовъ, касающихся преподаваемой ими науки, и б) при испытаніяхъ изъ оной на ученую степень кандидата или на званіе дѣйствительнаго студента.“ [763])

Руководствуясь такъ назыв. обозрѣніемъ преподаванія, мы усматриваемъ, что въ $18^{74}/_{75}$-омъ учебномъ году, на историко-филологическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, читали лекціи: засл. проф. И. И. Срезневскій (введеніе въ славянскую филологію вмѣстѣ съ общимъ введеніемъ въ филологію вообще, древности быта славянъ, древности русской словесности, палеографическія упражненія, объяснительное чтеніе древней русской лѣтописи); орд. проф. М. И. Сухомлиновъ (исторія русской литературы, разборъ источниковъ и пособій для исторіи русской литературы, русскій языкъ и словесность для инородцевъ); орд. проф. В. В. Бауеръ (новая исторія); орд. проф. Г. С. Дестунисъ (объясненіе Платонова діалога *Горгій*, объясненіе Эсхила, упражненія въ объясненіи *Піитики* Аристотеля); орд. проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (древняя русская исторія, обозрѣніе русской исторіографіи); орд. проф. О. Ѳ. Миллеръ

[763]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1041.

(исторія русской словесности, исторія древней русской литературы); орд. проф. В. И. Ламанскій (славянскія нарѣчія, спеціальныя лекціи по исторіи славянскихъ литературъ и по исторіи славянъ); э.-орд. проф. М. И. Владиславлевъ (психологія, исторія философіи, о сочиненіяхъ Платона); э.-орд. проф. А. Н. Веселовскій (исторія французской литературы, разборъ памятниковъ древней русской литературы); э.-орд. проф. И. В. Помяловскій (объясненіе Вергилія, объясненіе *Панегирика* Плинія, исторія римской литературы, объясненіе избранныхъ латинскихъ надписей); доц. Ѳ. Ѳ. Соколовъ (греческая исторія, греческія древности); доц. В. Г. Васильевскій (средняя исторія); доц. Е. Е. Замысловскій (новая исторія Россіи); доц. А. В. Праховъ (исторія греческой пластики, съ объясненіемъ памятниковъ); доц. П. Е. Троицкій (исторія церкви, преимущественно восточной); преп. Г. И. Лапшинъ (Тацита *Agricola* и *De Germania*); преп. А. І. Іонинъ (оды Горація, практическія упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій); преп. Д. Ѳ. Бѣляевъ (объясненіе *Одиссеи*, греческая грамматика, объясненіе Исіода). Орд. проф. К. І. Люгебиль, докторъ греческой словесности, и э.-орд. проф. И. П. Минаевъ, докторъ сравнительнаго языкознанія, находились въ продолженіе $18^{74}/_{75}$-го учебнаго года въ командировкѣ съ ученою цѣлью за-границею. [764]) — „Особую каѳедру богословія“ для православныхъ студентовъ всѣхъ факультетовъ занималъ профессоръ богословія, магистръ богословія В. Г. Рождественскій, 6-го декабря 1874 г. рукоположенный въ санъ священника. [765])

Принимая въ соображеніе сказанное въ началѣ этой главы относительно главныхъ и вспомогательныхъ (или вторыхъ) предметовъ испытанія, слѣдуетъ думать, что экзаминаторами Соловьева были, ближайшимъ образомъ, М. И. Владиславлевъ, Г. С. Дестунисъ и И. В. Помяловскій. [766])

---

[764]) *Протоколы засѣданій Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за первую половину 1874—1875 академическаго года съ приложеніями*; № 11, С.-Петербургъ, 1875 г.; стр. 65—67.

[765]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1045 (§ 18 университетскаго устава 1863 г.). — *Біографическій Словарь* и т. д. (прим. 141), т. II, стр. 149.

[766]) Въ своей печатной рецензіи о магистерской диссертаціи Соловьева М. И. Владиславлевъ замѣчаетъ, между прочимъ, что какъ диспутъ Соловьева, такъ и его экзаменъ на степень магистра философіи („да позволено мнѣ будетъ нѣсколько приподнять покровъ оффиціальной тайны“) „произвели самое выгодное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ на нихъ.“ М. И. Владиславлевъ, *„Кризисъ западной философіи*

18-го ноября 1874 г., т. е. черезъ 6 недѣль съ небольшимъ послѣ 5-го октября, когда ректоръ университета обращался къ декану историко-филологическаго факультета съ извѣстнымъ намъ предложеніемъ, секретарь того-же факультета В. В. Бауеръ доносилъ ректору, „что, по опредѣленію факультета, въ воскресенье, 24-го ноября, въ 1 ч. по-полудни, кандидатъ Московскаго университета Владиміръ Соловьевъ будетъ публично защищать диссертацію: *Кризисъ западной философіи*, представленную имъ для полученія степени магистра философіи. Оппонентомъ [sic!] назначенъ [sic!] проф. Владиславлевъ и В. И. Ламанскій.“ [767]) Слова: „и В. И. Ламанскій“ приписаны не тою рукою, которая писала все „донесеніе“, но выраженіе: „оппонентомъ назначенъ“ не было при этомъ замѣнено выраженіемъ: „оппонентами назначены“. Порученіе роли перваго оффиціальнаго оппонента проф. М. И. Владиславлеву понятно само собою. Появленіе въ качествѣ второго оффиціальнаго оппонента проф. В. И. Ламанскаго объясняется, можетъ-быть, нѣкоторой славянофильской тенденціей автора диссертаціи. Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, оффиціальнымъ вторымъ оппонентомъ на диспутѣ оказался, какъ объ этомъ еще будетъ рѣчь ниже, проф. И. И. Срезневскій, заступившій почему-то мѣсто своего ученика и товарища. Говорилъ онъ, какъ деканъ факультета, раньше М. И. Владиславлева, но, по существу, первая роль принадлежала все-таки не ему.

20-го ноября 1874 г. ректоръ университета извѣщалъ о предстоящемъ диспутѣ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа (кн. П. И. Ливена [768])) и его помощника, съ препровожденіемъ къ первому трехъ экземпляровъ диссертаціи, а ко второму — одного. Были также посланы объявленія въ редакціи *Голоса* и *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* и циркулярныя повѣстки профессорамъ и преподавателямъ университета. [769]) Все это дѣлалось, впрочемъ, по заведенному порядку и ничего экстраординарнаго само по себѣ не представляло.

противъ позитивистовъ“, *Владиміра Соловьева; Москва, 1874*; *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1875 г., январь, стр. 247—271;—стр. 248.— К. Д. Кавелинъ выражается еще ярче. По его словамъ, Соловьевъ сдалъ магистерскій экзаменъ по философіи „блистательно“. К. Кавелинъ, *Апріорная философія или положительная наука? По поводу диссертаціи г. В. Соловьева;* С.-Петербургъ, 1875 г.; стр. 3.

[767]) „Дѣло“ за № 99 (прим. 307).

[768]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 482.

[769]) „Дѣло“ за № 99 (прим. 307).

Наступило, наконецъ, и 24-ое ноября. Передъ диспутомъ была прочитана біографическая справка о магистрантѣ, составленная, по всѣмъ вѣроятіямъ, секретаремъ факультета. Въ справкѣ этой содержатся уже извѣстныя намъ свѣдѣнія въ самомъ краткомъ изложеніи. Начинается рукопись справки словами: „Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ, сынъ нашего извѣстнаго историка, родился въ Москвѣ, въ 1853 г.“ Слова: „сынъ нашего извѣстнаго историка“ зачеркнуты карандашомъ. [770]) Очевидно, слова эти были признаны, въ концѣ концовъ, неудобными для прочтенія въ публичномъ собраніи.

Передъ открытіемъ преній по содержанію диссертаціи, Соловьевымъ была произнесена вступительная рѣчь, текстъ которой, по счастью, уцѣлѣлъ и былъ воспроизведенъ въ печати еще въ 1874 г., вскорѣ-же послѣ диспута. [771])

Прежде, однако, чѣмъ идти дальше, слѣдуетъ остановиться на самой диссертаціи—какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны.

Разсматриваемый трудъ представляетъ собою книжку средняго формата, а именно формата *Православнаго Обозрѣнія*, съ общимъ числомъ страницъ = XXIII + 146 = 169, т. е. съ объемомъ свыше 10 печатныхъ листовъ. Книжка отпечатана въ Москвѣ, въ университетской типографіи (Катковъ и К°), на Страстномъ бульварѣ,— тѣмъ-же шрифтомъ, какимъ печатались статьи Соловьева въ журналѣ. На оборотѣ заглавнаго листа имѣется помѣтка: „Печатать дозволяется. Москва, октября 13-го дня, 1874 года.—Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.“ Не лишнимъ будетъ здѣсь-же замѣтить, что книжки *Православнаго Обозрѣнія*, въ которыхъ были напечатаны пять статей, составляющія содержаніе пяти главъ диссертаціи, и особая статья о теоріи Огюста Конта, составляющая приложеніе къ тексту диссертаціи, были помѣчены тѣмъ-же цензоромъ прот. С. Зерновымъ — 3-го января (январская книжка), 4-го марта (мартовская), 4-го мая (майская), 22-го сентября (сентябрская), 3-го ноября (октябрская) и 28-го ноября (ноябрская). Такимъ образомъ, статья

---

[770]) *Ibidem.*

[771]) Рѣчь эту можно бы рекомендовать особому вниманію тѣхъ, кто слишкомъ легко обвиняетъ Соловьева въ „измѣнѣ“ славянофильству. При ближайшемъ ознакомленіи съ содержаніемъ этой рѣчи мы убѣждаемся, что уже въ эту пору Соловьевъ усматривалъ въ славянофильской идеологіи весьма существенные недочеты. Былъ-ли онъ въ данномъ случаѣ правъ, или нѣтъ,—этого вопроса мы здѣсь не касаемся; важно пока лишь то, что строго-правовѣрнымъ славянофиломъ Соловьевъ не былъ уже и въ моментъ своего перваго публичнаго выступленія.

пятая, resp. глава пятая, и дополнительная статья прошли черезъ цензуру въ составѣ журнала позднѣе, чѣмъ въ составѣ диссертаціи. Обращеніе и съ диссертаціей къ духовной цензурѣ, а не университетской, [772]) объясняется тѣмъ, что диссертація является, въ сущности, простой перепечаткою статей изъ журнала, выходившаго въ свѣтъ подъ духовной цензурою,—за исключеніемъ введенія; притомъ на самой книжкѣ не указано, что это есть диссертація, представленная для полученія степени магистра философіи. Повидимому, уѣзжая изъ Москвы, Соловьевъ еще не имѣлъ на рукахъ экземпляровъ диссертаціи, и они были доставлены ему въ Петербургъ. Какъ бы то ни было, къ указанному выше по даннымъ факультетскаго архива сроку, т. е. къ 26-му октября, экземпляры эти могли поспѣть сюда даже при цензорской помѣткѣ отъ 13-го числа. [773])

Заглавіе диссертаціи, подававшее, какъ увидимъ дальше, поводъ къ недоразумѣніямъ, двойное. Сначала, послѣ имени и фамиліи автора (въ родительномъ падежѣ): Владиміра Соловьева, слѣдуетъ въ двѣ строки основное заглавіе: *Кризисъ* (первая строка) *западной философіи* (вторая строка), а затѣмъ заглавіе дополнительное въ одну строку: *Противъ позитивистовъ*. Точка поставлена въ концѣ дополнительнаго заглавія, а раньше никакихъ знаковъ препинанія нѣтъ; притомъ, по издавна установившемуся обычаю, слова, обозначающія имя и фамилію автора, а также и оба заглавія, набраны сплошь прописными буквами (въ нашемъ начертаніи, благодаря примѣненію лишь двухъ прописныхъ буквъ: *К* и *П*, заглавный текстъ представляется, конечно,

---

[772]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1072 (§ 128 университетскаго устава 1863 г.).

[773]) Было уже указано, что печатные экземпляры диссертаціи должны были быть представлены въ факультетъ, по крайней мѣрѣ, за мѣсяцъ до диспута. Надо думать, что при назначеніи диспута на 24-ое ноября факультетъ либо пренебрегъ небольшой разницей въ 1—2 дня, либо былъ освѣдомленъ о доставленіи экземпляровъ диссертаціи къ болѣе раннему сроку, чѣмъ 26-ое октября, день факультетскаго засѣданія. Впрочемъ, сказанное выше относительно „представленія“ диссертаціи въ засѣданіи 26-го октября подлежитъ истолкованію прежде всего въ томъ смыслѣ, что диссертація была представлена тутъ для „разсмотрѣнія“ и „разбора“. — Обращеніе Соловьева къ редакціи *Православнаго Обозрѣнія* со статьями о кризисѣ западной философіи объясняется, по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ совѣтами и указаніями П. Д. Юркевича и другихъ лицъ сходнаго направленія, такъ и тѣмъ, что еще раньше этимъ-же журналомъ былъ сочувственно принятъ отъ того-же автора очеркъ: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ*. Доступъ въ *Русскій Вѣстникъ* представлялся, повидимому, тогда болѣе затруднительнымъ, а другія изданія едва-ли приходили и на мысль.

менѣе слитнымъ, чѣмъ въ самой диссертаціи). Сообразно съ этимъ, заглавіе книжки можно читать различно: либо—*Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ*, либо—*Кризисъ западной философіи, противъ позитивистовъ*, либо—*Кризисъ западной философіи. Противъ позитивистовъ*. Мы сомнѣваемся, чтобы, при спѣшномъ печатаніи диссертаціи, Соловьевъ слишкомъ долго раздумывалъ надъ корректурой заглавнаго листа. Ему было ясно, что диссертація должна быть озаглавлена: *Кризисъ западной философіи*; ясно было и то, что книжка направлена противъ позитивистовъ,—тѣмъ болѣе, что къ главному сочиненію было даже присоединено особое „приложеніе“, оспаривающее Огюста Конта; задерживаться же на пунктуаціи и вопросахъ типографской техники автору казалось, вѣроятно, излишнимъ. Не такъ взглянули, однако, на это дѣло тѣ, кому желательно было использовать каждую мелочь, чтобы подорвать значеніе труда „философа призывного возраста“. [774])

„Содержаніе“, т. е. оглавленіе, слѣдующее за заглавнымъ листомъ, указываетъ для введенія и прочихъ частей диссертаціи особыя заглавія; въ журналѣ отдѣльныя статьи, соотвѣтствующія главамъ диссертаціи, особыми заглавіями снабжены не были. Вотъ текстъ оглавленія, служащій какъ-бы краткимъ обзоромъ всего труда:—„*Введеніе:* Развитіе западной философіи отъ схоластики до Канта.—*Глава первая*: Развитіе западной философіи отъ Канта до Шопенгауэра.—*Глава вторая*: Метафизическія системы Шопенгауэра и Гартманна.—*Глава третья*: Формальная ограниченность философіи Шопенгауэра и Гартманна въ связи съ такою-же ограниченностью всей западной философіи.—*Глава четвертая*: Философія абстрактнаго разума и развитіе практической философіи.—*Глава пятая*: Общіе результаты философскаго развитія въ области логики, метафизики и практической философіи.—*Приложеніе*: Теорія Огюста Конта о трехъ фазисахъ въ умственномъ

[774]) Почти черезъ десятокъ лѣтъ послѣ магистерскаго диспута Соловьевъ вспоминалъ не безъ досады про литературную возню, обусловленную пропускомъ знака препинанія въ заглавіи его магистерской диссертаціи. Въ октябрѣ 1883 г., оговаривая одну типографскую погрѣшность, онъ писалъ А. Н. Аксакову: — „..... припечатайте листокъ опечатокъ..... А то еще какой-нибудь литературный жуликъ придерется. Я помню, сколько хлопотъ надѣлала мнѣ одна пропущенная запятая въ заглавіи моей магистерской диссертаціи. Пуганная ворона куста боится.“ *П.*, II, 284.—Въ собраніи сочиненій Соловьева заглавіе магистерской диссертаціи изображено такъ: *Кризисъ западной философіи. (Противъ позитивистовъ.)* См. изд. 2-ое, т. I, стр. 27. Сходнымъ образомъ исправлено начертаніе заглавія и въ первомъ изданіи. См. *Соч.*, I, 26.

развитіи человѣчества.“ Въ самой книжкѣ отдѣльныя главы отмѣчены просто римскими цифрами: I, II, III, IV, V. [775])

Тщательное сличеніе диссертаціоннаго текста съ текстомъ журнальнымъ показываетъ, что какихъ-либо существенныхъ различій между ними нѣтъ, и что тексты эти могутъ почитаться тождественными. То, что въ журналѣ появилось раньше, чѣмъ въ отдѣльномъ изданіи, подверглось—при перепечаткѣ въ формѣ диссертаціи—кое-какимъ совершенно мелкимъ типографскимъ исправленіямъ, да и то невездѣ; то же, что въ журналѣ по сравненію съ отдѣльнымъ изданіемъ запоздало, претерпѣло—при отпечатаніи въ журналѣ—нѣкоторыя стилистическія измѣненія, невсегда выдержанныя до конца. [776]) Страница воспроизводится за страницей, по большей части изъ строки въ строку. „Статьи“ въ журналѣ начинаются естественно съ новыхъ страницъ, „главы“ въ отдѣльномъ изданіи этимъ преимуществомъ не пользуются. Кромѣ того, въ отдѣльномъ изданіи диссертаціи отброшенъ журнальный подзаголовокъ: *По поводу „философіи безсознательнаго“ Гартманна.*

Въ отношеніи изложенія магистерская диссертація Соловьева отличается, безспорно, выдающимися достоинствами. Лишь крайне рѣдко встрѣчаются шероховатости языка и тяжеловѣсность оборотовъ, [777]) въ общемъ же рѣчь правильная, ясная, точная и красивая. Построеніе нѣкоторыхъ частей блещетъ чрезвычайной логической прозрачностью

---

[775]) При перепечаткѣ диссертаціи въ собраніи сочиненій Соловьева, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи, заглавія введенія и отдѣльныхъ главъ не воспроизведены; отброшено и оглавленіе, имѣющееся при диссертаціи, изданной въ видѣ особой книжки.

[776]) Не распространяясь подробно обо всѣхъ этихъ мелочахъ, укажемъ лишь на то, что „приложеніе“ къ диссертаціи начинается въ книжкѣ диссертаціи словами: „Въ заключеніи предыдущаго изслѣдованія.....“, а въ соотвѣтствующей журнальной статьѣ мы на этомъ мѣстѣ читаемъ: „Въ изслѣдованіи *Кризисъ западной философіи*.....“ Сообразно съ этимъ, нужно было бы ожидать аналогичныхъ измѣненій и въ дальнѣйшемъ изложеніи. Однако, этого не оказывается. Такъ, напр., въ журналѣ и въ книжкѣ диссертаціи говорится ниже одинаково: „въ третьей главѣ настоящаго изслѣдованія.....“ Это хорошо для книжки диссертаціи, но не для журнала. Очевидно, типографская чистка текста велась очень спѣшно.

[777]) Для примѣра укажемъ на неправильныя словосочетанія въ родѣ: „еслибы.... была бы“, „еслибы..... было бы“, „чтобы..... имѣло бы“ и чрезмѣрно длинный періодъ въ главѣ пятой, начинающійся словами: „Съ другой стороны, и эмпиризмъ.....“ и растягивающійся на 25 строкъ. *Соч.*, I, 124, 125, 130, 131. Повторимъ, впрочемъ, еще разъ, что подобныя стилистическія неисправности составляютъ большую рѣдкость и зависятъ, конечно, главнымъ образомъ отъ спѣшности печатанія.

и невольно располагаетъ читателя въ свою пользу уже въ силу одного этого обстоятельства. При этомъ ничего притязательнаго, изысканнаго, вымученнаго. Стиль, по-истинѣ, благородный и въ тогдашнихъ философскихъ трудахъ русскихъ далеко не заурядный. [778])

Передавать in extenso содержаніе диссертаціи мы, согласно правилу, выраженному въ главѣ одиннадцатой, не будемъ. Въ уже названномъ изслѣдованіи А. Никольскаго на подобный пересказъ потребовалось около 20 страницъ. [779]) Ограничимся поэтому лишь точнымъ перечисленіемъ тѣхъ „общихъ результатовъ“ критическаго разбора системы Э. ф. Гартманна на почвѣ общей исторіи западной философіи, которыми Соловьевъ заканчиваетъ пятую главу своей диссертаціи, и которыя, по его мнѣнію, „вмѣстѣ съ тѣмъ суть и результаты всего западнаго философскаго развитія.“ Вотъ какъ формулируетъ онъ эти „общіе результаты“:—„1) По *логикѣ* или ученію о познаніи: *признаніе односторонности и потому неистинности обоихъ направленій философскаго познанія* на Западѣ, а именно направленія *чисто-раціоналистическаго*, дающаго только *возможное* познаніе, и направленія *чисто-эмпирическаго*, не дающаго *никакого* познанія,—и тѣмъ самымъ *утвержденіе истиннаго философскаго метода*.—2) По *метафизикѣ*: *признаніе въ качествѣ абсолютнаго всеначала*, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей и гипостасей,—*конкретнаго всеединаго духа*.—3) По *этикѣ*: признаніе, что *послѣдняя цѣль и высшее благо достигаются только совокупностью существъ посредствомъ необходимаго и абсолютно цѣлесообразнаго хода мірового развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе исключительнаго самоутвержденія частныхъ существъ въ ихъ вещественной розни и возстановленіе ихъ какъ царства духовъ, объемлемыхъ всеобщностью духа абсолютнаго*.—И тутъ оказывается, что эти послѣдніе необходимые результаты *западнаго* философскаго развитія утверждаютъ, въ формѣ *раціональнаго познанія, тѣ самыя* истины, которыя въ формѣ *вѣры* и *духовнаго созерцанія*

[778]) Было бы трудно установить, какія именно литературныя воздѣйствія отразились на стилѣ философскихъ произведеній Соловьева. Какъ кажется, всего больше приходится здѣсь думать о вліяніи со стороны нашихъ старѣйшихъ славянофиловъ. Но на общіе пріемы изложенія могли вліять и иностранные образцы. Въ этомъ отношеніи достойно особаго вниманія увлеченіе Соловьева Шопенгауэромъ, о чемъ мы упоминали въ главѣ восьмой. Весьма правдоподобно, что этотъ эпизодъ въ философскомъ развитіи Соловьева зависѣлъ не только отъ признанія важнаго значенія за философскими идеями Шопенгауэра, но и отъ нѣкотораго подчиненія внѣшнимъ литературнымъ пріемамъ этого превосходнаго нѣмецкаго автора.

[779]) А. Никольскій (прим. 673), № 11, стр. 443—462.

утверждались великими теологическими ученіями *Востока* (отчасти древняго, а въ особенности христіанскаго). Такимъ образомъ эта новѣйшая философія съ логическимъ совершенствомъ *западной формы* стремится соединить *полноту содержанія духовныхъ созерцаній Востока*. Опираясь, съ одной стороны, на данныя *положительной науки*, эта *философія*, съ другой стороны, подаетъ руку *религіи*. Осуществленіе этого *универсальнаго синтеза* науки, философіи и религіи,—первыя и далеко еще несовершенныя начала котораго мы имѣемъ въ «философіи сверхсознательнаго», [780])—должно быть высшею цѣлью и послѣднимъ результатомъ умственнаго развитія. Достиженіе этой цѣли будетъ возстановленіемъ совершеннаго внутренняго *единства умственнаго міра* во исполненіе завѣта древней мудрости: Συναφείας ὅλα καὶ οὐχὶ ὅλα, συμφερόμενον διαφερόμενον, συνᾴδον διᾴδον καὶ ἐκ πάντων ἓν καὶ ἐξ ἑνὸς πάντα.“ [781])—Что касается статьи объ Огюстѣ Контѣ, составляющей „приложеніе“ къ *Кризису западной философіи*, то общій выводъ ея таковъ: —„Такъ-какъ основной принципъ позитивизма, какъ *всеобщаго воззрѣнія*, заключается въ исключительномъ признаніи относительныхъ явленій и, слѣдовательно, въ отрицаніи всякаго безусловнаго воззрѣнія, какъ религіознаго, такъ и философскаго, и такъ-какъ единственное возможное для позитивизма основаніе этого отрицанія, именно Контовъ законъ трехъ фазисовъ, оказывается въ этомъ значеніи совершенно несостоятельнымъ, потому-что вовсе не касается собственнаго содержанія религіи и метафизической философіи, то ясно, что притязаніе позитивизма быть всеобщимъ міровоззрѣніемъ совершенно неосновательно. Помимо же этого притязанія

---

[780]) Этотъ терминъ введенъ самимъ Гартманномъ, какъ болѣе правильный („das Ueberbewusste“ вмѣсто „das Unbewusste“). См. *Соч.*, I, 135.

[781]) *Соч.*, I, 143, 144.—Заключительная греческая цитата, воспроизведенная выше по тексту собранія сочиненій, въ болѣе правильномъ видѣ читается такъ: „..... συνάψιες ὅλα καὶ οὐχ ὅλα, συμφερόμενον διαφερόμενον, συνᾶιδον διᾶιδον, καὶ ἐκ πάντων ἓν καὶ ἐξ ἑνὸς πάντα.“ Hermann Diels, *Die Fragmente der Vorsokratiker*; Berlin, 1903;—12. Herakleitos; pp. 58—59;—Fragm. 10, pp. 67, 68 („..... Verbindungen sind: Ganzes und Nichtganzes, Eintracht und Zwietracht, Einklang und Missklang und aus allem eins und aus einem alles.“). Справка эта доставлена намъ С. С. Лукьяновымъ.—Приведемъ здѣсь кстати небольшую выдержку изъ письма Соловьева на имя К. К. Арсеньева (конецъ 1891 г.): „ ..... относительно греческихъ удареній позвольте слѣдовать примѣру Шопенгауэра: для знающихъ по-гречески они не нужны, а незнающіе будутъ все равно пропускать греческія слова. Во всякомъ случаѣ лучше отсутствіе удареній, чѣмъ ударенія ошибочныя, а добиваться отъ типографіи безошибочности — игра не стоитъ свѣчъ.“ *П.*, II, 71 (см., впрочемъ, далѣе стр. 72 и 73).

позитивизмъ сводится къ извѣстной системѣ частныхъ эмпирическихъ наукъ безъ всякаго универсальнаго значенія. Такимъ образомъ, если позитивисты утверждаютъ эту систему эмпирическихъ наукъ какъ единственное истинное познаніе и отрицаютъ всякое безусловное начало религіозное и философское, то это утвержденіе и это отрицаніе представляютъ только естественное слѣдствіе собственной *ограниченности* позитивизма." [782])

Какъ было уже сказано, передъ открытіемъ преній по содержанію представленной въ качествѣ магистерской диссертаціи книжки, Соловьевымъ была прочитана вступительная рѣчь, озаглавленная въ печати: *Нѣсколько словъ о настоящей задачѣ философіи.* [783]) Свою рѣчь магистрантъ начинаетъ такъ:—„Мм. Гг.!—Для всѣхъ, кто при-

---

[782]) *Соч.*, I, 161.—7-го марта 1898 г., по случаю столѣтней годовщины со дня рожденія Ог. Конта, философское общество при С.-Петербургскомъ университетѣ устроило въ актовомъ залѣ университета публичное собраніе. На этомъ собраніи Соловьевъ прочелъ докладъ подъ заглавіемъ: *Идея человѣчества у Августа Конта.* Во вступленіи авторъ выражается такъ:—„Болѣе 20 лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось на этомъ самомъ мѣстѣ начать свое публичное поприще рѣзкимъ нападеніемъ на позитивную философію ..... Мнѣ нѣтъ причины въ этомъ раскаиваться. Во-первыхъ, въ то время на позитивизмъ была мода, и, какъ водится, эта умственная мода становилась идолопоклонствомъ, слѣпымъ и нетерпимымъ ко всѣмъ «несогласно мыслящимъ». Противодѣйствіе тутъ было не только позволительно и умѣстно, но и обязательно для начинающаго философа, какъ первый экзаменъ въ серьезности философскаго призванія. А во-вторыхъ, это идолопоклонство, несправедливое къ иновѣрцамъ, обижало и самого своего идола: за цѣлаго Конта выдавалась только первая половина его ученія, а другая—и по мнѣнію самого учителя болѣе значительная, окончательная,—замалчивалась.—Но если мнѣ не приходится раскаиваться въ фактѣ своего нападенія, и если на мнѣ нѣтъ вины передъ позитивизмомъ тогдашняго русскаго общества, то долгъ передъ Контомъ все-таки остается—долгъ указать зерно великой истины въ его дѣйствительномъ, цѣломъ ученіи." *Соч.*, VIII, 225—245;—225.

[783]) Владиміръ Соловьевъ, *Нѣсколько словъ о настоящей задачѣ философіи; Гражданинъ*, 1874 г., № 48, стр. 1212, 1213.—См. также *П.*, III, 221—225. Здѣсь рѣчь Соловьева напечатана по рукописи, доставленной кн. П. В. Чегодаевымъ кн. Татарскимъ.—*Гражданинъ* въ 1874 г., начиная съ № 16, подписывался, въ качествѣ редактора-издателя, В. Ѳ. Пуцыковичемъ; раньше этого редакторомъ-издателемъ значился Ѳ. М. Достоевскій. 1874 г. былъ третьимъ годомъ изданія *Гражданина.* Въ теченіе перваго года изданія, т. е. въ 1872 г., *Гражданинъ* выходилъ подъ редакціей Г. К. Градовскаго (Гамма). Разсказывая про свое рѣшеніе приступить къ изданію *Гражданина*, кн. В. П. Мещерскій называетъ своими воспріемниками на литературно-журнальномъ поприщѣ К. П. Побѣдоносцева, А. Н. Майкова, Ѳ. М. Достоевскаго, Ѳ. И. Тютчева, Н. Н. Страхова, М. О. Кояловича, Б. М. Маркевича. Кн. В. П. Мещерскій (прим. 712), ч. II, стр. 164.

знаетъ какой-нибудь смыслъ въ исторіи человѣчества, не подлежитъ сомнѣнію, что историческая жизнь народовъ опредѣляется прежде всего ихъ основными убѣжденіями, ихъ общимъ міровоззрѣніемъ. Въ извѣстныя эпохи и въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ могутъ появляться *отдѣльные люди*, совершенно освободившіеся отъ всякихъ убѣжденій, лишенные всякаго внутренняго содержанія,— люди *пустые* однимъ словомъ,—но пустыхъ *народовъ* не знаетъ исторія. Да что и для отдѣльнаго человѣка неестественно существовать безъ высшихъ духовныхъ началъ, жить въ умственной и въ нравственной пустотѣ,—это слишкомъ убѣдительно доказывается нѣкоторыми явленіями какъ прошедшей, такъ и современной исторіи." Въ подтвержденіе своихъ словъ Соловьевъ ссылается на манію самоубійствъ... [784]) „Каждый почти день приноситъ намъ убійственно-реальныя доказательства того, что человѣкъ есть существо изъ двухъ міровъ, что чистый эфиръ міра духовнаго такъ-же необходимъ для его жизни, какъ воздухъ міра вещественнаго." Для жизни человѣческой оказываются безусловно нужными убѣжденія и воззрѣнія высшаго порядка, разрѣшающія существенные вопросы ума и удовлетворяющія высшимъ требованіямъ воли. Этихъ вопросовъ не разрѣшаютъ и этимъ требованіямъ не удовлетворяютъ ни непосредственная практическая жизнь, ни положительная наука. Искомыя общія начала высшаго порядка содержатся въ двухъ формахъ: религіи и философіи. Смущаться разногласіями отдѣльныхъ системъ религіи и философіи нѣтъ надобности: „для болѣе глубокаго пониманія уже давно открылось, что какъ всѣ религіозныя системы суть лишь различные болѣе или менѣе ограниченные фазисы одного и того-же религіознаго содержанія, такъ равно и множественность философскихъ системъ есть лишь необходимое условіе для послѣдовательнаго и многосторонняго развитія однихъ и тѣхъ-же умственныхъ началъ." За устраненіемъ этого источника смущенія остается, однако, другой болѣе важный—„раздвоеніе между религіей вообще и философіей вообще, двойственность вѣры и разума." Соловьевъ замѣчаетъ по этому поводу прежде всего, что такое раздвоеніе существовало не всегда; онъ указываетъ на „лучшія времена христіанства", когда „лучшіе его представители соединяли искреннюю вѣру съ философскимъ глубокомысліемъ..... Но такое счастливое единство не было продолжительно. Сначала созна-

---

[784]) Припомнимъ слова А. В. Никитенко объ „эпидеміи самоубійствъ" (см. выше, прим. 336).

ніе разума отдѣлилось отъ религіозной вѣры, потомъ стало относиться къ ней прямо отрицательно, враждебно.“ Въ соотвѣтствіи съ этимъ обнаружилось и раздѣленіе между „образованнымъ обществомъ“ и „простымъ народомъ“. Первое стало подъ знамя разсудочнаго просвѣщенія, второй остался вѣренъ религіозному преданію.—„Теперь“, продолжаетъ авторъ, „спрашивается: нормально-ли это двоякое раздѣленіе? Одна русская литературно-научная школа—такъ назыв. славянофилы—отвѣчали[-а] на это безусловно отрицательно. Признавая указанное раздѣленіе явленіемъ вполнѣ ненормальнымъ, какимъ-то историческимъ грѣхопаденіемъ, она требовала всецѣлаго возвращенія къ первоначальному единству, требовала, чтобы личный разумъ совершенно отказался отъ своей самостоятельности въ пользу общей религіозной вѣры и церковнаго преданія. Теперь уже и противники славянофильства признали важныя услуги, оказанныя русской мысли представителями этой школы. [785]) Тѣмъ не менѣе очевидно, что основныя начала ея могутъ быть приняты лишь послѣ коренного измѣненія. Со стороны теоретической, признавая все умственное развитіе Запада явленіемъ безусловно ненормальнымъ, произвольнымъ, это воззрѣніе вноситъ колоссальную безсмыслицу во всемірную исторію; со стороны же практической, оно представляетъ неисполнимое требованіе возвратиться назадъ къ старому, давно пережитому. Но если должно, вопреки славянофильскому воззрѣнію, признать западное развитіе, т. е. данное историческое раздвоеніе разумнаго сознанія и религіозной вѣры, законнымъ произведеніемъ логической и исторической необходимости, то отсюда, очевидно, не слѣдуетъ, чтобы такое раздвоеніе было вѣчнымъ абсолютнымъ закономъ, чтобы философское сознаніе по существу своему противорѣчило религіозной вѣрѣ. Дѣйствительно, мы находимъ, что это раздвоеніе и противорѣчіе есть нормальное явленіе только какъ временное переходное со-

[785]) Скажемъ попутно, что изъ новѣйшихъ изслѣдователей, старавшихся выяснить положительные элементы въ ученіи славянофиловъ, особаго вниманія заслуживаетъ М. О. Гершензонъ, *Историческія записки* (Москва, 1910 г.) котораго содержатъ въ себѣ много весьма цѣнныхъ и хорошо продуманныхъ соображеній объ эволюціи нашего общественнаго сознанія. Сущность спора между славянофилами и западниками сводится авторомъ къ столкновенію двухъ психологій — „религіозной“ и „раціоналистической“. Одна программа гласила: *„внутреннее устроеніе личности“*, другая— *„усовершенствованіе общественныхъ формъ“*. По мнѣнію автора, *„консерватизмъ былъ присущъ самой идеѣ славянофильства лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ являлся стремленіемъ отстоять нравственную законность традиціи противъ посягательствъ отвлеченнаго ума.“* *L. c.*, стр. 137, 139.

стояніе, что если разумъ въ извѣстный моментъ своего развитія становится необходимо въ отрицательное отношеніе къ содержанію религіозной вѣры, то въ дальнѣйшемъ ходѣ этого развитія онъ съ такой-же необходимостью приходитъ къ признанію тѣхъ началъ, что составляютъ сущность истинной религіи.“ Сама западная философія становится теперь на такую точку зрѣнія, которая предопредѣляетъ возможность соединенія разумнаго сознанія съ религіозной вѣрой. „И хотя это соединеніе еще не совершилось и весьма вѣроятно, что никогда не совершится въ *западной* философіи, но тѣмъ не менѣе весь предшествующій ходъ философскаго развитія заставляетъ признать его послѣднимъ результатомъ высшій синтезъ философскаго познанія и религіозной вѣры. Теперь же, когда этотъ результатъ еще не достигнутъ, онъ составляетъ необходимую, настоящую *задачу* философской мысли.“

Рѣчь, предпосланная Соловьевымъ диспуту, имѣетъ, безъ сомнѣнія, очень существенное для его біографіи значеніе. Мы видимъ, что уже при первомъ своемъ публичномъ выступленіи онъ съ полною отчетливостью высказывается какъ за необходимость стремиться къ нѣкоторому „высшему синтезу“, безъ приниженія требованій разсудочнаго сознанія и безъ ущерба для всесторонней полноты человѣческаго духа, такъ и за необходимость подвергнуть „коренному измѣненію“ основныя начала славянофильской идеологіи, при всѣхъ заслугахъ славянофильства въ исторіи русской мысли. Требованіе „универсальнаго синтеза“ проходитъ черезъ всю дѣятельность Соловьева, и съ этимъ основнымъ тезисомъ его ученія, связывающимъ науку и философію съ религіей, мы будемъ встрѣчаться еще неоднократно. Не менѣе достойны вниманія и первоисходныя сужденія его о славянофильствѣ, достаточно подготовленныя для насъ предшествующимъ изложеніемъ и несомнительно свидѣтельствующія о томъ, что уже въ 1874 г. Соловьевъ правовѣрнымъ славянофиломъ не былъ... [786]) Въ какомъ-же направленіи должна измѣниться славянофильская идеологія? Легко замѣтить, что, по мнѣнію Соловьева, славянофильству надлежитъ отказаться какъ отъ признанія всего умственнаго развитія Запада безусловно ненормальнымъ, такъ и отъ неисполнимаго призыва возвратиться къ старому, давно пережитому. Славянофилы должны понять, что въ умственномъ развитіи Запада имѣются положительные элементы, и что реставрація прошлаго, какъ

[786]) Ср. выше, прим. 771-ое.

такового, не возможна. Къ числу положительныхъ элементовъ западнаго развитія относится, между прочимъ, то, что сама западная философія, переживающая нынѣ свой кризисъ, начинаетъ проникаться уваженіемъ къ религіознымъ устремленіямъ человѣческаго духа. Соловьевъ полагаетъ, впрочемъ, что соединеніе философіи съ религіей, намѣчаемое этимъ кризисомъ какъ возможное, еще не совершилось и, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда въ *западной* философіи (слово: „западной“ онъ подчеркиваетъ) не совершится, хотя разумѣемый здѣсь синтезъ и составляетъ неустранимую, подлинную задачу философской мысли. Этимъ заявленіемъ онъ заканчиваетъ свою рѣчь.—Договаривая недосказанное, мы въ-правѣ, кажется, прибавить, что, по взгляду Соловьева, задачу универсальнаго синтеза призвана разрѣшить философія восточная, если только возможное возможно на самомъ дѣлѣ, а не въ мечтѣ... Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то, что своей вступительной рѣчью нашъ философъ не воспользовался для того, чтобы обрисовать опредѣленными чертами и свое отношеніе къ западнической литературно-научной школѣ. Строя разсужденія объ этой школѣ съ такими-же заостреніями, какъ построены имъ разсужденія о славянофильствѣ, ему слѣдовало бы сказать, что западничество точно также погрѣшаетъ противъ истины—когда отрицаетъ всякій положительный смыслъ въ умственномъ развитіи Востока и безпощадно жертвуетъ прошлымъ ради будущаго, загадочнаго и неопредѣленнаго для самого Запада. Если славянофильство стоитъ на ложномъ пути, признавая „двоякое раздѣленіе“ безусловно ненормальнымъ, то на ложномъ пути стоитъ и западничество, признавая это раздѣленіе безусловно нормальнымъ. Нужно, чтобы и западничество отказалось отъ своей исключительной односторонности; вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно прозрѣть, наконецъ, въ относительную правду родного прошлаго. И это тѣмъ болѣе такъ потому, что, какъ выясняется въ диссертаціи Соловьева, „послѣдніе необходимые результаты *западнаго* философскаго развитія утверждаютъ, въ формѣ *раціональнаго познанія, тѣ самыя* истины, которыя въ формѣ *вѣры* и *духовнаго созерцанія* утверждались великими теологическими ученіями *Востока* (отчасти древняго, а въ особенности христіанскаго).“ Умолчаніе Соловьева о западнической идеологіи можно объяснять различнымъ образомъ. Съ одной стороны, онъ желалъ, вѣроятно, показать, что высокое значеніе, придаваемое имъ „полнотѣ содержанія духовныхъ созерцаній Востока“, не должно быть истолковываемо въ смыслѣ прикровенной реабилитаціи якобы укоряемыхъ славянофиловъ, а вѣдь такое впечатлѣніе

могло бы получиться, еслибы онъ сталъ прямо противополагать славянофиловъ и западниковъ, причемъ выходило бы даже такъ, какъ будто только славянофилы и способны оцѣнить по достоинству религіозное богатство Востока. Съ другой стороны, онъ желалъ, можетъ-быть, предупредить чрезмѣрное раздраженіе западниковъ, которымъ и безъ того его диссертація должна была стать, что̀ называется, поперекъ горла, а вѣдь сугубая досада западническаго лагеря вовсе не входила въ разсчеты автора, который, по существу дѣла, долженъ былъ стремиться именно къ тому, чтобы привлечь къ себѣ всю нашу интеллигенцію. Оттѣняя отрицательныя стороны славянофильства, Соловьевъ дѣлалъ уже извѣстную уступку западникамъ, и это могло настраивать представителей западничества въ благопріятномъ для автора смыслѣ. Еще болѣе могло примирить ихъ съ нимъ то, что онъ обходитъ молчаніемъ отрицательныя стороны западничества. Высказывая эти догадки, мы отнюдь не желаемъ набрасывать тѣнь на искренность Соловьева. Но дѣло въ томъ, что не только въ настоящемъ случаѣ, но и во многихъ другихъ случаяхъ Соловьевъ, дѣйствительно, не пренебрегалъ подобными способами привлекать къ своимъ воззрѣніямъ инакомыслящихъ, освѣщая яркимъ свѣтомъ лишь существенное, или вообщѐ распредѣляя свѣтъ и тѣни такъ, чтобы не оттолкнуть отъ себя сразу-же тѣхъ, кто при болѣе мягкихъ пріемахъ обращенія и оказался бы, пожалуй, сторонникомъ дорогихъ для него взглядовъ. Нельзя, впрочемъ, не прибавить къ сказанному, что иногда такой образъ дѣйствій тяготилъ самого философа, и онъ безъ обиняковъ заявлялъ, что съ него достаточно и его собственной дипломатіи, когда его усиленно наталкивали на дипломатію, такъ сказать, избыточную или сверхсмѣтную... [787])

---

[787]) Весьма любопытныя соображенія по этой части находимъ мы у В. Л. Величко, въ искренней и горячей преданности котораго Соловьеву никто, конечно, не усомнится. „При анализѣ твореній Владиміра Соловьева,“ говоритъ В. Л. Величко, „необходимо помнить его главную практическую цѣль, заключавшуюся, по моему глубочайшему убѣжденію, въ томъ, чтобы *влить струю христіанской вѣры въ сердца представителей прогрессивной мысли въ Россіи*. Ради этого онъ долженъ былъ прибѣгать и къ недомолвкамъ, и, какъ принято выражаться, даже къ компромиссамъ, не наносившимъ ущерба его нравственному достоинству, такъ-какъ для себя лично онъ ничего не искалъ и никакихъ благъ земныхъ не желалъ.—Онъ смотрѣлъ на міръ какъ на плохой постоялый дворъ, въ которомъ достаточно устроиться, какъ попало, но надо попутно принести духовную пользу людямъ.—Ради этой пользы можно позволить себѣ и кое-какую политику.—Послѣдняго онъ и не скрывалъ въ задушевныхъ бесѣдахъ. У меня хранится весьма интересное

Помимо вступительной рѣчи, слѣдуетъ отмѣтить и тѣ „тезисы“, которые были вслѣдъ за нею оглашены Соловьевымъ и которые онъ

письмо, не подлежащее пока опубликованію цѣликомъ, такъ-какъ въ немъ есть упоминаніе о нѣсколькихъ лицахъ, благополучно здравствующихъ; но кое-какіе отрывки могутъ и сейчасъ послужить нѣкоторой иллюстраціей къ вышесказанному.—Вл. С. Соловьевъ написалъ это письмо по поводу одного коллективнаго шага представителей печати, увѣнчавшагося, согласно предсказанію почившаго философа, самыми отрицательными результатами. Вотъ что̀ пишетъ Владиміръ Сергѣевичъ:—«Просительное обращеніе вовсе не есть заявленіе принциповъ. Принципіально защищать свободу печати и критиковать стѣсняющіе ее законы не возбраняется и въ самой печати; такую защиту и такую критику я еще недавно производилъ по болѣе щекотливому и болѣе важному предмету—свободы религіозной. Обращеніе же, о которомъ идетъ рѣчь, не есть принципіальное заявленіе, а практическій шагъ для достиженія положительнаго результата (въ смыслѣ внѣшней, легальной реализаціи даннаго принципа). Значитъ, суть дѣла здѣсь въ *цѣлесообразности* извѣстнаго средства, въ его пригодности для этой *практической* цѣли. Разумѣется, успѣхъ предпріятія можетъ быть и не во власти предпринимающихъ, но добросовѣстно ссылаться на это соображеніе можно только тогда, когда сдѣлано все отъ насъ зависящее для обезпеченія успѣха. Въ настоящемъ же случаѣ не только не принято никакихъ мѣръ въ этомъ смыслѣ, но сдѣлано, напротивъ, весьма многое, чтобы заранѣе обезпечить *неуспѣхъ*»...—Говоря далѣе, что эта затѣя производитъ непріятное впечатлѣніе на его «внутреннее обоняніе», и что нѣкоторыя обстоятельства, отнимающія у нея сколько-нибудь серіозное значеніе, дѣлаютъ изъ нея «какую-то штуку, невѣдомо зачѣмъ выкидываемую», Владиміръ Соловьевъ заключаетъ:—«Самъ я ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ поддерживать ни явнаго мальчишества, ни тайной дипломатіи чужой; *довольно и своей*»...—Само собою разумѣется, что безъ дипломатіи не мыслимо никакое синтетическое общественное начинаніе..... Но у этого пути есть и свои, спеціально-присущія ему опасности..... Всѣхъ этихъ опасностей Владиміръ Соловьевъ почти безусловно избѣгъ..... Черезъ всю его общественную дѣятельность красною нитью проходитъ рядъ «дерзаній», въ которыхъ онъ проявляетъ себя ярко-независимымъ отъ какихъ бы то ни было лагерей и условныхъ путъ.“ В. Л. Величко (прим. 10), стр. 103—105.—Письмо Соловьева, на которое ссылается В. Л. Величко, напечатано впослѣдствіи въ болѣе полномъ видѣ. Письмо это относится къ половинѣ 90-ыхъ годовъ. См. *П.*, I, 216, 217.—Въ дополненіе къ цитатѣ изъ книжки В. Л. Величко приведемъ еще нѣсколько строкъ изъ письма Владиміра Соловьева на имя его брата Михаила; соотвѣтствующее письмо относится къ началу 1886 г.:—„За мною здѣсь [т. е. въ Петербургѣ] ухаживаютъ, съ одной стороны, *Новое Время*, а съ *другой*—либералы, не говоря уже о евреяхъ. Я веду тонкую политику (еслибы имѣлъ турнюръ, то сказалъ бы—кокетничаю) и съ тѣми, и съ другими, и съ третьими.—Зато и съ казенною Россіей я потерялъ всякое соприкосновеніе. Дивлюсь только издалека ея мудрости.....“ *Письма* и т. д. (прим. 449); *Богословскій Вѣстникъ*, 1915 г., сентябрь, стр. 56.—По поводу всей „дипломатіи“ и „политики“ Соловьева нужно еще сказать и то, что во многихъ случаяхъ ему было крайне трудно дѣйствовать иначе даже въ области теоретической, ибо вѣдь чаемый имъ синтезъ легко очертить въ схемѣ, но не такъ-то легко осуществить въ дѣйствительности. Отстаивать синтезъ вообще гораздо труднѣе, чѣмъ защищать тезисъ или антитезисъ...

готовъ былъ защищать на диспутѣ. Вотъ эти тезисы, представленные въ сакраментальномъ числѣ семи:—„1) Оба главныя направленія западной философіи—раціоналистическое, ограничивающееся кругомъ общихъ логическихъ понятій, и эмпирическое, ограничивающееся частными данными феноменальной дѣйствительности, — сходятся въ томъ существенномъ пунктѣ, что оба одинаково отрицаютъ собственное бытіе какъ познаваемаго, такъ и познающаго, оставляя одну только абстрактную форму познанія, почему оба эти направленія могутъ быть подведены подъ общее понятіе абстрактнаго формализма.—2) Отрицаніе метафизики, какъ познанія объ истинно-сущемъ, одинаково свойственное какъ раціонализму въ его послѣдовательномъ развитіи, такъ и эмпиризму, — происходитъ исключительно изъ собственной ограниченности этихъ направленій.—3) Отрицаніе этики, какъ ученія о цѣляхъ или о долженствующемъ быть, равномѣрно обусловливается ограниченностью раціонализма и эмпиризма.—4) Философія воли и представленія, основанная Шопенгауэромъ и развитая далѣе Гартманномъ, въ существенномъ содержаніи своихъ принциповъ свободна отъ основной односторонности раціонализма и эмпиризма, но въ своихъ систематическихъ построеніяхъ раздѣляетъ общую формальную ограниченность всей западной философіи, состоящую въ обособленіи абстрактныхъ элементовъ, какъ самостоятельныхъ сущностей.—5) Общій необходимый результатъ западнаго философскаго развитія въ области ученія о познаніи состоитъ въ томъ, что чистое мышленіе и чистая эмпирія должны быть признаны одинаково невозможными, и истинный философскій методъ долженъ быть опредѣленъ, какъ конкретное мышленіе, состоящее въ выведеніи изъ эмпирическихъ данныхъ того, что въ нихъ необходимо логически заключается.—6) Въ области метафизики: въ качествѣ абсолютнаго первоначала, вмѣсто прежнихъ абстрактныхъ сущностей, долженъ быть признанъ конкретный всеединый духъ.—7) Въ области этики: должно быть признано, что послѣдняя цѣль и высшее благо достигаются только совокупностью существъ посредствомъ логически-необходимаго и абсолютно-цѣлесообразнаго хода мірового развитія, конецъ котораго есть уничтоженіе вещественнаго міра, какъ вещественнаго, и возстановленіе его, какъ царства духовъ, во всеобщности духа абсолютнаго.“ [788])

[788]) Мы заимствуемъ воспроизведенные выше тезисы изъ статьи Н. Н. Страхова: *Гартманнъ и Шопенгауэръ*. По словамъ автора, „въ нихъ очень ясно, связно и въ порядкѣ изложена сущность *Кризиса западной философіи*, формулированы не только тѣ взгляды, которые достаточно развиты въ этой книгѣ, но и тѣ, на которые

Диспутъ прошелъ болѣе чѣмъ удачно—можно сказать безъ преувеличенія: онъ прошелъ блестящимъ образомъ. Много лѣтъ спустя, незадолго до смерти, Соловьевъ вспоминалъ о своемъ магистерскомъ диспутѣ въ такихъ выраженіяхъ: — „Моя юношеская диссертація, а также вступительная рѣчь на диспутѣ, рѣзко шли противъ господствовавшаго у насъ въ то время позитивистическаго теченія и, доставивши мнѣ succès de scandale въ большой публикѣ и у молодежи, вмѣстѣ съ тѣмъ обратили на себя вниманіе «старшихъ»: Каткова, Кавелина, и особенно послѣднихъ представителей коренного славянофильства, къ которому въ нѣкоторыхъ пунктахъ примыкали мои воззрѣнія, хотя и незрѣлыя, но достаточно опредѣленныя въ главномъ.“ [789]) То, что Соловьевъ скромно и полушутливо называетъ „succès de scandale“, было въ дѣйствительности несомнѣннымъ успѣхомъ—въ смыслѣ привлеченія общественнаго вниманія къ такимъ темамъ, которыя многими сдавались тогда окончательно и безъ всякой жалости въ архивъ. Съ этой точки зрѣнія намъ представляется весьма цѣннымъ замѣчаніе А. Никольскаго, который въ своемъ общемъ заключеніи о дѣятельности Соловьева заявляетъ:—„Его [т. е. Вл. С. Соловьева] первая философская работа: *Кризисъ западной философіи* можетъ считаться и кризисомъ въ исторіи русской философіи; и съ года ея появленія въ свѣтъ (1874 г.) съ большими основаніями можно вести начало новаго критическаго періода исторіи русской философіи.“ [790])

Относительно обстановки и хода магистерскаго диспута Соловьева мы уже приводили въ главѣ третьей письмо М. А. Малиновскаго на имя С. М. Соловьева. [791]) Это былъ отзывъ человѣка, желавшаго прежде всего быть пріятнымъ своему корреспонденту,—притомъ нѣсколько далекаго отъ общихъ философскихъ задачъ времени. Но вотъ отзывъ свидѣтеля гораздо болѣе авторитетнаго. Въ письмѣ на имя вдовы проф. С. В. Ешевскаго К. Н. Бестужевъ-Рюминъ выражается такъ:—„Дорогая моя Юлія Петровна!—Былъ вчера диспутъ вашего

авторъ только указалъ и которыхъ вполнѣ развить не успѣлъ.“ Н. Н. Страховъ, *Философскіе очерки*; С.-Петербургъ, 1895 г.; статья: *Гартманнъ и Шопенгауэръ*, стр. 374 — 427; — стр. 396 — 398. Въ такомъ-же видѣ перечисляетъ „тезисы“ Соловьева и К. Д. Кавелинъ (прим. 766; стр. 4, 5). „Тезисы“ были отмѣчены и въ различныхъ газетныхъ замѣткахъ о диспутѣ.

[789]) *П.*, III, 275, 276; статья: *Изъ воспоминаній. Аксаковы.*

[790]) А. Никольскій (прим. 673), № 24, стр. 479.

[791]) См. выше, прим. 163-е.

любимца Соловьева. Знаю, что онъ интересуетъ васъ, и потому спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ. Такого диспута я не помню, и никогда мнѣ не случалось встрѣчать такую умственную силу лицомъ къ лицу. Необыкновенная вѣра въ то, что онъ говоритъ, необыкновенная находчивость, какое-то увѣренное спокойствіе—все это признаки высокаго ума. Внѣшней манерой онъ много напоминаетъ отца, даже въ складѣ ума есть сходство; но мнѣ кажется, что этотъ пойдетъ дальше. Въ нашемъ кругѣ осталось какое-то обаятельное впечатлѣніе; Замысловскій, выходя съ диспута, сказалъ: «онъ стоитъ точно пророкъ.» И дѣйствительно, было что-то вдохновенное. Оппонентовъ было много изъ публики, споръ былъ оживленный; публика раздѣлилась на двѣ партіи; одни хлопали Соловьеву, другіе—его противникамъ. Если будущая дѣятельность оправдаетъ надежды, возбужденныя этимъ днемъ, *Россію можно поздравить съ геніальнымъ человѣкомъ...*“ [792])

Періодическая печать откликнулась на магистерскій диспутъ Соловьева хоромъ разногласнымъ, но весьма громкимъ. Лишь весьма немногіе ученые диспуты имѣли у насъ подобную судьбу, и уже въ силу одного этого обстоятельства мы не въ-правѣ обойти молчаніемъ положеніе, занятое въ этомъ случаѣ нашей публицистикой. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые изъ отзывовъ петербургской и московской печати, представляющіеся болѣе значительными и обрисовывающіе самый ходъ диспута.

Первую небольшую замѣтку о диспутѣ, состоявшемся 24-го ноября, *Голосъ* помѣстилъ на своихъ столбцахъ 26-го числа; газетѣ удалось при этомъ выдержать тонъ спокойный и даже благосклонный въ отношеніи диспутанта. [793]) Но уже 1-го декабря, въ воскресномъ

---

[792]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 25, 26.—С. В. Ешевскій—ровесникъ и другъ К. Н. Бестужева-Рюмина; скончался въ 1865 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ даетъ А. С. Трачевскій,—*Воспоминаніе о С. В. Ешевскомъ*; *Московскія университетскія извѣстія*, 1865 г., № 5, стр. 393—406 (на обложкѣ: 1866 г.).—На сестрѣ С. В. Ешевскаго, Е. В. Ешевской, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ женился въ 1855 г См. Е. Шмурло, *Очеркъ жизни и научной дѣятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829 — 1897)*; Юрьевъ, 1899 г.; стр. 57. — О томъ, что диспутъ Соловьева произвелъ „самое выгодное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ“, свидѣтельствуетъ, какъ мы знаемъ, и М. И. Владиславлевъ, главный оффиціальный оппонентъ и наиболѣе компетентный въ настоящемъ случаѣ судья, вовсе не расположенный къ тому-же увлекаться Соловьевымъ безъ всякой оглядки. См. выше, прим. 766-ое.

[793]) *L. c.*, № 327.

фельетонѣ, подъ заглавіемъ: *Листокъ* и за подписью: „*И. д.* фельетониста“, дается воля иному настроенію. „Вліяніе общей воинской повинности на народное и даже научное образованіе очевидно даже въ Петербургѣ“, говоритъ авторъ фельетона. „Не успѣли въ первый разъ примѣнить новый уставъ, какъ у насъ появились уже философы призывного возраста. По крайней мѣрѣ, на-дняхъ одинъ изъ молодыхъ людей призывного возраста торжественно возведенъ въ званіе философа, въ одной изъ залъ петербургскаго университета. 24-го ноября многочисленная публика стеклась посмотрѣть на это невиданное зрѣлище. На каѳедрѣ появился болѣзненный, страшно исхудалый молодой человѣкъ..... Магистранту только 21 годъ... Да, «не болѣе того»; но онъ успѣлъ уже въ этомъ юномъ возрастѣ не только побывать въ Московскомъ университетѣ на двухъ факультетахъ“ и т. д., „но и произвести, въ концѣ концовъ, *Кризисъ западной философіи противъ позитивистовъ*.“ Положимъ, самое заглавіе диссертаціи наводитъ на разныя сомнѣнія—вѣдь „окажется, чего добраго, по мнѣнію юнаго философа, что позитивизмъ“, составляющій часть западной философіи, „произвелъ кризисъ противъ самого себя“. Авторъ фельетона совѣтуетъ, однако-же, не придираться „къ философу“ — ради его юности. Притомъ—„такая снисходительность тѣмъ болѣе умѣстна, что на диспутѣ 24-го ноября можно было убѣдиться, что современные противники позитивизма далеко не лишены той практической, житейской мудрости, слѣдовать которой не помышляютъ многіе изъ самыхъ ярыхъ приверженцевъ этой школы.“ Въ подтвержденіе словъ о современныхъ противникахъ позитивизма „*и. д.* фельетониста“ указываетъ на то, что „юный магистрантъ“ проявлялъ смиренномудріе и почтительность въ отношеніи оффиціальныхъ оппонентовъ и, наоборотъ, былъ заносчивъ, пренебрежителенъ и даже рѣзокъ въ отношеніи оппонентовъ частныхъ; а объясняется все это весьма просто: вѣдь только оффиціальные оппоненты „могли пожаловать его въ философы“... Особенно огорченъ фельетонистъ обращеніемъ Соловьева съ „г. де-Роберти“. [794]) „Этотъ г. *де*-Роберти не только жантильйомъ,

---

[794]) Повидимому, „г. де-Роберти“ и нужно подразумѣвать подъ тѣмъ „Р.“, про котораго такъ неодобрительно отзывается въ своемъ письмѣ М. А. Малиновскій (см. выше, прим. 163). — Какъ усматривается изъ ниже приведенной хроникерской замѣтки въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, де-Роберти, о которомъ идетъ рѣчь, есть Сергѣй В. де-Роберти,—а не Е. В. де-Роберти, извѣстный позитивистъ (род. въ 1843 г., ум. 25-го апрѣля 1915 г.). Какъ намъ передавалъ Я. Н. Колубовскій, въ разсказахъ о магистерскомъ диспутѣ Соловьева не разъ уже смѣшивали С. В. де-Ро-

но [и]..... докторъ математики Іенскаго университета, и юный философъ нисколько не уронилъ бы своего достоинства, относясь терпѣливо и сдержанно къ этому возражателю. Г. Соловьевъ не далъ слова сказать математику изъ Іены..... Прибѣгнулъ-было г. де-Роберти къ послѣднему своему рессурсу—къ ссылкѣ на авторитетъ г. Вырубова; но ничто не помогло..... не извѣстно, что произошло бы съ возражателемъ, еслибъ на помощь ему не явилась подмога въ лицѣ г. Лесевича, другого частнаго оппонента. Тутъ роли нѣсколько измѣнились: г. Соловьеву не до ухмыленій уже было, когда г. Лесевичъ, [795]) ясно какъ дважды два четыре, сталъ доказывать несостоятельность основныхъ положеній магистранта.“ Нападенія В. В. Лесевича оказались, конечно, сплошь побѣдоносными. „Въ довольно нелестномъ тонѣ отозвался также профессоръ духовной академіи, г. Коринскій [sic!],“ [796]) — впрочемъ, „о философіи Гартманна, въ которую [будто-бы] слѣпо увѣровалъ магистрантъ.....“ Въ заключеніе авторъ *Листка* задается вопросомъ: „въ чемъ-же заключается сущность «ученія» самого юнаго философа?“ Для оправданія своего послѣдующаго отвѣта онъ приводитъ тезисы шестой и седьмой и продолжаетъ такъ:—„Прочитавъ эти «основныя положенія», многіе, пожалуй, подумаютъ, что въ новой философіи философа призывного возраста ничего, въ сущности, новаго не заключается. Иные, быть-можетъ, перенесутся даже, при помощи г. Соловьева, въ свой дѣтскій міръ; въ умѣ ихъ воскреснутъ страшные разсказы старушекъ о кончинѣ свѣта, о гіенѣ [sic!] огненной, припомнятся предостереженія, которыя каждый изъ насъ слышалъ противъ еретическихъ увѣреній естествознанія и особенно химіи, доказывающей, что ни одинъ атомъ матеріи не пропадаетъ, всегда существовалъ и будетъ существовать... Да не смущается, однако, всѣмъ этимъ г. Соловьевъ. Многочисленные «любители просвѣщенія», поспѣшившіе собраться на его диспутъ, безразборчиво гоготавшіе и рукоплескавшіе, точно публика александринскаго театра, и его неумѣстнымъ выходкамъ противъ г. де-Роберти, и его печальному положенію во время многихъ неотразимыхъ возраженій на его диссертацію, и, наконецъ, при торжественномъ провозглашеніи его философомъ, ясно обнаруживаютъ нашу терпимость

берти съ Е. В. де-Роберти, на что̀ обращалъ, между прочимъ, его вниманіе и В. В. Лесевичъ.

[795]) О В. В. Лесевичѣ будутъ еще представлены нѣкоторыя данныя въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[796]) И о М. И. Каринскомъ необходимыя справки будутъ представлены впослѣдствіи.

и готовность къ воспріятію всевозможныхъ философскихъ ученій и системъ. Намъ крайне любопытно было лицезрѣть юнаго философа, en chair et os; найдется у насъ достаточно мѣста и для его ученій, хотя-бы они не превышали своей силой и значеніемъ даже воззрѣній старой его нянюшки.“ [797])

Отъ *Голоса* обратимся къ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ*. Какъ уже упоминалось выше, оффиціальныя объявленія о диспутѣ Соловьева были помѣщены именно въ этихъ двухъ газетахъ. — 26-го ноября *С.-Петербургскія Вѣдомости* дали замѣтку о диспутѣ въ отдѣлѣ хроники. [798]) Въ замѣткѣ этой указывается, что диспутъ привлекъ „громадную массу публики“, что въ составѣ этой публики было нѣсколько литераторовъ, что магистрантъ очень молодъ, что диссертація его преслѣдуетъ такія-то цѣли, и т. д.; приводятся in extenso и всѣ семь тезисовъ. Затѣмъ излагаются нѣкоторыя подробности преній. Первымъ возражалъ И. И. Срезневскій; его краткія замѣчанія касались главнымъ образомъ того мѣста въ диссертаціи, гдѣ утверждается, что философія, какъ извѣстное *разсудительное* (рефлектирующее) познаніе, есть всегда дѣло *личнаго* разума, тогда какъ въ другихъ сферахъ общечеловѣческой дѣятельности личный разумъ, отдѣльное лицо играетъ роль болѣе страдательную — здѣсь дѣйствуетъ *родъ*. [799]) „Съ этимъ мнѣніемъ г. Срезневскій не соглашался, находя, что личное творчество имѣетъ большое значеніе и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности—въ языкѣ, миѳологіи и пр.“ Слѣдующій оффиціальный оппонентъ, М. И. Владиславлевъ, представилъ, наоборотъ, возраженія очень пространныя. Начавъ съ похвалъ, онъ „указалъ затѣмъ на тѣ мнѣнія г. Соловьева о разныхъ философскихъ системахъ, съ которыми онъ не можетъ согласиться“; при этомъ онъ говорилъ и о схоластикѣ, и о Декартѣ, и о Спинозѣ, и о Лейбницѣ, и о Гегелѣ, и т. д. „Рѣчь г. Владиславлева была покрыта громкими рукоплесканіями.“ Въ качествѣ перваго частнаго оппонента выступилъ „Серг. В. де-Роберти.“ „Между спорящими готовъ былъ завязаться длинный споръ, но г. де-Роберти принужденъ былъ прекратить свои возраженія, такъ-какъ часть публики, слишкомъ усердно сочувствовавшая г. Соловьеву, постоянно прерывала оппо-

[797]) *Голосъ*, 1874 г., 1-го декабря, № 332.—Въ № 360 той-же газеты, отъ 31-го декабря 1874 г., и московскій фельетонистъ иронизируетъ, въ *Московскихъ замѣткахъ*, надъ Вл. С. Соловьевымъ, называя его „феноменальнымъ юношей“.

[798]) *L. c.*, № 326.

[799]) См. *Соч.*, I, 27.

нента.“ Послѣ С. В. де-Роберти возражалъ В. В. Лесевичъ. „Въ превосходной рѣчи онъ старался доказать, что никакой реакціи противъ ученія позитивистовъ не произошло; перечисливъ всѣхъ извѣстныхъ позитивистовъ въ Англіи, Франціи и Италіи, онъ указалъ, что никто изъ нихъ ни мало не поколебался въ своихъ принципахъ послѣ появленія философіи Гартманна; что если эта философія и нашла себѣ сочувствующихъ, то напрасно диссертантъ не указалъ и на тѣ сочиненія, въ которыхъ Гартманнъ обвиняется въ крайнемъ невѣжествѣ, въ которыхъ онъ, съ своей философіей, сравнивается съ австралійцемъ. Затѣмъ оппонентъ указалъ еще на нѣкоторыя мѣста диссертаціи, поразительныя по своей несостоятельности. Рѣчь г. Лесевича вызвала оглушительныя рукоплесканія, которыя тщетно пытались заглушить шиканьемъ и свистками поклонники г. Соловьева.“ О возраженіяхъ „г. Коринскаго“ [sic!] упоминается кратко. „Въ заключеніе диспута г. Вольфсонъ (студентъ университета) сдѣлалъ также нѣсколько замѣчаній диспутанту, указывая, между прочимъ, на то, что Ог. Контъ никогда не шелъ собственно противъ религіи, что онъ даже признавалъ культъ. Прочтя затѣмъ изъ диссертаціи г. Соловьева слѣдующія строки: «Итакъ, историческій законъ Конта вполнѣ вѣренъ, если относить его только къ изученію внѣшнихъ явленій, но не имѣетъ никакого смысла, какъ общій законъ всего умственнаго развитія», [800])—оппонентъ полагалъ, что эти слова, сказанныя такимъ врагомъ позитивизма, какъ г. Соловьевъ, есть лучшій комплиментъ ученію Ог. Конта.“ Заканчивается замѣтка сухимъ заявленіемъ, что „по окончаніи диспута, г. Соловьевъ былъ объявленъ магистромъ философіи.“— Болѣе выразительный отзывъ объ этомъ событіи университетской жизни находимъ мы въ *Недѣльныхъ очеркахъ и картинкахъ*, опубликованныхъ *С.-Петербургскими Вѣдомостями* 1-го декабря. [801]) Авторъ этого фельетона, всѣмъ извѣстный „Незнакомецъ“ (А. С. Суворинъ), высказывается такъ: — „Я долженъ занести въ свою хронику философскій диспутъ Владиміра Сергѣевича Соловьева. Всѣ газеты обратили вниманіе на крайнюю молодость новаго философа, которому всего 21 годъ; нѣкоторыя отнеслись съ обидной снисходительностью къ человѣку, который такъ рано выступилъ на общественное поприще; но я привѣтствую его отъ всей души, привѣтствую его вмѣстѣ съ публикою, которая такъ ему рукоплескала. Кто знаетъ, не явится-ли

---

[800]) См. *Соч.*, I, 158.

[801]) *L. c*, № 331.

въ немъ русскій философъ, не есть-ли онъ первое начало тѣхъ славянскихъ началъ, которыя не общей воинской повинностью, а духомъ своимъ, должны поработить, какъ всѣмъ извѣстно, весь міръ? Наши великіе люди выступали всегда рано: вспомните Петра Великаго, Пушкина, Лермонтова. Имя ихъ гремѣло уже, когда они были еще юношами. Но вы скажете, что философія — мудреное дѣло, что она требуетъ ума зрѣлаго и лѣтъ соразмѣрныхъ. Въ такомъ случаѣ я укажу вамъ на знаменитаго въ настоящее время автора «философіи безсознательнаго», Гартманна, который 27-ми лѣтъ издалъ уже полную философскую систему и только на десять лѣтъ старше г. Соловьева. [802]) Я не хочу шутить; я хотѣлъ бы пророчествовать, я желалъ бы, чтобы сынъ нашего извѣстнаго историка положилъ основаніе новой философской школѣ, русской. Европа давно гніетъ — это всѣмъ извѣстно, Европа давно уже находится въ кризисѣ, и я вижу въ самомъ заглавіи сочиненія г. Соловьева (*Кризисъ западной философіи*) какъ-бы указательный перстъ по тому-же направленію. На Востокъ, на Востокъ!—вотъ гдѣ наше спасеніе и спасеніе міру! Пусть будетъ такъ: все приходитъ къ своему началу, и мы, выйдя съ Востока, нагулявшись на Западѣ, вновь возвращаемся къ своему источнику. Мы въ музыкѣ изобрѣли новые звуки, новое ихъ сочетаніе, мы звуками устремляемся изобразить даже критику, даже, быть-можетъ, философскія системы; отчего-же словомъ не попытаться создать нѣчто свое, оригинальное, глубокое, которое стало бы міровымъ? Владиміръ Сергѣевичъ, дай вамъ Богъ всего лучшаго..." Въ дальнѣйшемъ А. С. Суворинъ предостерегаетъ „молодого философа" отъ пренебрежительнаго отношенія къ тѣмъ, кто трудится въ области журналистики и такъ или иначе способствуетъ просвѣщенію умовъ безъ оффиціальнаго диплома. Онъ полагаетъ, что Соловьевъ сдѣлалъ „большой промахъ", проявивъ различную степень вѣжливости предъ лицомъ учености дипломированной и учености не дипломированной. „Гордымъ можно быть, но вѣдь истинная гордость разумна и снисходительна."

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ *Голосомъ* и *С.-Петербургскими Вѣдомостями* слѣдуетъ поставить *Биржевыя Вѣдомости*, въ которыхъ уже 27-го ноября появился, въ формѣ письма въ редакцію, фельетонъ: *О диспутѣ г-на В. Соловьева*, за подписью: „Ник. Михайловскій." [803]) Эта враждебная статья Н. К. Михайловскаго по адресу Со-

[802]) Э. ф. Гартманнъ родился въ 1842 г., 23-го февраля. Онъ былъ старше Соловьева почти на 11 лѣтъ.

[803]) *L. c.*, № 324.—Указаніе на статью Н. К. Михайловскаго въ *Биржевыхъ*

ловьева какъ-бы предопредѣлила ихъ дальнѣйшія взаимоотношенія. Н. К. Михайловскому было въ эту пору 32 года, и онъ былъ уже однимъ изъ авторитетныхъ сотрудниковъ *Отечественныхъ Записокъ*. Имѣя полную возможность высказаться о диспутѣ Соловьева на страницахъ этого журнала, Н. К. Михайловскій тѣмъ не менѣе торопится выступить съ своими объясненіями въ газетѣ, съ которой онъ не имѣлъ постоянныхъ связей. При безусловно отрицательномъ отношеніи къ диспуту такая поспѣшность представлялась бы вовсе непонятной, еслибъ мы не приняли въ соображеніе, что за внѣшнимъ пренебреженіемъ иногда скрываются совершенно другія чувства.— Указавъ на то, что диспутъ Соловьева привлекъ многочисленную публику и происходилъ очень оживленно, авторъ фельетона заявляетъ, что диспутъ этотъ возбудилъ въ немъ много недоумѣній, и притомъ недоумѣній такого свойства, что онъ почувствовалъ потребность немедленно подѣлиться ими съ читателями. О самой диссертаціи и воззрѣніяхъ Соловьева онъ, впрочемъ, говорить не будетъ, такъ-какъ диссертацію онъ получилъ „только наканунѣ диспута“ и, судя по всему, даже не прочелъ ея,—рѣчь пойдетъ „только о разныхъ мелкихъ и крупныхъ подробностяхъ диспута“. Что-же такое случилось? „Первымъ оффиціальнымъ оппонентомъ былъ г. Срезневскій, и первыя-же его слова повергли меня въ первое недоумѣніе“, разсказываетъ Н. К. Михайловскій. „Оппонентъ началъ приблизительно такъ:—«мы, профессора, уже успѣли съ вами познакомиться по экзаменамъ, имѣемъ самое лестное мнѣніе о вашихъ познаніяхъ; но вамъ предстоитъ теперь пройти еще одинъ искусъ: показать, какъ вы умѣете отстаивать свои убѣжденія словомъ.» Признаюсь, я никогда не слыхалъ, что цѣль публичной защиты диссертаціи такова, какъ обрисовалъ ее въ этихъ словахъ г. Срезневскій..... Я очень хорошо понимаю вообще всю *забавность* того времяпровожденія, которое называется защитой диссертаціи для полученія ученой степени. Но разъ дѣлается попытка серьезнаго объясненія этой забавы, я не могу не отнестись къ ней серьезно. Итакъ, неужели публичная защита диссертаціи устраивается съ цѣлью убѣдиться въ діалектическихъ способностяхъ аспиранта?..... Милостивые государи, не говорите, что я придираюсь къ

Вѣдомостяхъ мы нашли въ библіографическихъ запискахъ, доставленныхъ намъ для просмотра Н. К. Пиксановымъ. Впрочемъ, статья эта включена и въ собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго съ указаніемъ мѣста первоначальнаго ея опубликованія. *Полное собраніе сочиненій* Н. К. Михайловскаго; т. X, С.-Петербургъ, 1913 г., изд. 2-ое Н. Н. Михайловскаго; стр. 87—96.

мелочи. Въ этой мелочи отразилось всецѣло оскорбительное отношеніе оффиціальныхъ представителей науки къ публикѣ, къ общественному мнѣнію. Если г. Срезневскій правъ, то публика приглашается на нѣчто въ родѣ испанскаго боя быковъ. Являются тореросы, пикадоры и чулосы, которые должны раздражать быка разноцвѣтными плащами, остріями пикъ и бандалеросами, а зрители смотрятъ, ловко-ли увертывается быкъ, ловко-ли скачутъ и дразнятъ быка пикадоры, и то кричатъ: «bravo toro!», то свищутъ неловкимъ бойцамъ. Разница между боемъ быковъ и указанной диссертаціей ограничивается, съ этой точки зрѣнія, тѣмъ, что въ диспутѣ нѣтъ и не можетъ быть матадора, того молодца, который ловкимъ ударомъ шпаги убиваетъ быка..... приди на диспутъ мудрѣйшій изъ мудрыхъ и ученѣйшій изъ ученыхъ — онъ не лишитъ диспутанта ученой степени. Такъ оно есть, такъ оно и должно быть..... Но справедливо-ли такое презрительное отношеніе къ публикѣ? Заслужила-ли она его? Смѣло отвѣчаю: справедливо, заслужила. Надѣюсь, что и вы согласитесь со мной, когда дочитаете мой правдивый разсказъ о сегоднишнемъ диспутѣ.“ Затѣмъ Н. К. Михайловскій обращается ко второму своему недоумѣнію. Послѣ И. И. Срезневскаго роль оффиціальнаго оппонента перешла къ проф. М. И. Владиславлеву. „Г. Владиславлевъ говорилъ очень долго. Въ диссертаціи г. Соловьева имѣется очеркъ исторіи философскихъ системъ, и его-то разбиралъ г. Владиславлевъ. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ новому времени, возраженія его становились живѣе, ярче, остроумнѣе, параллельно чему диспутантъ постепенно увядалъ,—я хочу сказать, что онъ все менѣе ловко и смѣло увертывался отъ бандалеросовъ г. Владиславлева. Когда послѣдній дошелъ до собственныхъ мнѣній магистранта о «конкретномъ мышленіи» и о соціализмѣ, въ залѣ двукратно раздавался довольно дружный смѣхъ—надъ магистрантомъ. Но бандалеросы г. Владиславлева были все-таки бандалеросы. Не смотря на свой нѣсколько насмѣшливый тонъ, онъ видимо щадилъ противника и, не особенно настаивая на одномъ возраженіи, быстро переходилъ къ слѣдующему. Когда г. Владиславлевъ кончилъ, раздались громкія рукоплесканія, не умолкавшія нѣсколько минутъ. Апплодировали несомнѣнно г. Владиславлеву, но—мое второе недоумѣніе—магистрантъ благодарно раскланивался съ своей каѳедры...“ Отнюдь не колеблясь въ своей оцѣнкѣ рукоплесканій, длившихся „нѣсколько минутъ“, авторъ фельетона считаетъ излишнимъ обсуждать поведеніе магистранта и ограничивается выставленіемъ многоточія. Далѣе, онъ выдвигаетъ на сцену

третье недоумѣніе, порожденное эпизодомъ съ С. В. де-Роберти. „Надо замѣтить," поясняетъ Н. К. Михайловскій, „что, пока возражали господа профессора, оппоненты оффиціальные, диспутъ имѣлъ самый мирный, самый вѣжливый, отчасти даже семейный характеръ. Оба оппонента и магистрантъ взаимно величались по имени и отчеству: Измаилъ Ивановичъ, Михаилъ Ивановичъ, Владиміръ Сергѣевичъ; и если оппоненты, особенно г. Владиславлевъ, позволяли себѣ иногда пускать въ магистранта бандалеросы болѣе или менѣе острые, послѣдній сносилъ эти маленькія непріятности съ кротостью молодого человѣка, рано и страстно отдавшагося мукамъ философской мысли. Совсѣмъ иначе повелъ онъ себя въ преніяхъ съ г. де-Роберти. Едва тотъ успѣлъ сказать нѣсколько словъ о неправильномъ пониманіи магистрантомъ слова: spontané, [804]) какъ магистрантъ прервалъ его грубостью. Грубымъ голосомъ и грубыми словами, составлявшими рѣзкій контрастъ съ обнаруженною имъ передъ тѣмъ кротостью, магистрантъ заявилъ, что г. де-Роберти не понимаетъ, что̀ говоритъ. Замѣчаніе г. де-Роберти вовсе не отличалось, по роду своему, отъ нѣкоторыхъ замѣчаній оффиціальныхъ оппонентовъ..... Но замѣчанія Михаила Ивановича не раздражали Владиміра Сергѣевича, онъ не перебивалъ, грубостей не говорилъ, молчалъ, улыбался, старался вникнуть и дать благовидное оправданіе. Это было мое третье недоумѣніе: гдѣ могъ этотъ молодой человѣкъ, такъ рано отлетѣвшій отъ бренной земли къ вѣчному небу философіи, гдѣ могъ онъ научиться такъ разнообразить свое отношеніе къ людямъ?..." Третье недоумѣніе Н. К. Михайловскаго усугубилось вслѣдствіе того, что „грубость магистранта была покрыта буквально громомъ рукоплесканій." „Г. де-Роберти не потерялъ, однако, мужества..... Но едва онъ успѣлъ сказать что-то въ такомъ родѣ: «быть-можетъ, вамъ извѣстна статья г. Вырубова»...—какъ магистрантъ, съ нѣсколько дѣланымъ, презрительнымъ смѣхомъ, замахалъ руками и сталъ восклицать: «нѣтъ, не извѣстна; я такого писателя не знаю, ей Богу, не знаю! ну, честное-же слово, не знаю.»" „Толпа приглашенныхъ на бой быковъ" и эту „выходку" магистранта наградила рукоплесканіями, пренебрегая тѣмъ, что ученый авторъ диссертаціи, направленной противъ позитивистовъ, „публично хвастаетъ незнаніемъ имени г. Вырубова, человѣка издающаго и редактирующаго вмѣстѣ съ Литтре единственный органъ позитивистовъ," на что̀ имѣется

[804]) Ср., между прочимъ, *Соч.*, I, 150.

ссылка и въ самой диссертаціи. [805]) По словамъ автора фельетона, „сцена вышла глубоко возмутительная.“ Слѣдующее недоумѣніе пріурочивается Н. К. Михайловскимъ къ выступленію В. В. Лесевича. „Сцена опять вышла возмутительная..... Два раза говорилъ г. Лесевичъ, и оба раза вся зала ему рукоплескала! Я собственными глазами видѣлъ, какъ тѣ-же ладони, которыя ударяли другъ о друга въ честь магистранта, съ такимъ-же азартомъ продѣлывали ту-же самую операцію въ честь г. Лесевича. А онъ утверждалъ нѣчто совершенно противоположное нѣкоторымъ основнымъ утвержденіямъ магистранта. Онъ говорилъ ему даже колкости, настолько, впрочемъ, благопристойныя по формѣ и настолько тонкія, что, я думаю, самъ магистрантъ ихъ не вполнѣ оцѣнилъ...“ Въ своихъ возраженіяхъ В. В. Лесевичъ ссылался, между прочимъ, на мнѣнія Геккеля и Альберта Ланге, весьма неблагопріятныя для Э. ф. Гартманна. Соловьевъ „вскользь замѣтилъ, что изъ двухъ ученыхъ, на которыхъ ссылается г. Лесевичъ, онъ знаетъ только одного—Геккеля.....“ „Это по малой мѣрѣ странно“, ибо трудъ Ланге — *Исторія матеріализма* — трудъ серьезный, авторъ этого труда—не-матеріалистъ и не-позитивистъ, и каждый въ-правѣ требовать, чтобы магистрантъ, объявляющій „философію безсознательнаго“ торжествующей, зналъ „вѣскія возраженія противъ этой новоявленной философіи“. Хорошо еще, что публика не покрыла „это второе заявленіе незнанія“ рукоплесканіями. Въ заключеніе Н. К. Михайловскій переходитъ къ своему послѣднему недоумѣнію, которое представляется ему наиболѣе важнымъ. „Кто не слыхалъ и не читалъ разныхъ ламентацій на тему господства матеріализма (философскаго) въ современномъ русскомъ обществѣ..... Въ особенности часто раздаются такія обвиненія: такая-то статья, или книга, будучи по существу своему ничтожною,..... льститъ матеріалистическимъ инстинктамъ петербургскаго общества и потому производитъ фуроръ..... Что-же? Не есть-ли и диссертація г. Соловьева ничтожество, льстящее матеріалистическимъ инстинктамъ петербургскаго общества и потому производящее фуроръ?“ Затѣмъ въ фельетонѣ приводится текстъ тезиса седьмого объ уничтоженіи вещественнаго міра, какъ вещественнаго, и о возстановленіи его, какъ царства духовъ. „Вотъ, милостивые государи, чему неистово апплодировали сегодня въ залѣ петербургскаго университета! Вотъ ради чего не только прощались, а вознаграждались овваціями грубости ма-

[805]) См. *Соч.*, I, 160.

гистранта и его хвастливое сознаніе въ собственномъ невѣжествѣ! Вамъ извѣстно, что если есть въ естествознаніи истина безспорная, безусловно всѣми принимаемая, такъ это положеніе о неуничтожаемости матеріи. На ней стоитъ вся физика, вся химія, наконецъ, просто вся наука. Ея не отрицаютъ и богословскіе писатели..... Но вотъ..... является г. Владиміръ Соловьевъ и..... вырываетъ изъ-подъ науки ея фундаментъ..... на диспутѣ раздавались не только аплодисменты, а и шиканье, но ни одно изъ нихъ не досталось на долю магистранта: ему достались только лавры и розы безъ шиповъ.....[806]) О, труженики науки, великіе и малые, извѣстные и безвѣстные, какъ я васъ жалѣю! Камень по камню складываете вы свое зданіе, вы приходите, наконецъ, къ широкому и плодотворному обобщенію..... Какъ вдругъ—трахъ! Владиміръ Соловьевъ, не опровергая васъ, даже не пытаясь опровергнуть, даже не зная васъ, однимъ удачнымъ парированіемъ направленнаго въ него бандалероса перетягиваетъ на свою сторону симпатіи общества!.....[807]) О, московскіе громовержцы, успокойтесь, успокойте и петербургское отдѣленіе вашей фирмы..... Васъ возмущаетъ, что мы осмѣяли вашего московскаго философа Юркевича; что мы втоптали въ грязь г. Страхова, человѣка многосторонне образованнаго, который никогда не обращался такъ съ наукой, какъ г. Владиміръ Соловьевъ; что мы до обморока зачитывались Бюхнеромъ и Молешоттомъ. Диспутъ г. Соловьева искупилъ всѣ эти наши прегрѣшенія..." Исчерпавши такимъ образомъ всѣ свои недоумѣнія и коснувшись мимоходомъ статьи К. Д. Кавелина о философіи въ Европѣ и у насъ („г. Кавелинъ доказывалъ, что мы, русскіе, люди безличные, безсильные, безвольные, что нѣтъ для насъ ничего, дѣйствительно, дорогого, что мы всегда готовы оплевать сегодня то, чему поклонялись вчера..."), Н. К. Михайловскій

---

[806]) Авторъ какъ-бы забываетъ, что раньше онъ упоминалъ про „дружный смѣхъ" надъ магистрантомъ, дважды раздававшійся при возраженіяхъ М. И. Владиславлева...

[807]) Входить здѣсь въ разборъ „недоумѣній" Н. К. Михайловскаго по существу было бы, конечно, неумѣстно. Въ виду чрезвычайной важности, которую онъ придаетъ послѣднему изъ нихъ, нельзя, однако, хотя-бы мелькомъ не оговориться, что, само собою разумѣется, его тревога за „фундаментъ" науки основана на непозволительномъ, съ научной точки зрѣнія, усвоеніи физическому закону, приложимому къ замкнутымъ системамъ, значенія истины универсально-метафизической. О томъ, какія прискорбныя послѣдствія можетъ имѣть подобное обращеніе съ научными положеніями, см., между прочимъ, въ критическомъ этюдѣ О. Д. Хвольсона: *Гегель, Геккель, Коссутъ и двѣнадцатая заповѣдь*; С.-Петербургъ, 1911 г.

заканчиваетъ свой фельетонъ такъ:—„Русь, Русь! куда ты мчишься? спрашивалъ Гоголь много лѣтъ тому назадъ. Какъ вы думаете, милостивые государи, куда она въ самомъ дѣлѣ мчится?“

На второй день послѣ *Листка* въ *Голосѣ* и *Недѣльныхъ очерковъ и картинокъ* въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и на шестой день послѣ статьи Н. К. Михайловскаго въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, появилась, 2-го декабря, въ *Гражданинѣ* статья Н. Н. Страхова, подъ заглавіемъ: *Философскій диспутъ 24-го ноября.* [808]) „Диспутъ“, разсказываетъ Н. Н. Страховъ, „на всѣхъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе, не смотря на то, что велся такъ сдержанно, такъ спокойно и достойно, какъ это рѣдко случается. Но интересъ со стороны собравшейся въ довольно значительномъ числѣ публики былъ самый горячій, и она-то своимъ напряженнымъ вниманіемъ, своимъ волненіемъ и энтузіазмомъ, выражавшимся восторженными рукоплесканіями, и придавала необычайное оживленіе диспуту..... Оказывается, что диспутъ былъ борьбою между двумя партіями, между защитниками позитивизма, которые, слѣдовательно, были настроены противъ диспутанта, и между противниками позитивизма, и слѣдовательно, по одному этому, сторонниками диспутанта. Такимъ образомъ о самыхъ мнѣніяхъ г. Соловьева, о томъ, что онъ спеціально утверждалъ, очень мало было говорено въ умѣренномъ спорѣ, который шелъ вокругъ стола, озареннаго свѣчами, и вовсе ничего не высказано тѣми восторженными рукоплесканіями, которыя раздавались вокругъ, въ массѣ народа, наполнявшей большую темную залу..... Съ удовольствіемъ можно было видѣть, что противники позитивизма не уступали другой партіи ни въ числѣ, ни въ ревности. За ними собственно нужно считать побѣду, такъ-какъ самыя единодушныя и продолжительныя рукоплесканія раздались сперва послѣ окончанія длинной рѣчи проф. Владиславлева, а потомъ послѣ провозглашенія диспутанта магистромъ. Рѣчь г. Владиславлева началась похвалами философской зрѣлости г. Соловьева, а кончилась еще большею похвалою; профессоръ сказалъ, что онъ «готовъ вѣрить тому будущему развитію *самостоятельнаго направленія въ философіи*, къ которому стремится диспутантъ и которое обѣщаетъ въ своей книгѣ, и что онъ тѣмъ болѣе будетъ радоваться этой новой философской системѣ, что она будетъ *русская*». Вотъ какія надежды возбуждаетъ нашъ молодой ученый! Вотъ чему такъ усердно хлопали!“ Далѣе, Н. Н.

[808]) *L. c.*, № 48, стр. 1211, 1212.

Страховъ указываетъ, что симпатіи къ диспутанту поддерживались и его молодостью, и вдохновенной наружностью, и мастерствомъ его слова и мысли. Изъ „приверженцевъ позитивизма“ возражали „г. де-Роберти“ и „г. Лесевичъ“. Выступленіе перваго было неудачно, но „второй возражатель“ былъ счастливѣе. „Когда онъ [т. е. В. В. Лесевичъ] сказалъ, что натуралистъ Геккель сравниваетъ Гартманна съ дикимъ, съ австралійцемъ, зала огласилась восторженными рукоплесканіями. Но вскорѣ затѣмъ г. Лесевичу достались еще болѣе сильныя рукоплесканія. По поводу мѣста въ книгѣ, въ которомъ утверждается, что «новѣйшая философія стремится съ логическимъ совершенствомъ западной формы соединить полноту содержанія *духовныхъ созерцаній Востока*» (стр. 124), [809]) онъ сказалъ громкимъ и напряженнымъ голосомъ, что онъ заранѣе—знать не хочетъ такой философіи и готовъ убѣжать отъ нея, какъ можно, дальше. Зала загрохотала, очевидно обнаруживая этимъ, что ей больше всего нравятся не мысли и аргументы, а болѣе простыя средства рѣшать вопросы.“ Любопытно также „одно *фальшивое*“, какъ выражается Н. Н. Страховъ, „торжество позитивистовъ“, поводъ къ которому подалъ М. И. Каринскій. „Когда проф. Каринскій сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что диспутантъ не обратилъ вниманія на гносеологическую сторону позитивизма и, слѣдовательно, не опровергъ самой сильной его опоры—поднялись шумныя и долгія рукоплесканія. Профессоръ понялъ, въ чемъ дѣло; выждавши, пока шумъ утихъ, [онъ] угрюмо и громко объявилъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ мнѣній позитивизма и говорилъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы защищать его. Молчаніе.“ О другихъ оппонентахъ Н. Н. Страховъ подробно не распространяется. Со свойственной ему тонкой ироніей онъ касается только еще одного эпизода, когда диспутантъ „былъ поставленъ въ нѣкоторое затрудненіе“. Кто-то потребовалъ отъ него „доказательствъ, что философія Гартманна дѣйствительно господствуетъ въ такой мѣрѣ, въ какой (по мнѣнію самого г. Соловьева) должна господствовать всякая философія, составляющая дѣйствительный фазисъ въ развитіи философской мысли. Дѣло въ этомъ случаѣ касалось уже не теоріи, а факта, доказательства должны были быть эмпирическія, и понятно, что диспутантъ оказался въ затрудненіи. Проф. Владиславлевъ сказалъ, между прочимъ, что онъ не совсѣмъ вѣритъ и въ то господство, которое имѣлъ когда-то Гегель, что гегельянцы больше шумѣли,

[809]) См. *Соч.*, I, 143.

чѣмъ на самомъ дѣлѣ владычествовали надъ умами. Если же, замѣтимъ мы, можно сомнѣваться и во вліяніи Гегеля, то гдѣ-же средства доказать осязательно силу вліянія Гартманна?“ Свою замѣтку Н. Н. Страховъ заканчиваетъ такими словами: „Мы искренно привѣтствуемъ г. Соловьева и твердо вѣримъ, что онъ своею послѣдующею дѣятельностью вполнѣ оправдаетъ то теплое расположеніе и вниманіе, которое возбудилъ при первомъ своемъ появленіи.“

Минуя другія газетныя замѣтки, относящіяся до Соловьевскаго диспута и появившіяся въ нетербургскихъ изданіяхъ подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ, [810]) остановимся теперь еще лишь на двухъ небольшихъ

---

[810]) Въ *Новомъ Времени*, издававшемся тогда К. В. Трубниковымъ подъ редакціей М. П. Федорова, въ фельетонѣ „Буквы“: *Наброски и недомолвки*, помѣщенномъ въ № 1 отъ 1-го декабря 1874 г., мы находимъ, между прочимъ, такое указаніе: „Г. Срезневскій добавилъ [дѣлая замѣчанія Соловьеву], что молодой ученый, недѣлю тому назадъ, подвергался жеребьевкѣ и благополучно избѣгъ ожидавшей его участи.“ Въ какой мѣрѣ точно это указаніе, мы сказать не можемъ. Далѣе, въ томъ-же фельетонѣ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія забавныя разсужденія относительно путаницы съ фамиліями частныхъ оппонентовъ. „Когда высказано было оффиціальное слово, предстали частные оппоненты,“ говоритъ авторъ фельетона. „Первымъ, если справляться по газетамъ, выступила какая-то persona incerta: тріединая личность. Академическая газета признала въ ней доктора математики г. В. де-Роберти [„Буква“ почему-то пропускаетъ „Серг.“], *Новости* считаютъ ее «извѣстнымъ позитивистомъ г. Евг. де-Робертн», а *Русскій Міръ* категорически заявилъ, что это не кто иной, какъ нѣкто «г. Роберстенъ»..... Г. Соловьевъ..... не безъ иронін третировалъ непатентованнаго возражателя. Этимъ онъ доказалъ, что и житейская философія Кифы Мокіевича ему близко знакома..... Далѣе..... г. Лесевичъ..... На развалинахъ, созданныхъ г. Лесевичемъ, появился еще юноша Вольфсонъ (по варіанту всѣхъ перевирающаго *Русскаго Міра*—Вольстенъ!), и когда онъ прочелъ свою реплику, г. Соловьевъ..... былъ уже магистръ.“—Въ № 325 *Русскаго Міра* отъ 26-го ноября 1874 г., въ отдѣлѣ: *Петербургскія Извѣстія*, помѣщена, дѣйствительно, весьма курьезная хроникерская замѣтка о диспутѣ Соловьева. Кромѣ „г. Роберстена“ и „г. Вольстена“, здѣсь встрѣчаются И. И. Срезневскій—„деканъ петербургскаго университета“, „г. Лессевичъ“ и т. д. — Въ *Новостяхъ* замѣтка, въ отдѣлѣ: *Новости дня*, подъ заглавіемъ: *Диспутъ въ университетѣ*, помѣщена въ № 267 отъ 26-го ноября 1874 г. Въ брошюрѣ А. С. Полякова: *Труды профессора С. А. Венгерова (библіографическій перечень)*, Москва, 1916 г., указывается, что замѣтка эта принадлежитъ перу С. А. Венгерова (стр. 2, № 12). См., далѣе, въ № 269 тѣхъ-же *Новостей Отвѣтъ академической газетѣ*, съ объясненіями на-счетъ погрѣшностей, вкравшихся въ упомянутую выше замѣтку. По словамъ С. А. Венгерова, „на диспутѣ присутствовали попечитель округа князь Ливенъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Деляновъ и нѣсколько другихъ высокопоставленныхъ лицъ.“ Рѣчь М. И. Владиславлева длилась „около двухъ часовъ“. Де-Роберти держалъ себя, въ дѣйствительности, не скромно, а невѣжливо и грубо.

статьяхъ, опубликованныхъ 28-го ноября и 9-го декабря въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.—Первая статья, нѣчто въ родѣ корреспонденціи: *Изъ Петербурга*, не подписана и представляетъ собою сжатый отчетъ о диспутѣ репортерскаго склада. [811]) Въ статьѣ подчеркиваются „горячія похвалы“, которыми началъ и закончилъ свою рѣчь М. И. Владиславлевъ, а также указывается, что, по мнѣнію М. И. Владиславлева, магистрантъ обнаружилъ чрезвычайное безпристрастіе при изложеніи ученій разныхъ философовъ. Возраженія „фаланги частныхъ оппонентовъ“ были направлены главнымъ образомъ на защиту Ог. Конта и позитивизма и на обвиненіе Э. ф. Гартманна; что касается „философіи г. Соловьева“, то она „не только не заслуживаетъ серьезнаго вниманія, а достойна-де лишь полнаго порицанія.“ Одинъ изъ оппонентовъ заключилъ свои возраженія словами: „Такую философію я не только отрицаю, я отъ нея убѣгаю.“ „Диссертантъ на это ему замѣтилъ, что для интересовъ общаго умственнаго развитія онъ ничего лучше придумать не можетъ. Въ дальнѣйшихъ своихъ отвѣтахъ г. Соловьевъ выказалъ и знакомство съ предметомъ, и вполнѣ зрѣлую діалектику; нѣкоторыя же изъ возраженій были имъ отбиты остроумными юмористическими замѣчаніями. Единодушные и оглушительные апплодисменты долго не прекращались, послѣ того какъ деканомъ факультета было провозглашено, что Вл. С. Соловьевъ, по единогласному рѣшенію членовъ его, признанъ удостоеннымъ степени магистра философіи.“—Вторая статья, подписанная буквами: „Н. С.“, принадлежитъ перу Н. Н. Страхова, какъ это выясняется изъ переписки его съ гр. Л. Н. Толстымъ. Озаглавленная: *Еще о диспутѣ Вл. С. Соловьева*, статья эта [812]) можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ статьѣ, напечатанной въ *Гражданинѣ*, и устраняетъ почти всякую надобность въ особомъ истолкованіи различныхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ отзывахъ объ интересующемъ насъ диспутѣ и способныхъ порождать сбивчивое впечатлѣніе. Въ виду этого мы передадимъ содержаніе этой статьи съ возможной полнотою.—

„Прошла только недѣля со времени этого диспута (24-го ноября), но о немъ уже сложились миѳы и легенды; сказанія одно другого страннѣе переходятъ изъ газеты въ газету; фельетонисты ужасаются, плачутъ, философствуютъ, пророчатъ, издѣваются..... Позвольте-же

---

[811]) *L. c.*, № 298.
[812]) *L. c.*, № 308.

разсказать вамъ по порядку и подробно, какъ дѣло было.“ Такъ начинаетъ свою статью Н. Н. Страховъ, имѣя за собою только одну недѣлю газетныхъ впечатлѣній. Затѣмъ онъ продолжаетъ:—„Передъ диспутомъ носились въ воздухѣ нѣкоторыя опасенія. Извѣстно общее настроеніе петербургской публики; естественно было ожидать, что она враждебно взглянетъ на молодого противника позитивизма, и потому иные боялись шиканья и свистковъ. А другіе, разумѣется, ихъ ожидали и имъ заранѣе радовались. И вся сущность дѣла въ томъ, что эти другіе обманулись. Вся сущность въ томъ, что настроеніе публики, бывшей въ залѣ, оказалось не то, какое существуетъ въ здѣшней литературѣ—и вотъ откуда плачъ литературы, ея горькія жалобы, ея клеветы...“ Характеризуя ближе настроеніе публики, бывшей на диспутѣ, Н. Н. Страховъ констатируетъ наличность жаднаго вниманія, яснаго расположенія къ диспутанту, при сознаніи важности того дѣла, которое совершалось. Притомъ—„было нѣчто молодое въ этомъ настроеніи..... въ смыслѣ чистоты души и первой умственной жажды. Каждое движеніе мысли восхищало слушателей, и они равно хлопали и диспутанту, и его противникамъ, какъ скоро имъ казалось, что та или другая сторона одерживаетъ верхъ.“ „Литература“ и разсердилась на то, что публика пришла на диспутъ не съ предвзятымъ, не съ заранѣе готовымъ мнѣніемъ, а съ живымъ, свободнымъ интересомъ къ самымъ высшимъ духовнымъ требованіямъ. И вотъ „литература“ принялась забрасывать грязью какъ публику, наполнявшую университетскую залу, такъ и новаго философа. „Сначала схватились за возраженія. Такъ-какъ..... проф. Владиславлевъ..... сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчаній, то написали въ газетахъ, что онъ..... впухъ разбилъ диссертацію. Проф. Владиславлевъ вдругъ сдѣлался любимцемъ петербургскихъ газетъ..... Умалчивается только о томъ, что возраженія его почти не касались главныхъ пунктовъ, что диспутантъ отвѣчалъ и увѣренно, и основательно, что г. Владиславлевъ началъ похвалами совершенной зрѣлости философскаго пониманія диспутанта, а кончилъ тѣмъ, что вѣритъ его способности проложить новое направленіе въ философіи, и что «будетъ ему радоваться, какъ самостоятельному русскому направленію». При этихъ словахъ поднялись долгія и горячія рукоплесканія, и не мудрено, что диспутантъ наклонялъ голову, отвѣчая этимъ наклоненіемъ на такую необыкновенную похвалу. Этотъ скромный поклонъ былъ, однако-же, истолкованъ какъ знакъ какой-то наглости.“ Ложная окраска была придана и замѣчаніямъ М. И. Владиславлева отно-

сительно „соціализма“ и „конкретнаго мышленія“. Въ первомъ случаѣ „дѣло шло только о неточномъ выраженіи въ одномъ мѣстѣ диссертаціи“, а во второмъ—„профессоръ просто спрашивалъ диспутанта, что̀ тотъ разумѣетъ подъ этимъ терминомъ“, составляющимъ его „нововведеніе“. Крайне раздутымъ и односторонне освѣщеннымъ оказывается, далѣе, эпизодъ съ С. В. де-Роберти. „Послѣ спокойныхъ вопросовъ и возраженій г. Владиславлева, г. де-Роберти выступилъ съ рѣзкими словами: «вы не только не знаете и не понимаете философіи Ог. Конта, но не понимаете и того языка, на которомъ она писана; такъ, на страницѣ такой-то вы слово: spontané перевели словомъ: *произвольный*»... [813]) Можно себѣ представить, каково было впечатлѣніе на слушателей и на диспутанта. Г. Соловьевъ въ первый разъ (но и въ послѣдній) поддался волненію и отвѣчалъ рѣзко и стремительно; слушатели, только-что заявившіе свое къ нему расположеніе, встрѣчали его отвѣты дружными рукоплесканіями, и г. де-Роберти отступилъ, не выдержавъ и минуты такого спора.“ Впрочемъ, рѣзкій и стремительный отвѣтъ Соловьева былъ въ то-же время совершенно правильнымъ по существу. Не удивительно, что послѣ того С. В. де-Роберти оставалось лишь ссылаться на авторитеты, на словарь Литтре, на Вырубова и т. д. Диспутантъ „отвѣчалъ, что всѣ эти ссылки не нужны, излишни, что онъ читалъ самого Конта и въ немъ нашелъ и въ немъ готовъ указать оппоненту всѣ упомянутыя въ диссертаціи нелѣпости, и что больше ему ничего не нужно.— «Вы знаете, конечно,» началъ-было г. де-Роберти, — «господина Вырубова?... который живетъ въ Парижѣ?...» — «Не знаю,» отвѣчалъ г. Соловьевъ.—«Какъ?...»—«Не знаю; право, не знаю; увѣряю васъ, что не знаю!...» — Начались рукоплесканія, и г. де-Роберти, сбитый съ позиціи, [окончательно] замолчалъ.“ Н. Н. Страховъ находитъ, что С. В. де-Роберти досталось на этотъ разъ „подѣломъ“. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ было такъ настаивать на извѣстности Вырубова? „Что̀ это за аргументъ?“ Какъ бы то ни было, вотъ и всѣ подробности эпизода съ С. В. де-Роберти, столь озабочивающаго журналистику. „Сначала она обошла молчаніемъ это пораженіе сторонника ея любимыхъ идей..... Но по тщательномъ разсмотрѣніи открылась возможность напасть прямо на г. Соловьева. Его обвинили, во-первыхъ, въ невѣжествѣ и въ отъявленной лжи..... Во-вторыхъ, его обвинили въ грубости. Забывая всю рѣзкость словъ г. де-Роберти, стали

[813]) См. выше, прим. 804-ое.

печатать и повторять, что былъ рѣзокъ одинъ г. Соловьевъ,..... что онъ былъ льстивъ и смиренъ въ рѣчахъ съ оффиціальными оппонентами, а съ посторонними грубъ и высокомѣренъ, что онъ, значитъ, ловкій и разсчетливый человѣкъ..... Обрадованные фельетонисты были неистощимы на эту тему, тему самую для нихъ любезную." Обличая пристрастное отношеніе печати къ Соловьеву, Н. Н. Страховъ настойчиво повторяетъ, что вспышка противъ С. В. де-Роберти была единственной въ своемъ родѣ. Всѣмъ прочимъ частнымъ оппонентамъ Соловьевъ „отвѣчалъ такъ вѣжливо и спокойно, что его скорѣе можно упрекать за недостатокъ силы въ этихъ отвѣтахъ. Онъ, очевидно, разсердился на себя за минуту волненія и затихъ больше, чѣмъ нужно бы." Возраженія В. В. Лесевича „дважды покрывались очень громкими рукоплесканіями", но не слѣдуетъ забывать, что „такимъ-же одобреніемъ встрѣчались и отвѣты г. Соловьева. Публика, очевидно, готова была хлопать всякому слову, которое находила умнымъ." Сущность замѣчаній В. В. Лесевича сводилась къ тому, что система Гартманна ни мало не поколебала позитивизма, самъ же Гартманнъ вызвалъ множество нападеній. „Диспутантъ отвѣчалъ, что никогда не утверждалъ, что позитивисты обратились въ гартманнистовъ,..... что вообще смѣна философскихъ системъ совершается не въ томъ-же человѣкѣ, а въ различныхъ людяхъ, которые сами смѣняютъ одни другихъ." Заявленіе В. В. Лесевича, что отъ философіи, стремящейся соединить полноту содержанія духовныхъ созерцаній Востока съ совершенствомъ западной логической формы, „онъ убѣгаетъ", было оставлено Соловьевымъ, по словамъ Н. Н. Страхова, безъ возраженія. [814]) Онъ сожалѣетъ объ этомъ, ибо „слова, сказанныя г. Лесевичемъ, не аргументъ, а выраженіе фанатизма....." Возраженія проф. М. И. Каринскаго, очень сжатыя и основательныя, „произносились нѣсколько холоднымъ тономъ, какъ-бы для контраста съ пыломъ и напряженіемъ предшествовавшаго оратора." Находя, что Соловьевъ нѣсколько преувеличиваетъ значеніе Э. ф. Гартманна, оппонентъ тѣмъ самымъ не разрушалъ, однако, построеній диспутанта по существу и ужъ, во всякомъ случаѣ, не становился на защиту позитивизма. О возраженіяхъ четвертаго частнаго оппонента, студента университета, Н. Н. Страховъ никакихъ подробностей не сообщаетъ. Свою статью онъ заканчиваетъ такъ:—„Когда г. Соловьевъ былъ объявленъ магистромъ, рукоплесканіямъ, казалось, не будетъ

[814]) Ср., впрочемъ, указаніе въ статьѣ: *Изъ Петербурга* (прим. 811).

конца. Очевидно было, что молодой ученый пріобрѣлъ себѣ симпатію присутствовавшихъ, и что этотъ диспутъ былъ для нихъ и очень интересенъ, и очень пріятенъ. Такое отношеніе молодежи..... есть вполнѣ отрадное, хотя, впрочемъ, очень простое и естественное явленіе.—Литература, очевидно, идетъ своимъ привычнымъ путемъ; она употребляетъ свои старые пріемы и твердитъ свои зады. Но наше юношество даетъ поводъ къ утѣшительнымъ заключеніямъ. Самъ г. Соловьевъ и тотъ радушный пріемъ, который ему оказали, не свидѣтельствуютъ-ли, что въ нашей молодежи проявляется искреннее стремленіе къ наукѣ, свобода отъ дурныхъ вліяній и сочувствіе самымъ высокимъ духовнымъ интересамъ?..... Здѣсь не мѣсто было говорить о взглядахъ г. Соловьева, но, даже не соглашаясь съ нимъ въ томъ или другомъ, мы не можемъ имъ не сочувствовать: они принадлежатъ, дѣйствительно, къ высокой области философской мысли; на нихъ лежитъ печать сродства съ благороднѣйшими стремленіями человѣческаго ума и сердца.“

Печатныя сообщенія Н. Н. Страхова о магистерскомъ диспутѣ Соловьева слѣдуетъ пополнить его-же болѣе интимными заявленіями, встрѣчающимися въ перепискѣ его съ гр. Л. Н. Толстымъ отъ 1875 г. Какъ кажется, „дружба“ между Н. Н. Страховымъ и Соловьевымъ „завелась“ лишь въ началѣ 1877 г., [815]) но лично познакомились они значительно раньше. Достойно вниманія, въ виду послѣдующаго, что около 1874 г. началъ проявлять интересъ къ Соловьеву и гр. Л. Н. Толстой, который еще въ 1872 г. писалъ Н. Н. Страхову: „.....философія чисто умственная есть уродливое западное произведеніе, и ни грекъ Платонъ, ни Шопенгауэръ, ни русскіе мыслители не понимали ее такъ.“ [816])—Вотъ отрывокъ изъ письма Н. Н. Страхова на имя гр. Л. Н. Толстого изъ Петербурга отъ 1-го января 1875 г.:—„Былъ здѣсь также [раньше шла рѣчь о П. Д. Голохвастовѣ] Катковъ, и былъ очень ласковъ со мною, и навѣщалъ, и позвалъ къ себѣ на именины дочери, и усердно приглашалъ въ *Русскій Вѣстникъ* и въ *Московскія Вѣдомости*. Ахъ, еслибы это было года два назадъ! А теперь я не могу просиживать все утро надъ бумагой, и нѣтъ у меня прежняго задора удивлять публику. Я написалъ, впрочемъ,

[815]) *Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ* и т. д. (прим. 157); письмо Н. Н. Страхова къ гр. Л. Н. Толстому отъ 4-го и 5-го апрѣля 1877 г.—Письменныя сношенія Соловьева съ Н. Н. Страховымъ начались, повидимому, тоже въ 1877 г. Ср. *П.*, I, 1.

[816]) *Полное собраніе сочиненій* и т. д. (прим. 451), т. XXI, стр. 203.

4 статейки, двѣ объ васъ (въ *Гражданинѣ*) — гораздо хуже, чѣмъ предполагалъ, и двѣ объ Соловьевѣ (одна въ *Гражданинѣ*, другая въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*) [817]) — довольно сухія и легкія. Ваше мнѣніе о Соловьевѣ я раздѣляю; [818]) хоть онъ явно и отрицается отъ Гегеля, но втайнѣ ему слѣдуетъ. Вся критика Шопенгауэра основана на этомъ. Но дѣло, кажется, еще хуже. Обрадовавшись, что нашелъ *метафизическую сущность*, Соловьевъ уже готовъ видѣть ее повсюду лицомъ къ лицу и расположенъ къ вѣрѣ въ *спиритизмъ*. Притомъ онъ страшно болѣзненъ, какъ-будто истощенъ — за него можно опасаться,—не добромъ кончитъ. А книжка его, чѣмъ больше читаю, тѣмъ больше кажется мнѣ талантливою [рѣчь идетъ о магистерской диссертаціи]. Какое мастерство въ языкѣ, какая связь и сила! Непремѣнно напишу объ ней. Но чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше расширяется предметъ. Собственно мое желаніе — написать по этому поводу объ Шопенгауэрѣ, [819]) объявить читателямъ объ этомъ философѣ и восхвалить его какъ можно громче. Но вѣдь это много значитъ. И вотъ я принялся за чтеніе, за Шопенгауэра и за Гегеля. Вѣдь я до сихъ поръ не читалъ *Memorabilien* Фрауэнштедта и множество другого. Вообще, получивши въ Публичной библіотекѣ доступъ ко всякимъ книгамъ, я сталъ жадно читать, и въ этомъ проходитъ теперь моя жизнь. И чѣмъ больше читаю, тѣмъ меньше пишется. Мнѣ противна надобность писать, когда мысль не готова (а таково было многое въ моемъ писаніи), и не знаю, когда Катковъ дождется моей статьи.“ [820]) Другой отрывокъ—изъ письма, относящагося къ осени того-же года:— „Вечеромъ въ ту субботу, когда я отъ васъ уѣхалъ, я видѣлъ Каткова..... Онъ встревоженъ тѣмъ, что не знаетъ, какъ и когда кончится *Анна Каренина*..... сталъ говорить о какихъ-то слухахъ, что вы не хотите печатать у него вторую половину романа..... Его подозрительность меня нѣсколько удивила..... Относительно меня онъ тоже выразилъ подозрѣніе. Онъ до сихъ поръ не читалъ моей статьи о Соловьевѣ, а только просмотрѣлъ, но подумалъ, что я очень жестоко отношусь къ нему, что хочу совсѣмъ его раздавить; я увѣрилъ, что и мысли подобной у меня не было. — Признаюсь, вообще я почувствовалъ въ этотъ разъ къ Каткову нѣкоторое сожалѣніе, смѣшан-

[817]) См. выше, прим. 808-ое и 812-ое.

[818]) Изъ переписки не видно, какое именно мнѣніе разумѣетъ здѣсь Н. Н. Страховъ.

[819]) Ср. выше, прим. 788-ое.

[820]) *Переписка* и т. д. (прим. 157), стр. 56, 57.

ное съ уваженіемъ. Его исхудавшее лицо, сѣдые волосы, тонкіе какъ паутина, тяжелая манера разговора и самая форма черепа, чѣмъ-то бросившаяся мнѣ въ глаза, производили тяжелое впечатлѣніе; этотъ человѣкъ ни минуты не спокоенъ — въ немъ непрерывно и напряженно совершается какая-то внутренняя работа. Онъ разъ засмѣялся— мнѣ показалось страннымъ, что онъ можетъ смѣяться.“ [821]) Мы не безъ умысла удержали въ этомъ отрывкѣ слова, характеризующія тяжелое тогдашнее настроеніе М. Н. Каткова. И. И. Янжулъ, разсказывая о своихъ сборахъ въ Лондонъ лѣтомъ 1875 г. и о прощальномъ визитѣ къ ректору Московскаго университета, передаетъ, между прочимъ, что „какъ разъ въ это время“ противъ С. М. Соловьева „строилъ ковы и интриги кружокъ *Московскихъ Вѣдомостей*, Катковъ, Леонтьевъ и К°, что̀ [и] кончилось сверженіемъ его съ ректорства.“ [822])

О засѣданіи, на которомъ происходило „защищеніе диссертаціи“, сохранился оффиціальный слѣдъ въ формѣ журнала собранія историко-филологическаго факультета отъ 24-го ноября 1874 г. По обыкновенію, текстъ журнала былъ заготовленъ заранѣе, причемъ было оставлено свободное мѣсто для того, чтобы можно было вписать аттестацію „защищенія“, что̀ и сдѣлано затѣмъ другою рукою. На заблаговременную заготовку текста намекаетъ и то, что оппонентами (оффиціальными) названы „экстраординарный профессоръ М. И. Владиславлевъ“ и „ординарный профессоръ В. И. Ламанскій“, а потомъ, вмѣсто зачеркнутыхъ: „В.“ и „Ламанскій“, проставлено: „И.“ и „Срезневскій“. Въ окончательномъ видѣ журналъ изложенъ такъ:— „Въ семъ собраніи происходило публичное защищеніе диссертаціи кандидата Московскаго университета Владиміра Соловьева, подъ заглавіемъ: *Кризисъ западной философіи*, для полученія степени магистра философіи, причемъ оппонентами были: экстраординарный профессоръ М. И. Владиславлевъ и ординарный профессоръ И. И. Срезневскій. Защищеніе диссертаціи г. Соловьева признано удовлетворительнымъ. Опредѣлено: удостоить г. Соловьева степени магистра философіи и представить въ Совѣтъ университета объ утвержденіи г. Соловьева въ означенной степени.“ Подъ журналомъ имѣются

---

[821]) *Ibidem*, стр. 65, 66.

[822]) *Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг.*; С.-Петербургъ; вып. I, 1910 г., вып. II, 1911 г.; — I, стр. 125. — Въ главѣ первой было уже указано, что отъ службы при университетѣ С. М. Соловьевъ былъ уволенъ, согласно прошенію, 16-го мая 1877 г.

7 подписей: И. И. Срезневскаго, М. П. Сухомлинова, М. И. Владиславлева, Ѳ. Ѳ. Соколова, Е. Е. Замысловскаго, К. Н. Бестужева-Рюмина и еще чья-то—неразборчивая. [823])

Послѣ диспута факультетъ не замедлилъ сдѣлать и представленіе въ высшую инстанцію. На представленіи за подписью декана И. И. Срезневскаго и секретаря В. В. Бауера дата не проставлена, но изъ помѣтки наверху бумаги видно, что въ канцелярію совѣта университета она поступила 27-го ноября. [824]) Ближайшее засѣданіе совѣта состоялось 2-го декабря 1874 г. Въ соотвѣтствующемъ журналѣ, въ отдѣлѣ: *Представленія*, подъ № 2 значится: — „Историко-филологическій факультетъ по выдержаніи кандидатомъ Московскаго университета *Владиміромъ Соловьевымъ* испытанія и по защищеніи диссертаціи, подъ заглавіемъ: *Кризисъ западной философіи*, представилъ Совѣту объ утвержденіи его въ степени магистра философіи. *Опредѣлено*: утвердить г. Соловьева въ степени магистра философіи и выдать дипломъ на эту степень.“ [825])

На другой-же день, 3-го декабря, секретарь историко-филологическаго факультета В. В. Бауеръ, „по просьбѣ магистра Соловьева“, ходатайствуетъ передъ ректоромъ университета о выдачѣ Соловьеву „свидѣтельства объ утвержденіи его въ степени магистра Совѣтомъ университета до выдачи ему диплома“. На донесеніи секретаря сдѣлана надпись: „4 дек. выд. свидѣт.“ Сохранился и черновикъ этого свидѣтельства, помѣченный 4-ымъ декабря 1874 г. и № 1175. [826])

Торопиться съ полученіемъ удостовѣренія о магистерствѣ до выдачи диплома приходилось изъ-за московскихъ дѣлъ: надо было имѣть формальную квалификацію, чтобы выступить соискателемъ на каѳедру, осиротѣвшую за смертью П. Д. Юркевича.

Чтобы покончить съ выдержками изъ архивныхъ матеріаловъ, скажемъ здѣсь-же, что установленнаго образца дипломъ былъ изготовленъ тоже въ скорости, но полученъ Соловьевымъ на руки позднѣе. Въ „дѣлѣ“ имѣется черновой оттискъ этого диплома, увѣнчанный государственнымъ гербомъ и подготовленный къ скрѣпленію подписями „Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, Доктора Правъ, Ординарнаго Профессора, Тайнаго Совѣтника и разныхъ орденовъ Кавалера“, „Декана Историко-Филологическаго Фа-

[823]) „Дѣло“ за № 99 (прим. 307).
[824]) *Ibidem.*
[825]) *Протоколы* и т. д. (прим. 764), стр. 41.
[826]) „Дѣло“ за № 99 (прим. 307).

культета, Доктора Славянской Филологіи, Академика Императорской Академіи Наукъ, Заслуженнаго Ординарнаго Профессора, Тайнаго Совѣтника и разныхъ орденовъ Кавалера“ и „Секретаря Совѣта“. На подлинномъ имѣются, конечно, и самыя фамиліи — П. Г. Рѣдкина, И. И. Срезневскаго, С. П. Загибенина. Дипломъ гласитъ, что „*г. Соловьеву* предоставляются всѣ права и преимущества, законами Россійской Имперіи со степенью *Магистра* соединяемыя.“ Помѣченъ дипломъ 11-ымъ декабря 1874 г. и № 1194. На черновомъ оттискѣ находимъ также прозаическую надпись о томъ, что „десять рублей [за дипломъ] принялъ казначей“ такой-то — „28-го апрѣля 1875 г.“ Здѣсь-же имѣется и собственноручная расписка Соловьева: „Дипломъ на степень магистра получилъ. Вл. Соловьевъ.“ [827]) Даты онъ не обозначилъ,—какъ это часто бывало съ нимъ и въ другихъ случаяхъ. Сопоставляя, однако, эту расписку съ отмѣткою казначея, мы думаемъ, что подлинный дипломъ Соловьевъ получилъ въ апрѣлѣ-же 1875 г., будучи въ это время снова въ Петербургѣ. О томъ, что ему предстоитъ въ этомъ мѣсяцѣ поѣздка въ Петербургъ, Соловьевъ писалъ изъ Москвы кн. Д. Н. Цертелеву 18-го апрѣля 1875 г. [828])

Итакъ, къ 4-му декабря 1874 г. Соловьевъ справился со всѣми формальностями, касающимися его магистерства, затративши на нихъ менѣе $2^1/_2$ мѣсяцевъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, въ этихъ-же первыхъ числахъ декабря онъ возвратился въ Москву, гдѣ его ожидали новыя хлопоты. Впрочемъ, и эти хлопоты увѣнчались для него полнымъ успѣхомъ.

За время пребыванія въ Петербургѣ ради пріобрѣтенія степени магистра философіи Соловьевъ успѣлъ написать и напечатать уже извѣстную намъ статью о философской дѣятельности П. Д. Юркевича. [829]) Если принять въ соображеніе, что скончался П. Д. Юркевичъ 4-го октября, а статья Соловьева, объемомъ около $1^1/_2$ печатныхъ листовъ, появилась въ свѣтъ уже въ декабрской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1874 г., [830]) то, конечно, мы должны будемъ признать, что Соловьевъ и въ Петербургѣ работалъ такъ-же усердно, какъ передъ тѣмъ въ Москвѣ. И не уди-

---

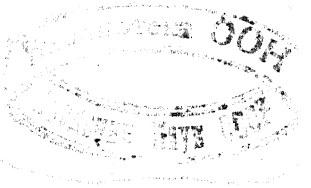
[827]) *Ibidem.*

[828]) *П.*, II, 226.

[829]) См. выше, въ главѣ седьмой, прим. 378-ое и ближ. слѣд.

[830]) Названный журналъ выходилъ тогда подъ редакціей Е. М. Ѳеоктистова. Соотвѣтствующія обязанности лежали на немъ въ 1871—83 гг. Позднѣе, въ 1883—96 гг., онъ былъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Въ 1896 г. Е. М. Ѳеоктистовъ былъ назначенъ сенаторомъ. Родился онъ въ 1829 г., а умеръ въ 1898 г.

вительно, если своимъ истощеннымъ видомъ онъ смущалъ въ эту пору какъ своего стараго знакомца — М. А. Малиновскаго, такъ и многихъ новыхъ знакомцевъ. Нѣкоторое понятіе объ его тогдашней наружности даетъ портретъ, приложенный къ первому тому собранія его сочиненій, [831]) а также портретъ при извѣстной книжкѣ В. Л. Величко, съ помѣткою: „послѣ защиты магистерской диссертаціи (1874 г.).“ Нельзя не пожалѣть кстати о томъ, что у насъ нѣтъ до сихъ поръ систематическаго подбора портретовъ Соловьева въ различные его возрасты, хотя всѣ знавшіе его лично признаютъ наружность его прямо-таки замѣчательной, и что даже тѣ фотографическіе снимки, которые опубликованы, не снабжены во многихъ случаяхъ точными датами... [832])



[831]) Здѣсь мы имѣемъ въ виду какъ первое, такъ и второе изданіе.

[832]) Помимо печатныхъ источниковъ, перечисленныхъ въ примѣчаніяхъ, мы пользовались при составленіи главы двѣнадцатой частными сообщеніями и справками П. С. Соловьевой, Е. В. Селевиной, Э. Д. Гримма, Ѳ. А. Брауна, Я. Н. Колубовскаго, С. С. Лукьянова и Н. К. Пиксанова.